

Белоруссия и Украина

*История
и культура*

Ежегодник
2004

НАУКА

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ**

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES**

Belorussia and. Ukraine

*History
and Culture*

Yearbook
2004

MOSCOW
NAUKA
2005

Белоруссия и Украина

*История
и культура*

Ежегодник
2004

МОСКВА
НАУКА
2005

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(4Бел+4Укр)
Б44

Издание основано в 2003 году

Главный редактор
член-корреспондент РАН Б.Н. ФЛОРЯ

Редколлегия:

В.К. ВОЛКОВ, Л.Е. ГОРИЗОНТОВ (заместитель главного редактора),
М.В. ДМИТРИЕВ, Н.Н. ЗАПОЛЬСКАЯ, Ю.А. ЛАБЫНЦЕВ,
С.С. ЛУКАШОВА (секретарь), Г.Ф. МАТВЕЕВ, О.А. ОСТАПЧУК,
Л.А. СОФРОНОВА, Д.Е. ФУРМАН

Рецензенты:

кандидат исторических наук Т.А. КРУГЛОВА,
кандидат исторических наук М.В. ЛЕСКИНЕН

Белоруссия и Украина : история и культура: ежегодник / Ин-т славяноведения. – М. : Наука, 2003–. –

2004 / гл. ред. Б.Н. Флоря. – 2005. – 423 с. – ISBN 5-02-010295-4
(в пер.).

Ежегодник включает тематический блок по проблемам вхождения Украины в состав Российской государства 350 лет назад. Широкое отражение на его страницах получили также белорусские и украинские сюжеты первой половины XX в., представленные материалами "круглого стола" и статьями исторического и филологического профиля. В ежегоднике публикуются источники, рецензии, научная информация. Наряду с работами авторов из различных регионов России в томе печатаются статьи иностранных исследователей.

Для специалистов и широкого круга читателей.

По сети "Академкнига"

ISBN 5-02-010295-4

© Коллектив авторов, 2005

© Российская академия наук, издательство "Наука", продолжающееся издание "Белоруссия и Украина. История и культура" (разработка, оформление), 2003 (год основания), 2005

К 350-ЛЕТИЮ ПЕРЕЯСЛАВСКОЙ РАДЫ

Б.Н. Флоря

ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ РАДА 1654 г. И ЕЕ МЕСТО В ИСТОРИИ УКРАИНЫ

При всех возможных разногласиях в оценке исследователи самых разных направлений, как представляется, согласятся с тем, что созданная Хмельницким в Переяславе казацкая рада, на которой 8 января 1654 г. было принято решение окончательно разорвать с Польско-Литовским государством и признать над собой верховную власть царя Алексея Михайловича, была событием, имевшим очень значительные исторические последствия. Очевидна большая роль этого события в исторических судьбах Восточной Европы. Переяславская рада 1654 г. стала, как стало ясно уже в исторической перспективе, переломным моментом в процессе многолетней борьбы Польско-Литовского государства с Россией за восточнославянские земли. Большое значение имело это событие в истории взаимоотношений не только между Россией и сформировавшимся в ходе Народно-освободительной войны украинским государством – Гетманством, но и между русским и украинским обществами. Очевидно, что эти взаимоотношения после Переяславской рады стали гораздо более тесными и многоплановыми, чем это было в прошлом. Наконец, очевидна и выдающаяся роль этого события в исторических судьбах украинского народа.

В рамках одной статьи невозможно рассмотреть весь круг этих проблем. Будет только предпринята попытка выяснить, какой материал может дать анализ норм взаимоотношений России и Гетманства после Переяславской рады для ответа на последний из перечисленных выше вопросов.

Следует констатировать, что даже по достаточно узкому и конкретному вопросу о том, каковы же были эти нормы, существует обширная историография, которая содержит весьма расхо-

дящиеся, если не полярные оценки. Историография эта столь обильна, что только ее анализу посвящен ряд специальных работ¹. Авторы этих работ приложили значительные усилия для систематизации выдвигавшихся в работах разных исследователей оценок и аргументов.

В свете проделанной работы четко обозначались две полярные оценки характера связей между Россией и Гетманством после Переяславской рады. Согласно одной, произошла инкорпорация Гетманства в состав Русского государства, согласно другой – был заключен обычный военно-политический союз. Сторонник второй из указанных точек зрения В. Липиньский утверждал, что соглашение Хмельницкого с Москвой в 1654 г. “было таким самым случайным союзом, обращенным против Польши и заключенным для освобождения Украины от Польши, какими были все его предшествующие такие же союзы с Крымом”². Точка зрения В. Липиньского получила признание в литературе сначала украинской диаспоры, а затем и в современной украинской литературе. Не случайно одной из современных работ по истории отношений русской государственной власти и Гетманства в XVII–XVIII вв. был дан заголовок “От союза до инкорпорации”³.

Не подлежит сомнению, что одним из главных результатов соглашения между Россией и Гетманством было их совместное военное выступление против Речи Посполитой и что в таком выступлении и верхи украинского общества, и все общество в целом были крайне заинтересованы. Однако принятие гипотезы о том, что отношения между Россией и Гетманством, начиная с 1654 г., представляли собой только военно-политический союз двух государств, приводит при знакомстве с источниками к появлению целого ряда вопросов. Так, заключение союза предполагает оформление союзных связей в виде двустороннего договора с определением общих целей сторон и взаимных обязательств. Никакой подобный документ после рады в Переяславе в ходе русско-украинских контактов не был составлен. С другой стороны, для заключения соглашения о союзе не было необходимости приводить население Гетманства к присяге на верность царю. Как известно, такую присягу принесли не только Хмельницкий и полковники на раде в Переяславе, но также казаки и “мещане” на территории разных полков⁴.

Характерно, что и сам В. Липиньский, выдвинув тезис, что союз с Россией ничем не отличался от союза с Крымом, в дальнейшем вынужден был сделать оговорку, определив русско-украинские отношения после Переяславской рады, как “военный союз против Польши и татар, обеспеченный формой протектората”⁵. Таким образом, и В. Липиньский признал, что после решений, принятых в Переяславе, установились какие-то отношения зави-

симости между Гетманством и носителем верховной власти в Русском государстве – царем Алексеем Михайловичем. Относительно характера такой зависимости в исторической литературе были высказаны самые разные точки зрения – от утверждения об инкорпорации Гетманства в состав Российского государства до утверждения, что эта зависимость была чисто номинальной.

Тезис об инкорпорации является правильным с формальной точки зрения. Именно потому, что Гетманство становилось частью Русского государства после принесения его жителями присяги на верность царю, Алексей Михайлович получал законное право выступить в их защиту против Речи Посполитой. В этом был международно-правовой смысл решений Земского собора 1653 г. и последовавших за этим шагов, включая решения Переяславской рады. Однако не вызывает сомнений (и с этим согласна подавляющая часть исследователей), что Гетманство и после Переяславской рады продолжало существовать, как особое политическое целое, и признание его формальной инкорпорации вовсе не дает решения вопроса о характере его отношений с Русским государством.

Что касается некоторых других точек зрения, то в украинской научной литературе было убедительно показано, что отношения между Россией и Украиной после 1654 г. невозможно рассматривать ни как личную, ни как реальную унию, и на этой стороне дела в настоящее время можно не останавливаться.

Из других возможных решений следует остановиться на проверке предположения, что оба государства связывали отношения вассалитета. Это предположение тем более заслуживает проверки, что в эпоху средневековья отношения неравноправных договаривающихся сторон часто приобретали такую форму.

Переходя к рассмотрению этого вопроса, следует с самого начала выразить несогласие с утверждением А. Яковлева, что в средневековом обществе не было какой-либо четкой разницы между разными типами отношений зависимости, имевших много самых разных вариантов⁶. В действительности средневековое общество тяготело к возможно более четкому разграничению разных типов зависимости, в том числе благодаря установлению целого ряда ясных формальных признаков.

Сказанное в особенности относится к вассальным отношениям, которые представляли один из важнейших видов общественных связей в средневековом обществе и обладали достаточно четкими формами, в частности и тогда, когда использовались в сфере межгосударственных отношений.

В сфере политического влияния Польского королевства в XIV–XVI вв. был целый ряд политических образований, главы которых были связаны с польским монархом вассальными узами.

Прежде всего речь должна идти о таких вассалах польского короля, как мазовецкие князья⁷. Связь сеньора и вассала устанавливалась принесением присяги, после чего следовало вручение сеньору знамени, которое тот возвращал вассалу, что означало символический акт передачи власти. Обряд завершался вручением сеньору письменного текста присяги⁸.

Сеньор обязан был взять вассала под свою защиту и оборонять его владения всеми возможными средствами⁹. Обязанностью вассала было хранить “верность” (*fidelitas*) сеньору и служить “советом и помощью” (*consilium et auxilium*). “Верность” заключалась в воздержании от каких-либо действий, которые могли нанести сузерену вред¹⁰. “Совет” означал право-обязанность вассала участвовать в работе королевского совета¹¹. “Помощь” означала обязанность военной помощи сеньору в случае войны. Для понимания характера вассальных отношений как именно личной связи важно, что вассал был обязан лично участвовать в походе, если его сеньор – король сам становился во главе войска¹².

Что касается внутренних дел, то в этом отношении мазовецкие князья пользовались полной свободой. Сеньор не давал пожалований на земли в мазовецких княжествах и не подтверждал пожалований мазовецких князей, не давал подданным князей никаких прав и привилегий. Все эти функции власти находились в руках князей, в их пользу шли и все собиравшиеся налоги¹³. Лишь сравнительно поздно накануне ликвидации последнего мазовецкого княжества появилось одно ограничение: в случае конфликтов между князем и его подданными мог создаваться для их разбора суд, состоявший из равного числа советников князя и короля¹⁴.

Аналогичные черты обнаруживаются при обращении к свидетельствам об отношениях польских королей с другими своими вассалами – молдавскими господарями. И здесь связь устанавливалась путем принесения господарем присяги польскому королю. Применявшийся при этом церемониал не отличался от того, который использовался при контактах с мазовецкими князьями¹⁵. Письменные присяги молдавских господарей также содержали обязательства “верне служити”, “добра рада радити”, “посполу стати protи их неприятелем”¹⁶. Особенность отношений в данном случае состояла в том, что молдавские бояре также приносили особую присягу сеньору, обязуясь не поддерживать своего правителя, если он нарушит клятву верности¹⁷. Во внутреннюю жизнь Молдавского княжества польский король не вмешивался, и господарь обладал в этой сфере всей полнотой власти.

Собранные данные о вассальных отношениях как форме межгосударственных связей позволяют сделать одно важное на-

блюдение. Установление вассальных уз имело результатом лишь общее обязательство вассала своими действиями не наносить вреда сюзерену, но не вносило каких-либо ограничений в его конкретную внешнеполитическую деятельность. Ярким примером здесь может служить очень многосторонняя дипломатическая активность вассала польского короля первого прусского герцога Альбрехта Гогенцоллерна. Поэтому представляется ошибочной точка зрения тех исследователей, которые видят в самостоятельной дипломатии правителя свидетельство суверенного характера того государства, во главе которого этот правитель находится¹⁸.

Рассмотрение материалов, отразивших процесс оформления взаимоотношений между Русским государством и Гетманством после Переяславской рады, позволяет выявить лишь один факт, который мог бы свидетельствовать об установлении вассальных связей между царем Алексеем Михайловичем и гетманом Богданом Хмельницким. Это – передача послом царя В.В. Бутурлиным гетману в Переяславе знамени и булавы, при этом в речи посла булава явно была охарактеризована как атрибут власти гетмана над Запорожским войском¹⁹.

В иных аспектах сходства не обнаруживается. О том, что отношения России и Гетманства основывались на акте присяги Богдана Хмельницкого царю, оформлявшим связь между ними, как сюзереном и вассалом, и содержавшим его обязательства в адрес сюзерена нет никаких оснований говорить. Вопрос о составлении такого документа даже не обсуждался, а контакты между Русским государством и Гетманством регулировались документами совсем иного типа. Стоит также отметить, что установление вассальных отношений определялось персональной присягой вассала сюзерену, которая приносилась, как правило, при личной встрече одного и другого, в торжественной обстановке и этим актом обычно установление вассальной связи исчерпывалось. Между тем из подробного описания событий в Переяславе в статейном списке посольства В.В. Бутурлина видно, что, хотя гетман приносил присягу первым, вместе с ним присягали полковники по одной и той же формуле – “по чиновной книге”, привезенной из Москвы²⁰.

Все это позволяет утверждать, что отношения между Россией и Гетманством после решений, принятых на Переяславской раде, невозможно характеризовать как вассальные²¹.

Более точно определить характер этих отношений можно, обратившись к материалам переговоров на Переяславской раде и после нее, и к анализу того комплекса документов, который появился в результате первых русско-украинских контактов. В центре внимания на переговорах, естественно, находился вопрос о

том, на каких условиях Гетманство подчиняется власти царя. Ряд таких условий был, как известно, представлен царю в письменном виде, и с некоторыми изменениями они получили его одобрение. Таким образом, очевидно, что документы, составленные в 1654 г. в Москве, были результатом договоренности между двумя сторонами и их можно рассматривать как письменную фиксацию соглашения между Россией и Гетманством. Однако необходимо отметить, что сделано это было не в форме договора, устанавливавшего права и обязанности сторон и возможные санкции в случае их нарушения. Главный документ, определявший характер отношений между Россией и Гетманством – так называемые “Статьи Богдана Хмельницкого”²², представлял собой запись украинских предложений с ответами царя на них (“которое его царского величества изволенье”). Таким образом, документ носил характер не договора или соглашения, а акта пожалования царя своим новым подданным. Такой же вид имела и серия жалованных грамот царя, появление которых стало итогом русско-украинских переговоров.

Разумеется, это – только форма, но в средневековом обществе форма имела свое значение. Она показывает, что украинская сторона: “Богдан Хмельницкий, гетман Войска Запорожского и все Войско Запорожское и весь мир христианский российский”, – рассматривалась в ходе переговоров, как “его царского величества подданные”²³. Но, конечно, следует признать, что большее значение имеет не форма, а содержание документов. С этой точки зрения представляется принципиально важным (на эту сторону дела, как увидим далее, обращал особое внимание М.С. Грушевский), что принятые установления не только касались характера взаимоотношений между Гетманством и Россией (о содержании этих установлений речь пойдет ниже), но и затрагивали целый ряд вопросов внутренней жизни Гетманства, которым правящая верхушка Гетманства уделила первостепенное внимание уже во время переговоров с В.В. Бутурлиным в Переяславе.

Из инструкции Б. Хмельницкого его послам в Москве видно, что в Переяславе казацкая старшина добилась от царского посла обещания “словом царского величества” население Гетманства “при вольностях наших стародавних сохранити”²⁴. Конкретное содержание этой формулы можно раскрыть, обращаясь к записи переговоров с В.В. Бутурлиным. В записи воспроизводятся слова гетмана: “в Запорожском, де, Войске, кто в каком чину был по ся места, и ныне бы государь пожаловал, велел быть по тому, чтоб шляхтич был шляхтичем, а казак казаком, а мещанин – мещанином, а казаком бы, де, судитца у полковников и у сотников”²⁵. Таким образом, урегулирование отношений между Россией и Гет-

манством, с точки зрения самой казацкой верхушки, должно было сопровождаться подтверждением традиционного социального статуса тех сословий, на которые делилось украинское общество. При этом понятно, что особое место уделялось санкции со стороны царя “прав” казаков, как господствующей социальной группы этого общества.

И грамоты, посланные Богданом Хмельницким царю в феврале–марте 1654 г., и текст упомянутого выше письма послам²⁶ свидетельствуют о том, что подтверждение этих “прав” со стороны царя было главной задачей направленного в Москву посольства. Особо следует отметить, что гетман в одной из своих грамот просил “утвердить и своими грамотами господарскими укрепить на век” не только “права... и всякие свободы”, но “и державы добр духовных и мирских людей”, т.е. речь шла о санкции со стороны царской власти не только сословных прав, но и отношений собственности в украинском обществе. Решение ряда таких вопросов вошло и в текст главного документа, появившегося в ходе переговоров – “Статей Богдана Хмельницкого”. Так, согласно “Статьям”, царь устанавливал размер жалованья для писарей, судей, хорунжих и гетманского “бунчужного” (ст. 2), разрешал судьям, полковникам и есаулам иметь “по мельнице для прокормленья” (ст. 3). Царь же определял число лиц, которые могли пользоваться казацкими правами – 60 тыс. Текст “Статей” завершался предписанием царя гетману, “чтоб он велел казаков разобрать вскоре и список им учинил”. Список этот должен был быть прислан в Москву²⁷.

Во исполнение пожеланий украинской стороны в Москве был составлен также ряд “жалованных грамот” царя, фиксирующих сословные права разных слоев украинского общества. Главным из этих документов была жалованная грамота Войску Запорожскому 27 марта 1654 г., в которой за казачеством, как особым сословием украинского общества, подтверждались право казаков, чтобы их судили их собственные “войсковые” суды, и их право на наследственное обладание землями, находившимися у них во владении²⁸. Одновременно с этой грамотой была выдана жалованная грамота православной шляхте на территории Гетманства, которая принесла присягу царю. В этой грамоте в общей форме подтверждались “права” и “вольности” шляхты с конкретными уточнениями, что она имеет право выбирать “земских” и “градских” судей, которые только и могут судить шляхтичей по их особому праву и что царская власть подтверждает их право на владение землями²⁹. Украинское духовенство также получило от царя ряд грамот митрополичьей кафедре и отдельным монастырям, в которых подтверждались их права на их земельные владения, а также право суда над подданными и слуга-

ми и право суда в “духовных справах”³⁰. Что касается еще одного сословия украинского общества, “мещанства”, то оно в отличие от “шляхты” и казачества не получило общей жалованной грамоты. Такие грамоты выдавались из царской канцелярии отдельным городам по их просьбе. Наиболее ранняя из них, грамота г. Переяславу от 4 марта 1654 г.³¹, была дарована представителям “купецких людей”, как они названы в грамоте, еще до того как были составлены “Статьи Богдана Хмельницкого” и жалованная грамота Войску Запорожскому. Посольство Киева прибыло в мае 1654 г., и царь особыми грамотами не только подтвердил права мещан и ремесленников, но и утвердил в должности избранного горожанами войта³².

При этом важно отметить, что, хотя в своей грамоте, адресованной царю, Богдан Хмельницкий ставил вопрос о необходимости пожаловать “весь мир христианский росийский духовных и мирских людей во всяком чину сущих”³³, но на практике послы ограничили свою миссию хлопотами о получении жалованных грамот для Войска Запорожского и шляхты, а представители мещан (Переяслава, Киева) и духовенства снаряжали для получения соответствующих документов самостоятельные посольства³⁴, которые, правда, везли с собой письменные ходатайства гетмана о подтверждении их прав³⁵.

Роли и значения всех этих жалованных грамот для социальных отношений украинского общества не следует, конечно, преувеличивать. Как видно из самого их содержания, они не вносили в жизнь украинского общества ничего нового, подтверждая те права и владения, которыми те или иные социальные слои пользовались ранее. Однако принципиально важен сам факт их появления. Во-первых, существенно то, что и власти Гетманства, и его население признали необходимым после принесения присяги на верность царю получить от него санкцию на пользование этими правами. Мы имеем данные, что само украинское общество относилось к выдаче таких грамот вовсе не как к простой формальности. Так, известно, что мещане Переяслава в своем прошении о выдаче жалованной грамоты писали царю: “А как твои царского величества привилеи получим, им ся защищати и более панов иметь не будем, толко твоему царскому величеству кланятися и тебе единому повиноватися будем”³⁶. Стоит отметить и существование в украинском обществе такой точки зрения, что нормы, зафиксированные в жалованных грамотах, соблюдаются благодаря авторитету стоящей за ними царской власти. Так, послы Запорожья говорили в Москве в начале 1658 г., что “как, де, по милости царского величества даны жалованные грамоты на прежние привилея киевским и переяславским мещанам, и они, де, ныне живут

в благоденствии и от полковников никаких налог не ведают”³⁷. Во-вторых, благодаря выдаче такого рода нормативных актов царская власть становилась гарантом сохранения этих прав и, следовательно, оказывалась и в роли арбитра в случае возможных споров между отдельными сословными группами относительно объема своих и чужих прав. Такое положение, в свою очередь, побуждало отдельные сословные группы обращаться в Москву с просьбами об утверждении и расширении прав своей сословной группы за счет другой.

Тенденции в этом направлении обозначились уже в ходе первых русско-украинских контактов. Так, на переговорах с боярами послы гетмана С. Зарудный и П. Тетеря, отстаивая интересы казачества, добивались, чтобы Алексей Михайлович признал только за казаками право ходить “на промыслы для рыбные и звериные ловли на Низ”, “а мещаном в те промыслы ходить не велел”³⁸. Со своей стороны, мещане Переяслава жаловались на то, что “каков не приехав старший (имелось в виду явно лицо, обладавшее каким-либо чином в казацком войске. – Б.Ф.) или от какого старшего высланыи... розныя вымыслы чинит и много кормов вынужают и иныя многия тяготы накладают, также подводами нас нестерпимо мучат”³⁹. В ответ на прошение царь дал мещанам Переяслава жалованную грамоту с точным перечнем лиц, которые имели право на корм и подводы⁴⁰. Так царская власть стала уже и практически выступать в роли арбитра.

Наряду с подтверждением прав отдельных “чинов” украинского общества в грамотах гетмана (о чем уже говорилось) и в обращении его послов был поднят вопрос о подтверждении царской властью прав собственности в украинском обществе. Послы ходатайствовали о том, “чтоб государь пожаловал, велел дать свои государевы жалованные грамоты в Войско Запорожское на монастырские и на церковные и на шляхетцкие и на казацкие маestности на харатье, за своею государевою большою печатью”⁴¹. Хотя мещане в этом перечне не упоминаются, в дальнейшем в ходе русско-украинских контактов был поднят вопрос о закреплении владений за представителями и этой сословной группы.

Эта санкция для сложившихся отношений собственности оформлялась по-разному. Войско Запорожское (казачество) и шляхта получили общую санкцию в виде жалованных грамот, выданных этим сословным группам⁴². Что касается духовенства, то подтверждение прав на землю было сделано в виде отдельных жалованных грамот, выданных митрополичьей кафедре и монастырям⁴³. Эти пожалования также фиксировали традиционное положение вещей, не создавая чего-либо нового, но само предоставление таких грамот делало царскую власть своего рода гарантом

того, что эта собственность останется в руках ее владельцев. Важно отметить, что уже в ходе первых русско-украинских контактов за царем было признано право не только санкционировать существующие отношения собственности, но и изменять их. Так, сам глава Войска Запорожского гетман Богдан Хмельницкий просил царя не только о подтверждении прав на земли, полученные от короля Яна Казимира, но и о пожаловании ему и его потомкам г. Гадяча “со всеми угодьями”⁴⁴. Примеру гетмана следовали его послы. Судья С. Богданов ходатайствовал о пожаловании ему местечка Имлеева, а полковник П. Тетеря – местечка Смелой⁴⁵.

Признание за царем права утверждать и изменять отношения собственности в украинском обществе также вело к тому, что представители разных сословных групп, чье имущество понесло ущерб в годы освободительной войны, стали добиваться от царя либо восстановления прежнего положения, либо предоставления компенсации.

Так, мещане Киева ходатайствовали о возврате земель, некогда отобранных у города католическими духовными лицами и шляхтой, которыми ныне “владеют казаки”, а также мельницы, которой “владеет ныне киевской полковник”⁴⁶. Феодосий Сафонович, игумен Братского монастыря в Киеве, просил царя передать монастырю бывшее имение Адама Киселя Мену и владения шляхтича Воронича во Ржищеве⁴⁷, а игумен Николо-Пустынского монастыря Иннокентий Гизель молил царя послать свою грамоту гетману, “дабы он... имения святой обители отдал”⁴⁸. Сам митрополит С. Косов, хотя первоначально не хотел приводить своих слуг к присяге на верность царю, упрашивал Алексея Михайловича, чтобы “те маетности, которые безуправне розные люди у церквей Божиих поотнимали, чтобы приврачены были”⁴⁹. Документы, сохранившиеся в составе дела о приезде киевского посольства, показывают, что царская власть была намерена использовать приобретенные за ней полномочия на практике. Киевским воеводам было приказано выяснить, насколько основательны претензии киевских мещан, и о результатах розыска сообщить в Москву⁵⁰.

В заключение следует остановиться на анализе тесно связанных между собой установлений об управлении территорией гетманства, сборе налогов и военной службе Войска Запорожского. Относительно последнего уже в первой версии казацких предложений предусматривалось, что оно будет находиться под управлением своих выборных старшин (начиная с гетмана), которые будут судить казаков “своим правом”. Размер этого войска должен был составлять 60 тыс. человек. Все эти предложения вошли затем в состав жалованной грамоты Войску Запорожскому⁵¹. Вой-

ско, принесшее присягу царю, должно было нести по его приказу военную службу. В первой версии казацких предложений предусматривалось, что за это войску должно выплачиваться жалование, “как они где будут на государеве службе по государеву изволению, а не для своей обороны, и отведены где будут в чюжие край”⁵². Что касается остального населения, не вошедшего в состав Войска Запорожского, то в первой версии казацких предложений, оглашенной 13 марта, за царем признавалось право назначать людей для управления ими и собирать с них налоги. Правда, казацкие послы давали понять, что казацкая верхушка не хотела бы видеть воевод в украинских городах кроме Киева и Чернигова, но при этом само право царя присыпать воевод для управления не-казацким населением признавалось. Послы ходатайствовали о том, чтобы царские воеводы назначались из числа местных жителей⁵³. Царское правительство пошло навстречу этим предложениям, согласившись на то, чтобы управление находилось в руках традиционных городских властей — войтов, бурмистров и магistratov, как это было и зафиксировано в “Статьях Богдана Хмельницкого”⁵⁴. Важно, однако, *принципиальное признание за царем такого права*.

Точно так же принципиально признавалось право царя на сбор налогов с не-казацкого населения, тем более что в Речи Посполитой жалование войску выплачивалось именно из этих доходов. Вопросу об организации его в предложениях украинской стороны былоделено особое внимание. Послы гетмана добивались того, чтобы сборщики налогов назначались из числа местных жителей и одновременно давали понять, что было бы лучше, чтобы сбор налогов был передан в руки администрации гетмана, а он “учнет присыпать к государю казну на всякой год”. Предлагалось и то, чтобы размер этой дани определялся какой-то точно фиксированной суммой. Для установления возможных размеров такой суммы царь должен был присыпать на территорию Гетманства своих представителей, чтобы “переписать... доходы и в смету положити”⁵⁵. Выдвижение украинской стороной всех этих вариантов говорит о том, что речь шла на переговорах о вполне реальной проблеме и о большой заинтересованности правящей элиты Гетманства в ее конкретном решении.

Достигнутая в ходе переговоров договоренность была закреплена в “Статьях Богдана Хмельницкого” в следующей форме: “быти б урядником в городех войтам, бурмистром, райцам, лавником и доходы всякие денежные и хлебные збирать на царское величество и отдавать в его государеву казну тем людем, которых царское величество пришлет”⁵⁶. Эта же тема затрагивалась и в заключительной части “Статей”, в связи с вопросом о выплате жа-

лованья Войску Запорожскому. Здесь разъяснялось, что решение этого вопроса откладывается, так как “в Малой России в городах и местах каких доходов и про то царскому величеству неведомо”. Поэтому он “посыпает доходы описать дворян”⁵⁷. Как видим, в “Статьях” признавалось не только право царской власти собирать доходы на территории Гетманства, но и ее право провести описание на территории Войска Запорожского, чтобы определить размеры этих доходов.

При установлении подобной договоренности между сторонами не вызывает удивления, что прибывшие в Москву в конце весны 1654 г. киевские мещане ходатайствовали у царя об освобождении города на 20 лет от налогов. Освобождение было дано, хотя и на меньший, десятилетний, срок, но при этом мещанам было предписано “давати... по 3000 золотых в государеву казну, которые наперед сего давались воеводе”⁵⁸ (имелся в виду киевский воевода короля Яна Казимира Адам Кисель). В Москве предпринимали шаги для практической реализации достигнутых договоренностей. 29 мая 1654 г. датирован наказ М.С. Подыженскому, который должен был выехать на Украину для “переписи в черкасских городах и местех всяких угодей по ту сторону Днепра”⁵⁹.

Рассмотрение всего комплекса норм, определявших характер отношений между Русским государством и Гетманством и нашедших отражение в целом ряде документов, которые условно можно назвать “Переяславским соглашением”, позволяет прийти к некоторым важным выводам.

В свое время В. Липинский, полемизируя с “Переяславской легендой”, утверждал, что между Россией и Гетманством просто был заключен военный союз “для освобождения Украины от Польши”. Царь должен был оказывать Украине военную помощь против Польши, а за эту помошь должен был получать от Украины ежегодную денежную дань⁶⁰. Так как дань, как увидим далее, реально не уплачивалась, то нетрудно было, исходя из такой характеристики, сделать вывод, что зависимость Гетманства от царя была “номинальной”. Такой вывод некоторыми последующими исследователями и был сделан, и такая характеристика русско-украинских отношений после Переяславской рады получила определенное признание в украинской исторической литературе⁶¹.

Между тем утверждения В. Липинского совершенно не подтверждаются при обращении к источникам. В действительности в материалах русско-украинских переговоров вопрос о заключении военного союза, выработке его условий, определении целей войны просто отсутствовал. Конечно, обе стороны имели в виду, что после решений, принятых в Переяславе, начнется война России и

Гетманства против Речи Посполитой, но это связывалось не с заключением какого-то соглашения о союзе, а с тем, что после присяги на верность царю жители Гетманства стали его подданными, что налагало на него обязанность их “от всех неприятелей боронити”⁶², а также с тем, что, принеся присягу, Войско Запорожское, о чем уже говорилось выше, обязывалось “служить” царю и ходить в походы по его приказу. Соглашение о союзе В. Липинский хотел видеть в тех пунктах “Статей Богдана Хмельницкого”, которые представляли собой положительные ответы царя на просьбы послов гетмана “рать свою вскоре прямо к Смоленску послать” и держать русские войска “по рубежу от ляхов для всякого безстрашия”⁶³. Перед нами, однако, лишь свидетельство редакционного несовершенства документа, в который наряду с нормами, определяющими общий порядок отношений между Русским государством и Гетманством, вошли и решения, касающиеся отдельных конкретных вопросов русско-украинского военного сотрудничества. Все это никак не отменяет того вывода, что содержанием русско-украинских переговоров вовсе не был вопрос о заключении военного союза.

Что касается вопроса о выплате дани, обращение к материалам переговоров показывает, что право царя на сбор налогов на территории Гетманства вовсе не мотивировалось тем, что царь оказывает Гетманству военную помощь против Речи Посполитой, а основывалось на том, что таким правом пользовался исторический предшественник царя – польский король, который из этих доходов выплачивал жалованье Запорожскому войску.

Но самое главное – анализ материалов переговоров позволил выявить признание по Переяславским договоренностям за царем целого ряда различных “прав” по отношению к населению Гетманства, и они отнюдь не ограничивались уплатой дани.

Поскольку тезис о “номинальном” характере зависимости Гетманства от России явно оказывается несостоятельным, то возникает необходимость попытаться определить характер этой зависимости. Выше уже приводился ряд доводов в пользу того, что взаимоотношения Русского государства и Гетманства не соответствуют нормам вассальных связей, применявшимся в межгосударственных отношениях. Анализ материалов переговоров принес новые доказательства правильности этого тезиса. Как бы ни была велика степень подчиненности вассала верховной власти сюзерена в сфере отношений с другими государствами и с государством сюзерена (на практике в общие нормы вассальных отношений могло вкладываться существенно разное конкретное содержание), вассал, как правило, сохранял за собою полную самостоятельность в своих внутренних делах, сюзерен мог вмешаться

лишь в случае серьезных конфликтов между вассалом и его подданными.

Трудно согласиться с В.А. Смолилем, что в правовом плане отношения России и Гетманства после Переяславской рады имели характер “номінального васалітету”⁶⁴. Как было показано выше, устанавливавшиеся между Россией и Гетманством в соответствии с Переяславскими договоренностями формы связей далеко выходили за рамки того, что имело место при установлении не “номинальных”, а вполне реальных вассальных уз. Как бы ни определять характер зависимости Гетманства от России в правовом плане, очевидно, что она была более тесной, чем в случае установления вассальных отношений.

Нельзя согласиться и с другим положением исследователя, что договор зафиксировал “пожиттєву владу в Україні гетмана як її единственного і повноправного володаря”⁶⁵. Правда, в жалованной грамоте Войску Запорожскому говорилось о возможности выбора казаками гетмана лишь после смерти его предшественника⁶⁶, что может указывать действительно на пожизненный срок правления гетмана, но Переяславские договоренности не делали гетмана “единственным и полноправным правителем”. Выше него стоял царь, который определял своими решениями объем сословных прав и казачества, и других сословных групп украинского общества, и характер отношений собственности в этом обществе, а также обладал правом присыпать (или назначать) людей для управления не-казацким населением и облагать его налогами в свою пользу. Войско Запорожское во главе с гетманом должно было “служить” царю и ходить в походы по его приказу. Все эти факты не позволяют согласиться с положением В.А. Смоля и В.С. Степанкова, что соглашение служило “правовим вознанням РОСІЕЮ внутрішньополітичної суверенності Української держави”⁶⁷. Следует отметить, что все эти прерогативы были предоставлены царю отнюдь не в результате давления с русской стороны на послов гетмана, что ясно показывает сопоставление первой версии предложений послов с текстом “Статей Богдана Хмельницкого”. При этом послы вовсе не были пассивными. Как видно из приведенных выше фактов, они настойчиво добивались того, чтобы лица, с помощью которых царь намерен управлять, происходили из числа местных жителей и чтобы сбор налогов в царскую казну производился администрацией гетмана, но уже первая версия их предложения включала признание всех тех прерогатив царской власти, о которых говорилось выше.

М.С. Грушевский, уделивший особое внимание изучению позиции украинской стороны во время русско-украинских переговоров, тщательно проанализировав весь комплект известных фак-

тов, пришел к ряду важных заключений о характере политического мышления той правящей верхушки Гетманства, которая и участвовала с украинской стороны в выработке Переяславских договоренностей. Хотя в огне освободительной войны фактически возникло особое, ранее не существовавшее государство, и были созданы органы власти во главе с гетманом, действие которых распространялось на все украинское общество, сознание политической элиты, стоявшей во главе такого государства, отставало от этих сдвигов. Как показал М.С. Грушевский, уже во время переговоров с В.В. Бутурлиным в Переяславле это стало очевидно. Казацкая старшина на этих переговорах то выступала от имени всего населения Гетманства, представляя его интересы перед лицом царской власти, то воспринимала себя лишь как верхушку “Войска Запорожского”, “служилой” военной организации, охватывавшей лишь часть населения этого организма, в то время как другие его части могли и должны были самостоятельно регулировать свои отношения с новым сузереном.

“Бачимо, – писал М.С. Грушевский, – що старшина безпомічно і безвладно плутається між свідомістю свого фактичного державного керівництва, виготовленого революційною практикою останніх літ ... і юридичним станом речей і колишньою предреволюційною конституцією Річипосполитої”⁶⁸. В сознании казацкой верхушки новые понятия, таким образом, смешивались с прежними представлениями о украинском обществе, как части более обширного политического целого, в котором Войско Запорожское было лишь привилегированной сословной группой, получавшей свои права и привилегии, как и другие слои общества от некой более высокой центральной власти. Отметив, что казацкая старшина, несомненно, уже осознавала, воспринимала себя как силу, стоящую во главе особого государства – “державы”, М.С. Грушевский все же констатировал, изучая записи переговоров в Переяславе, что “в свідомості правлящої верстви ся державність, видно, ще не глибоко сиділа”.

К аналогичным выводам пришел исследователь, изучая текст направленных русскому правительству предложений. В некоторых их пунктах исследователь обнаружил проявление стремлений к тому, чтобы “зробити з України замкнене державне тіло, васальну державу під протекторатом московського царя, закриту для всяких вмішань московського уряду та його агентів до внутрішніх українських справ”, но ясного и последовательного выражения эта тенденция в выработанных предложениях не получила⁶⁹.

При оценке результатов переговоров в тексте М.С. Грушевского больше таких развернутых оценок не обнаруживается. Од-

нако следует отметить, что по мнению исследователя, выдача царем жалованных грамот отдельным украинским сословным группам была “для української державности ударом в наслідках необчислимым”⁷⁰. “Тяжкий удар ідеї нової української державности”⁷¹ наносило и установление непосредственных контактов между царской властью и городами, но и то и другое произошло по инициативе и в результате ходатайств украинской стороны. Все это вело к общему заключительному выводу, что на переговорах казацкая верхушка не предложила “виразної правнодержавної формули взаємовідносин”⁷², очевидно потому, что такая формула не была выработана в ее собственном сознании. Еще более резко высказывался М.С. Грушевский, завершая свое повествование о времени Хмельницкого. О политике казацкой верхушки при заключении соглашений с Россией он писал: “Ніякого сліду послідовного переведення української державної ідеї, повне свідоцтво її убожства”. И далее: “помилки, помилки без числа – нічим не вимушенні, котрі можуть бути витолковані тільки повною байдужістю до державних аспірацій Козаччини”⁷³. Такие характеристики представляются чрезмерно резкими и в определенном отношении не вполне логичными. Если, по мнению самого исследователя, в сознании верхов казачества отсутствовало четкое представление об Украине, как об особом, независимом государстве, то как они могли следовать такому представлению в своей практической деятельности? Но их появление в устах крупнейшего исследователя судеб украинского общества и государственности не было случайным. Он остро ощущал несоответствие взглядов и действий казачества идеалу, существовавшему в его сознании. На эти горькие слова следовало бы обратить внимание тем исследователям, которые полагают, что Переяславские договоренности устанавливали лишь “формальную” зависимость Гетманства от России, ничем не ограничивая его суверенитета.

Замечания М.С. Грушевского о том, что на русско-украинских переговорах украинская сторона колебалась между представлением о Гетманстве, как особом государстве, и “до-революционной конституцией Речи Посполитой”, также отнюдь не были случайными. Обращение к материалам переговоров показывает, что украинская сторона предлагала строить свои отношения с Россией на основе соглашений и других актов, регулировавших ранее связи украинского общества с Речью Посполитой. Так, в грамоте, отправленной Богданом Хмельницким в Москву с его послами С. Богдановым и П. Тетерей, содержалась просьба подтвердить “права, уставы, привилея и всякие свободы... елико кто имяше от веков от князей и панов благочестивых и от королей польских”⁷⁴. Так как в то время, когда формировалось Войско За-

порожское никаких древнерусских князей уже не было, реально речь могла идти лишь о “привилеях” польских королей. В качестве таких “привилеев” послами гетмана были представлены “привилеи” короля Яна Казимира Войску Запорожскому, выданные под Зборовом в августе 1650 г., и текст Зборовского соглашения, одобренный сеймом в январе 1650 г.⁷⁵ Мещане Переяслава, а затем Киева, добиваясь признания своих прав на городское самоуправление и устройство цехов, также представляли “привилеи” польских королей и гетман ходатайствовал об их подтверждении⁷⁶. О подтверждении прежних пожалований польских королей просила и делегация украинского духовенства⁷⁷. Таким образом, и украинское общество, и власти Гетманства не связывали с будущими соглашениями с Россией представления о качественных изменениях в положении отдельных сословных групп или Гетманства в целом, отношения с Россией должны были основываться на нормах, выработанных в ходе взаимодействия украинского общества с Речью Посполитой, с тем лишь различием, что место сюзерена взамен польского короля занимал русский царь. В качестве возможного образца послы гетмана указывали на условия Зборовского соглашения. Все это дает дополнительный материал для решения вопроса о характере взаимоотношений России и Гетманства после Переяславской рады в представлении украинской стороны. В составе России Гетманство должно было быть таким же автономным политическим образованием, каким оно было в составе Речи Посполитой.

Однако речь не шла о механическом следовании условиям Зборовского договора. Украинская сторона на переговорах с царем и его советниками исходила из того, что зафиксированные там нормы могут быть изменены в соответствии с ее пожеланиями. Не случайно в грамоте царю Богдан Хмельницкий упоминал об обещании его посла, В.В. Бутурлина, что “большими вас... свободами ... пожалует его царское величество паче королей польских”⁷⁸. Сопоставление комплекса Переяславских договоренностей с текстами Зборовских соглашений позволяет выяснить, в каком направлении этот пересмотр происходил и тем самым дать данные для ответа на вопрос, чем положение Гетманства под властью царя должно было отличаться от его положения в составе Речи Посполитой. Тем самым в известной мере удалось бы выяснить значение Переяславских договоренностей для исторических судеб украинского народа.

Сопоставление “Статей Богдана Хмельницкого” и жалованной грамоты Войску Запорожскому со Зборовскими соглашениями производилось неоднократно и выявило целый ряд общих совпадений. Так, в обоих случаях подтверждалось право казаков на

самоуправление и на те земли, которые находились в их владении. В обоих указывалось, что пользующееся этими правами казацкое войско должно иметь определенный размер и те, кто не вошел в его состав, не может пользоваться казацкими правами (численность “реестрового” войска по Зборовскому соглашению должна была составлять 40 тыс. человек; по Переяславским договоренностям – 60 тыс.).

Вместе с тем в Зборовском соглашении фигурируют “королевские земли” и шляхетские владения, жители которых могут записываться в реестр. Здесь же указывалось, что те, кто не войдет в “реестр”, в королевских владениях обязаны повиноваться администрации замков, а в шляхетских – своим “панам”. Особой статьей “панам” запрещалось мстить подданным за участие в восстании. Эти указания не оставляют сомнения, что одним из условий соглашения было возвращение магнатам и шляхте их прежних владений. Специальная статья предусматривала сохранение на территории Гетманства католических церковных учреждений (только иезуитам запрещалось находиться в Киеве и в “иных городах украинных”).

Одновременно должны были возобновить свое действие традиционные органы местного управления, в сфере деятельности которых обязано находиться население, не вошедшее в состав реестра. Было внесено лишь уточнение, что “уряды” на территории Гетманства должны занимать лишь православная шляхта. Возвращение большей части земельного фонда в руки шляхты, магнатов и католической церкви и восстановление юрисдикции традиционных властей над основной массой населения, не вошедшего в состав казацкого войска, сделали бы автономию Гетманства в составе Речи Посполитой иллюзорной. Если этого не произошло, то потому, что в конечном итоге украинская сторона не стала соблюдать соответствующих условий Зборовского соглашения.

По понятным причинам Переяславские договоренности не предусматривали возвращения прежней собственности ни магнатам и шляхте, гражданам Речи Посполитой, ни католической церкви. В этих условиях установления о правах казаков и мещан на земли, находящиеся в их владении, приобретали совсем иной смысл, чем в рамках Зборовского соглашения. О жалованных грамотах, подтверждавших “права” различных сословных групп украинского общества и санкционировавших сложившиеся отношения собственности, уже была речь при обсуждении вопроса о характере отношений России и Гетманства после Переяславской рады. Теперь следует обратить внимание на другую сторону дела. Все эти акты, конкретное содержание которых уже излагалось выше, означали, что новая верховная власть, которой подчиня-

лось Гетманство, входя в состав иного политического целого, одобряет, санкционирует своим авторитетом перемены, произошедшие за годы народно-освободительной войны, берет это общество и созданные им институты под свою защиту, что резко уменьшало опасность реставрации прежних порядков. Следует согласиться с украинскими исследователями В.А. Смолием и В.С. Степанковым, когда они обращают особое внимание на эту сторону Переяславских договоренностей. Они совершенно правы, подчеркивая, что эти соглашения предусматривали “цілковите збереження за Україною вітворених форми правління і устрою, інституцій політичної влади... суду і судочинства, армії (в 60 тис. реестрових козаків), фінансової системи... нової моделі соціально-економічних відносин”⁷⁹.

Очевидно большое значение, которое имела такая правовая санкция перемен, произошедших в годы народно-освободительной войны, для украинского общества. Вместе с тем ясно, что в средневековом обществе само становление определенных институтов и отношений в ходе восстания подданных против своего монарха еще не делало их полностью законными в общественном сознании. Это в полной мере могла сделать лишь санкция новой верховной власти, пришедшей на смену прежней. Отсюда заинтересованность общества в получении соответствующих правовых актов.

Правда, при этом цели разных социальных сил могли расходиться. Подчинение Украины верховной власти царя сопровождалось попыткой православной шляхты, вошедшей в состав Войска Запорожского, вернуть себе то прежнее положение господствующей социальной группы в обществе, которое она занимала до начала народно-освободительной войны. Уже во время переговоров в Переяславе к В.В. Бутурлину обратились шляхтичи с просьбой, чтобы “шляхта была меж казаков знатна... и приносили на писме имена свои, воеводства и уряды себе росписали”⁸⁰. Таким образом, речь шла не только о подтверждении особого словесного статуса шляхты, но и о восстановлении традиционных органов управления, должностей, занятие которых было прерогативой шляхты. Во время переговоров в Москве послы гетмана выхлопотали у царя жалованную грамоту шляхте, которой не только в общей форме подтверждалась ее “вольности”, но и санкционировалось восстановление земских и гродских судов, в которых шляхту судили бы выбранные ею судьи⁸¹. Этот документ, как представляется, бросает достаточно яркий свет на отношение влиятельной группы в рядах казацкой верхушки к переменам в годы народно-освободительной войны. Однако эта группировка, решительно отделенная после решений Переяславской рады от

дворянского сословия Речи Посполитой, лишенная его поддержки оказалась неспособной достичь своей цели.

Следует отметить еще один аспект этой стороны взаимоотношений России и Украины, на который исследователи не обращают внимания. В Москве сохранилась четкая память о том, что Северская земля с Новгород-Северским и Черниговым в сравнительно недавнем прошлом была частью Русского государства, оторванной от него по Деулинскому перемирию 1618 г.⁸² Среди служилых людей южных уездов имелось немалое число лиц, чьи предки или они сами утратили поместья на землях, перешедших к Речи Посполитой; однако русское правительство не поднимало вопроса о возвращении бывших владений русским помещикам. Сильная государственная власть, исходя из более общих и стратегически более важных для нее интересов, могла пренебречь интересами достаточно значительной группы в рядах своего дворянского сословия.

Как бы ни было важно для определения характера отношений между государствами содержание соглашений, которыми эти отношения оформлялись, не менее важно, как эти соглашения реализовывались на практике.

Отклоняя предложенную В. Липиньским оценку характера Переяславских договоренностей, следует согласиться с этим ученым, что в некоторых важных пунктах они не были реализованы⁸³.

Соглашения предусматривали, что царь получит возможность с помощью городских властей собрать доходы с не-казацкого населения Украины, из которых будет за службу казацкому войску выплачиваться “жалованье”, размер которого будет определен с составлением “реестра”.

В апреле 1654 г., учитывая необходимость своевременно снрядить войско для начинавшейся войны с Речью Посполитой, царь особой грамотой дал гетману право собрать “против прежних звзычаев” доходы с населения Гетманства с тем, чтобы израсходовать их на жалованье войску. При этом, подчеркивая свою верховную роль и желая выступить в роли защитника городского населения, царь рекомендовал, чтобы “никаких лишних поборов с мещан имати не велели”. В дальнейшем, указывалось в грамоте, размер жалования, которое царь согласно Переяславским договоренностям должен выплачивать Войску Запорожскому будет определен в зависимости от того, “как наши царского величества дворяне отпишут и сметят доходы”⁸⁴. Решение о посылке дворян на Украину не было осуществлено, и сбор доходов и в последующие годы остался в руках Хмельницкого⁸⁵.

В июне 1654 г. в Москве было все же принято решение в соответствии с Переяславскими договоренностями выплатить “золо-

тыми” жалованье Запорожскому войску. Часть денег была отправлена в казацкий корпус, участвовавший в военных действиях в Белоруссии, а 42 тыс. золотых было послано к гетману для раздачи в соответствии с реестром⁸⁶, однако на месте выяснилось, что для войны собрано войско в количестве гораздо большем, чем 60 тыс. человек и состав его постоянно меняется. В этих условиях власти Гетманства не могут ни составить реестр, ни раздать жалованье, которого не хватит на такое количество людей⁸⁷. В итоге золотые были переданы гетману⁸⁸, а реестр так и не был составлен. Не получая доходов с территории “Малой России”, русское правительство перестало в дальнейшем присыпать жалованье.

Переяславские договоренности принципиально признавали право царя присыпать на Украину воевод, но вплоть до смерти Хмельницкого русские воеводы с ратными людьми находились только в центре страны – Киеве⁸⁹. К этому следует прибавить, что в своей внешнеполитической деятельности Хмельницкий самостоятельно вел переговоры с различными государствами, часто не ставя о них в известность Москву, посыпал войска в походы по собственной инициативе и настолько не придерживался московского внешнеполитического курса, что даже как известно, заключил соглашение о союзе против Речи Посполитой со Швецией, находившейся с Россией в состоянии войны. Таким образом, на практике автономия Украины оказалась гораздо более широкой, чем это предусматривалось заключенными соглашениями.

В Москве были иные представления о возможных перспективах русско-украинских отношений. Так, в начале 1655 г. царский посланец А.С. Матвеев говорил о планах Алексея Михайловича поставить для себя двор в Киеве и приехать туда поклониться останкам пещерских отцов, предлагал создать из не-реестровых казаков полки солдатского строя, которые бы обучали присланные из Москвы офицеры, и настойчиво рекомендовал прислать в города царских воевод, которые “жилецких всяких людей приезжим людем в обиду не дадут”⁹⁰. Гетман предложил отложить решение всех этих вопросов до окончания войны. Когда в 1656 г. военные действия на время прервались, новый посланец А. Лопухин снова должен был поднять перед гетманом вопрос о присылке воевод, которые не только будут защищать “жилецких людей” от обид, но и “росправу учнуть чинить добрую”⁹¹. Характерно, однако, что вопросы ни о сборе налогов, ни о воеводах не привели к серьезному столкновению между Москвой и Хмельницким. Московские правящие круги готовы были на серьезные уступки, чтобы удержать Гетманство в орбите своего влияния. Не случайно причиной конфликта стала пришедшая в противоречие с русскими внешнеполитическими планами внешняя политика гетмана.

В отличие от правовой оболочки русско-украинских отношений, которая оценивается, как уже отмечалось выше, в качестве “номинального вассалитета” к России, фактические связи двух стран после Переяславской рады в некоторых современных работах оцениваются как “створення під верховенством царя конфедеративного союзу двох держав”⁹². Это определение внутренне противоречиво. Уже отмечалось, что конфедерация предполагает полное равенство соединившихся политических организмов⁹³, а упоминание в этом контексте верховной власти царя явно противоречит такому определению.

Если в эту формулу вкладывается такое понимание, что на практике Гетманство было совершенно самостоятельным государством, таким же как Россия, то такому заключению противоречит целая группа фактов, связанных с походом войска наказного гетмана И.Н. Золотаренко в Белоруссию. Так, уже вскоре после начала похода Золотаренко просил царя, чтобы тот “пожаловал свою государеву грамоту ко всему Войску Запорожскому, наказываючи их жестоко, чтоб ему, гетману, были послушны”⁹⁴. Позднее, когда казаки стали разъезжаться со службы, он снова просил царя послать грамоту в “полки”, “жебы до войска шли”⁹⁵. При переходе Могилева под русскую власть Алексей Михайлович освободил могилевских мещан от уплаты торговых пошлин “в Киеве и в иных черкасских городех”⁹⁶. Продолжалась в царской походной ставке и выдача жалованных грамот украинским городам: в сентябре 1654 г. такую грамоту получил Нежин, в 1655 г. – Чернигов и новопостроенный город Козелец. При этом мещане Нежина были освобождены от корма и подвод, а мещане Козельца получили освобождение от податей на несколько лет. За заслуги во время военных действий в Белоруссии начальники действовавшего там казацкого войска получили от царя щедрые пожалования на территории Гетманства: наказной гетман И.Н. Золотаренко получил Батурина, а затем Глухов, его брат нежинский полковник В.Н. Золотаренко – местечко Новые Млыны, а затем Мену; стародубский полковник Тимофей Аникеенко – местечко Сосницу⁹⁸. Сопровождавший войско протопоп Максим Филимонович получил грамоту на дер. Ушню с мельницами на р. Десне⁹⁹.

Хорошо известно, что летом 1657 г., когда было собрано казацкое войско для похода в Речь Посполитую, казаки заявили: “без государева указа Полши воевать не идем”. При этом “казаки многие люди” говорили русскому посланцу И. Желябужскому: “извести, де, все наши нужи государю, как мы от старшин своих терпим”¹⁰⁰. Эти люди явно не считали зависимость Гетманства от России только “номинальной”¹⁰¹.

В польской и части украинской историографии сложилась традиция противопоставления Переяславских договоренностей так называемому Гадячскому договору 1658 г., заключенному Гетманством с Речью Посполитой, как такому соглашению, которое обеспечивало украинскому народу возможности свободного самостоятельного развития в рамках федеративного государства¹⁰².

У казацкой верхушки были, несомненно, серьезные причины для поисков соглашения с Речью Посполитой. Уже в конце правления Богдана Хмельницкого в Гетманстве начался глубокий внутриполитический кризис, который постепенно все более обострялся. Столкновения верхов и низов сопровождались конфликтами в рядах самой правящей элиты украинского общества. В этих условиях стоявшая у власти группировка во главе с новым гетманом И. Выговским не получила из Москвы поддержки, с помощью которой она могла бы подавить враждебные выступления. По отношению к развернувшейся на Украине борьбе русское правительство пыталось выступать в роли стоявшего над схваткой арбитра и посредника, что позволило бы поставить в определенную зависимость от него обе стороны, участвующие в конфликте. Тем самым появились бы возможности для реализации в полном объеме тех прав, которые предоставляли верховной власти царя Переяславские договоренности¹⁰³. Такая позиция Москвы вызывала недовольство, особенно той части казацкой верхушки, которая вышла из рядов шляхты и стремилась (о чем говорилось выше) к восстановлению институтов, обеспечивавших ей исключительное положение в обществе, а этого можно было достичь путем сближения с Речью Посполитой.

Была и другая причина. В рамках Русского государства Гетманство было расположенным на его периферии политическим образованием, которое не могло серьезно влиять на решение вопросов, касавшихся судеб всего политического целого. Даже по своему формальному положению гетман Войска Запорожского не принадлежал к числу советников монарха, которые в решении этих вопросов участвовали. В рамках Московского государства не намечалось каких-либо путей, которые могли бы привести к изменению этого положения. Напротив, федеративная структура Польско-Литовского государства, состоявшего из двух равноправных политических организмов, объединенных лишь общим монархом и общим парламентом-сеймом, могла быть изменена таким образом, чтобы казачеству, как господствующей социальной группе украинского общества, было обеспечено право участвовать в решении вопросов, касающихся судеб огромного многоэтнического государства Речи Посполитой, на равных правах с польской и литовской шляхтой.

Из украинских земель, входивших в состав Речи Посполитой (или, по крайней мере, большей их части), должна была образоваться третья часть федеративного государства – “Великое княжество Русское”; во главе его должен был стать глава казацкого войска – гетман, он же одновременно первый сенатор – воевода киевский, тогда же здесь должны были быть созданы центральные органы управления и суда (канцелярия во главе с канцлером, Трибунал), подобные тем, которые существовали в Короне и в Литве. Традиционная система “урядов” должна была быть восстановлена, но “уряды” могла занимать только православная шляхта, т.е. представители казацкой верхушки в рядах Войска Запорожского. Ряды этого слоя должны были быть увеличены “nobilitацией” по предложению гетмана по 100 казаков от каждого полка. На территории Гетманства эта казацкая верхушка должна была опираться на поддержку 60 тыс. “реестровых” казаков и 10 тыс. наемного войска, которое содержалось бы за счет налогов, собиравшихся на территории Гетманства, куда был бы закрыт доступ коронным войскам. Такое соглашение обеспечивало бы казацкой верхушке не только прочную власть на территории Гетманства, но и равное право голоса в решении всех важных политических вопросов в Речи Посполитой. По-видимому, в кругах казацкой старшины полагали, что Речь Посполитая так ослаблена неудачами в войне с Россией, шведским “потопом”, вторжением шведских и трансильванских войск в 1657 г., что будет вынуждена согласиться на предложенные условия, чтобы, опираясь на союз с казацеством, преодолеть стоявшие перед ней трудности.

Возможно, что подобное соглашение (если бы его удалось заключить), отвечавшее прежде всего интересам казацкой верхушки, и могло бы на какое-то время создать благоприятные условия для существования украинского народа (по крайней мере, той его части, что проживала на территории Гетманства) в рамках Речи Посполитой. Однако все это следует относить к планам и расчетам группы полковников вокруг гетмана И. Выговского (сами эти планы не зафиксированы в каком-то конкретном тексте, а лишь условно реконструируются по материалам польско-украинских переговоров), а не к тому реальному соглашению, которое было утверждено сеймом в мае 1659 г. В недавнем исследовании Т.Г. Яковлева, внимательно анализируя создававшиеся в ходе польско-украинских переговоров версии соглашения, убедительно показала, как один за другим исчезали из его текста элементы задуманного плана, включая само понятие “Великое княжество Русское”¹⁰⁴.

В своем окончательном, санкционированном сеймом виде, территория Гетманства ограничивалась землями трех воеводств:

Киевского, Брацлавского и Черниговского. Во главе этого образования становился гетман, занимающий одновременно пост киевского воеводы, – однако это было исключением, сделанным для одного Выговского. Для этого политического образования создавалась особая канцелярия во главе с канцлером и особый верховный суд – Трибунал. На этой территории должно было размещаться казацкое войско, пользующееся своим самоуправлением и подчиненное только власти гетмана. Все это были явные признаки автономии, восходившие к первоначальному казацкому проекту. Однако наряду с этим договор предусматривал возвращение всех прежних владений не только светским собственникам, магнатам и шляхте, но и держателям государственных земель и католическим духовным учреждениям. Уже казацкий проект предусматривал восстановление традиционной для Речи Посполитой системы органов управления, но он обеспечивал в них доминирующую роль православной шляхты. Согласно тексту, утвержденному сеймом, эти уряды обязаны были стать доступными не только для православной, но и для католической шляхты, которые в будущем занимали бы их попеременно; но после заключения соглашения “уряды” предполагалось занять лицами, ранее назначенными на них королем. Одновременно размер казацкого войска сокращался до 30 тыс. человек. Войску этому надлежало размещаться в тех местах, которое оно занимало “передвойной”, т.е. очевидно до начала народно-освободительной войны. Один из важных пунктов соглашения касался порядка выборов гетмана. Его назначал король из числа четырех кандидатов, которых выберут “status województy”, т.е. не казаки или, во всяком случае, не одни казаки. В условиях, когда большая часть земельного фонда должна была вернуться в руки прежних владельцев, которые одновременно получили бы доступ к органам управления, автономия казацкой Украины стала бы призрачной. Пытаясь заинтересовать в заключении соглашения верхи казачества, на сейме обещали, что полковникам, полковым есаулам и сотникам будет выплачиваться ежегодное содержание из доходов украинских старостств.

В научной историографии разных направлений общепринятым является положение, что перспектива возвращения прежних владельцев побудила широкие круги населения Украины, освободившиеся от их власти в годы народно-освободительной войны, выступить против Гадячского соглашения и его инициатора Ивана Выговского. Следует, однако, согласиться с Т.Г. Яковлевой, что и для казацкой верхушки в том виде, как оно было одобрено сеймом, оно не представляло никакого интереса¹⁰⁶. Реализация соглашения привела бы к переходу большей части земельных

угодий в руки магнатов и шляхты в качестве либо их прежних владений, либо пожалованных королем староств; и на территории Гетманства казацкая старшина, утратив одновременно в пользу шляхты контроль над органами управления, стала бы второстепенной социальной группой. Следует согласиться с заключением украинских исследователей В.А. Смолия и В.С. Степанкова, что условия Гадячского договора “становили великий крок назад” по сравнению со “Статьями Богдана Хмельницкого”¹⁰⁷.

Чем же объяснить, что Речь Посполитая оказалась неспособной пойти на такие уступки, которые сделала по отношению к Гетманству (не только при заключении соглашений, но и на практике) русская сторона. Среди польской элиты, как в настоящее время хорошо известно, были политики, считавшие весьма важным в той ситуации, в которой находилась страна, ее союз с Войском Запорожским. Примером могут служить относящиеся как раз к этому времени высказывания познанского воеводы Яна Лещинского¹⁰⁸. Почему же их точка зрения не возобладала? Ответ, как представляется, следует искать в особенностях государственного строя Польско-Литовского государства. В нем все важные политические решения принимались на основании консенсуса – определенного соглашения, компромисса между основными группировками господствующего класса. Таким образом, для принятия казацких условий было необходимо, чтобы магнаты и шляхта, утратившие земли на Украине, добровольно от них отказались. Так как те, разумеется, на это не соглашались, то и сейм не мог принять благоприятного для казацких интересов решения, тем более что их притязания на возврат прежних владений находили поддержку и понимание в широких кругах дворянства Речи Посполитой. Оно могло согласиться на изменение структуры федеративного строя государства, но не могло признать те перемены в отношениях собственности на Украине, которые произошли в годы народно-освободительной войны. Такая позиция была главным препятствием, на которое наталкивались все последующие попытки соглашения между Гетманством и Речью Посполитой.

После утверждения сеймом Гадячского договора в урезанном по сравнению с первоначальными предложениями виде наиболее влиятельная часть правящей элиты Гетманства, на которую первоначально опирался И. Выговский, отказалась ему в поддержке и стала на путь поисков соглашения с Россией¹⁰⁹. Перспективы развития связей между Россией и Гетманством стороны видели по-разному. И та и другая сторона полагали, что они должны были основываться на Переяславских договоренностях, измененных в соответствии с их интересами.

Позиция казацкой верхушки получила отражение в так называемых “Жердевских статьях”, подготовленных для передачи князю А.Н. Трубецкому, посланному царем на Украину для восстановления отношений, разорванных с заключением Гадячского договора¹¹⁰. Знакомство с этим документом показывает, что Переяславские соглашения казацкую верхушку в целом устраивали. Изменения, которые она хотела бы внести, касались лишь трех вопросов. Во-первых, старшина хотела устраниТЬ тот пункт “Статей Богдана Хмельницкого”, по которому гетман не должен был поддерживать отношения с польским королем и султаном; согласно “Жердевским статьям”, эти ограничения должны были отпасть. Гетман обязан был лишь отсылать в Москву копии полученных им грамот. Во-вторых, согласно “Статьям”, предусматривалось, чтобы царь не принимал никакие посольства с Украины “без ведома гетьманского и всеи старшины”. Это была реакция на попытки русского правительства выступать в роли арбитра во внутренних конфликтах в украинском обществе в 1657–1658 гг. Составители “Статей” стремились не допустить повторения такой ситуации. В-третьих (и это самое важное), составители “Жердевских статей” стремились устраниТЬ из Переяславских договоренностей положения, согласно которым царь через назначенных им лиц мог осуществлять управление не-казацким населением Гетманства. Не случайно в “Статьях” подчеркивалось, что в руках полковников должна сохраняться полнота власти “по городах всех украинных”, в том числе и в Киеве, несмотря на пребывание там русских воевод. В данном случае, правда, речь шла лишь о приведении договоренностей в соответствие с реальностью.

Главные усилия составителей “Жердевских статей” были направлены на то, чтобы нормы, зафиксированные в Переяславских договоренностях, сохранялись и в будущем. В “Статьях” устанавливалось, что, как и при Хмельницком, воеводы должны находиться только в Киеве, а прибывавшие на Украину русские войска поступать под командование гетмана.

У царя и его советников были иные представления о характере взаимоотношений Русского государства и Гетманства в будущем, и эти представления нашли свое отражение в тексте нового соглашения, получившего в научной литературе название “Переяславских статей”. Его текст, подготовленный А.Н. Трубецким по указаниям царя Алексея Михайловича, представлял собой первое в истории русско-украинских связей развернутое соглашение, регулировавшее все основные общие вопросы взаимоотношений Гетманства и России (при его составлении были использованы Статьи Богдана Хмельницкого, жалованная грамота царя войску Запорожскому и некоторые другие материалы)¹¹¹. Текст согла-

шений, составленный уже в традиционной форме предложений украинской стороны и резолюций царя, был зачитан на Раде, созванной в Переяславе 17 октября 1659 г. и вступил в действие после того, как содержавшиеся в нем “Статьи” получили одобрение “всей старшины и черни”¹¹². Выбор такой процедуры, как представляется, указывал на договорный характер отношений царя и его украинских подданных.

Современные украинские исследователи, которые полагают, что связи между Русским государством и Гетманством имели форму “номинального вассалитета” или “конфедерации двух держав”, считают, что лишь с принятием “Переяславских статей” Гетманство приобрело статус автономного политического образования в рамках Русского государства¹¹³. В свете сказанного выше более правильной представляется другая точка зрения: “Переяславские статьи” серьезно ограничили ту автономию, которой должно было пользоваться Гетманство на основе Переяславских договоренностей 1654 г.

Характер произведенных изменений достаточно выяснен в научной литературе, здесь хотелось бы лишь вкратце охарактеризовать их основные направления.

Зависимость Гетманства от России с формальной стороны подчеркивалась тем, что новоизбранный гетман должен был ехать в Москву, чтобы получить здесь у царя знаки власти и “на гетманство... государеву жалованную грамоту”. Сношения гетмана с какими-либо государствами были теперь возможны лишь с разрешения царя. Гетман и войско должны были ходить в походы только по приказу царя, за попытку самовольных военных действий устанавливалась самая суровая мера наказания – смертная казнь. Таким образом, в сфере контактов с другими государствами какая-либо самостоятельность Гетманства не допускалась.

Что касается внутренних отношений, то здесь “Переяславские статьи” закрепляли роль царя, как верховного арбитра в случае конфликтов в украинском обществе. О “всяких ссорных делах” гетман обязан был информировать Алексея Михайловича, смертный приговор гетман мог выносить лишь при участии на суде присланного царем представителя, самого гетмана войско не могло смешать “без указу царского величества”.

Наконец, в целом ряде городов Украины (Переяславе, Нежине, Чернигове, Брацлаве, Умани) должны были появиться воеводы с ратными людьми “для обороны от неприятелей”. Тем самым утверждалось реальное присутствие верховной власти царя на территории Гетманства.

Исследователями собраны достаточно многочисленные свидетельства того, что казацкая верхушка Гетманства была недо-

вольна условиями соглашения. Наиболее ярким подтверждением этого может служить отправка в Москву в конце 1659 г. посольства, которое должно было добиваться вывода воевод из всех городов кроме Киева и Переяслава и предоставления гетману права сношений с иностранными государствами¹¹⁴. И все же она одобрила на Раде “Переяславские статьи”. Вряд ли все это можно объяснить только страхом перед собранными у места заседаний Рады русскими войсками. Запись переговоров, сделанная в канцелярии А.Н. Трубецкого, показывает, что уступчивость украинской стороны была отнюдь не безграничной. Действуя в соответствии с наказом, Трубецкой сделал попытку вернуть в состав Русского государства земли, утраченные им в годы Смуты. В Новгороде-Северском, Почепе, Стародубе и Чернигове предполагалось появление воевод, власть которых распространялась бы и на прилегающие к городам “уезды”. Находящиеся здесь на землях, которые исторически не принадлежат к “Малой России”, “ново-описные казаки” должны были либо их покинуть, либо подчиниться власти воевод¹¹⁵. Требование это, однако, встретило упорное сопротивление еще на предварительном этапе переговоров, на Раде не обсуждалось и в текст “Переяславских статей” не вошло.

Как представляется, ситуацию можно прояснить рассматривая возможные альтернативы действий казацкой верхушки осенью 1659 г. Чего бы она добилась, отвергнув “Переяславские статьи” и вернувшись к Гадячскому договору? Для ответа на этот вопрос следует сопоставить тексты этих двух соглашений в их основных положениях.

В некоторых аспектах автономия Гетманства по Гадячскому договору была шире (на территории Гетманства не могли размещаться коронные войска), в других большие преимущества фиксировались в “Переяславских статьях” (реестр в 60 тыс. человек, выбор гетмана войском Запорожским), однако между обоими текстами было одно принципиальное различие. Гадячский договор предполагал возвращение прежних владельцев, восстановление первоначальных привилегированного статуса шляхты и органов управления, что затрагивало интересы самых широких кругов украинцев. “Переяславские статьи”, как и предшествующее соглашение с Богданом Хмельницким, санкционировали и те перемены в социальной структуре общества на территории Украины, которые произошли в годы Народно-освободительной войны, и существование тех институтов, которые сложились здесь в те же годы. В этом плане важным представляется новшество – резолюция царя, помещенная в ответ на просьбу украинской стороны не присыпать на Украину воевод. Просьба эта бы-

ла заимствована из текста “Статей”, поданных царю 11 марта послами Хмельницкого. Они тогда просили не присыпать в города воевод и чтобы “в тех городех для судов и росправы были урядники их казацкие”. В то время это обращение осталось без ответа¹¹⁶. В “Переяславских статьях” после этого текста была помещена резолюция царя: “быти урядником того войска, права и вольности смотрети им”. Тем самым устанавливалось, что “урядники” – лица, в чью компетенцию входит управление не-казачьим населением, должны назначаться из рядов Войска Запорожского и за ними признается право охранять местные нормы отношений, в том числе, очевидно, и применительно к царским воеводам. Что касается сбора доходов с территории “Малой России”, то в “Переяславских статьях” было прямо указано, что эти доходы должны идти на выплату ежегодного жалованья 60 тыс. реестровых казаков. Конечно, серьезным вмешательством во внутреннюю жизнь украинского общества было размещение в ряде городов воевод с военными отрядами. Тем самым русское правительство обеспечивало себе определенные гарантии того, что Гетманство и в дальнейшем будет оставаться автономной частью Русского государства. Наносило серьезный ущерб автономии и установление “Переяславских статей”, о том, что в Киеве, Чернигове и Брацлаве воеводы получают право “владеть маєтностями теми, которые принадлежали к тем воеводствам прежде сего”. По отношению к этим “маєтностям” воеводы выступали уже не как военачальники, а как администраторы. И все же обязанности воевод ограничивались в основном военными функциями. В “Переяславских статьях” относительно них подчеркивалось: “в полковничи ... поборы не вступатца”, “в войсковые права и вольности не вступать”. Особым пунктом в статьях подтверждались права мещан, в частности регламентировались их обязанности по даче “корма и подвод”.

В целом следует констатировать, что если Гадячский договор предоставлял Гетманству довольно широкую автономию, но вел одновременно к коренным переменам общественных отношений и изменению характера политических институтов, то автономия Гетманства, как она определялась “Переяславскими статьями”, была ограниченной, но реальной; сохранялась и сложившаяся в годы народно-освободительной войны социальная структура украинского общества и сформировавшиеся в те же годы политические институты. В этом, как представляется, следует искать объяснение того, почему несмотря на свое недовольство казацкая рада приняла “Переяславские статьи”.

Все сказанное, как представляется, дает определенный материал для ответа на вопрос, в чем историческое значение Перея-

славской рады и заключенных затем Переяславских соглашений в истории украинского народа. Правда, как справедливо отмечается в современной украинской литературе, сами Переяславские соглашения действовали всего несколько лет до того момента, когда с заключением Гадячского договора связи между Россией и Гетманством были разорваны, но сформулированные в них важные нормы отношений между Россией и Гетманством, санкционировавшие существование на территории Гетманства особого общественного устройства, сложившегося здесь в годы народно-освободительной войны, и связанных с ним политических институтов, стали важной составной частью последующих соглашений между Гетманством и Русским государством, а это, в свою очередь, объективно содействовало сохранению одного и другого. Русское правительство царя Алексея Михайловича и его преемников санкционировало существование особых общественных порядков на территории Гетманства вовсе не из симпатий к ним, а чтобы обеспечить себе поддержку местного населения в борьбе с Речью Посполитой и удержать в сфере своего влияния стратегически важную территорию. Как показывает уже текст “Переяславских статей” 1659 г., русское правительство стремилось ограничить автономию Гетманства, и эти попытки, особенно когда они затрагивали интересы широких кругов населения, приводили к острым конфликтам. Но русское правительство в этих ситуациях оказывалось способным, преследуя те более общие политические интересы, о которых было сказано выше, найти приемлемый компромисс с украинским обществом. По причинам, о которых уже говорилось, Речь Посполитая на подобный компромисс оказалась неспособной и с утверждением ее власти на Левобережной Украине произошла быстрая и радикальная ликвидация прежних порядков. То, что на Левобережной Украине сделать того же не удалось, было, несомненно, связано с тем, что население этих земель опиралось на поддержку и находилось под покровительством России. Ближайшим результатом решений Переяславской рады стало вмешательство России в тянувшуюся уже ряд лет войну между Речью Посполитой и Гетманством во главе с Богданом Хмельницким. Вмешиваясь в этот конфликт, русское руководство имело свои планы, во многом расходившиеся с планами казацкой верхушки, стоявшей во главе Гетманства, и их осуществление в далекой перспективе привело к ликвидации Гетманства и инкорпорации его территории в состав Российской государства. Однако ближайшим долгосрочным последствием этого события стало сохранение на исторически долгий срок на территории Левобережной Украины созданных украинским обществом в годы народно-освободительной войны своих общественных порядков.

ков и собственных политических институтов. Существование в жизни украинского народа такого исторического периода следует расценить как позитивное и важное для его исторических судеб явление.

- ¹ Basarab J. Pereiaslav 1654: Historiographical Study. Edmonton, 1982; Цибульський В. Переяславська угода 1654 року в зарубіжній історіографії (1945–1990 рр.). Рівне, 1993; Матях В.М. Тема українсько-російського договору у вітчизняній історіографії // Українсько-російський договір 1654 р.: Нові підходи до історії міждержавних стосунків (Матеріали науково-теоретичного семінару). Київ, 1995. С. 53–59.
- ² Липинський В. Україна на переломі. 1657–1659: Замітки до історії українського державного будівництва в XVII-му столітті. Філадельфія, 1991. С. 25.
- ³ Горобець В.М. Від союзу до інкорпорації: українсько-російські відносини другої половини XVII – першої четверті XVIII ст. Київ, 1995.
- ⁴ Воссоединение Украины с Россией. (Далее: ВУР). М., 1954. Т. III. № 205. С. 466, 469, 472, 478, 480, 482–483, 486–487; № 226. С. 517–518; № 232. С. 534–542.
- ⁵ Липинський В. Указ. соч. С. 26.
- ⁶ Яковлів А. Договір Гетьмана Богдана Хмельницького з Москвою р. 1654 // Юблейний збірник на пошану акад. Д.І. Багалія. Київ, 1927. С. 613.
- ⁷ Аналіз норм, на яких строились їх відносини з королем, посвящено спеціальне исслед.: Maleczyńska E. Księże lenno mazowieckie (1351–1526). Lwów, 1929.
- ⁸ Ibid. S. 77–79.
- ⁹ Ibid. S. 130–132.
- ¹⁰ Ibid. S. 109–110.
- ¹¹ Ibid. S. 120–125.
- ¹² Ibid. S. 114–115; Vetulani A. Lenno pruskie: Od traktatu krakowskiego do śmierci księcia Albrechta. 1525–1568. Kraków, 1930. S. 112–113.
- ¹³ Maleczyńska E. Op. cit. S. 142–146.
- ¹⁴ Ibid. S. 146–148.
- ¹⁵ Ibid. S. 78–79.
- ¹⁶ Грамоти XIV ст. Київ, 1974. № 62. С. 120.
- ¹⁷ Там же. № 66. С. 127.
- ¹⁸ Ср. замечания В.А. Смолия и В.С. Степанкова о характере взаимоотношений России и Гетманства: “Це було щось більше, ніж просто автономія чи протекторат. Адже навіть останній передбачав таку залежність, за якої одна держава (протектор) бере на себе функції зовнішніх відносин іншої (протегованої) держави”. См.: Смолій В.А., Степанков В.С. Богдан Хмельницький: Соціально-політичний портрет. Київ, 1995. С. 445. Вассальные связи такого типа зависимости, как показано выше, вовсе не предполагали.
- ¹⁹ ВУР. Т. III. С. 466–468.
- ²⁰ Там же. С. 466.
- ²¹ К такому выводу пришла в недавнее время специально занимавшаяся исследованием того, как складывались отношения между Украиной и Россией после Переяславской рады, О.В. Баранова (Баранова О.В. Российско-украинские договоры в XVII–XVIII веках: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Брянск, 2002. С. 10).
- ²² ВУР. Т. III. № 245. С. 560–565.
- ²³ Там же. С. 561.

- ²⁴ Там же. № 244. С. 559.
- ²⁵ Там же. № 205. С. 473.
- ²⁶ Там же. № 236. С. 243–244.
- ²⁷ Там же. № 245. С. 565.
- ²⁸ Там же. № 248. С. 568.
- ²⁹ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. (Далее: АЮЗР). СПб., 1878. Т. X. Приблв. № 8. Стб. 495–496.
- ³⁰ Там же. № 16. Стб. 761–764.
- ³¹ ВУР. Т. III. № 239. С. 553.
- ³² АЮЗР. Т. X. Стб. 647–649, 651–654.
- ³³ ВУР. Т. III. № 236. С. 549.
- ³⁴ Посольство мещан Киева находилось в Москве в конце мая 1654 г., посольство духовенства в лагере царя под Смоленском в июле 1654 г.
- ³⁵ См. грамоты Б. Хмельницкого с просьбой о подтверждении “привилеев” Киева: АЮЗР. Т. X. № 13. Стб. 607–710; о подтверждении прав митрополичьей кафедры: Там же. № 16. Стб. 715–716.
- ³⁶ Там же. Стб. 536.
- ³⁷ Там же. СПб., 1872. Т. VII. № 8. С. 188.
- ³⁸ Там же. Т. X. № 8. Стб. 441.
- ³⁹ Там же. № 9. Стб. 536.
- ⁴⁰ Там же. Стб. 537–538.
- ⁴¹ Там же. № 8. Стб. 439.
- ⁴² ВУР. Т. III. № 248. С. 568; АЮЗР. Т. X. № 8. Стб. 495–496.
- ⁴³ См. в качестве примера жалованную грамоту митрополиту С. Косову на владения митрополичьей кафедры (АЮЗР. Т. X. № 16. Стб. 761–764).
- ⁴⁴ Там же. № 8. Стб. 497–499.
- ⁴⁵ Там же. Стб. 502.
- ⁴⁶ Там же. № 13. Стб. 613, 625–626.
- ⁴⁷ Там же. № 16. Стб. 741.
- ⁴⁸ Там же. Стб. 746.
- ⁴⁹ Там же. Стб. 742.
- ⁵⁰ Там же. Стб. 656–658.
- ⁵¹ Там же. № 8. Стб. 438–439; ВУР. Т. III. № 248. С. 568.
- ⁵² АЮЗР. Т. X. № 8. Стб. 439.
- ⁵³ Там же. Стб. 439–441, 447–448.
- ⁵⁴ ВУР. Т. III. № 245. С. 561.
- ⁵⁵ АЮЗР. Т. X. № 8. Стб. 440–441, 448.
- ⁵⁶ ВУР. Т. III. № 245. С. 561.
- ⁵⁷ Там же. С. 564.
- ⁵⁸ АЮЗР. Т. X. № 13. Стб. 620–621, 624–625.
- ⁵⁹ Там же. Стб. 673.
- ⁶⁰ Липинський В. Указ. соч. С. 25.
- ⁶¹ Дословне воспроизведеніє тезисов Липинського см.: *Горобець В.М.* Переяславсько-московський договір 1654 р.: Причини і наслідки. Історіографічні традиції та історичні реалії // Українсько-російський договір 1654 р. С. 22.
- ⁶² См. в грамоте Богдана Хмельницкого царю от 8 января 1654 г.: “изволь ваше царское величество нас слуг и поданных своих имети и от всех неприятелей боронити” (ВУР. Т. III. № 225. С. 516).
- ⁶³ Липинський В. Указ. соч. С. 26. Ср.: ВУР. Т. III. № 245. С. 563.
- ⁶⁴ Смолій В.А. Українсько-російський договір 1654 р. Нові підходи до вивчення проблеми // Українсько-російський договір 1654 р. С. 4.
- ⁶⁵ Там же.

- 66 ВУР. Т. III. № 248. С. 568.
- 67 *Смолій В.А., Степанков В.С.* Українська державна ідея: Проблеми формування, еволюції, реалізації. Київ, 1997. С. 83.
- 68 *Грушевський М.С.* Історія України–Руси. Київ, 1931. Т. IX/2. С. 766.
- 69 Там же. С. 790–791.
- 70 Там же. С. 820.
- 71 Там же. С. 852.
- 72 Там же. С. 868.
- 73 Там же. С. 1498.
- 74 ВУР. Т. III. № 236. С. 549.
- 75 АЮЗР. Т. X. № 8. Стб. 454–458.
- 76 Тексты соответствующих привилеев см.: АЮЗР. Т. X. № 9. Стб. 517 и след.; № 9. Стб. 517–532; № 13. Стб. 633–642. Ходатайства гетмана см.: ВУР. Т. III. № 235. С. 547; АЮЗР. Т. X. № 13. Стб. 607–610.
- 77 АЮЗР. Т. X. № 16. Стб. 711. Ходатайство гетмана о подтверждении этих пожалований см.: Там же, стб. 714 и след.
- 78 ВУР. Т. III. № 236. С. 549.
- 79 *Смолій В.А., Степанков В.С.* Українська державна ідея... С. 83.
- 80 ВУР. Т. III. № 205. С. 476.
- 81 АЮЗР. Т. X. № 8. Стб. 495–496.
- 82 См. высказывания А.Н. Трубецкого на переговорах 1659 г. о Чернигове, Новгороде-Северском и Стародубе: "...а те города изстари належат к Московскому государству, а не к Малой России". См.: АЮЗР. СПб., 1863. Т. IV. № 115. С. 261.
- 83 *Липинський В.* Указ. соч. С. 27.
- 84 АЮЗР. Т. X. № 11. Стб. 569.
- 85 См. об этом в статейном списке посольства Ф.В. Бутурлина (1657 г.): АЮЗР. СПб., 1861. Т. III. Стб. 567.
- 86 Там же. Т. X. Стб. 683–688.
- 87 Там же. Стб. 693–694.
- 88 Там же. Стб. 697.
- 89 Там же. Т. III. Стб. 567.
- 90 *Грушевський М.С.* Указ. соч. С. 1032–1034.
- 91 Там же. С. 1206.
- 92 *Смолій В.А., Степанков В.С.* Українська національна революція XVII ст. (1648–1676 pp.). Київ, 1999. С. 183.
- 93 *Яковенко Н.М.* Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття. Київ, 1997. С. 201.
- 94 АЮЗР. СПб., 1889. Т. XIV. Стб. 172.
- 95 Там же. Стб. 694.
- 96 Там же. Стб. 259.
- 97 Там же. Стб. 721–724, 781–782. О выдаче таких грамот снова ходатайствовал гетман.
- 98 Там же. Стб. 171–174, 606, 612, 783–786.
- 99 Там же. Стб. 659–698. Позднее, по просьбе протопопа в грамоту вносились изменения и дополнения.
- 100 Русская историческая библиотека. СПб., 1884. Т. 8. Стб. 1255–1257.
- 101 Не случайно на Раде, созванной после собрания гетманом Ивана Выговского, "полковники и сотники ... говорили, чтоб он, новообранный гетман Иван Выговской, вычел на раде им всем великого государя жалованную грамоту" (очевидно, грамоту царя Войску Запорожскому). См.: АЮЗР. Т. IV. Стб. 11.

- ¹⁰² Характерным примером могут служить страницы, посвященные Гадячскому договору Д. Дорошенко. См.: *Дорошенко Д.* Нарис історії України. Львів, 1991. С. 291–292. В только что вышедшей украинской “Истории Польши” также читаем, что “Гадяцька угода відкривала широкі можливості для автономного існування українського народу в межах Речі Посполитої”. См.: *Зашкільняк Л., Крикун М.* Історія Польщі. Львів, 2002. С. 184.
- ¹⁰³ Подробный анализ событий, происходивших на Украине в 1657–1658 гг., и характеристика линии действий, выбранной русским правительством см.: *Яковлева Т.* Гетьманщина в другой половине 50-х годов XVII столетия: Причины и начало Рюхи. Киев, 1998. С.83–96, 230–288.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 305–323.
- ¹⁰⁵ Публикацию договора см.: *Volumina legum.* SPb., 1859. Т. IV. S. 297–302.
- ¹⁰⁶ *Яковлева Т.* Гетьманщина... С. 319.
- ¹⁰⁷ *Смолій В.А., Степанков В.С.* Українська національна революція XVII ст. С. 229.
- ¹⁰⁸ Их подробный разбор см.: *Грушевский М.С.* Исторія України–Руси. Київ, 1936. Т. XII. С. 317–324.
- ¹⁰⁹ Подробнее об этом см.: *Яковлева Т.* Гетьманщина... С. 330–341.
- ¹¹⁰ Текст Жерdevских статей см.: АЮЗР. Т. IV. № 115. Стб. 256–257.
- ¹¹¹ Его текст см.: Там же. Стб. 262–268.
- ¹¹² Нам ничего не известно о подобной процедуре по отношению к “Статьям Богдана Хмельницкого”. Ср.: *Горобець В.М.* Від союзу... С. 36.
- ¹¹³ *Смолій В.А., Степанков В.С.* Українська державна ідея... С. 123.
- ¹¹⁴ АЮЗР. Т. V. № 2.
- ¹¹⁵ Там же. Т. IV. № 115. Стб. 261.
- ¹¹⁶ Там же. Т. X. № 8. Стб. 438.

O.B. Баранова

ДОГОВОРЫ ВОЙСКА ЗАПОРОЖСКОГО
С РОССИЕЙ И ПРАКТИКА
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СТОРОН
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
50-х – 70-е годы XVII века

Обретение Украиной государственной независимости существенно повысило интерес к проблематике зарождения и развития украинской государственности в XVII в., в частности особому статусу Малороссии в составе Российского государства. Первоочередное внимание обращается на договор Войска Запорожского с Москвой 1654 г., закрепивший широчайшую политическую автономию земель “гетманского регимента”, конституировавший права и вольности их населения. Соглашение 1654 г., носившее “вечный”, бессрочный характер, обеспечивало Украине возможность сохранения ее специфических властных институтов, административно-судебной системы, складывания социально-экономических отношений, отличных от общероссийских. Однако объем реализации таких возможностей напрямую зависел от соответствующего истолкования договора 1654 г. и последующих подтверждающих его актов, не только украинской, но и российской стороной.

То, что в соответствии с “Мартовскими статьями” 1654 г. Войско Запорожское как политико-территориальное образование сохраняло все свои характерные особенности – Раду, право избирать гетмана и старшин, отдельную правовую систему, местное самоуправление, функцию сбора налогов, вооруженные силы, и, с некоторыми ограничениями, право иностранных сношений, – нисколько не мешало царскому правительству рассматривать присоединенные территории как безусловную часть российского государства. Статус Гетманщины действительно характеризовался как особый, но при этом он отнюдь не был неприемлемым для самодержавия исключением. Еще дореволюционные специалисты по государственному праву отмечали, что вхождение отдельных территорий в состав Московского царства не обязательно и далеко не сразу происходило на правах провинций, лишенных всяких атрибутов государственной власти¹. С учетом всей сложности ситуации середины 50-х годов XVII в. Москва готова была

в течение достаточно длительного периода на признание особенностей Войска Запорожского, тем не менее, в перспективе, его автономия подлежала постепенному, но неуклонному ограничению. Чигиринское руководство, напротив, предполагало не только сохранить, но и упрочить свою самостоятельность как в сфере внутреннего управления Малороссией, так и в области внешней политики. Столь же ревниво оберегала свою независимость от Московского патриархата верхушка православного духовенства Киевской митрополии.

Столкновение двух противоположных тенденций в оценке статуса Войска Запорожского наметилось уже в первые годы после заключения договора 1654 г. Гетманское руководство совершенно игнорировало норму “Мартовских статей”, устанавливающую ограничения сношений с иностранными государствами, и вступало в несанкционированные контакты с Турцией и Польшей, со Швецией, с мая 1656 г. находившейся в состоянии войны с Россией и предпринимавшей попытки разорвать соглашение Войска Запорожского с Москвой. Условие договора 1654 г., касающееся сбора налогов с населения Малороссии и передачи их специально присланным царским представителям, не было реализовано в связи с войной и тяжелой внутренней ситуацией на Украине. Эти же факторы обусловили нарушение нормы соглашения, предусматривающей 60-тысячный реестр Войска Запорожского: численность казацкого войска, в которое принимали выходцев из крестьян и мещан, значительно превысило эту цифру. Сословные границы в украинском обществе вообще оказались сильно размытыми, а права сословий, закрепленные в положениях царских жалованных грамот, нарушались, прежде всего, не российской стороной, а самим гетманским правительством.

Многочисленные попытки Москвы привести отношения сторон в соответствие с договорными обязательствами (посольства А. Лопухина, В. Кикина, Ф. Бутурлина, А. Матвеева, отправленные в Войско Запорожское в первой половине 1657 г.), оставались тщетными. В свою очередь, царское правительство не всегда связывало свою политику строгим следованием нормам договора 1654 г. Прежде всего это касается условий о свободном избрании гетмана, о российских воеводах на Украине и их функциях (последний вопрос не был урегулирован “Мартовскими статьями” и жалованной грамотой Войску Запорожскому, что давало российскому руководству определенную свободу маневра в этой области).

Все обозначенные проблемы: объем внешнеполитических прерогатив Войска Запорожского, выполнение им своих налоговых обязательств, сложности с “показанными”, определение мест пребывания царских воевод и полномочий последних, статус

малороссийской православной церкви, – сохраняли свою остроту и актуальность на всем протяжении 50–70-х годов XVII в., непосредственно определяя характер развития отношений сторон в этот период.

Серьезные противоречия между Москвой и Чигириным, имевшие место в 1655 – первой половине 1657 г., еще больше усугубились после перехода гетманской булавы в руки И. Выговского. Влияние его “группы”, представленной виднейшими деятелями Освободительной войны 1648–1654 гг. (И. Богуном, П. Дороженко, И. Лизогубом, М. Ханенко, И. Нечаем и др.) было очень сильным уже в последние годы гетманства Богдана Хмельницкого², когда, собственно, и оформился внутриполитический курс чигиринского руководства, направленный на создание “шляхетско-старшинского рая” в границах Войска Запорожского. Препятствием к реализации этого курса, означавшего конец эгалитаризма времен Освободительной войны, стали настроения мещан, поспольства, а особенно – “показанных” и представителей Запорожской Сечи, т.е. той категории лиц, которую Т.Г. Яковлева обобщенно именует “анархо-запорожской оппозицией”. Политическая “недалекость” этих слоев, равно как и тех старшин, которые в борьбе за гетманскую булаву пытались заручиться поддержкой Москвы, по мнению исследовательницы, не позволила “государственной группировке” И. Выговского воплотить в реальность идею *de jure* независимой Гетманщины³. Следует заметить, что эти “недалекие” люди отстаивали свои социальные интересы, как они их понимали, и это было неизбежно в государстве, родившемся из массового народного восстания.

Московское правительство несомненно учитывало внутреннюю ситуацию в Малороссии, намереваясь использовать недовольство значительной части ее населения политикой гетмана и старшины для укрепления института воевод в украинских городах. Планируемое наделение царских представителей рядом административных и судебных функций⁴ должно было ограничить всевластие казацкой верхушки и православной шляхты, занявших ключевые позиции в управлении Малороссией. В попытках избавиться от контроля Москвы украинская элита стремилась заручиться внешней поддержкой, последовательно обращая свои взоры на Крым, Швецию, Речь Посполитую. Датированный 6(16) октября 1657 г. договор И. Выговского со шведскими представителями фиксировал обязанность Карла X “признать и огласить Запорожское Войско вместе со всеми подвластными ему провинциями как вольный и никому не подлежащий народ”, а кроме того, обеспечить ему защиту от всех врагов⁵. Этот договор о шведском протекторате остался нереализованным, но явно продемонстри-

ровал цели, которых при благоприятной ситуации хотела бы добиться группировка вокруг И. Выговского.

События гражданской войны на Украине в период гетманства И. Выговского, постоянная угроза его власти со стороны оппозиционных левобережных полковников и Запорожской Сечи, ухудшившиеся отношения с царским правительством подтолкнули гетмана к заключению Гадячского соглашения 6(16) сентября 1658 г. с Речью Посполитой. Первоначальная редакция этого договора гарантировала создание в границах Киевского, Черниговского и Брацлавского воеводств “Княжества Руського” со статусом равноправной части федерации (наряду с Короной и Великим княжеством Литовским), где казацкая верхушка должна была приобрести то положение, которое принадлежало шляхте.

Российское руководство, чтобы удержать Войско Запорожское и разорвать оформленшийся к началу 1659 г. украино-польско-татарский союз, готово было на максимальные уступки. 7(17) февраля 1659 г. датирован “тайный наказ” князю А.Н. Трубецкому, допускавший примирение с Выговским на условиях, сходных с гадячскими. Если Выговский захочет быть по-прежнему в подданстве царского величества и подаст статьи, в которых станет требовать себе “гетманство и воеводство Киевское, а полковникам и иным начальным людем – шляхетства, вольности шляхецкие и маентности”, тогда, “примеряся к тем статьям и смотря по тамошнему делу, и буде в тех статьях не будет самых высоких и затейных... которые не к чести государеву имяни, и на тех статьях договор учинить”. Царское правительство соглашалось также вывести из украинских городов, включая Киев, своих воевод, а если гетман “учнет говорить упорно, чтоб и ратным людем в Киеве не быть...”, то не исключался и такой вариант развития событий. Если же Выговский предложит какие-либо совершенно новые статьи, то Трубецкой должен поступать, учитывая ситуацию и “применяся к прежним статьям”⁶ (т.е. договору 1654 г.).

Однако гетман не доверял таким мирным инициативам, опасаясь, что при первой же возможности его сменят, и царское правительство возьмет назад свои обещания. До переговоров дело не дошло, поскольку началось открытое военное противостояние. Сокрушительное поражение, нанесенное царским войскам в битве под Конотопом (конец июня 1659 г.), не укрепило, тем не менее, социальной базы Выговского на Украине. Промосковские настроения крепли не только на Левобережье, но и на запад от Днепра. После того как стала известна окончательная редакция Гадячского договора, так “обкроенного” польским сеймом при ратификации, что он становился “абсолютно нежизнеспособен”⁷, падение гетмана было предрешено.

Что касается выводов украинской историографии о попытках российской стороны пересмотреть договор 1654 г. в период гетманства И. Выговского⁸, то они спорны. Царские предложения, переданные чигиринскому руководству через А. Матвеева (сентябрь 1657 г.) и Б. Хитрово (январь 1658 г.)⁹ нельзя рассматривать в качестве проектов нового договора. Претензии Москвы оставались в рамках соглашения 1654 г., которое подлежало подтверждению на Переяславской раде 25 января 1658 г. Вопрос об отправке воевод в большинство крупных городов Малороссии неоднократно ставился российской стороной в 1655–1657 гг., и эти предложения не являются свидетельством ревизии “Мартовских статей” и жалованной грамоты Войску Запорожскому 1654 г., ибо их нормы не регулировали численность и конкретные места пребывания царских представителей. На этот счет между сторонами имелись только устные договоренности. Поставленные А. Матвеевым и Б. Хитрово требования о выводе казаков из белорусских городов и о выдаче беглых московских крестьян с территории полков Войска Запорожского не затрагивали основ автономии Малороссии и касались, хотя и важных, но частных вопросов.

Попытки ревизии соглашения 1654 г. предпринимало не царское правительство, а Запорожская Сечь, оппозиционная Выговскому. Так, в ноябре 1657 г. посланцы кошевого Я. Барабаша – М. Стринжа с “товарищи” – подали в Посольский приказ “статы”, в которых предлагалось: “...и без воли великого государя своего... самим нам гетманов не переменять...”, избрав же нового гетмана – просить у царя “на подтверженье гетмацства жалованную грамоту...”¹⁰ (и это несмотря на то, что соглашение 1654 г. предусматривало лишь уведомление царя об избрании и присягу нового гетмана российскому монарху).

Кроме того, посланцы Я. Барабаша заявили на переговорах, что “тому ради всею чернью и мещаня, чтоб царьского величества воеводы у них в городех были, да не допускают де того полковники для своих корыстей”¹¹.

Еще до сложения И. Выговским булавы Украина фактически раскололась. Левобережье вновь присягнуло царю, а правобережная старшина избрала новым гетманом Ю. Хмельницкого, выдвинув крайне автономистские предложения, на условиях которых соглашалась вернуться в российское подданство. Так называемые “Жердовские статьи”¹² не только учитывали опыт самых последних событий в Малороссии, но и являлись синтетическим по характеру проектом (туда были включены наиболее важные, с точки зрения самостоятельности Украины, положения договоров Войска Запорожского с Польшей и Россией: Зборовского,

Московского и Гадячского). Кроме общего условия о подтверждении в полном объеме прав и вольностей, гарантированных в “статьях” Богдана Хмельницкого 1654 г., проект предусматривал и ряд серьезных новаций. В нем содержались требования, чтобы царские воеводы находились только в Киеве, а московские войска, вступающие на территорию Украины, были поставлены под командование гетмана (явная рецепция соответствующей нормы Гадячского соглашения). Проект включал также важнейшие положения о чисто формальном контроле Москвы за дипломатическими сношениями Войска Запорожского (вместо ограничений на контакты с Турцией, Речью Посполитой и другими царскими “неприятелями”) и об участии казацких представителей в мирных переговорах России с другими государствами (учитывался негативный опыт Виленской комиссии 1656 г., куда не были допущены посланцы Богдана Хмельницкого). Кроме того, в “статьях” подтверждалась властные полномочия гетмана и полковников, оговаривались права киевского митрополита и всего малороссийского духовенства, которое по-прежнему должно было находиться под властью константинопольского патриарха. Был учтен также опыт недавних событий: доносов М. Пушкаря и Я. Барабаша, прямых контактов Запорожской Сечи с Москвой в обход официального чигиринского руководства. Предлагалось, чтобы отныне все “листы” из Войска Запорожского царь принимал только в том случае, если они будут с подписью гетмана и войсковой печатью. Составленный в Жердевой проект не касался вопросов пересмотра финансовых и налоговых отношений сторон, хотя более чем вероятно, что там просто не были учтены эти недействующие нормы соглашения 1654 г.

В.Н. Горобец называет “Жердевские статьи” попыткой “конституирования принципов политического вассалитета во взаимоотношениях с царем”¹³. Т.Г. Яковлева утверждает, что авторы “статьй” подразумевали обеспечение “полной независимости” Гетманщины и сведение “вассалитета в отношении Москвы до минимума”¹⁴. Действительно, в соответствии с условиями “Жердевских статей”, связь Войска Запорожского с Москвой становилась призрачной и сводилась лишь к формальному признанию юридического верховенства российского монарха над Украиной, к присутствию царского воеводы в Киеве и к “наблюдению” Москвы за дипломатической перепиской Чигирина. Более радикального проекта, чем “Жердевские статьи”, не было за всю историю российско-украинских договорных отношений.

Однако события развивались по сценарию, неблагоприятному для автономистских устремлений правобережной старшины. На Переяславской раде в октябре 1659 г., большинство участников

которой составляло левобережное казачество и “чернь”, “Жердевские статьи” были “отговорены” и приняты 14 “прежних” статей Богдана Хмельницкого и 18 “новых” статей.

В украинской историографии Переяславские “прежние” статьи 1659 г. оцениваются как умышленный фальсификат договора 1654 г., сделанный с целью ликвидации многих прав и вольностей Войска Запорожского¹⁵. Оригинальные “статьи” Богдана Хмельницкого содержали 11 пунктов. 14 “прежних” статей, объявленных на Раде в октябре 1659 г. явились результатом переработки содержания черновых списков соглашения 1654 г., сделанной российским представителем А.Н. Трубецким в ходе предварительных переговоров со старшиной. Проблема заключалась в том, что Ю. Хмельницкий и полковники не были знакомы с текстом подлинного договора 1654 г. (не имели его на руках)¹⁶. В.Н. Горобец оспаривает это утверждение, отмечая, что на чигиринской старшинской раде 26 августа 1657 г. этот документ зачитывался. Но, вероятно, следует согласиться с замечанием П.А. Шафранова, что содержание “Мартовских статей” 1654 г., оглашенное в августе 1657 г., было основательно забыто старшиной, за исключением главного и широко известного – условий о сохранении всех давних прав и вольностей Войска Запорожского¹⁷. Трубецкой не замедлил этим воспользоваться. Не зная подлинного содержания договора 1654 г., гетман, старшина, казаки и “чернь” на раде в Переяславе “били челом великому государю... что им, всему войску запорожскому, все те прежние статьи надобны”¹⁸, и не сделали возражений против изменений, внесенных Москвою в оригиналный текст соглашения 1654 г. Таким образом, российская сторона действительно умышленно ввела в заблуждение своего контрагента.

Половина из “прежних” статей Богдана Хмельницкого в “редакции” 1659 г. имела полную или частичную преемственность с договором 1654 г., но ряд новых условий существенно ограничивал степень автономии Малороссии. Так, статья 4 варианта 1659 г. повторяла прежнее положение жалованной грамоты всему Войску Запорожскому от 27 марта 1654 г. о вольном избрании гетмана, но вносила и важное дополнение: вновь избранный гетман должен был получать клейноты и подтвердительную грамоту на уряд лично от царя в Москве. Что касается формулировки об утверждении гетмана царем, то она не возникла исключительно по инициативе российской стороны. Определенная “заслуга” в ее появлении принадлежала не только представителям Запорожья, но и И. Выговскому, который, не чувствуя себя уверенным в новом статусе вплоть до января 1658 г., неоднократно во второй половине 1657 г. ставил вопрос о подтверждении своего гетман-

ского достоинства¹⁹, и даже опасался царского гнева в связи с тем, что “без государева указу обран гетманом”²⁰.

Статья 8 “прежних” статей в редакции 1659 г. подтверждает, что “права духовные, так и мирские ни в чем нарушены не будут”, но тут же фиксирует: “...Митрополиту Киевскому, так и иным духовным Малые России быти под благословением святейшего патриарха Московского и всея Великие, Малые и Белые России, а в права духовные святейший патриарх вступатися не будет”²¹. Таким образом, Киевская митрополия формально должна была перейти под юрисдикцию Московского патриархата, однако с сохранением автономии в своих “духовных правах”. Такая, довольно компромиссная, формулировка учитывала сложный опыт развития отношений царского правительства с малороссийским духовенством в предшествующие годы. Российскому руководству было хорошо известно о неприятии православными иерархами Украины союза Войска Запорожского с Москвой и самой идеи зависимости от сильного Московского патриархата вместо чисто номинального подчинения далекому Царьграду. В результате, документы, в совокупности составляющие договор 1654 г., были так отредактированы, что из них сложно вывести заключение о безусловном подтверждении всех прав духовного чина Малороссии, включая юрисдикцию Константинополя.

Что касается светских чигиринских властей, то их позицию по данному вопросу трудно назвать последовательной. Вероятно, в связи с заключением соглашения 1654 г., они некоторое время воспринимали как данность перспективу “благословения” московского патриарха. И. Выговский со второй половины 1654 г. стал именовать Никона патриархом Великой и Малой России²²; Богдан Хмельницкий, обращаясь к последнему, употреблял выражение “наш зверхнейший пастырь”. В то же время, гетман снабдил своими рекомендательными письмами к царю отправленное С. Косовым летом 1654 г. посольство малороссийского духовенства, в документах которого центральным являлся пункт о дозволении оставаться “под послушенством” константинопольского патриарха²³. Однако миссия, возглавляемая И. Гизелем, не достигла этой цели – решение на поданные статьи было отложено, и вопрос, по сути, остался неурегулированным. Уже после смерти С. Косова в 1657 г., посланец Б. Хмельницкого Ф. Коробка заявил на переговорах в Посольском приказе что “...гетман и все войско... желают того, чтоб изволил приехать в Киев великий государь Никон, патриарх Московский и Великия и Малыя и Белыя России и там бы митрополита на митрополию... благословил; а они, де, все его патриаршу пришествию ради”²⁴. После ухода с политической сцены Богдана Хмельницкого светский Чигирин на

время устранился от решения церковных проблем. В августе 1657 г. А. Бутурлин побуждал малороссийских игуменов согласиться быть под “послушанием” Никона, не выбирать митрополита и не посыпать на места епископов без предварительного разрешения и указа московского патриарха. Тогда же черниговский архиепископ Лазарь Баранович объявил Бутурлину, что он с архимандритами и игуменами и всей паствой приговорили быть под послушанием святейшего патриарха Великой и Малой и Белой России – Никона²⁵. Так был создан прецедент для появления нормы ст. 8 Переяславских “прежних” статей 1659 г. Нельзя не отметить и тот факт, что на октябрьской Раде в Переяславе не было высших православных иерархов, а присутствовавшее белое духовенство, тесно связанное со своими рядовыми прихожанами, знавшее их проблемы и чаяния, в большинстве своем симпатизировало Москве и не возражало против внесенного ст. 8 положения.

Очень важным явилось условие ст. 9 “прежних” статей в редакции 1659 г. о запрещении гетману и Войску Запорожскому всяких иностранных сношений (как активных, так и пассивных) с мотивировкой о лишних расходах для войсковой казны. Всех иноzemных посланников предписывалось отправлять в Москву²⁶. Такая жесткая, по сравнению со ст. 5 оригинального договора 1654 г., формулировка была вызвана постоянными контактами Чигирина в 1655–1658 гг. со Швецией, Польшей, Крымом, Турцией и Трансильванией, содержание которых часто вступало в резкое противоречие с интересами Москвы.

Очевидно, серьезно усилило позиции российских представителей на Раде окончательное разрешение отложенного в “Мартовских статьях” 1654 г. вопроса о денежном содержании рядового казачества. Норма ст. 6 договора 1659 г. не только подтверждала 60-тысячный реестр Войска Запорожского, но и предусматривала выплату реестровым по 30 польских золотых в год из царской казны из доходов, собираемых с малороссийских городов. В частности, пример со ст. 6 приводил П.А. Шафранов в подтверждение своего вывода о том, что участники Переяславской рады очень охотно приняли статьи в “редакции” А.Н. Трубецкого, поскольку они приносили очевидные выгоды рядовому казачеству²⁷.

Положения 18 “новых”, добавочных статей²⁸, учитывавших последние события на Украине, в подавляющем большинстве явились результатом инициативы Москвы, получившей одобрение Рады. Важнейшим из условий “новых” статей стало формальное закрепление присутствия царских воевод и гарнизонов в ряде крупных городов Украины: Переяславе и Нежине (“на своих запасах”), в Киеве, Чернигове, Брацлаве и Умани (за счет малороссийских доходов). Однако функции воевод сводились только к

“обороне от неприятелей”. Им было запрещено вмешательство в войсковые права и вольности, в “полковничьи поборы”.

Следует отметить, что на предшествовавших Переяславской Раде 1659 г. переговорах Трубецкого со старшиной наиболее острые дебаты разгорелись относительно требования Алексея Михайловича, чтобы в Новгороде-Северском, Чернигове, Стародубе и Почепе были царские воеводы и ведали всеми делами, ибо эти города исстари принадлежат к Московскому государству. Казаков предлагалось оттуда вывести, а если некуда, то они поступят непосредственно под власть воевод. Ю. Хмельницкий и старшины заявили, что это будет нарушением прежних прав и вольностей, и если объявить такое условие на Раде, то нечего даже ожидать прекращения междуусобия²⁹. Вероятно, в то время российская сторона и не планировала в действительности реализовать идею о выводе Северщины из-под власти Чигирина, и такие изначально неприемлемые условия были поставлены намеренно, чтобы окончательная формулировка о присутствии воевод в украинских городах, закрепленная “новыми” статьями, уже сама по себе казалась уступкой, компромиссным решением.

Еще одним серьезным моментом в “новых” статьях было ограничение права гетмана самостоятельно, без решения общей Рады, назначать или “отставлять” полковников и старшину, а также ограничение его судебной власти (запрет “карать горлом” наказного И. Беспалого, полковников Т. Цюцуру, В. Золотаренко и их старшину, под предлогом, что И. Выговский напрасно казнил многих людей, верно служивших государю).

Противоречило сущности базового соглашения 1654 г. условие “новых” статей о запрещении смещать гетмана за какие-либо провинности (кроме случаев прямой измены царю) без предварительного указа царя, который велит сыскать о “проступке” всем Войску Запорожским. Данное положение почти дословно взято из “статей”, поданных посланниками Запорожской Сечи в Польский приказ в ноябре 1657 г.

Следует отметить, что многие пункты “новых” статей 1659 г. в качестве санкций за их нарушение предусматривали смертную казнь. Такие попытки добиться от украинской стороны неукоснительного выполнения договорных обязательств во многом явились отражением предшествующей борьбы с Выговским, желанием жестко пресечь всякие “измены” на будущее.

Определяя значение договора 1659 г. В. Горобец и Т. Яковleva отмечают, что в соответствии с этим актом Гетманщина как держава (даже вассальная) утратила свою самостоятельность³⁰. По нашему мнению, нормативное содержание “Мартовских статей” 1654 г. не дает оснований рассматривать Гетманщину в каче-

стве вассального государства *de jure*, однако внесенные в 1659 г. изменения серьезно ограничивали ее автономию в составе Московской державы.

С “прежних” и “новых” статей 1659 г. были сделаны печатные копии и разосланы во все “черкасские полки” для ознакомления. В результате, именно в редакции 1659 г. Войску Запорожскому стали известны “прежние” статьи Богдана Хмельницкого, и именно вариант 1659 г. подтверждался затем присягой и подписями последующих гетманов.

Изучив по прибытии в Чигирин положения Переяславского договора 1659 г., старшины увидели в нем “небывалое” и после взаимных обвинений решили отправить к царю посольство с целью пересмотра ограничений. В “добавочных пунктах”³¹, доставленных в Москву в декабре 1659 г., была сделана попытка реанимировать некоторые положения “Жердевских статей”, отклоненных на Переяславской раде. Комплекс наиболее острых вопросов остался прежним: царских воевод (за исключением нападения неприятелей) не должно быть нигде, кроме Киева и Переяслава (п. 1), гетман со старшиной вправе свободно судить как “начальных людей”, так и “чернь” по давним войсковым правам (п. 2); запрет на иностранные сношения Войска Запорожского должен быть снят, а казацкие представители с “вольными голосами” могут присутствовать на переговорах России с Польшей и другими окрестными государствами (п. 4–6). Вопрос же о подчинении Киевской митрополии необходимо передать на усмотрение самих православных иерархов и константинопольского патриарха (п. 9). Таким образом, “добавочными пунктами” были бы перечеркнуты важнейшие положения “прежних” и “новых” статей 1659 г.

Серьезной уступкой, на которую согласилось царское правительство, стало возвращение Войску Запорожскому права иностранных сношений с ограничениями, в целом соответствующими условиям соглашения 1654 г. Также положительно был решен вопрос о присутствии казацкой делегации на будущем съезде с польскими комиссарами. Однако на п. 1, 2 и 9 (наиболее существенные с точки зрения украинской автономии) царь указал “быть по нынешнему Переяславскому договору”. Такая позиция Москвы не способствовала улучшению ее отношений с чигиринским руководством. В сочетании с тяжелой военно-политической ситуацией, это привело к заключению 7(17) октября 1660 г. Чудновского (Слободищенского) трактата Войска Запорожского с Речью Посполитой, который, в целом, повторял условия урезанного сеймом Гадячского договора.

Промосковские настроения сохранила часть Левобережья во главе с наказным Я. Сомко и В. Золотаренко. Несколько полков

“отложились” от Ю. Хмельницкого, отказавшись вернуться в состав Речи Посполитой. В оппозицию Ю.Хмельницкому стала Запорожская Сечь, чьи лидеры, И. Сирко и кошевой И. Брюховецкий, сами рвались к гетманской власти. Среди претендентов на гетманскую булаву восточного берега Днепра Москва постепенно склонялась к кандидатуре И. Брюховецкого. Этот энергичный и честолюбивый выходец из низов не пользовался поддержкой среди старшин (“не природный казак”) и пытался опереться на широкие массы, подчеркивая свое социальное родство с ними (“чернь с милою охотою позволяет”, “мои односумы”)³², на Запорожскую Сечь, избравшую его “кошевым гетманом” (а не атаманом), а также на московских воевод (в частности на Г.Г. Ромодановского). Постепенно Брюховецкому удалось заручиться поддержкой главного советника Москвы в “украинском вопросе” – бывшего нежинского протопопа М. Филимоновича, возведенного митрополитом Сарским и Подольским Питиримом в епископы Мстиславские и Оршанские под именем отца Мефодия. Брюховецкий писал последнему, что “нам не о гетманстве надобно стараться, а только князя Малороссийского от Его Царского Величества... имети, чтоб порядок лутший был и обереженье всякое...”³³

На раде, созванной в Нежине в июне 1663 г. для выборов “совершенного” гетмана, булаву получил ставленник “черни” и Москвы И. Брюховецкий. В конце августа 1663 г. на Украину отправилось российское посольство во главе с “государевых тайных дел” дьяком Д.М. Башмаковым, вручившее гетману и старшине Переяславский договор 1659 г. для подтверждения. Однако на переговорах в Батурине в ноябре 1663 г., старшина заявила, что всех этих “статей” (особенно условия о сборе в царскую казну денежных доходов и о выплате жалованья урядникам и рядовым казакам) “за разореньем от неприятельских приходов” и “за скудостию никак содержать теперь невозможно”, к тому же “новые” Переяславские статьи принимали “заднепряне”, которые сейчас в измене. По настоянию Д.М. Башмакова, гетман и старшина все же скрепили Переяславский договор 1659 г. своими подписями, но оставляли за собой право “бити челом” царю о тех положениях, которые нельзя исполнить по настоящему времени³⁴. На ноябрьских переговорах 1663 г. обсуждался по инициативе Москвы и ряд положений, дополнительных к содержанию Переяславского договора 1659 г. Д.М. Башмаков на переговорах поднял вопрос о реализации ст. 6 Переяславского договора 1659 г., предусматривавшей сбор доходов с населения Малороссии, из которых выплачивалось бы жалование реестровому казачеству. Дьяк предлагал с этой целью провести пе-

репись доходов и составить реестр. Решение вопроса в так называемых “Батуриных статьях” 1663 г.³⁵ было отложено. Гетман и старшина ссылались на то, что “под сей военный час... реестра учинить и казны сбирать не мочно”. В дальнейшем попытки русского правительства добиться реализации этих норм столкнулись с резкой реакцией украинской стороны.

Между тем возведенный в гетманы массами рядового казачества и “черни” Брюховецкий уже с 1664 г. начал стремительно терять социальную поддержку на восточной стороне Днепра. Осложнились его отношения с мещанами украинских городов, так как гетман намеревался лишить их привилегий, гарантированных королевскими привилегиями и подтвержденными царскими жалованными грамотами, претендуя на право самостоятельно устанавливать налоги и повинности. В ответ мещане просили прислать российских воевод, чтобы ограничить казацкий произвол. Запорожская Сечь фактически не подчинялась Брюховецкому и напрямую “сносилась” с Москвой.

Отношения гетмана с местоблюстителем Киевской митрополии отцом Мефодием также не складывались. М. Филимонович поддержал в свое время кандидатуру Брюховецкого на условиях, что, получив гетманский уряд, тот откажется от взимания поборов с мещан в пользу государевой казны, из которой и будет выдаваться денежное и хлебное содержание реестровым казакам. Однако, утвердившись в своем новом статусе, гетман озабочился “умножением” своего “скарба”, и уже не торопился выполнять обещание, данное Д. Великогагину после Нежинской рады июня 1663 г. Кроме того, “при том значении, которым пользовался Мефодий”, И. Брюховецкий не чувствовал себя “полновластным хозяином” в Малороссии. В итоге, уже с августа 1663 г. в Москву полетели доносы гетмана, где он обвинял малороссийское духовенство в “не православии” и выказывал опасения, что “шатости” в Войске Запорожском не избежать, если Мефодий получит митрополичью кафедру³⁶. М. Филимонович, в свою очередь, сообщал царю, что полагаться на Брюховецкого не следует и надлежит держать его в страхе, укрепляя малороссийские города государственными ратными людьми.

Таким образом, несмотря на наличие “совершенного” гетмана, ситуация в Войске Запорожском не стабилизовалась. И. Брюховецкий с трудом удерживал свою власть, а накопившиеся проблемы требовали своего скорейшего разрешения. В сентябре 1665 г., реализуя условие ст. 4 Переяславских “прежних” статей 1659 г., гетман и большое посольство старшин, казаков, мещан, представителей духовенства отправились в Москву для заключения нового соглашения.

Основной проблемой на начавшихся переговорах стал вопрос о поступлении денежных сборов с малороссийских городов непосредственно в царскую казну. Поначалу И. Брюховецкий противился включению в новые статьи такого положения, ссылаясь, как и во время батуринских переговоров 1663 г., на “время воинское и шаткое”³⁷. Но отстоять свою точку зрения гетману не удалось. К середине октября 1665 г. он согласился на ежегодное поступление денежных и иных податей с мещан и поселян, с приходов кабацких, дани медовой, доходов с мельниц и чужеземных купцов в государеву казну. Функция сбора податей была закреплена за царскими чиновниками, а контроль за их деятельностью возлагался на воевод, которым, по смыслу ст. 1 нового договора, и должно было передаваться собранное. Из этих средств надлежало выплачивать жалованье казакам после составления реестра. Таким образом, речь не шла о получении русским правительством каких-либо непосредственных финансовых выгод, а об усилении его присутствия на Украине за счет перехода в его руки одной из главных функций государственной власти.

Помимо урегулирования финансовых вопросов Московское соглашение 1665 г.³⁸ (ст. 1) содержало беспрецедентное условие о передаче городов и сел Малороссии, ее неказацкого населения под непосредственную власть царя (воеводское управление): “попнеже... от Бога врученное дело городами и землями владети и оные заступати – монархом, а не гетманом”. Мотивом такого своего предложения украинская сторона обозначила необходимость “усмирения частой шатости” в Войске Запорожском. Положение ст. 1 договора 1665 г. кардинальным образом изменяло правовой статус Войска, ибо “из подчинения гетману выводились отдельные сословия”, а следовательно, и территории, ими населенные; кроме того, финансовая система Малороссии была поставлена под контроль московского правительства³⁹. Царские воеводы, кроме Киева, Чернигова и Нежина, где они уже пребывали, направлялись в Полтаву, Остер, Лубны, Миргород, Кременчуг и другие города Украины. И. Брюховецкий настоял, чтобы даже на Запорожскую Сечь (в Кодак), “никогда не знавшую воеводского правления”, но представлявшую к тому времени угрозу его гетманской власти, был назначен воевода с ратными людьми. Вместе с тем Московский договор 1665 г. (ст. 2, 5) вновь гарантировал невмешательство воевод в казацкие суды.

Норма ст. 3 соглашения 1665 г. не только воспроизводила положение ст. 4 “прежних” Переяславских статей 1659 г. (о поездке вновь избранного гетмана за утверждением в Москву), но закрепляла и важное дополнение: запрещено было производить выборы нового гетмана (по смерти предшественника) без указа царя и без

его представителя на Раде. Даже норма ст. 7 “новых” Переяславских статей 1659 г. не была столь категоричной, предусматривая необходимость царского указа на переизбрание гетмана лишь в случае каких-либо его провинностей и после того, как их факт будет доказан.

В ст. 4 Московского соглашения 1665 г. украинской стороной было выдвинуто радикальное предложение о присылке на Киевскую митрополию “святителя русского”, чтобы духовенство малороссийское не оглядывалось на “митрополитов, под рукою королевскою будучих” (т.е. Д. Балабана) и в “шатости войску вредительной не было”, а народ, таким образом, лучше утверждался под рукою его царского величества. По сравнению с нереализованным условием ст. 8 “прежних” статей 1659 г. (о формальной передаче Киевской митрополии под “благословение” московского патриарха) норма договора 1665 г. идет еще дальше, закрепляя, во-первых, не выборы, а назначение митрополита из Москвы, во-вторых, его великорусское происхождение. Резолюция царя на ст. 4 сводилась к тому, что о предложенном условии он “перешлется” с константинопольским патриархом, и если тот даст “благословение” на присылку киевского митрополита из Москвы, тогда и последует соответствующий царский указ.

А. Яковлев полагал, что предложение о назначении “святителя русского” исходило от отца Мефодия, который таким образом стремился получить кафедру киевского митрополита для себя, ибо был возведен в епископы в “Московском государстве”, митрополитом Питиримом⁴⁰. Более близким к действительности представляется предположение В. Эйнгорна, отмечавшего, что инициатором условия ст. 4 был сам гетман, намеревавшийся ограничить роль высшего православного духовенства Малороссии, мешавшего укреплению его власти⁴¹. Как бы там ни было, Москва в данном вопросе продемонстрировала достаточную осторожность.

Что касается остальных статей соглашения 1665 г., то они не носили принципиального характера. Ст. 9 этого договора лишь подтверждала положения ст. 9 и 10 “прежних” Переяславских статей 1659 г. о запрещении любых внешних сношений Войска Запорожского.

По поводу позиции гетмана при заключении Московского соглашения 1665 г. в украинской историографии существуют различные мнения. В.А. Смолий и В.С. Степанков видят в И. Брюховецком защитника национальных интересов, борца с охлократией казацких низов, с претензиями Запорожья на самостоятельную политическую роль. Однако открыто “промосковская” позиция генерального писаря С. Гречаного и киевского

полковника В. Дворецкого привела к “капитуляции” украинской делегации на переговорах в Москве⁴². В.Н. Горобец, чья позиция кажется более объективной, подчеркивал, что при заключении договора 1665 г. возобладали “сословный эгоизм, политическая недалекость и превалирование частных интересов над государственными”⁴³.

Отсутствие у Брюховецкого какой-либо опоры, социальной базы, стремление сохранить свою власть при сильной поддержке центрального правительства, вынуждали его предлагать такие условия нового соглашения, которые во многом соответствовали намерениям Москвы и даже опережали ее планы по теснейшей инкорпорации Малороссии. Нужно отметить, что при заключении договора 1665 г. отчасти повторилась ситуация, имевшая место в гетманство И. Выговского, с той лишь разницей, что украинское руководство переориентировалось с Варшавы на Москву. В жалованной грамоте Запорожскому войску, выданной одновременно с Московским договором, говорилось о даровании гетману боярского сана; а представителям старшины – дворянского звания, гетману и полковникам пожалованы были села “на уряды”⁴⁴. Эти права новая элита украинского общества хотела сохранить и упрочить, опираясь на поддержку русских войск.

С реализацией норм договора 1665 г. возникли большие трудности. Первым отреагировало на новые “статьи” высшее киевское духовенство во главе с “местоблюстителем” Мефодием и архимандритом Киево-Печерской лавры И. Гизелем. Православные иерархи заявили киевскому воеводе В.Б. Шереметеву, что согласны скорее умереть, чем принять митрополита из Москвы, и намеревались отправить к царю своих челобитчиков по этому вопросу. Возражения Шереметева, что разрешение проблемы отдано на усмотрение константинопольского патриарха (как это предусмотрено ст. 4 договора 1665 г.), киевское духовенство не успокоили, ибо оно опасалось тайного наказа патриарха из Москвы с предложением поставить в Киев митрополита из России. Шереметев пришел к выводу, что митрополиту-великороссиянину в Киеве “никакими мерами быть нельзя”, и отправил соответствующую реляцию царю⁴⁵. Таким образом, малороссийскому духовенству удалось отстоять свои права.

Самые серьезные проблемы возникли в деле проведения в жизнь основной статьи 1 договора 1665 г. о выводе из-под юрисдикции гетманского правительства городов и сел Украины вместе с населявшими их мещанами и “посполитством”, а также о сбore доходов в царскую казну через посредство воевод. Казачество сразу отнеслось к такой перспективе как к нарушению своих исконных прав, ибо лишалось податей с городов. Кроме того, в Гет-

манщине установилось “троевластие”: воеводы со своими гарнизонами, полковники с полковой администрацией, городские магистраты. При отсутствии резких сословных границ это “вело к бесконечным пререканиям и грозило смутой”⁴⁶.

Прошедшая на Украине в середине 1666 г. перепись населения не внесла ясности в установление сословных границ, распределение повинностей и сбор податей. Многие отсутствующие на местах казаки были записаны в “окладных книгах” как крестьяне, лишаясь, таким образом, своего привилегированного статуса. Это вызвало лавину жалоб, как и то, что воеводы разрешили поспольству винокурение на продажу, нарушив монополию казачества, гарантированную Переяславским договором 1659 г. (ст. 5 “новых” статей). Кроме того, излишним рвением в сборе податей воеводы очень скоро восстановили против себя мещан и посполитых, что вызвало массовое “показание” украинского населения в 1666–1667 гг. В связи с этим обострились отношения малороссийских властей с центром. Шереметев доносил, что полковники и старшины записывают в казаки всех желающих. Прилуцкий полковник Л. Горленко не скрывал, что гетман сам “велел... некоторые мещане и уездные люди написаны в окладных книгах, а похотят описана в козаки..., тех людей в козаки писать”⁴⁷. Были и другие претензии к Брюховецкому, который не стеснял себя строгим следованием нормам российско-украинских соглашений. Еще в мае 1666 г. Мефодий сообщал, что гетман произвольно меняет старшину: “...в Переясловль де, да в Полтаву, да в Миргород... выбрал полковников без посполитой рады..., не по их стародавним правам” (т.е. нарушил действующее условие ст. 8 “новых” Переяславских статей 1659 г. – *О.Б.*), казнит без “сыску” многих старшин и казаков⁴⁸. Кроме того, Брюховецкий продолжал собирать подати с мещан и посполитых, и даже устанавливал новые пошлины “на великого государя”. Шереметев тщетно предупреждал гетмана, “чтоб он в Малороссийские города и во всякие доходы и сборы не вступался и договор свой Московский содерживал”⁴⁹. Многие посполитые от двойного налогового гнета бежали на Запорожье, которое, по мнению Брюховецкого, “стоило неприятеля”, поддерживая контакты с правобережным гетманом П. Дорошенко. Относительно реализации того положения Московского договора 1665 г., которое предусматривало размещение царского воеводы с гарнизоном в Кодаке, кошевой Сечи Ждан Рог, обращаясь к гетману, высказался весьма недвусмысленно: “послышили мы, что Москва будет в Кодаке, но ея там не надобно...”⁵⁰

Новая налоговая политика и ошибки, а зачастую и злоупотребления при проведении переписи, косвенно ударили по авторитету Брюховецкого (который и так был невелик).

Но определяющее значение в развитии дальнейших событий сыграло заключенное 20 января 1667 г. Андрусовское перемирие Польши и России. Согласно его условиям, Левобережная Украина оставалась за Москвой, Киев до 1669 г. – тоже. Запорожье становилось совместным владением сторон – “на общую их службу от наступающих... бусурманских сил”. Ст. 18 и 19 договора в Андрусове, детализированные утвержденным в декабре 1667 г. “Союзным постановлением”, определяли обязанность России и Речи Посполитой помогать друг другу в случае нападения турок, поддерживающих П. Дорошенко. Кроме того, царское войско должно было помочь королю очистить Правобережье от татар и привести казаков к послушанию. По Малороссии поползли слухи, что Москва помирилась с поляками, чтобы “искребить” казаков, что “царю Украина не надобна, он ее вместе с Киевом отдал Польше”.

Стремясь сохранить свою власть в условиях повсеместного недовольства политикой России и его собственной, Брюховецкий собрал старшинскую раду, приговорившую разорвать с Москвой и объединиться с Правобережьем под протекцией Турции. С начала 1668 г. киевский воевода В.Б. Шерemetev со всех сторон получал тревожные известия о постоянных столкновениях воевод с полковниками и их администрацией, об отказе мещан, по “наущению казаков”, платить подати и исполнять повинности⁵¹. На Левобережье были посланы успокоительные царские грамоты к гетману и духовенству, где их “обнадеживали относительно удержания Киева и извещали об отправке в Малороссию И. Желябужского, который должен был прочесть старшине статьи Андрусовского договора”⁵². Царское правительство соглашалось даже на отмену или исправление условий “Московских статей” 1665 г. о воеводском управлении в случае прямого о том челобитья. Но было уже поздно. После расправы казаков Брюховецкого над московским гарнизоном Гадяча в феврале 1668 г., восстание охватило все Левобережье. В июле 1668 г. гетманом объединенной Украины стал П. Дорошенко, вынужденный вскоре вернуться на западную сторону Днепра и отражать наступление польских войск. Оставленный на Левобережье наказным гетманом Д. Многогрешный, в условиях продвижения московских войск во главе с князем Г.Г. Ромодановским и отсутствия помощи со стороны П. Дорошенко, вынужден был вступить в переговоры с царским правительством. За примирение с Москвой выступали многие влиятельные старшины – В. Многогрешный, М. Гвintовка, П. Рословченко и другие. Посредническую роль взял на себя черниговский архиепископ Лазарь Баранович. Именно под влиянием его автономистской позиции Д. Многогрешный отказался от своих

первоначальных предложений (о “гетмане Русском” на Украине⁵³) и заявил о своей готовности “с полками сей стороны Днепра царскому величеству поклониться” только на условиях “статей” Б. Хмельницкого (под которыми подразумевался Переяславский договор 1659 г.), при гарантиях вывода из городов Гетманщины царских воевод и ратных людей⁵⁴. В ноябре 1668 г. из Москвы были отправлены грамоты, где царь объявлял о прощении казаков, предлагал отправить для переговоров посольство от всего Войска Запорожского, но никаких определенных обещаний не давал⁵⁵.

На январских переговорах 1669 г. в Москве, которые Б. Хитрово вел с обозным П. Забелой, есаулом М. Гвинтовкой и войсковым судьей И. Домонтовичем, украинская делегация представила “челобитные статьи”⁵⁶, содержащие требования о подтверждении всех вольностей, данных Богдану Хмельницкому, которые последующие гетманы (“для чести и маетностей”) убивали. Документ включал также положения о выводе царских воевод и гарнизонов из малороссийских городов, о восстановлении прежней практики сбора налогов через местных урядников, о возвращении Войску Запорожскому права внешних сношений и о присутствии казацкой делегации на съездах царских послов “с которым ни есть государем”, в случае, если речь зайдет об Украине. Кроме того, в “челобитных статьях” оговаривалась проблема содержания реестрового войска за счет царской казны, вопросы сохранения и развития практики нобилитации заслуженных казаков, гарантий привилегированного статуса казацкого сословия. Очень беспокоились представители Войска Запорожского о судьбе Киева, и им были объявлены соответствующие статьи Андрушовского договора.

На основе челобитий украинского посольства, в Москве был составлен проект будущего договора, куда, по инициативе царского правительства, включались положения, впоследствии без изменений вошедшие в окончательную редакцию “Глуховских статей”: не верить впредь никаким “гетманским ссорам” на Московское государство и сообщать о них великому государю; извещать его также о тех “ссорах”, которые осмелятся распространять жители малороссийских городов, обеспечив содержание таких подстрекателей под стражей до соответствующего царского указа. В случае конфликта между московскими ратными людьми и населением Гетманщины, правосудие должно осуществляться воеводами, но в присутствии местных судей, чтобы воеводы “судили в правду, а поноровки никому ни в чем не чинили”⁵⁷.

Все документы, составленные в Москве, вместе с царскими жалованными грамотами на гетманство и войсковую “армату”, были отправлены Г.Г. Ромодановскому. Однако ведущую роль

на предстоящих переговорах должен был играть не он, а А.С. Матвеев – фактический представитель царя, “искусный дипломат, усилиями которого на Глуховской раде удалось достичь компромисса”⁵⁸.

В начале марта 1669 г. состоялись переговоры российских представителей с генеральной старшиной, активное участие в которых принимал и Лазарь Баранович. Очень негативную реакцию и противодействие украинской стороны вызвало положение проекта о пребывании царских воевод в Нежине, Переяславе, Чернигове и Остре. Старшины заявили, что в их челобитье царю было писано, чтобы, кроме Киева, нигде воеводам и царским ратным людям не быть, ибо от них “многая наперед сего обида стася”. Аргументация Ромодановского, что воеводы и ратные люди нужны в Гетманщине не для того, чтобы “налоги чинить”, а “на оборону” всем малороссийским жителям (поскольку города Левобережья обезлюдили, и существует угроза, что П. Дорошенко их займет и “учинит” в подданстве у турка⁵⁹) не произвела должного впечатления. Относительно вывода воевод Ромодановский прямо заявил, что это “дело несбыточное”, но Д. Многогрешный и Лазарь Баранович вновь просили пересмотреть это условие, невзирая на уверения боярина, что “впредь в права... и в суды воеводам вступаться не только козацкие, и в мещанские великий государь не указал”. Баранович предлагал отложить вопрос о воеводах и не включать в новый договор положений об их присутствии на Украине, однако позиция российских представителей была непоколебима. Ромодановский и Матвеев заявили: “чтоб о выводе воевод и ратных людей впредь им великому государю быть челом невольно, не только в статьях написать, говорить больше того с ними и слушать тех их слов от них не хотят”⁶⁰.

Кроме того, на предшествовавших Глуховской раде переговорах затрагивались вопросы о гарантиях свободы православной церкви на западном (“польском”) берегу Днепра, о судьбе Киева и другие.

6(16) марта 1669 г. на Генеральной раде в Глухове Д. Многогрешный был утвержден в гетманском достоинстве, а объявленные “статьи” приняты в предложенном варианте. Глуховский договор 1669 года⁶¹ предусматривал возвращение Войску Запорожскому прав и вольностей, гарантированных “статьями” Богдана Хмельницкого в редакции 1659 г.

Ст. 3 Глуховского договора полностью отменяла содержание ст. 1 “Московских статей” 1665 г.: пребывание царских воевод и ратных людей допускалось только в Киеве, Переяславе, Нежине, Чернигове и Остре, причем вмешательство воевод во внутреннюю жизнь (права и суды) Малороссии воспрещалось.

Функция сбора налогов вновь переходила к местной администрации и она должна была из них выплачивать жалованье реестровому казачеству.

Норма ст. 4 закрепила 30-тысячный реестр Войска Запорожского, куда вписывались старослужилые казаки, но, в случае надобности, разрешалось включать мещанских и крестьянских детей в число реестровых. Важным нововведением явилось условие об упорядочении налогообложения. Сборы на Войско Запорожское должны были поступать теперь и со всех личных имений (кроме архиерейских), причем никаких дополнительных поступлений из царской казны на содержание реестрового казачества не предусматривалось. Владельцам налогооблагаемых имений в качестве компенсации предоставлялось право судить своих подданных (т.е. право домениального суда) и использовать их на различных работах.

“Глуховские статьи” сохранили введенную в 1665 г. практику награждения заслуженных казаков дворянской честью и установили порядок подтверждения царскими жалованными грамотами прав наследственного владения имениями, данными за службу по гетманским универсалам (ст. 6). Таким образом, новая украинская элита продолжала политику укрепления своих позиций в обществе при поддержке России.

Важным в содержании Глуховского договора являлось также условие ст. 22 о создании особого “компанейского” полка для борьбы с “гультяями” (“показченными”).

Что касается судьбы Киева, то договор 1669 г. фиксировал, что православная святыня не будет отдана полякам в положенный срок “за некоторыми многими причинами с польской стороны” (ст. 7).

В ст. 8 договора было включено предложение Г.Г. Ромодановского о постоянном представителе Войска Запорожского в Москве, через которого украинское руководство могло бы контактировать с царем и боярами.

В соответствии с “Глуховскими статьями”, Войску Запорожскому было возвращено право вольного (без предварительного указа царя) избрания гетмана, хотя и с сохранением специальной нормы относительно его переизбрания, впервые включенной в ст. 7 Переяславских “прежних” статей 1659 г. Просьба же украинской стороны о восстановлении в полном объеме права иностранных сношений не была удовлетворена. Царь обещал, что в случае какой-либо надобности Войска Запорожского сам будет писать в окрестные государства, уведомляя гетманское правительство о содержании переписки (ст. 12). Разрешалось присутствие казацких представителей на переговорах России с Крымом и Польшей, но

допуск посланцев Войска Запорожского на заседания комиссии о “Вечном мире” с Речью Посполитой предусматривался только в случае обсуждения вопросов, касающихся Украины (ст. 17).

Ст. 25 и 27 “Глуховских статей” учитывали конкретную военно-политическую ситуацию в регионе: при наступлении татар и правобережных казаков предусматривалось немедленное выступление царского войска на помощь Украине, но оговаривалось, что следует способствовать возвращению гетмана П. Дорошенко с заднепровскими полками под высокую руку царя (несмотря на условия Андрушовского перемирия).

Остальные положения договора 1669 г. не содержали серьезных новаций (за исключением, разве что, так и нереализованного в дальнейшем условия об учреждении в Малороссии почты).

Украинская историография не богата оценками правового значения Глуховского договора, имевшего явную преемственность с “Переяславскими статьями” 1659 г. и восстановившего многие их положения. По мнению А. Яковлева, главная роль Глуховского договора состояла в отмене инкорпорационных по содержанию “Московских статей” 1665 г.⁶² В.Н. Горобец подчеркивал компромиссный характер Глуховского договора, утверждая, что этот акт восстановил “вассалитетные отношения Войска Запорожского (ограниченного Левобережьем) с московским монархом”⁶³. Позже В.Н. Горобец пересмотрел свою позицию, отметив, что договор 1669 г. вернул Гетманщине правовое положение административной автономии⁶⁴ (т.е. предоставив ей, как части государства, право самостоятельного осуществления управления, а не государственной власти).

Трудно судить, что лежит в основе подобной характеристики статуса Левобережной Украины в соответствии с договорами 1659 и 1669 гг., ибо с формальной стороны даже нормативное содержание “Московских статей” 1665 г. не позволяет говорить об административной автономии Малороссии. Несмотря на введение воеводского управления в отношении мещан и посполитых, Войско Запорожское как таковое сохраняло свою специфику: не упразднялась практика выборности гетмана Генеральной радой (хотя и по указу царя), продолжала действовать полковая и сотенная администрация, издавались гетманские универсалы, правоотношения всех сословий украинского общества, как и раньше, регулировались малороссийским правом, а отнюдь не общероссийским законодательством. Статус Гетманщины по-прежнему определялся как особый, и устанавливался высшими юридическими актами публично-правового характера – двусторонними договорами (что, как правило, не применяется в отношении административных автономий).

Глуховские же “статьи” 1669 г. в любом случае вернули Левобережной Украине достаточно широкую политическую автономию (за исключением запрета на всякие внешнеполитические контакты) и, без сомнения, явились результатом компромисса сторон. Россия учла печальный опыт предшествующих событий и решила пересмотреть свою политику, не форсируя процессов инкорпорации. Представители Левобережья, измученного непрекращающимися “смутами” и войнами, также склонны были к уступкам. В результате Глуховский договор 1669 г., формально прекративший действие “Московских статей” 1665 г., стабилизировал внутреннюю ситуацию в Гетманщине и послужил юридической основой взаимоотношений сторон на долгие годы (подтверждался в 1672, 1674 и 1687 гг.).

И все же с выполнением обязательств, установленных договором 1669 г., не все было гладко. Претензии украинской стороны, предъявленные в течение 1669 г., сводились к следующему: просьбы гетмана о военной помощи со стороны Москвы остаются тщетными (что нарушает условие ст. 25 Глуховского договора), церковная утварь, войсковые и городские пушки, захваченные в последнюю “смуту”, не возвращены (вопреки ст. 16 и 26), не отпущены пленные, а также сосланные в Сибирь при И. Брюховецком (ст. 14)⁶⁵. Однако принципиальным был другой вопрос – о присутствии делегации Войска Запорожского на переговорах России и Речи Посполитой. В конце 1671 г., когда в Москве состоялся очередной этап этих переговоров, Д. Многогрешный отправил на них своего представителя, киевского полковника К. Солонину со “товарищи”. Однако польские комиссары категорически отказались допустить их к присутствию на “комиссии”, заявляя, что казакам здесь “быть непристойно”.

Отсутствие казацких послов при “прослушивании дел” на польско-российских переговорах, слухи о назначении гетманом Левобережья К. Солонины, вызвали очень негативную реакцию Д. Многогрешного. Его контакты с П. Дорошенко отнюдь не способствовали возвращению западного берега Днепра в состав России (как это предусматривала ст. 27 Глуховского договора 1669 г.). Московские агенты доносили о намерениях Многогрешного соединиться с Дорошенко под протекцией Порты.

Одновременно, резкость и самовластье Многогрешного привели к формированию настроенной против него старшинской группировки, которая собственно, и обвинила гетмана в измене царю (в полном соответствии со ст. 19 Глуховского договора). Обозный П. Забела, войсковые судьи И. Самойлович и Д. Домонтович, генеральный писарь К. Мокриевич и полковник Д. Райча подготовили переворот, который вполне удался. Гетман был

схвачен и отослан в Москву, оттуда после пыток – в Сибирь, вместе с рядом верных ему старшин. То, что следствие по делу и суд происходили в Москве, противоречило сути ст. 20 “Глуховских статей” (воспроизведившей условие ст. 7 “новых” Переяславских статей), согласно которой государь должен был велеть сыскать о “проступке” гетмана всем Войском Запорожским.

Условия “Конотопских статей” 1672 г.⁶⁶, заключенных с новым левобережным гетманом, И. Самойловичем, являлись только дополнениями к нормам Глуховского договора 1669 г. Однако в акте 1672 г. отчетливо выявилаась тенденция к ограничению гетманской власти – и не царским правительством, а самой украинской старшиной, которая набирала силу и намеревалась закрепить свою возрастающую роль в управлении Малороссией. Если при Ю. Хмельницком, бывшем марионеткой в руках своей генеральной старшины и полковников, да и при Брюховецком, политика которого находилась в зависимости от приближенных, старшина властвовала на Украине фактически, то теперь она постаралась юридически оформить подобную практику. Так, в соответствии с Переяславским договором 1659 г., гетман не мог смещать старшин без “рады и совету всей черни”; согласно же норме ст. 3 “Конотопских статей”, эти вопросы отдавались на усмотрение узкой старшинской рады. Без указа царя и совета старшины гетману запрещалось отправлять послов и вести переписку не только с иноземными монархами, но и вообще с кем бы то ни было в иностранных государствах (ст. 4).

Помимо того, соглашение 1672 г. прекращало действие ст. 17 Глуховского договора, закреплявшей возможность допуска представителей Войска Запорожского на переговоры России с Речью Посполитой, Крымом и другими окрестными государствами. Причиной было названо упорное противодействие польского короля и “комиссаров” присутствию казацких делегатов на “съездах” послов.

После приведения в российское подданство десяти правобережных полков и “всякого чину” людей Войска Запорожского “той стороны Днепра”, были заключены “Переяславские статьи” 1674 г.⁶⁷, повторявшие многие положения Глуховского договора 1669 г. и добавочных “Конотопских статей” 1672 г. Принципиально новой являлась только одна статья Переяславского договора 1674 г., согласно которой Россия обязывалась защищать Правобережную Украину в случае нападения турок, татар и иных неприятелей (учитывалась специфика международной обстановки). Официально, на западную сторону Днепра не распространялось действие норм Глуховского договора о награждении заслуженных казаков и старшин дворянской честью и о присутствии цар-

ских воевод и гарнизонов в городах Правобережья (однако они были туда направлены).

Касаясь, в заключение, процедурных вопросов подготовки проектов российско-украинских соглашений 50–70-х годов XVII в., нужно отметить, что договорные отношения сторон далеко не всегда строились по принципу “резолюций” царя на официальные “челобитные статьи” Войска Запорожского. Россия активно пользовалась своим правом договорной инициативы, причем, как правило, “отсеивала” для включения в проекты соглашений те предложения украинской стороны (независимо от того, кем и в какой форме – будь то приватная корреспонденция, неофициальные и официальные переговоры, документы посольств из Войска Запорожского по текущим вопросам и т.п., – они были высказаны), которые казались царскому правительству наиболее оптимальными с точки зрения контроля над ситуацией в Гетманщине и политикой ее руководства.

В целом же, анализ юридических взаимоотношений сторон в 50–70-е годы XVII в. свидетельствует, что объективно складывающаяся ситуация требовала периодической ревизии договорных норм, их приспособления к фактическим обстоятельствам. Однако далеко не всегда содержание вносимых изменений обусловливалось только изначальным стремлением центрального правительства реализовать свою политику, направленную на ограничение и ликвидацию автономии присоединенных территорий. Немалое значение имели внутренние противоречия в самом украинском обществе – столкновения низов с социальной верхушкой и собственные устремления последней. В том или ином случае, в зависимости от конкретной внутренней ситуации на Украине и внешнеполитической обстановки, речь шла либо о сокращении степени автономии Гетманщины в составе Российского государства, либо об обратном процессе, когда обстоятельства вынуждали центральное правительство пересматривать свою “украинскую политику”, идти на компромиссы.

¹ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1909. С. 113; Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911. С. 279; Сергеевич В. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1903. С. 102.

² См.: Крип'якевич І.П. Соціально-політичні погляди Богдана Хмельницького // Український історичний журнал. (Далее: УІЖ). 1957. № 1. С. 96.

³ См.: Яковлева Т.Г. Судьба Гетманщины в середине XVII века // Памяти Ю.Д. Марголиса: письма, документы, научные работы, воспоминания. СПб., 2000. С. 567.

⁴ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. (Далее: АЮЗР). СПб., 1879. Т. XI. Прибл. № 3. Стб. 805.

- ⁵ Архив Юго-Западной России, изданный Временной Комиссией для разбора древних актов. Киев, 1914. Ч. 3, т. 6. С. 333–335.
- ⁶ АЮЗР. СПб., 1863. Т. IV. С. 205.
- ⁷ См.: *Горобець В.М.* Від союзу до інкорпорації: українсько-російські відносини другої половини XVII – першої чверті XVIII ст. Київ, 1995. С. 33.
- ⁸ См.: *Герасимчук В.* Виговщина і Гадяцький трактат // Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Львів, 1909. Т. 87, кн. 1. С. 30; Яковлів А. Українсько-московські договори в XVII–XVIII віках // УДЖ. 1993. № 9. С. 123–124; *Горобець В.М.* Від союзу до інкорпорації... С. 22,23.
- ⁹ АЮЗР. Т. IV. С. 20–25; 94–99.
- ¹⁰ АЮЗР. Т. VII. Прибавл. № 1. С. 192.
- ¹¹ Там же. С. 188.
- ¹² АЮЗР. Т. IV. С. 256–257.
- ¹³ *Горобець В.Н.* Украинско-российские отношения и политико-правовой статус Гетманщины (вторая половина XVII – первая четверть XVIII века) // Россия–Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 83.
- ¹⁴ Яковлева Т.Г. Указ. соч. С. 567.
- ¹⁵ См.: Яковлів А. Указ. соч. С. 114, 119; Мельник Л.Г. Політічні прерогативи гетьманської влади та їх обмеження царизмом у Переяславських статтях 1659 р. // Українська козацька держава: витоки та шляхи історичного розвитку: матеріали П'ятих Всеукраїнських історичних читань. Київ; Черкаси, 1995. С. 116; *Горобець В.М.* Від союзу до інкорпорації... С. 36.
- ¹⁶ Яковлів А. Указ. соч. С. 119.
- ¹⁷ См.: Шафранов П.А. О статьях Б. Хмельницкого (1654 г.) // Киевская Старина. 1889. Т. 27. С. 386.
- ¹⁸ АЮЗР. Т. IV. С. 265.
- ¹⁹ Там же. С. 56–58.
- ²⁰ Там же. С. 45.
- ²¹ Там же. С. 264.
- ²² Чтения Общества истории и древностей российских. (Далее: ЧОИДР). 1848. Кн. 8. С. 60, 70.
- ²³ АЮЗР. СПб., 1878. Т. X. С. 741–742.
- ²⁴ Цит. по: Эйнгорн В. Очерки из истории Малороссии в XVII веке. Сношения Малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М., 1899. С. 100.
- ²⁵ АЮЗР. Т. IV. С. 7–8.
- ²⁶ Там же. С. 264.
- ²⁷ См.: Шафранов П.А. Указ. соч. С. 388.
- ²⁸ АЮЗР. Т. IV. С. 265–269.
- ²⁹ Там же. С. 261.
- ³⁰ См.: *Горобець В.М.* Від союзу до інкорпорації... С. 36; Яковлева Т.Г. Указ. соч. С. 571.
- ³¹ АЮЗР. СПб., 1853. Т. V. С. 1–7.
- ³² См.: С.Е. Гетманство Брюховецкого // Киевская старина. 1885. Т. 12. С. 555.
- ³³ АЮЗР. Т. V. С. 101.
- ³⁴ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. (Далее: СГГД). СПб., 1828. Ч. 4. С. 152–163.
- ³⁵ Бантыши-Каменский Д.Н. Источники малороссийской истории. М., 1858. Ч. 1. С. 128–139.
- ³⁶ См.: Эйнгорн В. Указ. соч. С. 247–252.
- ³⁷ АЮЗР. СПб., 1869. Т. VI. С. 19.
- ³⁸ Бантыши-Каменский Д.Н. Указ. соч. С. 141–149.

- 39 См.: *Горобець В.М.* Від союзу до інкорпорації... С. 39.
- 40 См.: *Яковлів А.* Указ. соч. С. 134.
- 41 См.: *Эйнгорн В.* Указ. соч. С. 282–284.
- 42 *Смолій В.А., Степанков В.С.* Українська національна революція XVII ст. (1648–1676 pp.) // Україна крізь віки: в 15 т. Київ, 1999. Т. 7. С. 290–291.
- 43 *Горобець В.М.* Від союзу до інкорпорації... С. 39.
- 44 См.: АЮЗР. Т. VI. С. 23, 177.
- 45 Там же. С. 147–148.
- 46 С.Е. Гетманство Брюховецкого. С. 574.
- 47 АЮЗР. СПб., 1872. Т. VII. С. 17.
- 48 Там же. Т. VI. С. 99.
- 49 Там же. С. 102–103.
- 50 Цит. по: *Матвеев П.* Москва и Малороссия в управление Ордина-Нащокина Малороссийским Приказом // Русский Архив. 1901. № 2. С. 235.
- 51 АЮЗР. Т. VII. С. 12–28.
- 52 *Матвеев П.* Указ. соч. С. 239.
- 53 АЮЗР. Т. VII. С. 97.
- 54 Там же. С. 64–65; 66–68.
- 55 Там же. С. 105–106.
- 56 АЮЗР. СПб., 1875. Т. VIII. С. 36–40.
- 57 Там же. С. 40–41.
- 58 “Око всей великой России”. Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М., 1989. С. 163.
- 59 АЮЗР. Т. VIII. С. 91.
- 60 Там же. С. 95.
- 61 Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 1. С. 810–814.
- 62 *Яковлів А.* Українсько-московські договори в XVII–XVIII віках // УІЖ. 1994. № 2–3. С. 142.
- 63 *Горобець В.М.* Від союзу до інкорпорації... С. 45.
- 64 *Горобец В.М.* Украинско-российские отношения... С. 84.
- 65 АЮЗР. Т. VIII. С. 171–174.
- 66 АЮЗР. СПб., 1878. Т. IX. Стб. 913–916.
- 67 Сборник грамот и договоров о присоединении царств и областей к государству Российскому в XVII–XIX веках. СПб., 1912. Ч. 1. С. 141–154.

П. Бушкович

РОССИЯ И УКРАИНСКОЕ ГЕТМАНСТВО В 1653–1725 годах

Историку подчас важнее понять то, чего он не знает, чем то, что он знает. Взаимоотношения Российского государства и украинского Гетманства в период между Переяславским договором и смертью Петра Великого как раз и представляют собой такой случай. Несмотря на то что опубликован ряд важнейших источников, что работы многих исследователей затрагивают эту проблему, остается еще очень много белых пятен, которые не позволяют историку произвести убедительный анализ этих взаимоотношений. С 1991 г. многие ученые пытались пересмотреть оценку этих отношений, но, к сожалению, вклад российских исследователей в эту работу не слишком велик. Наиболее упорные шаги в этом направлении были сделаны украинскими историками, но, как и многие другие исследователи бывшего Советского Союза, они пытались достичь цели путем простой перегруппировки известных фактов в соответствии с новым идеологическим контекстом.

Наиболее амбициозной попыткой пересмотра российско-украинских отношений является работа В.М. Горобца. По его теории, Переяславский договор 1654 г. являлся просто союзом, а образование Малороссийской коллегии в 1722 г. – актом инкорпорации; продолжительный период с 1659 по 1722 г. был “переходным”. Автор не вносит в исследование ничего принципиально нового, его аргументация в пользу такой схемы не базируется на новом фактическом материале, а на уже известных источниках ее трудно обосновать. Переяславский договор был больше чем союзом и, конечно же, коренной перелом в российской политике произошел не в 1722, а в 1709 г., хотя ни одна из этих дат не знаменует полной “инкорпорации”, длительный процесс которой завершился значительно позже. Александр Гуржий, напротив, остается в числе сторонников более традиционного подхода, в соответствии с которым перелом в российской политике произошел именно в 1709 г.¹ Попытки создания новой периодизации российско-украинских отношений любопытны, но без привлечения новых источников и проведения новых исследований они, в конечном счете, остаются не более чем любопытными потугами. Не стоит, однако, винить Горобца, Гуржия и др. историков за их не-

удачи, так как существующая литература не может оказать им серьезной помощи. Российские историки также не внесли сколько-нибудь значительного вклада в изучение этой проблематики за исключением исследований в области религии и культуры. Им следует прислушаться к рекомендациям Зенона Когута и постараться понять, что не известно, определить направления будущих исследований². Настоящая статья как раз представляет собой такую попытку.

Для лучшего понимания проблемы необходимо рассмотреть три аспекта: 1) формальная, институциональная структура российско-украинских отношений; 2) неформальные структуры, влияющие на эти отношения; 3) мотивы российского правительства на разных стадиях этого продолжительного, почти 75-летнего периода³.

Следует также понимать, что выражение “российско-украинские отношения”, которое сейчас становится общеупотребительным среди историков, является удобным сокращением, которое, однако, не совсем корректно: Россия в данный период не имела отношений со всей “Украиной”, а главным образом с Гетманством. Отношения со Слободской Украиной носили совершенно иной характер, еще более разнились нерегулярные отношения, которые сохранялись с украинцами, оставшимися на территории Польского государства после 1667 г. Только учитывая эти оговорки, мы можем продолжать использовать термин “российско-украинские отношения”.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Знания о формальной, институциональной стороне российско-украинских отношений типичны для наших знаний о России XVII в., возможно, наименее изученном периоде российской истории. Работы Соловьева, Костомарова, Грушевского и более поздних историков содержат массу суждений о российско-украинских отношениях и их описание, но в них нет систематизированного анализа. Теперь уже довольно старая книга Софроненко о Малороссийском приказе никогда не претендовала более чем на базовый очерк, и у нас до сих пор нет полной картины деятельности российских воевод на Украине в XVII в.⁴ Создается впечатление, что приказ имел дело почти исключительно с русскими воеводами в городах и с гетманом, а не с казацкими полковниками и менее значительными фигурами в структуре Гетманства⁵. Достойна изучения также административная система Киевской губернии при князе Д.М. Голицыне, ее губернаторе в

1708–1721 гг., но мне пока не известны работы и на эту тему. Точнее говоря, в существующей литературе имеются обобщения: например, считается, что российская политика была “централизаторской”, этот штамп, однако, лишен фактического основания. Поэтому мы не можем решить и более интересную задачу: определить, почему, каким образом и до какой степени политика могла быть централизаторской.

Единственный действительно хорошо известный аспект российских отношений с Гетманством – это роль Москвы в выборе гетманов. Во время выборов И. Брюховецкого, Д. Многогрешного и И. Самойловича давление России еще не было очевидным. Поворотной точкой в этом процессе стали выборы И.С. Мазепы в 1687 г., которые явно были результатом давления князя В.В. Голицына. Самойлович был в оппозиции не только к политике Голицына по отношению к Польше и Гетманству, он был также союзником фракции Нарышкиных при российском дворе⁶. Выборы 1687 г. являются первым показателем серьезного смещения баланса сил от Гетманства к Москве⁷. Избрание Скоропадского в 1708 г., как известно, было результатом предписания Петра и обозначило дальнейшую степень подчинения гетмана царю⁸.

Выборы гетманов – это, конечно, решающий вопрос, но остаются и другие важные проблемы. Нам не известно, до какой степени деятельность воевод и губернаторов отличалась на Украине от других областей с русским и нерусским населением, находящихся под властью царя. Разумеется, Переяславский договор и более поздние соглашения оказали некоторое влияние на их деятельность, но существовали ли области, где русские администраторы проводили такие же мероприятия, как в чисто русских губерниях? в южных степях? на Волге? Применялись ли на Украине совершенно новые методы управления? Кто принимал решения? царь? Малороссийский приказ? местные власти, сталкивающиеся лицом к лицу с вопросами, находящимися не в их компетенции? Даже простой список этих вопросов дает возможность понять, насколько скучны наши знания о формальных, институциональных связях России с украинским Гетманством.

ЦЕЛИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Мотивы России в отношениях с украинским Гетманством – это второй вопрос, который я хотел бы рассмотреть. Это область, в которой большинство историков представило общие предположения о российской истории как неоспоримые факты; теперь же наступило время понять истинное положение вещей.

Общие предположения варьируются в зависимости от смены времен и исследователей. Российским и украинским историкам казалось столь очевидным, что Россия стремилась захватить и присоединить Украину, что этот факт не нуждался в объяснениях. Историки, одобряющие эти стремления, прибегали к общим концепциям, таким как “воссоединение” русского народа (включая западнорусское население) или же восточных славян. Те, кто не одобрял процесс “воссоединения”, представляли события как результат русской “экспансии” или “централизации”. Ни одна из этих концепций не находит и не может находить подтверждения в источниках, так как это идеи более поздних поколений. Важно понять, что мы не знаем, почему Россия присоединила Украину в 1653–1654 гг. Поскольку точные данные отсутствуют, историки использовали два подхода, иногда сочетая их. Один был чисто описательным, другой позволял вписать ту или иную современную идею в повествование и объявить ее причиной. Соловьев использовал оба подхода. Исходя из убеждения, что стремление “вернуть” западнорусские земли было естественным для Российского государства, он утверждал, что российская внешняя политика после 1650 г. была направлена на борьбу за Малороссию⁹. Том за томом он продолжал описание этого процесса, наполняя его мельчайшими подробностями. В нем отражены и использованные источники: Соловьев приводит длинные отчеты о дипломатических спорах, не понимая, однако, их сути. Грушевский дополнил более детальным описанием некоторые важнейшие события, но использовал те же источники, что и Соловьев, и поэтому не смог в большей степени прояснить суть российской политики. Единственным современным историком, который понял, что существующие объяснения российской политики 1648–1684 гг. не имеют оснований, является Г.-И. Торке, хотя и он прибегал к гипотетическим объяснениям: например, что российское правительство не желало вмешиваться в дела Украины из-за дела Анкудина и наличия там элементов социального восстания¹⁰. Это возможно, но этому также нет подтверждений.

Работы Костомарова, Соловьева, Грушевского и др. показывают, как протекали события, демонстрируют, что история не-легко укладывается в привычные схемы. В период 1634–1648 гг. Россия шла по пути осторожного восстановления отношений с Польшей, поэтому первоначальная реакция на первых эмиссаров Хмельницкого была предельно осмотрительной. Судя по всему, Россия начала первые осторожные шаги в этом направлении только в 1651 г., хотя никаких реальных действий она не предпринимала вплоть до весны 1653 г. Что же заставило царя изменить свою позицию летом того же года и не только вступить в войну,

но и согласиться взять Гетманство под свою верховную власть? Известные нам источники позволяют предположить, что царя Алексея удалось убедить. Богдан Хмельницкий хорошо понимал российский двор, так как в 1653 г. отправил своих послов, К. Бурляя и С. Мужиловского, с письмами к боярам Б.И. Морозову и И.Д. Милославскому, царскому фавориту и его влиятельному тестю, а также к Г.Г. Пушкину, самому опытному русскому дипломату в польском вопросе. Двое украинских эмиссаров также подали особую петицию патриарху Никону, которого они просили поспособствовать целям гетмана, включившего по этому поводу просьбу взять Украину под верховную власть России¹¹. Миссия Репнина в Польшу в апреле все еще носила неопределенный характер. В начале июня царь послал Артамона Матвеева к Хмельницкому предложить помочь в установлении мира между Польшей и Украиной, при этом вопрос о верховной власти не поднимался. Несколько недель спустя, в начале июля, Алексей изменил свою позицию и направил гетману срочное письмо, в котором сообщал о согласии принять верховную власть над Гетманством; решение было вызвано известием, что казаки собираются признать своим господином османского султана¹². Связь между этим известием и царским письмом – это лишь один элемент из широкого спектра причин изменения решения Алексеем, но без дальнейших доказательств невозможно выяснить, была ли османская угроза только катализатором этого ответа, или она являлась ве-сомой причиной вмешательства России.

Больше всего удивляет отсутствие какого-либо разговора о Киеве, о возвращении владений, не говоря уже о восточнославянском братстве или Западной России. На Соборе в октябре 1653 г. в качестве причин вступления в войну были названы нарушение соглашений польским королем и необходимость защиты православия, притесняемого этим королем и защищаемого украинскими казаками¹³. Аргументы в пользу войны, основой которых была мысль о Киеве, выдвинула именно украинская сторона, а В.В. Бутурлин и другие эмиссары привезли их в Москву¹⁴. Иными словами, внимательный читатель документов или классических произведений, основанных на них, заметит, что нигде в них нет объяснений, почему царь Алексей, оставив свою былую осторожность, изменил свое решение в 1653 г. В любом случае, современная российская наука не богата достижениями в области изучения внешней политики XVII в., она ничем не дополнила классическую картину в данном вопросе.

Одна из основных причин трудностей заключается в характере источников. В документации Посольского приказа хранятся горы записей дипломатических переговоров, переписка с ино-

странными государствами и правителями, подробные записи по финансированию и дипломатическому церемониалу, но нет почти ничего, что отражало бы мнения или споры о политике¹⁵. Тем не менее ситуация не безнадежна. Некоторую информацию о восприятии Россией других государств можно извлечь из записей Посольского приказа, что помогло бы тщательнее изучить восприятие Россией положения дел на Украине и в значительной мере понять ее политику¹⁶. Видела ли Москва в этом восстании лишь очередной мятеж низов, еще одно казацкое *воровство*, или российское правительство рассматривало его как борьбу за православную веру, и с какого времени? В самых ранних отчетах русских воевод из пограничных с Польшей районов казаки описываются как *своевольные*, что не было комплиментом¹⁷. Лучшее понимание того, как Россия воспринимала эти события, было бы первым шагом на пути к выяснению мотивов России.

Несомненно, существуют некоторые материалы в литературе и известных источниках, которые позволяют создавать альтернативные существовавшим в прошлом гипотезы. По одной из них, факт изменения позиции царем Алексеем заключает в себе ответ на вопрос, в чем он и его приближенные видели основную проблему внешней политики России – в потенциальной силе османских турок. Ранее возобновление дружественных отношений с Польшей частично основывалось на традиционном противостоянии туркам и крымским татарам¹⁸. Простой союз Богдана Хмельницкого с Крымом не требовал немедленного принятия решения, но если бы этот союз преобразовался в верховенство османов, ситуация выглядела бы совершенно иначе.

Другая возможная линия исследования могла бы отойти от строгого изучения связей России с украинскими казаками. Проведя успешные, в конечном счете, переговоры с Богданом Хмельницким, царь Алексей попытался урегулировать отношения с литовской шляхтой. Эти попытки были отмечены А.Н. Мальцевым и позднее Л.В. Зaborовским¹⁹. Если Мальцев прав, то царь Алексей хотел добиться с Великим княжеством Литовским такого же соглашения, как с Хмельницким. Если мы согласимся с этим утверждением, то была ли эта война действительно “борьбой за Малороссию”, как предполагал Соловьев, или это была “борьба за Литву” в союзе с украинскими казаками? Направил ли Алексей все свои силы в Полоцк и Могилев после падения Смоленска только по военным причинам? Или же принципиальной целью царя был не Киев, а Вильно? Я полагаю, что нам следует учесть, по крайней мере, возможность того, что окончательный исход войны (Россия получила, кроме Смоленска, Киев и Гетманство) не непременно был главной, подлинной ее целью²⁰.

Объяснить цели русского правительства во внешней политике можно только после 1658 г., по оставленным Ордина-Нащокиным документам, объяснить хотя бы так, как он их себе представлял. Историки обычно описывают Ордина-Нащокина как “предшественника” Петра Великого, так как оба имели вкус к западной культуре и желание присоединить прибалтийские области Швеции для того, чтобы активизировать торговлю с Западом. Полагают, что для достижения этой цели он хотел заключить мир с Польшей²¹. Имеющиеся источники не подкрепляют ни один из этих спорных тезисов за исключением последнего.

Взгляды Ордина-Нащокина возможно анализировать потому, что его записки являются исключением из правила: российские источники до 1700 г. не отражают процессов принятия решения. Большинство из его записок, адресованных царю Алексею, содержит комментарии последнего, сделанные в той или иной форме. Эти документы являются не только уникальными по своему содержанию, они написаны в гораздо более риторичном стиле, чем обычная документация приказа, что объясняется, вероятнее всего, культурными склонностями Ордина-Нащокина. Его произведения созданы под явным влиянием новых стилистических и лингвистических течений, шедших из Киева во второй половине XVII в. Он писал “высоким (или, по крайней мере, более высоким) стилем”, обычно употребляя такие выражения, как, например, “Малая Россия”, в то время как его коллеги обычно писали “Украина” или “Черкасские города”. По моему предположению, это влияние киевской культурной среды, хотя очевидную начитанность и образованность Ордина-Нащокина трудно переоценить²².

Самые известные из его записок – это, пожалуй, сделанные в марте 1664 г., в которых он приводит причины, по которым царь Алексей может заключить мир с Польшей. Соловьев кратко изложил содержание этой записки и реакцию царя Алексея на нее, с тех пор это изложение многократно цитировалось и комментировалось, и только И. Галактионов в 1990 г. в Саратове опубликовал ее полный текст. Историки по-разному интерпретировали этот документ. Соловьев подчеркнул возражения царя Алексея по 33 статье, где содержался намек на то, что России следовало бы отказаться от претензий на Украину, если бы это было необходимо ради мира с Польшей²³.

В сущности, записка Ордина-Нащокина ставит в центр “не украинский”, а “османский” вопрос. Наибольшее внимание он уделяет тактическим задачам, таким как многочисленные непосредственные причины заключения мира. Самыми важными из них были истощение российской армии и характер момента: Россия, действуя быстро, могла бы заключить выгодный для себя мир.

В документе содержатся многочисленные нарекания на Швецию, касающиеся, правда, исключительно того, что она постоянно нарушает спокойствие, настраивая Крым, Гетманство, Польшу и другие державы враждебно по отношению к России. Документ не призывает к войне со Швецией или к аннексии Прибалтики, а лишь к нейтрализации возможностей сеять раздор как внутри России, так и с ее соседями путем союза с Польшей. Основная идея документа заключается в том, что мир между Россией и Польшей вдохновит православное население Балкан, главным образом румын (не славян), объединиться с ними против турок. Его аргументация, возможно, не очень убедительна: многое в ней опирается на православную веру все еще находящегося под властью Польши украинского населения, которое каким-то неопределенным способом должно помочь и России, и Польше в борьбе против турок. Не вызывает, однако, сомнения то, что именно это центральная идея записки. Следует отметить еще два момента. Первый состоит в том, что в качестве противника выступают не только мусульмане (что могло означать именно Крым), но, совершенно очевидно, и османы. Второй момент заключается в том, что Ордин-Нащокин не видит османской "угрозы", а лишь возможность помочь освобождению православных христиан, находящихся под господством султана.

Записка не впервые затрагивает эту идею. Первые упоминания восходят к его переговорам с Польшей во Львове в апреле—мае 1663 г.²⁴. Как и в последующей записке, его речь к полякам касается не только крымских ханов, но и османов. Позднее, в 1663 г., Ордин-Нащокин вручил Алексею Михайловичу записку, которая является первой версией записи начала 1664 г.: первые 32 статьи с разделами, посвященными османам, идентичны более позднему тексту²⁵. Таким образом, Ордин-Нащокин приходит к убеждению, что османы были главным противником России до появления П. Дорошенко, даже до появления его агентов в Стамбуле. Вспомним, что в 1663–1664 гг. П. Дорошенко был все еще простым казенным гетманом Тетери, сражавшимся бок о бок с Яном Казимиром, пытавшимся вернуть Левобережье. Гетманская карьера Дорошенко началась только в августе 1665 г., когда он с помощью крымчан сверг Опару. Его отношения со Стамбулом были наложены только в начале 1666 г. Первым посольством гетмана в Стамбуле, признавшим турецкий сузеренитет, была миссия Афанасия Чекаловского в конце 1667 г.²⁶ Мнение Ордина-Нащокина о важности Османской империи для России сформировалось еще до активного вмешательства османов в политику Украины.

Теперь рассмотрим политику Ордина-Нащокина по отношению к Украине. Его обеспокоенность османами не была единств-

венным ее моментом. Другим важным ее элементом было признание финансового и военного истощения России по окончании войны с Польшей, которая жестко ограничила возможности царя на любом направлении военных действий (небольшой российский гарнизон на территории Гетманства был легко разбит в 1668 г.). Ордин-Нащокин явно переоценивал силу Польши, видя серьезную военную мощь там, где ее уже не существовало. Еще одним аспектом было недоверие Ордина-Нащокина к старшине Гетманства и украинской верхушке в целом, как к *непостоянным*. Подобное отношение не было редким среди российской элиты, которая в основном считала, что украинцы задиристы и в любой момент готовы переметнуться на другую сторону. Ордин-Нащокин, однако, доходил в этой уверенности до крайностей. В конечном счете, это было его личной особенностью: он имел твердые пристрастия и антипатии и не скрывал их. Его замечания 1663–1664 гг. по поводу предполагаемой безграничной способности Швеции создавать трудности для России в целом и, особенно для него самого отдают паранойей. В его сознании очень сильно укоренилось ошибочное видение Польши, его бес tactность по адресу русских бояр, его подчиненных, и даже к царю действительно поразительны для человека, воспитанного в обществе, столь трепетно относившемуся к понятию “честь”. Его поведение по отношению к украинцам подрывало его же собственную линию: известное его выражение “плевать на Дорошенка” прозвучало, как только Ордин-Нащокин начал переговоры с чигиринским гетманом с целью склонить последнего на свою сторону, не предпринимая военных действий.

Попытка противостоять П. Дорошенко и османам не с позиции силы также породила один из странных проектов Ордина-Нащокина в начале 1669 г. о том, чтобы бороться с Дорошенко, убедив Православную церковь на Украине выйти из-под юрисдикции Константинополя и перейти под власть Москвы²⁷. Этот план возник в ходе поиска отговорки, при помощи которой можно было объяснить Польше, почему Россия не собиралась отдавать Киев. Если бы церковь перешла под власть России, Ордин-Нащокин смог бы объяснить полякам, что Россия действительно не может передать Киев, и, более того, что факт выхода украинской церкви из-под юрисдикции Константинополя явился бы ударом по власти султана. Необходимость объяснения Польше причин удержания Киева, однако, была всего лишь небольшим элементом грандиозного плана; фактически же предлог, вероятно, использованный в 1669–1670 гг., состоял в том, что Польша не в состоянии защитить Киев. В своей записке 1669 г. Ордин-Нащокин делает акцент на значении юрисдикции Москвы над украинской

церковью: это позволило бы церкви убедить Дорошенко оставить султана и присоединиться к Москве, в то же время это открыло бы дверь покровительству правобережной Украине со стороны российского царя. По мнению Ордина-Нащокина, церковь была таким авторитетом для украинского народа, что смогла бы выполнить эту задачу без каких-либо затруднений. Польша не стала бы возражать (?!), так как покровительство России Православной церкви к западу от Днепра облегчило бы защиту Польши от турок. Русская церковная гегемония на Украине служила бы мостом к румынским княжествам и таким образом могла бы низвергнуть власть турок над православным христианством.

То, что это были несбыточные намерения, очевидно. Ордин-Нащокин, судя по всему, считал, что митрополит Иосиф Тукальский, как и Иннокентий Гизель и Лазарь Баранович, охотно согласились бы с ним²⁸. В действительности, Баранович и Гизель, как бы они не поддерживали политику подчинения Гетманства царю, вовсе не собирались переходить под юрисдикцию московского патриарха. Тукальский, находившийся в близких отношениях с Дорошенко, очевидно, абсолютно не подходил для выполнения подобной задачи. Трудно поверить, что Дорошенко и любой из тех украинцев, которые в то время были враждебно настроены по отношению к Москве, изменили бы свое мнение только потому, что его изменила церковь.

В результате, именно тактика и осуществление антиосманской политики Ордина-Нащокина (не антиосманской политики самой по себе, а в большей степени политики воздействия на Гетманство), стали причиной его отставки. Царь Алексей был доволен Ординым-Нащокиным в начале 60-х годов XVII в., когда наиболее влиятельные бояре противились миру с Польшей, а Ордин-Нащокин горячо отстаивал эту идею. Однако, когда мир был заключен, Алексей не разделил стремления Ордина-Нащокина к тесному союзу с Польшей, основанному на немедленном выполнении всех статей Андрусовского договора, включая скорый возврат Киева и отправление русских войск на помощь Польше в войне с турками. Алексей в своих многочисленных ответах на записки Ордина-Нащокина никогда не выражал несогласия с генеральной идеей, заключавшейся в том, что османы являются основным противником, но он был не согласен с тактикой Ордина-Нащокина, особенно в отношениях с Польшей, Гетманством и старшиной.

Антиосманская линия оставалась в центре российской политики и при преемнике Ордина-Нащокина, Артамоне Сергеевиче Матвееве²⁹. Матвеев – второй лидер российской внешней политики XVII в., о взглядах, стратегических целях и некоторых связанных

ных с их обсуждением идеях которого мы располагаем информацией. Источники по этому вопросу довольно разнообразны. Это прежде всего подробные отчеты о российской политике XVII в. западноевропейских послов и дипломатических представителей, пребывавших в России, главным образом датского президента Магнуса Гё (Монс Гёй), который приехал в 1672 г. и оставался до 1676 г. Ни одному из этих дипломатов и их отчетам не было уделено должное внимание³⁰. Частично пренебрежение такими источниками может заключаться в убеждении, что иностранные послы были изолированы в своих домах, не имели возможности общения, кроме как во время официальных аудиенций и переговоров. Эта убежденность основана, видимо, на отчетах ранних посольств в Россию, но не относится к постоянным представителям, находившимся там где-то после 1670 г., за исключением польского представителя. Анджей Каминский, правда, доказывает, что посольство Довмонта в 1686–1691 гг. и другие польские эмиссары находились под тщательным наблюдением, но фактом остается то, что скандинавы и голландцы не жалуются на такую практику³¹. Гё встречался и общался со многими иностранцами, подолгу находившимся в России (семья Марселис, К. Кроуфорд, Спафарий-Милеску). Кроме официальных встреч и переговоров у него были многочисленные встречи один на один с Матвеевым и другими русскими должностными лицами, а также разговоры, которые носили, конечно, неофициальный характер, если не сказать строго конфиденциальный³². Очевидно, что поляки, несмотря на “вечный мир” 1686 г., трактовались в Москве несколько по-иному, чем их коллеги.

Характер миссии Магнуса Гё определял ход его переговоров с Матвеевым. Главным стремлением датской внешней политики в те годы было желание отвоевать потерянные в 1658 г. области Скандинавского полуострова: Сконе, Халланда, Блекинге. Когда Гё в августе 1672 г. приехал в Россию с тем, чтобы занять пост президента короля Дании в России, ему было предписано заручиться некой поддержкой России против Швеции³³. Вторжение Людовика XIV в союзе с Карлом II весной 1672 г. в Голландию сделало всеобщую войну в Европе неизбежной. Швеция предполагала встать на сторону французского лагеря, поэтому Дания ожидала нападения. В войне нужны союзники, и Кристиан V надеялся на какую-то помощь России, а также на улучшение торговых связей. Датский король рассчитывал, что русские войска войдут в шведские области Ливонии или Финляндии и ослабят давление на Данию.

К сожалению для планов Дании, Гё прибыл в Москву в тот же месяц, когда турки, с помощью П. Дорошенко и крымского хана

Селим Гирея, захватили Каменец-Подольский у поляков. Более ранние (1670) попытки Ордина-Нащокина найти мирное решение вопроса путем соглашения с крымским ханом Адиль-Гиреем (1666–1671), не имевшим желания воевать ни с Россией, ни с Польшей, были теперь явно иллюзорны³⁴. Лучшее, на что Россия могла надеяться в связи с польской утратой, – частично нейтрализовать победу османов, заставив Дорошенко перейти в подданство к царю. Таким образом, политика России в 1672–1676 гг. была в большой степени сконцентрирована на решении этой задачи ценою серьезного ущемления интересов польских властей³⁵. Отношения России с Дорошенко в те годы, как и с И. Самойловичем, следует рассматривать в свете обеспокоенности Матвеева османской угрозой.

Гё лишь постепенно осознавал все это. Во-первых, ему было трудно добиться приема у Матвеева, так как тот был занят постановкой пьес и балетов для царского театра. Отчасти он встречался с ним случайно. Однажды Гё был ограблен на улице Москвы и пожаловался на это в Посольский приказ. Только после того как грабители были пойманы, Матвеев стал более охотно видеться с ним. Были и другие проблемы: с Матвеевым произошел несчастный случай (он ударился о низкую крышу в конюшне, когда его лошадь встала на дыбы), тем не менее к весне 1673 г. он выслушал Гё³⁶.

Датчанин в последующие недели продолжал оказывать давление на Матвеева по поводу возможных действий России против Швеции, но тот колебался. Тогда Гё, затрагивая основные политические вопросы, попытался разгадать, что тот в действительности думал. Убедившись, что Матвеев понимает, что помочь Швеции не в интересах России, Гё задал ему вопрос о англо-французской войне, которая вспыхнула в начале 1672 г. как часть грандиозного плана Людовика XIV: “Он ответил мне очень глупо, что Бог видел ее, и когда я попытался обсудить с ним войну, он сказал, что человеку не дано знать будущее, но для блага Христианского мира он хочет приложить все свои силы к тому, чтобы уменьшить силу неверных”. Гё отмечает: “В этом, мой господин, вся тайна этого правительства, и другие думают также; хотя они стремятся узнать заграничные новости, они воспринимают их равнодушно, когда потери на стороне Голландии, они говорят, что это лишь наказание восставших крестьян, когда же потери на стороне Франции, они говорят, что Господь хотел наказать гордыню их короля”³⁷.

Датчанин, естественно отстаивая интересы своей страны, полагал, что озабоченность Матвеева турками “глупа”, но в конце концов он разгадал причину недостатка у Матвеева активности

против Швеции. Гё понял, что западноевропейские дела – и датско-шведский конфликт, и англо-франко-датская война – едва ли сравнимы с важностью для России Османской империи. Дела в Европе интересовали Матвеева постольку, поскольку они влияли на отношения с турками.

Гё считал обеспокоенность турецкой угрозой характерной чертой Матвеева, но не свойственной только ему. Это была позиция “этого правительства”, русского, где Матвеев, если не считать самого царя, играл главную роль. Более всего датчанина, кроме прозападных культурных пристрастий и раздражительного характера, поразила огромная власть Матвеева. Он называл его “королек (*roitelet*) России” и отмечал, что он и его ставленник, думный дьяк Г.С. Дохтуров, контролировали наиболее важные приказы³⁸.

Более того, у Матвеева с царем, кажется, не возникало серьезных разногласий в противоположность со случаем Ордина-Нашокина. Споры Матвеева с прочими боярами были немногочисленны и касались скорее разделения полномочий, чем существа дела. Князь Ю.А. Долгорукий и другие магнаты держали в своих руках проведение большинства наиболее важных переговоров с Польшей и другими державами, и Гё сообщал, что не было и намека на их несогласие с Матвеевым. Единственный случай, когда Матвеев и царь разошлись во мнениях, касался позиции России по отношению к выборам польского короля в 1674 г. после смерти предыдущей осенью короля Михаила Корыбута Вишневецкого.

Узнав новость о смерти короля Михаила, Матвеев не обеспокоился по поводу выборов. Гё пытался предупредить Матвеева, что Франция и Швеция выдвигают кандидатов на польский престол, но Матвеев полагал, что Габсбурги достаточно влиятельны, чтобы предотвратить такой исход. Кроме того, он сказал Гё, что “его царь не будет беспокоиться о том, кто станет королем Польши, так как ему нужно только договориться со шляхетской группировкой, от которой король будет зависеть; и ко всему прочему, у них много способов и достаточно сторонников в Польше для работы против тех, кто захочет поставить короля против их воли”. Матвеев явно думал о литовском гетмане Михаиле Казимире Паце, с которым русские и лично Матвеев долгое время находились в контакте и который, как известно, поддерживал российского кандидата на выборах³⁹.

Прибытие в Москву эмиссара от Паца и его партии, просившего выдвинуть царевича Федора в кандидаты на польский престол, создало трудности для Матвеева, проводившего переговоры вместе с князем Ю.А. Долгоруким. Царь Алексей хотел, чтобы они дали положительный ответ, но в качестве кандидата предлагал себя. Матвеев выдержал паузу, а затем передал ведение пере-

говоров в руки российского представителя в Варшаве – Василия Тяпкина. Матвеев так объяснял свою личную позицию Гё: “У меня была возможность видеть канцлера, который сразу сказал мне, что Его Величество отправил послана в Польшу ко времени выборов и, насколько я могу понять его намерения, он хочет, чтобы я знал, что Его Величество не преуспеет в своем стремлении; надежды, которые Литва и Великая Польша возлагают на царя, судя по всему, такочно укоренились, что их уже нельзя остановить, поэтому он будет пытаться, если это возможно, отклонить Его Величество от этого намерения. Они приказали Хованскому, одному из своих самых храбрых генералов, который предположительно поведет армию к Азову, подойти к границам Литвы с армией в 40 тыс. человек под предлогом помощи полякам, а на самом деле, чтобы усилить их партию; думается, это дело было устроено канцлером Великого Княжества Литовского [Кшиштофом Пацом.]”⁴⁰.

В результате, Франция и ее партия в Польше доминировали на выборах, и сейм выбрал на трон Яна Собеского. Так как он естественно симпатизировал и был благодарен Франции, главному союзнику османов в Европе, эта новость не была благоприятной для Матвеева и России. Последние два года пребывания Матвеева на своем посту и жизни царя Алексея в большой степени были потрачены на военные и дипломатические действия на Правобережье против Дорошенко, что привело к окончательной капитуляции правобережного Гетманства и временному прекращению османского влияния в регионе⁴¹.

Рассматриваемая в свете пристрастий и представлений Матвеева о польской политике, дипломатическая деятельность России под его руководством, в отношениях как с Польшей, так и с Гетманством, становится более понятной. Неотложной проблемой в начале 1672 г. был захват османами Каменец-Подольского. Матвеев быстро отправил в Европу эмиссаров с целью поиска союзников, так как, что бы он ни думал о Польше, турецкая угроза сейчас была важнее⁴². Контроль турок над Каменец-Подольским также увеличивал опасность со стороны П. Дорошенко как вассала османов, но к счастью для Матвеева большая часть старшиньбы видела в Дорошенко скорее соперника, чем спасителя. Отказавшись вести переговоры, Матвеев послал войско против Дорошенко, предлагая чигиринскому гетману выбор: капитулировать или быть уничтоженным. Дорошенко сдался в конце 1675 г. к удовлетворению как российского правительства, так и гетмана И. Самойловича.

Самойлович, избранный после смещения Многогрешного в начале 1672 г., стал первым украинским гетманом, более-менее лояльным по отношению к России, хотя выборы прошли без

сколько-нибудь ее существенного вмешательства. В самом деле, приказ царя арестовать Ивана Сирко и помешать его выборам был, пожалуй, компромиссом со старшиной⁴³.

Внешнеполитическая линия Матвеева (боязнь османов и уверенность в слабости Польши) определили его политику по отношению к Украине. Если Ордин-Нащокин видел в Польше серьезного противника и огромную силу, Матвеев ясно понимал, что Польша слаба и ею можно манипулировать. Хотя Собеский, должно быть, предоставил ему ненадолго возможность думать иначе, Матвеев в конечном счете убедился в своей правоте. Слабость Польши означала, что украинское Гетманство было единственной силой, на которую Россия могла бы опереться в борьбе против турок. Судя по всему, Матвеев был более уравновешенным человеком (хотя и темпераментным), чем Ордин-Нащокин, но именно серьезность внешнеполитической ситуации заставляла его быть обходительным и уступчивым в отношениях с украинской элитой. После отставки Матвеева царь Федор Алексеевич и его правительство продолжили его политическую линию, так как турки напали на Чигирий и ввергли Россию в открытую войну. Эта первая русско-турецкая война окончилась компромиссом, за которым последовал шестилетний мир (1681–1686)⁴⁴.

К курсу Ордина-Нащокина во внешней политике (борьба в союзе с Польшей с вассалами османов в Крыму) возвратился князь В.В. Голицын, что испортило отношения с гетманом Самойловичем и привело к его ниспровержению. В итоге в 1695 г. Петр вновь начал войну с Турцией, и, пока царь осаждал Азов, Б.П. Шерemetev и новый гетман И.С. Мазепа атаковали турецкие укрепления в устье Днепра. Кажется, ни один источник не содержит и намека на то, что Мазепа, старшина и украинские казаки были против этих кампаний. Мы также просто не имеем сведений о том, что они думали о Северной войне, или о том, включил ли Петр I Гетманство в свои расчеты, постепенно подготавливая этот конфликт со Швецией. В период с 1689 по 1708 г. нет никаких признаков изменений в российской политике по отношению к Гетманству как по серьезным внешнеполитическим, так и по внутренним причинам. Именно переход Мазепы на сторону Швеции вызвал в ней решающий перелом.

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Исследователи Российской империи (как ее центра, так и периферии) не много внимания уделили изучению истории “составных государств” Западной Европы, как их называют Джефри

Паркер и др. По-прежнему существует тенденция рассматривать лишь восток Европы как исключительный регион существования “национальных проблем”, таким образом, игнорируя подобные случаи на Западе и модернизируя проблемы Востока. Даже Испания и Британия (возьмем хотя бы эти два государства) были государствами многонациональными, со сложным комплексом связей центра и периферии. Так, в Британии XVII в. Уэльс был в более значительной степени частью английской административной системы, Ирландия по причине своего культурного своеобразия была подчиненной, хотя все еще отдельной страной со своим собственным парламентом. Шотландия также была самостоятельным государством со своим правительством, но с общим с Англией и Ирландией королем. В Испании все обстояло еще более сложно.

Интереснее всего существование неформальных связей между различными частями этих “составных королевств”. Английская аристократия не была полностью изолированной от своих соседей сословной группой. На севере Англии многие крупные магнаты владели не меньшим количеством земель в Шотландии и в Ирландии, в то время как в более южных регионах ирландская аристократия входила в состав английской придворной знати – и это не только англо-ирландские Фицджеральды и Батлеры, но даже кельтские О’Ниллы. Это означает, что ирландские лорды приобрели связи и добились положения в соперничестве с английскими придворными фракциями. Деятели разных группировок английского двора, среди которых были и английские наместники в Ирландии, в свою очередь сыграли немалую роль в разжигании восстания в Ирландии в конце правления Елизаветы. Подобным образом различные религиозные и политические группировки в испанской Голландии объединялись с фракциями в собственно Испании⁴⁵.

Что представляли собой неформальные связи между Россией и украинской верхушкой? В Западной Европе подобные связи, видимо, были двух типов: брачные союзы и союзы между придворными или политическими кругами.

О союзах между знатью мы знаем очень немного, а в браки такого рода судя по всему могли вступать только сами гетманы или их ближайшие родственники⁴⁶. В период 1650–начала 1660-х годов известен только один пример неформальной связи: брак брата Ивана Выговского Константина с княжной Мещерской, предположительно дочерью князя Никифора Федоровича Мещерского, брянского воеводы в 1648–1649 годах⁴⁷. В 1665 г. 22 октября гетман Иван Брюховецкий получил боярский чин вскоре после начала переговоров, приведших к его женитьбе на дочери князя Дмитрия Алексеевича Долгорукого⁴⁸. Непонятным остает-

ся, кому принадлежала инициатива, но гетман обратился с просьбой к боярину Петру Михайловичу Салтыкову взять на себя роль посаженного отца (очевидно гетмана?) на церемонии. Салтыков был главой Малороссийского приказа со временем его основания в 1662 г. В любом случае роль Салтыкова была вполне обычной, князь же Д.А. Долгорукий, чья дочь Дарья вышла замуж за гетмана, не был очень известной фигурой, хотя приходился братом князю Юрию Алексеевичу Долгорукому, боярину и наиболее значительному русскому военачальнику⁴⁹.

В 1661–1666 гг. князь Д.А. Долгорукий состоял постоянным членом русской делегации, проводившей мирные переговоры с Польшей и, вероятно, являлся последователем своего брата Юрия в противостоянии Ордину-Нащокину⁵⁰. Другими словами, князья Долгорукие были в числе главных сторонников жесткой линии по отношению к Польше в противовес Ордину-Нащокину и, в конечном счете, самому царю, так как Алексей был склонен соглашаться с Ординым-Нащокиным по вопросу о необходимости мира с Польшей. Женившись на княжне Долгорукой, гетман Брюховецкий обрел жену, связавшую его с московской элитой. Но эта группировка при российском дворе потерпела неудачу, когда царь Алексей решил уступить Польше Полоцк и Витебск и приказал Ордину-Нащокину подписать Андрусовское перемирие в январе 1667 г. Победа внешнеполитического курса Ордина-Нащокина немедленно привела к его назначению главой Посольского приказа и присвоению ему боярского чина. Еще одним успехом нового фаворита стала передача в его ведение из-под власти П.М. Салтыкова Малороссийского приказа (17 июля 1667 г.)⁵¹. Не только политика Ордина-Нащокина одержала верх, он сам отныне контролировал внешнюю политику, в том числе и по отношению к Гетманству.

Андрусовское перемирие не устраивало Запорожское войско, так как по нему Россия и Гетманство не получали гарантий на владение Киевом, а также отказывались от Правобережья. Это перемирие и чрезмерные требования русских воевод в украинских городах сыграли значительную роль в восстании 1668 г., в ходе которого погиб Брюховецкий. Частично разгадка этих событий кроется в связи с неудачным союзом последнего с Долгорукими. Когда Долгорукие больше не способны были убедить царя продолжать войну, в Москве не осталось защитников интересов Гетманства. Казалось, что ситуация для Гетманства складывалась безнадежно, так же как безрадостным было для него Андрусовское перемирие⁵².

Именно во время гетманства Ивана Самойловича мы наблюдаем больше всего следов подобных неформальных связей. Наи-

более увлекательная из них пришлась на самый конец карьеры гетмана.

Когда Самойлович был свергнут в 1687 г., шведский представитель в Москве Кристофер фон Кохен, который каждый месяц посыпал очень подробные отчеты и чья информационная сеть была сконцентрирована на сторонниках Софьи и князя В.В. Голицына, а не на их соперниках Нарышкиных, сообщил об этом факте. Он докладывал, что “царь Петр” в Москве поддерживает партию Самойловича и хочет, чтобы тот прибыл в Москву, по-видимому, для его защиты, в то время как противники Самойловича хотят отправить его в ссылку без права возвращения в Москву. Так как Петру в то время было 15 лет, имелась в виду явно “партия” Нарышкина, возглавляли которую князья Борис Алексеевич Голицын, Михаил Алекукович Черкасский и мать Петра Наталья Нарышкина⁵³. К сожалению, Кохен не информирует нас о том, сколь долго длились контакты Самойловича и Нарышкиных.

Самойлович не только вступал в политические союзы с российскими придворными, он отдал свою дочь в жены Шереметеву: не удивительно, что многие киевские воеводы после 1654 г. происходят из рода Шереметевых. Так, в 1658–1660 гг. киевским воеводой был боярин Василий Борисович Шереметев (ум. в 1682), захваченный татарами под Чудновом, проведший в плену 21 год и возвратившийся к своим обязанностям в последние месяцы правления царя Федора. В 1666–1668 гг. и затем в 1681 г. воеводой был боярин Петр Васильевич Шереметев (Большой), отец Бориса Петровича, командующего российской армией на Днепре в 1696–1697 гг., позднее петровского фельдмаршала. У Бориса Петровича был младший брат Федор, в 1681–1682 гг. женившийся на дочери гетмана Самойловича Прасковье⁵⁴.

Обстоятельства этой женитьбы требуют дополнительного рассмотрения. Костомаров пишет, что после свадьбы Самойлович попросил князя В.В. Голицына назначить Ф.П. Шереметева киевским воеводой. Фактически, зять Самойловича был одним из помощников своего отца на этой должности в 1681 г., что, вероятно, и привело к свадьбе. Голицын, видимо, удовлетворил просьбу в 1684 г., но следующей весной Прасковья умерла при родах⁵⁵. Женитьба Шереметева, возможно, была частью союза с фракцией Нарышкина, так как Шереметевы после 1682 г., судя по всему, поддерживали семью Петра, хотя они и не играли в то время значительной роли в придворных интригах⁵⁶.

Самойлович выдал свою дочь замуж в один из самых крупных русских аристократических родов также и ради него самого, хорошо известного в Гетманстве, имевшего серьезные интересы в польском и украинском обществах. Одновременно гетман укреп-

пил связи с группировкой Нарышкиных, почти не скомпрометировав себя. Этот брак также демонстрирует, что русские аристократы дорожили связями в Гетманстве. Самойлович был сыном священника, его враги в Гетманстве постоянно наносили ему оскорблений из-за его простого происхождения, и Шереметевы должны были знать об этом. Русские бояре, как известно, отличались особой щепетильностью в вопросах происхождения и титулов, тем не менее родство с гетманом не создало проблем для рода Шереметевых⁵⁷.

В период гетманства Мазепы подобных неформальных связей не наблюдалось. Судя по всему, не заключались брачные узы; нет данных о связях Мазепы и старшины с фракциями при петровском дворе. Все, что есть в нашем распоряжении – это замечание в письме Орлика, который по прошествии 15 лет вспоминает, что Б.П. Шереметев выражал определенную солидарность с недовольством Мазепы и старшины Петром⁵⁸. Последним слушаем в контексте интересующей нас проблематики являлся брак дочери Скоропадского и сына Петра Толстого в 1717 г., представленный в дневнике Марковича как почин Петра⁵⁹. Это событие стало началом долгой истории браков между представителями казацкой старшины и русской знати, а также вхождения украинцев в ряды русской аристократии и правительства.

В заключение следует отметить, что вопрос брачных связей интересен и может заключать в себе и другие аспекты. Так как старшина, видимо, была в значительной степени эндогамной, частичным исключением были до 20-х годов XVIII в. гетманы. Была ли эндогамия связана с запрещением вступать в браки с неместными землевладельцами⁶⁰?

Эта замкнутость, отсутствие связей ее отдельных представителей с русским дворянством, конечно, придавали старшине чувство групповой сплоченности, что должно было сильно содействовать развитию ее особого самосознания, хотя и не предотвращало борьбы внутри нее. Объясняет ли замкнутость старшины, отсутствие экономических связей между старшиной и русской знатью, почему фракционные союзы скорее всего существовали только между русскими придворными группировками и гетманами?

* * *

Связи России с украинским Гетманством являются ключевым моментом в понимании как Российской, так и украинской истории. Гетманство было единственным большим автономным образованием в составе России до 1710 г., когда Петр согласился подтвердить автономные права Прибалтийских областей. В

течение 55 лет (1654–1709 гг.) русские цари имели под своим верховенством своеобразную политическую структуру Гетманства и вырабатывали разные формы правления, которые до сих пор в значительной степени остаются неизученными. Российские историки не смогут достаточно полно изучить XVII в. и последующие эпохи без более серьезного осмысления истории этих взаимоотношений.

¹ Горобець В.М. Від союзу до інкорпорації: українсько-російські відносини другої половини XVII – першої чверті XVIII ст. Київ, 1995; Горобець В.М., Струкевич О.К. Українсько-російські політичні відносини другої половини XVII–XVIII ст.: тенденції, характер, етапи // Українські історичні журнал. 1997. № 1). С. 2–42; Гуржій О.И. Гетьман Іван Скоропадський. Київ, 1998. См. також: Дорошенко Д.І. Гетьман Петро Дорошенко. Нью Йорк, 1985; Крупницький Б. Гетьман Данило Апостол та його доба 1727–1734. Аугсбург, 1948; Оглоблин О. Гетьман Іван Mazepa та його доба // Записки наукового товариства імені Шевченка. Нью Йорк, 1960. Вип. 170; Kohut Z.E. Russian Centralism and Ukrainian Autonomy: Imperial Absorption of the Hetmanate 1760s–1830s. Cambridge (Mass.), 1988 (укр. пер.: Россійський централізм і українська автономія: Ліквідація Гетьманщини 1760–1830 рр. Київ, 1996).

² Россия–Украина: история взаимоотношений / Под ред. А.И. Миллера, В.Ф. Репринцева, Б.Н. Флори. М., 1997 (ст. Флори, Заборовского, Санина, Артамонова); Kohut Z.E. Belarus, Russia, and Ukraine from the Sixteenth to the Eighteenth Century: An Agenda for the Study of Politics // Journal of Ukrainian Studies 17. Summer–Winter 1992. N 1/2. P. 3–16. Российские историки на Западе после ухода из научной жизни поколения русской эмиграции 1917 г. не очень много внимания уделяют российско-украинским отношениям. Однако см.: Kappeler A. Rusland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Verfall. Münich, 1992.

³ Четвертый аспект – отношения между православной церковью в России и на Украине в конце XVII – начале XVIII в. – также важен, но он представляет собой самостоятельную серьезную проблему. См.: Эйнгорн В.О. О сношениях малороссийского духовенства с Московским правительством в царствование Алексея Михайловича // ЧОИДР. 1893–1899; Харламович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 149–249, 459–504; Bushkovitch P. Religion and Society in Russia: The Sixteenth and Seventeenth Centuries. N.Y., 1992. Также см. раб. российских филологов А.Н. Робинсона, Л.И. Сазоновой, А.С. Елеонской, А.М. Панченко и Дэвида Фрика, Питера Ролланда на Западе и др.

⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен: В 15 т. М., 1960–1966. Кн. 5–9; Костомаров Н.И. Собр. соч. Т. 15–16: Богдан Хмельницкий, Руина, и Мазепа и мазепинцы. СПб., 1905; Грушевський М.С. Історія України–Русі. Київ, 1991–1998. Т. 8–9; Дядиченко В.А. Нариси суспільно-політичного устрою Лівобережної України кінця XVII – початку XVIII ст. Київ, 1959; Софроненко К.А. Малороссийский приказ Русского государства второй половины XVII и начала XVIII века. М., 1960.

⁵ Контакты Малороссийского приказа с воеводами, вскорятно, в основном были связаны с военными действиями. В украинских городах не прекращались конфликты, решение которых находилось вне компетенции воевод, так как большинство городов обладало Магдебургским правом и отстаивало его (в случае Киева вплоть до 1830 г.), но этот вопрос следует детально изучить, прежде чем

делать какие-либо выводы о российской политике. В других вопросах, таких как землевладение в Гетманстве, приказ, видимо, не играл никакой роли. Приобретение земель в Гетманстве русскими и др. дворянами было запрещено до 1709 г., видимо, и российское правительство, не давало земли украинской казацкой старшине, за исключением непродолжительного периода гетманства Брюховецкого. Обычно оно только подтверждало пожалования гетмана. См.: Мякотин В.А. Очерки социальной истории Украины: В 3-х т. Прага, 1924–1926. Т. 2. С. 33–36, 76–77. Софоненко утверждает, что Малороссийский приказ не вмешивался в вопросы ниже уровня гетманской администрации, но ее примеры столь немногочисленны и не типичны, что аргументы выглядят неубедительно. См.: Софоненко К.А. Указ. соч. С. 118–122.

⁶ Донесения шведского резидента в Москве Кристофера фон Кохена // Svenska riksarkivet, Muscovitica, 19 августа, 2 сентября 1687. Цит. по: Bushkovitch P. Aristocratic Fraction and the Opposition to Peter the Great: The 1690s // Forshungen zur osteuropäischen Geschichte. 1985. B., 1988. 50. Not. 20.

⁷ Kentschynskyj B. Mazepa. Stockholm, 1962. Р. 179–89; О. Оглоблин (Указ. соч. С. 23–40) отмечает, что русская армия окружила украинских казаков во время выборов Мазепы, но итог выборов, тем не менее, был результатом решения украинской старшины. Старшина не была пассивным орудием в руках Голицына, хотя доминирующая роль России ясна: как раз в это время она становится явной. Н.И. Костомаров (Собр. соч. Т. 15: Руина. С. 351–366) и А. Лазаревский (Заметки о Мазепе // Киевская старина. 1898. Т. 60. № 3. С. 476–488) признают роль Голицына. См. также: Лавров А.С. Новый источник о первом Крымском походе // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 1994. Вып. 4, № 23. С. 14–19; Лавров А.С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. М., 1999. С. 140–147; Яковлів А. Українсько-московські договори XVII–XVIII ст. // Праці Українського наукового інститута. Варшава, 1934. Т. 19.

⁸ Из последних исследований, в которых время перелома датируется 1722 г. см.: Горобець В. Присмерк Гетьманщини: Україна в року реформ Петра I. Київ, 1998.

⁹ Соловьев С.М. Указ. соч. Т. V. С. 525.

¹⁰ О планах России в 1653 г. Грушевский пишет только, что “на превеликий жаль весь сей процесс обміркування, планування знову пропав для нас майже без останку”. См.: Грушевський М.С. Указ. соч. Т. IX/2. С. 610; Torke H.-J. The Unloved Alliance: Political Relations between Muscovy and Ukraine in the Seventeenth Century // Ukraine and Russia in their Historical Encounter / Ed. P.J. Potichnyj, M. Raeff, J. Pelenski, G.N. Zekulin. Edmonton, 1992. P. 39–66. Андреас Каппелер выдвинул идею, что политику России по отношению к Украине следует рассматривать в контексте “степной политики”. См.: Kappeler A. Das Moskauer Reich im 17. Jahrhundert und osteuropäischen Geschichte. 50 (1995). P. 192–195.

¹¹ Воссоединение Украины с Россией. М., 1954. Т. 3. С. 119 (1651 г.), 258–260 (23 марта 1653, письма Хмельницкого Морозову, Милославскому, Пушкину), 267 (Никону).

¹² Соловьев С.М. Указ. соч. Т. V. С. 592–596; Воссоединение... Т. 3. С. 285–317, 322–333. То же см.: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. (Далее: АЮЗР). Т. 10. С. 1–4: письмо царя Алексея Хмельницкому 22 июня 1653 г.

¹³ Воссоединение... Т. 2. С. 406–415 (то же см.: АЮЗР. Т. X. С. 3–18).

¹⁴ Воссоединение... Т. 3. С. 460 (то же см.: АЮЗР. Т. X. С. 216 (речь Ивана Выговского к Бутурлину и русской делегации 7 января 1654 г., в которой проводится сравнение царя Алексея с его “родственником” Киевским князем Вла-

- димиром). Подобные обращения к древнему киевскому прошлому были свойственны и украинским представителям Речи Посполитой, например, Адаму Кисилю. См.: *Sysyn F. A Speech before the Tsar: Adam Kysil's Oration on August 28, 1647 (N.S.): Między Wschodem a Zachodem: Rzeczpospolita XVI–XVIII w. W-wa*, 1993. S. 133–142.
- ¹⁵ Исключением из этого правила (к которому я вернусь позже) являются записки Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина 1658–1671 гг., но они не касаются положения дел на Украине еще в течение 10 лет после принятия решения о вступлении в войну с Польшей.
- ¹⁶ Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI начале XVII в. М., 1978.
- ¹⁷ Воссоединение... Т. 3. С. 24 (в отчете Никифора Плещеева, путинского воеводы, от 30 мая 1648 г. украинские казаки называются “своевольными”); 39 (тот же эпитет, 9 июня 1648); 43 (в отчете князя Н. Мещерского, брянского воеводы, от 18 июня 1648, утверждается, что восставшие – не казаки, а “вольные охочие сборные люди”).
- ¹⁸ Godziszewski W. Polska za Władysława IV // Rozprawy Wydziału historyczno-filozoficznego Polskiej Akademii Umiejętności. Kraków, 1930. Ser. 2. Vol. 42. S. 6; Sysun F. Between Poland and the Ukraine: the Dilemma of Adam Kysil 1600–1653. Cambridge (Mass.), 1985. P. 128–140; Санин Г.А. Крымский вопрос во внешней политике России и Речи Посполитой в 40-е – середине 50-х годов XVII в. // Россия, Польша и Северное Причерноморье в XV–XVIII в. М., 1979. С. 261–271; Санин Г.А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987.
- ¹⁹ Мальцев А.Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974; Зaborowski L.B. Великое княжество Литовское и Россия во время польского потопа (1655–1656). М., 1994.
- ²⁰ В ходе Ливонской войны Иван IV захватил Полоцк, а не Киев. После 1587 г. во время выборов польского короля “прорусская” партия находилась в Литве, а не на Украине. И после 1648 г. мы наблюдаем ту же картину. Маловероятно, чтобы эти факты были чистой случайностью.
- ²¹ Галактионов И., Чистякова Е.А. Л. Ордин-Нащокин: русский дипломат XVII в. М., 1961; Bickford-O'Brien C. Russia and Eastern Europe: the Views of A.L. Ordin-Nashchokin // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1969. Bd. 17. P. 369–379.
- ²² Некоторые историки утверждают, что Ордин-Нащокин в юности изучал латынь и польский, хотя я не нахожу источников, на которых основано это утверждение. См.: Лихач Е. Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. XII. С. 282–303.
- ²³ Соловьев С.М. Указ. соч. Т. VI. С. 162–164; Галактионов И.В. Русско-польский союз: Обоснование идей А.Л. Ордина-Нащокиным накануне переговоров в Андрушове // Славянский сборник. Саратов, 1990. Вып. 4. С. 111–121.
- ²⁴ Галактионов И.В. Русско-польский союз... С. 107; Он же. К истории андрушовского перемирия 1667 г. // Исторический архив. 1995. № 6. С. 83–85.
- ²⁵ Галактионов И.В. К истории... С. 85–89. В 1664 г. Ордин-Нащокин добавил только последнюю часть об отказе от Гетманства, часть, которая вызвала несогласие царя.
- ²⁶ Дорошенко Д. Указ. соч. С. 114–116.
- ²⁷ Эйнгорн В. Отставка А.Л. Ордина-Нащокина и его отношение к малороссийскому вопросу // ЖМНП. Ноябрь, 1897. Вып. 314. С. 104–117.
- ²⁸ Соловьев С.М. Указ соч. Т. VI. С. 358. Тяпкин говорил Ордину-Нащокину, что Тукальский убеждал Дорошенко признать царя. Ордин-Нащокин мог этому поверить.

- ²⁹ Рогожин Н.М. Артамон Сергеевич Матвеев // Око всей великой России. М., 1989. С. 146–179. Рогожин считал османскую проблему центральной для российской внешней политики, но он мог лишь предполагать, что Матвеев придерживался такого мнения.
- ³⁰ Первыми постоянными западными дипломатическими представителями были шведы, чьи отчеты начинаются с 1632 г., однако в течение последующих 40 лет они остаются в одиночестве, были также годы, когда и они не имели своих резидентов. После 1667 г. приезжают представители других стран: датчане в 1673 г., на следующий год польский посланник, голландский эмиссар Виллем фан Келлер в 1676, и к концу века посол из Вены. Датское и шведское представительства пишут свои отчеты почти исключительно на французском и немецком языках, а не на датском и шведском. См.: Форстен Г.В. Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII века (1648–1700) // ЖМНП. 1904. Вып. 355/356; Он же. Сношения Швеции с Россией во второй половине XVII века (1648–1700) // Там же. 1898. Вып. 315–317; 1899. Вып. 323–325; Ellersieck H. Russia under Aleksei Mikhailovich and Fedor Alekseevich 1645–1682. The Scandinavian Sources. Doct. Diss. Univ. of California. Los Angeles, 1995; Eekman Th. Muscovy's International Relations in the Late Seventeenth Century: Johan van Keller's Observations // California Slavic Studies. 1992. N 14. P. 44–67.
- ³¹ Kaminski A. Republic vs. Autocracy: Poland-Lithuania and Russia 1686–1697. Cambridge (Mass.), 1993. P. 146–175. Камински утверждает, что исследование Белова о голландском представителе Иоганне фан Келлере подтверждает предположение о полной изоляции дипломатов, но фактически Белов лишь отмечает, что существовал запрет встречаться с др. послами и также упоминает широкие связи Келлера в России. См.: Белов М.И. Письма Иоганна фан Келлера в собрании нидерландских дипломатических документов // Исследования по отечественному источниковедению. Л., 1964. С. 374–382.
- ³² Позднее шведский агент Книпер был в таких хороших отношениях с русскими должностными лицами, что сообщал почти слово в слово о тяжбе из-за бесчестия между князьями Б.А. Голицыным и Я.Ф. Долгоруким в 1692 г., в то время как польский посол едва ли мог покинуть свой дом. См.: Bushkovitch P. Op. cit. P. 94–95.
- ³³ Zernack K. Studien zu den schwedisch-russischen Beziehungen in der 2. Hälfte des 17. Jahrhunderts, Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen, Reihe I: Giessener Abhandlungen zu Agrar – und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens 7. Giessen, 1958. P. 58–72; Jespersen K.J.V. Denmarks Historie. Copenhagen, 1989. Vol. 3: Tiden 1648–1730. P. 238–261.
- ³⁴ Фаизов С.Ф. Неизвестная страница из предыстории отставки А.Л. Ордина-Нащокина // Славянский сборник. Саратов, 1985. Вып. 3. С. 66–76; Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII века. СПб, 1887. С. 577–585.
- ³⁵ Костомаров Н.И. Собр. соч. Т. 15: Руина. С. 163–238; Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. VI. С. 413–450; Дорошенко Д. Указ. соч. С. 287–432; Wójcik Z. Między traktatem andrusowskim a wojną turecką: Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672. W-wa, 1968.
- ³⁶ Tyske Kancellis Udenlandske Afdeling (TKUA) Rusland B38, 19 и 26 ноября 1672 (ограбление); 5 и 25 февраля 1673 (Матвеев делает выбор в пользу Дании, а не Швеции); 26 мая 1673 (несчастный случай с Матвеевым).
- ³⁷ TKUA Rusland B38, 21 июля 1673 г.
- ³⁸ TKUA Rusland B38, 19 ноября 1672 г. (“roitelet” / “королек” и “раздражительный”), 9 февраля 1676 (“ставленник” Матвеева возглавляет “pricas des Tavern-

nes"). Видимо, имелась в виду Новая Четь. В юрисдикции матвеевского Польского приказа находились не только Малороссийский приказ, но также и Новгородская, Галичская, Владимирская Чети, которые распоряжались доходами большей части Северной и Центральной России. Дохтуров, противник Ордина-Нащокина и креатура Матвеева, возглавлял Поместный приказ (1670–1676), Печатный приказ (1668), Кабацкий приказ (Новая Четь, 1668–1676) и Разряд (1674–1676). Из важных приказов Матвеевым не контролировались только дворцовые приказы, находившиеся под управлением Богдана Хитрова. См.: *Богоявленский С.К.* Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. Дохтуров: С. 91, 116 123–124, 148; Хитрово: С. 20–21, 97–98, 178–179.

³⁹ TKUA Rusland B38, 2 (цит.) и 22 декабря 1673; 25 января, 11 февраля, 1 марта 1674 г.

⁴⁰ TKUA Rusland B38, 18 марта 1674 г.

⁴¹ Гё, как мы видим даже из этого текста, не был Матвееву врагом, что утверждает даже Рогожин (*Рогожин Н.М.* Указ. соч. С. 169). Такое впечатление складывается на основании более поздних членитных Матвеева об освобождении из ссылки (История о невинном заточении ближнего боярина Артамона Сергеевича Матвеева. М., 1776. С. 145), но это был труд отчаявшегося человека, оправдывавшегося путем обвинения лица, находившегося уже за пределами России. Наиболее пространной попыткой доказать, что датчанин был якобы врагом Матвеева, является работа Т.В. Старостиной, заявившей, что Гё имел сильное предубеждение против Матвеева (*Старостина Т.В.* Об опале А.С. Матвеева в связи с сыскным делом 1676–1677 гг. о хранении заговорных писем // Учен. зап. Карело-Финского ун-та. Петрозаводск, 1947. Т. II, вып. 1: Исторические и филологические науки. С. 44–89.). Автор полагается, однако, на тенденциозные и зачастую неточные фрагменты из отчетов Гё, приводимые Ю.Н. Щербачевым (*Щербачев Ю.Н.* Из донесений первого датского резидента в Москве (1672–1676) // ЧОИДР. 1917, вып. 2. С. 32–42.). Среди прочего, Старостина утверждает, что датчанин 2–3 июля подал на Матвеева письменную жалобу, таким образом ускорив его отставку. Это неверно. Русские документы, которые цитирует сама Старостина (*Хариков Н.В.* Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия (1637–1694). СПб., 1906. С. 64–65, 684–687), показывают, что Гё жаловался на то, что ему не заплатили причитающееся за доставку вина только 9 июля, т.е. после того, как он услышал об отставке Матвеева (Там же. С. 267–268). Датчанин покинул Москву двумя днями ранее отставки и услышал о ней в Ярославле (TKUA. Rusland, B38, 9 июля 1676 г.). Матвеев мог быть недоволен жалобой, но она не имела ничего общего с его отставкой, которая произошла 3 июля. Матвеев был зол на Гё с осени 1675 г., когда тот вмешался в его переговоры с посольством Империи, но этот случай имел негативные последствия для Гё, а не для Матвеева. Даже контакты Гё с иностранцами (Марселис и Мензиес) ограничивались теми, кто был связан с Нарышкиными, а не с их врагами или врагами Матвеева. Форстен был более объективен. См.: *Форстен Г.В.* Датские дипломаты... С. 116–144.

⁴² Соловьев С.М. Указ. соч. Т. VI. С. 524–526; *Хариков Н.В.* Указ. соч. С. 25–29; *Рогожин Н.М.* Указ. соч. С. 171. Польский король Михаил сделал то же самое, также безрезультатно. См.: *Przyboś A. Michał Korybut Wiśniowiecki, 1640–1672.* W-wa, 1984. S. 213. Оказание прямой помощи Польше было сильно затруднено из-за внутренней борьбы, которую вел король Михаил с полководцем Яном Собеским, борьбы, которая должна была утвердить Матвеева в его мнении о слабости Польши.

- ⁴³ Российское правительство приказало своему эмиссару, Г.Г. Ромодановскому, помешать выборам Ивана Сирко, но этот приказ был ответом на доносы со стороны старшины.
- ⁴⁴ См. также: Заруба В.Н. Украинское казацкое войско в борьбе с турецко-татарской агрессией (последняя четверть XVII в.). Харьков, 1993.
- ⁴⁵ Brady C. The Chief Governors: The Rise and Fall of Reform Government in Tudor Ireland 1536–1588. Cambridge, 1994; Ohlmeier J.H. Civil War and Restoration in the Three Stuart Kingdoms: the Career of Randal MacDonnel, Marquis of Antrim 1609–1683. Cambridge, 1993; Parker G. The Grand Strategy of Philip II. New Haven, 1998. P. 118–119, и др.
- ⁴⁶ А. Оглоблин, судя по всему, был единственным историком, поднявшим эту проблему, по крайней мере, для периода Мазепы (см. ниже). К сожалению, его источниковая база зачастую довольно сомнительна, некоторые приводимые им факты неверны (например, предполагаемые русские придворные чины зятьев Самойловича), и не все его выводы обоснованы. В частности, он принимает комментарии "Истории Русов" о Шереметеве как доказательство существования некоего союза между мазепинцами и русским фельдмаршалом, но известные современные источники не подтверждают этого.
- ⁴⁷ Lipiński W. Z dziejów Ukrainy, Kijów, 1912. S. 307–308 (то же см.: Липинський В. Твори. Філадельфія, 1980. Т. 2. С. 219–220); Барсуков А. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 22. Князь Н.Ф. Мещерский носил чин московского дворянина в 1627–1640 гг. См.: [Иванов]. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 262.
- ⁴⁸ Костомаров Н.И. Собр. соч. Т. 15: Руина. С. 54–60; АЮЗР. Т. 6. С. 1–24.
- ⁴⁹ Князь Д.А. Долгорукий в 1651 г. возведен в сан окольничего, в 1671 – боярина, умер в 1673 г. Был четырежды женат: первая жена была дочерью Ильи Милославского, этот брак во второй раз связал его с царской фамилией (первый раз по первой жене царя Михаила). За 20 лет он сделал серьезную административную карьеру: управлял Владимирской и Галицкой Четями (1651–1653) в качестве полоцкого воеводы (1654–1657), также двумя Четями и Артиллерийским приказом (1657–1659), был казацким воеводой (1659–1661), главой Монастырского приказа (1666–1668), новгородским воеводой (1668–1669), главой Судного Владимирского приказа (1671–1672) и архангельским воеводой (1673). См.: Crumley R.O. Aristocrats and Servitors. – Princeton (N.J.), 1983. P. 190; Барсуков А. Указ. соч. С. 65, 88, 154, 179; Богоявленский С.К. Указ. соч. С. 38, 41, 86, 135–136, 175–176; кн. Петр Долгоруков. Российская родословная книга. СПб. 1854–1857. Т. 1–4. С. 88–89.
- ⁵⁰ Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. VI. С. 162–165.
- ⁵¹ Богоявленский С.К. Указ. соч. С. 84–85.
- ⁵² В следующий раз князья Ю.А. и Д.А. Долгорукие участвовали в переговорах с Польшей в 1671 г., когда Матвеев уже возглавлял внешнюю политику России. См.: Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. VI. С. 406–407; Wójcik Z. Op. cit. S. 278, 287.
- ⁵³ Svenska riksarkivet, Muscovitica 115, 19 августа, 2 сентября 1687 (Цит. по: Bushkovitch P. Op. cit. P. 88).
- ⁵⁴ Барсуков А. Списки... С. 101–103; Он же. Родословие Шереметьевых. СПб., 1904. С. 9–10.
- ⁵⁵ Костомаров Н.И. Собр. соч. Т. 15: Руина. С. 338–339.
- ⁵⁶ А.А. Матвеев спустя 10 лет утверждал, что Б.П. Шереметев в 1682 г. поддерживал Петра (см.: Записки Андрея Артамоновича Матвеева // Записки рус-

- ских людей. / Под ред. И. Сахарова. СПб., 1841. С. 6). Лавров причислял Б.П. Шереметева скорее к сторонникам Петра, чем Софьи, но по довольно сомнительным основаниям. См.: *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. М., 1999. С. 99.
- ⁵⁷ Оглоблин также утверждает, что Григорий Самойлович и князь Юрий Свято-полк-Четвертинский (племянник киевского митрополита Гедеона), зять гетмана Самойловича, имели чин стольников. Алфавитный указатель Иванова не подтверждает этого. См.: *Оглоблин О.* Указ. соч. С. 165.
- ⁵⁸ Письмо Орлика к Стефану Яворскому // Основа. Октябрь 1862. Исторические акты. С. 1–29. Используя письмо и “Историю Русов” в качестве источника, Оглоблин пришел к убеждению, что Шереметев симпатизировал Мазепе и был замешан в его махинациях против Петра. Он настаивал на том, что “История Русов” – это полезный источник для изучения истории начала XVIII в., так как она хранит более древние традиции. В самом деле, Шереметев представлен там как ходатай за украинцев после дезертирства Мазепы, чему нет современных доказательств. См.: *Конисский Г., архиеп.* История Русов / Под ред. О. Бодянского. М., 1846. С. 207–208; *Оглоблин О.* Указ. соч. С. 281–282, 302, примеч. 11. Оглоблин прав, отмечая некую схожесть в отношении к Петру старшины и Шереметева, но кроме этого ничего нельзя утверждать.
- ⁵⁹ *Лазаревский А.* Семья Скоропадских (1674–1758). Люди старой Малороссии // Исторический вестник. Август, 1880. Вып. 2. С. 710–730; Дневник генерального подскарбия Якова Марковича 1717–1767 // Киевская старина. 1891. Т. 33. Прилож. С. 7–8 (1718).
- ⁶⁰ Работы по генеалогии, такие как работа Модзалевского о знати в Гетманстве, показывают, что представители старшины почти не вступали в браки с представителями русской или какой-либо другой знати за ее пределами до 20-х годов XVIII в. С этого же времени подобные браки становятся все более распространенными. См.: *Модзалевский В.Л.* Родословная книга Черниговского дворянства. СПб., 1901. Т. 1–2. О землевладении см.: *Мякотин В.* Указ. соч. Т. 3. С. 169.

ГЕТМАН ЯКОВ ОСТРЯНИН В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ И В РОССИИ*

В первой половине XVII в. поток поселенцев с украинских земель Речи Посполитой в поисках лучшей жизни устремился на территорию России. Этнокультурная близость населения Российского царства и этих территорий способствовала успешному освоению поселенцев на новом месте. Вместе с тем, сам по себе факт этнического родства жителей украинских земель Речи Посполитой и России не являлся гарантией решения тех проблем, которые порождались значительным расхождением обычаяев и традиций, существовавших в разных обществах. Противоречивость обстановки, сложившейся в приграничном районе накануне Переяславской рады, порой причудливо и ярко отражалась в судьбе отдельных людей. Для Днепро-Донской лесостепи¹ бывшей в XVII столетии зоной взаимодействия русских и украинцев², такой личностью является Яков Острянина (Ятцко или Яцко Остренин, Остряница). По сути, настоящая статья посвящена не столько судьбе отдельной личности, сколько тем проблемам, путь к устраниению которых был найден позднее при заселении Слободской Украины.

Имя Острянина в равной мере принадлежит как российской, так и украинской истории. Несмотря на относительно небольшое количество источников, яркая судьба Якова Острянина вызывала интерес у историков. Не случайно ему посвящено немало работ русских и украинских исследователей, но они базируются, в основном, на украинских летописях второй половины XVII в. и на опубликованных в XIX в. архивных материалах, что не позволяет с достаточной полнотой осветить жизнь этого человека³. Как правило, разные ученые писали о различных эпизодах жизни Острянина, и пока никто не попытался свести воедино все известные факты его биографии. Решить эту задачу можно, если привлечь еще не введенные в научный оборот, но сохранившиеся в фондах РГАДА материалы делопроизводства российского Разрядного приказа первой половины XVII в.

Точная дата рождения Острянина неизвестна, первые упоминания о нем относятся к 1621 г. Большинство исследователей свя-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 03-01-00620а/Ц).

зывает имя одного из атаманов, возглавлявших запорожцев, ходивших в том году вместе с донскими казаками на Черное море, с личностью Якова Острянина⁴. Косвенные данные позволяют предполагать, что сам Яков был выходцем из среды мелких служилых людей Речи Посполитой. В свое время он служил у польских дворян и в охране селитренных варниц шляхтича Обалковского⁵. Второй раз его имя упоминается в 1625 г., когда запорожцы направили на сейм в Варшаву своих делегатов: Якова Острянина, Илляша Федоровича и Дацка Годренко. Следует обратить внимание на упоминание рядом Острянина и Илляша (Ильяша). В дальнейшем эти имена будут неоднократно встречаться вместе. Как свидетельствует универсал, изданный Я. Остряниным в марте 1638 г., сам он происходил из г. Остра, находившегося под Киевом, а его отец в 1637 г. пострадал от польскихластей⁶.

Как военачальник Остряний проявил себя во время русско-польской войны за Смоленск 1632–1634 гг. В 1631 г. черкасы получили распоряжение польского правительства ждать в приграничных городах прибытия на левый берег Днепра коронного гетмана С. Конецпольского с войсками⁷. В ноябре 1631 г. рыльскому воеводе лазутчики доложили, что польский король прислал гетману Кулаге знамя, булаву, бубны и велел созывать черкас. Помимо этого сообщалось направление (Путивль, Рыльск) и время (“как реки станут...”) черкасского похода⁸. Упоминание как цели похода Путивля и Рыльска говорит о том, что уже в конце 1631 г. намечалось вторжение на русскую территорию значительного числа черкас, организованное польскими властями.

К началу войны черкасы представляли значительную силу, с которой вынуждены были считаться оба враждующих государства. Однако с привлечением черкас к войне против России у польского правительства возникли определенные трудности. В ответ на просьбы о помощи гетман Сулин первоначально ответил: “Иди, де, ему не с ким, многие черкасы побиты от поляков”. Черкасы были недовольны порядками в Речи Посполитой, испытывали враждебность к “полякам” и униатам, но свои надежды на лучшее связывали с приходом к власти нового короля Владислава. Тем не менее, в 1633 г. на южной окраине России развернулись активные боевые действия войск Речи Посполитой, состоявших в значительной мере из черкас. В царских грамотах последние наряду с поляками причислялись к “искони вечным врагам” Российского государства⁹. Такое определение отражает ситуацию на Польской украине России.

Не последнюю роль в боевых действиях 1633 г. сыграли черкасы, которыми командовал Яков Остряний. Его полк вступил на русскую территорию в районе Севска. 1 марта польские войска, в

состав которых входили отряды черкас, начали осаду крепости. Запорожцами командовал гетман Ильяш и полковники: Гришка Черкасский, Данила Каневский, Яцко Остряний (видимо возглавлявший полтавских черкас), Юрко Чигиринский и Филоненко Корсунский¹⁰.

Отряду Я. Острянина весной того же года удалось захватить и разорить г. Валуйку (совр. Валуйки). Успех операции во многом объясняется тем, что черкасы появились под городом внезапно, обойдя сторожи и станицы. Спустя некоторое время под Севском был захвачен черкашенин Михаил Михайлов, участвовавший в валуйском бою. Отправленный в Москву, он показал, что "...водил их (черкас. – А.П.) под Валуйки изменник русский человек Матюшка, чей словет, того он не ведает"¹¹. Отписка оскольского воеводы Якова Хрущева проливает свет на некоторые подробности появления отряда Острянина под Валуйкой. Черкасы пришли к крепости не по Муравской сакме, как ожидалось, а "с Поля", по посольской дороге, переправившись через Северский Донец у Святых Гор. После переправы шли глухими местами, по которым не ездили русские сторожи, патрулировавшие границу. Хорошо продуманный маршрут и отменное знание местности обеспечили внезапность нападения. Черкасы подожгли острог, и воевода И. Колтовской с гарнизоном вынужден был идти из крепости на прорыв¹². Пожар был настолько силен, что пушки, стоявшие на башнях, расплавились в "медь дробную", которая впоследствии была доставлена для переплавки в Москву Алексеем Игнатьевым¹³. Разгром Валуйки получил международный резонанс. Связано это, видимо, со значением упомянутой пограничной крепости, которая была местом встречи русских и крымских посольств. В Венеции и Константинополе в десятки раз преувеличивали как численность черкас, напавших на город, так и размер ущерба, нанесенного ими (речь шла о 80 тыс. казаков и татар, десятках захваченных пушек, 6 тыс. разбитых русских и несметном количестве сокровищ)¹⁴. Несмотря на то что в реальности размах операции по разорению Валуйки был гораздо скромнее, данный эпизод позволяет говорить о Якове Острянине как о способном военачальнике.

В июне 1633 г., имя Острянина встречается среди командиров запорожцев, вместе с польскими отрядами Песочинского осаждавшими Путивль. Причем пленный запорожец "гетмансково Яцково полку Остренина" Семен Шерпанец на допросе показал: "...гетмана, де, запорозского Дороша под Путивлем отставили, а выбрали, де, гетманом Яцка Остренина, каторай Валуйку взял"¹⁵. Следовательно, взятие Валуйки привело к признанию военных способностей Острянина участниками похода. Затем полк Остря-

нина появился под Белгородом. Черкас насчитывалось около 5 тыс. чел. 20 июля они попытались взять крепость. Подробности штурма можно выяснить из документа, который составил воевода стольник Михаил Петрович Волынский. Он озаглавлен так: “Список осадной белгородцев дворян и детей боярских, и стрельцов, и казаков, и пушкарей, и всяких служилых и жилицких людей, которые были в Белгороде в осаде от литовских людей в нынешнем, во 141-м (1633. – А.П.) году...”¹⁶ Судя по этому документу, защитники города были сосредоточены в башнях. Во время штурма черкасы также “приступали” к острогу. При этом было убито 36 черкас. Но наибольший ущерб нападавшим причинила крепостная артиллерия, от огня которой штурмующие потеряли 365 человек. Во время штурма черкасами Разуменских ворот отряд белгородцев под командованием стрелецкого и казачьего головы Варфоломея Хитрого совершил вылазку, не только отбив от стен города туры, щиты, приметы и лестницы, но и уничтожив 78 врагов, а одного даже пленив. В вылазке участвовало 214 человек. По своему составу это была лучшая часть гарнизона. Существенные потери заставили черкас снять осаду. После того как приступ был отбит, отряд Острянина отошел на территорию Польского королевства¹⁷. При этом черкасы прошли мимо Путивля и разграбили Комарицкую волость¹⁸.

В августе, 26 числа, черкасы под командованием полковников Пырского, Лаверка, Острянина совместно с отрядом урядника Сеножатского из Ромен атаковали Курск. Бой длился с четырех часов дня до вечера. Куряне отбили приступ без особого для себя урона, сгорела только Стрелецкая слобода. Удалось даже захватить в плен 14 человек из числа осаждавших. На допросе и под пыткой один из них, – Федор Харитонов, показал, что под Курском было 3 тыс. “литовских людей и черкас”, все остальные называли число в 1,5 тыс. человек¹⁹. Последние показания, видимо, следует признать более достоверными. Они подтверждаются информацией, сообщенной вышедшим в августе 1633 г. в Путивль из плена Семеном Ильиным. По его словам, сбор черкас происходил под Ромнами. Всего собралось около 3 тыс. человек. Под Курском с “отставленным гетманом” Яковом Остряниным, полковниками Пырским и Лаверком 19 августа пошло примерно 2 тыс. человек. Остальные разошлись по своим городам²⁰. Обращает на себя внимание указание на статус Острянина – “отставленный гетман”.

В следующем году боевые действия польской армии на южной окраине России с участием черкас продолжались. С 1 по 7 марта 1634 г. Севск вновь подвергся серьезному приступу. Штурм был отбит, несмотря на значительное количество атако-

вавших. Невзирая на расхождения в оценке численности войск Речи Посполитой под Севском, можно сделать вывод: силы эти были весьма значительны и не менее чем на половину состояли из украинских казаков²¹. В числе осаждавших упоминается и отряд Яцко Острянина, видимо, полтавского полковника²². Из показаний пленных известно, что черкасами под Севском командовал “кошевой гетман” Ильяш Переяславской. Он отпустил по пять казаков от каждого куреня под командованием Якова Острянина для разграбления южных окраин России²³.

После неудачного приступа черкасы остались в районе Севска и Комарицкой волости. В это время пришло сообщение о готовящемся набеге татар на Речь Посполитую. Польские военачальники Жолкевский и Игнацы Вишневецкий приняли решение передислоцироваться для отражения вторжения. С таким планом не согласились запорожцы. По сведениям рыльского воеводы, полковники Ильяш Черный и Острянин заявляли, что “...им, запорожским и листровым (реестровым. – А.П.) казакам, с Жолкевским и Вышневецким на Корыцкий перевоз не идти, а идти, де, им, запорожским и листровым черкасам, под Смоленск или на Муравский шлях”²⁴. Они действительно покинули Комарицкую волость, направились на юг. Однако на Поле черкасы не боролись с татарами, а воевали с российскими служилыми людьми. С 4 по 16 апреля 1634 г. двенадцатитысячный отряд гетмана Ильяша Черного, полковников Данилы Данилова и Яцко Острянина безуспешно пытался овладеть Курском. Черкасам удалось лишь выжечь слободы²⁵. В этом случае Острянин назван только полковником, а гетманом именуют Ильяша Черного Переяславца²⁶. Это подтверждает более ранние сообщения, что Я. Острянин потерял гетманский титул, присвоенный ему нереестровыми казаками. Впрочем, путаница с обозначением должностей предводителей украинских казаков характерна для российского делопроизводства этого времени. К примеру, в “распросных речах” лубенских и полтавских черкас их полковники Лаверко и Я. Острянин означенены гетманами, а Корнелий Яковлевич Безводский, захваченный черкасами в плен в 1633 г. при взятии Валуек, после возвращения в Россию называл Острянина полковником²⁷.

Полтавские черкасы вновь появились под Белгородом в 20-х числах марта 1634 г. Первоначально российские станичники обнаружили сакму (след в степи, татарскую дорогу), а затем и самих черкас. В количестве около 2 тыс. человек они расположились в 70 верстах от города. В отсутствие Острянина командовали ими полковники Филипп и Семен²⁸. Узнав об их появлении, М.П. Волынский послал станицу под Полтаву. Станица Никиты Тарасова вернулась в Белгород 3 мая, привезя с собой языка – черкашени-

на Семена Петрова. Он сообщил на допросе, что полтавский полковник Яков Острягин возвратился в город и направил письма в Переяславль и другие “литовские порубежные городки” с предложением всем полковникам и урядникам сходиться к нему в Полтаву, а оттуда немедленно идти под Белгород²⁹. В дальнейшем эти данные подтвердились. 13 мая 25 белгородцев под командованием Сидора Маслова разбили черкасский разъезд, состоявший из пятнадцати человек. Захваченный в плен черкашенин Василий Петров показал, что их послал Я. Острягин из Полтавы для захвата языков, необходимых для подготовки похода под Белгород³⁰. Местный воевода встревожился, ибо городской гарнизон был сильно ослаблен: много людей было убито и умерло от ран за предшествующий военный период. В письме к столичной администрации стольник Волынский сообщал, что крепость серьезного приступа не выдержит³¹. Так и случилось. Черкасы под командованием Я. Острянина вновь, но теперь уже внезапно, появились под стенами Белгорода. Помимо Острянина черкасские отряды возглавляли полковник Пырской и лубенский полковник Ловерко. Сбор перед походом происходил в Лубнах. Численность отряда достигла семи тысяч человек. Из Лубен черкасы шли Бокаевым шляхом. Переправившись через Северский Донец возле устья Везеницы, они начали штурм Белгорода в четыре часа утра 8 июня 1634 г. К пяти часам вечера большой острог был захвачен и сожжен. До 12 июня продолжались приступы к детинцу, но гарнизон сумел отбиться, уничтожив более двухсот нападавших³². Потеряв надежду на дальнейшее развитие первоначального успеха, черкасы ушли с полоном в пределы Речи Посполитой³³.

После отступления врага был составлен соответствующий осадный список³⁴, что позволяет сравнить сведения из этого документа с данными, содержащимися в аналогичном списке за предшествующий год. В 1634 г., как и предыдущим летом, во время штурма черкасы “приступали” к городу. Отряд белгородцев под командованием стрелецкого и казачьего головы Варфоломея Хитрого совершил вылазку, как и в предыдущем году, отбив от стен крепости туры, щиты, приметы и лестницы и уничтожив 34 врага, а одного пленив. В вылазке участвовали 76 человек. Как и ранее, по своему составу это была лучшая часть гарнизона. В обороне Белгорода летом 1634 г. участвовали 1547 человек, что на 503 человека меньше в сравнении с предшествующим годом. Следовательно, белгородский гарнизон сократился на четверть, что сказалось на обороноспособности крепости. Описание двух штурмов Белгорода (1633 и 1634 гг.) позволяет сделать вывод, что черкасы Я. Острянина имели осадную технику и были хорошо подготовлены к захвату крепостей. Это обстоятельство подтверждает

высказанное ранее предположение о хороших полководческих способностях Острянина.

Наглядное представление о последствиях действий отряда Я. Острянина дает “Роспись 1634-го году белогородцом, побитым и раненым в приход литовских людей, и ково имянем литовские люди в полон взяли в нынешнем, во 1634-м году, и в прошлом, во 1633-м году, ... что у ково роду и племени побита и в полон жон их и детей, бр[атьев] и племянников и крестьян поимана”³⁵, позволяющая уточнить ход боевых действий под Белгородом и определить тяжесть урона, нанесенного рассматриваемому региону в ходе войны. Эта роспись была составлена белгородским воеводой М.П. Волынским, получившим 30 июня 1634 г. соответствующее указание из Разрядного приказа. Отписка воеводы с приложением “Росписи...” была получена в столице 30 июля, т.е. документ создавался по горячим следам и является весьма достоверным источником.

Проанализировав информацию, содержащуюся в “Росписи...”, можно судить о степени разрушения города. Сгорела таможенная изба, были сожжены и разграблены два кабака. Пострадали монастыри и церкви: был сожжен Рождественский монастырь, сгорела церковь Никольского монастыря, церковь Успения Богородицы и церковь Успения Спасителя, Богоявленская церковь, Покровский храм и церковь Рождества Христова. Из других источников известно, что сгорел большой острог и тюрьма.

Кроме крепости существенно пострадала территория Белгородского уезда, включавшая в себя четыре стана. Были разорены все села и деревни Сажного стана, за исключением слободы Литовская деревня, расположенной в верховьях р. Липовый Донец. Из поселений Раменского стана уцелела только дер. Шляхово. В Коренском стане остались с. Крапивенское, с. Маслова и дер. Устенка. Все села и деревни Корочанского стана были выжжены. Уцелели только с. Стариково в верховьях р. Корочки и с. Городище.

Большой интерес представляет сравнение потерь, понесенных белгородцами в результате действий черкасских отрядов в 1633 и 1634 гг. Данные “Росписи...” неполные, вероятно, воевода собирал их, опрашивая тех жителей, которые находились в городе и уезде, следовательно, он не мог получить сведений в том случае, если вся семья погибла или попала в плен. Так, в 1633 г. (по “Росписи...”) от черкас пострадало 177 человек, в их числе упомянуто всего семь погибших. В 1634 г. пострадало 65 человек, среди них трое убитых, двое раненых и один пленный.

Материальные и людские потери от боевых действий 1633 г. значительно превышают аналогичный урон 1634 г. В 1633 г. чер-

касы угнали практически всех коров и овец, которыми владели стрельцы, казаки, пушкари, станичные ездоки и вожи. По всей видимости, М.П. Волынский не смог собрать точных цифровых данных. А за 1634 г. количество угнанного скота определено точно: 301 корова и 194 овцы. По лошадям сведения имеются за оба года: 842 коня в 1633 г. и 319 в 1634 г. Схожая картина наблюдается при сравнении численности уведенных в плен членов семей белогородских служилых людей: в 1633 г. – 383 чел., а в 1634 г. – 62 чел.

Все вышеуказанное позволяет сделать вывод, что в 1633 г. Белгородский уезд понес более значительные потери, чем в следующем. С одной стороны, это связано с тем, что в 1634 г. черкасы действовали на уже разоренной территории. С другой стороны, представляется вероятным следующее: в 1633 г. боевые действия более активно протекали на территории уезда, а в 1634 г. основная масса людей и скота была захвачена в результате штурма Белгорода (в самом остроге и на посадах). В целом, ущерб, нанесенный Белгороду и уезду черкасами Острянина во время Смоленской войны, следует признать весьма значительным, что свидетельствует об ожесточенности военных действий на Поле и характеризует Якова как умелого предводителя черкас, добивавшегося успеха и необходимой черкасам добычи.

Спустя ровно четыре года после сожжения Белгорода, 12 июня 1638 г., под его стенами вновь появился отряд Якова Острянина. Только теперь черкасы пришли как мирные переселенцы, покинувшие Речь Посполитую, чтобы искать лучшей жизни на русской территории. По словам гетмана, вместе с женами и детьми их было более трех тысяч человек. По списку, составленному 19 октября, числилось 672 человека³⁶. Примечательный факт: белгородский воевода П. Пожарский в своих отписках называет Яцко Острянина запорожским гетманом. Основанием для этого служили слова черкас, участвовавших в восстании 1638 г., а затем вышедших вместе с Остряниным в Россию³⁷. Несмотря на разорение полком Острянина Белгорода и Валуйки во время Смоленской войны, черкасы были приняты на службу. Российское правительство и местные власти внимательно отнеслись к пожеланиям черкас, которые не желали разделяться. Им было предложено на выбор два места для поселения: Чугуевское городище в нижнем течении Северского Донца или Карпове сторожевье неподалеку от Белгорода. Остряин с товарищами предпочли первое, так как по их словам, второе находилось слишком близко к пределам Речи Посполитой. Первоначально российские власти выступали за поселение черкас на Карповом сторожевье. Дело в том, что Чугуев располагался далеко от других российских крепостей, и в случае военной опасности помочь к переселенцам не могла прибыть

быстро. Как писал воевода: “...без наших ратных людей, и без хлебных запасов на Чюгуевом городище им строитца будет опасно”. В ответ Остряниин и черкасы заверили местные власти и российское правительство в том, что они “...люди вольные и знатные, и многие люди в них мастеровые, и лошедей, и коров, и овец, и всякие животины у них много; и на Чюгуево городище им на вечное житье строитца и около себя крепости учинить мочно...” Кроме того, переселенцы утверждали, что все, кто сомневался в целесообразности переселения в район Чугуева, отстали от отряда еще по дороге в Россию³⁸. Остряниин и его подчиненные убедили русскую администрацию в том, что они не боятся трудностей, связанных с отдаленным положением Чугуевского городища. Возможно, поселяясь в таком месте, они рассчитывали на менее строгий контроль со стороны правительства и местных должностных лиц. Переселенцы были приведены к присяге и стали российскими подданными. Черкасы сохранили правильную полковую организацию, несколько трансформированную в российских условиях. Гетманский титул Остряниина закреплял это казацкое устройство на будущее. Вместе с тем, помимо власти гетмана, на чугуевских черкас распространялась также власть российского воеводы. Для обустройства на новом месте переселенцам выдали хлебное и денежное жалованье, превышавшее по своим размерам аналогичное содержание русских служилых людей.

Совместными усилиями русских и украинцев была построена Чугуевская крепость. Она представляла собой стоячий острог и детинец. В большом остроге было восемь башен. Названия шести известны: Пречистенская, Угловая от Остра, Белгородская, Московская, Пытчная, Водяная, или Донецкая. Периметр стен, не считая башен, составлял 407 саженей. Три башни были проездами, в двух имелись вкладные калитки. На Пречистенской башне висел вестовой колокол. Укрепления детинца были более простыми по конструкции. Он был поставлен без тарасов и без обламов (деревянных срубов и боевых выступов над крепостной стеной). Периметр стен, вместе с башнями, составлял 695 саженей. В детинце стояли пять башен, из них две проезды, а в третьей имелись ворота для совершения вылазок. Кроме того, в остроге было двое ворот, прорубленных непосредственно в стене, без башен. По башням города в 1640 г. размещались девять пушек, в том числе одна сигнальная пищаль и одна неисправная медная полуторная пищаль, присланная из Белгорода вместо нового орудия, отправленного из Москвы для Чугуевской крепости. Пять пушек располагались в остроге. Все орудия были установлены на деревянных станках, окованных железом³⁹.

Материальное положение большинства жителей Чугуева было вполне удовлетворительным: у каждого из них был двор размером 7×8 саженей, достаточное количество плодородной земли, скота, различных угодий; многие занимались звероловством, рыболовством и бортничеством⁴⁰. Вместе с тем, из-за бедности в 1639 г. не построили дома 12 десятников и 198 рядовых черкас⁴¹. Видимо, в столь благоприятном отношении российских властей к переселенцам свою роль сыграли обстоятельства перехода Я. Острянина на русскую сторону.

Вскоре по окончании Смоленской войны стали осложняться отношения Острянина и казаков его полка с властями Речи Посполитой. Начать можно с эпизода, относящегося к 1635 г. 9 мая этого года в Валуйку вернулся находившийся в плену в г. Черкассах Максим Карташев. По пути домой, в г. Лохвице, он слышал от многих литовских людей и черкас, что Я. Острягин с семью сотнями черкас покинул Полтаву. По слухам, черкасы взяли с собой семьи и сожгли свои дворы. По словам жителей Лохвицы, Острягин направился на Царьгородское городище, намереваясь принять российское подданство. Получив такие известия, валуйский воевода передал их в Разряд и направил в район бывшего Царева-Борисова станицу. Она должна была проверить полученные сведения. Ответная грамота из Москвы была послана 30 мая 1635 г. Из нее следует, что правительство не возражает против приема этих переселенцев на службу. Однако полностью доверять им не стоит. Черкас (если они появятся под Валуйкой) следует разместить в нескольких верстах от города, разрешив им разбить укрепленный лагерь для защиты от татар. В крепость же их пускать нельзя. Кроме того, необходимо принять меры безопасности, остерегаясь тайных намерений украинских казаков⁴². Однако выезд полтавских казаков в Россию не состоялся. Выехавшие 14 июня 1635 г. в Белгород лубенские казаки Иван Шелюсский с товарищами сообщили: "...нынешней, де, зимы, поднялся, де, была из городка, ис Полтавы, полковник Яцко Остренин со всеми плотавцы на государево имя, а городок де Плотаву хотел зжечь, и ляхи, де, приехав, разговорили им, добром уняли, одноконечна, де, тесненья впредь не будет, и они, де, за тем и не пошли"⁴³. До конца 1636 г. Острягин находился в должности полковника полтавских черкас. Так, белгородский стрелецкий сотник Петр Прохоров и другие белгородцы, находившиеся в Речи Посполитой, были приглашены на рождественский пир к полтавскому полковнику. Во время застолья Острягин сообщил, что польские власти по отношению к казакам сменили гнев на милость и разрешили им жить с прежними вольностями⁴⁴.

Появление таких слухов отражало растущее недовольство казаков своим положением в Речи Посполитой. Недовольство не

ограничивалось одной Полтавой. По словам тех же лубенских казаков, зимой 1635 г. прошла рада в Каневе. На ней гетман Тарас сложил с себя полномочия. По его словам, причиной стал отказ запорожцев поднять восстание против поляков. Бывший гетман сжег свой двор, разорил хозяйство и ушел в степь. Не совсем понятно, какие реальные события послужили основанием для появления данных сообщений. Возможно, речь шла об одном из “гетманов”, выбранных, подобно Я. Остряину, восставшими нерестровыми казаками в 1634–1635 гг.⁴⁵, или эти слухи являются отражением предшествующего восстания Тараса Федоровича (Трясины). В позднейшее время упомянутые слухи послужили, вероятно, основой для утверждения о том, что семьи Острянина и других участников восстания 1638 г. заранее были переправлены из Польши в Россию⁴⁶.

Нараставшее напряжение в 1637 г. вылилось в восстание казачества. Осенью 1637 г. Остряин принял участие в восстании Павлюка, его отряд действовал на Полтавщине. После одного из боев Яков Остряин ушел на Запорожье. За участие в бунте владения Острянина под Киевом были конфискованы и переданы жолнеру хоругви Самуила Лаша шляхтичу Мацею Доманскому. В привилее польского короля Владислава IV, изданном по этому поводу 22 марта 1638 г., Яков Остряница назван “киевским казаком-повстанцем”⁴⁷. Эти сведения подтверждают происхождение Якова из г. Остра, подчиненного киевскому уряднику. Зимой 1637/1638 г. восставшие запорожцы избрали гетманом Острянина, по крайней мере, так утверждают польские источники⁴⁸. Теперь он возглавил антипольское движение.

Во второй половине марта 1638 г. повстанцы из Запорожья двинулись на Украину. Они разделились на три части. Первая, под предводительством Острянина, пошла левым берегом Днепра, заняла Кременчуг, а затем повернула на Хорол. Коронные войска под командованием Станислава Потоцкого направились навстречу казакам. Вслед за Потоцким шел Ильяш Караймович, наскоро собравший реестровое войско в Переяславле. В таких условиях Остряин занял Голту – ближайший пригодный для обороны населенный пункт. Казаки укрепили город. 5 мая польские войска предприняли попытку штурма, но, благодаря умелым действиям повстанцев, она была отбита, а четырехтысячный отряд Караймовича почти полностью уничтожен, сам Ильяш ранен. На следующий день новая попытка штурма казацких позиций закончилась серьезным поражением польского войска (погибла почти вся пехота). Потоцкий стал отступать к Лубнам и одновременно попытался вступить в переговоры с восставшими. Я. Остряин, понимая, что противник стремится выиграть

время, отказался от этого предложения и двинулся к Лубнам, не дождавшись подкреплений.

Когда утомленные походом запорожцы показались под городом, Потоцкий бросил в атаку на них конницу и пехоту. В поле у Лубен завязалось ожесточенное сражение. Реестровцы стреляли в повстанцев из заранее сооруженных гуляй-городов. Но под вечер казаки Острянина обратили врага в бегство. Поскольку обе стороны понесли большие потери, Острягин той же ночью, с 16 на 17 мая, начал отход в направлении на Миргород.

В Миргороде Яков узнал о том, что на помощь Ст. Потоцкому идут два войска из Правобережной Украины. Он решил дать бой полякам до подхода к ним подкреплений. Намереваясь отрезать все дороги к Лубнам, Острягин распылил свои силы. Между тем, И. Вишневецкому удалось соединить свои отряды с войсками Ст. Потоцкого в Лубнах. Повстанцы были разбиты и отошли к Жовнину. Позиция, занятая Остряниным под Жовнином, недалеко от впадения Сулы в Днепр, была неудобной для обороны. 10 июня Потоцкий начал штурм казацкого лагеря. Ему удалось в нескольких местах преодолеть линию обороны. Посчитав сражение проигранным, Острягин с частью казаков прорвал окружение, переправился через р. Сулу и направился в пределы России. Такое сообщение содержится в дневнике войскового капеллана Симеона Окольского, написанном в 1638 г., во время похода поляков против восставших казаков⁴⁹.

Как упоминалось ранее, в подавлении восстания принимали участие не только польские войска, но и несколько тысяч реестровых казаков во главе с их “старшим” Ильяшем. Трудно однозначно ответить на вопрос, был ли Ильяш Караимович (по одним источникам армянин, по другим – крещеный еврей) тем гетманом Ильяшем Черным (по русским источникам), который командовал вместе с Остряниным черкасами во время Смоленской войны, но такое предположение напрашивается.

Существует еще один неясный момент, касающийся переселения черкас вместе с Я. Остряниным в Россию. В исторической литературе высказывались сомнения в тождественности Якова Острянина – вождя переселенцев и Яцко Остряницы – руководителя народного восстания на Украине в 1638 г. Основанием для этого служат сообщения украинских летописей. В них говорится о том, что после разгрома повстанцев их вожди Остряница и Гуня были казнены в Варшаве⁵⁰. Кроме того, эти же источники именуют Острянина Стефаном, а в документах русского делопроизводства чугуевский гетман всегда называется Яковом (Яцком). Вместе с тем в отдельных украинских летописях предводитель восстания

1638 г. именуется Яковом и говорится о его переходе в Россию и поселении в Чугуеве⁵¹.

По-видимому, справедливо предположение С.М. Соловьева и Д.И. Багалея, считавших, что украинские летописцы, излагавшие данные события спустя несколько десятилетий после восстания, смешали Якова и его отца (вероятно, Стефана), замученного поляками⁵². В пользу этого мнения говорит ряд косвенных свидетельств, а также указание на распространение польскими властями весной 1638 г. "листов" с указанием на то, что "...подлинно де Остряников сын с казаки и с татары поднимается из Запороги, а хотят де воевать литовские города и побивать ляхов и по городом урядников..."⁵³

Еще один противоречивый эпизод биографии Якова Острянина связан с заявлениями чугуевских черкас, сохранившийся в приказных документах. Во время противостояния чугуевцев и Острянина в 1641 г. черкасы говорили: "...в гетмана тебе в Литве не выбирали, пожаловал тебя государь царь", между тем, Острягин, как известно, был избран гетманом "в Литве"⁵⁴. Объяснить эту ситуацию можно тем, что он никогда не избирался и не был гетманом реестровых казаков, а только предводитель реестровиков в то время мог официально носить такое звание. Яков выбирался в гетманы нереестровыми казаками и повстанцами, поэтому его право именоваться таким образом можно было оспорить; хотя сам Острягин, еще будучи в Речи Посполитой, действовал как законный и полноправный казацкий гетман. Например, он направлял запорожцев с официальными письмами к воеводам русских пограничных городов⁵⁵. Сведения об избрании Я. Острянина в первый раз гетманом в годы Смоленской войны, содержащиеся в отписках российских приграничных воевод, подтверждаются "Летописцем в Малой России прежде Хмельницкого бывших гетманов..." В нем сообщается следующее: "1638 року... Видя же казаки, что ляхи умыслили их всех вырубить, знову (курсив мой. – А.П.) поставили меж собою гетмана Остряницю..."⁵⁶ Показательно, что первоначально, в 1638 г., в переписке воевод и Разряда фигурировал не только гетман, но и пришедшие с ним полковники, в частности Василий Боговцов и Ануфрий Попов. Видимо, переселенцы пытались сохранить запорожскую иерархию (гетман–полковники–сотники–рядовые) в новых условиях⁵⁷. Затем должность полковника перестает упоминаться, Боговцов и Попов фигурируют только как сотники. Черкасская иерархия принимает более привычный для московской бюрократии вид: гетман–сотники–пятидесятники–десятники–рядовые⁵⁸.

Комментируя изложенные соображения, необходимо заметить, что сомнения в идентичности руководителя восстания и гла-

вы чугуевских переселенцев основываются на известиях малороссийских летописей второй половины XVII в., которые содержат массу противоречий, вымыслов и неточностей. Этим источникам противостоят свидетельства современников и официальных российских документов, единогласно утверждающих, что казаки после неудачного сражения с поляками переселились в Россию вместе с гетманом Яковом Остряниным.

В 1638 г. черкасы уходили от преследования польских властей после поражения в битве с коронными войсками, поэтому российская администрация могла рассчитывать на верность переселенцев. Сохранившиеся свидетельства говорят о враждебном отношении к Остряину и его казакам властей Речи Посполитой. 11 августа 1638 г. в Белгород к воеводе П. Пожарскому полтавский урядник Сокольский прислал лист, в котором требовал выдачи Я. Острянина с черкасами⁵⁹. В феврале 1639 г. в Чугуев приехал миргородский черкашенин Савва Сергеев, сообщивший о готовящемся войске из 2 тыс. гусар и 4 тыс. немцев, "...чтобы Чугуев разорить и гетмана и казаков побить". Миргородский черкашенин именует Острянина Гетманом. Это обстоятельство служит дополнительным аргументом в пользу достоверности известий об избрании его на эту должность еще на Украине. В конце апреля поступили сведения о разведывательном походе под Чугуев полтавского полковника Вороны с четырьмя сотнями черкас. В то же время черкасы в Полтаве говорили, что хотят "...мирное постановление нарушить, а Острянина де и Розсоху⁶⁰ с товарищами, де, им на Чугуеве доступить"⁶¹. В Путинль 23 мая 1639 г. поступили сведения о состоявшейся в Чигирине раде реестровых казаков. По словам Федора Ляхова и Степана Хромого, посылавшихся для разведки в Польшу, на раде было решено идти войной на черкас, поселившихся в Чугуеве. Весной вторжения не произошло, черкас отговорили их полковники, опасаясь перерастания локального столкновения в войну между Россией и Речью Посполитой⁶². О сохранении возможности нападения на город в дальнейшем докладывал чугуевский воевода⁶³. Эта информация дает основания для предположения о том, что в российской столице могли быть уверены в невозможности возвращения черкас назад.

Поход черкас из Речи Посполитой под Чугуев все же состоялся. Двухтысячный отряд из Любеча, Миргорода и Голтвы, ведомый чугуевским изменником Данилой Писарем, в сентябре 1639 г. остановился в трех верстах от города. Черкасы готовились к приступу, но из крепости к ним перебежал черкашенин Захарко, который сообщил, что в городе знают об их появлении и готовы к отражению штурма. Черкасы ушли назад, по дороге разорив уезд⁶⁴.

Уверенность в столичной и местной администрации в надежности Якова Острянина и его людей способствовала тому, что российские должностные лица относились к ним так же, как к другим служилым людям, а вот черкасы не всегда реагировали на действия воевод так, как остальные жители России. Порой они вели себя как своевольные запорожцы, а не как служилые люди Российского царства. Так, пришедшие с Я. Остряниным черкасы в первый год после своего переселения из Польши опустошили расположенные рядом с Чугуевым откупные вотчины и бортные ухожьи белгородцев. Малого того, по донесениям станичников и других жителей Белгородского уезда, чугуевские черкасы постоянно совершали набеги за рубеж, откуда везли мед и гнали скотину⁶⁵.

Еще один показательный эпизод произошел в апреле 1640 г., когда Я. Острянин и Г. Розсоха с чугуевцами отбили у “воровских” черкас имущество белгородских детей боярских, но не вернули его владельцам, а оставили себе в качестве трофеев⁶⁶. Воевода хотел выкупить лошадей за символическую плату и возвратить хозяевам, на что черкасы заявили: “...будет, де, укажешь у нас те лошеди, что мы у воров отбили, поимать, и мы, де, за воры впредь ходить не станем, де, те лошеди доставали головами своими, вели, де, у нас им выкупать ценою, почему мы межи себя лошадям цену платили по пяти рублев”⁶⁷.

Уже в следующем после поселения в России 1639 г. отмечены случаи бегства черкас из Чугуева за рубеж. Один из них описан в донесении П. Щетинина, полученном в Москве 5 июня. Побежали двое черкас, подговорив с собой двух чужих жен. Изменники были настигнуты черкасами, посланными за ними воеводой. Один беглец был убит, остальных привезли в Чугуев. Далее воевода добавлял, что Полтава недалеко, поэтому нет возможности удержать черкас от побега. А 16 мая к нему приходили черкасы всем войском и просили казнить изменников смертью, ибо иначе невозможно остановить поток беглецов, уводящих с собой их дочерей и жен⁶⁸. В приведенном примере важна не столько бытовая сторона – увод чужих жен и дочерей беглецами, сколько указание на то, что из Чугуева бежало много черкас и побеги эти не прекращались. Особого внимания заслуживает мнение местного воеводы, считавшего, что виной всему была близость польской границы. Противостоять этому процессу не смогли ни русские власти, ни Яков Острянин.

В том же 1639 г. из Чугуева пытался бежать Герасим Михайлов. О побеге донесла его собственная жена Марья. В погоню послали чугуевских черкас под командованием сотника Богдана Матюшенко; Михайлова поймали. За службу сотник был по-

жалован отрезом тафты и пятью рублями. Жена изменника получила за донос пять рублей. По указанию Разряда жалованье велено было выдать в Чугуеве публично, в присутствии гетмана и всех чугуевских жителей. Кроме того, в начале 1640 г., следуя указанием Разряда, воевода П. Щетинин под пыткой допросил чугуевского изменника Ивана Проскурненко. Целью допроса было выявление имен жителей города, которые собирались бежать в Польшу вместе с Проскурненко и его сообщником Василием Филоненко. Несмотря на пытки каленым железом, И. Проскурненко утверждал, что, кроме двух упомянутых черкас, никто не замышлял измены. После этого воевода собрал всех чугуевских черкас, “объявил вину” Ивана Проскурненко и велел его повесить. Горожанам напомнили о необходимости сохранять верность государю, а беглецов ловить и приводить к воеводе. Тут же был оглашен царский указ, повелевающий имущество изменников отдавать тем людям, которые поймали беглецов и передали их властям⁶⁹. Вероятно, подобным образом российская администрация стремилась обеспечить предотвращение побегов в будущем. Тем не менее в дальнейшем ситуация не изменилась. Известно, что 3 сентября 1640 г. город покинули еще четверо чугуевцев (трое с семьями, а один, оставив жену). Двое из них были пастухами, поэтому при побеге прихватили десять лучших лошадей, и Розсоха, посланный за ними, не смог догнать изменников. Примечательно, что поводом к побегу послужили слухи о принятом, якобы, в столице решении о расселении чугуевских черкас по другим российским городам⁷⁰.

Очередные чугуевцы, пытавшиеся убежать, были задержаны 3 октября 1640 г. В ходе расследования выяснилось, что к побегу их подговаривали купцы, приезжавшие в Чугуев и привозившие с собой “листы” от властей Речи Посполитой⁷¹. Такую же агитацию вели некоторые черкасы, заявлявшие воеводе, что пришли на вечную службу в Россию. Правительство указало не принимать в Чугуев нововъезжих черкас, а направлять их в Москву, где будет определено дальнейшее место их службы⁷². В росписи Чугуева, составленной в ноябре 1640 г. при приеме города воеводой Григорием Ивановичем Кокоревым, перечислено имущество, брошенное черкасами при побеге “в Литву”. От 11 семей изменников осталось: 11 дворов со строеньями, 20 коров (большинство из них с телятами), 12 взрослых телят, 11 волов, 16 свиней и 38 ульев⁷³. Приведенные сведения говорят о хорошем материальном положении беглецов. Видимо, у них должны были быть достаточно веские причины для ухода с обжитого места.

Еще в 1639 г. от черкас поступила жалоба на белгородского воеводу Пожарского, который, вопреки царскому указу, не при-

слал хлеба в Чугуев (воевода должен был отправить 1,5 тыс. четвертей ржи для посева озимых)⁷⁴. Жалоба поступила от имени черкас, а не от лица их гетмана. Следовательно, уже в это время среди переселенцев имелись существенные разногласия. Челобитчики просили царя выделить хлеб и вооружение с боеприпасами, в противном случае они угрожали покинуть государеву службу⁷⁵. Вероятно, реакции на челобитную своевременно не последовало, и черкасы отказались выполнять свои служебные обязанности. Сам Острягин докладывал об этом так: "...и я потому на татар в поход не пошел, что не с кем, и в том государьска воля, то моя сказка, им впредь мне от их непослушанья поиску над татарами учинить не уметь"⁷⁶. Челобитная Острянина была отправлена в столицу. В ответной царской грамоте воеводе П. Щетинину предписывалось допросить сотника Богдана Матюшенко и других черкас, которые отказались идти вместе с гетманом на татар. Если в ходе расследования возникнут сомнения в надежности черкас, то их надлежало посадить в тюрьму до особого распоряжения⁷⁷.

Весной 1640 г. обстановка в районе Чугуева была напряженной. Активизировались действия "воровских" черкас. В ответ на разбой чугуевский воевода решил направить в уезд отряд под командованием сына боярского Артема Кучина. Помимо русских казаков, в отряд предполагалось включить и по два служилых чугуевских черкашенина от каждой сотни. Но те черкасы, которым выпал жребий выступить в поход, отказались принимать участие в погоне. Тогда из города самовольно, не доложив воеводе, выступили 30 черкас. В их числе: гетман Яцко Острягин, сотники Гаврила Розсоха, Аноприй Попов, Василий Боговец, Кирилл Акунец и Иван Слушкин. 30 апреля 1640 г. сводный отряд Я. Острянина и А. Кучина вернулся в Чугуев. Воеводе доложили, что "воровских" черкас настигли при устье реки Мерчика. "Воров" было 13 человек. Двоим из их числа удалось скрыться. Девятерых Острягин велел повесить на той дороге, которой черкасы из Польши приходили в район Чугуева. Двух оставшихся пленников привели к воеводе. Судя по этому сообщению, Яков Острягин поступил по аналогии с мерами, применявшимися российской администрацией по отношению к изменникам-черкасам. В 40-е годы XVII в. сложился своеобразный ритуал казни последних. Обычно их вешали в полуверсте от города, в котором они служили до попытки побега, вдоль дороги, идущей в направлении Речи Посполитой. Но так поступали с российскими подданными, пытавшимися бежать в соседнее государство. А в описанном случае Яков Острягин казнил подданных польской короны. Поэтому, для предотвращения возможных международных осложнений, было решено избегать из-

лишней публичности по отношению к “воровским” черкасам. В будущем, если удастся настигнуть польских подданных, разбойничающих на территории России, их вешать запрещалось. Следовало захватывать “воров” в плен, а трупы погибших при столкновении закапывать. Тела девятерых упомянутых ранее черкас было велено снять и похоронить.

Отношения чугуевских черкас с воеводами (чугуевским и белгородским) в последующем не улучшились. Большое неудовольствие черкас вызывала изматывавшая их сторожевая и станичная служба. В 1640 г. воевода П. Щетинин сообщал об усилении неповиновения со стороны черкас. Особенно возмущались сотники Розсоха и Попов, заявляя, что “ты (воевода. – А.П.), де, выбираешь в станицы самых лучших казаков и нас разразниваешь, а мы неволею служить неохочи”. Опасаясь черкас, воевода неоднократно обращался с просьбой усилить гарнизон Чугуева русскими служилыми людьми⁷⁸. Конфликт разгорался. 7 сентября 1640 г. в Разрядный приказ прибыли трое черкас из Чугуева. У них отсутствовала полагавшаяся в таком случае сопроводительная отписка от воеводы. Тем не менее чугуевцы подали три челобитных, написанных южнорусской скорописью. В первой объяснялось отсутствие отписки от воеводы и заверительных подписей чугуевских священников на поданных документах. Причиной нарушения делопроизводственной практики, по словам челобитчиков, были репрессии воеводы П.И. Щетинина. Во второй челобитной содержались жалобы на Петра Ивановича Щетинина. Воеводу упрекали в излишней жестокости и недоверии к чугуевским черкасам. По приказу воеводы, после захода солнца городские ворота запираются. Опоздавшие вынуждены дожидаться утра под стенами крепости. Черкасы же из города в степь для охоты и рыбной ловли отпускаются не более чем на одну неделю. Жаловались челобитчики на то, что воевода постоянно по ночам совершаёт обход караулов и, будучи пьян, избивает караульных. Кроме того, воеводу обвиняли в чрезвычайно серьезном должностном преступлении – хищении части черкасского жалованья. В третьей челобитной рассказывается о земельных спорах с белгородцем Семеном Масловым. Все челобитные поданы от имени Якова Острянина и всех черкас города. Но на них имеется рукоприкладство только одного священника Игнатия Яковлева⁷⁹.

Спустя три дня после подачи черкасских челобитных, 10 сентября 1640 г., в Разряде получили две отписки воеводы Щетинина⁸⁰. В них упомянутые ранее события описываются в ином свете. Каждую ночь воевода выставлял по городу и острогу караулы. Воевода, действительно, по ночам проверял караулы и сурово наказывал тех, кто нес службу “неусторожливо”. Сведениям,

сообщаемым Щетининым, можно верить. Они подтверждаются более ранними отписками воеводы, поданными еще до возникновения конфликта с черкасами. Действительно, караульная служба ложилась тяжелым бременем на все категории служилых людей города. По словам воеводы, черкасам приходилось заступать в караул по городу каждую девятую ночь, что вызывало их раздражение. Дело в том, что до переселения в Россию они подобных обязанностей не выполняли. Тем не менее воевода оставался неумолим⁸¹.

После отказа воеводы облегчить бремя службы черкасы стали самовольно "...чинить рады за городом у литовского попа Игната и в иных местах". Об избрании членов для отправки в Москву воеводе 25 августа 1640 г. сообщил гетман. Яков не принимал участия в этих незаконных собраниях и не поддерживал действия своих подчиненных. В ответ они обвинили его в измене. Гетман обратился к воеводе с просьбой организовать расследование и снять с него ложное обвинение. Воевода провел дознание. В результате Острянина был оправдан. После этого конфликт между Остряниным и черкасами только обострился.

К отпискам воеводы прилагалась членовитая самого Я. Острянина. В ней он утверждал, что его имя написано в упоминавшихся ранее членовитых без его согласия. Гетман также заявлял, что запретил попу Игнацию заверять членовитые. Слова Острянина подтверждаются "распросными речами" чугуевских священников Михаила, Порфирия, Леонтия и Петра⁸².

В последующих членовитых черкасы попытались объяснить, почему они написали имя Острянина без его разрешения. Объяснение вышло путанным и не очень убедительным. Якобы, Я. Острягин отказался от гетманства, но затем, испугавшись черкасов, вновь стал исполнять свои обязанности. Далее содержится очень важная информация. По словам жителей Чугуева, они пошли в Россию без гетмана. Яков Острягин догнал их на Поле. Вместе они пришли в Российское царство. Здесь государь "велел гетману Яцко Остренину быть гетманом". Членовитчики отмечали: "А мы, холопи твои, гетману Яцко Остренину тово гетманства не давали и не отымаем у него. Если, государь, то гетманство дано было ему за порогами на реке Днепре, там же и тот гетман то гетманство и потерял в Литве, на реке на Суле"⁸³.

Конфликт, разгоревшийся в Чугуеве, не оставил равнодушными центральные российские власти. Осенью 1640 г. на посту Чугуевского воеводы Петра Щетинина сменил Григорий Кокорев. Примечательно, что 15 октября 1640 г. от царского имени была послана грамота "...на Чугуево, запорозского войска гетману Яцку Остренину, и сотником, и пятидесятником, и десятни-

ком, и всему запорозскому войску, и мещаном". В грамоте сообщалось о назначении воеводы и предписывалось выполнять его распоряжения⁸⁴. Подобное обращение к жителям города было нетрадиционным для приказной практики. Трудно однозначно определить, чем точно такое отклонение было вызвано: предшествовавшим конфликтом чугуевцев с воеводой или особенностями состава населения Чугуева, но второй вариант представляется более вероятным. Упомянутый документ свидетельствует о сохранении следов казацкого самоуправления у чугуевских черкас. Вероятно, это обстоятельство во многом и спровоцировало конфликт между П. Щетининым и чугуевцами.

Для проведения следствия в Чугуев был направлен дьяк Иван Иванович Чемоданов. Прибыв в город, он первым делом должен был обратиться к его жителям с речью. В ней нужно было вспомнить историю переселения черкас в Чугуев, похвалить их за верную службу, особенно подчеркнув их борьбу с изменниками, бежавшими в Речь Посполитую. Черкас следовало уверить в ложности слухов о возможном расселении по другим российским городам. Только после этого можно было приступить к розыску.

В ходе следствия выяснилось, что подъячий Осип Карпов действительно вычитал часть жалованья у чугуевцев. Всего им былодержано 117 руб. 15 алтын и 2 деньги. Делал это подъячий самовольно, а не по приказу воеводы. Карпов предоставил "мировую челобитную", в которой черкасы заявляли, что О. Карпов с ними рассчитался и претензий они не имеют⁸⁵.

Чемоданов провел широкомасштабное расследование. Под присягой были допрошены все городские священники, 757 черкас, 10 детей боярских, 50 станичников, 87 стрельцов и пушкарей, а также 99 русских казаков. В итоге, из всех выдвигавшихся против Петра Щетинина обвинений подтвердилось только одно – жестокое наказание нерадивых караульных⁸⁶. Следует заметить, что в этом случае действия воеводы были вполне традиционны и не могли служить основанием для его наказания. В отличие от П.И. Щетинина, подъячего Осипа Карпова за хищение жалованья было велено публично выпороть кнутом. Все остальные обвинения в Разрядном приказе признали необоснованными и распорядились подобных ложных челобитных в дальнейшем не подавать⁸⁷.

Чугуевские черкасы сохраняли недовольство своим гетманом. В январе 1641 г. Остряин был вызван для объяснений в Москву, а сотник Попов привез челобитную от черкас с изложением обид, причиненных гетманом. Я. Острянина обвиняли в том, что он отнял у одного казака пасеку на Кабановой поляне, у другого избу, у многих жен и дочерей чугуевцев, ходивших по грибы и ягоды,

отобрал “поневы” и “наметки”. Из челобитной следует, что у Якова Острянина были свои крепостные. Это равняет его с русскими дворянами. Крестьяне пользовались привилегированным положением своего хозяина. Так, они увезли 20 возов сена у Федора Чучина и едва не убили его самого. Григория Павлова заставляли уйти со своей пасеки и уступить ее им. У Павлова же потравили лошадьми десятину проса. В ответ хозяин захватил одну лошадь, но явился сам гетман, отобрал ее, а Павлова едва не заколол рогатиной. Кроме того, черкасы жаловались на то, что гетман называет их “ворами и изменниками”. Сообщалось также об отправке Яковом своей дочери и зятя “в Литву”⁸⁸. Устно же сотрудник Попов заявил, что гетман присвоил себе землю сверх положенного ему надела.

В Москве решили дело в пользу Якова. Сам Острягин 25 января 1641 г. удостоился царской аудиенции. Ему на время проживания в столице назначили хорошее содержание⁸⁹. Чугуевский воевода Г.И. Кокорев получил указ от 15 февраля 1641 г., подтверждавший полномочия гетмана⁹⁰. Приведенные примеры говорят о верности линии поведения, выбранной Яковом Остряниным. Он демонстрировал преданность московскому государю, повиновался представителям местной российской администрации и старался вписаться в сложившуюся систему управления. Остальные черкасы все еще пытались реализовать свое право выбора предводителя, которое в полной мере не могло действовать в условиях российской бюрократической системы. В результате, несмотря на общее недовольство чугуевских черкас, Яков Острягин сохранил свое положение.

Помимо побегов власти тревожили приезды в Чугуев черкас, являвшихся польскими подданными. По словам воеводы П. Щетинина, черкасы прибывали под видом торговцев, но товара привозили очень мало, с одним возом приезжало по два-три человека. Воевода предполагал, что они приходят не для торговли, а к своим родственникам⁹¹. Опасения не были напрасными. Как выяснилось впоследствии, в Чугуев доставлялись послания урядника из Миргорода Станислава Гульчевского. В одном из них, обращенном к сотнику Гавриле Разсохе, говорилось: “...жалеючи о том, что удалился в дальние страны от имения свое, и для того нарочно посылаю к вам с тем листом моим, чтоб еси в свое имение возвратился, обещаю вам в том моим добрым шляхетцким словом, что ваш наименьший влас с головы не спадет, потому что я узнал правду вашу и ведаю о том добре, что еси то по неволе учинили, постереглись здоровья свое, что те самовольники неодиножды мало вас не убили, и для тово ничево не опасался, да и жена ваша [не ждала] никакова зла от меня; и то все, что еси ос-

тавил, все в целе вас ждет, я приказал, чтоб ничего не истеряли до вашего приезду”⁹². В следующем письме урядник добавлял: “...всякий из вас, а хотя и сам Острягин, ничево не опасаясь, хотя б и большое что провинились, чтоб безо всякого опасенья воротились и шли на Опошлинский перевоз в слободу, где мне то место дано, и там бы селились и разживались, а льготы на 30 лет не отменно, в том вам и лист свой дам...”⁹³

Возможно, подобные послания направлялись и в адрес самого гетмана, но не принесли ожидаемого результата. Тогда польские власти изменили тактику. Станислав Гульчевский прислал чугуевскому воеводе грамоту, в которой сообщал о намерении Яцко Острянина изменить царю, побить государевых людей и вернуться “в Литву”. По распоряжению из Разрядного приказа воевода собрал всех черкас и русских служилых людей и велел прочитать послание. В ответ гетман выступил с очень эмоциональной речью. Он заявил, что “в Литву” ничего не писал, государю изменить не желает, так как пришел ему верно служить, а все остальное клевета. Останься он и его товарищи “в Литве”, давно бы уже были сварены в котлах. Если даже другие и хотят изменить, то он останется непоколебимо верен государю. Впрочем, за всех гетман отвечать не может, ибо он “не сердцеведец, а всякая мысль грудью закрыта”⁹⁴. Можно предположить, что в описанном случае речь идет о попытке польских властей дискредитировать Острянина. Провокация была хорошо подготовлена. Полтавский урядник даже обещал прислать подлинное письмо Якова. То самое письмо, в котором чугуевский гетман говорил о своем намерении вернуться в Речь Посполитую. Однако упомянутая улика легко могла оказаться фальшивкой. Яков Острягин, как свидетельствуют его челобитные, всегда заверявшиеся подписью местного священника, был неграмотен⁹⁵. Следовательно, он не мог собственноручно написать письмо. Видимо, последнее обстоятельство учли российские должностные лица, сохранившие доверие к гетману.

Приведенные примеры свидетельствуют об изменении политики польской администрации в отношении своих подданных, переселившихся в Российское царство. Теперь их начали переманивать обратно и создавать условия для возвращения. Не сделали исключения даже по отношению к Остряину и его казакам, так много навредившим полякам во время восстания 1637–1638 гг. Нужно отметить, что действия польских властей принесли ожидаемый результат. Первыми отреагировали те, у кого в Речи Посполитой осталось имущество и земельные владения. 22 сентября 1640 г. убежал сотник Гаврила Розсха, оставив в Чугуеве 56 голов крупного рогатого скота и 16 свиней⁹⁶.

Острягин, напротив, сохранил верность России вплоть до последних минут своей жизни. Дело закончилось тем, что 26 апреля 1641 г. черкасы захватили башни и ворота Чугуевской крепости, убили Якова Острянина, ограбили денежную казну и освободили заключенных из тюрьмы. Воевода Григорий Кокорев организовал оборону возле порохового погреба. Черкасы не смогли выбить служилых людей с занимаемых позиций и подожгли окрестные строения. Загорелась одна крепостная башня и двор гетмана. Сотник Иван Крюков со стрельцами оттеснили повстанцев от Московских ворот, очистив тем самым путь подкреплению. После прибытия ратных людей из окрестных слобод черкас выбили из города, и они ушли на территорию Речи Посполитой. Затем удалось потушить горевшую башню. В результате боя было убито 119 русских служилых людей и 56 ранено, восставшие потеряли 272 человека⁹⁷. Некоторых повстанцев удалось захватить в плен. Под пыткой они сообщили о предварительной договоренности с полтавскими казаками. Последние должны были выступить навстречу, чугуевцам. После соединения этих двух отрядов предполагалось переправить семьи бывших жителей Чугуева за рубеж, а черкасам двинуться назад. Вероятно, целью возвращения был окончательный разгром российских служилых людей в Чугуеве, а также захват имущества, оставшегося в городе и уезде. До конца этот план не был реализован. Хотя о попытке воплотить его в жизнь говорит то, что “изменники” не сразу ушли в Польшу. Еще некоторое время около 2 тыс. черкас стояло в полутора днях пути от Чугуева, на Травянной поляне⁹⁸.

Следует отметить, что не все черкасы изменили, часть из них даже сражалась вместе с воеводой⁹⁹. Успеху черкасского восстания способствовала малочисленность русских служилых людей в Чугуеве. При основании города по государеву указу в него были переведены жители Белгорода, Оскола и Курска: 100 детей боярских, 75 казаков и 25 стрельцов¹⁰⁰. Список черкас, служивших в Чугуеве в феврале 1639 г., составленный воеводой Петром Ивановичем Щетининым, содержит всего 379 имен, включая самого гетмана Ятцко Острянина и его сына Андрея. По спискам воеводы Щетинина, составленным, вероятно, в 1639/1640 г. по Чугуеву служило 174 русских, в том числе: шесть детей боярских, 30 станичников, 13 пушкарей, 47 казаков и 78 стрельцов. Черкас значилось 763 человека, из них 274 конных и 489 пеших¹⁰¹. В 1640 г. в городе числилось 814 черкас и 300 русских служилых людей¹⁰². По другим источникам, в 1640 г. жалованье в Чугуеве выдавалось 948 черкасам¹⁰³. Не последнюю роль в произошедших событиях сыграли и личные качества Якова Острянина. С одной стороны, он не сумел добиться беспрекословного подчинения от чугуев-

ских черкас, а с другой – вызвал их недовольство своими злоупотреблениями.

О дальнейшей судьбе бывших жителей Чугуева можно узнать из отписки путинльского воеводы Петра Волконского. Его подчиненные, вернувшись из Речи Посполитой, сообщили: "...чугуевские черкасы Яцка Острянина сын ездили к гетману Концу Польскому бить челом об указе, и от гетмана, де, приехали, и гетман де Конец Полской велел им, черкасом, селиться под своим городом, под Полтавою и в иных своих городах и слободах, а льготы, де, государь, им черкасом, велел дать на шесть лет..."¹⁰⁴ Имеются упоминания об отправке беглыми чугуевцами делегации к королю. Но о результатах этой акции ничего не известно¹⁰⁵. По словам лазутчиков, в разные города Польши черкас пришло около 700 человек¹⁰⁶. Урядник Гульчевский, расселив чугуевских черкас в Полтаве, Миргороде, Гадяче, Зенкове, Ромнах и Сорочине, установил им льготы на 20 лет и запретил называть их изменниками¹⁰⁷. После прихода чугуевцев в Речь Посполитую, здесь ожидали силовых действий со стороны соседнего государства. Стали даже укреплять остроги и углублять рвы крепостей, расположенных вдоль границы с Россией¹⁰⁸. Тем не менее украинцев, которые убежали с территории Российского царства, приняли и давали понять, что подобная политика будет продолжена. Проделанное исследование показывает, с какими трудностями сталкивались переселенцы, перемещавшиеся из одного общества в другое, с его иными порядками и традициями.

По представлениям русских властей, они хорошо устроили переселенцев, но те были недовольны своим положением. Правда, они были наделены землей и жалованьем, но за это добивались постоянного несения службы. На новом месте они не имели возможности свободно ходить на промыслы, предпринимать набеги и захватывать добычу, что составляло важную часть их традиционного образа жизни. Отсюда – постоянное недовольство. Неоднократные попытки добиться перемен оказывались безуспешными. Кроме того, следует учсть, что, когда с конца 30-х годов усилились нападения на пограничные русские территории "воровских черкас", перед ним возникла малоприятная перспектива войны со знакомыми и родственниками по другую сторону границы. В итоге, выяснив, что теперь они могут не бояться наказания, черкасы (во всяком случае, значительная их часть) предпочли уйти в Речь Посполитую, даже пожертвовав своим имуществом.

Особое исследование должно ответить на вопрос, какие уроки извлекло из этого инцидента русское правительство и как это

сказалось на его политике по отношению к украинским переселенцам¹⁰⁹, направившимся на русскую территорию после начала восстания Хмельницкого.

Если сын Якова Острянина Андрей ушел в Польшу, то вдова гетмана Пелагея осталась в России. После смерти мужа она просила разрешить ей выезд в Речь Посполитую для принятия монашеского сана в одном из монастырей Киева. За рубеж ее не отпустили, но “за большую службу” ее погибшего мужа Пелагею разрешили постричься в московском Новодевичьем монастыре “без вклада”¹¹⁰.

Итак, 26 апреля 1641 г. жизнь Якова Острянина оборвалась. Он погиб от рук тех, кого в свое время спас, приведя в Россию. Если вспомнить его жизненный путь, то такой финал не вызывает удивления. Яков Острягин был сыном своего времени. В его судьбе отразились те проблемы, которые волновали население южных окраин России и украинских земель Речи Посполитой, те противоречия, которые оказывали решающее влияние на взаимоотношения русских и украинцев, принадлежавших к двум разным обществам со своими порядками и традициями.

Выходец из мелких служилых людей Польского королевства, подобно многим из них, он влился в казацкое сословие. Ходил с запорожцами на Черное море. Как командир нереестровых казаков участвовал в Смоленской войне. Причем именно его отряд нанес России наибольший урон, разгромив Валуйку и Белгород. Затем Я. Острягин возглавил восстание против Польши, а после его поражения обратился к российскому правительству с просьбой об убежище. Несмотря на события четырехлетней давности, черкасы Острянина были приняты в российское подданство. Бывший своевольный казак, сохранив положение гетмана, стал российским должностным лицом. Он твердо противостоял попыткам польских властей покарать переселенцев, стремился к тому, чтобы и он, и его подчиненные адаптировались к местным порядкам, но даже ценой собственной жизни не смог помешать возвращению своих подчиненных назад.

Конечно, его судьба могла сложиться по-другому. Достаточно вспомнить его соратника Ильяша, вместе с которым Острягин участвовал в послольстве запорожцев в Варшаву, затем воевал против России в 1633–1634 гг. Но затем их пути разошлись: Яков возглавил антипольское восстание, а Ильяш Караймович командовал реестровиками, воевавшими против повстанцев. После подавления восстания 1638 г. права казаков в Польше были значительно ограничены, и Ильяш стал всего лишь войсковым есаулом, в то время как Острягин, переселившись в Россию, сохранил за собой звание гетмана.

- ¹ Российское правительство считало Днепро-Донскую лесостепь своей территорией, частью Северских земель. Лежавшие южнее границ Российской царства неосвоенные земли назывались “Полем”. Соответственно пограничная российская территория именовалась Северской и Польской украинами (окраинами).
- ² В русском делопроизводстве XVI–XVII вв. украинцев (представителей восточнославянского населения украинских земель Речи Посполитой) называли “черкасами”, по названию города Черкассы, бывшем в то время центром украинского казачества. Нередко черкасы делили на “служилых” (принявших российское подданство и поселенных на территории России) и “воровских” (формально являвшихся подданными Речи Посполитой, но фактически действовавших самостоятельно и нападавших на русскую территорию).
- ³ См., например: Кулиш П.А. Отпадение Малороссии от Польши. Т. I // Чтения Общества истории и древностей Российских. (Далее: ЧОИДР). 1888. № 2. С. 247–266; Иловайский Д.И. История России. М., 1899. Т. IV, вып. 2. С. 276–281; История Украинской ССР: в 2-х т. Киев, 1953. Т. I. С. 212; Мишко Д.И. Повстання під проводом Якова Острянина і Дмитро Гуні // Українські історичні журнал. 1968. № 4. С. 130–133. (Далее: УІЖ); Дъяченко М.Т. Етапи заселення Слобідської України в XVII – першій половині XVIII ст. // УІЖ. 1970. № 8. С. 46; Щербак В.О. Яків Острянин // УІЖ. 1997. № 6. С. 71–77.
- ⁴ См.: Щербак В.О. Указ. соч. С. 71.
- ⁵ История Украины в особах: IX–XVIII ст. Київ, 1993. С. 289. (Далее: Исторія...)
- ⁶ См.: Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 276.
- ⁷ Российский государственный архив древних актов. (Далее: РГАДА.) Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 40. Л. 66.
- ⁸ Акты Московского государства, изданные императорскою Академиею наук. СПб., 1890. Т. I, № 318. С. 337. (Далее: АМГ).
- ⁹ См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедициею Академии наук. СПб., 1836. Т. III, № 220. С. 325; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 57. Л. 639.
- ¹⁰ АМГ. Т. I. № 636. С. 586–587.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 60. Л. 306.
- ¹² Там же. Столбцы Белгородского стола. № 60. Л. 46; 48.
- ¹³ Там же. Столбцы Севского стола. № 117. Л. 102.
- ¹⁴ См.: Берх В. Царствование царя Михаила Федоровича и взгляд на междуцарствие. СПб., б/г. Ч. I. С. 183–184.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 99. Л. 369–370.
- ¹⁶ Там же. Столбцы Белгородского стола. № 50. Л. 1–65.
- ¹⁷ АМГ. Т. I. № 538. С. 517.
- ¹⁸ Жемайтис С.Г. Источники по истории Смоленской войны (1632–1634 гг.) в собрании П.П. Дубровского // Исследования памятников письменной культуры в сокращениях и архивах отдела рукописей и редких книг. Л., 1988. С. 48.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 53. Л. 13–20.
- ²⁰ Там же. Л. 28.
- ²¹ Согласно отписке путинльских воевод, ссылавшихся на показания пленных, под Севском было: 800 поляков, 200 немцев и более 9 тыс. черкас (АМГ. Т. I, № 635. С. 585). А в сообщении Ивана Колошинского из Комарицкой волости приводятся другие цифры: “Языки показали: польских людей и литовских Вышневицкого полка 4000, а с паном Желковским за 2000, а с гетманом запорожским и с его полковниками запорожских черкас и казаков за 6000” (Там же. № 636. № 587). Присланые в Москву из Севска пленные черкасы говорили, что под Севском было до 30 тыс. человек при 20 орудиях (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 101. Л. 321). А Григорий Михайлов (попав-

- ший в плен к черкасам в 1617 г., когда Сагайдачный захватил Оскол), находившийся с черкасами под Севском, выйдя в Рыльск, говорил о 10 тыс. человек (Там же. Л. 336).
- ²² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. (Далее: ОР РГБ). Ф. 28. Картон 2. № 47. Л. 12; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 101. Л. 321.
- ²³ См.: ОР РГБ. Ф. 28. Картон 8. № 18. Л. 47; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 101. Л. 234–236.
- ²⁴ АМГ. Т. I, № 664. С. 616–617.
- ²⁵ Там же. С. 616.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 54. Л. 77.
- ²⁷ См.: Там же. Столбцы Московского стола. № 101. Л. 584–585; Там же. Столбцы Белгородского стола. № 54. Л. 254.
- ²⁸ Там же. Столбцы Московского стола. № 101. Л. 343; 361.
- ²⁹ Там же. Л. 499–501.
- ³⁰ Там же. Л. 583–584.
- ³¹ Там же. Л. 525.
- ³² Там же. Л. 629–630.
- ³³ АМГ. Т. I, № 680. С. 625.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 50. Л. 66–111.
- ³⁵ Там же. Столбцы Приказного стола. № 72. Л. 7–49.
- ³⁶ Воссоединение Украины с Россией. М., 1954. (Далее: ВУСР.) Т. I. № 178. С. 294–295.
- ³⁷ См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 98. Л. 299–300.
- ³⁸ См.: Там же. № 145. С. 248–252.
- ³⁹ Там же. Ф. 210. Дела десятн. № 214. Л. 2–6.
- ⁴⁰ Багалей Д.И. К истории заселения степной окраины Московского государства. Ч. IV // ЖМНП. 1886. Июнь. С. 270–277.
- ⁴¹ ВУСР. Т. I, № 178. С. 295–296.
- ⁴² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 54. Л. 409–414.
- ⁴³ Там же. Столбцы Приказного стола. № 99. Л. 5–6.
- ⁴⁴ Там же. Л. 513–515.
- ⁴⁵ См.: Шербак В.О. Указ. соч. С. 72.
- ⁴⁶ См.: Кулиш П.А. Указ. соч. С. 248; Целевич О. Участь козаків в Смоленській війні 1633–4 рр. // Записки наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1899. Т. 28, кн. 2. С. 427.
- ⁴⁷ ВУСР. Т. I, № 120. С. 202.
- ⁴⁸ См.: Історія... С. 290.
- ⁴⁹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев, 1896. Вып. II. С. 240.
- ⁵⁰ См.: Летопись Самовидца. Киев, 1878. С. 218; Повесть о том, что случилось на Украине с той поры как она Литвою завладена, аж до смерти гетмана Войска Запорожского Зиновия Богдана Хмельницкого // ЧОИДР. 1848. № 5. Отд. IV. С. 6; Бантыши-Каменский Д.Н. История Малой России. М., 1842. Ч. I. С. 188–189; Маркевич Н. История Малороссии. М., 1842. Т. I. С. 136–141; Разин А. Гетман Степан Остряница. СПб., 1887. С. 5; Шутой Б.Е. Канун освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг.: Крестьянско-казацкие восстания на Украине 1637–1638 гг. // Исторические записки. М., 1954. Т. 46. С. 251–262.
- ⁵¹ См.: Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный комиссию для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1888. С. 96.

- 52 Соловьев С.М. Соч. М., 1995. Т. 10. С. 481–482; Багалей Д.И. К истории... С. 266–267.
- 53 ВУСР. Т. I, № 128. С. 215.
- 54 Багалей Д.И. К истории... С. 266.
- 55 См.: ВУСР. Т. I, № 143. С. 344–345; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссию. СПб., 1861. (Далее: АЮЗР.) Т. III, № 8. С. 13.
- 56 ЧОИДР. 1848. № 1. Отд. III. С. 5.
- 57 См.: ВУСР. Т. I, № 145. С. 248–252.
- 58 См.: Там же. № 153. С. 262.
- 59 Там же. № 146. С. 252–253.
- 60 Гаврила Розсоха – сотник, фактически второе лицо среди черкас в Чугуеве, после Я. Острянина.
- 61 См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 108. Л. 416–417; 463.
- 62 ВУСР. Т. I, № 163. С. 274–275.
- 63 См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 108. Л. 411–415.
- 64 Там же. Столбцы Севского стола. № 124. Л. 94–95.
- 65 Там же. Столбцы Белгородского стола. № 83. Л. 1–3.
- 66 Там же. Столбцы Поместного стола. № 21. Л. 173–174.
- 67 Там же. Л. 215–216.
- 68 Там же. Столбцы Белгородского стола. № 108. Л. 136–139.
- 69 Там же. Столбцы Поместного стола. № 21. Л. 61–63.
- 70 См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 133. Л. 212–213; 216.
- 71 Там же. Л. 261.
- 72 Там же. Л. 396–397.
- 73 Там же. Дела десятн. № 214. Л. 28–31 об.
- 74 Там же. Столбцы Белгородского стола. № 108. Л. 120.
- 75 См.: Багалей Д.И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний. Харьков, 1890. Т. II, № III. С. 14–15.
- 76 Там же. № V. С. 17.
- 77 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 108. Л. 440–441.
- 78 См.: Там же. № 133. Л. 18; 233.
- 79 Там же. Столбцы Приказного стола. № 137. Л. 1–14.
- 80 Там же. Л. 19–28.
- 81 Там же. Столбцы Белгородского стола. № 133. Л. 231–232.
- 82 Там же. Столбцы Приказного стола. № 137. Л. 29–34.
- 83 Там же. Л. 48.
- 84 Там же. Столбцы Белгородского стола. № 133. Л. 197.
- 85 Там же. Столбцы Приказного стола. № 137. Л. 142–147.
- 86 Там же. Л. 166–189.
- 87 Там же. Л. 232–239.
- 88 ВУСР. Т. I, № 195. С. 319–320.
- 89 См.: Багалей Д.И. К истории... С. 279–280.
- 90 ВУСР. Т. I, № 196. С. 321.
- 91 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 133. Л. 235.
- 92 Там же. Л. 252–253.
- 93 Там же. Л. 254.
- 94 См.: Багалей Д.И. К истории... С. 282.
- 95 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 137. Л. 29 об.
- 96 Там же. Столбцы Белгородского стола. № 133. Л. 475.
- 97 Там же. № 195. Л. 20–51.

- ⁹⁸ Там же. № 118. Л. 370–372.
- ⁹⁹ См., например: Там же. Столбцы Поместного стола. № 24. Л. 359–361.
- ¹⁰⁰ Там же. Столбцы Белгородского стола. № 108. Л. 175.
- ¹⁰¹ Там же. Дела десятен. № 214. Л. 32 об. – 33 об.
- ¹⁰² ВУСР. Т. I, № 190. С. 314.
- ¹⁰³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 145. Л. 248–252.
- ¹⁰⁴ АЮЗР. Т. III, № 49. С. 54.
- ¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 140. Л. 324–325.
- ¹⁰⁶ Там же. № 118. Л. 375.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 428.
- ¹⁰⁸ Там же. Столбцы Севского стола. № 124. Л. 273–274.
- ¹⁰⁹ Отчасти подобная работа проделана автором настоящей статьи. См.: Папков А.И. Упорядочение службы украинских переселенцев на территории Белгородской черты в 40-е годы XVII в. // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Чернозема и Запада России. Липецк, 1998. С. 34–36.
- ¹¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 188. Л. 76–79.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ УКРАИНСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ НАЦИЙ

(первая треть XX в.)

КРУГЛЫЙ СТОЛ

“Круглый стол” проведен Отделом восточного славянства Института славяноведения РАН 20 мая 2003 г. В нем приняли участие сотрудники Отдела: д.и.н. Л.Е. Горизонтов, д.ф.н. Ю.А. Лабынцев, к.и.н. Е.Ю. Борисенок, к.и.н. М.Ю. Досталь, к.ф.н. О.А. Остапчук, к.и.н. М.А. Робинсон, к.ф.н. Л.Л. Щавинская, м.н.с. М.Э. Клопова; представители других научных подразделений Института: д.и.н. И.В. Михутина, к.и.н. Б.И. Греков, к.и.н. Л.Б. Милякова, к.и.н. Е.П. Серапионова, а также д.ф.н. А.К. Кавко (Институт мировой литературы РАН), д.и.н. А.В. Шубин (Институт всеобщей истории РАН), аспиранты МГУ С.В. Ольховский и К.К. Федевич.

* * *

Л.Е. Горизонтов

Главный предмет нашего обсуждения – роль государственно-политического фактора в формировании украинской и белорусской наций. Фактор этот проявлялся и в разработке государственной идеи национальными движениями, и в практических опытах национальной государственности, и в национальной политике тех государств, в состав которых в разное время входили украинские и белорусские земли. Становление национальной государственности заслуживает особого внимания, ибо именно в этом заключалась качественно новая черта первой трети XX в.

Избранный угол зрения позволяет разделить первую треть XX в. – классический срок одного поколения – на три неравные части. Думается, что предлагаемая ниже периодизация в какой-то степени могла бы лечь в основу сценария нашего заседания.

В первый из периодов – позднеимперский – национальные движения на украинских и белорусских землях политически структурируются (создание партий, разработка автономистских программ, участие в парламентской жизни), и начинается обсужде-

ние вопроса о практических шагах строительства национальной государственности. Этому способствуют как внутренние потрясения, так и рост международной напряженности в преддверии мировой войны.

Второй период приходится на пору войн и революций. Враждующие между собой империи вторгаются на территории друг друга, украинские и белорусские земли оказываются в эпицентре военных событий. Распад империй открывает широкое поле для опытов национальной государственности, ренессанса старых традиций: от Великого княжества Литовского до украинского Гетманства, а также Речи Посполитой, имя которой возродилось в названии межвоенного польского государства. Использование национальными режимами 1917–1920 гг. административного ресурса, значение которого было осмыслено уже на предыдущем этапе, обеспечивает *строительство* наций в прямом значении этого понятия.

В последний из выделяемых нами периодов, отмеченный временной стабилизацией межгосударственных границ, наследие предшествующих двух десятилетий находит определенное преломление в политическом курсе новых государств, в состав которых вошли украинские и белорусские земли. Особое значение как для консолидации двух восточнославянских наций, так и для утверждения национальной государственности имел суррогат последней на Советской Украине и в Советской Белоруссии, где в беспрецедентных масштабах развернулась большевистская коренизация.

Очевидна многоплановая взаимосвязь трех означенных периодов, в частности по таким линиям (воспользуемся терминологией изучаемого времени), как самостийность (суверенитет) – коренизация (форсированная этнизация общества) – соборность (объединение в политическое целое национальной территории). Взаимосвязь эта получила осмысление в концепции национально-демократической революции, которая особенно четко формулируется современной украинской историографией. От периода к периоду существенно увеличивались темпы роста национального самосознания и консолидации наций в целом. Действие государственного фактора приобретало особую силу, когда он был представлен политическим курсом режимов тоталитарного типа.

Генератором идей национальной государственности выступали национальные движения, чьи конкретно-исторические особенности, в свою очередь, формировались под влиянием тех политических реалий, в которых они развивались.

Обвальная по своему характеру дезинтеграция государственного пространства многовековых империй заставила решать куда более масштабную, нежели автономия, задачу. Были ли готовы к этому национальные движения со своим дореволюционным бага-

жом? Соответствовал ли уровень национального и политического сознания широких слоев населения задачам строительства национальной государственности? В литературе предмета можно встретить два требующих соотнесения тезиса. Согласно первому, процесс формирования украинской и белорусской наций к началу 1920-х годов был далек от завершения. Второй гласит о том, что во имя контроля над постимперским пространством большевики искали союзника в лице национальных элементов. Так ли неизбежна была коренизация? Что в действительности определяло политическую линию большевиков – трезвый прагматизм или упрямое доктринерство? Было ли “расстрелянное возрождение” изначально предусмотрено курсом на коренизацию?

Выражая сомнение в слабости украинского движения до 1917 г., львовский историк Я. Грыцак полагает, что к федерализации государства унитаристы-большевики пришли как раз под впечатлением от размаха украинского движения – самого массового из всех национальных движений Российской империи, делавших ставку на федерализм. Идея СССР, таким образом, по его мнению, не российская, а украинская.

Общим знаменателем советской и несоветской коренизации, согласно киевскому историку С.В. Кульчицкому, выступает дерусификация, отличительной чертой – различное идеино-политическое наполнение. Можно указать, однако, и на другие отличия. В каждом случае мобилизационный потенциал зависел от форм государственности (унитарное или допускающее автономное устройство), политического режима, способности проводить реформы.

Говоря о национальной государственности, следует помнить, что в 1917–1920 гг. в украинской, а тем более, в известной степени, в подражательной белорусской моделях были недостаточно выразительно представлены такие признаки государства, как стабильные границы, контроль за территорией, которая неоднократно становилась ареной военных действий, суверенитет. Возникали серьезные проблемы с международным признанием. Были периоды оккупации и двоевластия. Очевидны препятствия на пути строительства национального государства: крайне нестабильное международное положение, неразвитость массовой базы национальных движений, вызванная социальными катализмами анархическая стихия.

Пресс тоталитаризма в сочетании с масштабными преобразованиями (индустриализация, культурная революция и др.) обеспечивал благоприятные социокультурные условия для форсирования украинизации и белорусизации, в том числе – путем подавления нетитульных национальностей соответствующих союзных советских республик и характерных для послед-

них регионализмов. Тем не менее нельзя забывать о проявлениях как в СССР, так и за его пределами прочих идентичностей – общерусской и русинской. Если в целом характерная для XIX в. альтернатива национального самоопределения себя все более исчерпывала, то в отдельных регионах элемент альтернативности с далеко идущими для судеб восточного славянства последствиями еще сохранялся.

Геополитические проекции национальных идей в немалой степени зависели от геополитического контекста формирования наций. В начале XX в. украинские земли были разделены между двумя империями, причем в пределах каждой из них они отчетливо распадались на несколько регионов, по отношению к которым проводилась различная политика. Роль этих регионов в формировании нации оказывалась неодинаковой не только в силу их территориальных и людских ресурсов. Для ряда из них еще в период отсутствия у поляков независимого государства основополагающее значение имело действие польского фактора, метаморфозы которого заслуживают специального рассмотрения.

В процессе распада империй польский и российский факторы на какое-то время становятся внешними по отношению к украинским и белорусским землям, причем российский выступает в двойственном обличье – была Россия “белая”, составившая затем в эмиграции Русское зарубежье, и Россия “красная” – обе со своими амбициями на Украине и в Белоруссии. Появился новый фактор в лице оккупационных армий Центральных держав.

Как известно, через белорусскую территорию пролегает кратчайший путь в центр России, однако буферное предназначение Белоруссии определялось не только этим. Указанная геополитическая миссия белорусского соседа была востребована также украинскими политиками. В рассматриваемый период набирают остроту украинско-белорусские противоречия, о которых писал, в частности, в своей “Истории Белоруссии” активный участник событий М.В. Довнар-Запольский.

В послеверсальской Восточной Европе многие прежде разделенные нации воссоединились в границах новой государственности (поляки, сербы), известны и обратные случаи (венгры). Украиццы и белорусы в межвоенный период существовали по законам разделенных наций, оказавшись в составе, первые – четырех, а вторые – трех государств. Разделение этнических массивов государственными границами накладывало отпечаток на формирование наций, в частности на развитие национального самосознания и представлений о национальной территории. Но то были уже не разделенные нации XIX века – межрегиональное взаимодействие стало более тесным и более сложным.

Передел украинских и белорусских земель между СССР и Польшей привел к коренному изменению той создаваемой противоборством двух “исторических” народов русско-польской “ниши”, которая во времена Российской империи была весьма важна для становления украинской и белорусской наций (для последней, пожалуй, в большей степени). Давление Варшавы приводило на восточных кресах к эскалации политического экстремизма. Однако польские власти допускали там и определенный политический плюрализм, которому находилось все меньше места в УССР и БССР. В составе Второй Речи Посполитой украинские земли имели значительную региональную разнородность.

В составе СССР дореволюционные Большая (российская) Украина и Белоруссия существенно изменили свою прежнюю конфигурацию, сместившись после ряда “укрупнений” с запада на восток. К УССР отошли обширные территории, которые долгое время не служили объектом внимания украинского национального движения. Политика украинизации и белорусизации способствовала формированию этнократического слоя, впитавшего в себя значительную часть дореволюционного актива национальных движений. Встречая разной степени (в зависимости от региона) сопротивление, указанная политика существенно влияла на зарубежные украинские и белорусские земли, украинскую и белорусскую эмиграцию.

Закарпатье из части венгерской Транслейтании с характерным для последней курсом на мадьяризацию славян перешло в суверенную Чехословакию. Прага обсуждала вопрос об областной автономии и поддержала линию на украинизацию Подкарпатской Руси, проведение которой получило дополнительный импульс благодаря эмиграции из Галичины и Большой Украины. Многонациональная и достаточно автономная Буковина, управляемая в габсбургские времена непосредственно из Вены, оказалась в составе Румынии.

Хотя после перекроjки карты Восточной Европы час “соборности”, казалось бы, отдался, СССР с гораздо большей последовательностью, чем российская монархия, взял курс на присоединение восточнославянских земель, находившихся за его пределами. Речь теперь шла не о собирании триединого русского народа, а о воссоединении отдельных украинского и белорусского народов. Этот курс стал частью коминтерновской стратегии, хотя именно Коминтерн сдерживал рвение коммунистов Западной Украины и Западной Белоруссии, обнаруживших тенденцию проводить независимую от руководства польской компартии политику, вплоть до объявления “революционной ситуации” в восточных областях Второй Речи Посполитой.

Важно осмыслить все произошедшие в первой трети прошлого столетия перемены, сопоставить стратегии различных государств, выявить их влияние на судьбы наций и складывание предпосылок национальной государственности. Таковы лишь избранные аспекты той проблематики (нация – государство – региональное измерение), к которой нам предстоит обратиться.

И.В. Михутина

К началу XIX в. все слои малороссийского общества интегрировались в структуры централизованного Российского государства. Лишь события войны 1812 г., когда для отражения наполеоновского нашествия разрешено было сформировать казачьи полки, оживили среди части малороссийских дворян надежды на восстановление автономии эпохи Гетманства.

Под влиянием декабристского движения ослабший к тому времени, но продолжавший переживать спорадические подъемы малороссийский автономизм приобрел республиканскую окраску, а у польского национального движения он заимствовал идею славянской федерации, в польском варианте нацеленную на разобщение восточного славянства по этническому признаку и снижение роли России в “свободном союзе народов”. При этом в Малороссии было немногих сторонников альянса с поляками.

Мысль о превращении Украины в самостоятельный субъект славянской федерации впервые выдвинули в 40-е годы XIX в. участники узкого интеллектуально-просветительского демократического кружка в Киеве – Кирилло-Мефодиевского братства. Идеальной моделью они считали панславянский союз с отдельным административным устройством для каждого народа. На территории Российской империи предполагалось выделить 14 федеративных единиц: польскую, белорусскую, западно-малороссийскую, восточно-малороссийскую и т.д., чтобы “в каждой республике ... был правитель, выбранный на время... и над целым союзом был такой же правитель, выбранный на время”. Своему kraю “братчики” прочили стать центром будущего союза, а древнему Киеву – роль его столицы. Ратуя за свободу, равенство, отмену сословий, они вместе с тем полагали, что воплощению этих новейших идей в жизнь могли бы служить такие отжившие исторические формы, как строй казачьего самоуправления или Новгородская вечевая республика.

В следующем поколении украинских деятелей под пером М.П. Драгоманова федералистская идея модернизировалась. Драгоманов считал, что малороссы (украинцы) не представляют еще сформировавшейся нации и именно в федеративном государстве процесс их консолидации получит должное развитие. Он призывал не замыкаться в узко национальной проблематике, полагая,

что при демократизации России, децентрализации, введении местного самоуправления окажутся удовлетворенными и национальные права населяющих ее народов. Одну из важных функций славянской федерации Драгоманов видел в защите славян от германизаторских устремлений Пруссии.

Лидер и идеолог украинского течения на рубеже XIX–XX вв. М.С. Грушевский любил подчеркивать преемственность украинского федерализма, идущего от декабристов, Кирилло-Мефодиевского братства и Драгоманова. Однако в его собственных программно-политических построениях традиционные начала предшественников подверглись изменению в главном. Прежде всего отпала внешнеполитическая составляющая в том виде, в каком ее формулировал Драгоманов. Антигерманская ориентация сделалась неуместной с тех пор, как в последней четверти XIX в. восточная часть австрийской провинции Галиция стала превращаться в базу украинского течения при небескорыстной благосклонности Вены, вступившей в союзные отношения с Берлином не в последнюю очередь для того, чтобы предупредить отпадение подвластных ей славянских земель. Круг потенциальных федератов сузился. Из составленной Грушевским в 1899 г. в качестве учредительного документа восточногалицийской Украинской национально-демократической партии (УНДП) “Народной программы” следовало, что федерализации подлежала лишь Россия. “Мы будем среди российских украинцев поддерживать такие стремления, которые ведут к преобразованию Российского государства... в государство конституционно-федералистское, на основе автономии народностей”, говорилось в документе.

Драгоманов в середине 80-х годов XIX в. признавал, что “отделение украинского населения от других областей России в особое государство... есть вещь... очень трудная, если не невозможная”, поскольку народ Малороссии в массе своей не помышляет об отделении. Это положение мало менялось в ближайшие десятилетия, но Грушевский счел необходимым записать: “Нашим идеалом должна быть независимая Русь-Украина, в которой бы все части нашей нации соединились бы в одно современное культурное государство”.

Пути продвижения к намеченному идеалу не обсуждались тогда сторонниками украинского движения ни в Галиции, ни в России. Помимо внутренних импульсов, необходимых для его реализации, поставленный в программе вопрос соборности нации в данном случае превосходил возможности национального движения. Он требовал международно-политических решений, время которых тогда не настало. Промежуточные стадии движения к страте-

гической цели были конкретизированы Грушевским в период революции 1905–1907 гг.

Он не мог не признать, что этническое сознание его народа не созрело еще до “политико-государственной самореализации”, но считал, что это можно будет восполнить административным способом. Потому первоочередной задачей Грушевский наметил обособление украинских земель внутри Российского государства, причем автономия мыслилась им не в широко известном варианте административно-территориального самоуправления, а по национально-территориальному принципу. Провозглашение национальной автономии должно было обеспечить административные средства воспитания национально-государственного самосознания населения. Сыграл свою роль и опыт многонациональной Галиции, где поляки неизменно доминировали в краевом самоуправлении.

В условиях этнической неоднородности большинства территорий империи, в том числе ее украинских губерний, выделение в качестве субъектообразующей одной, пусть и составляющей большинство, этнической группы придавало всей конструкции, в ущерб общедемократическим началам, этнократический оттенок. Последний еще более усиливался в социально-экономической программе Грушевского, ставившей задачу этатистскими средствами очистить край от собственников-неукраинцев.

Федералистскую часть своих планов Грушевский до 1917 г. соглашался считать делом далекого будущего, но и в дореволюционный период она не оставалась неизменной: формула “Народной программы” о превращении России в конституционно-федеративное государство вскоре уступила место постулату федерации, основанной на договоре практически самостоятельных субъектов. В публицистике 1905–1907 гг. он предостерегал, чтобы всероссийский конституционализм не увлек украинцев, и предлагал заменить будущий общероссийский парламент представительством делегированных местными сеймами депутатов. Тогда же Грушевский открыто провозгласил, что “полная самостоятельность и независимость являются последовательным завершением запросов национального развития”.

Сторонники украинского движения в Австро-Венгрии до ее крушения в 1918 г. в своих требованиях к правительству нешли дальше административного раздела Галиции на украинскую и польскую части и объединения населенных русинами территорий монархии в особый коронный край. С началом первой мировой войны они четко дали знать, как понимают идею “соборной Украины”. В декларации образованного тогда галицийскими украинскими партиями Главного украинского совета, ратовавшего за

формирование национальной украинской армии, подчеркивалось, что такая армия “смогла бы оторвать от России всю Украину с Киевом, Полтавой, Черниговом, Харьковом, Доном, Кубанью и побережьем Черного моря”.

Образованный в 1915 г. после ухода русских войск из Восточной Галиции Общекаинский совет, обращаясь “ко всем народам цивилизованного мира”, заявил, что своей целью ставит разрушение Российской империи с помощью австро-германского блока и образование на ее обломках украинского государства, тогда как в пределах Австро-Венгрии по-прежнему – получение национально-территориальной автономии в виде коронного края.

В связи с ослаблением в ходе войны Австро-Венгрии возникла идея преобразования ее в триединое государство с участием Польши в качестве равноправного партнера. При этом обозначилась перспектива включения всей Галиции в будущее польское новообразование, против чего украинские галицкие политики стали энергично протестовать. В декабре 1917 г. ими было сделано заявление в австрийском парламенте о том, что “Восточная Галиция может либо в целости остаться в составе Австрии, либо... объединиться с Украинской Народной Республикой (на Днепре), что отвечало бы идеалу украинской нации”.

Таковы программно-теоретические позиции украинского движения в России и Австро-Венгрии накануне первых практических опытов их воплощения.

М.Э. Клопова

Австрийская Украина еще с XIX в. воспринималась как своего рода полигон наработок украинской политической мысли, которые должны были затем переноситься на территорию “большой Украины”. Понимание роли украинских владений Австро-Венгрии, прежде всего Восточной Галиции (Галичины), как “украинского Пьемонта” (термин, получивший распространение в первые годы XX в. с легкой руки Грушевского), “духовной фабрики, где куется культура для целой соборной Украины”, было присуще и самим украинским активистам, и их противникам.

Уже в период “Весны народов” представителями “русского” (русинского) населения выдвигался ряд политических требований, в частности создание отдельной “русской” провинции, включающей Галичину, Буковину и карпатскую Угорскую Русь. Таким образом, на стадии своего формирования, даже не разделившись на русофильское и украинское течения, национальное движение в этом регионе добивалось автономии. Впоследствии ее требование присутствовало в программах как украинских, так и русофильских партий. Параллельно в программных заявлениях украинцев начинает отчетливо звучать тема единства украинско-

го народа по обе стороны австро-российской границы. Уже в 1867 г. они заявляли, что “принадлежат к 15-миллионному украинскому народу, который называют русинами или украинцами, родина которого Русь-Украина”.

В программе УНДП – самой, пожалуй, значимой украинской партии – оба эти положения получили наиболее полное развитие. “Мы, галицийские русины, часть украинско-русского народа, имевшего некогда свое самостоятельное государство, веками боровшегося за свои политические и государственные права, который не отрекся и не отречется от прав *независимого народа*, заявляем, что конечной целью нашей борьбы является достижение всем украинско-русским народом культурной, экономической и политической самостоятельности и объединение со временем в единый национальный организм”.

Новый этап в украинской политике начался в Австро-Венгрии в 1907 г. после принятия избирательного закона, обеспечившего парламентское представительство всем народностям Австро-Венгрии: хотя русины оказались на последнем месте по количеству мандатов, “Русский клуб” объединял около 30 членов. Клуб не был достаточно силен для ведения самостоятельной политики. Союзником его могла стать либо общеславянская консолидированная оппозиция, либо центральное правительство. Украинские депутаты рейхсрата заняли позицию, отличную от позиции большинства славянских депутатов. Это позволило им впервые при активном посредничестве правительства вести переговоры с польским “Коло” об уступках в таких вопросах, как сеймовая избирательная реформа, расширение прав украинцев в Львовском университете, увеличение числа украинских школ. Характерно, что с обсуждения практически был снят вопрос о создании отдельной провинции, хотя в ходе предвыборной борьбы он не раз поднимался. Украинские делегаты рейхсрата активно использовали сепаратизм – демонстративный уход из парламента, тормозивший всю его работу, что делало польско-украинское соглашение актуальным не только собственно для Галиции, но и для всей монархии.

В 1908–1914 гг. роль Вены в урегулировании польско-украинского конфликта и ее влияние на положение украинцев в провинции заметно возросли, что во многом было связано с явным ухудшением австро-российских отношений. Австрийцы стремились к тому, чтобы сделать Галицию центром притяжения для всей украинской национальности.

Одновременно активизация национальной жизни на Большой Украине в 1905–1907 гг. привела не к укреплению сознания национального единства, как на то рассчитывал Грушевский, а, напротив,

тив, к определенному охлаждению отношений между российскими украинцами и галичанами.

Поддержка украинцев правительством в сеймовом и университетском вопросах привела к тому, что они не только демонстрировали свою лояльность Габсбургам, но, связывая будущее украинского народа исключительно с Австро-Венгрией, все более переходили на откровенно антироссийские позиции. По словам российского наблюдателя, во время Боснийского кризиса 1908 г. “стали серьезно развиваться таинственные надежды на Галицию, Волынь, Украину. Украинские вожди с особой старательностью поддерживают эти надежды в Вене, распространяя самые смелые вести из России”. Примечательны заявления одного из украинских лидеров Е. Олесницкого, который на встрече с министром иностранных дел Берхтольдом убеждал последнего, что не только австрийские, но и российские украинцы связывают свое будущее с Австро-Венгрией и что от позиции венского правительства зависит их поведение в случае военного столкновения с Россией.

Таким образом, украинское движение в Австро-Венгрии прошло путь от движения чисто регионального до активнейшего участника общеимперской политики. Существенные изменения претерпела и политическая программа украинцев. На смену требованию создания отдельной “русской” провинции в составе Австро-Венгрии пришли предположения о возможности в случае войны с Россией объединения под скопчетром Габсбургов всех украинских земель.

Ю.А. Лабынцев

В отличие от довольно богатой традиции изучения становления украинской государственности, разработка аналогичной проблематики на белорусском материале находится в начальной фазе. Между тем уже в 70-е годы XIX в. в белорусской среде достаточно активно обсуждались вопросы “автономии Белоруссии”, ее “федеративной самостоятельности” и необходимости усилий, даже борьбы для достижения этих целей. В распространявшихся тогда, естественно нелегально, рукописях и гектографированных изданиях можно было найти даже призывы типа “Белоруссия должна быть для белорусов”, хотя, несомненно, преобладали более умеренные представления о том, что белорусы “должны бороться во имя … интересов белорусского народа и федеративной автономии страны”. Весьма почитаемый ныне белорусский религиозный и политический деятель ксендз А. Станкевич (1891–1949) относил поборников подобных идей к кругу полностью порвавших с прежними ориентациями “на Польшу и на традиции Великого княжества Литовского”, ибо они “уже не называли себя литвинами, а твердо – белорусами”, связывали себя более

с русской культурой и Россией, весьма критично относились к “польскому” периоду в судьбе родной Белоруссии.

Впрочем, по поводу характера и степени польского участия в белорусском национальном движении по-прежнему ведутся горячие споры. Это касается как проблемы в целом, так и конкретных реалий, утвержденных в качестве своего рода национальных символов. Так, известный белорусский историк М. Бич писал о Ф. Богушевиче (1840–1900) как о “первом в полном смысле слова национальном писателе”. А по свидетельству Ф. Оскерки, который являлся “близким соседом и знакомым” Богушевича, последний – “горячий патриот – поляк, который в личных и достаточно частых... беседах утверждал, что единственной причиной, которая побуждала его и его предшественников писать на том говоре (т.е. по-белорусски. – Ю.Л.), было опасение возможной русификации тамошнего люда”. Не менее показателен путь Янки Купалы (1882–1942) – шляхтича Яна Луцевича, воспитанного на польской культуре и сперва писавшего на польском языке, сознательно воскресившего в себе белорусское национальное начало уже в зрелые годы, в период революции 1905–1907 гг.

Началом колоссального, почти взрывного, массового этносоциального прозрения явился для белорусов опыт беженства вглубь России времен первой мировой войны и революционной поры. Беженство привело к пониманию отличности от великорусского этноса, в среде которого все же многие из них остались жить. Эта же эпоха стала и временем выбора белорусской интеллигенцией особого национального пути, многовекторность которого определилась со всею ясностью именно тогда. Белорусское национальное движение начинает привлекать внимание крупнейших военных и политических игроков на карте Европы. Позднее в секретных досье спецслужб только что созданной Второй Речи Посполитой отмечалась заинтересованность в поддержке “белорусского движения прежде всего Германией”, а затем Советской Россией и Литвой.

Идея белорусской государственности рождалась в многолетних спорах сначала о необходимости автономии и “федеральном устройстве России”, потом о полной самостоятельности и независимости. Подобная эволюция хорошо прослеживается на примере старейшей и крупнейшей политической партии – Белорусской Социалистической Громады (БСГ), основанной в 1902–1903 гг., а также биографии Янки Купалы.

А.К. Кавко

Прежде чем специально остановиться на пути и роли Купалы, хотел бы в дополнение к сказанному процитировать нелегальный народовольческий журнал “Гомон”, авторами-издателями кото-

рого в 1884 г. впервые однозначно была сформулирована идея самостоятельности Белоруссии. С давних пор, заявляли студенты Петербургского университета, в России на Белоруссию привыкли смотреть “как на некоторый материал для всевозможных экспериментов, а не как на живую народность, способную самостоятельно располагать собою. Исходя из этой точки зрения, близкие соседи белорусов, пользуясь правом сильного, совершили над ними свои опыты и бесцеремонно налагали жесткие руки на живой организм белорусской народности, предрешив, что она должна безропотно подчиниться сильнейшим и ассимилироваться с ними, растворившись в великорусском или польском море”. В “Гомоне” Белоруссии предрекалась иная судьба: “Сознав свои силы, белорусский народ тотчас скажет своим угнетателям: Долой эксплуатацию, мы *сами желаем управлять собою*”.

На примере знаковой для белорусов фигуры Янки Купалы можно поставить вопрос о личности в контексте национальной государственности. Художник слова и проницательный мыслитель, Купала указал магистральное направление в историческом движении своего “мужичьего” народа – его политическое раскрепощение и национальное самоутверждение в качестве хозяина (гаспадарá) на своей исконной земле. Он же – создатель тех образно-символических формул, на которые до сих пор опираются не только литераторы, но и историки, философы, политологи Белоруссии.

В широком смысле автору “А кто там идет?..”, наряду с его современниками и сподвижниками – Якубом Коласом, М. Богдановичем, братьями И. и А. Луцкевичами, В. Ластовским, М. Горецким, Д. Жилуновичем и другими – обязаны белорусы обретением собственной национальной идеи с ее государственной составляющей. С именем Купалы неразрывно связано оживление, консолидация белорусского движения в ходе революции 1905–1907 гг., в так называемый “нашенивский” период и, особенно, после Февральской и Октябрьской революций. Тогда, в 1917-м, в основном завершается партийно-политическое структурирование белорусского движения и переход его от первоначального просветительства в политическую fazу национально-государственного самоопределения и строительства.

Определяя индивидуальный вклад Купалы в эти процессы, назовем два ключевых символа его художественно-поэтической версии национального самоопределения Белоруссии, которые предвосхищали, а в известной степени и стимулировали практические шаги политиков в решении данной проблемы. Первый – это образ “почетного трона” (“пачэнага пасáда”), на котором призвано было совершиться государственное возрож-

дение и международное признание Белоруссии, преодоление ее затяжного исторического “сиротства”. В 1911–1912 гг. в стихотворении “Маладая Беларусь” Купала писал: “Занимай, Беларусь молодая моя, / Свой почетный посад меж народами” (в 1994 г. специальная конкурсная комиссия Верховного Совета Белоруссии будет рекомендовать этот текст в качестве государственного гимна республики).

Второй – символ всенародного Великого Схода во имя свободной независимой Батьковщины (драма “Разоренное гнездо”, 1913 г.). Отмечается близость этой куполовской идеи, озвученной с театральных подмостков Минска в июле 1917 г., и проведенного четыре месяца спустя, в том же здании городского театра, Всебелорусского съезда, декларировавшего образование в крае собственной легитимной советской власти. Эта первая попытка самоопределения Белоруссии демократическим путем (более 1800 делегатов-представителей основных социальных слоев края, а также белорусских фронтовых и беженских объединений), была насилиственно пресечена большевистскими властями Западного фронта и руководством Западной области.

“Мы считаем, что белорусы не являются нацией, – заявляла большевистская газета “Звезда” 6 октября 1918 г. устами В.Г. Кнорина, одного из лидеров Западной области, – и что те этнические особенности, которые их отделяют от остальных русских, должны быть изжиты”. Четыре месяца спустя тот же орган писал: «Потуги белорусской националистической интелигенции к созданию своего белорусского языка, “своей” национальной культуры напрасны... Пусть примут это к сведению белорусские писатели». В числе адресатов-писателей был, безусловно, и Купала, размышления которого над белорусской национально-государственной идеей продолжились в бурное послереволюционное время.

Л.Л. Щавинская

Немногочисленные работы о Белорусской Социалистической Громаде (БСГ) опираются, как правило, на одни и те же опубликованные источники, едва ли не главным из которых являются воспоминания А. Луцкевича (1884–1946). Однако, как показывают наши наблюдения, основанные в том числе на знакомстве с архивными материалами, сообщаемые Луцкевичем сведения нуждаются в серьезной корректировке. Это касается самого зарождения партии, идейных ее истоков и чрезвычайно интересных национальных метаморфоз ее членов, связанных порой лишь с поиском новизны в молодые годы, не более. Очень непрост вопрос о “польской” и “русской”, а правильнее, даже “общероссийской” составляющих в процессе создания БСГ.

Так, один из ее первых членов Ф. Стацикевич (1879–1967), “который в своей польской не сомневался”, довольно подробно рассказывает в рукописных заметках о своем “белорусском становлении”. Осенью 1902 г. он едет в Петербург, “где от знакомого студента-поляка, члена ППС Станислава Хрущинского”, узнает, “что среди студентов есть группа белорусов”. “С удивлением, – писал Стацикевич, – я увидел среди них сына одного владельца недалекого от Щучина имения – поляка Ивановского. Они объясняли, что польская шляхта на Беларуси – это ополяченные белорусы. Я легко согласился с ними и с того времени стал белорусом. Кружок студентов-белорусов в Петербурге был небольшой, из их числа я помню только братьев Луцкевичей, Ивановского и Малецкого. Тогда же и основалась Белорусская Революционная Громада, которая позднее превратилась в Белорусскую Социалистическую Громаду”. С самого зарождения организации в ней шла жесткая борьба за лидерство, и именно это обстоятельство было определяющим при принятии многих важнейших решений за всю пятнадцатилетнюю историю БСГ.

На первом своем съезде в декабре 1903 г. партия выступает с требованием автономии Белоруссии с сеймом в Вильне, однако реальной силы она не имеет и не поддерживается основной массой населения. В 1905–1906 гг. влияние БСГ в народе резко возрастает, ей удается провести ряд достаточно заметных акций национально-революционного плана на территории Белоруссии, а на втором съезде в Минске (1906 г.) в своей программе провозгласить в качестве важнейших задач свержение самодержавия и создание в России “федеративно-демократической республики”, в которой “Белорусскому краю” должна быть предоставлена государственная автономия.

Несмотря на последующий длительный период подполья, члены БСГ встали во главе многих белорусских культурных и политических начинаний, и партия смогла в полной мере быстро возродиться в 1917 г., сделавшись лидером белорусского движения не только в самой Белоруссии, но также в Москве и Петрограде. БСГ выступала за продолжение войны, поддерживала Временное правительство, видя будущую автономную Белоруссию в составе федеративной России. К осени 1917 г., когда БСГ насчитывала около 10 тысяч членов, партию стали раздирать противоречия, в частности разногласия по поводу будущей белорусской государственности.

Тогда же группой членов петроградской организации БСГ во главе с А. Червяковым (1892–1937), примкнувшей к большевикам, создается Белорусская социал-демократическая рабочая партия, но именно Громада выступает едва ли не главным иници-

атором проведения Всебелорусского съезда в декабре 1917 г. в Минске – важнейшего государствообразующего события в истории Белоруссии. Часть членов БСГ выступала за создание на белорусской территории “народной республики”, немало было сторонников организации “белорусских советов”, но в целом национальный характер будущего образования не вызывал сомнений. Оба проекта получили свое реальное воплощение в белорусском государственном строительстве.

В феврале 1918 г., когда немецкие войска заняли большую часть белорусской территории, БСГ окончательно раскололась и к весне–лету распалась на Белорусскую партию социалистов-революционеров, Белорусскую партию социалистов-федералистов и Белорусскую социал-демократическую партию. Представители просоветской части БСГ активно участвовали в работе Белорусского Национального комиссариата (Белнацкома), а затем образования БССР. Другая часть членов БСГ в условиях немецкого оккупационного режима выступила за создание Белорусской Народной Республики (БНР), что и было провозглашено 25 марта 1918 г. «Акт 25 марта 1918 года, – писал через несколько лет после этого события А. Луцкевич, – хотя и не был проведен в жизнь в той форме, как предполагали его творцы, имеет, несомненно, историческое значение. Не говоря уже о том, что таким образом был брошен лозунг, за которым пошли все национально сознательные элементы, борясь за целостность и независимость своей территории, – акт этот, безусловно, повлиял на дальнейшие изменения правительственной политики в отношении к Белоруссии и белорусскому вопросу в целом, что и проявилось в создании в Восточной Белоруссии, официально названной вначале “Западной Областью”, – Белорусской Социалистической Советской Республики в составе СССР».

Л.Е. Горизонтов: Нам была представлена широкая панорама дореволюционной эпохи, с кульминационным с точки зрения нашей темы началом XX в. Переходим к вопросам по прослушанному блоку выступлений и их обсуждению.

Б.И. Греков: Мне кажется, следует уточнить, что в ходе первой мировой войны центр украинской оппозиции постепенно стал перемещаться из Австро-Венгрии в Германию. Именно в Германии было принято говорить об украинцах, тогда как в монархии Габсбургов обычно употреблялся термин “рутены”.

М.Э. Клопова: Даже во время войны австрийцы старались избегать термина “Украина” в качестве государственного названия, тогда как немцы согласны были на такие новации, и во многом благодаря этому центр украинской мысли особенно к 1916 г. смешается из Вены в Берлин. Впрочем, и до войны фиксируется за-

интересованность Германии в использовании украинского движения против России и в качестве противовеса польскому движению, так как к полякам отношение Берлина было более чем сложное.

И.В. Михутина: С 1906–1907 гг. Грушевского стали активно издавать немцы.

М.Э. Клопова: У Грушевского была ярко выражена антипольская тенденция. С Германией его интересы смыкаются как раз на антипольской платформе.

И.В. Михутина: Грушевский был решительным противником России. Какую роль играл немецкий фактор в образовании БНР?

А.К. Кавко: Объявление о создании “незалежной” БНР произошло в условиях немецкой оккупации, причем немцы этому совершенно не препятствовали. В Берлине весьма активно действовало представительство БНР. Вместе с тем, вступив в Минск, они наложили арест на скромный бюджет БНР и блюли с типично немецкой педантичностью пункт Брестского договора, согласно которому оккупированные территории немецкие власти рассматривали в ареале российского государства. Так что не следует ни преуменьшать, ни преувеличивать немецкого фактора, особенно в соотнесении с российским, польским, украинским факторами.

Обмен мнениями о германском факторе побуждает задуматься также над соотношением политического и культурного плана. Как бы это ни звучало, благодаря оккупантам, во всяком случае, при их содействии произошло национально-культурное оживление, в частности в школьном деле на территории Виденщины, Белостокщины и Гродненщины. Видимо, не всегда следует жестко соотносить момент культурного развития с политическими установками, бывает и так, что культура, отрываясь от политики, уже не подвластна замыслам руководителей последней.

М.Ю. Досталь: В каких организационных формах развивалось белорусское национальное движение? Упоминались главным образом народовольцы, радикалы.

А.К. Кавко: Помимо политических форм, важнейшая роль принадлежала просветительским организациям и изданиям. Имелись и немногочисленные (что вполне объяснимо при слабости национальной буржуазии) меценаты белорусской культуры, осуществлявшие, в частности, издательскую деятельность. Газету “Наша нива” (1906–1915) по праву называют “белорусским национальным университетом”. На ее базе развивалось краеведческое, музейное движение, не говоря уже о значении издания в качестве литературной и научной трибуны (на ее страницах впервые издана книга Ластовского по белорусской

истории). “Наша нива” вела также просветительский школьный курс для национального самообразования. Огромную роль сыграло петербургское издательство “Загляне сонца і ў наша ваконца”, впервые пустившее в народ массовыми тиражами литературу на родном языке.

М.Ю. Досталь: Что-то вроде матицы?

А.К. Кавко: Да, в некотором смысле. Можно упомянуть про национально ориентированные театральные труппы, местные кружки культурного характера. Все это создавало ту почву, в которой происходило вызревание национальной идеи и политических выводов из нее.

Л.Е. Горизонтов: 1905–1907 годы в России – это существенный рубеж для украинского национального движения, или оно все же достаточно монотонно, без скачков развивалось до самой войны?

И.В. Михутина: Это очень существенный рубеж. Возникла легальная украинская печать, правда, после 1907 г. закрывавшаяся, причем не только властями, но также из-за недостаточного спроса. В двух первых Государственных думах образовывалась и сформулировала свою программу украинская фракция. Развернула свою работу культурно-просветительная организация по типу галицийской (“Просвіта”), которая нередко сбивалась на политическую, в том числе социалистическую по своему характеру, деятельность, что послужило поводом для свертывания ее сети в 1910 г.

Л.Е. Горизонтов: Прослеживается ли влияние украинского примера на белорусское национальное движение?

А.К. Кавко: Быть может даже, импульсы украинского движения, как никакого другого (польского, литовского), самые сильные. Причем они идут еще с XIX в. Скажем, появление “Тараса на Парнасе” в середине этого столетия некоторые современные литературоведы склонны связывать с влиянием украинского кобзаря (отсюда редкое в Белоруссии имя). Или связи “Нашей нивы” с тем же Грушевским. Кстати, Янка Купала писал ему письмо о встрече в 1915 г. Украинцы Дорошенко, Свентицкий явились авторами первых публикаций в 1909–1910 гг. о белорусском национальном возрождении.

На территории Белоруссии в составе Западного фронта находились весьма сильные украинские подразделения, сформированные после Февральской революции на национальной основе (как и белорусские на Румынском фронте, которых не пропустили в Белоруссию, где они могли бы оказать определенное влияние на ситуацию). Петлюра, в частности, возник в Минске в 1917 г. и с лозунгом-здравицей в честь свободной Белоруссии прошествовал

на демонстрации в группе украинских военных. Украина по известным причинам не могла признать БНР, но фактически она с ней солидаризировалась.

Л.Е. Горизонтов: Этот ряд можно и продолжать, и корректировать. М.В. Довнар-Запольский вышел из киевской школы, как и Грушевский, был учеником В.Б. Антоновича. Что же касается событий 1918 г., то Украина еще при Центральной Раде заняла ряд этнических белорусских земель. В этой связи Грушевский выдвигал идею “белорусского Пьемонта” как белорусской автономии в составе украинского государства.

Теперь, в соответствии с программой нашей работы, перейдем ко второму блоку выступлений, в котором преимущественное внимание будет обращено на период революций и Гражданской войны, хотя, понятно, обсуждаемая проблематика в содержательном отношении выходит далеко за ее рамки.

И.В. Михутина

Февральская революция совершилась как буржуазно-демократическая, что открывало возможность для основательной подготовки масс к следующему, по представлению социал-демократов, этапу. Однако Ленин решил, что созданная войной ситуация позволит совершить немедленный скачок к социализму.

Форсирование общественно-политических процессов наметилось и в украинском национальном движении. Февральская революция открыла ему беспрепятственное осуществление намеченной ранее программы: школьное обучение украинцев на родном языке, введение украинского языка в практику местной администрации и судопроизводства, развитие украинской печати, книгоиздательства, театра – всего того, что вместе с повышением общего культурного уровня должно было углубить национальное самосознание украинских масс, готовя их к осмысленному политическому выбору.

Либерально-демократические деятели, до революции доминировавшие в украинском движении, приступили к реализации этой программы в согласии с Временным правительством, в компетенцию которого не входило определение характера государственного строя, в том числе будущего статуса Украины. Однако Грушевский, избрав теперь своей главной опорой социалистических радикалов – украинских эсеров и социал-демократов, – решил, что в сложившейся обстановке можно сразу приступить к выполнению кардинальной политической задачи – формированию украинской государственности в виде национально-территориальной автономии и превращению России в договорную федерацию. Автономия мыслилась с самостоятельными внешнеполитическими функциями, собственной делегацией на будущей мир-

ной конференции и своими вооруженными силами. Причем Временное правительство, поддавшись иллюзии, что образованием однородных по этническому составу частей удастся поднять боеспособность уставшей от войны армии, легко согласилось на проведение в ней украинизации.

В качестве представительного органа автономии украинские лидеры предлагали признать Украинскую центральную раду (УЦР) – коалиционный совет из посланцев различных партий и организаций, возникший для координации национального движения и пополнявшийся по мере проведения различных профессиональных и региональных украинских съездов избранными на них делегатами. Временное правительство считало созданную таким образом УЦР не более чем общественной организацией. В принципе оно возражало против немедленного учреждения автономии, полагая, что этот вопрос подлежит ведению образуемого всенародным избранием Учредительного собрания.

Однако УЦР форсировала вопрос об автономии, ссылаясь на многочисленные требования украинских съездов крестьян, военнослужащих и т.д. Принятия резолюций необходимого содержания не трудно было добиться, ибо крестьянское в основном население, которое ожидало от революции в первую очередь аграрных преобразований и окончания войны, столкнувшись с бездействием Петрограда в первом вопросе и наращиванием военных усилий во втором, готово было связать свои чаяния с будущей украинской властью. “Автономия Украины и вообще национальные требования, – писал активный участник событий Д.И. Дорошенко, – преподносимся массам как своего рода выкуп, цена за панскую землю: хочешь получить панскую землю даром – требуй автономии!” Антивоенные настроения частично получали выход в украинизации армии, предоставившей многим запасным и отпускным солдатам шанс уклониться от отправки на фронт.

10 июня УЦР своим I универсалом провозгласила национально-территориальную автономию Украины, вскоре после напряженных переговоров фактически признанную Временным правительством в пределах пяти губерний. В качестве органа исполнительной власти был образован Государственный секретариат (ГС), роль которого Временное правительство стремилось свести к наблюдательным функциям при местной администрации, за что пропаганда УЦР отчаянно критиковала Петроград. Между тем сомнения в готовности к государственной работе бередили души некоторых украинских лидеров. “Есть ли у нас столько рук, чтобы направить их на эту тяжелую работу? – задавался вопросом 19 июля 1917 г. глава ГС В.К. Винниченко. – Сердце сжимается от тревоги, печали и страха: а что если не поднимем? Не сможем

взять того, что судьба так неожиданно, фантастически бросила нам под ноги?"

В столкновениях УЦР с Временным правительством большевистские руководители становились на сторону первой, видя в ней разрушителя порядка, установленного Февральской революцией. В переломные октябрьские дни выяснилось, что и украинские политики не прочь руками петроградских большевиков избавиться от опеки Временного правительства. Чтобы не допустить его победы над восставшими, Рада на почве общей цели – помешать переброске с фронта в столицу верных Керенскому войск – достигла соглашения с киевскими большевиками. Однако альянс этот был для нее опасен: большевики преобладали в городском Совете рабочих депутатов и требовали всей власти советам.

Между тем лидеры украинского движения после краха правительственного центра намеревались взять полноту власти на Украине. Для этого они образовали Краевой комитет охраны революции с участием национальных социалистических партий всех оттенков, советов рабочих, солдатских, войсковых депутатов и других организаций, к подчинению которому УЦР призвала все местные органы власти, в том числе в губерниях Новороссии и Слобожанщины, ранее не включавшихся в состав автономии.

Одновременно Малая рада – комитет, работавший между сессиями УЦР, в своей резолюции от 26 октября высказалась против восстания в Петрограде и пообещала "упорно бороться со всеми попытками поддержки этого восстания на Украине". Возмущенные представители большевиков вышли из состава Краевого комитета, а командование Киевского военного округа вовсе не вняло призыву УЦР подчиниться ему, арестовало присланных комитетом комиссаров и, оставив за собой, с согласия Малой рады, военную власть, разгромило городской Совет рабочих депутатов, чем вызвало в Киеве восстание. Взятое на себя штабом округа дело защиты свергнутого Временного правительства было обречено, но и у киевских большевиков не оказалось достаточных сил для победы. Лишь позднее при поддержке своих российских единомышленников они создали украинский советский центр в Харькове. Пока же власть досталась руководителям УЦР, правда, произошло это далеко не в атмосфере всеобщего согласия, как они того желали, и их дальнейшие действия не отличались последовательностью.

В дни киевского восстания прошла очередная сессия УЦР. На ней Грушевский в докладе о выработке автономного статута Украины декларировал, что высшая власть должна принадлежать "Украинскому всенародному собранию", и тут же в чрезвычайном порядке – от имени III украинского войскового съезда – пред-

ложил немедленно определить государственный статус Украины. Малая рада уже после закрытия сессии УЦР и, не дожидаясь созыва “Украинского всенародного собрания”, на заседании 7 ноября 1917 г. в присутствии 47 своих членов 42 голосами приняла III универсал, провозгласивший образование Украинской народной республики (УНР). В нем вновь декларировались предоставленные Февральской революцией права и свободы, но не было определенных ответов на жгучие вопросы, стоявшие власти Временному правительству.

Самое глубокое недоумение вызывает противоречие между стремлением отгородиться государственными барьерами от разрушительных процессов извне при одновременном возвращении к федералистской платформе. “Не отделясь от республики Российской и сохраняя единство ее, мы твердо станем на нашей земле, чтобы силами нашими помочь всей России, чтобы вся республика Российская стала федерацией равных и свободных народов”, – говорилось в III универсале. В современной украинской историографии это противоречие объясняется инерцией следования в русле стратегии УЦР, приспособленной к настроениям Временного правительства. Но, может быть, у активистов национального движения и после падения этого правительства не было уверенности в том, что украинское общество созрело для разрыва с Россией? Так, в своем воззвании от 3 ноября ГС еще уверял граждан, что “всякие слухи и разговоры о сепаратизме, об отделении Украины от России – либо контрреволюционная провокация, либо обыкновенная обывательская неосведомленность”. А возможно, кое-кто из украинских лидеров и вправду рассчитывал дать “великой и обессиленной Республике России здоровье, силу и новую будущность”, т.е. возглавить ее преобразование в соответствии с собственными представлениями?

Когда рушился фронт, Киев отказывался признать большевистский Совет народных комиссаров, чтобы вместе с ним вступить в переговоры о мире, выдвигая условием создание федеративного правительства с участием, как и в УЦР, всех социалистических течений. Последнее было также запоздалым требованием и российских меньшевиков, и правых эсеров, уже проигравших большевикам в борьбе за власть. Среди сепаратистских же новообразований мало кто стремился в проектируемую Радой федерацию, и далеко не все они придерживались социалистической ориентации.

В частности, Донское военное правительство во главе с атаманом А.М. Калединым громило рабочие организации Донбасса, о чём Киев не раз оповещали в поисках защиты посланцы донецких горняков. Тем не менее, не обходя Дон в своих федералист-

ских “однородно социалистических” инициативах, УЦР косвенным образом поддерживала военные усилия калединцев – пропускала с фронта верные им казачьи части и, напротив, препятствовала продвижению направлявшихся против Каледина советских отрядов, что вызвало вооруженный конфликт с УНР украинских и российских сторонников советской власти, который, по признанию Винниченко, превратился в “войну влияний” – чье влияние окажется сильнее.

Популярность УЦР в свое время росла при немощном Временном правительстве, пока украинские деятели критиковали его, практически не отвечая за государственные дела. Придя к власти в Киеве одновременно с большевиками в Петрограде, они предстали перед массами не поспевающими за событиями резонерами. Большевики поручили немедленное заключение перемирия полковым и дивизионным комитетам и этим сразу дали ощутить солдатским массам близость возвращения домой. Украинские же лидеры в III универсале все еще призывали “стоять твердо на своих позициях... на фронте”, пока УЦР не добьется образования “однородно социалистического” центрального правительства и последнее не “заставит союзников и врагов” по всем правилам заключить мир.

Та же медлительность и половинчатость в аграрном вопросе. Земли сельскохозяйственного назначения крупных (“нетрудовых”) владельцев провозглашались в универсале собственностью всего трудового народа с туманным обещанием передачи их крестьянам без выкупа. Когда на плenум УЦР в декабре 1917 г. поступил законопроект, предусматривавший “трудовую норму” в 40 десятин, возмущению депутатов-крестьян не было предела. “Если мы скажем..., в одних руках 40 десятин, то народ не признает ни Рады, никого... Да когда с фронта вернутся наши вояки, то они штыками своими промеряют эти 40 десятин”, – заявили они политикам.

Вот почему в начале военного конфликта украинские “низы” отдали свои симпатии большевикам с их понятными и заманчивыми лозунгами. “Их перевес был в том, – писал позже Винниченко, – что все наши широкие массы солдат не оказывали им никакого сопротивления или даже переходили на их сторону, что почти все рабочие каждого города – выступали за них, что в селах сельская беднота явно была большевистской, что, словом, огромное большинство именно украинского населения было против нас”.

Последним ресурсом правительства УНР оставалась его международная деятельность. Представители УНР с опозданием прибыли на мирные переговоры в Брест-Литовск как часть россий-

ской делегации и сразу попали в фокус внимания австро-германских дипломатов, рассчитывавших за счет плодородной Украины решить обострившуюся продовольственную проблему. Еще важнее им было расколоть делегацию своих военных противников, что оказалось делом выполнимым. Украинским представителям, первоначально имевшим задачей лишь отстаивание территориальных интересов – присоединение Холмщины и Подляшья, а также постановку вопроса об автономии восточнославянских земель Австро-Венгрии – было предложено официальное признание УНР, но лишь после подписания отдельного мирного договора и полного разрыва с Россией.

В ночь на 12 января 1918 г. Малая рада, вновь не дожидаясь очередного пленума УЦР, приняла IV универсал, провозгласивший УНР “самостоятельным, ни от кого не зависимым, свободным суверенным государством”, а 27 января делегация УНР подписала с представителями государств Четверного союза мирный договор и соглашение об огромных поставках продовольствия с Украины, после чего немцы предъявили советской делегации ультиматум, отклоненный Троцким с хорошо известными последствиями.

В день подписания делегацией УНР мирного договора советские отряды от имени харьковского украинского центра окончательно овладели Киевом, накануне оставленным членами ГС и Малой рады, так как большинство украинизированных частей не выступило в их защиту. Руководство УНР обратилось за военной помощью к своим новоявленным иностранным партнерам, считывая на присылку созданных ими формирований из военно-пленных украинцев, а также галицийских и буковинских частей австро-венгерской армии. Однако в Берлине и Вене мало заботились о “сохранении лица” лидеров УЦР. В феврале 1918 г. 450-тысячная австро-германская армия вступила в пределы Украины, обеспечив властям УНР возвращение в Киев.

Решающую роль в дальнейшем развертывании событий сыграл земельный вопрос. Принятый в январе 1918 г. с учетом настроений крестьянских “низов” закон о социализации земли вызвал недовольство не только крупных и средних собственников, но и австро-германской оккупационной администрации: намеченные преобразования вместе с продолжавшимся стихийным разделом помещичьих владений угрожали выполнению продовольственных поставок. Для предупреждения такой опасности и “оптимизации” своего контроля над Украиной оккупационное командование поддержало государственный переворот, установивший в апреле 1918 г. гетманскую власть бывшего царского генерала П.П. Скоропадского.

Б.И. Греков

Разговор об украинском аспекте внешней политики Германии в годы первой мировой войны начну с напоминания о том, что курс Берлина тогда в значительной мере основывался на концепции “Срединной Европы”, сформулированной канцлером Бетманном-Гольвегом в его “Сентябрьской программе” 1914 г., определявшей военные цели страны. Названная программа предполагала политическое, экономическое и военное объединение ряда европейских государств под эгидой Германии. В начале войны были сформулированы лишь общие принципы политики по отношению к России: “Россия должна быть, по возможности, максимально далеко отодвинута от германской границы. Ее господство над нерусскими народами должно быть сломлено”.

Определенную роль в формировании внешней политики Германии по отношению к России сыграл меморандум российского социал-демократа А.Л. Парвуса-Гельфанд (март 1915 г.), предназначенный для германского правительства. Документ, в котором подчеркивалась идентичность задач российских революционеров и германских политиков, появился в удачный момент: русская армия тогда развивала успешное наступление на позиции австрийцев в Галиции. Согласно меморандуму, привлекшему самое пристальное внимание германского МИД, политические радикалы, разжигая внутренние социальные и межнациональные противоречия Российской империи, могли бы ослабить ее активность на полях сражений.

Украинская политика Германии проводилась в рамках вышеуказанных принципов. В марте 1916 г. в нейтральной Швейцарии была сконструирована и финансово поддержана “Лига нерусских народов России”. Определяющую роль в украинском отделе Лиги играли уроженец Западной Украины Д. Донцов, организовавший в 1914 г. в Вене “Союз за освобождение Украины”, а также В. Степанковский. Оба работали в постоянном контакте с германским послом в Швейцарии Ромбергом. Общаясь с многочисленными российскими эмигрантами в Швейцарии, а также журналистами Антанты, они передавали послу важную информацию, в том числе о деятельности Ленина и его окружения. Среди материалов Лиги сохранилось много документов о деятельности ленинцев в Швейцарии, имеется прошедшее через руки многих читателей ленинское сочинение “Имperialизм как высшая стадия капитализма”, в которой автор назвал Украину колонией России, находятся материалы по проблеме самоопределения наций в России – этот большевистский лозунг был взят Лигой на вооружение.

Донцов и Степанковский были в числе тех, кто внушал Ромбергу идею об отправке ленинцев из Швейцарии через Германию

в Россию. Сам государственный секретарь Ягов и его заместитель Циммерман, а также начальник политического отдела генерального штаба Надольный активно участвовали в разработке проекта революционирования России, который пользовался поддержкой кайзера.

Тесную связь германской политики революционирования по отношению к Российской империи в целом с видами на Украину иллюстрирует телеграмма Ягова германскому послу в Вене от 11 августа 1914 г.: “Революционирование не только Польши, но и Украины, – гласила она, – представляется нам весьма важным, поскольку: во-первых, это средство борьбы против России; во-вторых, это способ ослабить давление русского колосса на Европу и удалить Россию как можно далее на Восток; в-третьих, это возможность для Румынии получить впоследствии Бессарабию, что осуществимо лишь при условии возникновения промежуточного государства между Румынией и Россией”.

Идеей революционирования России интересовался и Лондон. На запросы немцев о желательности контактов Лиги с англичанами Степанковский отвечал, что Англия будет обязательно поддерживать борьбу нерусских национальностей России, поскольку эта борьба ослабляет последнюю. В 1917 г. он работал уже не только на немцев, но и на англичан. В том же году по возвращении в Петроград он попал в тюрьму “Кресты”, где познакомился с Троцким, который впоследствии принимал участие в его судьбе. После посещения Англии и Швейцарии в конце 1917 – начале 1918 г. Степанковский вернулся на Украину. Там интересы Донцова и Степанковского вошли в противоречие. Будучи сторонником Директории, Донцов собирал компромат на Степанковского, который симпатизировал Скоропадскому.

Впрочем, с весны 1918 г. Донцов играл на Украине значительно более видную роль, чем его бывший коллега. Выступая в качестве официального эксперта, в марте 1918 г. он подготовил для украинской делегации на мирных переговорах с Советской Россией важный документ “О границах Украинской Державы с политической точки зрения”.

Согласно Донцову, III Универсал Центральной Рады предопределил сложности в отношениях с Россией, не включив Крым в число территорий, на которые претендовала Украина. Донцов полагал, что Россия не могла представлять на переговорах Крым, Белоруссию, Дон и Кубань, так как фактически весной 1918 г. эти регионы не входили в состав Советской России. По мысли Донцова, Украина должна была вести мирные переговоры с РСФСР, исходя из факта распада Российской империи на ряд самостоятельных государств. Он подчеркивал, что Украине следует видеть союзника не

только в Германии, но также в Войске Донском и Кубани. В особенности союз с консервативным Доном являлся важнейшей задачей внешней политики Украины. «За этот союз, – писал Донцов, – Украина могла бы заплатить отказом от претензий на национальные окраины Войска Донского. Аннексия Украиной “Донщины” и Кубани была бы вредна и практически неосуществима».

В отношении Крыма украинская делегация, следуя рекомендациям Донцова, придерживалась другой точки зрения. Право Крыма на самоопределение могло носить только культурно-национальный, но не политический характер. Культурно-национальная автономия предполагала, согласно Донцову, признание прав татарского населения Крыма. Вопрос о правах русского населения при этом не поднимался. Донцов считал обладание Крымом необходимым условием украинской независимости.

Советская делегация не признавала требований Украины, указывая на два обстоятельства: во-первых, РСФСР являлась правопреемницей Российской империи и, следовательно, могла вести переговоры от лица входивших ранее в Россию регионов, во-вторых, мирные переговоры в Бресте между Советской Россией и Германией интересующие украинскую сторону вопросы не затрагивали, а значит, они не должны обсуждаться и на переговорах РСФСР с оккупированной немцами Украиной.

На протяжении всей первой мировой войны Германия использовала украинскую карту для давления на своего восточного противника. За широкой спиной германского союзника режим Скоропадского получил возможность предъявить Советской России ряд территориальных требований. Позиции Украины на переговорах с РСФСР усиливались необычайной заинтересованностью Берлина в поставках украинского продовольствия в Германию. Эти надежды немцев на Украину не сбылись: поставки продовольствия оттуда были весьма скромными. Окончательно планы Берлина в отношении Украины рухнули после военного поражения Германии.

Л.Б. Милякова

Рассмотрим решение проблем национальных меньшинств в процессе украинского государственного строительства. Провозгласив в Универсале от 10 июня 1917 г. автономию и одновременно прописав в нем положение о “державной нации на Украине”, украинские лидеры оказались перед опасностью оттолкнуть от себя национальные меньшинства. Дело в том, что наиболее активное в общественно-политическом плане население Украины проживало в городах, где в 1917 г. неукраинцы составляли преобладающую долю населения: русские – 33,6% (в Киеве – 54,5%, а в Харькове – 62,8%), евреи – 25,2%, поляки – 2,9%, немцы – 2,2%.

В первые месяцы существования Центральной рады вопрос о гарантиях прав национальных меньшинств ею не ставился. Их участие в органах управления Украины было закреплено на переговорах по настоянию делегации Временного правительства. В подписанным 3 июля 1917 г. соглашении, в отличие от Универсала, говорилось о представительстве в высших органах власти автономии других национальностей для обеспечения "интересов всего населения". 30% мест в Центральной раде закреплялось за национальными меньшинствами: русскими, евреями, поляками.

Из российских партий наиболее сильным влиянием в Раде пользовались кадеты и эсеры. Из еврейских в ней были широко представлены социал-демократический Бунд, Объединенная партия еврейских социалистов (известна как Фарейнигте), а также Поалей-Цион, Сионистская партия и Народная партия, которая, наряду с Фарейнигте, являлась активным сторонником сотрудничества с украинцами. Польское меньшинство в Раде представляли ППС, ППС-левица, Польская демократическая Централя и эндецкий Польский исполнительный комитет на Руси.

В своем окончательном виде, с включением положения об образовании республики, III Универсал был предложен Раде украинскими лидерами совершенно неожиданно для партий нацменьшинств, которые оказались перед необходимостью сдавать нечто вроде экзамена на верность "украинскому делу". Под давлением этих партий в новом Универсале было подчеркнуто, что украинское государство создается, "не отделяясь от российской республики и сохраняя ее единство", с тем чтобы она стала "федерацией равных и свободных народов".

Универсал налагал на украинский народ обязательство обеспечить свободу национального развития всех других проживающих на Украине народов и провозглашал их право на национально-персональную автономию, что означало возможность "самостоятельно обустраивать свою национальную жизнь". Для проведения этого закона в жизнь в ГС был создан Секретариат международных дел с тремя подразделениями – русским, еврейским и польским.

Следует отметить, что поддержка III Универсала той или иной национальной партией Рады не всегда была равносильна симпатии к украинскому государственному строительству соответствующей группы населения. Например, все еврейские партии голосовали за III Универсал, тогда как отношение еврейского населения в целом к самостояльному курсу носило преимущественно негативный характер. "Необходимо признать, – писал в 1921 г. известный еврейский исследователь И. Чериковер, – что украинская идея, несмотря на поддержку еврейских партий, не проникла

в гущу еврейского населения. Помимо партий еще существовал простой обыватель, который чувствовал к украинскому освободительному движению вполне определенное недоверие, а в лучшем случае – равнодушие. Такое отношение проявлялось не только подсмеиванием над украинским языком и вывесками. На украинизацию он отвечал пассивным сопротивлением”.

Провозглашенное III Универсалом равноправие национальностей на деле выливалось в украинизацию, затронувшую, в первую очередь, общественную жизнь, армию, местные органы управления. Уже в январе 1918 г. власти Киева издали распоряжение, согласно которому все поселившиеся в городе после 1 января 1915 г. подлежали выселению. Под действие этого распоряжения попало три четверти еврейского населения, а также большая часть оказавшегося на Украине русского офицерства. Документы 1918–1919 гг. свидетельствуют, что в органах местного управления практиковалась замена украинцами представителей других национальностей. Однако самым важным являлось то, что молодое украинское государство не могло обеспечить национальным меньшинствам важнейшего права – права на жизнь. В погромах на Украине, в которых активное участие принимала армия УНР, погибли десятки тысяч евреев.

Доминирующие антиукраинские настроения еврейского и русского населения Украины не могли не влиять на политическую линию представлявших их партий. Когда развитие событий подвело лидеров Центральной рады к провозглашению 9 января 1918 г. в IV Универсале независимости Украины, между украинскими партиями и партиями национальных меньшинств в Раде произошел раскол. IV Универсал был принят исключительно украинскими голосами. Против голосовали российские меньшевики и бундовцы, а российские эсеры, поалей-ционисты, объединенные еврейские социалисты – воздержались. Надо заметить, что еврейские партии принимали активное участие в шедшей тогда разработке закона о национально-персональной автономии. Из представителей нацменьшинств только один польский социалист (ППС) заявил о поддержке независимости Украины.

Отрицательное восприятие представителями национальных меньшинств IV Универсала негативно повлияло на межнациональные отношения. После прихода к власти на Украине в апреле 1918 г. гетмана Скоропадского закон о национально-персональной автономии был отменен как несовместимый со сложившейся в стране политической ситуацией. Было объявлено, что все граждане Украины равноправны независимо от своей национальности, а национальные привилегии могут только содействовать эскалации национальной борьбы, чего новый режим допус-

тить не может. Таким образом, при гетмане законодательно утверждался примат общегражданских прав. В качестве положительной программы в решении проблемы меньшинств была обещана весьма неопределенная “помощь в соревновании национальностей”.

Директория УНР, оказавшаяся у власти после антигетманского восстания в декабре 1918 г., восстановила закон о национально-персональной автономии и возобновила деятельность национальных министерств. Однако фактически была развернута деятельность только еврейского министерства, которое видело в данном законе возможность реализовать право своего народа на собственную культуру и язык. Речь шла о создании широкой сети начальных и средних школ, разных типов курсов и даже национального университета. Хотя формально министерство еврейских дел продолжало существовать, вскоре начатую работу пришлось свернуть – правительство Петлюры оставило Киев, начался период его скитаний по стране.

В целом в рассматриваемый период украинскому государству мало удалось сделать для обеспечения прав национальных меньшинств. Хотя сам факт принятия закона о национально-персональной автономии можно оценивать весьма высоко, реальная политика не соответствовала букве этого закона. УНР выступила продолжательницей имперских традиций, ставящих в привилегированное положение одни народы, в данном случае украинцев, и тем самым противопоставляющих их другим. Военно-политическая и социально-экономическая слабость УНР не оставляла шансов на длительное существование этого государства и корректировку ее национальной политики. Из национальных меньшинств только евреи стремились воспользоваться возможностями, которые предоставляло законодательство УНР. Но даже они, как русские и поляки, не желали радикального дистанцирования от России, опасаясь украинского национализма, с которым в полной мере столкнулись в процессе украинского государственного строительства.

А.В. Шубин

Многие обстоятельства истории Украины XX в. останутся непонятными без обращения к опыту Гражданской войны. То пространство, которое мы теперь называем Украиной, на грани веков имело неопределенные очертания. Этносы были перемешаны, этническое самосознание соперничало с социальным, и границы устанавливала сила оружия. Классическим примером этой неопределенности украинского пространства является южная часть левобережья Днепра (Приазовье), которая в 1917–1922 гг. была охвачена махновским движением. Это движение очевидно

не являлось националистическим, но в какой степени оно являлось украинским национальным, в какой степени этот регион был частью Украины или России? Или он представлял собой своеобразную этно-территориальную общность, подобно Каталонии, где в 1936–1939 гг. в аналогичных социальных условиях также возникло массовое движение под анархистскими знаменами?

История этих мест связана с казачьей вольницей, с борьбой земледельческой и кочевой культур. Из этого обстоятельства иногда выводят и махновскую вольницу. Однако к началу XX в. от запорожского казачества остались одни воспоминания.

Полиэтничность – важная особенность региона, где вперемежку существовали малороссийские, русские, немецкие, еврейские, греческие села и хутора. Языком межнационального общения был русский. Весьма показателен в этом отношении сам региональный лидер периода гражданской войны – Н.И. Махно (Михненко). Этнический украинец, он не говорил по-украински, но это не мешало ему заручиться поддержкой крестьян.

В Приазовье, в том числе и в Гуляй-поле, существовали организации украинских националистов, но с ними анархисты вели решительную политическую борьбу. Считая, что украинская государственность ничуть не лучше русской, II съезд Советов Гуляй-польского района в 1917 г. принял резолюцию “Смерть Центральной Раде”. В начале 1918 г. победила сила – район остался за анархистами. Националисты сохраняли влияние севернее, но там они были разгромлены большевиками. Еще в меньшей степени можно говорить о принадлежности Украине Донбасса, где влияния Центральной рады и Директории не прослеживается вовсе.

Махно был безусловным интернационалистом. Его концепция будущего общественного устройства основывалась на стирании границ, объединении ресурсов и трудовых усилий всех народов. Для понимания степени его национальной терпимости и особенностей национально-политической ситуации в регионе характерен такой эпизод. Готовя в условиях немецкого наступления 1918 г. переворот в Гуляй-поле, украинские националисты предприняли своеобразный маневр, начав шантажировать еврейскую общину угрозой погрома после прихода немцев. Чтобы предотвратить расправу, еврейская верхушка решила оказать содействие заклятым врагам, разоружив своих соплеменников, рота которых была сформирована при поддержке анархистов. В результате, когда немцы, тесня отряды левых эсеров, большевиков и анархистов, подходили к Днепру, несшая охрану Гуляй-поля еврейская рота в середине апреля совершила переворот в пользу украинских националистов и арестовала часть анархо-коммунистов.

Одновременно отряд националистов внезапно напал на “вольный батальон” махновцев и разоружил его.

Хотя Махно лишился вооруженной силы и своей опорной базы, он менее всего был склонен винить в случившемся евреев. По его мнению, слух о “заговоре евреев” “в других местностях Украины безусловно вызвал бы погром и избиение невинных, всеми и вся гонимых в российской и украинской истории, не знаяших до сих пор покоя бедных евреев”. Понимая мотивы действий еврейской общины, восстановивший к осени 1918 г. свои силы Махно “убеждал крестьян и рабочих, что еврейские труженики, даже те из них, которые состояли в этой роте бойцами и были прямыми участниками в ее контрреволюционном деле – сами осудят свой позорный акт”. И действительно, бывший командир роты станет впоследствии одним из командиров махновской армии, а в ее составе в 1919 г. будет сформирована еврейская батарея.

Успех украинских националистов на левобережье в апреле 1918 г., когда они совместно с немцами развернули репрессии против тех анархистов, которые не успели уйти, оказался последним. Союз с немцами скомпрометировал националистов, и, проведя несколько удачных операций против германских подразделений и отрядов Скоропадского, Махно стал кумиром местных крестьян. После эвакуации оккупантов партизанская армия Махно без труда овладела регионом. Столкновения с петлюровцами в декабре 1918 г. и позднее происходили уже за Днепром.

Самостоятельная роль южного левобережья в Гражданской войне на Украине определялась, конечно, не одними объективными факторами, но и ролью личности Махно. Будь Махно сторонником большевиков либо “белого дела”, регион стал бы, соответственно, оплотом красных или белых – до тех пор, пока крестьянство не разочаруется в их политике и не выдвинет новых воожаков. Объективные факторы исключали включение Приазовья в орбиту украинской государственности – слишком велика была здесь роль русской культуры, и слишком многоэтнично население. Народом-изгояем в рассматриваемом регионе являлись только немцы, создавшие зажиточные хуторские хозяйства, а не евреи, как на Правобережье.

Межэтнические отношения в регионе были совершенно несocomместимы с поддержкой украинских режимов и “тайдамаков”, имевших репутацию антисемитов, русофобов и германофилов. Если в отношении лидеров рождающейся украинской государственности подобные характеристики требуют корректировки, то в массе украинских националистов ксенофobia была распространена очень широко. Таким образом, Приазовье могло или находиться под контролем одного из русских правительств, или играть

самостоятельную роль. Личный авторитет Махно и его приверженность анархическому учению привели к реализации второго варианта.

Очертания махновского района были следующими. Столицей и ядром движения являлось Гуляй-поле. На севере влияние движения таяло за пределами Екатеринославской губернии. На северо-западе борьба с петлюровцами в декабре 1918 г. шла за Екатеринослав. Перипетии войны привели к уходу петлюровцев далеко на запад, и в 1919 г. Махно борется за этот крупный город уже с белыми – иногда успешно. С запада границей влияния махновцев был Днепр. На юге махновцы в феврале 1919 г. доходят до Азовского моря, и только в ходе наступления Деникина в середине 1919 г. теряют его побережье. В восточном направлении они достигли границ Донбасса, вели бои у Волновахи. В дальнейшем ареал действий махновцев расширился еще больше, но речь может идти лишь о рейдах, а не о постоянном присутствии.

В российском контексте значение махновского движения очень велико, так как именно им был реализован (насколько это вообще возможно в условиях широкомасштабной Гражданской войны) демократический советский проект, стихийно выдвинутый массами в 1917 г. и сформулированный в лозунгах “Земля – крестьянам!”, “Фабрики – рабочим!”, “Власть – советам!”. Большевики уже в 1918 г. заменили этот проект тоталитарной системой “военного коммунизма”. В той степени, в какой махновский эксперимент был важен для России, важен он и для Украины. Ведь украинская государственность еще только формировалась, и для части населения Украины последняя оставалась частью России. В украинских условиях решался вопрос не только об утверждении той или иной социально-политической модели, но и о том, быть ли Украине независимой. Поскольку альтернатива “независимость–советская власть” расколола самих украинцев, правильнее, на наш взгляд, говорить о гражданской, а не о национально-освободительной войне. Путь Украины лежал между украинским национальным вектором, который, в конечном счете, сыграл роль проводника польской экспансии на восток, и общероссийским влиянием, проводником которого выступило левобережье – регион, явившийся тогда по существу частью России, хотя и своеобразной.

Махновцы не обладали ориентированным на независимость государственным сознанием. Резолюции их съездов обращены к общероссийскому (с включением Украины) и даже мировому контексту: “В нашей повстанческой борьбе нам нужна единая братская семья рабочих и крестьян, защищающая землю, правду и волю. Второй районный съезд... настойчиво призывает товари-

щей крестьян и рабочих, чтобы самим на местах без насильственных указов и приказов, вопреки насильникам и притеснителям всего мира строить новое свободное общество без властителей панов, без подчиненных рабов, без богачей и без бедняков". Как и рабочие Петрограда, крестьяне левобережья Днепра ощущали себя в эпицентре мировой революции.

В то же время махновцы привязаны были к своему району, поскольку именно здесь их военно-политическая структура укоренена в крестьянском и рабочем самоуправлении. За его пределами махновцы – всего лишь военная (армия или банда), а не социально-политическая сила. Когда в августе 1919 г. теснимые Деникиным большевики вынуждены были отступать с Украины, сражавшиеся под их командованием махновцы свергли большевистское руководство и вернулись к своему "батьке", незадолго до этого под давлением коммунистов подавшему в отставку. Бойцы не хотели уходить в Россию. И в 1919, и в 1921 г. переход на правобережье серьезно ослаблял махновцев. То была иная этно-социальная среда со свойственными ей настроениями.

Прекращение махновского движения не случайно совпало с подавлением других очагов сопротивления большевикам в 1921–1922 гг. Если Западная Украина оказалась под властью союзника Петлюры Пилсудского, днепровское левобережье развивалось в контексте российской революции, и исход этой революции предопределил судьбу региона, который при всем его этно-социальном своеобразии волею административных реорганизаций советских времен был отнесен к украинскому государству.

И.В. Михутина

В сентябре 1918 г. правительство в Вене приняло за основу своей национальной политики декларированный главным образом применительно к Австро-Венгрии В. Вильсоном принцип самоопределения народов. В этой связи украинские галицийские деятели возобновили требование раздела Галиции по национальному признаку, к чему дополнительно подталкивала нежелательная для них перспектива присоединения провинции в целом к Королевству Польскому, образованному ранее по инициативе австро-германских оккупантов в польских губерниях Российской империи. 9 октября 1918 г. польская фракция венского парламента объявила о признании варшавского Регентского совета. "Наша дорога ведет не в Варшаву, а в Киев, а если кто захочет нас соединить с поляками, то разве что по нашим трупам", – заявили на это депутаты украинской фракции парламента.

18 октября была сформирована Украинская национальная рада во главе с лидером украинского парламентского представительства Е. Петрушевичем, в ее состав входили украинские депу-

таты рейхсрата, галицийского и буковинского сеймов, а также представители политических партий. На следующий день Рада объявила об образовании на восточнославянских землях Галиции и Буковины Западноукраинской народной республики (ЗУНР). При этом предусматривалось включение во властные структуры представителей национальных меньшинств, а также направление самостоятельной делегации на предстоявшую мирную конференцию. Провозглашение ЗУНР соответствовало сделанному тремя днями ранее заявлению имперского правительства о преобразовании монархии в "федеративное государство, в котором каждая нация образует свое собственное краевое государство", однако при обсуждении 31 октября на Совете министров порядка передачи власти Украинской национальной раде такой принципиальный вопрос, как государственные границы, остался открытым.

Между тем в Кракове уже действовала Польская ликвидационная комиссия, призванная осуществить переход власти в Западной Галиции в польские руки, но при этом претендовавшая и на восточную ее часть. Польские органы власти должны были, по украинским данным, водвориться во Львове 1 ноября, в связи с чем Украинская национальная рада и Генеральный украинский войсковой комитет приказали выступить своим военизованным формированиям, а местным структурам – взять власть в поветах. К утру 1 ноября важнейшие объекты во Львове оказались заняты украинцами, после чего представители австрийского правительства официально передали власть Раде. 9 ноября образовалось первое правительство ЗУНР – Государственный секретариат. Пополнившись делегатами от поветов и городов Восточной Галиции, Рада приняла регламент временной администрации и судопроизводства.

Однако находившиеся во Львове польские вооруженные формирования уже 1 ноября оказали сопротивление украинской власти. В городе завязались бои. С утверждением польской государственности Варшава объявила мобилизацию. Польские части заняли населенную преимущественно украинцами Холмщину, начали наступление на Волынь, прибыли подкрепления и в Галицию. 11 ноября поляки овладели Перемышлем, 21 ноября – Львовом, учинив там жестокий еврейский погром.

Вопрос об объединении с гетманской Украиной возник еще в канун провозглашения ЗУНР, но остался тогда открытым. Западноукраинские политики, полагая, что послевоенный мир будет строиться по схеме Вильсона, ожидали безусловного международного признания выбора западных украинцев в пользу государственной самостоятельности, в то время как перспективы Большой Украины с гетманом во главе после краха австро-германского блока выглядели очень неопределенны.

Однако начало польско-украинской войны заставило лидеров ЗУНР все-таки искать поддержки Киева. Скоропадский обещал их посланцам вооружение, боеприпасы, обмундирование, денежные средства и продовольствие, а также полк настроенных против гетмана сечевых стрельцов, сформированный из бывших плленных галицийцев. Но обещанная помощь надолго задержалась, так как против самого Скоропадского назрело восстание, подготовленное Украинским национальным союзом (С.В. Петлюра, В.К. Винниченко и др.). Сечевые стрельцы отказались оставить Поднепровье, решив, что борьба против гетмана за Киев важнее защиты Львова.

Новая делегация ЗУНР прибыла в Киев в момент отречения Скоропадского от власти и 14 декабря подписала предварительное соглашение уже с представителями повстанцев. Сменившая гетмана Директория направила ЗУНР почти все обещанное ранее. Бывшие царские офицеры и генералы выехали в Восточную Галицию на высшие командные должности в Украинской галицийской армии (УГА), превратившейся в войне с поляками в серьезную боеспособную силу. После сдачи Львова органы власти ЗУНР переместились в Тернополь, а затем – в Станислав (ныне Ивано-Франковск), где 3 января 1919 г. сессия Украинской национальной рады одобрила предварительный договор об объединении украинских государств.

22 января 1919 г. в Киеве состоялось провозглашение соборного государства, сохранившего название Украинская народная республика. ЗУНР, став официально Западной областью УНР, до предполагаемого созыва Учредительного собрания сохраняла самостоятельность действий и свою уже сформировавшуюся систему власти, оберегаемую от характерной для того времени социальной радикализации. Когда образованный на классовой основе Рабоче-крестьянский союз в конце марта потребовал пополнить Украинскую национальную раду 61 своим представителем, лидерам украинской галицийской социал-демократии удалось предотвратить этот, по их мнению, революционный шаг. Дело ограничилось принятием в апреле 1919 г. закона о земле, предусматривавшего после окончания войны национализацию помещичьих и церковных владений и распределение наделов через государственный земельный фонд по установленным властями ценам. Этому, как и назначенным на июнь 1919 г. выборам в сейм, не суждено было состояться.

УГА не удалось отвоевать Львов, но, опираясь на горячую поддержку населения, она контролировала всю остальную территорию Восточной Галиции. Миссии западных держав предлагали украинцам уступить часть этой территории Польше, в том числе главный

экономический ресурс региона Бориславско-Дрогобычский нефтяной район, интересовавший не только поляков, но и Запад.

Международные посредники чаще всего действовали в пользу Польши – французские политики были заинтересованы в ее укреплении в качестве противовеса Германии на востоке. Неоднократное прекращение огня во время переговоров позволяло полякам подтянуть свежие силы. В марте военное счастье стало склоняться на их сторону, и, чтобы поставить Мирную конференцию в Париже перед свершившимся фактом, Варшава взяла курс на захват всей Восточной Галиции. Вслед за предпринятым в апреле крупномасштабным наступлением польские представители отклонили очередной вариант раздела Восточной Галиции, предложенный специальной комиссией Мирной конференции и принятый западноукраинской делегацией.

14 мая, после того как командующий УГА бывший полковник российской армии М.В. Омельянович-Павленко сообщил в Варшаву о прекращении военных действий для заключения перемирия, польские войска, основательно усиленные армией генерала Ю. Галлера (переправлена в Польшу из Франции с обязательством не участвовать в войне за Восточную Галицию), начали наступление по всему фронту, значительно потеснив УГА в Галиции и армию УНР на Волыни и в Подолии. С юга для установления польско-румынской границы вторглась румынская армия.

При этом лидеры мирной конференции в Париже слабо реагировали на действия поляков. Британский премьер еще упоминал о необходимости перемирия, французский же и итальянский представители под предлогом недопущения Красной Армии в Восточную Галицию фактически поощряли поляков к окончательной ее оккупации. В конце концов идеологические мотивы и соображения политической стратегии, а также определенные материальные интересы побудили лидеров западной демократии фактически отказать украинцам бывшей Австро-Венгрии в праве на самоопределение, хотя руководство ЗУНР в начале мая получило из вновь занятого большевиками Киева официальное заверение, что “рабоче-крестьянское правительство Украины отказывается от всяких военных операций на территории Восточно-Галицийской республики” при соблюдении взаимности.

25 июня высший орган конференции Совет четырех “уполномочил вооруженные силы Польской Республики продолжать свои операции вплоть до реки Збруч”, что окончательно развязало руки польскому командованию. 15 июля УГА, лишенная пополнения боеприпасов, вынуждена была оставить Восточную Галицию и до осени 1919 г. совместно с войсками Директории действовала против Красной Армии на Украине.

В ноябре 1919 г. западные лидеры предложили Варшаве мандат на управление Восточной Галицией в течение 25 лет, отклоненный польским правительством, желавшим окончательного ее присоединения, что и было санкционировано Конференцией послов великих держав в марте 1923 г.

Ю.А. Лабынцев

Особая судьба у западных белорусов, лишенных в составе Второй Речи Посполитой какого бы то ни было административно-территориального образования и в то же время испытывавших в становлении своего национального самосознания огромное влияние фактора существования БССР.

Границы проживания белорусского этноса, которые, собственно, и клались в основу границ будущего белорусского государства, были достаточно точно определены Е.Ф. Карским. В отношении западной границы, в какой-то степени, учитывались прежняя пограничная черта между Великим княжеством Литовским и Польским королевством, а также недавнее административное деление Российской империи.

Деятели БНР в созданных ею комиссиях международных дел и стратегической достаточно детально разрабатывали вопрос о государственной границе, что нашло отражение в текстовых ее описаниях и на специальных картах. Западная граница БНР почти совпадала с границей, определенной в декабре 1918 г., накануне первого съезда большевиков Белоруссии, который вынес решение о провозглашении Западной коммуны “самостоятельной Советской Республикой Белоруссии”.

Впрочем, существовал и ряд различий в подходах к западной границе. Едва ли не самое значительное из них – невключение в последнем случае в белорусскую территорию Вильны и ее окрестностей. Виленская проблема в дальнейшем приобретает все большую международную остроту, становясь предметом нескончаемых споров и конфликтов. В конце 1918 г. делегация БНР во главе с А. Цвикевичем, обращаясь к правительству “Австрии как... Великой славянской монархии” с просьбой о признании “самостоятельности Белорусской республики”, отмечала: “На западе мы стоим за охрану всей территории Белоруссии там, где раздается белорусский язык, с городом Вильной – нашей древней столицей... Вильно было не только нашей столицей, но воинственным центром и центром белорусского движения”.

Подписанный при посредничестве представителей Лиги Наций Сувалкский договор 1920 г. между Польшей и Литвой оставил Виленщину за последней, однако уже через день польской стороной был предпринят военный шаг к срыву подобной демаркации, подготовка к которому, по свидетельству начавшего тогда

активно сотрудничать с польскими властями Б. Тарашкевича, велась и определенной частью белорусской национальной элиты. В результате Виленщина и значительная часть северо-западной Гродненщины составили территорию нового государственного образования Центральная Литва (*Litwa Środkowa*), официально закрепленного в начале 1922 г. после всевозможных дипломатических и политических манипуляций за Польшей. Среди руководства Центральной Литвы оказалось и несколько видных белорусских политиков. В условиях остройшей внутриполитической борьбы силами белорусских активистов были предприняты попытки создания собственной школьной сети, развернута работа по упрочению белорусских национально-культурных ориентиров как среди виленской интеллигенции, так и некоторой части сельских жителей.

Рижский мирный договор 1921 г., после заключения которого, собственно, и можно говорить о Западной Белоруссии как таковой, установил границу, существенно отличавшуюся от “линии Керзона”. Деятели БНР и УНР восприняли данный акт как политический приговор своим республикам. Солидаризируясь с литовским правительством “в борьбе против польского империализма”, руководство БНР объявило Рижский мир “империалистическим миром, прочность которого обратно пропорциональна национальному самосознанию народных масс Белоруссии и всех угнетенных народностей”. Непризнанная делегация БНР в Риге делала попытки противодействовать разделу Белоруссии, подчеркивая, “что отдача Западной части Белоруссии произошла в результате войны, навязанной Польшею, и что границу между Белоруссией и Польшею должны установить обе эти стороны мирным путем”.

Согласно Рижскому договору, “лица русской, украинской и белорусской национальности в Польше” должны были иметь широкие права, обеспечивающие им свободное развитие культуры, языка и религиозных убеждений. Однако уже опыт Центральной Литвы предвещал, что в действительности будет настойчиво осуществляться политика национального угнетения. Весьма показательна в этой связи динамика ликвидации белорусских школ, число которых через несколько лет уменьшилось на порядок, а к 1939 г. их практически не осталось вовсе. На “*kresach wschodnich*” (именно так в межвоенной Польше официально именовалась Западная Белоруссия и часть Западной Украины) с каждым годом все активнее подавлялись любые проявления белорусской национальной жизни. В итоге польские власти инспирировали массовое недовольство местного западнобелорусского населения, все чаще с нескрываемой надеждой смотревшего на восток. Тематика эта

в СССР освещалась в прокоммунистическо-апологетическом ключе, а в Польше ее исследованию стали уделять внимание лишь в самые последние годы.

Согласно различным переписям, в межвоенной Польше насчитывалось около 2 млн белорусов, но это лишь очень приблизительные цифры. Многие сотни тысяч людей в Западной Белоруссии обладали в ту пору своеобразным локальным самосознанием, самую значительную группу среди них составляли так называемые “тутейшие” (“местные”). Наряду с этническими группами полесского региона, белорусско-украинского, белорусско-польского, белорусско-литовского пограничья, их присутствие необычайно усложняло этнический ландшафт восточной части Второй Речи Посполитой. Свыше 90% белорусов занимались крестьянским трудом, причем практически все они были мелкими собственниками. Белорусов-рабочих в городах (наибольшая их концентрация отмечалась в Белостоке) было всего лишь несколько процентов. Согласно переписи 1931 г., в Вильно, фактической столице тогдашней Западной Белоруссии, проживало всего около 2 тысяч белорусов.

Усиливавшаяся полонизация, экономические проблемы, временами приводившие к массовому голоду и вооруженным выступлениям в Западной Белоруссии, постоянно ставили белорусов перед необходимостью самоорганизации. Западнобелорусская политическая жизнь была достаточно многообразной и изменчивой, однако главнейший ее постулат сводился к единению народа. Существование БССР, активно проводимая там белорусизация, экономические успехи СССР, не прекращавшаяся коммунистическая агитация извне в значительной мере определяли характер западнобелорусского национального движения. Огромная часть западных белорусов в течение ряда лет находилась в глубине России в качестве беженцев и вернулась на родину только к началу 20-х годов. В условиях нового государственного режима, делавшего их людьми второго сорта, они чувствовали себя чужими. Польская государственная пропаганда в отношении восточного соседа, антироссийская и антисоветская, воспринималась западными белорусами в основном весьма негативно и способствовала усилению их прокоммунистической ориентации.

Как пишет современный польский историк белорусского происхождения Е. Миронович, “каждый деятель, который оспаривал тогдашнюю польскую действительность, мог рассчитывать на поддержку белорусов. В двадцатые годы белорусскому эмигрантскому правительству в Ковно очень легко удалось организовать антипольское подполье на территории Белостокщины и Гродненщины. Многочисленные документы свидетельствуют, что люди

тогда даже не очень интересовались тем, под какими лозунгами им предлагаю бороться с польским государством, важнейшей для них была сама борьба. В середине двадцатых годов почти все оппозиционное движение перешло под контроль коммунистов, деятельность которых принимала временами характер активности религиозной секты. Пророссийскость бывших беженцев стала постоянными элементом их политического мышления. Хотя они понимали разницу между царской Россией и Советским Союзом, однако одну и вторую форму государственности воспринимали как альтернативу неприемлемой Польше. Идея независимой Белоруссии жила только в сознании деятелей некоммунистических организаций, но они не имели большого влияния на белорусское население”.

Успех строительства БССР, куда бежали тысячи западных белорусов, преимущественно молодежь, повлиял и на эмигрантское правительство БНР во главе с А. Цвикевичем, которое в октябре 1925 г. в Берлине объявляет о прекращении своей деятельности “в осознании того, что власть крестьян и рабочих, упроченная в Минске – столице Советской Белоруссии, стремится возродить белорусский народ культурно, экономически и государственно, что Советская Беларусь является единственной реальной силой, которая может освободить Западную Беларусь от польского ига”. Минск признается лидерами БНР “единственным центром национально-государственного возрождения Беларуси”.

Чувство национально-культурного единства западных и восточных белорусов явилось одной из фундаментальных нациообразующих основ, и его укреплению в значительной степени способствовало именно их разделение. Почти все белорусские партии и общественные организации во Второй Речи Посполитой в качестве своей главнейшей цели провозглашали объединение белорусских территорий, что совпадало с народными чаяниями по обе стороны границы. Однако реальный путь объединения смогла предложить только Коммунистическая партия Западной Белоруссии (КПЗБ) и контролируемые ей организации, в том числе массовая Громада.

Сейчас становится все более очевидным, что процессы в Западной Белоруссии в огромной степени управлялись с Востока. В БССР возникает целая сеть различных государственных организаций, связанных с работой в направлении Западной Белоруссии, в том числе сугубо научные подразделения типа Комиссии по изучению Западной Белоруссии при Президиуме АН БССР. В 30-е годы, несмотря на изменение политической ситуации в БССР, в Западной Белоруссии во многом сохраняются прежние надежды. Этому способствуют и польские государственные власти, на-

чавшие новый виток всевозможных репрессий против национальных меньшинств, представителей элит которых даже отправляют в специально для этого созданный концлагерь в Полесье Береза Картузская. Как пишет польский исследователь Е. Томашевский, “польские власти пытались приостановить развитие белорусского национального самосознания и принуждали белорусов к полонизации”.

М.Ю. Досталь: Мне довелось изучать отчет Е.Ф. Карского о поездке в Западную Белоруссию и на Западную Украину. Он отмечал, что, по сравнению с восточными, западные белорусы живут очень зажиточно, причем за это свое наблюдение ученый поплатился: его обвинили в непатриотичности. Думается, что экономический фактор должен также приниматься во внимание при сопоставлениях. Можно ли говорить о том, что западные белорусы были более расположены к вхождению в Советскую Белоруссию, чем жители Галичины и Закарпатья в УССР?

Ю.А. Лабынцев: Не следует думать, что крестьянство было однородным. Как в Западной, так и в Восточной Белоруссии имелись крестьяне, обладавшие достаточным капиталом. Я говорил о крестьянской массе, девяноста процентах. Если при изучении движения не учитывать динамику его социальной базы, придется ограничиваться немногочисленными элитами. Без обращения к крестьянскому материку мы в изучении процессов нациотворения далеко не продвинемся.

А.К. Кавко: Раздел этот на западных и восточных белорусов и поныне сохранился, хотя он не столь рельефен, как до 1939 г. Ностальгия по польским временам переходит из поколения в поколение. Надо различать начало 20-х годов с разрухой и нищетой и последующий период – в общем-то политика Польского государства в этом регионе не вела к обнищанию. Отсюда массовое выселение в 1939–1940-х гг. зажиточного, середняцкого крестьянства.

Ю.А. Лабынцев: Если говорить о Западной Белоруссии, не учитывая беженского опыта в России и опыта возвращения в новые условия на родину, непонятно, почему без особой коммунистической агитации вдруг за коммунистами пошли в массовом порядке крестьяне. Из среды бывших беженцев вышли многие деятели белорусского движения.

Л.Е. Горизонтов: Влияла ли традиция ЗУНР на межвоенную ситуацию в Галичине?

И.В. Михутина: Отчаяние западных украинцев в связи с гибелью ЗУНР, присоединением ее территории к Польше и невыполнением той обязательств в отношении автономного статуса края имело тяжкие последствия: радикализацию украинского нацио-

нального движения, сильное развитие экстремистского крыла, практиковавшего террор, идейно и политически ориентированного на государства, в которых утвердился фашизм.

Л.Е. Горизонтов: Мы подошли к обсуждению национальной политики на украинских и белорусских землях, судьбе государственной идеи в 20-е – начале 30-х годов XX в. Сегодня будет возможность специально рассмотреть ситуацию на Советской Украине и в Советской Белоруссии, в вошедших в состав Польского государства Волыни, Галичине и Западной Белоруссии, а также в чехословакском в то время Закарпатье.

Е.Ю. Борисенок

Предпринятое большевиками после их прихода к власти, социалистическое национальное строительство имело определяющее значение для последующего этнополитического развития. Именно в это время были заложены многие элементы тех конфликтов, которые привели к распаду Советского Союза, да и сам распад произошел по тем границам, которые прочертили большевики в 20-е годы.

Как известно, главным лозунгом большевистской партии в области национального вопроса было требование “права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства”. Это общедемократическое требование, сформулированное еще на II съезде РСДРП в 1903 г., являлось важным тактическим шагом большевиков, в немалой степени определившим их успехи во внутриполитической борьбе. При этом самоопределение рассматривалось Лениным как вынужденная мера и предпосылка для последующего перехода к централизованному унитарному государству: “Мы стоим за право на отделение ввиду черносотенного великорусского национализма, который так испоганил дело национального сожительства, что иногда больше связи получается после отделения!! Право на самоопределение есть исключение из нашей общей посылки централизма...” Право на самоопределение служило преодолению угнетения меньшинств и соединению классовых целей большевиков с национальными движениями. Так, еще в резолюции Апрельской конференции 1917 г. указывалось на необходимость рассматривать право наций на отделение с точки зрения интересов классовой борьбы пролетариата, а в январе 1918 г. на III съезде Советов И.В. Сталин уже говорил не о самоопределении наций вообще, а о самоопределении трудовых масс данной нации: “Принцип самоопределения должен быть средством борьбы за социализм и должен быть подчинен принципам социализма”. Это положение было в дальнейшем дополнено тезисом о невозможности изолированного существования отдельных советских республик.

Эволюция важнейшего лозунга большевиков свидетельствует, с одной стороны, о большом потенциале национализма после падения самодержавного режима, а с другой – о желании большевиков сохранить геополитическое единство бывшей империи в новых условиях. Практическое решение вопроса об отделении тех или иных наций ориентировалось на удержание народов в общем государстве, а возникшие советские республики рассматривались лишь как переходный этап на пути к образованию такого государства.

Первые шаги в этом направлении делались уже осенью 1919 г., о чем свидетельствуют материалы заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 21 ноября. Касаясь государственного статуса УССР, Ленин настаивал не только на тесной федерации ее с РСФСР, но и на полном слиянии республик в недалеком будущем. Об этом свидетельствует предлагавшийся им проект резолюции: “До созыва украинского съезда Советов Украина и Россия федерируются на основе резолюции ВЦИК и постановления Политбюро от 1.VI.19 г. и., в то же время партийным путем ведется осторожная подготовка планов слияния Украины и России”.

Однако сложившаяся на Украине политическая ситуация не позволила привести ленинский план в исполнение. Создание независимых на словах и полунезависимых на деле правительств в различных регионах страны обнаружило невозможность сохранения единого государственного пространства. Национал-сепаратистское движение на Украине, особенно в западной ее части, в годы революции было настолько велико, что не позволяло большевикам его игнорировать. Положение осложнялось тем, что Украина никогда до 1917 г. не составляла единого и обособленного политического организма, а попеременно и разными своими частями входила в состав соседних государств, что увеличивало роль внешнеполитического фактора в решении украинского вопроса. Кроме того, напряженная социальная ситуация в этом регионе требовала от большевиков принятия осторожных и взвешенных решений.

Между тем единства среди большевиков на Украине не было. В 1917–1920 гг. Г.Л. Пятаков, А.С. Бубнов, К. Радек, придерживавшиеся “левых” убеждений, считали необходимым бороться против немцев за мировую революцию. “Большевики-украинцы” Н.А. Скрыпник и В.П. Затонский стремились к революции на Украине. Наконец, контролировавшим Донбасс “правым” во главе с И.А. Яковлевым был, по оценкам того времени, присущ “великорусский национализм”. Если первые две группировки добивались относительной независимости Украины, то последняя выступала против нее и даже создала в начале 1918 г. на Донбассе собственную республику, состоявшую в тесном контакте с Москвой.

В этих условиях “украинский вопрос” требовал от сторонников Ленина постоянного и неусыпного контроля. Ленинская позиция основывалась на необходимости сохранения Украины как “плацдарма социализма”, нейтрализации буржуазного влияния на крестьянство и придания советской власти на Украине национальной окраски.

Признавая неизбежность самостоятельного существования Украины, 6 января 1919 г. большевики провозгласили ее социалистической советской республикой. Требовалось очертить государство в пространственном отношении. Как известно, западная граница УССР была определена в ходе российско-польской войны 1920 г., вопрос же о границах Украины с другими советскими республиками стал предметом рассмотрения в 1919 г. 10 марта украинский Совнарком утвердил “Договор о границах с Российской Социалистической Советской Республикой”, по которому фактически государственными признавались административные границы девяти бывших губерний (Киевская, Херсонская, Подольская, Волынская, Харьковская, Полтавская, Черниговская, Екатеринославская и Таврическая). В следующем году в состав Украины вошел также так называемый Донецкий округ.

Провозгласив при создании СССР принцип национально-территориального устройства государства, центральная власть должна была создать и соответствующую систему управления в республиках, реализовать которую на практике была призвана провозглашенная в 1923 г. политика “коренизации”.

Украинизация – одна из региональных версий “коренизации” – явилась ярким воплощением советской политики национального строительства. Направления украинизации соответствовали четырем основным признакам в сталинском определении нации: общность территории, языка, экономической жизни и психического склада, находившая отражение в особенностях национальной культуры.

Максимально подогнать границы УССР, очерченные в 1919–1921 гг., к этническим границам (по заключению российского этнолога С.В. Чешко, Сталин этнанизировал нацию) должно было особое территориальное урегулирование 1924–1926 гг. Передача части российской территории (южных частей Курской, Брянской и Воронежской губерний) Украине стала возможной благодаря торжеству национального принципа в территориальном устройстве государства.

Изменив статус украинского языка, украинизация создала условия как для образования единого литературного языка, так и для овладения подавляющим большинством населения УССР письменным украинским. На украинском проводилась ликвида-

ция неграмотности, на нем же основывалась снизу доверху система обучения – от начальной школы до высшей. На украинский язык переводились произведения русской и зарубежной классики, выросли количество и тираж украиноязычных периодических изданий. Интенсивно шел процесс становления украинской литературы и искусства.

“Коренизация” должна была выравнить экономический и социальный уровень наций. Решалась эта задача путем индустриализации и формирования “национальных отрядов рабочего класса”. Раскрывая принципы советской коренизации, Сталин в 1923 г. обращал внимание на фактическое экономическое неравенство союзных республик и настаивал на том, чтобы в них “были устроены очаги промышленности”. На Украине основное внимание уделялось Донецко-Днепровскому угольно-металлургическому комплексу, имевшему первостепенное значение для промышленности всего Союза: в начале 30-х годов там производилось 70% общесоюзной добычи угля, железной руды и выработки чугуна и 63% производства стали. Темпы экономического роста на Украине весьма высоки, к 1940 г. промышленное производство там выросло в 7,3 раза по сравнению с показателями 1913 г. На фоне индустриального скачка украинизация привела к изменению этносоциального облика населения Украины. Если перепись 1926 г. в УССР показала низкий процент украинцев среди рабочего класса и служащих (урбанизация украинского населения достигала всего 11%), то к концу 30-х годов положение в корне изменилось: численность украинцев среди рабочих достигла 66,1%, служащих – 56%.

Культурная революция растила национальную советскую интеллигенцию. Предполагалось использовать старые кадры, доказавшие свое лояльное отношение к власти, и воспитывать новое поколение украинских ученых, писателей, художников. Ярким представителем первой группы был М.С. Грушевский, вернувшийся из эмиграции в 1924 г. и активно работавший в Украинской Академии Наук. Молодое же поколение украинской интеллигенции (Н. Хвылевой, А.С. Курбас, М.Л. Бойчук, Г.И. Нарбут) пользовалось патронатом наиболее активной в плане проведения украинизации национально ориентированной части коммунистов. Большинство из этих коммунистов являлись выходцами из небольшевистских партий (А.Я. Шумский, Г.Ф. Гринько, В. Блакитный и др.), причем до поры до времени на их неблагонадежное политическое прошлое в Москве смотрели сквозь пальцы.

Имея в виду усиление национальных моментов в партийном и государственном строительстве, украинизация способствовала выдвижению местных национальных кадров на руководящую работу,

перевод деятельности аппарата на использование украинского языка. Если в 1920 г. численность украинцев среди коммунистов достигала всего 20,1%, то к 1940 г. украинцы составляли уже 63% членов КП(б)У. В ходе украинизации была заложена основа для формирования этнической, прежде всего партийно-политической, республиканской элиты. Национальная принадлежность стала одним из условий успешной карьеры. Складывалась национал-бюрократия, фактически монополизировавшая право на формирование низшего и среднего звена республиканского аппарата управления.

Однако украинизацию нельзя воспринимать упрощенно, как некое поступательное движение. Проводившаяся административными методами, она зависела от расстановки сил как в ЦК КП(б)У, так и ЦК РКП(б). Кроме того, она периодически подвергалась “корректировке” в зависимости от того, с каким уклоном боролись в тот или иной момент – с “украинским национализмом” или “великодержавным шовинизмом”. На течение украинизации оказывала серьезное воздействие и все усилившаяся в стране централизация. Учитывая эти моменты, следует согласиться, что слова Скрыпника о “двойной бухгалтерии” Москвы в национальном вопросе были вполне обоснованы.

Итак, политика большевиков существенно изменила облик Украины и в социальном, и в культурном, и в экономическом планах. Сознательно противопоставляя политику украинизации национальной политике царского правительства на Украине, большевики способствовали созданию прочной базы для развития украинской культуры, что объективно приводило к вытеснению культуры русской. Успехи украинизации были налицо, она самым существенным образом повлияла на ход становления украинской нации. Однако уже в начале 30-х годов изменения в курсе правящей партии, связанные с усилением централизаторских тенденций, привели сначала к формализации, а затем и к сворачиванию украинизации.

О.А. Остапчук

Социолингвистический термин “языковая ситуация” определяет, какие языки или формы одного языка функционируют в конкретный период времени в определенном обществе, каков характер их распределения по сферам употребления и формам коммуникации (общение устное и письменное, официальное и неформальное). При описании языковой ситуации учитывается также отношение к ней тех, кто участвует в ее формировании.

Для всех украинских земель, оказавшихся в составе СССР, Польши, Румынии, Чехословакии, языковая ситуация не была монолингвальной. Длительное существование украинских земель в рамках имперских образований с присущей им языковой политикой, закрепленный официально низкий лингвистический статус

украинского языка привели к распространению в практике употребления и языковом сознании модели билингвального и трилингвального языкового поведения с тенденцией к строгому распределению языков по сферам.

Наиболее неблагоприятной в этом смысле была ситуация в Российской империи, где долгое время действовали формальные ограничения на употребление “малороссийского наречия”, оставлявшие украинскому языку преимущественно сферу неофициального повседневного общения в низших социальных слоях при доминировании русского языка во всех прочих функциях и сферах общения. Даже формальное объявление “малороссийского наречия” самостоятельным языком на волне революции 1905–1907 гг. не означало значительного повышения его статуса ни в элитарных, ни в более широких кругах. В 1905 г. насчитывалось семь периодических украинских изданий, в 1906 г. – 32, в 1907 г. – 11, в 1908 г. – 9, в 1911 – 14.

Несколько иной видится языковая ситуация в Австро-Венгрии, где украинский язык допускался в сферу публичной коммуникации, активно использовался в общественной полемике и прессе (хотя и здесь максимальное число периодических изданий (59 в 1911 г.) в 1914 г. сократилось до 16 наименований). Присутствовал он и в сфере образования, однако украинской была лишь начальная школа. Социальная база украинского языка оставалась довольно ограниченной ввиду распространения польско-украинского и украинско-венгерского билингвизма во всех высших коммуникативных функциях.

Описанная ситуация не могла не оказывать влияния на характер внутриязыкового развития. Украинский литературный стандарт на базе живого разговорного языка, создаваемый с начала XIX в. в литературных произведениях и закрепляемый в грамматиках и словарях, в силу тенденции к этнографизму существовал в нескольких довольно сильно отличавшихся вариантах, среди которых наиболее авторитетными были “киевский” и “галицкий”, названные так довольно условно, поскольку из-за отсутствия общепринятых норм фиксация диалектных и узко региональных форм оставалась повсеместным явлением. Огромным успехом в деле кодификации новых литературных норм стало издание в 1907–1909 гг. под редакцией Б. Гринченко словаря, занявшего промежуточное место между переводным и толковым словарем. Однако в целом отсутствие единых норм языка, закрепленных в грамматиках и словарях, региональная вариативность украинского и затруднительность консенсуса в среде интеллигенции относительно допустимости в общелитературном языке локальных (в первую очередь, галицких) черт, неразработанность целого ря-

да пластов языка (научной терминологии, а в ряде регионов разговорного стандарта) исключали возможность его реальной конкуренции с русским, польским и венгерским языками.

Помимо кодификации народно-разговорного языка Среднего Поднепровья, продолжалась реализация других проектов литературного языка для украинцев. В рассматриваемый период из сферы культурной коммуникации не исключены ни “язычие”, представлявшее собой попытку совмещения принципов формирования литературного языка на книжной и разговорной основах, ни другие языки (русский, польский, венгерский, немецкий), ни языки на более узкой диалектной основе (например, язык части украинцев Подкарпатской Руси).

Толчком к качественному изменению языковой ситуации послужили политические события и усиление роли национального фактора. Сдвиги фиксируются почти сразу после Февральской революции. В 1917 г. количество периодических изданий на украинском языке вырастает до 106, а через год их уже 218, правда, это число к 1922 г. уменьшается до 43 (динамика в бывших австрийских владениях иная – рост с 21 в 1917 до 68 в 1922 г.). Однако сравнение этих показателей со статистикой русскоязычных изданий, дающее преобладание русскоязычной периодики в 1917 г. почти в 7 раз, в 1919 всего в 1,5 и в 1922 г. вновь более чем в 5 раз, показывает, что общая динамика и модель функционирования языков меняются мало. Такое положение дел наблюдалось и в системе образования: в 1921 г. 63% начальных, в основном сельских, школ были украинскими, высшая же школа оставалась почти полностью русскоязычной.

Принципиально важно то, что окончательно оформляются языковые преференции: главным становится создание единого стандарта литературного языка на базе центральноукраинских говоров с учетом галицкой культурно-литературной практики. Впрочем, уровень кодификации литературных норм в первые послереволюционные годы продолжал быть довольно невысоким. За 1920–1924 гг. издается всего 13 грамматик и 15 словарей, что следует признать в сложившейся ситуации явно недостаточным. Таким образом, к началу украинизации сохранилась модель русско-украинского билингвизма с тенденцией к диглоссии при довольно низкой престижности и ограниченной социальной базе украинского языка.

Политика украинизации стала самым масштабным языковым экспериментом, продемонстрировав возможности активного воздействия на языковые процессы, причем как внешние, связанные с функционированием языков, так и внутренние, затрагивающие глубинные основы языка. Принято выделять три этапа языковой политики. На первом происходит определение целей и задач, что

находит выражение в выработке государственной концепции этнополитики и языковой политики, призванной изменить языковую ситуацию как ее составляющую. Вторым этапом выступает подготовка к осуществлению поставленных целей, принятие регламентирующих правовых документов. Именно тогда властями принимаются решения по поводу сохранения, расширения или ограничения сфер использования того или иного языка. На заключительном этапе языковая политика воплощается в конкретных мерах, направленных на то, чтобы заставить или убедить население руководствоваться нововведениями. Говорящие могут принять последние полностью, частично или совсем их не принимать. Степень принятия государственных канонов позволяет оценивать эффективность и перспективность данной языковой политики.

Особенность советской политики украинизации состояла в предельном сокращении времени реализации первых двух этапов языковой политики, а также в ее масштабности и радикальности. Тесная привязка к идеологической составляющей (внедрение социалистической идеи в национальных формах) предопределила судьбу украинизации: смена политического курса привела к свертыванию мер по изменению принципов функционирования языков.

К 1924 г. политически декларированное равенство языков приобретает форму государственной поддержки "национальных" языков в сфере публичной коммуникации, вылившейся в комплекс мер, главным образом административного характера, по нарождению украинского языка в государственном аппарате и использованию его в культурной жизни в широком смысле. Практические меры украинизации сводились к переводу на украинский язык делопроизводства, начальной школы, прессы, книгоиздания, а также к дерусификации крупных городов. Все это непосредственным образом повлияло на соотношение языков в коммуникативной сфере, что демонстрирует приводимая таблица (скобки в ней обозначают ограниченное функционирование языка):

	Украинский язык	Русский язык
Официально-деловая сфера	+	(+)
Политический дискурс	+	+
Армия	-	+
Народное хозяйство	(+)	+
Образование, наука	+	(+)
Культура	+	(+)
Церковь	+	(+)
Периодическая печать	+	+
Неофициальное общение	+	+

Расширилось число пассивных и активных носителей украинского языка среди русскоязычного населения, изменилось и ролевое соотношение языков. По крайней мере в официальной сфере и публичном общении происходило выравнивание статусов языков, хотя социальная и территориальная неоднородность языкового континуума не позволила реализовать эту тенденцию до конца: украинский язык остался по преимуществу языком села и интеллигенции центральных регионов. Сыграл свою роль и психологический фактор отторжения, поскольку присущий украинизации элемент искусственности и насильственности (чиновники госаппарата обязаны были сдать экзамен на знание языка, в вузы принимали только тех, кто владел украинским) не мог не вызвать враждебного к ней отношения и не способствовал появлению внутренней мотивации к овладению украинским языком. Ситуация в повседневном неформальном общении, которая является наиболее объективным показателем динамики языковых процессов, изменилась незначительно. Украинский язык функционировал преимущественно в письменной форме коммуникации, в то время как в устном общении он не всегда мог составить реальную конкуренцию русскому языку.

В языковом сознании не удалось преодолеть стереотипов, связанных с традиционной низкой престижностью украинского языка. Показательна в этом отношении крайне отрицательная реакция М. Горького на предложение перевести его роман “Мать” на украинский язык: “Мне кажется, что перевод этой повести на украинское наречие... не нужен. Меня удивляет тот факт, что... не только утверждают различие наречий – стремятся сделать наречие языком – но еще и угнетают тех великороссов, которые оказались в меньшинстве на территории данного наречия”.

Противоречивые результаты “внешнего” аспекта украинизаторской языковой политики предопределили быстроту ее свертывания в 30-е годы. Отказ от украинизации означал постепенный возврат к модели диглоссии: русский получал престиж во всех сферах коммуникации, являясь языком высокой культуры, науки, образования, пропаганды, а также языком повседневного общения в городах. Украинский язык, не утрачивая своих репрезентативных функций (на украинском оформлялись вывески в учреждениях, в стенах которых говорили преимущественно по-русски, или печати, которые ставились под написанными на русском документах), сохранялся преимущественно в сфере художественной литературы и гуманитарных наук, прежде всего филологической и исторической, а также был языком повседневного общения в сельской местности.

Весьма внушительными оказались результаты целенаправленного воздействия на внутриязыковые процессы, вылившиеся в усилия по кодификации литературных норм. К крупнейшим новациям в этой сфере следует отнести разработку единой системы орфографии, принятой после бурного обсуждения на Правописной конференции в 1927 г. То, что предпочтение отдавалось компромиссному варианту орфографии, сочетавшему киевскую и галицкую литературные традиции (главным образом это касалось передачи *л* и *ль*, *г* и *г'* в заимствованных словах), означало признание западной диалектной базы в качестве равноправной составляющей при создании языкового стандарта (хотя, как верно замечает Ю. Шевелев, провозглашенные орфографические правила были нереализуемыми на практике).

Характерной чертой внутрисистемного развития украинского языка являлась открытая пурристская тенденция, которая выражалась в активном словотворчестве на базе исконных элементов, освоенных заимствований и актуализации архаизмов. Особенно ярко этот аспект языковой политики проявился в деятельности республиканской Академии наук (в первую очередь, открытого в 1921 г. Института украинского научного языка), направленной на разработку научной терминологии и создание специальных словарей. В ходе этой работы особо обсуждалась возможность и целесообразность заимствования терминологии, необходимость максимального использования собственных ресурсов языка. В рассматриваемый период были заложены научные основы современной украинской лексикографии, а число изданных тогда терминологических словарей достигло полусотни.

Свертывание политики украинизации означало не только репрессии против конкретных участников языкового процесса, но и прекращение словарной работы, изменение источника заимствований, сокращение диалектной базы и числа галицизмов, отказ от пуризма, неологизмов и архаизмов, запрет ряда орфографических норм. Однако достигнутый в годы украинизации уровень кодификации украинского языка позволил и дальше развивать его литературный стандарт, пусть в существенно сокращенной коммуникативной среде и не на всей языковой территории.

М.А. Робинсон

Обретение украинцами и белорусами различных форм национальной государственности после 1917 г., окончательно утвердившейся в виде советских республик, появление национальной украинской и белорусской политики в области культуры и науки не могли оставить равнодушными представителей русской науки, и прежде всего славистов.

Представление о единстве всех ветвей русского народа было общим научным и политическим убеждением, разделявшимся в русской научной среде как консервативными, так и либеральными ее представители. А.А. Шахматов воспринял события новой "Смуты" как осуществление худших своих предчувствий и даже крушение либеральных убеждений. Летом 1917 г. он писал А.Ф. Кони: "Как и Вы, я с особенным ужасом останавливаюсь перед предательством украинцев во главе с Грушевским. Это самый тяжелый удар по России, ... Наши социалисты, а в числе них даже Керенский, попали на удочку Грушевского и одобрили то, что им, как государственникам, должно было претить". "Пропала Россия! – вот мой малодушный вывод, – писал он, упоминая об украинском вопросе, другому корреспонденту. – И как ужасен вывод этот для нас, которые в перемене правительственной системы видели и искали спасения России".

С полным пониманием и сочувствием относился Шахматов к деятельности В.И. Вернадского, первого президента созданной на Украине Академии наук, который выступал против разрыва с русской академической наукой и представлял Академию как "объединение украинцев, работающих в украинском возрождении, но любящих русскую культуру, для них тоже родную". "Мне это единство (восточных славян. – *M.P.*), – откликался Шахматов, – было всегда дороже всего, так как за его разрушением я вижу гибель для великороссов и рабское состояние для малоруссов". Очень живо Шахматов реагировал на информацию об антирусских настроениях, проявлявшихся в разных областях общественной жизни Украины, находя им объяснение в отношении к большевизму. В 1919 г. Шахматов предполагал расширить Отделение русского языка и словесности, в частности за счет украинско-белорусской этнографии, малороссийского языка и литературы.

Свой отказ в 1928 г. быть избранным в действительные члены Украинской АН Г.А. Ильинский, чья позиция в украинском вопросе была "ни в коем случае не левее взглядов на этот счет А.А. Шахматова", объяснял, не оставляя сомнений в своем отношении к направлению научной жизни на Украине: "Мое положение там было бы крайне фальшивое. Я – чистейший великорус, практически украинским языком не владею и – главное, – несмотря на тяжкие испытания последних лет, свято продолжаю верить в великое будущее общерус[ского] литер[атурного] языка не только в вост[очно]-славянском мире, но и во всем прочем. Мое пребывание в Киеве было бы поистине похмелем в чужом пиру!"

В то же время наличие специалистов по украинскому языку и словесности объяснялось многолетней деятельностью киевского Семинария академика В.Н. Перетца, ученики которого (в их чис-

ле И.И. Огиенко) были вхожи в украинские круги. После некоторых колебаний Перетц принял избрание в ВУАН и стал ревностным сторонником взаимодействия и сотрудничества Российской Академии с украинской. Иная кадровая ситуация сложилась в области преподавания истории, а также в других городах, например, в университетском Харькове.

В русле украинизации и вытеснения русского образования еще до окончательного утверждения советской власти возникали радикальные проекты, грозившие подорвать традиции университетского образования. Важнейшим политическим мероприятием государственных образований явилось введение национальных языков в сферу культуры и науки. Правила Украинской академии наук требовали публикации ее материалов только на украинском языке, что усложняло работу многих исследователей, искавших возможность опубликовать свои работы на Украине. Некоторые из них, в силу языкового и психологического барьера, отказывались от работы на Украине, как это было с преподававшим в Харькове Д.К. Зелениным, который в середине 1920-х годов перебрался в Россию. В письме Соболевскому он сообщал, что “в Харькове украинцы, чтобы убрать меня с крупных должностей, обвиняли меня в газетах в антимарксизме”.

Также живший в Харькове академик В.П. Бузескул жаловался Б.М. Ляпунову летом 1925 г.: «Опять, говорят, происходит ломка программ в ИНО (Институт народного образования. – М.Р.); историю еще больше калечат, сокращают, русскую соединяют с всеобщей (XIX и нач. XX в.) и т[ому] под[обное], украинизация за последние 2 месяца заметно усилилась в ведомстве “просвіти”. Поговаривают уже о том, что вскоре и лекции должны будто бы читаться на украинском языке... Когда приходишь в “Наркоматы”, слышишь усиленное употребление украинского, вернее – галицкого наречия». “В Академии царит украинство, – сообщал Бузескул позднее, – но я читал свои доклады, конечно, на русском языке]. Работа в Академии – по изучению Украины с разных сторон – ведется энергично, живо, с любовью к делу. Самый же город Киев производит теперь впечатление города русского, – более русского, чем Москва или Харьков”.

Заметим, что особое внимание к украинскому языку, его преподаванию и изучению, имело неожиданно положительные последствия в преподавании других славянских языков. Кстати, А.И. Томсон, отличавшийся до 1917 г. весьма консервативными политическими взглядами, но все более профессионально занимавшийся украинистикой, со временем вполне прижился на новой Украине (в Одессе). “Думаю, – писал он своим русским коллегам, – что окончу здесь свои дни в качестве украинского батька”.

К началу 1930-х годов, когда “новое учение о языке” Марра было объявлено марксистским языкоznанием, только возможность преподавания украинского языка некоторое время удерживала Томсона от выхода в отставку.

Ученые, активно работавшие в обеих академиях, имели возможность сравнивать положение своей науки в их стенах; в этой связи отмечалось особое внимание УАН к гуманитарным наукам, без сомнения, вызванное интересом к истории и культуре Украины. Не сумев опубликовать свой труд в России, Перетц согласился на его украинское издание («“Слово о полку Игоревім”. Пам’ятка феодальної України – Руси XII віку», 1926). При этом он сетовал на сужение круга читателей и несовершенный украинский перевод с чрезмерными, по его словам, “сентиментальностями” (“певнісінський, недавнечко”). «Я бы предпочел “галицкий”», – писал Перетц Сперанскому.

Также обращая в отзыве внимание на излишества уменьшительных форм, П.А. Лавров считал иначе: “Лучше бы им держаться большей к нашему близости”. Прошло менее двух лет, и обстоятельства заставили самого Лаврова опубликовать в украинском переводе свой труд “Кирило та Методій в давньослов’янській письменності”. Характерно, что и Перетц, и Лавров мечтали о русскоязычном переиздании своих трудов, но этого не произошло.

Несмотря на весьма настороженное отношение русских ученых-славистов к процессам украинизации, они шли на сотрудничество с УАН и, признавая за некоторыми ее членами серьезные научные заслуги, выдвигали их на академических выборах в АН СССР. Так, деятельность М.С. Грушевского после его возвращения из эмиграции была встречена вполне доброжелательно. Со своей стороны, Грушевский приглашал к сотрудничеству многих ученых Ленинграда и Москвы. В русской академической элите почти сразу же возникла идея включить ученого в состав АН СССР в качестве члена-корреспондента, а в 1929 г. он был избран ее действительным членом. За кандидатуру Грушевского хлопотали, в частности, С.Ф. Платонов и Е.Ф. Карский.

В дальнейшей весьма активной деятельности Грушевского стали все больше заметны нетерпимость, склонность к конфликтам и проявления национализма. Тем не менее, когда в конце 20-х – начале 30-х годов на Украине развернулось искоренение национально ориентированной интеллигенции, русские ученые с искренним сочувствием отнеслись к гонимым украинским коллегам. Среди последних оказался и Грушевский, “который переселился на время в Москву, спасаясь от начавшейся в Киеве травли”, как писал об этом Г.А. Ильинский. Он был принят в общест-

во московских славистов, стал постоянным посетителем открытых понедельников у Сперанского. Время усилившегося идеологического и административного преследования академической науки сближало всех так или иначе пострадавших от властей членов научного сообщества, независимо от их научных и идейных разногласий, в том числе также национальных предпочтений.

С.В. Ольховский

В контексте нашего обсуждения заслуживает внимания национальная политика межвоенной Польши на Волыни. К моменту обретения независимости в Польше имелись две основные концепции решения национального вопроса. Социалисты и Ю. Пилсудский выступали за восстановление в этнографических границах польского государства, связанного федеративными узами с Литвой и Белоруссией, а в перспективе также с Украиной. Судьбу федерации, в соответствии с принципом права наций на самоопределение, должно было решить свободное волеизъявление народов. Эндеция во главе с Р. Дмовским выступала за безусловный приоритет польской нации как единственного хозяина государства, ускорение процесса ассимиляции, борьбу не только с сепаратистами, но и с меньшинствами как таковыми. Эндеки исходили из того, что в Польше нет единой проблемы национальных меньшинств, но имеется несколько национальных вопросов, каждый из которых должен решаться отдельно и специфическими методами.

В период до 1926 г. политический курс, направленный на ослабление роли меньшинств и усиление польского характера государства, проводило лишь сформированное в мае 1923 г. правоцентристское правительство В. Витоса. Стремление к компромиссу обнаруживал внепарламентский кабинет В. Грабского, допускавший уступки лояльным Польше национальным меньшинствам, но при этом считавший своей главной целью национальную ассимиляцию восточных воеводств.

Майский переворот 1926 г. открыл новый этап в политической истории страны. Не выработав единой модели национальной политики, пилсудчики выступали за государственную ассимиляцию: гарантировали меньшинствам национальное развитие, но при непременном условии их лояльности и ответственности за судьбу государства. Реализация варшавских концепций неизбежно сталкивалась с реалиями восточных воеводств, сильно различавшихся по уровню национального самосознания населения. Местная администрация нередко была вынуждена корректировать указания правительства с учетом своих реальных возможностей воздействия на население.

Создание польской администрации на Волыни, в основном завершившееся к концу 1922 г., столкнулось с серьезными трудно-

стями. Прекращение военных действий осенью 1920 г. не привело к общественно-политической стабилизации, так как местные украинцы недружелюбно отнеслись к новой власти и зачастую брались за оружие. Угроза польским учреждениям, переселенцам и имениям была вполне реальна даже в 1925 г. Ситуация изменилась лишь после создания сети застав Корпуса охраны пограничья. Принимая во внимание, что с 1921 по 1926 г. на Волыни сменились семь воевод, проводивших различную политику, говорить о какой-то преемственности власти не приходится.

Местные польские помещики, которые на заре независимости приложили максимум усилий для присоединения Волыни к Польше, быстро разочаровались в проводимой Варшавой политике и отказались от участия в администрации. Ведущие посты заняли люди, прибывшие извне, а сама администрация не пользовалась поддержкой ни одной из влиятельных местных общественных групп. Ситуация усугубилась тем, что большинство чиновников, прибывших на Волынь, не понимали специфики региона и не знали украинского языка.

Хотя более 80% жителей воеводства составляли неполяки, административный аппарат практически полностью был польским. Для представителей иных национальностей оставались недоступными управленческие должности на железнодорожном транспорте и в связи, в школах преподавали около 1300 поляков и лишь 800 православных. Местная интеллигенция была представлена служащими дореволюционной администрации, в основном русскими и поляками, оставшимися на Волыни после распада Российской империи. Подавляющая часть населения жила в традиционных сельских обществах и имела весьма ограниченные контакты с внешним миром.

Используя права, предоставленные национальным меньшинствам Конституцией 1921 г., на выборах 1922 г. в Сейм и Сенат волынские украинцы в составе Блока национальных меньшинств завоевали 12 депутатских и пять сенаторских мандатов и развернули деятельность по созданию сети украинских культурных, общественных и политических организаций.

Необходимым условием для возможно более полной интеграции Волыни в состав Польши считалось повышение уровня просвещения, так как школа была единственным институтом, способным познакомить местное население с государственным языком и убедить в выгодах польского гражданства. Созданное в 1922 г. Управление учебного округа приняло под свою опеку 658 школ, из них 395 польских и 233 украинские. В 1923/1924 учебном году действовало уже 1086 государственных начальных школ (672 польских и 289 украинских).

Принятие в 1924 г. закона о языке, согласно которому язык обучения в школе определялся опросом родителей, стало предлогом для ликвидации украинских школ. В июне 1925 г. воевода А. Дембский, один из лидеров эндекции, высказался за замену украинских школ двуязычными, что и было реализовано – вскоре количество чисто украинских школ сократилось до семи, да и двуязычность нередко находилась под вопросом.

После майского переворота 1926 г. кадровая стабилизация привела к значительному улучшению работы управленаческого аппарата. Дембского на воеводском посту заменил Владислав Мех, выступавший за изоляцию украинцев от политиков, не способных помочь решению проблем Волыни, слияние последней с Польшей путем реализации экономических и культурных требований украинцев. Одним из ярких жестов воеводы явилось введение 28 июля 1927 г. в государственных гимназиях Волыни украинского языка как обязательного предмета обучения, что вызвало значительные волнения среди части польского населения и армии. Достижением Меха было установление контактов с умеренными украинскими силами, готовыми сотрудничать с государственной администрацией: Украинской народной партией и Партией украинского народного единства. Впрочем, к 1927 г. названные организации сходят с политической сцены.

Одновременно проводилось пресечение любых форм сепаратизма, в связи с чем главными противниками администрация считала нелегальные Коммунистическую партию Западной Украины и Организацию украинских националистов (ОУН). Первый крупный политический процесс закончился в феврале 1927 г.: 124 человека, обвиненные в подготовке восстания, были осуждены на длительные сроки заключения.

Больше всего критики в адрес Меха вызвали проведенные в 1927 г. первые выборы в органы самоуправления всех уровней, победу на которых одержали украинские группировки, в том числе прокоммунистический Сель-Роб. Военные, чей авторитет на Волыни после 1926 г. был особенно высок, обвиняли администрацию в пассивности во время избирательной кампании и безразличии к нуждам местной польской общественности.

На парламентских выборах 1928 г. политически лояльные украинцы избирались по спискам Беспартийного блока сотрудничества с правительством. Мех выступил за ограничение их доступа в парламент, но Варшава высказалась за соблюдение равных возможностей. Присутствие умеренных украинских политиков в Сейме произвело большое впечатление на население Волыни. Украинские делегаты применяли тактику “да, но”, поддерживая

все инициативы польского правительства с непременным напоминанием о проблемах украинцев.

Вероятной причиной отставки Меха принято считать негативное отношение к его деятельности значительной части поляков Волыни, в среде которых было сильно влияние национальных демократов. Хотя более вероятно, что Мех, по замыслу Варшавы, уже выполнил свою задачу, установив контакты с умеренными украинскими кругами и, тем самым, создав фундамент для дальнейшей реализации правительственной концепции.

9 июля 1928 г. на Волынь прибыл новый воевода Хенрик Юзевский – давний сотрудник и доверенное лицо Пилсудского. Стратегической целью Юзевский считал образование самостоятельного украинского государства со столицей в Киеве, политика которого строилась бы на основе соглашения Пилсудского с С. Петлюрой. Польско-украинский союз 1920 г. закреплял за Польшей Галицию и Волынь в обмен на польскую помощь в создании украинского государства на восточных землях (сам Юзевский при Петлюре занимал пост заместителя министра внутренних дел). Волыни в планах Юзевского предстояло стать центром подготовки украинцев, которые при удачной международной конъюнктуре смогли бы сыграть решающую роль в строительстве независимого государства на территории Советской Украины. Соответственно, Волынь рассматривалась как регион, в котором польско-украинские отношения должны основываться на принципах широкого сотрудничества.

На конференции восточных воевод, которая состоялась в Луцке в декабре 1929 г., Юзевский заявил, что недопустимо рассматривать украинское население Волыни как национально неразвитую массу, его самоопределение неизбежно, и потому попытка ликвидации национального движения обречена на поражение. Необходимо привить украинскому движению дружественное отношение к полякам и к идеи федерации. Для достижения этой цели воевода предложил целый комплекс мер, известный как “волынский эксперимент”: усиление участия государства в жизни Волыни, улучшение работы администрации, формирование у чиновников доброжелательного отношения к украинцам, укрепление начал самоуправления, создание условий для лояльной Польше украинской интеллигенции, стоящей на позициях идеи 1920 г., при одновременной ликвидации политических структур, поддерживаемых Москвой и Берлином, пресечение деятельности на Волыни всех галицийских украинских организаций (“сокальский барьер”), убеждение волынских поляков в полезности идеи федерации и сотрудничества с украинцами, создание сети национально смешанных общественных, культурных, хозяйственных и полити-

ческих организаций, содействие расширению связей Волыни с остальной Польшей для ознакомления украинцев с ценностями польской культуры и западной цивилизации, привлечение в регион инвестиций. Основу для формирования местной украинской интеллигенции воевода видел в широком включении украинцев в работу административных структур, прежде всего органов самоуправления.

Важнейшим условием успеха “волынского эксперимента” считалось создание настроенное на сотрудничество с администрацией мощной украинской партии. В полном соответствии с данной концепцией, Волынское украинское объединение (ВУО) провозгласило себя единственным политическим представительством украинцев Волыни, пропагандировало польско-украинский союз и сотрудничество, создавало сеть украинских просветительных организаций, способствовало развитию украинской школы, а также добивалось ускоренного реформирования аграрного сектора. Крупнейшим успехом ВУО следует признать украинаизацию православной церкви на Волыни, приведшую к отказу от использования русского языка в богослужении и смене части клира. Воспринимаемое как группа зависимых от воеводы политиков, ВУО столкнулось с враждебностью всех украинских партий и неприязнью со стороны поляков. ВУО не стало массовой организацией.

В определенной степени это объясняется тем, что значительная часть украинцев была недовольна политикой Юзевского, его нежеланием предоставить Волыни статус национально-культурной автономии, а также попытками продолжить инициированную еще в начале 20-х годов военную колонизацию воеводства. Хотя вместо запланированных 40 тысяч польских семей на Волыни осели только порядка 8 тысяч, их компактное расселение на наиболее плодородных землях вызвало сильное недовольство украинского населения.

Одновременно многие действия Юзевского с самого начала были негативно восприняты местными поляками, считавшими, что постоянные уступки украинцам лишь разжигают их аппетиты, способствуют ускорению развития их национального самосознания и неизбежно приведут к борьбе за национальную независимость, как это произошло в Галиции. Военные круги и польская общественность Волыни не оставляли попыток добиться от Варшавы отставки экспериментатора, но вплоть до смерти Пилсудского позиция Юзевского оставалась незыблевой. Лишь после фактического перехода власти в стране к верхушке армии, “волынский эксперимент” завершился в марте 1938 г. переводом Юзевского в Лодзь.

Во второй половине 30-х годов власти стали поддерживать изоляцию польского общества от национальных меньшинств, отошли от конституционных гарантii их политических прав, нарушили принцип религиозного нейтралитета. Лагерь национального единства отказался от концепции государственной консолидации в пользу идеи консолидации национальной, в правящих военных кругах взял верх курс на полную ассимиляцию меньшинств либо их изгнание из страны.

В русле победившей в Варшаве программы “усиления польского элемента на Востоке” проводились насильственная “реполонизация” (перевод в католичество) части украинского населения, передача католической церкви православных храмов, жесткое подчинение польской администрации всех национальных украинских организаций. Из управлеченческих структур всех уровней были уволены или ушли в отставку многие сотрудники Юзевского. Проводившаяся при активном участии армии вплоть до начала второй мировой войны полонизация способствовала резкому обострению польско-украинских отношений в регионе и, в конечном итоге, явилась одной из главных причин вооруженного польско-украинского конфликта на Волыни в 1941–1944 гг.

К.К. Федевич

Украинский вопрос в межвоенной Польше неоднократно выходил за региональные рамки, как это было в процессе инкорпорации Восточной Галиции в состав Польши в начале 20-х годов, во время массовых поджогов украинцами польских имений, пакификаций и рассмотрения украинских жалоб на репрессии польских властей в Лиге наций в 1930–1932 гг., предвыборного компромисса правительственные силы с частью галицийских украинских политиков в 1935 г., чехословацкого кризиса 1938–1939 гг. и принятия мер по усилению обороноспособности пограничных территорий накануне второй мировой войны.

Политическая элита межвоенной Польши не питала никаких иллюзий по поводу возможности отказа галицийских украинцев от принадлежности Восточной Галиции к будущему украинскому государству. Поэтому главными гарантами сохранения контроля над регионом служили постоянное присутствие крупных воинских соединений и разветвленный аппарат полицейского надзора.

Многослойность и неоднородность политики в отношении украинцев Галиции определялась позициями отдельных ведомств или политических группировок. Так, министерство по вопросам религии и общественного образования не видело ничего дурного в том, что греко-католическая церковь зачастую расходовала крупные государственные субсидии не на собственно церковные нужды, а на поддержание культурных, образовательных, хозяйств-

венных и политических организаций украинцев. Однако подобной практикой было недовольно МВД, считавшее косвенное государственное субсидирование украинского движения неприемлемым. Военное министерство добилось подчинения государственному контролю украинской спортивной юношеской организации “Луг”, активность которой вызывала серьезные опасения части военных и полицейского аппарата в Галиции, что не было лишенено оснований: в ее ряды активно проникали члены ОУН, занятые подготовкой кадров будущей украинской армии.

Политику силовых ведомств в отношении украинского национального движения в Восточной Галиции, а именно они зачастую определяли как основную стратегическую линию, так и набор средств ее реализации, можно оценивать как сочетание жестких действий репрессивного характера в отношении любых радикальных проявлений украинской политической активности и достаточно либерального курса в отношении легальных и внешне лояльных польскому государству политических, культурных и экономических украинских начинаний. В подобной двойственности польской национальной политики в Галиции прослеживается явное влияние австрийских традиций государственного управления. Ограничения в равной мере коснулись деятельности как украинских, так и польских легальных оппозиционных партий.

Допуская более или менее свободное развитие украинских хозяйственных и культурных организаций, гражданские власти ограничивали их доступ к государственному субсидированию, крайне необходимому в условиях всеобщей нехватки капиталов. Надо отметить, что межвоенная Польша, за исключением инвестиций в инфраструктуру общегосударственного значения и поддержания польского национального меньшинства, была мало заинтересована в привлечении дополнительных финансовых ресурсов в Восточную Галицию из-за ее пограничного и аграрного характера. Ситуацию на Виленщине, где преобладало польское сельское население, следует признать значительно хуже восточногалицкой.

Не допускались изменения в административном устройстве Восточной Галиции, которые могли бы стать шагами на пути к украинской государственной независимости или национальной автономии, как это было в случае создания препятствий для пропорционального представительства украинцев в органах местного самоуправления и недопущения украинского национального университета в Галиции.

Вместе с тем уже в начале 20-х годов власти Польши отказались от полонизации галицких русин с украинской идентичностью. Помимо интересов государственной безопасности, приори-

тетом стали меры по политической ассимиляции украинцев. Значительная роль в этом отводилась министерству религиозных дел и общественного образования. Можно провести аналогию между политикой Польши по переводу украиноязычных школ на смешанное преподавание на украинском и польском языках (утраквизм) и обязательным обучением русскому в Советском Союзе как языку межнационального общения. Министерство образования последовательно отказывало в поддержке украинским частным гимназиям и совместно с МВД периодически их закрывало под предлогом проникновения туда агитаторов ОУН.

Отдельным аспектом политики Польши в Галиции на протяжении всего межвоенного периода было стремление полонизировать такие конфессиональные и социально-этнические группы, как говорящие по-русински католики, польскоязычные греко-католики и “шляхта загродова”, дабы тем самым увеличить польское присутствие в регионе. В разных частях Восточной Галиции 20–40% сельского населения по-прежнему считало себя “тутейшими”, католиками, греко-католиками и т.д., но не украинцами и не поляками.

Особую группу среди галичан составляли приверженцы москофильства, общерусского единства. Органы государственной власти на местах стремились использовать их для раскола украинского общества, но никогда не заходили так далеко, чтобы сделать из москофильского движения серьезного игрока на политической арене. Дальше органов местного самоуправления москофилы не допускались. Русский выбор галицийских русин был для польских стратегов гораздо менее приемлемым, чем украинский.

В литературе распространено мнение, что москофильского движения в 1920–1930-е годы практически не существовало, так как оно было подавлено в ходе австрийских репрессий во время Первой мировой войны и политически сошло на нет в пору польско-украинской войны 1918–1919 гг. Анализ источников межвоенного периода показывает, что москофильские настроения продолжали сохраняться у значительной части галицийского крестьянства, особенно в местах, где действовали многочисленные греко-католические священники-москофилы. Решающий удар по москофилам нанесла большевистская политика украинизации, вследствие которой они теряли главную для них стратегическую цель присоединения галичан к большому русскому народу.

Во многих случаях полонизаторские усилия властей носили скорее пропагандистский характер, будучи призваны прежде всего воздействовать на польское общественное мнение, и лишь готовили почву для дальнейших более активных действий. Особен-

но это справедливо в отношении удаленных от крупных городов сельских областей с неграмотным в массе своей населением. Для успеха там полонизации необходимы были серьезные инвестиции в местную экономику, образование и коммуникации, способные разрушить традиционный уклад жизни. Чаще всего дело ограничивалось созданием препон для деятельности украинских агитаторов и поддержкой антиукраински настроенных греко-католических священников-московофилов. Из-за автономных прав греко-католической церкви не могли осуществляться намерения властей поставить под государственный контроль образование греко-католических священников или готовить священников-поляков для работы в среде польскоязычных греко-католиков.

С гораздо большим ожесточением протекала борьба “за души” в местностях, где уже получили широкое распространение идеи украинского и польского национализма, действовали национально ориентированные культурные и хозяйствственные организации.

Проводя смешанную репрессивно-либеральную политику, польские власти в конечном счете объективно способствовали дальнейшему развитию украинского национального движения и националистической идеологии современного типа, обеспечили рамочные условия для создания экономических, культурных, общественных и нелегальных военизованных украинских структур.

В 1939 г. советскими гражданами стали несколько миллионов галицийских украинцев, которые в течение всего межвоенного периода воспитывались в духе приверженности украинскому национальному движению и самостоятельно создали многие общественные структуры, характерные для национальной автономии, которой они так и не получили от Польши. С утверждением в регионе советской власти, стоявшей на позиции принадлежности местного восточнославянского населения к украинскому народу, сходит на нет московофильтро. Окончательное решение вопроса о “тутейшем” населении Галиции произошло только после окончания второй мировой войны в результате массовых переселений поляков и украинцев.

Л.Л. Щавинская

Проблемы нациостроительства и создания белорусского национального государства в доктринах и практической работе белорусских партий межвоенной Польши принадлежат к числу малоизученных. Они тесно связаны с весьма сложным вопросом восприятия в Западной Белоруссии БССР и проводимой в последней белорусизации.

По размаху деятельности, практическим результатам решения поставленных задач в сфере формирования нации, значимости идеологического наследия главное место среди таких партий

принадлежит Белорусской христианской демократии, просуществовавшей с 1917 по 1940 г. и ставшей фактически антиподом Коммунистической партии Западной Белоруссии (КПЗБ), на изучении которой фокусировались советские историки.

Изначально основой христианско-демократического движения (хадеции) повсеместно явились католические общественно-политические доктрины, вырабатывавшиеся в конце XIX – начале XX в. и получившие свое отражение в ряде специальных папских энцикликов, которые почти сразу же нашли отклик в разворачивавшемся белорусском национальном движении. Белорусская христианская демократия долгое время оставалась организацией клерикальных элит, правда, с особенно сильным национальным акцентом. По характеру своей деятельности, целям, социально-политическим предпочтениям она значительно отличалась от польской хадеции, не приемля идей ассимиляции национальных меньшинств, антисемитизма, консерватизма в земельном вопросе.

Капитализм как система подвергался весьма резкой критике, прежде всего в отношении его эволюции и частной собственности. Было и еще одно существенное обстоятельство, влиявшее на деятельность партии все последующие годы – существование БССР. Приходилось признавать, что “белорусский народ на Востоке, под руководством коммунистов – невзирая на зависимость от Москвы и давление на свободу совести – сделал немало”, тогда как “белорусы в Польше ничего не получили от власти: ни школ, ни земли”.

Был и еще один, едва ли не главный пункт противоречий: белорусская христианская демократия последовательно высказывалась за создание собственного национального государства, за объединение своего народа, его культурное, экономическое и политическое развитие. Уже после Февральской революции белорусские христианские демократы указывали на необходимость “добиваться автономии в Российской федеративной демократической республике”. В принятой в 1920 г. первой программе говорилось уже об объединении белорусских земель в свете права народов на самоопределение. Тогда же один из главных деятелей белорусской христианской демократии ксендз В. Годлевский, входивший в Раду БНР, определил особую роль католицизма в деле национального возрождения белорусов, а другой ее лидер и основатель, ксендз А. Станкевич, ставший в 1922 г. польским парламентарием, провозглашал прямую связь социального учения католической церкви с необходимостью и возможностью становления белорусской национальной государственности.

В 1927 г. после значительного реформирования белорусской христианской демократии был зафиксирован постулат “независи-

ности белорусского народа на пространстве всех его земель, соединенных в единой демократической республике". Исходя из интересов белорусского малоземельного крестьянства, предлагались конкретные пути решения болезненного аграрного вопроса, делался шаг в сторону формирования партии как общенациональной, куда могли входить и более многочисленные, нежели белорусы-католики, православные. Белорусским христианским демократам удалось значительно расширить свое влияние, наладить издательскую деятельность, создать ряд новых общественных объединений, в их числе успешно работавший Белорусский институт хозяйства и культуры с отделениями практически во всех уголках Западной Белоруссии.

Не удивительно, что деятельность белорусской христианской демократии подверглась осуждению польского католического епископата, обвинившего партию в "религиозной индифферентности" и даже "большевизме". Это вызвало резкий протест белорусских католиков, поиск ими помощи в Ватикане, который не стал вмешиваться в конфликт.

К началу 30-х годов к руководству белорусской христианской демократии приходят светские лица, в том числе и православные. В ее программные документы вносится ряд серьезных поправок, в частности, положение о недопустимости использования религии в политических целях, "использования одной религии против другой". Продолжилась и остройшая политическая борьба с местными западнобелорусскими коммунистами, обвинявшими белорусских христианских демократов в социал-фашизме и предательстве.

В начале 30-х годов белорусским христианским демократам приходится остро реагировать на негативные процессы в БССР. "Стремясь к уничтожению в Восточной Беларуси белорусского народа как нации, – говорилось в одном из их обращений, – московская власть... выслала и далее высылает целые массы белорусского крестьянства в Сибирь и в другие далекие части России, а на их место на белорусских землях расселяет прибывших из центральной России". Вместе с тем белорусская хадеция не могла не учитывать новых моментов в жизни самого западнобелорусского общества, прежде всего его радикализацию.

Все это приводит к реформированию партии в 1936 г., изменению ее названия на Белорусское народное объединение. В партии происходит серьезный идеиный раскол. В. Годлевский образует новое движение – Белорусский народный фронт, ставший в жесткую оппозицию к Белорусскому народному объединению, которое теперь и со стороны вчерашних однопартийцев обвинялось в политической левизне и радикализме, подыгрывании советской пропаганде единого антифашистского блока.

Годлевский отходит от идеологии христианской демократии, отдавая дань сугубо национальной доктрине в духе наиболее последовательных вождей БНР, пытается образовать Белорусскую народно-радикальную партию, главной целью которой объявляется создание независимого белорусского государства. Впрочем, в этом пункте он вовсе не расходится с общей линией Белорусского народного объединения: А. Станкевич подчеркивал прямую связь политических идеалов белорусской “хадации” с “актом 25 марта 1918 года, который объявил Беларусь независимой суверенной державой”.

Особое внимание белорусская хадация продолжала уделять народной школе; взаимодействию с соседними народами, среди которых в качестве союзников по общей борьбе видела “прежде всего литовцев и украинцев”, часто называвшихся в партийных документах братьями. Она отстаивала необходимость теснейшей консолидации всех национальных сил в борьбе за “независимую Беларусь”. Особо остро стоявший в те годы вопрос о диктатуре напрямую увязывался со сценарием формирования собственной государственности, на пути к которой необходимо было бороться с любыми авторитарными проявлениями “капитализма, фашизма и коммунизма”.

Достаточно рано влившись в белорусское национальное движение, в условиях индифферентности белорусских крестьян-католиков, к которым, собственно, и были адресованы первые их политические обращения, христианские демократы прошли сложную эволюцию во взглядах на нациостроительство. Произошедший скачок в национальном развитии соседних народов, славянских и неславянских, вопреки ожиданиям, в белорусском случае оказался нереальным, стало ясно, что необходима еще достаточно долгая подготовительная работа. Огромное влияние на западных белорусов коммунистической идеологии вынуждало идти на некоторые компромиссы, но не меняло главного политического вектора. Эволюция, путь парламентской борьбы, а не революция – таков главный ответ белорусских христианских демократов на вызовы времени, в том числе и по отношению к белорусскому национальному вопросу, в решении которого они всегда претендовали на ведущую роль.

К важнейшим идейным заветам межвоенной Белорусской христианской демократии относится тезис о единении нации, разделенной в том числе и по конфессиональному признаку. Ни одна белорусская партия не сделала в данном направлении так много, как это удалось белорусской хадации, которая из конфессионально ориентированной национальной партии превратилась в общенародную. Этот пример уже на раннем этапе повлиял на

представителей большинства белорусского этноса, основавших Православное белорусское демократическое объединение во главе с сенатором В. Богдановичем, находившееся, особенно в период выборов, в тесном взаимодействии с Белорусской христианской демократией.

Выступая в целом отрицательно в отношении распространявшихся протестантских течений, преимущественно сектантского толка, белорусские христианские демократы вынуждены были вырабатывать позицию по поводу греко-католицизма и неоунии, которые сводили на нет их экуменические устремления. В этой связи А. Станкевич писал: “Белорусский народ, будучи раздвоен религиозно, духовно, должен искать единства, должен искать свой религиозный и национальный синтез. Формальное объединение в религиозной унии, как показывает прошлое и настоящее, фактически не соединяло, а еще более вводило в народ раскол и разделение”.

Испытывая постоянные преследования со стороны польского костела, белорусские христианские демократы вынашивали планы не только его белорусизации на территории Западной Белоруссии, но и формирования национальной высшей иерархии, на что позволял надеяться литовский пример. Польская сторона последовательно обвиняла белорусскую хадацию в “крайнем национализме”, порой “коммунизме” и “большевизме” и рассматривала как одну из враждебных польскому государству сил, руководители которой, в конце концов, оказались заключенными в концлагерь Береза Картузская.

Понимая, какую исключительную роль в становлении национального самосознания молодых народов Европы играли религиозные объединения, обладавшие колossalным влиянием во всех общественных слоях, прежде всего в повсеместно преобладавшем крестьянстве, белорусские христианские демократы взяли на себя миссию будителей национальных начал. Они постепенно пришли к идеи общегородского экуменизма, на основе которой должно осуществиться единение белорусского народа с перспективой обретения им собственного национального государства.

Е.П. Серапионова

Обращаясь к закарпатским сюжетам, важно задаться вопросами, что представляла собой Угорская Русь в начале XX в., каким образом область вошла в состав Чехосlovakского государства в 1918 г., каково было ее положение в межвоенный период и как это соотносится с обретением закарпатскими украинцами (русинами) государственности.

Российский МИД в начале XX в. проявлял значительное внимание к славянским народностям, входившим в состав Австро-

Венгрии, в том числе и к “угро-россам” (населению Закарпатья, которое в Венгерском королевстве называлось Угорской Русью). В донесении российского генерального консула в Будапеште в 1908 г. читаем: “Русская народность известна в Венгрии, как и в Австрии (речь идет о галицких и буковинских русинах. – Е.С.), под именем русины (Rüthenen), но на самом деле последнее название дано им австрийцами и впоследствии было насилино привито к гражданской жизни официальной бюрократией, в детской надежде смешать этнографическое происхождение русских и русин. В действительности, венгерские русские суть просто наши малороссы из Подольской, Киевской и Волынской губерний, переселившиеся в Транслейтанию в два приема, в первый раз – еще при Арпаде, 1000 лет тому назад, когда венгерцы завоевали теперешнее их государство, пройдя предварительно через наши южные области, а во второй раз, так сказать, дополнительно – в конце XIV столетия”. В приведенной точке зрения различим романтический подход, характерный для русских историков славянофильского и неославянского направлений.

В тех комитатах, где русский язык сохранился “в полной чистоте”, он является собой “нечто среднее между великорусским и малорусским”. У “венгерских русских” “национальное сознание выражается исключительно принадлежностью к общей церкви и религии. Но тогда как у словаков, сербов и румын священнослужители и учителя являются одновременно политическими руководителями, у русских ничего подобного доселе не было... Среди здешних русских интеллигенции почти не существует, а если по исключению и попадаются интеллигенты, то они стараются поместиться в чиновники и глубоко закапывают в себя свое национальное чувство”. Последнее было связано с “беспощадным преследованием со стороны мадьяр всякого проявления национальности в русских, вплоть до их имени и названия”. Общий вывод далек от оптимизма: “Нынешнее состояние русских в Венгрии... беспросветно и, без сомнения, должно привести это племя к постепенному уничтожению с лица этнографической карты Европы”. Вместе с тем, как отмечал другой русский аналитик граф Бобринский, “у угро-россов стремление к православию гораздо сильнее, чем у галичан, ввиду насильственных попыток венгерских властей заменить церковно-славянские богослужения мадьярскими, каковой язык громадному большинству населения совершенно непонятен”.

Вопрос о государственной принадлежности Закарпатья, в течение многих веков входившего в Венгерское королевство и не составлявшего отдельной в административном отношении единицы, стал активно обсуждаться в годы первой мировой войны в

связи с планами будущего европейского устройства. Распад Австро-Венгрии перевел дискуссии из теоретической в практическую плоскость. Претендентов на область было много.

Россия обозначила свои претензии на Закарпатье в договоре с Румынией 1916 г. Позднее о желании включить в состав России "карпаторуссов" заявило правительство Колчака, опиравшееся в этом намерении на "Союз освобождения Прикарпатской Руси", созданный в августе 1918 г. в Челябинске из пленных выходцев из Закарпатья. Образованная накануне Парижской мирной конференции комиссия Военно-исторического и статистического комитета при Русском политическом совещании (РПС) в Париже также активно обсуждала границы государства Российского в надежде, что представители РПС будут приглашены участвовать в конференции. Так, выступая 22 ноября 1918 г. с докладом о границах с Австро-Венгрией, бывший товарищ министра иностранных дел А.А. Нератов заявил по поводу судьбы угро-россов: "Как русские они тяготеют к России, с которой и должны быть воссоединены. Как показал опыт войны и революции – оставление части русской территории в чужих руках угрожает целости России и является базой для всякого рода интриг, направленных против национального, культурного и политического единства русского народа". При этом подчеркивались позитивные для России геополитические последствия такого решения, в частности появление общей границы с Чехословакией, усиливающей влияние России в славянском мире.

Галицкие украинцы, ссылаясь на 14 пунктов Вильсона, также заявили свои претензии на Закарпатье и провозгласили ее 19 октября 1918 г. во временном декрете Украинской народной Рады частью своей национальной автономии. 13 ноября 1918 г. появился временный конституционный закон о Западноукраинской народной республике, которая вскоре объединилась с Большой Украиной. В изданном по этому поводу универсале говорилось: "Отныне соединились в одно целое столетиями оторванные друг от друга части единой Украины: Западноукраинская народная республика, то есть Восточная Галиция, Буковина и Угорская Русь, а также поднепровская Великая Украина". Основанием для такого заявления послужило собрание в Хусте 420 представителей общин Закарпатья, поддержавшее присоединение к Западноукраинской республике.

Не переставали считать Угорскую Русь своей территорией венгры. 10 декабря 1918 г. в Будапеште состоялось угорско-русское народное собрание с участием провенгерски настроенных представителей, которым была обещана автономия "Русской Краины" в рамках Венгрии. Венгерское правительство назначило

особого министра по делам этой новой административной единицы, и 21 декабря был издан закон, объединивший земли русинских комитатов в автономное целое под названием “Русская Крайна”, самостоятельно решавшее вопросы внутренней администрации и судопроизводства, вероисповедания, образования и культуры.

Будущий президент Чехословакии Т.Г. Масарик еще в конце 1914 г. высказывал мнение о том, что “включение в пределы чешского королевства некоторых русских меньшинств в этой (близ Ужгорода. – Е.С.) области было бы желательно, так как дало бы повод к провозглашению русского, конечно, литературного языка официальным в королевстве чешском, наравне с чешским, немецким и польским языками. В чешских министерствах возникли бы благодаря этому особые русские отделения”. Однако окончательно план включения Закарпатья в состав Чехословакии сложился, вероятно, много позднее. В телеграмме, посланной министру иностранных дел П.Н. Милюкову после Февральской революции, Масарик писал: “Возрожденная Россия создаст единую Польшу, подвластную свободной России, воссоединит с Россией галичан и угро-руссов, объединит сербов-хорватов со словенцами и освободит Чехию и Моравию”. Возможно, это был тактический маневр Масарика перед его поездкой в Россию с целью заручиться поддержкой правящих российских кругов в решении чехословацкого вопроса и формировании чехословацких легионов в России.

26 октября 1918 г. в Филадельфии Масарик подписал с представителем американских эмигрантов из Закарпатья Г. Жатковичем декларацию независимости среднеевропейских народов, которая гарантировала русинам в случае присоединения к Чехословацкой республике автономию и справедливые границы. В декабре 1918 г. американские эмигранты из Закарпатья организовали в Пенсильвании конгресс, на котором решались судьбы Закарпатья: из 1089 делегатов 732 высказались за его присоединение к Чехословацкой республике, 310 – за объединение с Украиной, 10 – с Россией, 9 – с Венгрией, 27 – за полную независимость. На основе результатов голосования принимается и передается главам держав-победительниц резолюция о присоединении Закарпатья к Чехословацкой республике на федеративной основе.

В самом Закарпатье существовало несколько политических направлений, соответствовавших проживавшим там этническим группам: лемки в Восточной Словакии, на левом берегу реки Уж и в западных областях современной Закарпатской Украины придерживались русофильского направления, гуцулы Мармароша склонялись к украинской ориентации, бойки были политически пассив-

ны, а их униатские священники и немногочисленная интеллигенция ориентировались на венгров. В конце 1918 г. в Пряшеве (Восточная Словакия) была создана Карпаторусская народная рада, и ее представитель А. Бессид отправился в Париж на мирную конференцию, где вместе с американскими представителями Закарпатья выступил за присоединение к Чехословакской республике.

Окончательное решение о судьбе Закарпатской области было принято 3 марта 1919 г. на Парижской мирной конференции и зафиксировано в 10–13-й статьях Сен-Жерменского договора от 10 сентября 1919 г. Область присоединялась к Чехословакии, которая брала на себя обязательство образовать на территории русин к югу от Карпат автономную единицу под названием Подкарпатская Русь, предоставив ей наибольшую степень самоуправления, совместимую с единством чехословацкого государства. Гарантировалось, в частности, создание особого сейма с законодательными правами во всех вопросах, касающихся языка, школы, религии, местного самоуправления. Назначаемый президентом государства губернатор автономии был ответственным перед русинским сеймом, а должностные лица, по возможности, набирались из числа жителей этой земли. Чехословакия гарантировала русинам справедливое представительство в законодательном собрании республики. Международные обязательства в отношении национальных меньшинств и Подкарпатской Руси были полностью отражены в конституции ЧСР 1920 г.

Однако в действительности декларированные обязательства не выполнялись. В направленном в Лигу Наций 10 апреля 1922 г. меморандуме от лица карпато-русинского народа высказывались претензии в адрес Праги: границы со Словакией установлены произвольно, обещанной автономии нет, существует цензура газет и писем, 99,5% чиновников – чехи или словаки, управление ведется централизованно из Праги, в языковом вопросе господствует хаос. Лигу наций просили назначить в Подкарпатскую Русь специальную комиссию. И десять лет спустя, в декабре 1932 г., центральные власти справедливо критиковались по поводу того, что обещанная автономия до сих пор не введена, русинские школы обеспечиваются недостаточно, правительство поддерживает в Подкарпатской Руси лишь одну, украинскую, ориентацию, “очешивает” край. Была даже создана особая комиссия Совета Лиги Наций, изучавшая положение дел в Подкарпатской Руси и заслушавшая разъяснения чехословацкого правительства, основным аргументом которого являлось отсутствие условий для введения автономии.

Автономия Подкарпатской Руси осуществилась лишь после Мюнхена, когда власть Праги предельно ослабла. Конституцион-

ный закон об автономии Подкарпатской Руси был принят 22 ноября 1938 г. одновременно с аналогичным законом в отношении Словакии. Таким образом, отвечая на вопросы, поставленные в начале выступления, можно констатировать, что обретение атрибутов государственности в форме автономии для жителей Подкарпатской Руси фактически последовало не в 1918, а только в 1938 г. Что же касается обретения собственной государственности, то ответ зависит от понимания другого остающегося открытых вопроса о национальной принадлежности большинства жителей Закарпатья. Если считать их украинцами, то данный процесс завершился лишь с распадом СССР и созданием независимого украинского государства, если русинами, то государственная независимость данным народом не обретена до сих пор.

М.Ю. Досталь

Остановлюсь подробнее на научной эмиграции как факторе формирования национальной идентичности восточнославянского населения Закарпатья.

Уже с середины XIX в. в Закарпатье велась ожесточенная борьба между сторонниками “народного” (русинского, затем украинского) и “традиционного” литературного языка (русифицированного церковно-славянского, а затем и великорусского языка). Представители обоих направлений считали себя истинными патриотами края, будучи уверенными, что только избранный ими путь приведет к успешному решению культурно-национальных проблем Закарпатья. Противостояние, условно говоря, “украинофильского” и “русофильского” (или “москофильского”) направлений в культурной и политической жизни региона продолжилось и после присоединения Подкарпатской Руси к ЧСР при деятельном участии представителей русской и украинской эмиграции.

После Октябрьской революции многие русские и украинские слависты, не принявшие большевизма, были вынуждены покинуть Россию. Немалая их часть обосновалась в Чехословакии, став профессорами Карлова университета в Праге (В.А. Францев, А.В. Флоровский, Д.И. Дорошенко), университета Яна Коменского в Братиславе (Е.Ю. Перфецкий, В.А. Погорелов) и членами издававшего в 30-е годы сборники “Carpathica” Славянского института в Праге. В столице ЧСР, сделавшейся крупнейшим славистическим центром Европы, под покровительством Масарика были основаны Русский народный (позднее свободный) университет, Русский педагогический институт им. Я.А. Коменского, Русское историческое общество, а также Украинский свободный университет, Украинский высший педагогический институт им. М. Драгоманова, Украинское историко-филологическое общество, в ко-

торых работали русские и украинские слависты, в том числе исследователи Закарпатья.

Интенсивному изучению Закарпатья во многом способствовала политика чехословацкого правительства. Русины реально ощутили улучшение своего экономического положения и положительно воспринимали демократические свободы межвоенной ЧСР. Неслучайно местное население до сих пор ностальгически вспоминает о времени вхождения Закарпатья в состав Чехословакии,

Чехословацкая администрация отождествляла русинов с малороссами-украинцами. У лингвистов Чешской Академии наук и искусств было даже заказано заключение по этой проблеме, подтвердившее диалектную связь языка подкарпатских русинов с украинским языком. Такое предпочтение не означало насильственной украинизации (субсидиями из президентского фонда поддерживались все национально-культурные направления), но оно болезненно воспринималось составлявшими явное большинство “русофилами”,

Результатом научного изучения региона стали специальные сборники (русофильский “Карпаторусский сборник”. Ужгород, 1930) и издания энциклопедического характера (“Подкарпатская Русь”. Прага, 1923; Братислава, 1936), включавшие статьи по истории, экономике, географии, истории письменности и литературы, религиозных течений и формирования политических партий, исследования об этнографических особенностях населения, его обычаях и фольклоре. К участию привлекались все лучшие специалисты по карпатоведению в ЧСР, придерживавшиеся подчас прямо противоположных взглядов. Чешские и словацкие ученые занимали нейтральную или проукраинскую позицию. В целом же в большинстве названных изданий, особенно в пражском, полнее была представлена украинофильская точка зрения.

Сторонники ориентации на великорусскую литературу объединились в 1923 г. в “Обществе им. А.В. Духновича” (председатель Е.И. Сабов), которое развернуло широкую культурно-просветительскую деятельность, имело ряд филиалов в крае, основывало читальни, народные дома, хоры, театральные кружки и т.п. Его активно поддерживали русские эмигранты, выступая в городах Подкарпатской Руси от имени Русского свободного университета с лекциями, печатаясь в издаваемом обществом журнале “Карпатский свет” (1923–1938). Русские ученые В.А. Францев, А.В. Флоровский, Д.Н. Вергун, В.А. Погорелов, Е.А. Недзельский, Ю.А. Яворский разделяли стремление членов “Общества им. А.В. Духновича” развивать литературу Закарпатья на русском литературном языке, утвердить его в периодической печати и системе школьного образо-

вания, для чего имелись более чем веские основания: по результатом проведенного в 1937 г. референдума 73% опрошенных высказались за употребление в школах русского языка.

Недовольство украинскими симпатиями властей нашло отражение в меморандуме общего собрания “Общества им. А.В. Духновича”, состоявшегося в Ужгороде 1 июня 1930 г. при участии русских эмигрантов. “С большим удивлением и возмущением, – говорилось в нем, – видим мы..., что после переворота 1919 г. эмигранты, украинские сепаратисты, перевели из Галиции на Подкарпатскую Русь новый, искусственно созданный украинский язык, который был политическими урядами введен против нашей воли и без нашего согласия на то в русские школы, причем и учебники, составленные на этом жаргоне, были одобрены правительством”. Требуя далее введения в закарпатских школах русского литературного языка и соответствующих учебников, а также “прекращения всякого рода украинизации”, авторы меморандума выразили свое кредо в отношении интерпретации деятельности закарпатских будителей: “Выступая в защиту русскости и русского языка, мы только придерживаемся вековой традиции карпаторусского народа, следуем примеру наших национальных вождей и будителей: Духновича, Добрянского, Фенцика, Сильвия, Раковского и Митрака, Ставровского-Попрадова и Павловича. Заявляем, что никогда не променяем наш русский язык на польско-украинский жаргон”. Надо заметить, что подходы к освещению феномена закарпатского национального возрождения у продолжавших дореволюционные традиции русских и украинских эмигрантов весьма показательны для общей оценки их позиции.

Русские ученые, сторонники идеи триединой Руси, стремились доказать, что “карпаторусская литература составляет часть русской литературы”, являясь ее областным вариантом (В.Н. Вергун). В.А. Францев полагал, что народный карпаторусский язык не должен быть кодифицирован в качестве литературного, ибо “является достойным забвения пережитком, в свое время, в силу особых условий, искусственно взращенным плодом, культивируемых одними лишь по слепой приверженности старине, другими – вследствие полной неосведомленности в истории развития литературных языков”.

Напротив, представители “украинофильского” направления, основавшие в 1920 г. культурно-просветительское общество “Просвита” (глава А. Волошин), при поддержке украинских эмигрантов из Галиции и Российской Украины (В. Бирчак, И. Панкевич, Е. Перфецкий и др.), стоя на позициях соборной Украины, заявляли, что “сейчас все ученые-исследователи без исключения считают, что русины являются частью украинского народа, и язык

подкарпатских русинов является одним из диалектов украинского языка", как писал Панкевич, издатель первого научного журнала в крае ("Науковий збірник товариства Просвіта", 1922–1938 гг.).

Украинофилы подчеркивали в деятельности закарпатских будителей стремление развивать местный народный (украинский, в их понимании) язык. Основная вина за переориентацию будителей на употребление русского языка инкриминировалась "агентам влияния" из России. Из всех многообразных культурных связей деятелей закарпатского национального возрождения украинофилами выдвигались на первый план не слишком интенсивные в действительности контакты с интеллигенцией Галиции и Буковины.

В определении конечного рубежа закарпатского национального возрождения украинофилы и русофилы обнаруживали единство, считая, что австро-венгерское дуалистическое соглашение 1867 г. открыло путь для последующей мадьяризации русин и постепенной ликвидации всех достижений национально-культурного движения в Закарпатье. Однако каждая из сторон обвиняла предшественников другой в том, что они, усугубляя "путаницу в языке", вели к расколу в рядах немногочисленной местной интеллигенции и тем самым способствовали мадьяризации.

Итак, разные позиции, отстаиваемые русскими и украинскими эмигрантами с опорой на местные силы, явно свидетельствовали об их стремлении формировать две противоборствующие модели национального развития и внешнеполитической ориентации региона.

* * *

Л.Е. Горизонтов: Историко-культурный блок завершает белорусские сюжеты. Нам предстоит вернуться к теме Купалы, проследив эволюцию взглядов писателя на материале послереволюционной эпохи.

A.K. Кавко

Привычный, непомерно лакированный портрет "советского" Купалы в настоящее время существенно корректируется недоступными ранее архивными источниками. Не будучи политиком, поэт не остался безучастным к тому, что принес с собой на белорусскую землю большевизм, и выразил его неприятие в стихотворениях 1918 г. "Кривда", "На завалинке", "Своему народу", "На сход!".

С не меньшей остротой переживает Купала события, нарушившие территориальную целостность Белоруссии – немецкую и польскую оккупации, ее расчленение по итогам Рижского договора: "Боже! Пришли нечестивцы в отчизну твою, / Дом опоганили, светлый твой дом; / ...Наши соседи безбожно предали нас..." ("На

библейские мотивы”, 1920; см. также “Белорусские сыны”, 1919; “Пчелы”, 1920; “25.III.1918–25.III.1920 (годовщина-поминки)”). Он обращается к соотечественникам: “Восстань же из народа, Богатырь, / Вновь возведи разрушенный посад” (“Восстань”, 1919).

В той же тональности выдержаны публицистические выступления Купалы (“Белорусский стяг воскрес!”, “Независимое государство и его народы”, “Белорусская армия”, “Дело независимости Беларуси за прошедший [1919] год” и др.), дающие историку уникальный источник о тех драматических коллизиях, которые осложняли государственное самоопределение белорусов на геополитическом перепутье, где веками соперничали между собой “Варшава панская и царская Москва”, готовые “утопить в ложке воды своей независимости” самостоятельность Белоруссии.

Невозможность самоопределения Белоруссии в национально-демократическом варианте, поборником чего выступал Купала, была предрешена не только крайне неблагоприятным стечением внешних обстоятельств, более чем скромным для этой цели оказался и потенциал белорусского движения: узость его социальной базы, недостаточное развитие белорусского самосознания, дефицит политической воли. Не случайно поэт также не жалел горьких (и целительных) слов укоризны по адресу соотечественников:

А кто-то, то ли дальний, то ли близкий,
Засел за наш за пиршественный стол
И свысока швыряет нам огрызки,
А мы благодарим, уставясь в пол.
Так нищая неволя душу съела,
Так высосала весь душевный сок,
Что и в глаза взглянуть и плонуть смело
Не в силах мы, втоптанные в песок.
Там слышно: “Беларусь!”, там:
                        “Суверенность!”
А тут: “Вставай проклятьем!..” Ну а мы?
Мы в страхе... Дум кружение...
                        Смятенность...
Зазря крылами плещем среди тьмы...
                        (“Перед будущностью”. 1922).

Это стихотворение Купалы почти целиком воспроизвел и соответствующим образом прокомментировал в своей записке в ЦК РКП(б) по итогам командировки в БССР в августе 1922 г. инструктор московского ЦК, в недалеком будущем первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии А.М. Асаткин-Владимирский. Он предостерег партийный центр от начавшегося в республике непомерно “нажимистого проведения белорусизации, уклона в сторону буржуазно-демократического национализма”.

Понятие “национал-уклонизма”, как видим, с первых лет советского строительства в Белоруссии накладывало свой отпечаток на официальную оценку белорусизации. БССР – успешный соперник БНР, и она же парадоксальным образом восприемник свойственной последней идеи государственной независимости – несла в себе в 20-е годы клубок противоречий, обусловленных противодействием двух политico-идеологических тенденций: прежней национально-демократической и господствующей интернационалистско-большевистской, административно-силовой по преимуществу. Сторонники первой из них – национально ориентированные деятели, считавшие возможным укрепление самостоятельности Белоруссии в рамках союзного договора, – в основном выходцы из Белорусской Социалистической Громады, Белорусской партии социалистов-революционеров, белорусских коммунистических секций при ЦК РКП(б), их ряды пополнялись за счет местной патриотически настроенной молодежи.

Купала оставался “знаменем национал-демократизма”. Освездомитель ГПУ так воспроизвел в 1926 г. сказанное поэтом: «Мы живем в Советской Беларуси, потому что нет другого места, куда можно было бы “притулиться”. Пока Беларусь разорвана на несколько кусков – вольной Беларусь нет, есть лишь Советская...» И далее: “Купала не сомневается, что эта Беларусь вскоре будет несколько иной”. А вот показания ученого секретаря Академии наук БССР В. Ластовского, данные им на следствии в августе 1930 г. по делу так называемого Союза освобождения Беларуси: “В общем, мне кажется, настроение Купалы... не рознилось от всего общего течения, а в разговоре с коммунистами был иногда дерзок. Он открыто порицал, что они ничего будто не делают, чтобы энергичнее проводилась белорусизация”.

Да, Купала принял советскую власть, хотя и не без душевной борьбы. Он приветствовал государственно-республиканское самоопределение своей родины в составе многонационального СССР (поэма “Безымянное”, ряд стихов, выступлений тех лет). Принял настолько, насколько эта власть способствовала или, по крайней мере, не препятствовала социально-политическому и национально-культурному пробуждению Белоруссии. Но он решительно отвергал все то, что противоречило коренным интересам белорусской государственности, развитию белорусской школы, культуры, науки и, особенно, белорусского языка (стихотворения “Цепей обломанных жандарм”; “Царские дары”; “Что б...” (“Каб...”); “Отщепенцам (западным)”).

Примечательно, что и А.И. Луцкевич, один из лидеров белорусского движения, премьер-министр БНР в 1919–1920 гг., впоследствии продолжавший свою, в основном научно-просветитель-

скую, деятельность в Западной Белоруссии, в начале 20-х с надеждой взирал на первые шаги становления национальной государственности в БССР. “В Восточной Беларуси, – считал он, – пусть неполно и односторонне, идея независимости все же реализуется и идеиного кризиса там, пожалуй, нет”.

Власти строго дозировали обнародование мыслей и переживаний Купалы. Так, сразу же после напечатания было изъято из журнала “Адраджэнне” приведенное выше стихотворение “Перед будущностью”, закрыт и журнал вместе с одноименным издательским товариществом. В ноябре 1926 г. сразу после премьеры изымается из репертуара купаловский трагифарс “Тутошние” – острый драматургический памфлет на режимы 1918–1920 гг., на меньшанство сородичей, не способных противостоять инонациональному засилью, с обращенным к ним призывом «выявить собственную душу в своем “я”, в своей самобытности и самим добиваться своего неотъемлемого права распорядиться своей судьбой».

В июне 1929 г. явное раздражение по этому поводу нашло отражение в докладе председателя комиссии ЦК ВКП(б) В.П. Затонского по результатам проверки национальной работы в БССР. Процитировав фрагмент из “Тутошних”, московские аналитики (доклад будет направлен лично Сталину) делали самое жесткое обобщение: «Таким образом, националистические поэты советский пирог кушают, но делают свое. Кроме нескольких революционных стишков, вроде “Арлянятам”, относящихся к 24–25 году, до сих пор из Я. Купалы ничего выжать не удалось, а носятся с ним, как с писаной торбой». “Необходимо решительно прекратить слишком затянувшуюся политику заигрывания с верхушкой интеллигенции”, – гласил организационный вывод.

Год спустя, с санкции ЦК ВКП(б), последует массовая репрессивная акция властей БССР против лучших кадров творческой интеллигенции и национально ориентированной части партийного актива – в связи со сконструированным ОГПУ делом “Союза освобождения Белоруссии”, по сходному сценарию разыгранному ранее в соседней республике (Союз освобождения Украины). Купале отводилась роль “идейного центра нац.-демовской контрреволюции”, как это следует из секретной депеши в ЦК ВКП(б) тогдашнего руководителя партийной организации БССР, информировавшего о покушении поэта на самоубийство.

А.Г. Червяков, Д.Ф. Жилунович, И.А. Адамович, В.М. Игнатовский, Н.М. Голодед, А.В. Балицкий, И.А. Василевич, Д.Ф. Прищепов – эти и другие большевики-белорусы, допущенные на разных этапах к государственному рулю БССР, испили, кто раньше, кто позже, ту же “расстрельную” чашу, что и бывшие деятели БНР – В.У. Ластовский, А.И. Цвикевич, И.Ю. Лёсик, В.М. Пракулевич,

А.А. Смолич, пошедшие на сотрудничество с советской властью ради строительства белорусской культуры и государственности. Не избежал трагической судьбы также А.И. Луцкевич. И те, и другие стали жертвенными заложниками национальной идеи, хотя по-разному представляли себе пути ее реализации. “Мне сняцца сны аб Беларусі”, – писал Купала незадолго до своей смерти в 1942 г.

М.А. Робинсон

Если развитие национальной гуманитарной науки на Украине имело немалые традиции и было обеспечено кадрами, то положение в Белоруссии видится принципиально иным: и в том, и в другом ощущался явный недостаток. Потому и проблемы, с которыми столкнулись представители русской академической науки в период белорусизации, здесь иные. У истоков создания университета в Минске стоял Е.Ф. Карский, чей классический труд “Белорусы” продолжал печататься, несмотря на Гражданскую войну. Карский настойчиво звал коллег-славистов на постоянную работу в Минский университет, но тех пугало отсутствие в столице Белоруссии библиотек и научной среды. Когда позднее Н.Н. Дурново нашлось место для работы только в Минске, он признавался: “Минску я, конечно, предпочел бы Москву или Петроград, [потому] ч[то] смолоду привык работать только по источникам, а в Минске их нет; до Москвы от Минска довольно далеко, до Петрограда еще дальше”.

Тем не менее, научная среда формировалась в столице Белоруссии не только из представителей левой белорусской интеллигенции, но и с участием приезжих специалистов. Можно думать, что одной из причин активной научной деятельности в Белоруссии П.А. Бузука было его научное *credo*, явно сформировавшееся под влиянием идей национального пробуждения восточнославянских народов. “Я не вполне украинец по происхождению и по воспринятой культуре, – писал он Карскому в 1923 г., – но к украинскому и белорусскому вопросам подхожу как славист, веря не только в вост[очно]-славянское, но и в зап[адно]-славянское и даже ю[жно]-славянское единство, я полагаю, что укр[аинский] и бел[орусский] языки нужно восстановить в отнятых правах в славянской семье”. Свои лекции в Минске ученый читал на белорусском языке.

Особо чуткое отношение к национальному языку выразилось в переводе на белорусский публикаций научных исследований, что стало серьезным препятствием для некоторых русских ученых. П.А. Растворгеву не без труда удалось опубликовать свое исследование на русском, но было изменено его название: вместо “Северо-Черниговских говоров” “Северско-белорусский говор”, что, впрочем, не противоречило выводам автора. Ситуация в Белоруссии, как видим, отличалась от украинской: на Ук-

райне правило публикации только по-украински соблюдалось неукоснительно.

Центром гуманитарных исследований в Белоруссии стал Институт белорусской культуры (Инбелкульт). На проведенной последним в 1926 г. конференции были оглашены присланные Ляпуновым замечания по поводу проектов преобразований в области белорусского языка. «Защищаясь от нападений, – информировал Бузук Ляпунова, – Лёсик заявил о том, что “акад[емик] Ляпунов не признает ни белорусского, ни украинского языка”. Это вызвало бурю негодования. Запротестовал и Фасмер, присутствовавший на конференции, и Сержпутовский, завед[ующий] Этнографич[еским] отделен[ием] Русск[ого] музея... и др[угие]. В своем слове я резко возражал Лёсику, указавши на то, что Вы ведете теперь в Ленингр[адском] Универс[итете] курс украинск[ого] языка, чего бы не могло быть, если бы Вы отрицали права этого языка. Инцидент, возникший вокруг Вашего письма, газеты замолчали». В итоге “оба проекта Лётика – и по вопросу об азбуке и по вопросу о реформе правописания – провалились”. Не посетил этой конференции и Карский, полное одобрение которому выразил А.И. Соболевский. “Хорошо сделали Вы, – писал он в начале февраля 1927 г., – что в Минск не поехали”.

В период белорусизации искания в сфере белорусского языкоznания приводили к появлению теорий, истоки которых следует искать как в определенной национальной ориентации исследователей, так и в их недостаточной профессиональной подготовке. Представители русской славистической элиты относились с высоты академического знания и к ним, и к их творцам с разной степенью строгости. Так, А.И. Томсон остро критиковал П.А. Бузука за концепцию происхождения белорусского языка не от древнерусского, а непосредственно от праславянского. “По его теории волн, – возмущался Томсон, – можно и язык бойков считать самостоятельным. Вот, что значит проходить науки в сокращенном виде”. М. Фасмер, получив рецензию Карского на одну из работ В. Ластовского, “был поражен ограниченностью горизонта” белорусского ученого, спустя год ставшего академиком.

В 1928 г. Инбелкульт был преобразован в Белорусскую Академию наук, и многие члены института стали первыми белорусскими академиками. Общий уровень новообразованной Академии производил на ученых Москвы и Ленинграда негативное впечатление. Г.А. Ильинский заявил о неприемлемости для себя членства в минской академии, “пока в числе ее д[ействительных] чл[енов] отсутствует Е.Ф. Карский, эта живая [ирзб.] Академия, – и такие многозаслуженные историки зап[адно]-русс[кой] культуры, как Довнар-Запольский и Любавский, а с другой стороны, по-

ка среди них числятся лица с таким жалким научным багажом, как Лёсик и Игнатовский". Ему вторил Н.Н. Дурново: "Что же это за Белорусская Академия наук, в которую не входят ученые, занимающиеся изучением белорусского народа, его истории, языка, этнографии и литературы (Карский, Любавский, Довнар-Запольский, Сержпутовский, Растворгуве, Жукович?)".

«С Вашей характеристикой здешних "академиков", – писал тем не менее Дурново Б.М. Ляпунову, – я согласиться не могу. Они безграмотны, не понимают настоящей науки и только роняют имя белорусской "Академии наук", которую минчане прозвали "Комедией наук". Их белорусский патриотизм часто выливается в форму нелепого и вредного шовинизма. Но они или большинство из них не шарлатаны». Особо ученый останавливался на фигуре находившегося тогда в зените славы И.Ю. Лёсика. «Менее всего название шарлатана, – утверждал Дурново, – подходит к Лёсiku. Он совершенно искренне уверен в том, что может читать в университете курс "научной грамматики белорусского языка", и что выпущенные им руководства по белорусской грамматике действительно научный труд. Если он что говорит, он всегда говорит от чистого сердца, будучи убежден в своей правоте... А шарлатан – это тот, кто знает, что он не то, за что он себя выдает». Вице-президента БАН С.М. Некрашевича Дурново также отнес к разряду "недоучек". "Хотя он в Белоруссии и недолго, – писал Дурново о Бузуке, – но для изучения б[ело]р[усских] говоров сделал больше самих белорусов; я бы сказал, даже больше самого Карского".

Русские ученые продолжали стремиться к повышению уровня науки в Белоруссии путем сосредоточения в Минске серьезных научных сил. Однако времени для этого уже не оставалось. С характерной для 20-х годов белорусизацией было покончено, все ее деятели на научном поприще получили политическое клеймо "нацдемов". В белорусской и центральной прессе самым причудливым образом оказались объединены научные оппоненты. Дурново лишился звания белорусского академика как противник самостоительности белорусского языка, отрицающий применимость марксизма "к теории языка". "Нацдемов" из руководства гуманистического отдела БАН обвиняли в притворности их "нападок" на Карского, за которыми в действительности якобы стояла "смычка" с "русификаторскими великодержавными учеными" – Карским, Платоновым, Ляпуновым. Лёсик, Некрашевич, Бузук и многие другие подверглись арестам, высылкам и заключению.

Л.Е. Горизонтов: Переходим к долгожданной дискуссии по большой группе выступлений. Почему в Закарпатье Прага поддержала украинскую линию? Ведь там была и некоторая альтернатива. И, кроме того, в Восточной Словакии, которая входила в

состав того же государства, местные власти поддерживали скорее русинское направление, чем украинское.

Е.П. Серапионова: Масарика упрекали в украинофильстве еще до первой мировой войны, репутацию украинофила он имел в России. Сам Масарик откращивался от какого-либо принципиального украинофильства, ссылаясь на сугубо тактические соображения. В Подкарпатской Руси на протяжении межвоенного периода, кроме русинского и украинофильского, существовало русофильское направление, поддержанное осевшими в Чехословакии эмигрантами из России. Так что не только украинофилы укрепили свои позиции благодаря эмиграции.

Тенденция к русско-украинскому размежеванию проявлялась не только в Подкарпатье, но и шире: Чехословакия была, пожалуй, единственной европейской страной, где достаточно четко различалась украинская и русская эмиграция, тогда как повсеместно выходцы из России считались русскими.

Позиция властей, видимо, объясняется тем, что, поскольку Украины как самостоятельной государственной единицы тогда не существовало, они менее всего опасались украинского сепаратизма, как этого можно было ожидать в случае с русофилами. Поддерживать же провенгерские тенденции не было никакого резона ввиду напряженности чехословацко-венгерских отношений. Что касается Восточной Словакии, то там, между прочим, до сих пор очень сильно русинское направление, это центр русинства, именно там проживают, можно сказать, его теоретики, у них тесные связи с североамериканскими сородичами. Это характерно и для рассматриваемого времени, безотносительно к позиции местных властей.

И.В. Михутина: В Закарпатской Руси русская ориентация традиционно была весьма сильной. Впрочем, и в Галиции русофильское течение было очень сильным, пока по нему не нанесли удар во время первой мировой войны. Да и в России консервативная часть беженцев-московофилов пострадала от революции.

Существовали ли в действительности такие организации, как Союзы освобождения Белоруссии и Украины?

A.K. Кавко: Эти организации признаны мифическими. Деятельность их фабриковалась спецслужбами. В 50–60-е годы XX в. и позднее, в период перестройки, все проходившие по соответствующим делам лица реабилитированы, включая деятелей БНР.

Б.И. Греков: Как соотносится известное высказывание Ленина о том, что Украина являлась колонией России, с большевистской политикой украинизации?

Е.Ю. Борисенок: Колонией Украина не была, но, конечно, во многом курс большевиков на украинизацию мыслился как противовес политике самодержавия.

Л.Е. Горизонтов: Была ли неизбежной политика “коренизации”, или же, после того как большевики пришли к власти, у нее имелась альтернатива? Выбирая курс, предвидели они хотя бы в общих чертах, к чему он приведет и в плане развития национального самосознания, и в плане их собственной политики, которая впоследствии довольно резко пресекла данную линию развития?

Е.Ю. Борисенок: Выбор курса обусловила целая совокупность фактов, внутриполитических и внешнеполитических, объективных и субъективных. Мне кажется, что исход был вполне очевидным.

Л.Е. Горизонтов: Думаю, что все было сложнее. Речь идет о процессе, который занял около десяти лет. И в начале его результаты были далеко не ясны ни для одной из сторон. В этом сложность комплекса проблем, связанных с политикой коренизации.

В заслушанных докладах упоминалось о том, что польские власти делали все возможное, чтобы воспрепятствовать влиянию Галичины на Волынь. Как эти два региона соотносились в политике межвоенной Польши?

С.В. Ольховский: Галицкие политические, культурные и хозяйственные организации никогда не прекращали попыток распространить свое влияние на Волынь, рассчитывая разбудить там столь же сильное национальное движение, как и в самой Галиции. Польские власти боролись с этими попытками еще до майского переворота. Однако если эндекция стремилась контролировать в основном хозяйственные организации, не отказываясь от заключения соглашений с политическими структурами типа УНО, то для Меха и Юзевского именно последние стали главным врагом и их деятельность подвергалась на Волыни достаточно серьезным гонениям. Стоило появиться галицким элементам в какой-либо организации, и она сразу же становилась подозрительной для властей. Хотя, на самом деле, гораздо большая угроза исходила от ширившегося влияния коммунистов.

Л.Е. Горизонтов: Таким образом, уже не существовавшая граница между украинскими землями Российской империи и бывшей австро-венгерской Украиной сохранялась.

И.В. Михутина: Каковы результаты десятилетней политики Юзевского?

С.В. Ольховский: Польские и украинские исследователи оценивают итоги этой политики крайне неоднозначно. С серединой 30-х годов поляки называли Юзевского украинофилом и обвиняли его в предательстве государственных интересов, под которыми понимали исключительно укрепление польского начала. Действия же воеводы, нельзя не признать, приводили к обратному.

И.В. Михутина: А как реагировали сами волыняне?

C.B. Ольховский: Первое время реакция местных украинцев отличалась большой осторожностью, поскольку для реализации своих планов воевода пригласил на Волынь единомышленников, многие из которых были с Киевщины. В самом воеводстве он опоры не имел, отсутствовали серьезные силы, выступающие за польско-украинское сотрудничество.

Л.Б. Милякова: Получается, что политика польских властей в отношении национальных меньшинств в регионах Второй Речи Посполитой была разной: в отношении Западной Белоруссии – одна, в отношении Волыни – другая?

Ю.А. Лабынцев: У Волыни и Западной Белоруссии очень многое сходного, хотя каждый из регионов имел и свою специфику, определяемую, в частности, конфессиональным фактором.

Л.Е. Горизонтов

Мы имели возможность убедиться в том, что взаимодействие политики государств и активности национальных движений происходило в очень широком диапазоне: от оппозиционности последних, не исключая самых радикальных способов протesta, до участия национальных демократов в организованной по этнократическому принципу власти. И практика национального притеснения, и практика благоприятствования национальному развитию, – каждая по-своему питала национальные движения, стремившиеся к мобилизации этноса и политическому контролю над ним. Очевидно, однако, что именно очаги национальной государственности явились теми могучими локомотивами, катализаторами, которые сумели придать процессу консолидации наций присущую фазу С (по М. Гроху) динамику.

Неоспоримо огромное влияние событий и процессов первой трети XX в. на последующие судьбы Украины и Белоруссии. Именно тогда окончательно сложились представления об украинской и белорусской национальной территории. В межвоенный период тянутся корни кровавых украинско-польских и советско-украинских столкновений времен Второй мировой войны и первых послевоенных лет. Формируются будущие регионы-детонаторы, которые много десятилетий спустя сыграют свою роль в разрушении СССР. Относящиеся к указанному периоду символические акты, а также появление новых знаковых фигур национальных пантеонов оказались исключительно важными в плане преемственности государственной традиции.

Итоги недавно закончившегося столетия побуждают воспринимать национальное государство как необходимый атрибут нации, закономерный итог ее эволюции, однако непредвзятый анализ конкретного материала дает возможность воссоздать более сложную и неоднозначную картину путей и перепутий исторического развития.

СТАТЬИ

А.Л. Хорошкевич

К ДИПЛОМАТИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ДОКУМЕНТОВ ЛИТОВСКОЙ МЕТРИКИ (на материалах шестой книги записей)

Литовская метрика, как бы ее ни характеризовать (как государственный архив Великого княжества Литовского или коллекцию документов литовской канцелярии и отдельных официальных лиц, стоявших во главе ее – канцлеров и подканцлеров)¹, дает уникальную возможность проследить становление и оформление правового самосознания на территории названного княжества, в 1569 г. вошедшего в состав Речи Посполитой.

Напомним вкратце внешнюю историю сохранившегося доныне комплекса документов, носящего название “Литовская метрика”. Начало создания книг, как считали все исследователи (И.И. Лаппо, Н.Г. Бережков и Э.Д. Баненис), относится к 80-м годам XV в.² В настоящее время исследователи обращают внимание на то, что наиболее ранние документы датируются 1385–1387 гг., когда произошло крещение Литвы и были заложены основы “стратегического союза с Польшей”, а первые книги появились в 1440–1492 гг. Однако историки расходятся в понимании самого термина “книги” применительно к этому времени. Н.Г. Бережков полагал, что были два экземпляра книг: один стационарный, другой походный, в который и заносились документы по мере их выдачи. Э.Д. Баненис предположил, что с 1492 г. великокняжескую документацию вели два писаря – Федор Янушкович и Федор Григорьевич. Сохранявшиеся у них писарские реестры-копии в 1492 г. они переписали в две параллельные “книги листов судовых и данины”³. В 1494–1498 гг. первый из них продолжил ведение своей “книги”, куда переписывал реестры Янушки и И.С. Са-

пеги⁴, а также Богуша Боговитиновича⁵. К сожалению, упоминание книг в документах метрики не облегчает решения вопроса о термине “книги”. Неопределенность его (например, в 1496 г. великий князь Александр “казал … записати” свое подтверждение приговора Троцкого тиуна Ждана Войтовича по делу о “татбы за бчолы” – № 204)⁶ не позволяет судить о том, были ли книги смешанного содержания⁷, как позднейшие книги-копии, или подобно книгам “Коронной метрики” формировались по тематическому принципу, или были просто тетрадями отдельных писарей, как полагал Э.Д. Баненис⁸. В конце XVI–начале XVII в. (на протяжении 1594–1607 гг.)⁹ большая часть ранних оригинальных книг, весьма пострадавших от времени и частого употребления, по распоряжению канцлера Льва Сапеги была скопирована. Каждый документ книги получил новый заголовок. Второй раз все книги подверглись упорядочению под руководством А. Нарушевича в XVIII в. При переплетении в 1784–1787 гг. книги были снабжены польскоязычным реестром. Таким образом каждый документ книги в идеальном случае имеет три наименования: одно оригинальное в самом тексте и два в заголовках и реестре каждой книги. В 1970 г. автору представлялось неясным, возникли ли заголовки документов при снятии копий с подлинных книг метрики или при занесении документов в книги¹⁰. Попытаемся ответить на этот вопрос на основе анализа книги записей № 6.

Подобный анализ имеет несомненную практическую и научную актуальность. При издании книг “Литовской метрики”, широко развернувшемся в последнее десятилетие благодаря усилиям литовских и белорусских ученых, применяются различные правила. Литовские археографы не снабжают документы современными заголовками, ограничиваясь лишь теми, которые имеются в самих книгах, т.е. заголовками конца XVI в., несомненно, оказавшими весьма существенное влияние на формирование понятийного аппарата дипломатики Великого княжества Литовского. Это отчетливо заметно и на описании Н.Г. Бережкова и С.К. Шамбинаго 5–8-й, 9–12-й книг записей ЛМ, сделанном еще до 1917 г., и на работах конца XX в. Что касается методики описания документов “Литовской метрики”, то археографы начала прошлого столетия по преимуществу ограничивались теми терминами, которые присутствовали в заголовках XVI и начала XVII в. В случае отсутствия самоназвания Н.Г. Бережков охотно прибегал к термину “лист”, не давая ему никакого определения. Разумеется, использование этого термина вполне оправданно, поскольку аналогом “грамоты” актов Древней Руси, Северо-Западной и Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. в документах “Литовской метрики” конца XV – начала XVI в. выступает именно

“лист”. Проблема установления типа, вида и разновидности документа очевидно не очень занимала Н.Г. Бережкова ни в первые десятилетия XX в., ни в середине прошлого столетия. Он отметил однако, что в состав изучаемых им книг метрики входят “законодательные акты-привилеи общеземские, областные, городам, отдельным группам населения (национальным, вероисповедным), уставы волостям о повинностях; уставы по вопросам обороны земской и т.д.; пожалования земельных владений, подтверждения владений на прежних или измененных условиях, пожалования должностей, разного рода иные пожалования (например, предоставление повинностных и податных льгот, прав беспошлиной торговли, разрешение владельцам имений на осаду мест, на устройство ярмарок и торгов, на держание корчем, на взимание мыт), утверждения земельных сделок и завещательных распоряжений, заставные листы на господарские имения, судебные приговоры... документы об отдаче в заведование и сдаче на откуп мыт, корчем и других государственных доходных статей, отчеты по такому заведованию и по откупам, перечни (реестры) денежных и вещевых выдач из средств скарба разным лицам...¹¹ Это перечисление видов документов всеобъемлюще и довольно полно. Оно дает представление и о том, как Н.Г. Бережков понимал те или иные термины, которыми он характеризовал эти документы.

Представляется существенным выяснить, какой этап развития правовой мысли жителей этого княжества отражали заголовки конца XVI в. Попытка московских историков выработать какие-то общие принципы типологии документов “Литовской метрики” вызвала в 1988 г. со стороны ученых и будущих издателей из Литвы, Украины и Белоруссии справедливые упреки в адрес составителей в русификации актовой терминологии, ибо составительница данного раздела “Методических рекомендаций по изданию материалов Литовской метрики”¹² ничтоже сумняшееся воспользовалась понятийным материалом русских актов, происходящих с территории будущей Великороссии¹³, отказавшись от сделанной еще Н.Г. Бережковым в 1921 г. попытки приблизить научные заголовки документов к имевшимся в самих книгах¹⁴.

Целью настоящей заметки является попытка проследить формирование дипломатической терминологии на примере эволюции заголовков, в которой отразились изменения правосознания в Литовском княжестве в XV–XVI и последующих столетиях. Возврат к данной теме и анализ самоназваний и более поздних наименований, причем применительно лишь к одной книге метрики представляется вполне актуальным. Выбор шестой книги записей, которая содержит документы 1494–1506 гг., определен хро-

нологическими рамками ее материалов: во второй половине 90-х годов XV в. и самом начале XVI в. происходили быстрые перемены в общественно-государственном развитии Великого княжества Литовского.

Кроме того, именно эта книга должна быть издана Институтом истории СССР АН СССР в соответствии с советско-польским договором декабря 1981 г. о совместной публикации материалов “Литовской метрики”. Книга действительно была подготовлена сотрудниками института М.Е. Бычковой, И.П. Старостиной и Н.И. Щавелевой и одобрена крупнейшим археографом Н.Н. Улащиков¹⁵, но до печати не дошла в силу различных неблагоприятных условий¹⁶. Однако почти все документы этой книги за крайне редким исключением были ранее в конце XIX – начале XX в. опубликованы.

Но прежде чем приступить к анализу документов, следует сказать о самой книге и ее названий¹⁷. Классификация книг метрики была произведена С.Л. Пташицким в 80-е годы XIX в. Он выделил книги записей, судных дел, публичных дел, переписей, выписей, *sigillata*, книги непременного совета и дела новейшего производства, инвентари и новые книги. В первых из них, к которым принадлежит и рассматриваемая книга, содержатся почти все те документы, которые перечислил Н.Г. Бережков в приведенной выше цитате. Согласно С.Л. Пташицкому, книги записей содержат “прежде всего разного рода и наименования велиокняжеские и королевские грамоты: привилегии городам, mestechкам, селам, установления в них магдебургского и кульмского права, учреждения торгов и ярмарок, разные льготы и ограничения; привилегии и уставы целых земель; установления податей и заставных сборов, определения количества людей и лошадей, поставляемых на войну; учреждения разных обществ и цехов; раздача королем земель, доходов и денег частным лицам; грамоты на разного рода чины и должности; подтверждения разных частных сделок между отдельными личностями, утверждения духовных завещаний и т.п.”¹⁸ Переходя к конкретной характеристике отдельных книг записей, С.Л. Пташицкий отметил пестрый состав документов б-й книги записей, где представлены и дипломатические документы, и судебные решения, и привилегии на земли, документы о сдаче в аренду различных доходных статей, таможенных застав, весов, корчем, соляных прикоморков, мостов и т.д.¹⁹ В настоящей статье подвергаются исследованию не все документы книги (исключены оказались недатированные точно посольские материалы, они ограничены 1494–1502 гг., и записи финансового делопроизводства, нуждающиеся в специальном рассмотрении). Тематически документы расположены блоками, или тетрадями,

по мнению Э.Д. Банениса. Однако листы судовые, “данины” и подтверждения следуют друг за другом в хронологическом порядке, но с разной интенсивностью по годам. Основная их масса приходится на 1495–1498/99 гг.

Вопрос о степени точности передачи самого содержания оригинальных документов в книгах-копиях обычно исследователями обходится. Между тем в книги они заносились по-разному. Есть полные копии, есть сокращенные с опущенной какой-либо частью формуляра (обычно без начального и конечного протоколов), есть и просто пересказы. Наилучшим образом копировались открытые листы, где опускалась лишь титулatura великого князя. Как правило, это были “данины” и подтверждения.

Начнем с судебных документов, решений или результатов промежуточного великокняжеского, королевского или наместничего разбирательства. Решения суда высшей инстанции в текстах документов оформлены глаголами. Оригинальные документы в нарративной части сообщают о составе суда, рассматривавшего спорное дело: “сам”, “смотрели с паны радио” (№ 225)²⁰ или с отдельными представителями рады (указываются поименно), а в диспозитивной части содержат распоряжение “записати на память” (№ 23, 27, 31, 207)²¹ или решение по существу спорного дела: “заставили при всем при том” (№ 20)²², “казали служити” (№ 89)²³ или “мети” (№ 252)²⁴, или более неопределеными глаголами – “врадили” (№ 102)²⁵, “вчинили, присудили” (№ 132, 174)²⁶, “присудили вечно” (№ 101, 245)²⁷, за которыми следует описательный оборот, излагающий существо дела. Так, в результате рассмотрения иска ясвоинских бояр к жемайтскому епископу было записано: “врадили... мают они службу служити боярскую” (№ 185)²⁸. Иногда указывается и обоснование того или иного решения: пожалование – “присудили подлуг первое нашей данины” (№ 197)²⁹, результат предшествующего разбирательства господарем или наместниками, при этом приводится ссылка на “лист судовый” (№ 173)³⁰ или за отсутствием соответствующих документов, например, купчего листа (№ 188)³¹, принимались во внимание и родственные отношения – “близкость” (№ 188).

Подводя итоги рассмотрению вопроса об оформлении судебных решений в текстах соответствующих документов, следует подчеркнуть преобладание конструкции: глагол в прошедшем времени + описательный оборот для изложения существа решения. Единственное словосочетание прилагательного с существительным – это “лист судовый”, где существительное явно заимствовано из польского, прилагательное образовано на базе старобелорусского и может быть даже древнерусского языка.

При составлении книг-копий судебные решения получили определения в виде существительного. Это “справа”, в том случае, если дело не закончено и нуждается в дальнейшем рассмотрении, а в документе фиксируется лишь обращение сторон и излагается содержание представленных ими документов, которые и заносятся “на память” (№ 15, 23, 27, 31, 83)³². Однако этим же самым термином переписчики XVI в. иногда обозначали и само судебное решение. Так 22 июля 12 индикта, т.е. в 1494 г. витебские бояре Львовичи обратились к великому князю Александру с жалобой, что их “люди отчизны” Радивонко Василевич “з братаничи” “почалися в них отнимати”. На суде они заявили, что они “люди волные”. На вопрос, кому служили их отец и дед, они тем не менее вынуждены были признать, что те служили отцу Львовичей. Кроме того, последние представили “лист судовой” короля Казимира, который уже рассматривал этот спор и “подlug листу великого князя Витолта казал” Василевичам служить витебским боярам. То же решение принял и великий князь Александр, который сослался на оба “листа”, Витовта и Казимира, и признание самих Василевичей о службе их предков. Хотя в тексте решения находилось точное наименование окончательного судебного документа, правда, не самого Александра, а его отца, великого князя литовского и короля польского Казимира Ягеллона, т.е. “лист судовой” (№ 89)³³, переписчики конца XVI в. не приняли его во внимание, ограничившись более неопределенной формулировкой: “справа”, т.е. дело (“справа бояр витебских Львовичов с поддаными их отчизны о выламыване им з держания”). Словосочетание “лист судовой” применялся и к решениям суда низших инстанций, в частности, писаря Федки Янушкевича 15 февраля 1499 г. (№ 285)³⁴.

Однако наряду с термином “справа” для определения решения по делу, не дошедшему до настоящего судебного разбирательства, в конце XVI в. употреблялся и безликий термин “лист в справе” (№ 26, 264)³⁵. Примером тому может служить рассмотрение жалобы гданьских купцов на взимание с них двойного мыта с их основного импортного товара, с соли, в Ковне (Каунасе) и на пути от этого города к столице княжества Вильне (Вильнюсу). К расследованию жалобы были привлечены все руководители финансовых ведомств Великого княжества Литовского – дворный маршалок, утенский и бельский державца, возглавлявший денежный двор-“минцу” кн. М.Л. Глинский, канцлер королевы браславский и жижморский наместник И.С. Сапега, земский подскарбий, остринский наместник Федор Хребтович. Они допросили старых мытников, которые подтвердили правильность утверждений гданьских купцов о старом порядке однократного взимания мыта

с соли и о том, что вторичное взимание – недавнее нововведение мытника Гендрыха Шлякгера. После ознакомления с результатами расследования король принял решение вернуть старый порядок взимания мыта: "...купцов кгданских водле давности есмо зоставили. Мают они, приехавши с сол(ъ)ю до Ковна, одно мыто заплатити... и с тою сол(ъ)ю до Вилни, або где похотят инде с Ковна, там едуть". По существу это королевское решение спора гданьских купцов с литовскими мытниками. Однако под пером юристов второй половины XVI в. оно получило наименование "листа в справе" (№ 26). Так же переписчики конца XVI в. назвали велиkokняжеское решение по поводу распределения повинностей между торопецкими мещанами и населением Старцовой волости (№ 264)³⁶. Торопецкие мещане жаловались великому князю Александру на то, что они одни выполняют натуральные повинности по строительству и поддержанию тиунского двора в городе. Спор об исполнении строительных обязанностей возник еще при Казимире, который дважды принимал прямо противоположные решения. Сам Александр дал волощанам "лист заочный", согласно которому "отлучил ... их от Торопца". Во второй раз он "вчинил" так: отныне волощане должны "в городе двор тиунский поспол с торопчаны нарадити". Если же он скнет, "опадет" или сгорит, то впредь его должен строить только старец с мужами. В случае приезда писаря для сбора недоимков волощане "мают ... стан радити и стацыями его и подводами на полы с торопчаны поднимати, колко торопчане днев, tolko и Старцова волость". Принцип равенства должен был соблюдаваться и при поставке подвод. Строить – "рубить" город и "сторожу на город давати" волощане должны были вместе с торопчанами. Что же касается финансовых обязательств, то и дань, и серебщину, и тивунщину волощане должны были собирать сами, сами распределять ("разметывать") и сами доставлять все это в скарб: "А соцъкым торопецким и торопчаном в то ся не вступати". Обязанность "судити и радити" волощан возлагалась на торопецкого наместника, но, если в качестве такового великий князь назначит мещанина или волостного человека, то обязанности судьи в волости должен был выполнять старец. Документ, содержание которого изложено выше, был адресован наместнику торопецкому пану Зеньку Евлошковичу и его будущим преемникам на этом посту. Видимо, именно в связи с этим копиист XVI в. охарактеризовал документ как "лист в справе мещан торопецких з старцом и с поддаными Старцовой волости"(№ 264)³⁷.

Вторым термином для характеристики судебных решений в конце XVI в. стал "вырок" или "вырок в справе". Пани Миколаева Шеметовича была обвинена князем Иваном Львовичем Глин-

ским в том, что она “забрала люди и земли пустовские двора Белицкого х двору своему к Нетечи без наше данины”. Она не в первый раз должна была отвечать на подобное обвинение. В бытность Андрея Александровича державцей Белицкого двора белицкие пристав и конюх уже возбуждали против нее дело, которое она однако выиграла. Пани Миколаева Шеметовича имела возможность оспорить и другое обвинение И.Л. Глинского в захвате поля, леса и сеножати белицкого конюха Павла Нарейкова-ча. На этот раз она предъявила “лист судовый” подскарбего земского оstryнского наместника Федора Хребтовича, который тоже в качестве белицкого державцы расследовал спор и присудил ей земли “водле сведоцъства сторонних светъков”. Великий князь Александр “зоставил” вдову Миколая Шемета “при всем при том”, а князю предложил судиться с Андреем Александровичем и Федором Хребтовичем. Его решение переписчики конца XVI в. назвали “выроком в справе... о забране земль людей двора Белицкого к двору Нетечы” (№ 20)³⁸. Иногда к термину “вырок” добавляется уточнение, касающееся объекта приговора: “вырок о землю” (№ 245), “вырок о люди” (№ 251), “вырок о перевоз” (№ 252). В обоих последних случаях приговор принимался великим князем совместно “с паны рады” (№ 251, 252)³⁹.

Просто “выроком” переписчики конца XVI в. охарактеризовали документы 1494 г. и 1496 гг. (№ 101, 102, 127, 132)⁴⁰. Неудачей в 1494 г. окончилась попытка свилян “отниматися” от полоцких бояр Василия, Гаврилы и Богдана Сенковичей Радковичей, которые однако располагали “листами” Семена Гедиголдовича, Андрея Саковича, уже рассматривавшими этот спор, и короля Казимира. Александр на основании этого присудил свилян полоцким боярам “со всим тым, што к тому селу зъдавна прислухает, с куницами и з бобровыми гоны вечно” (№ 101)⁴¹. Во втором деле рассматривался иск Александра Ивановича Ходковича к его дяде князю Семену Ивановичу Володимеровича, якобы после бегства брата Семена – Федора в Москву незаконно присвоившего “делницу” (т.е. часть, приходившуюся кому-либо в результате раздела)⁴² Федора – “отчину” матери истца. Ответчик же предъявил листы короля Казимира, передавшего земли князю Семену, ибо существовал порядок, “коли зрадца втечет от господара, челом не вдаревъши, ни на кого его именья по близкости не спадут, только на господара”. Таким образом, А.И. Ходкович “делницы князя Федоровы под князем Семеном не доискался”. Решение было принято в присутствии панов рады 14 марта 1494 г. (№ 102).

2 октября 1495 г. Александр, “досмотревши” спор охмистра великой княгини Елены утенского наместника Войцеха Яновича с волковыйскими боярами Пащекевичами, “вчинил” передать

спорные земли истцу, лишив ответчиков земли, которую они выменяли “без призволенья” великого князя (№ 127), 23 марта 1496 г. великий князь Александр рассматривал в Меречи жалобу семи радунских бояр на радунского наместника Якуша Костевича, который принуждал их косить сено и давать “дякла”, а за неподчинение арестовывал их самих и грабил их дома. За полвека до этого иск радунского пристава с боярами рассматривал Троцкий воевода Андрей Сакович, их “оправил и лист им судовыи на то дал”. Второй суд по тому же делу произошел при Казимире, который повторил приговор Андрея Саковича. В третий раз дело возбудил радунский пристав Кирвеля. К решениям прежнего Троцкого воеводы и короля присоединился новый Троцкий воевода Петр Янович. Решение же самого Александра содержало два пункта: “Не надобе им сена косити и дякол давати, и мають они нам служити службою тою, как и иные бояре шляхъта”. Второй пункт предусматривал возмещение ущерба, нанесенного им радунским наместником: “А шъто их Януш был … пограбил, тые есмо грабежи вси очевисто казали … им поотдавати”. В книге-копии появился заголовок: “Лист даныи бояром радунским до наместника радунского, же бы сена не косили и дякол не давали” (№ 173), очевидно, не вполне соответствовавший разновидности документа, который уместнее было бы назвать “выроком”.

Аналогичный заголовок в книге-копии получило и решение Александра по иску одной из групп ясвоинских бояр к жемайтскому епископу. 30 мая 1496 г. в Троках рассматривались дела двух групп ясвоинских бояр против епископа (№ 185, 186)⁴³. Попытаемся их сравнить:

Заголовок в книге-копии: Бояром ясвоинским з бискупом жомойтским о грабежи и о уставы новин (№ 185); лист даныи бояром ясвоинским до бискупа жомойтского о некоторые кривды и о грабежи (№ 186).

Интитуляция: Александр божю милостью (№ 185, 186).

Инскрипция: Князю Мартину бискупу жомойтскому (№ 185, 186).

Наррация: Што жаловали нам очевисто [упущено в № 186] на тебе бояре ясвоинские на имя [7 и 2 человека в № 185 и 186] с братьями своими, што есмо дали тебе Ясвоину держати до твоего жи-
вота и ты им кривды был поделал и велел им еси на свои потребы ездити и для того их еси пограбил.

Акция: И мовили о том они перед нами с тобою очевисто. И ты сам сознал, што ж они сут бояре шляхта, нижли для того их еси пограбил, што они не хотели тебе в твоем деле послушни быти.

Диспозиция: [1] И мы, того досмотревши, врадили есмо так: Мают они нам службою служити боярскою, где мы им роскажем, как иные бояре шляхта;

- [2] А тебе теж они мают послушни быти в наших делех;
[3] Такеж, коли о котором великом деле они отзовутся до нас, до господаря, и ты бы им не заборонил;
[4] А о посполитых делех можеш и сам досмотрети [досмотрети и сам № 186] межи ними и справедливость чинити;
[5] А что был еси пограбил их, и тые грабежи приказали есмо тебе очевисто, аж бы еси им за ся поотдавал;
[6] Ино тыми разы приказуем тебе, чтобы еси им тые вси грабежи поотдавал [конечно – № 186], а иначо бы еси того не вчинил.

Таким образом, два полностью совпадающих документа (за исключением однократной перестановки слов в § 4 диспозиции и двух пропусков слов, “очевисто” и “конечно”, соответственно во втором и первом документах) под пером переписчиков конца XVI в. получили разные заголовки: более обобщенный и более соответствовавший судебному решению в первом случае и слегка напоминающий данину во втором.

Еще один вариант наименования судебного решения – “вырок” дает документ № 195 от 10 июля 1496 г., составленный в столице княжества. Жалобу ейшишского боярина Станько Гиретовича и его брата Талка на ейшишского пристава, который “велел им дякла давати”, также рассматривал сам Александр. Истцы сообщили, что “з роду шляхта бояре суть, дякол не даивали”, а землю, которую они держат, купил их отец у некоего Войдимина Новевича, получившего ее от великого князя Сигизмунда. Ранее ею владел “конокормца “Сурконт, однако его “вызволил с тое службы великий князь Витовт, и на то ему и лист свои дал”. Приговор великого князя Александра гласил: “Ино коли будеть с тое земли переж того дякла не даивано, и тыми разы подlug листу великого князя Витовтова не надобе им с тое земли дякла давати, нехай они нам службу служат боярскую”. Однако весь документ в конце XVI в. получил заголовок: “Волность бояром ейшишским Станку а Талку Киретовичом от даванья дякол” (№ 195)⁴⁴. Итак, это новый вариант заголовка “вырока”, по протоколу полностью соответствующего двум разобранным выше.

Ясно, что практики-юристы конца XVI в., колебались в определении разновидности подобных документов, склоняясь то к форме, близкой к данине или даже привилею (“волность”), то к “выроку”. Видимо, сама неточность заголовков свидетельствовала о еще более неустойчивом социальном положении бояр в конце XVI в., чем в момент составления документов – в конце XV столетия, когда протокол таких документов был уже достаточно формализован и единообразен.

Один “вырок” касался не земельного спора, но оскорблений смоленского казначея Константина Крошинского деменским на-

местником Борисом Семеновичем. В ходе разбирательства выяснилось, что первый был назван татем, поскольку “осм волостей закрал без данины”, а второй – “лихого батка сыном, зрадичи-чем”. Борис Семенович в долгу не остался и оскорбил (“примовил ку чести деду и отцу и матце князья Константиновой”), но выиграть дело не смог. “Мы ему приказали, абы далеи на честь его не стягал и дал ему в том покой, И во всем есмо князя Константина, яко слугу нашего верного оправили. И деда, и отца его, и матку его и его самого, при чести зоставили”. Этим и завершился спор, решение переписчиками XVI в. названо “вырок … о примовку одному от другого” (№ 127)⁴⁵.

В целом на основании приведенного выше материала можно сказать, что правовая мысль второй половины XVI в. в области юридического оформления судебных решений в целом прошла мимо того понятийного аппарата, который уже складывался в этой сфере в предшествующем столетии. Так, оказалось невостребованым словосочетание “лист судовый” для обозначения приговора, его вытеснил польский термин “вырок”. Таким же заимствованием из польского языка можно считать и термин “справа”.

Теперь обратимся к сфере документов, оформлявших великорусские пожалования. Отметим сразу, что термин “пожаловали”, столь распространенный в Северо-Восточной Руси, встречается крайне редко. Одним из примеров может служить документ от 29 мая 1506 г., выданный кн. Петру Михайловичу на земли в Берестейском повете (№ 24)⁴⁶. В нем говорится, “иж вбачивши к нам веръную… николи не вмешконую службу шляхотне врежоного княжи Петра Михайловича, дворенина нашего… пожаловали, дали есмо ему село … Рожанцы…” Видимо, пожалование села относится к более раннему времени, как это следует из дальнейшего текста документа: “И теж мы, хотечи напотом охотнешого и поспешнейшого к службе нашои мети, тое село Рожанцы даем и потвержаем тым то нынешним нашим листом вечно..” Не исключено, что и термин “пожаловали” перекочевал из первого “листа” Александра, разумеется не ранее 1492 г. В документе есть и другие детали формуляра, отличающие его от документов начала XVI в. Это богословие “Во имя светыя живоначалныя неразделимыя Троицы. Амин”, отнюдь не характерное для документов, вышедших из литовской великорусской канцелярии начала XVI столетия. Можно предполагать, что глагол “пожаловать” в это время являлся пережитком, потерявшим свою актуальность.

Тип документа в оригинальной полной копии практически никогда не определяется в форме существительного. Как правило, в диспозитивной части документов употребляются глаголы настоящего и прошедшего времени: “даем” (или “дали”)⁴⁷, “потвержаем”⁴⁸.

Для документов с выражением “дали” в актах самого Александра имеется специальное существительное “данина”, употребленное в документе № 127 от 10 августа 1495 г. Термин этот крайне редкий, однако наличие его в конце XV в. свидетельствует о том, что на базе старобелорусского языка уже в это время формировался понятийный аппарат для документов пожалования. Однако делопроизводителями-писарями времени королевства Александра он востребован не был. Кануло в Лету не только понятие “данныы”, но и название самих деятелей центрального и местного управления. Место “дьяков” конца XV в. заняли “писари” начала XVI столетия. “Дьяки” в качестве представителей местного управления упомянуты в данинах 1495 г., тексты которых были направлены наместникам володимерскому и городенскому (№ 119, 124), Изредка дьяки действовали и в 1497 г. Один из них 26 августа 1497 г. получил фольварк в Городенском повете (№ 226). Однако в великорусской кацелярии в том же 1495 г. и в той же Городне (Гродно) подвизались и писари (№ 133, 134, 137, 139). Свои последние дни доживали и такие представители военно-административного сословия Руси, как “окольничие” (в актах Александра лишь один раз в 1495 г. упомянут “окольничий смоленский, № 147).

Вернемся однако к актам пожалования. Представляет интерес вопрос о том, какими терминами юристы-копиисты “Литовской метрики” в конце XVI в. характеризовали документы, содержащие глаголы “дали-даем” или “потвержаем”. Что касается второго термина, то тут наиболее полное соответствие нового заголовка и содержания самого акта. Глагол “потвержаем” последовательно заменен существительным “потвержение” (№ 16, 18, 98, 99, 103, 109, 133, 134, 138, 141, 145, 147).

Частным случаем употребления этого существительного в конце XVI в. является “потвержение купли”. Этот оборот в заголовке XVI в. употреблялся тогда, когда документ содержал разрешение приобрести те или иные земли (№ 18, 115, 130, 131, 136), хотя в подобных документах имелась специальная формула: “лист дозволенный” (№ 19). Вместе с тем писцы применяли и другой оборот: “дозволене на купене” (№ 111, 130), – передававший формулу “призволили купити” (№ 111). Однако этому последнему выражению в заголовке может соответствовать и просто термин “потвержение” (№ 130, 131, 136). Укажем кстати, что документы, содержащие разрешение обмена землями (“дозволяем менити”), обозначались в заголовках оборотом с иными существительными: “позволено замену чинити” (№ 110)⁴⁹. Таким образом, последовательности в замене глаголов оригинального документа на существительные заголовка в указанных и рассмотренных выше случаях не наблюдается.

Особое внимание привлекает термин “привилей”. Его практически полностью лишены акты, вышедшие из канцелярии Александра в конце XV – начале XVI в. Исключение составляет подтверждение Александра виленскому подключему Богдану Павловичу на имения в Черниговском повете от 22 августа 1496 г. (№ 206), где говорится о предшествующем акте великого князя: “наш привилей”⁵⁰. Нетипичность этого существительного для актов конца XV в. допускает предположение, что появление его в книге-копии обязано ошибке переписчика.

В каких же случаях обращались к этому термину юристы-практики конца XVI в.? В редких случаях тогда, когда идет речь о передаче земли в вечное владение и эта передача оформляется заверенным печатью открытым листом, который, как правило, в копиях “Литовской метрики” подвергается минимальным сокращениям (обычно усекается лишь титулatura великого князя литовского и короля польского Александра), но сохраняется богослование, аренга, конечный протокол и подробное описание земель, довольно стандартное (№ 24, 29, 93, 170)⁵¹. В одном из указанных только что документов передача двора носила вынужденный характер. Двор пошел в качестве временной уплаты или даже залога до погашения долга в 2 тыс. золотых и 300 коп грошей (№ 29)⁵². Впрочем, устойчивой связи между формой открытого листа “на пергамине”, удостоверенного печатью (“привесистою”, № 222)⁵³ и наименованием его в заголовке “привилеем” не наблюдается. Многие открытые листы в заголовках характеризовались как “подтверждение” (№ 103, 133, 138, 141, 147, 163, 204, 209)⁵⁴. С другой стороны, большая часть “подтверждений” в копиях книги не выглядели открытыми листами, хотя этот факт поддается объяснению самими особенностями копирования в книге конца XVI в.

Итак, по большей части термином “привилей” обозначалась обычная “данина” (№ 8, 88, 97, 106, 126, 129, 142, 143)⁵⁵, которая ранее называлась нами “данной грамотой”⁵⁶. И в заголовке конца XVI в. сообщалось наименование объекта пожалования (так был назван данный [лист] Дмитрию Александровичу на место в Житомирском замке, в заголовке аналогичного документа кн. Ивану Дацковичу на имение Гостомль в Киевском повете – “привилей на именейце”). Впрочем, документы подобного типа далеко не всегда получали название “привилея”. Часто в заголовке конца XVI в. просто указывалось имя получателя и передаваемый объект: “на дворец на вечность” (№ 112)⁵⁷, “на пустовщину” (№ 117)⁵⁸, “на именейце” (№ 118)⁵⁹, “на три дворища” (№ 119)⁶⁰, “на села в Киевском повете” (№ 120)⁶¹ “на фольварок” (№ 124)⁶². Объяснения этому факту могут быть двоякие. Во-первых, элементарное небрежение писцов, во-вторых, некоторая непривыч-

ность термина, внове применяемого для обозначения “данины”. Какому из этих предположений отдать предпочтение, трудно сказать. Вместе с тем привилеем никогда не характеризовались установления, касавшиеся конституирования социального статуса прежних бояр, стремительно приравнивавшихся в этот период к тяглым людям⁶³. Ограничимся несколькими уже рассматривавшимися примерами. Решение Александра относительно ходатайства радунских бояр о причислении или вернее о признании их принадлежности к шляхте получило заголовок: “Лист даныи бояром радунским до наместника радунского, же бы сена не косили и дякол не давали”⁶⁴. Такой же заголовок предшествовал решению спора ясвоинских бояр с епископом жемайтским Мартином⁶⁵.

Особую группу документов пожалования составляют те, что адресованы тому или иному представителю местной власти – киевскому воеводе (№ 24)⁶⁶, жижморскому писарю (№ 96)⁶⁷, наместнику новогрудскому (№ 100, 104)⁶⁸, тивуну красносельскому (№ 105)⁶⁹, наместнику смоленскому (№ 125)⁷⁰, или черниговскому (№ 140)⁷¹. Они содержат пожелание в сослагательной форме: “...ты бы увязанье в том ему дал” (т.е. содействовал реализации великокняжеского и королевского распоряжения, пожалования, может быть данины с помощью специальных представителей местного административного аппарата). Так, документ от 6 июля 1505 г., направленный дорогицкому наместнику, уместнее было бы назвать “увязчим”⁷² или “приказом” (в тексте глагол “приказал”) об увязаньи Василием Боговитиновичем дворянина Ратомского в имение Хавратово (№ 10). В 1496 г. великий князь Александр распорядился исполнить приговор (принудить ответчика к уплате 15 коп грошей за “татбу о бчолы”) своему дворянину Лаврину Юревичу Межиковичу (№ 204)⁷³. Этот приказ помещен вслед за самим судебным решением. Соединение в одном акте двух распоряжений – данины, или приговора, и порядка ее оформления или его осуществления – характерная особенность литовской дипломатики. В Северо-Восточной Руси каждое из подобных распоряжений становилось предметом отдельного документа. Причина совмещения в Великом княжестве Литовском двух распоряжений в одном документе может быть заключалась в неопределенности самого порядка ввода нового владельца в его благоприобретенную пожалованием недвижимость. Дело в том, что “увязанье” осуществлялось не только местной властью, но и центральной. Великий князь не только приказывал представителям местной власти “дать увязанье”, но порой направлял собственного дворянина с целью ввода пожалованного лица в его владение (два фольварка в Луцке или три дварища во Владимире – № 107, 119)⁷⁴ или должность, например, на держание города Дмитрова, о чем

великий князь извещал дмитровского приказчика (№ 137)⁷⁵. Принцип распределения обязанности “увязанья” между великокняжескими и городовыми (если употреблять термин Северо-Восточной Руси) дворянами остался пока не ясным.

В нарративной части актов в качестве инициативной формулы изредка появляется выражение “бить чолом”, отнюдь не характерное для литовской дипломатики⁷⁶, а скорее типичное для актов Северо-Восточной Руси. Кн. Семен Иванович Можайский в 1496 г. бил челом о получении в держание городов Чернигов, Стародуб и Гомель⁷⁷, писарь Федко Янушкович – о подтверждении прав на именья в Володимерском повете⁷⁸, княгиня Дашкова-Глинская – о держании монастыря св. Иоакима и Анны в Овруче⁷⁹, виленский подключий хлопотал о двух именьях в Черниговском повете⁸⁰, писарь Ивашко Сапежич – о сельце Болдавицы в Полоцком пове⁸¹, кн. Тимофей Иванович Капуста – о дворе и даннике в Брянском повете⁸², в 1497 г. писарь виленского воеводы Николая Радивила Сенко Терехович – о селах в Смоленском повете (№ 218), киевские бояре – о нескольких имениях в Киевском и Путивльском поветах⁸³, дьяк Сысой – о фольварке в Городенском повете⁸⁴, полоцкие мещане – о бобровых гонах⁸⁵, Федко Ко-закович об именьях в Житомирском повете⁸⁶. На литовской этнической территории словосочетание “бить челом” встречается значительно реже. Можно отметить лишь подтверждение Станку Дукурне его купчей на Вазгирдовщину⁸⁷. Использование словосочетания “бить челом” может быть индивидуальной особенностью стиля одного из писарей, ведших канцелярию в 1496 и 1497 гг. Янушки, либо проявлением традиционного стиля жалованных грамот, сложившегося на территории Древней Руси к концу XIV в. Против первого предположения свидетельствует географическое приурочение актов, в которых зафиксирована эта формула, что говорит скорее в пользу второго предположения. Акты конца XV – начала XVI в. свидетельствуют о длительности хранения в семейных архивах землевладельческих актов, практически начиная со времени Витовта и Сигизмунда. Можно думать, что именно эти акты поддерживали традицию, отчасти запечатленную в позднейших.

Впрочем, для объяснения употребления формулы “бить челом” не стоит исключать и третью, ранее не указанную, возможность: формула получила вторую жизнь в 1496–1497 гг. в результате общего и довольно разнообразного воздействия на жизнь литовского общества такого факта, как женитьба великого князя литовского Александра на Елене Ивановне, великой княжне всея Руси. Это воздействие заметно и в употреблении другого словосочетания: “рубль грошей” вместо обычного “копа грошей”, т.е.

100 грошей вместо 60 грошей. Словосочетание “рубль грошей” впервые появляется в документе 1496 г., в котором устанавливалась величина штрафа в велиокняжеский скарб-казну в случае нарушения границ соседских владений любой из двух спорящих сторон, вдовы Мартина Гаштольда и Доброгоста Нарбутовича (№ 208). Показательно, что штраф, исчислявшийся в “рублях грошей”, должен был поступать в скарб⁸⁸. Таким же образом был определен штраф в казну (размером в 100 “рублев грошей”) в случае нарушения князьями Иваном, Олелькой, Дмитрием, Василием Горскими оформленной “записом” договоренности со смоленским владыкой Иосифом, о сохранении в неприкосновенности владений последнего в с. Чуриловичи Смоленского повета (№ 222, 17 марта 1497 г.)⁸⁹. Впрочем, словосочетание “рубль грошей” наряду с документами, устанавливающими размер “заруки” в велиокняжеский скарб, находится и в листе торопецкому наместнику о разграничении повинностей мещан г. Торопца с подданными Старцовой волости в 1498 г. (№ 264)⁹⁰. Последний случай употребления подобного словосочетания может быть объяснен не столько проникновением на территорию Великого княжества Литовского терминологии Северо-Восточной Руси, сколько конкретными экономическими связями Торопца с этим регионом⁹¹.

На основе материалов одной книги трудно с уверенностью делать обобщающие выводы, однако предварительные наблюдения можно высказать. В актовом делопроизводстве на территории Великого княжества Литовского в течение XV столетия складывался особый понятийный аппарат, формировались принципы практической дипломатики, отличной как от польской, так и от дипломатики Северо-Восточной Руси. Разумеется, это отнюдь не значит, что литовская дипломатика не испытывала влияния. Примером влияния со стороны Польши может служить широкое распространение термина “лист”, примером воздействия Руси – формула “бить челом”, “пожаловали”. Однако базовое понятие “листа” приобретало многочисленные конкретные значения с помощью прилагательных – даный, судовый, купчий, делчий, или “делавой” (№ 180)⁹², потверженый, дозволенный и т.д. Единственным существительным, образовавшимся на основе прилагательных, был термин “данина”. Однако на протяжении XVI столетия литовская дипломатика испытала сильное польское влияние, и польский дипломатический понятийный аппарат постепенно сменил традиционный. Стали широко употребляться такие термины, как привилей, вырок, справа и т.д., однако последовательности в употреблении указанных терминов в заголовках шестой книги записей еще не прослеживается. Вероятно, процесс внедрения новых понятий в дипломатику Великого княжества еще не закон-

чился. В настоящей работе не подверглись сравнению акты, выданные канцелярией Александра в период бытности его великим князем и после коронования, т.е. 1492–1501 и 1501–1506 годов⁹³. Это остается задачей будущего.

Для практики археографической деятельности важно установить или хотя бы обсудить принципы создания заголовков ранних актов. Представляется наиболее корректным пользоваться самоназваниями документов той или иной эпохи. Так, для актов конца XV – начала XVI в. это были бы словосочетания прилагательного с существительным “лист”. Для этого времени вряд ли подошли бы термины, которые встречаются в заголовках, составленных столетием или столетиями позднее, т.е. в конце XVI и в XVII в.⁹⁴

¹ Первая точка зрения является традиционной со времени появления описания ее материалов С. Пташицким в 1887 г. См.: *Пташицкий С.Л. Описание книг и актов Литовской метрики. СПб., 1887; Бережков Н.Г. Литовская метрика как исторический источник. Ч. I: О первоначальном составе книг Литовской метрики по 1522 год. М.; Л., 1946.* Она была принята и автором настоящей статьи. См.: *Хорошкевич А.Л. К истории издания и изучения Литовской метрики // Acta Baltico-Slavica. 1973. Т. 8. С. 69–70; Она же. Жалованные грамоты Литовской метрики конца XV века и их классификация // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970. С. 4.* Вторая, более правильная, представлена в работе П. Кеннеди Гри姆стед. См.: *Kennedy Grimsled P., Sulkowska-Kurasiowa I. The “Lithuanian Metrica” in Moscow and Warsaw: Reconstructing the Archives of Grand Duchy of Lithuania: Including An Annotated Edition of the 1887 Inventory Compiled by Stanislaw Ptaszynski. Cambridge (Mass.), 1984. Р. 4–10.*

² Бережков Н.Г. Литовская метрика...

³ Баненис Э.Д. “Книги листов судовых и данины” 1492–1506 гг. // Литовская метрика; Тез. докл. межреспубл. научн. конф. Апрель 1988 г. Вильнюс, 1988. С. 33.

⁴ Там же.

⁵ Он записывал посольские наказы Александра в 1505 г. в Городне. (*Пташицкий С.Л. Описание... С. 78*).

⁶ Леонтович Ф.И. Акты Литовской метрики. (Далее: АЛМ.) Варшава, 1896–1897. Т. 1, вып. 1. № 11. Здесь и далее в тексте указаны № документов по описанию Н.Г. Бережкова. См.: Бережков Н.Г. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1921. Кн. 21.

⁷ Скорее всего, дело обстояло именно так. В книги заносились документы, написанные одним и тем же писарем, вне зависимости от их типа – листы судовые, “данины” т.д. Эта идея была впервые высказана Н.Г. Бережковым (Бережков Н.Г. Литовская метрика... 22 и др.) и последовательно развита Э.Д. Баненисом.

⁸ Баненис Э.Д. Указ. соч. С. 347.

⁹ Kennedy Grimsled P., Sulkowska-Kurasiowa I. The “Lithuanian Metrica”... Р. 11.

¹⁰ Хорошкевич А.Л. Жалованные грамоты Литовской метрики... С. 51.

¹¹ Бережков Н.Г. Литовская метрика... С. 5–6.

- ¹² Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики / Сост. С.М. Каштанов, А.Л. Хорошкевич. (Текст о принципах составления заголовков принадлежит А.Л. Хорошкевич.) Вильнюс, 1985. Как явствует из приведенной выше характеристики описания Бережкова – Шамбинаго, автор полностью принимает критику коллег 1988 г. по поводу термина “грамота”.
- ¹³ То же характерно и для нашей статьи 1970 г. (*Хорошкевич А.Л. Жалованные грамоты...*).
- ¹⁴ В настоящее время к этой проблеме приковано внимание белорусских археографов. См.: Метадычныя рэкамендацыі на публікацыі рукапісных актавых кірылічных кніг у Беларусі (XIII–XVIII стст., перыяд Вялікага княства Літоўскага) / Аўтар-складальнік А.І. Груша. Мінск, 2003. С. 56–97. Рец.: *Харацкевіч Г.* Беларускі гісторычны агляд. Т. 10, № 1/2. С. 57–62; *Груша А.* “Лісты” і “увяжчыя” кнігі Метрыкі Вялікага княства Літоўскага 44 (1559–1566) // Там же. С. 63–69. Однако проблема эволюции понятийного аппарата дипломатики Литовской метрики на протяжении длительного периода существования этого государства пока не поднималась.
- ¹⁵ Годовой отчет Института истории СССР АН СССР за 1985 год. М., 1985. С. 48, 84–85, 105; Отдел рукописных фондов ИРИ РАН. Отдел истории феодализма. Протоколы заседаний дирекции. К протоколу № 12. 24.X.1985 г. С. 145.
- ¹⁶ *Хорошкевич А.Л.* Советская историография русского средневековья и русско-польско-литовских средневековых связей в XI пятилетке (1981–1985 гг.) (Институт истории СССР АН СССР) // *Kwartalnik historyczny. Rok CX.* 2003. № 4. S. 140–142; *Она же.* Проблемы выдання Літоўскай метрыкі і первая беларуская публікацыя // БГА. Мінск, 2000. Т. 7. Сш. 2. С. 513–514.
- ¹⁷ Н.Г. Бережков составил описание почти полного комплекса документов книги, что в высшей степени облегчает работу над ней. См.: Описание писем и бумаг...
- ¹⁸ *Пташицкий С.Л.* Описание... С. 21.
- ¹⁹ Там же. С. 24–25.
- ²⁰ АЛМ. 341; Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. (Далее: ПГ.) М., 1978. Вып. II. № 220. С. 144.
- ²¹ АЛМ. 774, 773, 771; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. № 6. Л. 133об. Слово “запис” помимо обозначения чисто делопроизводственного документа имело и особое значение: завещания, дарения, двустороннего соглашения.
- ²² АЛМ. 746.
- ²³ АЛМ. 129.
- ²⁴ АЛМ. 381.
- ²⁵ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссию. (Далее: АЗР.) СПб., 1841. Т. I. № 126.
- ²⁶ АЛМ. 222, 254.
- ²⁷ Наречие “вечно” появляется там и тогда, где и когда речь идет о земле.
- ²⁸ АЛМ. 274.
- ²⁹ АЛМ. 301.
- ³⁰ АЛМ. 253.
- ³¹ АЛМ. 278.
- ³² АЛМ. 721, 774, 773, 771, 585.
- ³³ АЛМ. 129.
- ³⁴ АЛМ. 433.
- ³⁵ АЛМ. 769; Акты Литовско-русского государства, изданные М.В. Довнар-Запольским. 1899. Вып. 1: (1390–1529). (Далее: АЛРГ.) № 96; *Любавский М.К.*

- Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892. Прилож. № 10.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Подробнее о конфликте Старцовой волости и торопчан см.: *Кром М.М. Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV– первой трети XVI в.* М., 1995. С. 141–142; *Побойнин И.И. Торопецкая старина // ЧОИДР.* 1897. Кн. 1. С. 64–68.
- ³⁸ АЛМ. 746.
- ³⁹ АЛМ. 372, 382, 381.
- ⁴⁰ АЛМ. 161. См. то же: ПГ. Вып. II. № 210. С. 133–134; АЗР. № 126; АЛМ. 212, 222.
- ⁴¹ ПГ. Вып. II. № 210. С. 133–134.
- ⁴² Этот термин применялся и для обозначения людей, доставшихся владельцу после раздела. Они назывались “деловыми”. Представители верховной власти, участвовавшие в процессе самого раздела, назывались “делчими”. В этом качестве при разделе отчины Трубецких 15 февраля 1499 г. выступали наместник брянский Федор Иванович и смоленский окольничий Борис Семенович (АЛМ. 435; по *Бережков Н.Г. Описание... № 287*).
- ⁴³ АЛМ. 274; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. № 6. Л. 127 об.
- ⁴⁴ АЛМ. 293.
- ⁴⁵ АЛМ. 212.
- ⁴⁶ АЛМ. 748.
- ⁴⁷ *Бережков Н.Г. Описание... № 22, 25, 32, 88, 90, 92–97, 100, 104, 105, 107, 118–120, 122–126, 129, 140, 142–144, 147.*
- ⁴⁸ № 16, 85–87, 103, 109, 113, 134, 145 по Описанию Н.Н. Бережкова.
- ⁴⁹ Термин “позволене” употреблялся и в чисто делопроизводственных документах. Так, 7 мая 1506 г. М.Л. Глинский в качестве главы Денежного двора, Минцы, получил разрешение расплатиться с купцами за сукна, взятые в кредит для уплаты “служебным нашим за их службу”, в сумме 1100 коп грошей доходами от чеканки монет: “И ты бы тым купцом за тое сукно тыи пенези поплатил з мынцы нашое” (№ 21; АЛМ. № 745. См. то же: АЛРГ. № 94).
- ⁵⁰ АЛМ. 314.
- ⁵¹ АЛМ. 748, 744, 135, *Бершадский С.А. Русско-еврейский архив. Документы и материалы по истории евреев в России. Документы и реестры к истории литовских евреев.* СПб., 1882. Т. 1: (1380–1550). С. 33.
- ⁵² АЛМ. 744.
- ⁵³ АЗР. Т I. № 145/1.
- ⁵⁴ АЛМ. 168; *Бершадский С.А. Указ. соч.* С. 348; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. № 6. Л. 112–113 об.; АЛМ. 269, 299, 311, 318.
- ⁵⁵ АЛМ. 717, 214, 140, 181, 213, 215, 244, 245.
- ⁵⁶ *Хорошевич А.Л. Жалованые грамоты.* С. 60–65.
- ⁵⁷ *Бершадский С.А. Указ. соч.* С. 27.
- ⁵⁸ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. № 6. Л. 103 об.
- ⁵⁹ АЛМ. 206.
- ⁶⁰ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 6. Л. 1047.
- ⁶¹ АЗР. Т. I. № 129.
- ⁶² *Бершадский С.А. Указ. соч.* С. 30.
- ⁶³ Этот процесс происходил на всей территории Великого княжества Литовского. См.: *Любавский М.К. Областное деление...* С. 736–739.
- ⁶⁴ АЛМ. 253.
- ⁶⁵ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. № 6. Л. 127 об.
- ⁶⁶ АЛМ. 748.

- ⁶⁷ АЛМ. 139.
- ⁶⁸ АЛМ. 160, 174.
- ⁶⁹ АЛМ. 177.
- ⁷⁰ АЛМ. 214. См. то же: АЛРГ. 31.
- ⁷¹ АЛМ. 235.
- ⁷² Хорошкевич А.Л. К изучению дипломатики Великого княжества Литовского и внутренней и внешней политики Сигизмунда II Августа в первые годы Ливонской войны (“увяжчие листы” книги записей 44 Литовской метрики) // Athenaeum. Vol. VIII: Metriciana. Даследаванні матэрыялы Метрыкі Вялікага княства Літоўскага. Мінск, 2003. Т. II. С. 57–62.
- ⁷³ АЛМ. Вып. 1. № 11.
- ⁷⁴ АЛМ. 184; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. № 6. Л. 104.
- ⁷⁵ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. № 6. Л. 111 об.
- ⁷⁶ О значении и происхождении словосочетания “бить челом”, подчеркивающее сословную неполноправность просителя, см. подробнее: Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию: Конец XV – начало XVI в. М., 2001. С. 121–123. В данной работе высказано ошибочное мнение, что в литовской дипломатике термин “бить челом” широко употреблялся лишь в некоторых статьях “ряда”-договора западнорусских городов с князьями (Там же. С. 122), относящихся к концу XIV в. См.: Якубовский Я. Земские привилеи Великого княжества Литовского // ЖМНП. 1903. Т. VI. С. 272.
- ⁷⁷ АЗР. Т. 1. № 139,1.
- ⁷⁸ АЛМ. 299.
- ⁷⁹ АЗР. Т. 1. № 140.
- ⁸⁰ АЛМ. 314.
- ⁸¹ АЛМ. 322. См. то же: ПГ. [Вып.] II. № 216. С. 139.
- ⁸² АЛРГ. № 51; АЛМ. 328. Этот лист был подтвержден 11 сентября 1498 г. См.: Русская историческая библиотека. (Далее: РИБ.) Т. XXVII. СПб., 1910. № 216/V. Стб. 769. О нем см. подробнее: Хорошкевич А.Л. Жалованные грамоты Литовской метрики... С. 66.
- ⁸³ АЛМ. 339.
- ⁸⁴ АЛМ. 316.
- ⁸⁵ АЗР. Т. I. № 147; ПГ. [Вып.] II. № 221. С. 145–146.
- ⁸⁶ АЛМ. 329.
- ⁸⁷ АЛМ. 350.
- ⁸⁸ АЛМ. 317.
- ⁸⁹ АЗР. Т. I. № 145.І.
- ⁹⁰ Любавский М.К. Областное деление... Приложение. 10.
- ⁹¹ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 363–364; Торопецкая книга 1540 года / Подгот. М.Н. Тихомиров и Б.Н. Флоря // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964; Побойчин И. Указ. соч. С. 64–68.
- ⁹² АЛМ. 263.
- ⁹³ Воздействие факта коронаования на состав книг Литовской метрики уже поставил и отчасти решил Э.Д. Баненис (Баненис Э.Д. Указ. соч. С. 34–35).
- ⁹⁴ Образцом подобных неверных заголовков являются примеры, приведенные нами на с. 21 “Методических рекомендаций”.

ЯЗЫК И ИДЕНТИЧНОСТЬ В СИТУАЦИИ ПОЛИЛИНГВИЗМА: ПРАВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.¹

Проблема взаимосвязи между языком и идентичностью, влияния исторического и социального контекста на характер отношений между языковым и этническим (национальным) сознанием и роли языка в ходе трансформации языкового сообщества в национальное является одной из наиболее дискуссионных проблем не только в среде политологов и историков, но и социолингвистов². Особый интерес в этом отношении представляет языковое поведение отдельных индивидуумов и социальных групп в ситуации полилингвизма в тот исторический момент, когда национальный дискурс находится в процессе формирования, а наличие нескольких “проектов наций”³ создает множественность идентичностей и вариативность языковых стратегий.

Предметом анализа в настоящей статье является языковое поведение представителей польской шляхты как наиболее эмансипированного сословия на Правобережной Украине в первой трети XIX в. с учетом их отношения к родному, основному и официальному языкам. В связи с этим возникает целый ряд вопросов. Какие факторы определяли конфигурацию языков в ситуации полилингвизма на уровне всего коммуникативного сообщества и на уровне конкретных участников коммуникации? Чем объясняется выбор основного и второго (третьего) языка в разных сферах коммуникации, начиная с официального общения и заканчивая литературным творчеством и личным общением, которое в наименьшей степени подвержено внешней регламентации? Насколько сильным было в этот период влияние внешних политических факторов, в том числе государственной языковой политики, на выбор языковой стратегии в каждом отдельном случае при тождестве исходных условий (родной язык, окружение, образование)?

Прежде чем перейти к характеристике типов языкового поведения представителей правобережной шляхты, обратимся к общему анализу языковой ситуации на территориях, “воссоединенных” с Россией в результате второго (1793 г.) и третьего (1795 г.) разделов Речи Посполитой. Специфическое положение

на границе языковых ареалов (польского и украинского), включенность одновременно в несколько сфер культурно-политического влияния (польского и русского), несовпадение фаз развития национальных литературных языков (польского, русского и украинского)⁴ и фактическая неразвитость собственно украинского культурного дискурса в рассматриваемый период определяют характер языковой ситуации на уровне коммуникативного сообщества в целом. Население Правобережной Украины в начале XIX в. предстает как сообщество многоязычное⁵, в котором одновременно функционируют польский, украинский и русский языки, а также церковнославянский и латынь в религиозно-сакральной сфере.

Как показывают сопоставительные социолингвистические исследования, многоязычие является наиболее распространенным типом языковой ситуации в глобальном масштабе. При этом полилингвизм практически исключает симметричное сосуществование языков с одинаковым престижем и равноправным статусом, поскольку закрепление того или иного языка за определенной сферой общения непосредственно влияет на его статусные характеристики в коммуникативном сообществе⁶. Характер соотношения языков, как и общая динамика языковой ситуации, определяется в каждом конкретном случае целым рядом факторов этнополитического, социального, экономического и т.п. порядка. Политические и этнокультурные процессы, происходившие на Правобережье (разделы Речи Посполитой, польское восстание 1830–1831 гг., формирование государственной языковой политики на уровне империи, создание нового украинского литературно-языкового канона, складывание современных националистических дискурсов и программ) обусловили исключительный динамизм изменений в собственно языковой сфере, что непосредственно сказалось на изменении функций и статусных характеристик польского, украинского и русского языков в коммуникативном сообществе⁷.

Многоязычие в первой трети XIX в. в условиях Правобережья характеризует языковое поведение не на уровне отдельных индивидуумов, а коммуникативного сообщества в целом. Другое дело, что последнее ни по одному из критериев не может быть оценено как однородное: набор языков, используемых в коммуникации, как и их конфигурация, будет меняться в зависимости от социального статуса (шляхта–чиновничество–крестьянство), этнической (поляки–украинцы–русские–евреи) и религиозной (католики–униаты–православные–иудеи) принадлежности, сферы общения (ареал высших коммуникативных функций и ежедневное общение как два полюса). В связи с этим будет меняться и языковая

стратегия, направленная на выбор конкретного языка в зависимости от ситуации общения (официальная–неофициальная, письменное–устное общение, коммуникация внутри этнокультурного сообщества или между членами разных локальных сообществ, с участием собеседников с одинаковым или различным социальным статусом).

Противопоставление высоких (делопроизводство, образование, книгоиздание) и низких (личное общение) коммуникативных функций отразилось в польско-украинском билингвизме с очевидной тенденцией к диглоссии и жесткому закреплению сфер компетенции каждого из языков⁸. В письменной коммуникации доминирует польский язык, который обслуживает официальную сферу, является языком образования и большей части книгопечатной продукции, выходившей из местных типографий, включая типографии униатских монастырей (Унева и Почаева), хотя те и продолжают до конца XVIII в. публиковать книги на староукраинском книжном языке, параллельно с церковнославянским⁹.

Присоединение Правобережья к Российской империи в языковой сфере означало проникновение в сферу высших коммуникативных функций также официального языка империи – русского. В 1780–1790-е годы предпринимаются первые попытки ввести русский язык в делопроизводство: к этому времени относится основание типографий, специализировавшихся на издании официальных документов, бланков паспортов, пропусков, объявлений на русском языке¹⁰. В то же время, вопреки распространенному среди лингвистов мнению, влияние польского языка после 1795 г. не снижается¹¹, определяя характер публичной коммуникации вплоть до восстания 1830–1831 гг. Своеобразная административно-культурная автономия западных губерний в царствование Павла I, а затем и Александра I, выражавшаяся, в частности, в сохранении за выходцами из местной шляхты ключевых позиций в органах самоуправления, судопроизводства и т.д.¹², создавала возможности для использования польского языка для обслуживания целого ряда функций “высокого” ареала коммуникации. В судопроизводстве польский и русский языки используются параллельно¹³, а делопроизводство западных губерний остается по преимуществу польскоязычным. Это позволяет констатировать складывание в ареале высших коммуникативных функций фактического русско-польского билингвизма. Русификация в данный период носит по большей части декларативный характер, что дает основания для характеристики ее как внешней и сугубо административной¹⁴.

Еще более очевидным становится внешний декларативный характер русификации при анализе языковой ситуации в сфере

образования. Последняя остается по преимуществу польской и польскоязычной, равно как польским является руководство Виленского учебного округа в начальный период его существования¹⁵. Языком преподавания в школах всех уровней, начиная с приходских и заканчивая гимназиями (Волынская гимназия в Кременце создана в 1805 г., Подольская в Виннице – в 1814 г. на базе так называемых академических школ) и Виленским университетом, остается польский, обучение ведется по польским программам времен Эдукационной комиссии с использованием преимущественно учебной литературы на польском языке¹⁶. Впрочем, в учебных заведениях Виленского учебного округа, в том числе в гимназиях, русский язык становится одним из учебных предметов, организуются русские классы. Уже университетский Устав 1804 г. требует перевода образования на русский язык, это требование повторяется в Уставе 1828 г., однако реально на Правобережье русский язык становится языком преподавания в учебных заведениях всех уровней только после подавления восстания 1830–1831 гг. и фактического уничтожения польской системы образования¹⁷.

На несколько особом положении находились школы при монастырях, в том числе василианских¹⁸, где наряду с польским языком и латынью обучали также церковнославянскому языку¹⁹. Часть подобных школ существовала на деньги меценатов, как, например, известная Уманская школа, основанная при содействии Фр. С. Потоцкого в 1764 г. К 1830 г. – моменту закрытия – в ней насчитывалось до 800 учеников в семи классах, преимущественно детей местной шляхты²⁰. В целом, период до 1830 г. в сфере образования может быть охарактеризован как культурное соперничество между польским и русским языками при фактическом польском доминировании, несмотря на попытки русификации²¹.

Сфера религиозной жизни обслуживается в рассматриваемый период латинским и польским языками в католическом богослужении, в униатском чине используются церковнославянский, польский и латынь. Важно, что в практике униатского богослужения применялся так называемый “гибридный” церковнославянский язык, включавший определенное число разговорных (украинских) элементов и, очевидно, функционировавший в украинской огласовке²². Борьба за сферу влияния между униатами и православными в период между первым и вторым разделами завершилась переходом целого ряда униатских приходов на Правобережье в православие²³, а затем, продолжившись в начале XIX в., привела в результате вмешательства правительства к полной ликвидации униатства на этой территории (1839 г.). В языковом плане это сопровождалось заменой гибридного церковнославян-

ского на стандартный²⁴, очищенный от влияния разговорного (украинского) языка. Примечательно, что предполагалось приглашение священников из центральных регионов России, причем “имелось в виду избрать людей, знающих страну, даже прямо обозначалось, что избранный знает польский язык”²⁵.

К более позднему периоду относятся также попытки введения русского языка в практику католического богослужения. Так, согласно распоряжению 1869 г.,циальному Д.А. Толстым, министром народного просвещения и обер-прокурором Святейшего Синода, молитвенники и другие книги духовного содержания для учеников-католиков должны были переводиться на русский язык с последующей заменой ими польских молитвенников, предусматривалось также ведение проповедей на русском языке²⁶. Однако для периода начала XIX в. русский язык не играет сколько-нибудь существенной роли в религиозной сфере. На Правобережье сохраняется языковая ситуация, характерная для XVIII в., причем трилингвизм (польско-латинско-церковнославянский) характерен и для униатов, и для католиков, которые также часто получали образование в василианских школах²⁷.

Можно констатировать, что религиозная идентичность, являющаяся для данного региона важной составляющей идентичности этнической и впоследствии национальной, в интересующий нас период формировалась с учетом различий языка богослужения: латыни для католиков, стандартного церковнославянского для православных и гибридного для униатов. Недифференцированность языка проповеди в католической и униатской практике (в обоих случаях использовался польский язык) могла стать одной из причин добровольного перехода части униатских приходов в православие²⁸. Для греко-католиков базовой была идентификация с церковнославянским как языком богослужения независимо от степени его близости к разговорному (народному) языку. Учитывая важность религиозного критерия при определении идентичности в традиционном социуме, следует признать, что именно язык богослужения играл в этот период фатическую, маркирующую функцию, разграничивая в рамках коммуникативного сообщества этнорелигиозные группы (католиков, униатов, православных). Поскольку униатская церковь была по своей природе многоязычной, то в пограничной ситуации – под внешним давлением – происходила идентификация либо с языком богослужения (церковнославянским), как это было в части приходов, перешедших в православие, либо с языком проповеди (польским), как это произошло в приходах, принявших католицизм. Заметим, что преобладание религиозной идентификации, связанной с языком богослужения, над национальной может сохраняться в ряде ло-

кальных сообществ довольно долго, и это касается в первую очередь языковых меньшинств в полилингвальных регионах, находящихся на стыке различных сфер этнокультурного влияния, как например, поляки в Белоруссии²⁹ или на Украине³⁰.

Украинский язык в первой трети XIX в. оказывается фактически исключенным из сферы высших коммуникативных функций, что не в последнюю очередь объясняется социальной структурой населения данного региона³¹. На Правобережной Украине на момент присоединения ее к империи насчитывалось 3421,9 тыс. человек, из них украинцев 3006 тыс. (87,9%), поляков – 266,2 тыс., евреев – 123,5 тыс., русских – 3,9 тыс.³² В то же время украинское население, составляющее подавляющее большинство, обладало самым низким социальным статусом, тогда как элита и средние социальные слои формировались преимущественно из поляков и евреев. Несовпадение демографического потенциала языков и социально-этнической стратификации общества – украинская деревня, польская усадьба и польско-еврейско-украинское местечко³³ – оказывало непосредственное влияние на ситуацию в сфере устного общения. Здесь налицо конкуренция польского и украинского языков, напрямую связанная с социальными характеристиками участников коммуникации: представители высших и средних сословий даже в ситуации полуофициального или непринужденного общения говорят преимущественно по-польски, низших – по-украински. Однако, по крайней мере потенциально, и носители польского языка, и носители украинского языка являются двуязычными.

Для преимущественно украиноязычного крестьянства базовое, часто пассивное и рецептивное (т.е. основанное на понимании, но не на воспроизведении) знание польского языка, является необходимым условием участия во внешней публичной коммуникации (например, при разбирательстве дела в суде, при общении с управляющим и т.д.). Характеристика украинско-польского билингвизма в этом секторе коммуникативного сообщества как смешанного, сочетающего черты искусственного и естественного³⁴, объясняется способом освоения языка: далеко не все имели доступ даже к начальному образованию – а именно школа являлась основным средством языковой полонизации, – знание языка приобреталось преимущественно через польские проповеди в униатском храме, контакты с представителями высших и средних социальных слоев, а в ряде регионов также с польскоязычным населением соседних деревень. В то же время языковая полонизация крестьянства на Правобережье не стала массовым явлением и не приводила к смене языка³⁵, как это было, например, на белорусско-литовских землях³⁶. Польско-украинский билингвизм ока-

зывал влияние на сферу личного общения между представителями различных локальных сообществ, но не внутри отдельных языковых сообществ.

Такое соотношение языков в сфере неофициальной коммуникации связано, в частности, со спецификой польской колонизации правобережных земель. Поляки включились в процесс колонизации Подолья и Волыни во второй половине XVII в., причем имела место социальная неоднородность польских поселенцев, среди которых были как крестьяне (называемые повсеместно “мазурами”), так и мелкая шляхта и представители знати – магнаты³⁷. Каждая из групп отличалась собственной моделью языкового поведения, предусматривающей выбор средства (средств) ежедневного и “высокого” общения из арсенала: диалект – национальный литературный язык – *lingua franca*. Если для представителей высших слоев шляхты французский как язык высокого общения являлся одним из средств включения в общеимперское коммуникативное пространство и знаком принадлежности к элите, то в среде мелкой правобережной шляхты разграничение коммуникативных сфер в рамках языкового сообщества было связано с противопоставлением польского литературного языка как основного средства публичного общения и его регионального варианта как языка неофициального общения. Аналогичным образом для крестьян-“мазуров” региональная разновидность литературного языка противостоит “кресовому” диалекту как языку преимущественного общения.

В отличие от белорусско-литовского пограничья, польские колонисты сохраняли своеобразную обособленность, образовывая замкнутые островные диалектные ареалы на преимущественно украиноязычной территории, что подтверждается современными диалектологическими исследованиями³⁸. В то же время долговременные языковые контакты на данной территории создавали предпосылки для появления целого ряда изменений во внутренней структуре обоих взаимодействующих языков: и украинского, и польского. Так, одним из свидетельств активности польско-украинских языковых контактов в данном регионе является польское лексическое влияние на местные украинские диалекты, ставшее причиной появления целого пласта полонизмов в западноподольских говорах³⁹. Взаимному проникновению элементов разных уровней в систему языков способствовал факт их родственности и взаимной понятности для членов локального сообщества, причем как для поляков, так и украинцев. Немаловажен здесь также факт географической сопредельности языков и наложения диалектных ареалов. Для польского языкового континуума Правобережная Украина представляет собой безусловную

периферию, в то же время роль польского языка как коммуникативной доминанты, равно как и высокий социальный статус большинства носителей польского языка (90,7% всего польского населения составляла шляхта) предопределял направление и характер языковых контактов. Польско-украинский билингвизм для польского населения носил естественный характер и являлся следствием постоянных контактов с украиноязычным окружением, однако при этом, как и в случае с носителями украинских диалектов, речь в основном идет только о пассивном понимании, а не воспроизведении языка. Малочисленность поляков и активность языковых контактов, а также удаленность польских островных говоров на украинских “кресах” от основного польскоязычного массива, обусловили интенсивность украинского влияния на польский язык поселенцев.

Результатом западно-восточнославянских языковых контактов в данном регионе стало возникновение особой территориальной разновидности польского языка, которую принято обозначать термином “кресовые диалекты”⁴⁰. Помимо собственно диалектной устной формы, эта региональная разновидность польского языка начинает довольно рано (в XVII в.) проникать также в сферу литературного творчества, тем самым завоевывая культурный престиж. К началу XIX в. есть определенные основания говорить о формировании особого регионального варианта литературного польского языка⁴¹, возникшего не как результат взаимодействия литературных языков⁴², а как следствие воздействия украинской языковой стихии (диалектов юго-западного ареала) и собственно “кресовых диалектов” на польский литературный язык.

Как можно заметить, языковая ситуация на Правобережной Украине в первой трети XIX в. в ареале высших коммуникативных функций и в сфере повседневного общения различается по целому ряду параметров. Прежде всего это касается набора и конфигурации языков, используемых в коммуникации. В официальной сфере, как и в других важнейших функциональных сферах, отчетливо прослеживается “русификаторский” характер языковой политики, однако, несмотря на определенные усилия со стороны правительства, русский язык в рассматриваемый период занимает место на периферии коммуникативного пространства. Фактический польско-русский билингвизм элит носит искусственный, внешний характер⁴³ и находит свое выражение главным образом в письменной коммуникации, а официальный статус русского языка сочетается с сохранением за польским языком реального наивысшего престижа. Осознание себя частью польского коммуникативного пространства в высших и средних слоях обще-

ства сочетается с ограниченным использованием в роли *lingua franca* русского языка⁴⁴. В сфере неофициального общения мы имеем дело с польско-украинским устным билингвизмом, который в зависимости от этнической и социальной принадлежности участников коммуникации может принимать более или менее искусственный характер, оставаясь в любом случае рецептивным.

Ситуация осложняется тем, что в полилингвальной среде, особенно в индивидуальном употреблении, могут сосуществовать языковые системы разного уровня, включая диалекты разных языков и собственно литературные, стандартные их формы. Представитель коммуникативного сообщества может идентифицировать себя одновременно с одним или двумя диалектами, с одним или двумя литературными языками, диалектом и литературным языком, диалектом одного языка и стандартной формой другого языка и т.д. Очевидный факт использования регионального варианта польского языка как средства ежедневного общения в среде “кресовой” шляхты не отменяет знания и владения польским литературным языком. Искусственный и внешний характер польско-русского билингвизма во многом объясняется уровнем языковых контактов: в данном случае взаимодействуют литературные, стандартные языки. В свою очередь, естественность польско-украинского билингвизма определяется, в частности, взаимодействием украинских диалектов и польского литературного языка как систем разного уровня (отсюда относительная легкость проникновения украинизмов в региональный вариант польского языка). Украинско-польско-русский трилингвизм в условиях конкуренции разных способов оформления собственно украинского культурного дискурса (сохранение старой письменной традиции, создание нового стандарта на базе одного или нескольких диалектов, принятие другого языка как более подходящего для формулирования культурных потребностей⁴⁵) в первой трети XIX в. на Правобережье реализуется главным образом в форме противопоставления украинского языка как разговорного, диалектного и польского/русского как стандартных, наддиалектных, литературных.

Восстание 1830–1831 гг. и последовавшие за ним репрессивные меры со стороны имперских властей, в том числе в языковой сфере и в области образования, положили конец относительному равновесию в ареале высших коммуникативных функций. Изъятие польского языка из сферы официального общения и образования привело к перестройке отношений в коммуникативном пространстве в целом. Конфликт польского и украинского языков как языков с разными статусами постепенно трансформируется в конфликт языков с одинаковым статусом: они оба оказы-

ваются в положении недостаточно коммуникативно эмансипированных по сравнению с официальным языком – русским. Дальнейшее развитие украинского языкового стандарта, формирование собственного национального дискурса, а также существенные изменения этносоциальной структуры населения значительно позже, уже в XX в., привели к постепенной трансформации искусственного конфликта украинского и польского языков в естественный со сменой ролей (а в перспективе и статусов), когда украинский становится языком большинства, а польский – языком меньшинства⁴⁶.

Здесь мы подходим к ключевому для нашего исследования вопросу: каков характер зависимости между общей структурой коммуникативного пространства и индивидуальной стратегией языкового поведения, проявляющейся в тех предпочтениях, которые осознанно или неосознанно формируются в ходе общения. Многоязычное коммуникативное сообщество в силу своего характера оставляет определенную свободу выбора языка (языков) в индивидуальном употреблении. Степень этой свободы для говорящего во многом определяется характером коммуникативного акта: на одном полюсе оказывается публичное официальное общение, в том числе между членами разных языковых сообществ, особенно письменное, на другом – неофициальное личное общение внутри одного языкового сообщества, как правило устное⁴⁷. Предпочтения в выборе языка на индивидуальном уровне в наиболее свободной ситуации общения могут служить важным показателем реального престижа и коммуникативной значимости языка. Так, преимущественное употребление польского языка в ситуации неофициального общения в высших и средних социальных слоях является одним из свидетельств полоноцентричности коммуникативного пространства в целом.

Стратегия языкового поведения – категория изменчивая и может трансформироваться с течением времени под влиянием целого комплекса факторов, причем как при переходе от одного поколения к другому, так и на протяжении жизни конкретного человека⁴⁸. В этом контексте особую роль приобретает отношение к родному языку и языку преимущественного общения в семье. Язык, вынесенный из дома, может приниматься говорящим безоговорочно и служить средством самоидентификации с данным языковым сообществом, но вполне может и отвергаться, как это часто происходит с детьми эмигрантов в первом поколении⁴⁹.

По свидетельству современников и наблюдениям историков, языком преимущественного ежедневного общения для представителей польской и полонизированной шляхты Правобережья в первой трети XIX в. являлся польский, причем даже в тех семьях,

для которых мы можем предполагать наличие украинского языка как родного. Об этом, в частности, находим упоминания в биографиях писателей – выходцев с правобережных земель⁵⁰. Начальное образование они получали, как правило, в местных школах при монастырях или светских учебных заведениях, в которых основным языком обучения также был польский. Так, в разное время уманскую василианскую школу посещали Богдан Юзеф Залеский, Северин Гоцинский, Михал Грабовский, Александр и Сильвестр Гроза, Ян Креховецкий, а также (несколько позже) Виктор Григорович⁵¹, в винницкой гимназии в 1814–1815 гг. учились Северин Гоцинский и Тимко Падурра⁵², в бердичевской частной школе – Михал Чайковский⁵³. Продолжение образования также ассоциировалось с польским кругом культуры, в который включались Кременецкий лицей (Т. Падурра), Виленский университет (А. Гроза), Варшавский университет и лицей (М. Грабовский, вольные слушатели – С. Гоцинский, Б. Залеский, М. Чайковский). Только после фактической ликвидации польской системы образования происходит переориентация на русские университеты, в частности Харьковский (В. Григорович).

Изначальная связь с локальным сообществом и принятие языкового поведения, характерного для определенного социального слоя на Правобережье, в дальнейшем могла быть переосмыслена под влиянием круга общения в высшем учебном заведении, характера профессиональной деятельности, степени включенности в общую имперскую систему, а также места проживания. Причины дальнейшей трансформации исходной модели языкового поведения носили чаще всего совершенно практический характер (доступ к образованию, карьерные соображения), тогда как ее сохранение было связано с соображениями идеалистического плана (желание сохранить связь с родиной, с семьей). Причем данный процесс мог протекать как сознательное отторжение традиционного поведения, так и неосознанное принятие выбора, продиктованного внешними обстоятельствами. Для тех, кто продолжал жить на Украине и сохранял связь с локальным сообществом (А. Гроза, Т. Падурра), естественным было сохранение полоноцентричной модели языкового поведения, вынесенной из семьи и закрепленной в годы учебы. Для тех, кто, как В. Григорович (который, кстати сказать, был существенно моложе всех вышеперечисленных авторов), получил русское образование и, работая в университетах Дерпта, Казани, Москвы, Одессы, оказался включенным в наднациональное имперское культурное пространство, не менее естественной становится смена предпочтительного языка общения с польского на русский. Своего рода компромиссный тип языкового поведения демонстрирует М. Грабовский. Поль-

ский, очевидно, остается для него первым языком, как в силу семейного воспитания, так и полученного образования, о чем свидетельствует, в частности, преобладание польскоязычных произведений в его творческом наследии и переписке, в то же время жизнь в Петербурге и активное участие в общероссийском политическом и культурном процессе, постепенно приводят к трансформации изначально искусственного польско-русского билингвизма в естественный и увеличению доли русского языка в индивидуальном употреблении. Похожий пример польско-русского билингвизма с конкуренцией польского и русского языков в литературно-критической деятельности находим в случае Михала Чайковского⁵⁴.

Открытым остается вопрос о степени владения польской и польскоязычной шляхтой на Правобережье Днепра украинским языком и характере его использования. Довольно сложно судить, насколько распространенной в рассматриваемый период была практика употребления украинского языка в ситуации непринужденного общения в шляхетской среде, поскольку мы имеем только косвенные свидетельства в ряде биографий⁵⁵. По крайней мере можно констатировать факт пассивного знания подавляющим большинством шляхты украинского языка, что отражается как в многочисленных украинизмах в произведениях польских писателей – выходцев с Правобережья⁵⁶, в использовании ими украинского фольклора⁵⁷, так и в высказываниях самих авторов. Характерен в этом отношении фрагмент из заявления Б. Залесского, поданного в Комиссию по делам вероисповеданий и просвещения (Komisja Wyznań i Oświecenia) с просьбой направить его в заграничное путешествие, дабы в дальнейшем занять кафедру славянской филологии (славянских наречий) в Варшавском университете, которая пустовала после отставки Б. Линде: “Имея возможность в юности познакомиться со славянскими диалектами, а именно церковнославянским, малорусским (здесь и далее курсив наш. – O.O.) и русским, в последующем я основательно пополнил их знание. В свободное от занятий время, как и в течение года после окончания оных, я пытался следить за древними и новыми изданиями на славянских диалектах, особенно же старался в думах, обычаях и обрядах малорусского народа искать дух древности, характера и языка”⁵⁸.

Как показывает анализ творческого наследия и прямых высказываний по поводу языка писателей – выходцев с Правобережья, конфигурация языков в индивидуальном употреблении может значительно различаться. В изучаемом коммуникативном пространстве существует, с одной стороны, модель внешнего польско-русского билингвизма с искусственной формой освоения

второго языка, характерная для сферы официального общения. С другой стороны, параллельно в сфере личной коммуникации бытует естественный, хотя и рецептивный польско-украинский билингвизм. Особый случай – внутренний ситуативный польско-русский билингвизм (М. Грабовский) с тенденцией к полной смене основного языка (В. Григорович).

Отождествление себя с языком – родным, освоенным дома, или официальным, усвоенным в школе, – носит в данный период по большей части имплицитный характер. О месте того или иностранного языка в индивидуальной системе коммуникации свидетельствует главным образом анализ предпочтительного употребления языков в зависимости от формы и жанра коммуникации. Так, использование польского языка в переписке и мемуаристике можно рассматривать как свидетельство сохранения его доминирующей позиции в неофициальном общении, в то же время проникновение русского языка в целый ряд важных жанров, как литературных, так и научных, деловых свидетельствует об активности формирующейся билингвальной стратегии поведения в сфере высших коммуникативных функций.

Распространенность определенной модели языкового поведения в значительной степени предопределяет дальнейшее развитие коммуникативной ситуации. Здесь особое значение приобретает отношение других членов коммуникативного сообщества к предпочтительному выбору языка, осуществляющему индивидуумом. Языковое сообщество как таковое не может быть разрушено принятием одним, нескольким и/или даже сотней носителей языка билингвальной стратегии поведения. Однако распространенность и престиж билингвизма в конце концов неизбежно влияют на систему коммуникации в целом и конфигурацию языков в коммуникативном пространстве. Так, принятие в XVII–XVIII вв. правобережной шляхтой, независимо от ее этнического происхождения, билингвальной украинско-польской модели поведения в итоге привело к фактической диглоссии и вытеснению украинского языка из сферы высших коммуникативных функций. Аналогично в наш период рост престижа польско-русского билингвизма, который начинает рассматриваться как условие социальной эманципации и успеха, создает условия для смены языка высших коммуникативных функций и закрепления русского языка в роли коммуникативной доминанты.

Естественно, что вопрос о статусных характеристиках языков, существующих в коммуникативном пространстве, на индивидуальном уровне во многом решается под влиянием официальной политики в языковой сфере. В значительной степени сама возможность выбора той или иной модели языкового поведения

предопределена жесткостью официальной языковой политики по поддержанию престижа одного из языков и ограничению сферы функционирования другого (других)⁵⁹. Очевидно, что характер языковой политики Российской империи за XIX в. претерпел ряд существенных изменений. Относительная культурно-языковая польская автономия на Правобережье, равно как возможность публикации произведений на “малороссийском наречии” на Левобережной Украине, характеризует начальный этап формирования имперской языковой политики. Выработка государственной языковой идеологии и принятие законов, закрепляющих официальный статус русского языка, на этой стадии не были подкреплены системой практических мер по их реализации. Фактором, подтолкнувшим к практической, а не декларативной русификации, стало увязывание языковых проблем с политическими после польского восстания 1830 г., а также в связи с формированием собственно украинского национального дискурса. Польский и украинский языки начинают восприниматься как угроза единству государства⁶⁰, что в языковом плане означало переход от относительной терпимости и принятия гетероглосии к фактическому курсу на монолингвальность (русскоязычность) всего коммуникативного сообщества. С ужесточением языковой политики по отношению к другим языкам связано распространение польско-русского билингвизма и усиление тенденции к смене языка высокого общения.

В то же время было бы ошибочным абсолютизировать роль внешних факторов в формировании языковой стратегии на индивидуальном уровне. Индивидуальный билингвизм не является обязательным следствием социального или национального полилингвизма: существуют полилингвальные сообщества, в которых его члены никогда не становятся билингвами⁶¹. Языковая политика, проводимая государством, может приниматься или отвергаться индивидуумом, рассматриваться как данность или нечто, навязанное извне. Даже при самом жестком официальном курсе всегда остается место для противодействия, формирования иной, чем официальная или господствующая в данном коммуникативном сообществе, модели языкового поведения. В этом выражается активная роль члена коммуникативного сообщества в формировании путей дальнейшего развития гетероглосной ситуации. Разумеется, восприятие индивидуумом языковой политики, как и языковое поведение, может меняться в связи с общим социальным и политическим контекстом.

Тенденция к смене (под внешним давлением) основного языка в билингвальной модели языкового поведения с польского на русский, наблюдавшаяся в первой трети XIX в., не отменяет ни сохра-

нения за польским языком культурного престижа, ни наличия польско-украинского декларативного билингвизма (как в случае с Т. Падурой) в качестве своеобразных способов противодействия официальной языковой идеологии. В ситуации полилингвизма нередко выбор языка и модели языкового поведения начинает выполнять фатическую функцию маркера принадлежности к определенному локальному сообществу, отличному от других подобных социокультурных групп, в том числе в языковом отношении⁶². Так, культивация “кресовых” черт в произведениях писателей – выходцев с Правобережья не в последнюю очередь связана с желанием подчеркнуть свое особое место в языковом сообществе⁶³. Сугубо лингвистические характеристики оказываются непосредственным образом связанными с осознанием собственной идентичности⁶⁴. Примечательно, что основанием для самоидентификации может служить как литературный язык, так и его вариант (варианты) или диалекты, либо одновременно несколько языков или форм одного языка. В этом контексте формирование “кресового” варианта польского литературного языка может рассматриваться как эволюция языковой системы под влиянием осознания региональной обособленности, но при сохранении общей связи с польским коммуникативным и этнокультурным пространством. Самоидентификация представителей данного языкового сообщества осуществляется одновременно на базе польского литературного языка как символа принадлежности к “большой” Польше и его регионального варианта как знака локальной обособленности.

В современных исследованиях национальной идентичности она рассматривается не как имманентное качество, присущее всем членам некоего этнокультурного сообщества, а описывается в категориях самоидентификации и восприятия другими сообществами⁶⁵. Как единство языка преимущественного общения и сходные обстоятельства образования не предопределяют одинакового выбора языковой стратегии, так исходная принадлежность к одному этнокультурному сообществу не предопределяет идентичности⁶⁶. Совмещение разных типов идентичности – локальной, региональной, этнической, национальной, наднациональной⁶⁷, – особенно в период формирования собственно национального и националистического дискурса (или дискурсов, как в случае с Правобережьем), является одним из оснований для вариативности языкового поведения.

Правобережная шляхта вплоть до 1830 г. осознавала себя интегральной частью польской нации⁶⁸, свидетельством этого является, в частности, активная вовлеченность ее представителей в польское восстание 1830–1831 гг.⁶⁹ В то же время существ-

венной составляющей идентичности “кресовой” шляхты было осознание своей региональной обособленности. Для “кресовых” поэтов факт рождения на украинских землях означал одновременно самоидентификацию с Украиной как с малой родиной и с Польшей – как с большим отечеством⁷⁰. Романтическая идеализация совместного прошлого, оцениваемого в категориях “утраченного рая”, доминирует как в литературных⁷¹, так и в исторических произведениях того времени, развивавших идеи мессианизма и цивилизаторской роли поляков на украинских землях⁷². Показателен в этом отношении фрагмент из статьи С. Гощинского, посвященной поэзии Б. Залесского: “Части Польши, называемой Украиной, принадлежит особая миссия в общей миссии всего народа, которая до сих пор не была ясно понята и изложена; она обладает собственными духовными чертами, свойственными ей и ее истории, которые особо выделяют ее среди всех прочих частей и ставят выше всех, короче говоря, там очевидно почил дух свободы польского народа”⁷³. Тот факт, что украинский язык существует в этот период как язык по преимуществу крестьянский⁷⁴, оценивался польскими поэтами не в категориях статуса и коммуникативной значимости, а, в полном соответствии с романтической идеологией, как средоточие “духа” народа и носитель его нравственности.

Открытым остается вопрос о степени дифференциации польского и украинского языков в языковом сознании польской шляхты на Правобережье в целом и поэтов “украинской школы” в частности. Одно из первых в славистике утверждений о самостоятельности украинского языка принадлежит польскому ученому Е.С. Бандтке⁷⁵. Как отдельный славянский язык рассматривал украинский язык и известный собиратель фольклора Адам Чарноцкий (Зориан Доленга-Ходаковский)⁷⁶, однако практические выводы из этих утверждений следовали не всегда. Осознание Украины как неотъемлемой части Польши⁷⁷ сочеталось с наличием в языковом сознании представлений о близости, родственности украинского и польского языков, что нередко вело к восприятию украинского как польского диалекта.

Не оспаривая справедливости тезиса о символической объединяющей роли языка в ходе трансформации этнического самосознания в национальное⁷⁸, заметим, что в ситуации полилингвизма эта функция принадлежит не только и не столько отдельному национальному языку, сколько определенной конфигурации языков. В нашем случае идентификация с локальным языковым сообществом для польской и польскоязычной шляхты на Правобережной Украине будет осуществляться на основе предпочтительного выбора польско-русского или польско-украинского билин-

гвизма. Выбор польско-украинской модели языкового поведения приобретает идеологический характер и начинает играть особую роль в культурном дискурсе. Высокий тип культурной идентификации в специфической форме козакофильтра⁷⁹ предполагал, в частности, введение украинского языка в сферу высших коммуникативных функций. Так, известно о попытках использования украинского языка в пропаганде польского восстания⁸⁰. Наиболее яркое проявление находит эта идеологическая тенденция к выравниванию коммуникативных статусов польского и украинского языков в литературе.

Билингвизм как литературный феномен является одной из характерных черт украинского литературного процесса в первой половине XIX в. На Левобережной Украине это явление принимает формы русско-украинского билингвизма с ролевым распределением языков в зависимости от темы, жанра и стиля и служит одним из средств дифференциации культурного дискурса по уровням: высокий – низкий, прозаический – поэтический, патетический – иронический⁸¹. Подобно тому, как в сфере письменной коммуникации в XVII–XVIII вв. стилистическая дифференциация опиралась на различие собственно языковых средств выражения, создавая таким образом диглоссию книжного письменного (церковнославянского) языка и “простой мовы” – староукраинского книжного языка⁸², наложение системы стилей и языковых средств выражения продолжается и в XIX в.⁸³, когда разграничение поэтических и прозаических произведений, высоких и низких жанров производится, в частности, на основе языкового оформления. Обнаруживается непосредственная зависимость между статусными характеристиками и престижностью языков в языковом сознании, с одной стороны, и степенью эстетической сложности, жанровой нагрузкой и спецификой тематики написанных на них произведений, – с другой. Следует отметить, что это справедливо прежде всего для ситуации русско-украинского литературного билингвизма, однако и в случае с “украинской школой” польской поэзии мы имеем дело с подобной тенденцией.

На Правобережье единственный пример литературного украинско-русского билингвизма, аналогичного тому, с которым мы сталкиваемся в произведениях левобережных авторов – это 70-stroфная поэма “Варшава” Василия Ростовецкого, написанная в подражание “Энеиде”⁸⁴. Языковое оформление поэмы типично для большинства двуязычных произведений того периода: основной текст написан на украинском языке, который демонстрирует довольно сильное влияние местных диалектов, а все примечания, заглавие и т.п. написаны по-русски, представляя собой своеобразную семиотическую рамку и являясь знаком принадлежности к

общеимперскому культурному пространству. Откровенно антипольский характер произведения⁸⁵ свидетельствует о том, что несмотря на пассивное владение польским языком (в тексте обнаруживается довольно значительный процент полонизмов, в том числе на уровне синтаксиса и фразеологии), выбор украинско-русской модели билингвизма для автора имел идеологическое значение.

Польско-украинский литературный билингвизм, развивающийся на Правобережье в первой половине XIX в., имеет ряд характерных черт. Попытки введения украинского языка в сферу литературного творчества на Правобережье связаны прежде всего с именем Тимка Падурры. Перечень польских авторов, писавших одновременно и по-польски, и по-украински, мог бы быть гораздо внушительнее⁸⁶, однако свидетельства о наличии украинских произведений в творческом наследии польских авторов не всегда вызывают доверие. Так, биографы поэтов украинской школы упоминают о наличии произведений, “писанных на украинско-русском” диалекте, однако при этом отмечают, как, например, в случае с Б. Залеским, низкую их эстетическую ценность и несовершенство формы⁸⁷.

Факт введения украинского языка в сферу высших коммуникативных функций через литературное творчество приобретает особое значение в контексте общей коммуникативной ситуации. Соотношение польского и украинского языков, например, в произведениях Т. Падурры является аналогией с двуязычным творчеством писателей Левобережья: основной текст написан по-украински, комментарии и пояснения – по-польски, предпочтительный выбор польского языка характерен для произведений крупных форм (например, прозаических очерков на исторические темы) и частной переписки. Другую модель польско-украинского литературного билингвизма иллюстрируют исторические повести М. Чайковского, активно вводящего в текст украинские песни в польском переводе, в комментариях же содержится оригинальный текст и толкование использованных в произведении украинских слов и выражений. Таким образом, первый пример (Т. Падурра) представляет собой воплощение литературной практики ситуативного билингвизма с тенденцией к выравниванию статусов языков, второй случай (М. Чайковский) отражает конкуренцию языков в условиях диглоссии с рецептивным типом знакомства со вторым из них, используемым только как средство создания локального колорита. Обе функциональные разновидности польско-украинского билингвизма у “кресовых” поэтов находят свое соответствие в произведениях писателей, выходцев из Малороссии, реализующих модель русского-украинского билингвизма⁸⁸.

В то же время становится возможным использование украинского и польского языков параллельно, без дополнительной стилистической нагрузки в рамках одного произведения⁸⁹. Это в значительной мере снимает противоречие польского и украинского языков как разноуровневых форм выражения в литературном творчестве. Такое сближение становится возможным, в частности, благодаря выбору правобережными авторами латиницы для передачи украинской речи, как при записи фольклорных текстов, так и при создании оригинальных произведений на украинском языке. Безусловно, для авторов с польским языком как основным использование латиницы с опорой на польскую графику для передачи украинской речи являлось одним из средств включения правобережных земель в общее с Польшей культурно-языковое пространство. Однако если в 40–50-е годы XIX в. противопоставление латиницы и кириллицы в культурно-национальном дискурсе в Галиции будет идеологизировано и получит трактовку как оппозиция внешних национальных атрибутов (польского, с одной стороны, и украинского – с другой)⁹⁰, то для рассматриваемого периода на Правобережье Днепра конкуренция латинского и кириллического алфавитов связана скорее не с противопоставлением по линии национальных языков (польский – украинский), а с разграничением разных стилистических регистров – книжного и разговорного (церковнославянский, с одной стороны, и украинский и польский – с другой). В этом контексте особое значение приобретает возможность взаимозамены алфавитов, как например, в “Песне о Туринецкой чудотворной иконе”, датированной 1767 г. и вышедшей в типографии Ивана Филипповича во Львове, где украинский текст напечатан латиницей, а польский – кириллицей⁹¹. Латинская графика накладывала гораздо меньше ограничений на передачу черт разговорного языка⁹², чем кириллица, о чем свидетельствует, в частности, сопоставительный анализ параллельного кириллического и латинского текста из хозяйственного справочника Ленкевича “Книжиця для господарства” (1788)⁹³. В этом смысле латинский алфавит способствовал закреплению на Правобережье нового типа литературного стандарта, базирующегося на народном разговорном (диалектном) языке.

Особый интерес представляет собственно лингвистический анализ языка произведений “украинской школы” в польской литературе. Вывод С. Урбанчика о существовании своеобразного варианта “украинского кресового диалекта”, сделанный им в связи с литературой XVII в.⁹⁴, можно с полным основанием отнести и к веку XIX. Недостаточная степень дифференциации систем польского и украинского языков проявляется на разных уровнях языка (лексика, грамматика, фразеология, синтаксис), что под-

твёрдует наш тезис о преимущественно рецептивном типе билингвизма в среде польской шляхты на Правобережной Украине. Одной из причин этого можно считать связь языкового сознания авторов с амбивалентной этнической идентичностью, которая предполагала самоидентификацию как с украинским, так и с польским культурным и коммуникативным пространствами.

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского Государственного Гуманитарного Фонда (грант № 00-01-02-201а) и фонда Е. и Д. Шкляр (Гарвардский Украинский Институт, США).

² Об этом см.: Fishman J.A. Language and Ethnicity: The View from Within // The Handbook of Sociolinguistics. Cambridge (Mass.), 1997. P. 327–343; Tabouret-Keller A. Language and Identity // Ibid. P. 315–326.

³ О польском, русском и украинском “проектах наций” на территории западных губерний Российской империи см.: Миллер А.И. “Украинский вопрос” в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 12, 36–37. Ср. понятие “воображаемое сообщество”: Anderson B. Imagined Communities. L., 1991.

⁴ Об этом см. подробнее: Остапчук О.А. К вопросу о типологическом профиле украинского литературного языка (на фоне русского и польского литературных языков) // Исследование славянских языков в русле традиций сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания: Информационные мат. и тез. док. междунар. конф. (Москва, 30–31 октября 2001 г.). М., 2001. С. 90–94.

⁵ О разграничении коммуникативного и языкового сообщества как единства общения в рамках одного информационного пространства и общения на одном языке, см. подробнее: Варианты полинациональных литературных языков. Киев, 1981. С. 7–10. Впервые разграничение этих понятий было произведено польским лингвистом Л. Заброцким: Zabrocki L. Wspólnoty komunikatywne w genezie i rozwoju języka niemieckiego. Wrocław, 1963; Idem. U podstaw struktury i rozwoju języka. W-wa, 1980.

⁶ См. обзор литературы по проблеме полилингвизма: Clyne M. Multilingualism // The Handbook of Sociolinguistics. P. 301–314.

⁷ О понятиях “языковое” и “коммуникативное сообщество” в социолингвистическом анализе см.: Patrick P.L. The Speech Community // The Handbook of Language Variation and Change. Malden (Mass.), 2002. P. 573–597; ревизия термина см.: Hudson R.A. Sociolinguistics: 2nd ed. Cambridge, 1996. P. 24–30.

⁸ Термин “диглоссия” введен Ч. Фергюссоном: “Диглоссия – относительно стабильная иерархия языков, при которой два (или более) языка, сосуществующих в социуме, обладают различными статусами и функциями или сферами употребления” (“*Diglossia – a relatively stable hierarchy of language status, in which two (or more) languages that coexist in a society have different statuses and functions or spheres of usage*”). См.: Fergusson C. Diglossia // Word. 1951. № 15. P. 325–340; см. также: Fishman J. Sociolinguistics: A Brief Introduction. Rowley, 1971. P. 74; Hudson R.A. Sociolinguistics... P. 49–51; ср. термин “аддитивный билингвизм” (“*additive bilingualism*”): Schmid C.L. The Politics of Language: Conflict, Identity, and Cultural Pluralism in Comparative Perspective. N.Y., 2001.

⁹ Общая характеристика книгоиздания на Правобережье в этот период см.: Ісаєвич Я. Українське книговидання: Витоки, розвиток, проблеми. Львів, 2002. С. 279–302. О смене культурно-языковой традиции в истории украинского литературного языка см., в частности: Shevelov G.Y. Evolution of the Ukrainian Literary Language // Rethinking Ukrainian History. Edmonton, 1981. P. 216–231.

- ¹⁰ Государственная типография в Каменце-Подольском (1798 г.), в Киеве (1799 г.), данные см.: Ісаєвич Я. Українське книговидання... С. 293.
- ¹¹ См.: Плющ П.П. Історія української літературної мови. Київ, 1971. С. 12.
- ¹² О специфике инкорпорации западных губерний в имперскую систему см.: Thaden E.C. Russia's Western Borderlands, 1710–1870. Princeton (NJ), 1984. P. 35, 53, 68, 78, 124; Velychenko S. National History as Cultural Process. A Survey of the Interpretations of Ukraine's Past in Polish, Russian and Ukrainian Historical Writing from the Earliest Times to 1914. Edmonton, 1992. P. 131–133. Ср. замечания П.Н. Батюшкова о продолжении политики "ополячивания" в этот период: От издателя // Петров Н.И. Подolia. Историческое описание. СПб, 1891. С. XV.
- ¹³ О решении общего собрания правящего Сената от 1806 г. об использовании польского языка в магистратах, местных судах, а в Главных судах параллельно польского и русского языков см.: Свербигуз В. Старосвітське панство. Варшава, 1999. С. 129.
- ¹⁴ Термин "административная русификация" использован впервые Э. Таденом: См.: Thaden E.C. Russia's Western Borderlands ... Ср. характеристику языковой ситуации на литовско-белорусских землях: Сяльверстова С. Паміж Польщею і Расіяй: Моўная сітуацыя ў Беларусі ў канцы XVIII–XIX ст. // Беларусіка-б. С. 123–132.
- ¹⁵ О системе образования в этот период см.: Zasztowt L. Szkolnictwo na ziemiach litewsko-ruskich (od 1795 roku) // Historia i współczesność języka polskiego na Kresach wschodnich. W-wa, 1997. S. 203–298; Beauvois D. Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich 1803–1832. T. II: Szkoły podstawowe i średnie. Lublin, 1991; Thaden E.C. Russia's Western Borderlands ... P. 68–71; Петров Н.И. Подоля... С. 228–232.
- ¹⁶ О преобладании польских изданий на примере библиотеки Кременецкого лицея см.: Булатова С. Книжне зіbrання Яблоновських у бібліотеці Кременецького ліцею // Наукові записки НАНУ. Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського: Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Київ, 2001. Т. 2.
- ¹⁷ Пилипчук О.Я., Коновець О.Ф., Яресько Л.П. Історія науки та освіти в Україні. Київ, 1998. С. 33–35.
- ¹⁸ О василианских школах при монастырях в Баре и Малеевцах, которые действовали вплоть до 1828 г., см.: Петров Н.И. Подоля... С. 62–67, 228–232.
- ¹⁹ Ссылку на воспоминания учеников Уманской школы см.: Tretiak J. Bohdan Zaleski. Do upadku powstania listopadowego. 1802–1831. Życie i poezja: Karta z dziejów romantyzmu polskiego. Kraków, 1911. S. 36.
- ²⁰ Об Уманской школе см., в частности: Кузнец Т.В. До історії освіти на Уманщині (XVIII – початок XIX ст.). Київ, 2000. С. 10–13.
- ²¹ Ср. характеристику периода 1793–1831 как польско-русскую борьбу за господство в сфере образования на Волыни: Джаман Т.В. Розвиток народної освіти на Волині (XVIII–XIX ст.). Автореф. ... канд. пед. наук. Тернопіль, 1999. С. 3.
- ²² См. первое издание частной львовской типографии Яна Шлехтина молитв Иоанна Златоуста, где польскому тексту соответствует церковнославянский, записанный латиницей и передающий ряд украинских фонетических черт: Ісаєвич Я. Українське книговидання. ... С. 291.
- ²³ Об отношениях униатов и православных на Подолии см.: Петров Н.И. Подоля. ... С. 98–203, 209–217.
- ²⁴ О регистрах церковнославянского языка см.: Живов В.М. Язык и культура в России XVIII в. М., 1996. С. 31–41.
- ²⁵ Петров Н.И. Подоля. ... С. 214.

- ²⁶ От издателя // Петров Н.И. Подolia. ... С. ХХIII–ХХVI.
- ²⁷ По данным на 1830 г., из 800 учеников в Уманской школе было всего 6 православных и 13 униатов, остальные католики: Кузнец Т.В. До історії ... С. 11.
- ²⁸ См. упоминание о ходатайствах униатов: Петров Н.И. Подolia. ... С. 201–203.
- ²⁹ Engelking A. The Natsyas of the Grodno Region of Belarus: A Field Study // Nations and Nationalism. 1999. N 5(2). P. 175–206.
- ³⁰ Rieger J. Identyfikacja narodowa i religijna Polaków na Ukrainie // Problemy narodowościowe i religijne w Europie Środkowo-Wschodniej w XIX i XX wieku. Lublin, 1996. S. 110–130.
- ³¹ О социальной стратификации многоязычного сообщества см.: Trudgill P. Sociolinguistics. An Introduction to Language and Society: 4th ed. L., 2000. P. 23–42; Карлинский А.Е. Социально-экономическая структура общества и двуязычие // Языковые ситуации и взаимодействие языков. Киев, 1989. С. 8.
- ³² Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в. М., 1992. С. 123.
- ³³ Janeczek A. Osadnictwo pogranicza polsko-ruskiego. Województwo bialskie od schyłku XIV do początku XVII w. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1991. S. 303.
- ³⁴ О типах двуязычия см.: Карлинский А.Е. Социально-экономическая структура... С. 9.
- ³⁵ О “смене языка” как проявлении процесса языковой ассимиляции см.: Brenzinger M. Language Contact and Language Displacement // The Handbook of Sociolinguistics ... P. 282–283.
- ³⁶ О полонизации литовскоязычного населения и польско-белорусских контактах см.: Czekmonas W. O etapach socjolingwistycznej historii Wileńszczyzny i rozwoju polskiej świadomości narodowej na Litwie // Belarus, Lithuania, Poland, Ukraine: The foundations of historical and cultural traditions in East Central Europe. International Conference, Rome 28 April – 6 May 1990. Lublin; Rome, 1994. S. 457–463.
- ³⁷ О специфике польской колонизации Правобережья и социальной неоднородности поселенцев см.: Науленко В.І. Західні та південні слов'янини України в аспекті етнодемографічних проблем // Відродження мов і культур західних та південних слов'ян в Україні. Київ, 1995. С. 14–15.
- ³⁸ Об этом см.: Rieger J. Język polski na Ukrainie // Język Polski Dawnego Kresów Wschodnich. W-wa, 1996. S. 131; *Idem*. Język polski na Wschodzie // Encyklopedia kultury polskiej XX wieku. T. II. Współczesny język polski. Wrocław, 1993.
- ³⁹ Ткачук П.Є. Взаємодія говіркових систем та явища інтерференції в подільському ареалі (лексичний рівень) // Лексика української мови в її зв'язках з сусідніми слов'янськими і неслов'янськими мовами: Тези доповідей. Ужгород, 1982. С. 111–113. Общую характеристику говоров этого ареала см.: Матвіяс І.Г. Українська мова і її говори. Київ, 1990. С. 60–73; Бевзенко С.П. Українська діалектологія. Київ, 1980. С. 185–188, 208–218; Жилко Ф.Т. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955. С. 89, 124–131.
- ⁴⁰ Общую характеристику “кресовых говоров” юго-восточного ареала см.: Kurzowa Z. Historia i współczesność języka polskiego na Kresach południowo-wschodnich // Historia i współczesność języka polskiego na Kresach wschodnich. W-wa, 1997. S. 126–129. Библиографию работ по данной проблематике см.: Ананьев Н.Е. Об изучении юго-восточной разновидности периферийного польского диалекта в ПНР (работы 70-х гг.) // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования, 1979. М., 1981. С. 343–356. См. также: Sawaniewska-Mochowa Z. Bibliografia prac o polszczyźnie kresowej // Studia nad Polszczyzną Kresową. T. VI. S. 223; Sawaniewska-Mochowa Z. Bibliografia prac o polszczyźnie kresowej za lata 1989–1993 // Studia nad Polszczyzną Kresową. T. VIII. S. 265.

- ⁴¹ О существовании двух разновидностей регионального варианта польского языка – диалектной и литературной см.: *Rieger J. Polska rzeczywistość językowa na Ukrainie // Kresy – pojęcie i rzeczywistość*. W-wa, 1997. S. 202–203.
- ⁴² Ср. следующее определение варианта национального литературного языка: “Литературный язык получает статус варианта вследствие его оформления в условиях иноязычного окружения, когда с лингвистической точки зрения в нем пропадают с различной рельефностью следы взаимодействия с литературным языком данной новой иноязычной среды”. См.: Чемес В.Ф. Функционирование литературного языка в иноязычной среде: Автореф. ... к.анд. филолог. наук. Киев, 1986. С. 7. См. также: Варианты полинациональных литературных языков. ... С. 261–262.
- ⁴³ О конфликте языков см.: *Nelde P.H. Language Conflict // The Handbook of Sociolinguistics*. ... Р. 294–295.
- ⁴⁴ О языковой ситуации в России в конце XVIII – начале XIX в. см., в частности: Живов В.М. Язык и культура в России XVIII в. ... С. 3–15, 65–67.
- ⁴⁵ Об этом на примере Галиции см.: *Magocsi P.R. The Language Question as a Factor in the National Movement // Nationbuilding and the Politics of Nationalism. Essays on Austrian Galicia*. Cambridge (Mass.), 1982. P. 223–224.
- ⁴⁶ См.: *Ostapczuk O. O języku polskim w obwodzie Winnickim na Podolu // Język Polski Dawnego Kresów Wschodnich*. T. II: Studia i materiały. W-wa, 1999. S. 139–165; *Idem. Uwagi o języku inteligencji polskiej w warunkach zanikania polszczyzny // Kontakty językowe polszczyzny na pograniczu wschodnim. Prace ofiarowane profesorowi Januszowi Riegerowi*. W-wa, 2000. S. 161–169.
- ⁴⁷ О социальных факторах, влияющих на выбор языка в ситуации многоязычия см.: *Clyne M. Multilingualism ... Р. 308–309.*
- ⁴⁸ Об аналогичных процессах в сфере национальной идентичности см.: *Waters M. Ethnic Options: Choosing identities in America*. Berkley, 1990.
- ⁴⁹ На примере украиноязычных эмигрантов в Америке этот процесс рассматривается в кн.: *Wolowyna O. Introduction // Ethnicity and National Identity. Demographic and Socioeconomic Characteristics of Persons with Ukrainian Mother Tongue in the United States*. Cambridge (Mass.), 1986. P. 11–13.
- ⁵⁰ См., в частности: О жити і письмах Тимка Падуря // *Pyśma Tymka Padurry. Wydanie pośmertne z awtohrafą*. Lwiw, 1874; *Malczewski Antoni, 1793–1826: Antoni Malczewski, jego żywot i pisma*. Wydał August Bielowski. Lwów, 1843; *Tretiak J. Bohdan Zaleski do upadku powstania listopadowego...; Seweryn Goszczyński. Zamek Kaniowski. Powieść / Opracował J. Tretiak*. Kraków, 1914.
- ⁵¹ Кузнець Т.В. До історії освіти на Уманщині ... С. 11.
- ⁵² О жити і письмах Тимка Падуря ... S. V.
- ⁵³ *Skowronek J. Michał Czajkowski – patrioty pogranicza biografia tragiczna // Losy Polaków w XIX–XX w.: Studia ofiarowane prof. S. Kieniewiczowi w 80-tą rocznicę Jego urodzin*. W-wa, 1987. S. 549–575.
- ⁵⁴ *Czajkowski M. Pisma*. Lipsk, 1868; *Idem. Pamiętniki Sadyka Paszy*. Lwów, 1898.
- ⁵⁵ «Его все хорошо знали, ибо часто напевал он украинские мелодии и обычно говорил с друзьями на украинском наречии. К этому наречию имел он особую тягу с самого детства: излюбленной его забавой было слушать древние легенды на языке русинов и “стоны украинской лиры” (Znali go dobrze wszyscy, gdyż wyśpiewywał im zawsze grawne melodye ukraińskie i używał zazwyczaj w rozmowie z kolegami tylko narzecza ukraińskiego. Do narzecza tego nabrął bowiem już od maleniskości szczególniego pociągu: najulubionszą jego zabawą było, przysłuchiwać się opowiadaniom dawnych podań w języku ruskim i “jękom liry ukraińskiej”) (О жити і письмах Тимка Падуря ... S. V–VI).

- ⁵⁶ Об украинских элементах в языке польских романтиков см.: Jurkowski M. *Ukrainizmy w języku J. Słowackiego // Z dziejów stosunków literackich polsko-ukraińskich*. W-wa. 1974. S. 105–135; Besta T. *Z badan nad wschodniostowiańskimi wpływami językowymi w polszczyźnie romantyków // Lódzkie Towarzystwo Językowe. Rozprawy Komisji Językowej*. Lódź, 197. T. 17. S. 199–243; Площ П.П. *Історія української літературної мови*. ... С. 16–17.
- ⁵⁷ См. фрагменты украинских народных песен в романах Михала Чайковского, например: *Czajkowski M. Owrczanin. Powieść historyczna z 1812 roku // Czajkowski Michał. Pisma*. Lipsk, 1863. Biblioteka pisarzy polskich. T. XVI. S. 291–298.
- ⁵⁸ “W młodości miałem zaraz sposobność poznać dialekta starosłowiański czyli cerkiewny, małorosyjski i rosyjski, w których w późniejszym życiu gruntowniej się udoskonaliłem. W czasie wolnym od obowiązków szkolnych, również jak przez rok po ukończeniu tychże, starałem się śledzić dawne i nowe pisma dialektów słowiańskich, a szczególnie w dumach, obyczajach i obrządkach ludu malorosyjskiego wybadywawać ducha starożytności, charakteru i języka” (цит. по: *Tretiak J. Bohdan Zaleski do upadku powstania listopadowego*. ... S. 111).
- ⁵⁹ О роли внешних факторов в конструировании национальной идентичности см.: *Danforth L.M. "How can a woman give birth to one Greek and one Macedonian?" The Construction of National Identity among Immigrants to Australia from Northern Greece // Macedonia: The Politics of Identity and Difference*. L., 2000. P. 87–88.
- ⁶⁰ О динамике российской имперской политики в связи с ростом украинского национального самосознания см.: *Pelech O. The State and the Ukrainian Triumvirate in the Russian Empire, 1831–1847 // Ukrainian Past, Ukrainian Present: Selected Papers for the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies*. Hartogate, 1990. N.Y., 1993. P. 11–12.
- ⁶¹ О примере Швейцарии см.: *Trudgill P. Sociolinguistics*. ... P. 119.
- ⁶² О фактической функции языка см.: *Tabouret-Keller A. Language and Identity... P. 320–321, 324*. В том числе в случае языка национального меньшинства см.: *Clyne M. Multilingualism ... P. 309*;
- ⁶³ Об идентификации носителей языка с чертами, являющимися средством языкового контакта см: *Tabouret-Keller A. Language and Identity ... P. 324*.
- ⁶⁴ О влиянии полилингвальной ситуации на выработку идентичности в Канаде и США см.: *Trudgill P. Sociolinguistics. ... P. 44–46*.
- ⁶⁵ Одним из первых предложил такой подход к проблеме идентичности Ф. Барт. См.: *Barth F. Ethnic Groups and Boundaries*. Boston, 1969.
- ⁶⁶ Об этом на примере эмигрантов из македонских анклавов в Греции см.: *Danforth L.M. "How Can a Woman Give Birth to One Greek and One Macedonian?" P. 86*.
- ⁶⁷ Об этом как о характерной черте начальной стадии современного национализма см.: *Hobsbawm E. Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge (Mass.), 1990.
- ⁶⁸ См. подробнее: *Thaden E.C. Russia's Western Borderlands. ... P. 33, 79*.
- ⁶⁹ О выходцах с “кресов”: *Leslie R.F. Polish Politics and the Revolution of November 1830*. University of London, 1956 (repr. ed.: Westport (Conn.), 1969) P. 114–118.
- ⁷⁰ “Польшу считал Падурра своей отчизной, Украину же, являвшуюся составной частью Польши, своей малой родиной, своей родной матерью” (“Polskę uważała Padurra za swoją ojczyznę, Ukrainę zaś, która stanowiła część składową Polski, za swój kraj rodzinny w szczególności, za swoją bezpośrednią matkę”) (O życiu i pismach Tymka Padurry ... S. XVI).
- ⁷¹ Грабович Г. Грані міфічного: образ України в польському й українському романтизмі // Грабович Г. До історії української літератури. Дослідження, есе, полеміка. Гарвардська серія. Київ, 1997. Вип. 1. С. 177, 180, 188.

- ⁷² О представителях “республиканской школы” в польской историографии см.: *Velychenko S. National History as Cultural Process. ... P. 19–26.*
- ⁷³ “Cześć Polski zwana Ukrainą odbyła powołanie w ogólonym powołaniu narodowem niejasno dotąd pojęte i wyłożone, ma ona właściwe sobie, swoim dziejom duchowne piętna, które ją bardzo wyszczególniają między innemi częściami i stawią wyżej nad inne, krótko mówiąc, tam spoczął najwidoczniej duch wolności ludu polskiego”. См.: Poezye Bohdana Zaleskiego przez Seweryna Goszczyńskiego // Demokrata Polski, rok IV, część IV, marzec-kwiecień 1842.
- ⁷⁴ О влиянии этого факта на национальное самосознание см.: *Pelech O. The State and the Ukrainian Triumvirate in the Russian Empire. ... P. 11–12.*
- ⁷⁵ “Малороссийское наречие является наречием не великорусского языка, а языка славянского, как и сам великорусский язык, а также польский, чешский и любой другой славянский” (“Małorosyjski dialect nie jest dialektem Wielkorosyjskiego języka, lecz Słowianskiego, tak jak tenże sam Wielkorosyjski język, Polski, Czeski i każdy inny słowiański”). См.: *Bandtke J.S. Dzieje narodu polskiego. Wrocław, 1835. T. I. S. 17.*
- ⁷⁶ *Brock P. Ivan Vahylevych (1811–1866) and the Ukrainian National Identity // Nationbuilding and the Politics of Nationalism. ... P. 115.*
- ⁷⁷ Характерно в этом отношении написанное в жанре путевых заметок произведение А. Пшездецкого, где Украина предстает как безусловная часть Польши, “nasz kraj”. См.: *Przezdziecki A. Podole, Wołyń, Ukraina. Obrazy miejsc i czasów przez Alexandra Przezdzieckiego. Wilno, 1841. T. 1, 2.*
- ⁷⁸ *Fishman J.A. Language and Ethnicity: The View from Within // The Handbook of Sociolinguistics. ... P. 329–333; Русанівський В.М., Брахнов В.М., Винник В.О. Мова і процеси суспільного розвитку. Київ, 1980. С. 32.*
- ⁷⁹ Об этом см.: *Grabowicz G.G. Ukraina // Słownik literatury polskiej XIX wieku. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1991. S. 979.*
- ⁸⁰ Об этом упоминает в частности: *Rudnytsky I.L. The Ukrainians in Galicia Under Austrian Rule // Nationbuilding and the Politics of Nationalism. ... P. 21–67.* См. также: *Kieniewicz S. Konspiracje galicyjskie (1831–1845). W-wa, 1950. S. 103–104, 155–161, 213–214.*
- ⁸¹ О русско-украинском литературном билингвизме см.: *Грабович Г. Українсько-російські літературні взаємини в XIX ст.: постановка проблеми // Грабович Г. До історії ... С. 205, 206, 209, 215, 226; Mokry Wł. Ukraina i Ukraińcy w kulturze i literaturze rosyjskiej od połowy XVII do początku XX wieku (Zarys problematyki) // Belarus, Lithuania, Poland, Ukraine... S. 268–282; Плющ П.П. Історія... С. 13.*
- ⁸² Жанри і стилі в історії української літературної мови. Київ, 1989. С. 93–94.
- ⁸³ О сохранении барочной философии литературного языка в начале XIX в. см.: *Luckyj G.S.N. Between Gogol' and Ševchenko. Polarity in the Literary Ukraine: 1798–1847 // Harvard Series in Ukrainian Studies. 1971. Vol. 8. P. 188.*
- ⁸⁴ Наиболее известное издание: Котляревщина: Українські пропілеї / Ред., вступні статті і примітки І. Айзенштока. Харків, 1928. С. 143–166. О других изданиях, а также полный авторский текст, сверенный с автографом из архива Волынского краеведческого музея, см.: *Пушкар Н.Ю. Василь Ростовецький та його поема “Варшава” // Роде наш красний. Волинь у долях краян і людських документах. Луцьк, 1996. Т. II. С. 8–48.*
- ⁸⁵ См. фрагмент поэмы: “При Зимовиті права віра // В сей край до русинів прийшла. // Чи розказать же для приміра, // що тут вона собі знайшла? // Завсіди ви її давили, // А русинів товкли та били // І мали ледве не за псів; // Вони вам тоже не давались, // Так, як могли, оборонялись, // Щоб єзутів їх не поїв”: Там же. С. 22.

- ⁸⁶ “Еще в первой половине XIX в. некоторые польские писатели творили также на украинском языке” (“Jeszcze w pierwszej połowie wieku XIX niektórzy polscy pisarze tworzyli również w języku ukraińskim (T. Padurra, J. Komarnicki, A. Szaskiewicz, J. Różniak, H. Jabłoński, D. Bąkowski, K. Cieglewicz, S. Ostaszewski”). См.: *Jakóbiec M.* Ukrainska literatura // Słownik literatury polskiej XIX wieku. ... S. 983.
- ⁸⁷ “О стихах, написанных на украинском языке и собранных в посмертном издании под общим заглавием “Украинское” – трудно сказать что-либо, кроме того, что они слишком слабы, и кроме того, представляют собой незаконченные фрагменты, обрывающиеся часто после одной строфы” (“O wierszach pisanych rusko-ukrainską mową, a zebranych w pośmiertnym wydaniu pod ogólnym tytułem *Ukraińska* – trudno więcej ponad to powiedzieć, iż są zbyt słabe, a w dodatku pisane fragmentami niedokończonymi, urywającymi się najczęściej na jednej zwrotce”). См.: *Zdziarski S.* Bohdan Zaleski. Studjum biograficzno-literackie. Wydanie wznowione. Lwów, 1904. S. 383.
- ⁸⁸ «Украинская ориентация “украинской школы” была польским эквивалентом малороссийского регионализма в русской литературе. Несмотря на то, что некоторые представители школы писали по-украински, они декларировали польский национализм, подобно тому как малороссы в большинстве своем демонстрировали лояльность по отношению к Российской империи» (“Ukrainiasm of a Ukrainian School was the Polish equivalent of the Little Russian regionalism in Russian literature. Although some members of school wrote in Ukrainian, they were all devoted Polish nationalists, just as the Little Russian regionalist were mostly loyal adherent of the Russian state”). См.: *Brock P.* Ivan Vahylevych.... См. также: *Mokry W.* Ukraina i Ukraińcy w kulturze i literaturze rosyjskiej. ... S. 268–282.
- ⁸⁹ См., например, стихотворение Т. Падурры “Romanowi Sanguszce na Nowy rok 1828”: Pyśma Tymka Padurty... S. 217–218.
- ⁹⁰ Об “азбучной войне” в Галиции см.: *Magocsi P.R.* The Language Question... Р. 227–230.
- ⁹¹ Упоминание об этом см.: *Iсаевич Я.* Українське книговидання. ... С. 290. Аналогичные примеры дает нам современность: диалектологи, исследующие польские диалекты на Украине, отмечают распространенность в польскоязычном меньшинстве сборников песен и псалмов, в которых польский язык передается кириллицей.
- ⁹² О более ярком отражении черт живой разговорной речи в текстах украинских народных песен, записанных латиницей см.: *Мадліневська Н.П.* Фонетична система української мови XVII–XVIII ст. (за текстами пісень, записаних латиницею): Автoreф. ... канд. филолог. наук. Київ, 2000. С. 2.
- ⁹³ Ср.: *odno* – едно, *widro* – въдро, *ohnia* – огня, *tyczki* – тички, *derewianoy* – дреянной (*Iсаевич Я.* Українське книговидання. ... С. 584).
- ⁹⁴ *Урбанчик С.* Контакти польської мови з іншими слов'янськими // Взаємоплив слов'янських мов і літератур. Київ, 1972. С. 76.

“I LOVE RUSSIA, AND/BUT I WANT UKRAINE,”
OR HOW A RUSSIAN GENERAL
BECAME HETMAN OF THE UKRAINIAN STATE,
1917–1918

SKOROPADSKY’S MEMOIRS IN SEVERAL CONTEXTS

The publication of the memoirs of Pavel/Pavlo Skoropadsky in 1995¹ sheds new light and offers historians a new perspective on the revolutionary years of 1917–1918 in Ukraine and the Russian empire more generally. They supplement and partly challenge some of the accounts of this period and Skoropadsky’s rule that were based largely on Austrian or German sources or the memoirs of Ukrainian politicians who fought with Skoropadsky for influence over the Ukrainian cause². Those memoirs chronicle the transformation of Skoropadsky from a loyal servitor of the Russian tsar and a decorated military commander to a firm believer in the equality of Ukraine in a Russian federation and in the dignity of Ukraine’s past struggles for autonomy. In “reinventing” the ancient Cossack state of the hetmans, Skoropadsky attempted to unite the “healthy forces” of Ukraine to combat the Bolshevik menace to the north and preserve an oasis for the subsequent resurrection of a free Russia as well. His followers in emigration, most notably the Hetmanate’s ambassador to Vienna and historian Viacheslav Lypynsky (1882–1931), developed a political theory of Ukrainian monarchy based on Skoropadsky’s failed attempts at Ukrainian statehood in 1918³. (Not surprisingly – but not without controversy, the legacies of both Skoropadsky and Lypynsky have gained new leases on life in contemporary post-Soviet Ukraine)⁴.

It is interesting to compare the evolution of Skoropadsky’s politics and loyalties during this period to those chronicled in the diary entries of Professor Iury Got’ë, translated and edited by Terence Emmons⁵. Both men shared conservative outlooks on the world which were severely tested by the fall of the Romanov dynasty and the coming to power of first liberals and moderate socialists in their country and then the Bolsheviks. Got’ë, as a professor of European history at Moscow University, observed the changes wrought by the Bolsheviks during the Civil War years and resigned himself grudgingly to coexistence with the new regime, especially after the Soviet-Polish war of 1920, an event which provisionally reconciled many former enemies of the Bolsheviks to a

position of patriotic support for the Red nation-builders. Skoropadsky, a general in the imperial army on the southwest front during World War I, responded to the Ukrainian variant of the Russian revolution and civil war by at first reconciling himself – also grudgingly – to the Ukrainian national movement and then becoming an enthusiastic state- and nation-builder for the brief period of his rule in Kyiv, and subsequently defending his “independentist-federalist” politics in emigration in Germany until his death in 1945⁶.

Both Got’e’s and Skoropadsky’s memoirs can also be compared with those – also published since the end of the Soviet Union – of another historian, indeed the father of modern Ukrainian historiography, Myhailo Hrushevsky, who also rose to state power in Kyiv briefly in 1917–1918 and was Skoropadsky’s predecessor, but who started and ended at very different ideological positions from both his contemporaries⁷. Well before 1917, Hrushevsky was already committed to the cause of Ukrainian national revival and some form of autonomous statehood for Ukraine and very likely independence⁸.

In a broader context, all these newly available views add to our understanding of the turbulent years of revolution and civil war that we have had from the influential memoirs of White generals and politicians, especially those of General Anton Denikin, who led his Volunteer Army in an invasion of Ukraine after Hetman Skoropadsky was overthrown and replaced by first the Ukrainian socialist Directory and then the second Soviet republic in 1919⁹. Skoropadsky’s recollection of his own efforts to sort out the rapidly evolving revolutionary situation in Ukraine can also be checked against other documentary records long available to scholars of this period¹⁰. (Most of the memoirs from prominent Ukrainian activists fall into the left spectrum of contemporary Ukrainian politics.)¹¹ And his biography can also be contrasted with another prominent statesman of wartime and interwar Ukraine, Metropolitan Andriy Sheptyts’kyi, another “convert” to the Ukrainian cause, albeit at a much earlier stage in his life and understood in the context of a very different multinational empire’s institutions, Austria-Hungary. (As a teenager, Sheptyts’kyi converted from the Roman Catholic faith of his Polonized Ukrainian gentry family to the Greek Catholic Church of his more distant ancestors, initially against the determined resistance of his parents.)¹²

Finally, Skoropadsky’s memoirs bear scrutiny against the backdrop of those of several other military men who played important roles in both World War I and then in the later history of the postwar world. On the “Russian” side, Marshall Carl Mannerheim claimed very similar aristocratic origins and elite military training and became a founding father of the modern Finnish state¹³; curiously, Mannerheim viewed himself as a White General, despite the Russian Whites’ refusal to accept the inde-

pendence of Finnland after 1917. On the side of the Central Powers, we have the memoirs of Admiral Horthy, who dominated interwar Hungarian politics after a career in the armed forces of Austria-Hungary¹⁴. (From a very different career trajectory, the Polish socialist Josef Pilsudski also became recognized as father of his country, Second Republic Poland, after leading the Polish Legion during World War I on the side of the Central Powers.)¹⁵ In the German high command, Paul von Hindenburg recorded his memoirs shortly after the German revolution of 1918¹⁶; and more directly relevant to Skoropadsky's memory of 1918 are the memoirs of General Wilhelm Groener, who served as chief of staff to General Einhorn's Army Group in Ukraine during 1918 and with whom Skoropadsky was in frequent contact and had generally good relation¹⁷. Skoropadsky's memoirs have the virtue of being recorded very shortly after he was ousted from Ukraine, but were published only in fragments (and translated from their original Russian into Ukrainian)¹⁸ until the 1995 edition. The latter subset of comparisons suggests the important role that military commanders played in state affairs after the cataclysm of world war and revolution in much of central, eastern and southeastern Europe. (One could add here Kemal Ataturk in the Turkish Republic and others.)

LIFE AND CAREER OF PAVEL SKOROPADSKY (1873–1945)¹⁹

Skoropadsky's life is framed by his birth and death in Germany, a nation he would fight against patriotically from 1914–1917 but to which he owed his brief period of rule over Ukraine. His mother gave birth to Pavel while taking a cure at the famous German mineral waters resort, Wiesbaden; he spent the first five years after his birth there. Much later, in December 1918, he departed for Berlin with the retreating German and Austrian armies from Ukraine after the overthrow of his regime in Kyiv. His childhood governess was English, so that when he arrived at the family estate in Poltava province at age five, he spoke very broken Russian (and no Ukrainian). But he was forbidden from speaking German after that and turned over to the village priest for instruction in Russian language and theology. Even after residing in Germany for another 27 years as an adult, Skoropadsky claims he never learned the language of his host country.

The Skoropadsky family was one of the oldest Ukrainian Cossack clans, whose founder Fedor Skoropadsky came from west Ukrainian lands to settle near Uman' in the seventeenth century. Several members of this distinguished family had played important roles in the political

and cultural history of the country; moreover, the Skoropadsky family had intermarried over the centuries with other prominent Cossack gentry families. The Skoropadskys served the Ukrainian Cossack armies until their liquidation by Catherine II; indeed, one ancestor, Ivan Illich ruled as hetman of Ukraine under Peter I after the defeat of Ivan Mazepa (from 1708–1722). Following Catherine's liquidation of the hetmanate and any hopes of Ukrainian autonomy in the Russian empire, later ancestors enrolled in Russian imperial military service, where they also served with distinction and at high ranks. The first of these, Pavel's great-grandfather, Mykhailo lakovych (1764–1810), entered the Imperial Noble Cadet Corps. Pavel's grandfather, Ivan Mykhailovych, served as marshal of the nobility for Poltava guberniia and took an active role in the 1861 rural reforms. One of Ivan's daughters, Elisaveta Myloradovych, contributed substantial family wealth to the founding of the most important Ukrainian scholarly initiative of the nineteenth century, the Shevchenko Scientific Society (in Lviv in 1873).

Following in family traditions, Pavel's father, Petro Ivanovych, studied in the guards' school and became a military officer. He took part in the Caucasian campaigns and was decorated with numerous orders. In 1865 he retired from military service at the rank of colonel and took an active role in local gentry politics in Starodub. Pavel's mother, Mariia Andriivna Myklashevs'ka, also descended from an ancient Ukrainian family which claimed its origins in Great Prince Mstyslav of Kyiv and the Ukrainian-Lithuanian prince Gediminas. The family estate, Trostaianets, in Poltava province, was frequently visited by prominent Russian and Ukrainian cultural and intellectual figures, such as Petro Doroshenko, historian, also a descendant of a Cossack gentry family and later appointed by the Hetman as deputy minister for art and national culture.

At the age of thirteen, Pavel entered the Petersburg Corps of Pages and began his military career, graduating in 1893 as a cornet and appointed to service in a regiment of the Cavalier Guards, where he rose to the rank of ensign by 1897. The following year he married Aleksandra Durnovo, daughter of Lt-General P.P. Durnovo (and relative of Nicholas II's Interior Minister). Pavel and Aleksandra gave birth to three daughters and three sons, the last daughter born in 1919 in Berlin. With the outbreak of the Russo-Japanese War Pavel asked for transfer to the front and departed in April 1904 for Mukden, where he served with the Third Verhneudinsk Cossack regiment and later with the Manchurian Army. In fall 1904 Skoropadsky was appointed commander of the 5th sotnia of the 2d Chita Cossack regiment and soon was appointed to the post of adjutant to the commander in chief of Russian forces in the Far East, General Linevich. Immediately after the war, Nicholas II recognized Skoropadsky as a fligel-adjutant with the rank of colonel.

With this imperial patronage, he continued to rise in imperial military service and served in the Finnish Dragoons Regiment, the Life-Guard Cavalry regiment, and by March 1912 was a major-general in the Emperor's regiment. After the outbreak of World War I Skoropadsky was transferred to the front, where he won several orders for his bravery and leadership. He served on the Baltic front in 1915–1916, then was promoted to Lt. General and in January 1917 given the command of the 34th army corps, stationed in historic Ukrainian lands and on the Southwest Front, where he would come face to face with the Ukrainian national movement for the first time. Eventually, Skoropadsky was given the task of ukrainianizing this corps, one of the most important steps of the Russian High Command in its efforts to use the principle of national loyalties to combat the rapidly spreading bolshevization of the soldiers. Later in 1917, Skoropadsky was also elected otaman of the Free Cossack movement at its congress in Chyhyryn. (Because his command of the 34th corps and his involvement with the Free Cossacks played such an important role in shaping his attitude toward the Ukrainian national cause, we shall devote a separate section to this period of his biography.)

The Bolshevik coup in Petrograd changed the political landscape dramatically and soon confronted the Ukrainian Rada in Kyiv with the threat of invasion from the north. Skoropadsky, despite his hostility toward the Ukrainian socialists of the Rada, chose to remain in Kyiv with his troops to defend the capital against the Bolsheviks instead of transferring to the German front to fight the original enemy. The Rada leadership, particularly its General Secretariat, nonetheless remained hostile to Skoropadsky as well and created obstacles to his efforts to build a Ukrainian armed force. When Bolshevik forces launched a second campaign against Ukraine, they briefly captured Kyiv but were soon displaced by the invading German and Austro-Hungarian forces who had concluded a separate peace with the Rada delegates at Brest-Litovsk. The Rada was restored as an occupation regime of the Central Powers. Once the Rada began pursuing its socialist policies, especially in the area of land reform and protection of private property more broadly, Skoropadsky decided to cast his lot with the opposition and helped to found the Ukrainian Hromada (society, later the Ukrainian National Hromada), in league with other organizations that united landowners and business interests in Ukraine. When the Germans' patience with the Rada began to wane, the Hromada and its allies began plans for a coup against the left-wing government. On April 29 a congress of Ukrainian "farmers" (*khliborobiv*) proclaimed Skoropadsky hetman of Ukraine; the following night officers loyal to Skoropadsky seized the main sites of the Rada government, proclaimed the Ukrainian State (*Derzhava*), and began to overturn the Rada's socialist legislation, beginning with the re-introduction of private property in land.

Despite considerable progress in several fields, notably education, culture, and foreign affairs, success eluded Skoropadsky in more urgent matters, particularly the land question and the building of an armed force to protect Ukraine after the end of the German occupation. The socialist parties he had overthrown were also now more hostile than ever to his politics and began agitating for his removal and organizing a peasant insurgency under the aegis of a newly-formed Directory almost from the moment of his proclamation of Ukrainian statehood. On December 14, 1918, after German and Austro-Hungarian forces had begun their retreat, the Directory's partisan troops entered Kyiv. Skoropadsky concealed himself for a short period while he tried to ascertain the likelihood of his returning to power in another regime change, but reluctantly decided to emigrate with his family to Berlin, where he began work on his memoirs based on the diary he kept in 1917 and extensive notes he was able to bring out of Ukraine with him. In 1919 Pavel, Maria and the children moved to Switzerland for two years, where other members of the family had fled earlier, but returned in 1921 to Berlin, where they resided in Wahnsee.

As early as 1920, Skoropadsky returned to political activity, now in emigration, as leader of a new hetmanist movement that had been founded by Lypynsky and Serhii Shemet (1875–1957), the Ukrainian Union of Farmers-Statists (*Ukrains'kyi soiuz khliborobiv-derzhavnikiv*). In the difficult conditions of émigré politics, Skoropadsky and Lypynsky fell out over key principles of the hetmanist movement and the movement split. Still, branches of the hetmanist movement were founded in not only Austria and Germany, but also in other nations that had substantial Ukrainian émigré/diaspora communities: Czechoslovakia, the United States, Canada, France, Poland, Manchuria, and China. Skoropadsky was also successful in using his influence in German cultural and political circles to found a Ukrainian Scholarly Institute at the University of Berlin in 1925. With the coming to power of the National Socialists under Hitler, Skoropadsky's initiatives came under threat. In 1939 Skoropadsky sent his son Danylo to England to guarantee the survival of the hetman's line and the hetmanist movement in the event of his own death during the war he anticipated would break out in Europe shortly and might well end in victory for the alliance against Hitler. Once again, Skoropadsky was forced to walk a thin line between loyalty to his German masters and protection of Ukraine's longer-term interests as he understood them. His efforts to continue leading the hetmanist movement from Germany foundered on the diaspora's split with him over his hopes for German support of a new Ukrainian state. He died at the very end of the war, in April 1945, as the result of wounds sustained during an American bombing raid over a small town near Munich.

THE UKRAINIANIZATION OF THE 34th ARMY CORPS AND THE LAUNCH OF SKOROPADSKY'S UKRAINIAN CAREER

In his comprehensive study of the revolution and civil war in the Russian empire's borderlands, Richard Pipes identified soldiers as among the most important forces in the development of the Ukrainian national movement. Indeed, by spring 1917 Ukrainian national activists, most of them military men themselves, had forcefully raised the Ukrainian cause in soldiers' politics across the range of the empire's fighting forces. Delegates from as far afield as Vladivostok and Helsingfors attended the first all-Ukrainian soldiers' congress in May in Kyiv (Kiev) and raised for the first time in a public forum the demand of Ukrainian soldiers to have the right to form their own "national" units and to use the Ukrainian language in an effort to reform the Russian empire and restore the fighting ability of the imperial army²⁰. These demands, by the way, had not been part of the mainstream Ukrainian national movement before 1917, though what was considered at the time to be the extremist Mykola Mikhnovs'kyi's Revolutionary Ukrainian Party and its successor Ukrainian National Party, did call for a Ukrainian national army as the guarantor of the security of a future independent Ukrainian state. If anything, the socialist parties favored some form of popular militia. The demands for national armies were, however, an important part of a broader politics of national liberation in East Central and Southeastern Europe.

Not surprisingly, the Ukrainian soldiers' demands split the army high command into those who saw ukrainianization and similar "nationalizations" as the best way to combat the demoralization that was leading to Bolshevik success among the soldiers and those who saw it as the end of the imperial army itself and as something verging on treason (in an atmosphere already thick with suspicions of treason from top to bottom). Among the influential officers who were persuaded early of the possible benefits of ukranianization was General Alexei Brusilov, appointed Commander-in-Chief in May 1917. But it wasn't only the officers and high command who split over this issue; the soldiers too fought over the competing aims of socialist and national revolutions (and their various fusions). The Ukrainian soldiers' congresses insisted that a Ukrainian national army was needed "to prevent the disorganization of the army and to raise its fighting ability". Still, the Soviets of soldiers', Cossacks', and workers' deputies, dominated by Menshevik and Social Revolutionary junior officers, regularly condemned the Ukrainian soldiers' congresses and their demands as reckless acts of opportunism that threatened to split the ranks of the revolutionary forces and weaken them

in their fight against the anticipated counter-revolution from the right. The Petrograd Soviet also resisted any moves toward introducing federalism and local autonomy in civilian politics and administration. In the face of often fierce opposition, the Central Rada in Kiev nonetheless gave in to the demands of the soldiers' congress and created a General Military Secretariat to oversee the anticipated transfer of Ukrainian-identified soldiers to the Southwest and Rumanian Fronts; that Military Secretariat was headed by Semen Petliura, who would soon become one of Skoropadsky's most determined rivals. Konstantin Oberuchev, commissar of the Kiev Military District appointed by the Provisional Government, fought on behalf of a unified revolutionary army and refused to cooperate with the local Ukrainian authorities. (Oberuchev was a Social Revolutionary activist who had been arrested and stripped of his officer's rank for fomenting unrest in the Kiev garrison during the 1905-06 revolution; he returned from foreign exile only after the February Revolution.)²¹

All soldiers and officers found themselves in the middle of this confusing and unfamiliar world of revolutionary political conflict and intrigue. Even by the standards of traditional military politics among the imperial officers, who claimed they stood above politics, these new developments were hard to understand, disturbing, even alarming.

In all those units with large numbers of Ukrainian-identified soldiers and officers, the Ukrainian Congress sent its own commissars who had to work out some accommodation with the commissars sent by the Petrograd Soviet and its local affiliates. Moreover, former Duma politicians and party representatives regularly visited the front lines ostensibly to raise morale and see for themselves how the war was being conducted, but as often as not also took advantage of their visits to appeal to the soldiers in one or another revolutionary or counter-revolutionary program. The constant deputizing of soldiers to attend a plethora of congresses also contributed to a polarization of politics in the army, as did the return from exile and Siberia of thousands of revolutionaries and oppositionists emboldened by the new possibilities. It was also during these months that the soldiers and officers came to dominate the Ukrainian organizations in many cities outside Ukraine, e.g., Moscow.

Whenever Ukrainians separated out from their existing units to form new "national" ones, they were confronted with charges from the "Russian" party that they were traitors and enemy agents carrying out the work of Germany and Austria-Hungary, as did their Central Rada. Ukrainian soldiers responded with demands that "conscious enemies of the Ukrainian liberation movement" such as Oberuchev be dismissed and that Russian nationalist newspapers like *Kievlianin* be closed for "setting one nationality against another and serving as an openly counterrevolu-

tionary force". Their resolutions characteristically ended with calls for a Ukrainian army and for the "territorial-national autonomy of Ukraine in a federated democratic Russia". As the units' names illustrate, the ukrainianization movement styled itself a revival of Cossack hetmanate culture; one such name that was bound to provoke Russian national feelings was Ivan Mazepa. A society that formed in the Rostov Regiment of the 2d Grenadiers demanded a restoration of Ukraine's autonomy under the Pereyaslav Treaty, which had been violated by Catherine II, and for the return of the hetman's rule to Ukraine.

Still, for months the Provisional Government characteristically postponed any decision on the nationalization of the army. The military acted largely on its own initiative in a desperate attempt to take control of a "spontaneous" movement that threatened to fatally cripple the armed forces and accelerate the desertion, especially after the failed July offensive demanded by Kerensky. That threat was brought home to the high command when a "spontaneously" ukrainianized regiment, which took for itself the name of a Cossack hetman, Pavlo Polubutok, seized the Kiev arsenal in July in what was probably part of a coup to overthrow the Rada for a more radical defense of the Ukrainian people's interests. The mutineers were arrested and the uprising put down by another group of Ukrainian soldiers, including a Bohdan Khmel'hyts'kyi regiment²². Kerensky quickly changed his mind and permitted the ukrainianization of units with sufficiently large Ukrainian populations.

Skoropadsky's first impressions of Ukrainian soldiers were hostile; he encountered a group of soldiers on their way to the first Ukrainian soldiers' congress and recalled his opposition to their idea of separate Ukrainian military units²³. He resisted as long as he could any moves to ukrainianize his own 34th army corps²⁴, nevertheless, it was this same episode which launched his career as a leader of the Ukrainian national movement. Skoropadsky might have had marginally more sympathy for the Central Rada than he did for the Provisional Government, but that wasn't much in any event. But he became persuaded that the socialist "demagogues" of the Ukrainian government were better than the Bolshevik alternative that threatened Kiev, so he took upon himself the role of liaison between the Rada and Southwest Front headquarters. Clearly, he shared the widespread belief among imperial elites that the Bolsheviks were German agents and national traitors.

By the end of June, Skoropadskii had begun to come around to the idea of ukrainianization, which had the support of his immediate superior, Aleksei Gutor, commander of the Southwest Front²⁵, but he was still very cautious and wanted to reassure himself that he had the firm backing of his superiors and that they would treat this experiment seriously. In a letter to the Quartermaster-General of the Southwest Front, Nikolai Rattel²⁶, Skoropadsky approaches the problem of ukrainianization from

several points of view. At first, he makes clear that the idea to ukrainianize his army corps was not his own, but that it was Gutor who had suggested it. That made clear, he declared that he had nothing against ukrainianization in principle but wanted to be assured that it would be “real” ukrainianization, with “good soldiers and genuine Ukrainian ideas, not deserters seeking to avoid the line of enemy fire”. He even complained that he sensed General Gutor did not have a real understanding of ukrainianization, but reduced it to transferring Ukrainian replacement units to those undermanned at the front. Skoropadsky worried that such an understanding of ukrainianization would only exacerbate an already bad morale situation in the army. Moreover, Skoropadsky cited the unpleasant experience of another commander, Notbek, with ukrainianization in a nearby army corps.

If, Skoropadsky continued, the Russian government were indeed serious about ukrainianization, he was ready to go to Kiev and approach the Rada for good soldiers and officer candidates. He would then gradually replace non-Ukrainians with Ukrainians in his 34th army corps, but keep this experiment at first limited until it proved successful. He also insisted that it was important that this corps be assigned a location not too far in the army’s rear, where everything was in disintegration, but neither too close to the front for the time being.

Skoropadsky appears to be talking himself into supporting this policy and even tries to persuade Rattel’ that “if we do it right, we’re likely to get not only a good fighting unit, but something politically very important for Ukraine”. Moreover, he makes a case for his own candidacy for the job, given his “family name and reputation”. He concludes with a reminder that not only Gutor sympathizes with the general project, but that even War Minister Guchkov reportedly saw it “as a good thing”. Skoropadsky’s primary argument for this experiment he was about to undertake was that national feeling, in this case Ukrainian national feeling, was a healthy foundation for military affairs. This would be an argument he would develop further as hetman, but which would find little outlet in actual army-building. And this was an argument which brought him much closer to the soldiers to whom he had been so hostile only a couple months earlier; Skoropadsky now argued that the only way to preserve the fighting ability of the Russian army and with it the Russian state was to recognize the national principle and national idea in the army. The continuing disintegration of the Russian army reinforced Skoropadsky’s faith in the solution of ukrainianization. He recalled the months of July and August as “one of the worst, most repulsive periods of my military service”. Soldiers had become wild, looting, raping women, and torturing men in their mobs and mutinies. Skoropadsky held the soldiers’ committees responsible for this “revolutionary discipline”, as he characterized it sarcastically²⁷.

On his way to Kiev, Skoropadsky visited another superior officer, Vladimir Selivachev, commander of the 7th Army of the Southwest Front, who while not sympathetic to ukrainianization, tolerated the idea on account of his good relations with Skoropadsky; his chief of staff, Count Kamenskii, by contrast, cursed General Gutor for starting this whole mess. After he had his first distasteful meeting with Petliura at the Central Rada, Skoropadsky appears to have changed his mind again and asked that his corps not be ukrainianized. Finally, at the end of July 1917 General Kornilov replaced Gutor as commander of the Southwest Front and gave Skoropadsky the order to ukrainianize his unit, which he still reluctantly began to do. Kornilov dismissed Skoropadsky's objections and reminded him that the main thing was the war. Any misunderstandings with the Rada, he reassured him, could be cleared up later. Skoropadsky perceived this as a very cavalier attitude toward the Ukrainian movement. Even then, Skoropadsky began ukrainianization with some of his weaker units, not wanting to risk the combat ability of the healthier ones. Still, in short order, the 34th corps was renamed the 1st Ukrainian corps and counted 60,000 well disciplined soldiers²⁸. Shortly after Kornilov gave the order to ukrainianize, he was dismissed as commander-in-chief of the army and arrested following the failed putsch in Petrograd. Skoropadsky was arrested too in the wake of the putsch and the soldiers' revenge against the officer corps, but the Ukrainian Secretariat for Military Affairs secured his release and return to his unit to continue his work there²⁹. The new commander of the Southwest Front, Lt. General M.G. Volodchenko, was much more favorably disposed toward the Rada, supported Skoropadsky in his negotiations with Petliura, and was generally "a new type of commander", very comfortable with commissars and long speeches³⁰.

Another important episode in Skoropadsky's 1917 political transformation was the emergence of the Free Cossack movement³¹. In early October 1917, Petro Skrypcyn's'kyi, the same Ukrainian commissar who had first approached Skoropadsky about ukrainianizing his army corps, now informed Skoropadsky that he had been elected ataman of the Free Cossacks in Chyhyryn at their just convened all-Ukrainian Congress. The Free Cossack movement arose as local communities' initiatives to maintain order that could not be guaranteed either by the Provisional Government or its local agents or still yet by the Central Rada and its own emerging administrative apparatus. This largely peasant initiative, based in the provinces of Kiev, Chernigov, Poltava, Katerinoslav, Kherson, and the Kuban' was soon captured by a group of ambitious politicians and occasional adventurers who began appealing to the romantic traditions of the early Cossacks and began rehabilitating old Cossack terminology for units and ranks. (These Free Cossack leaders also ran up again the Rada's own efforts to transform the institutions of

the Cossacks and win them over to the Ukrainian cause.) Skoropadsky, apparently flattered by the election but somewhat unclear about its meaning, decided to attend the Congress and learn more about the Free Cossacks. The major ideologue of the movement, Ivan Poltavets, shared with Skoropadsky his ideas about the Free Cossacks as the foundation for healthy tendencies that would save Ukraine from collapse; Poltavets also appealed to Skoropadsky with his strong anti-socialist politics. After visiting the Berdichev uezd congress of the Free Cossacks, Skoropadsky was impressed with how much interest the local population showed in this organization. Still, he recalled that even at the first congress he attended, he saw a large gap between his ideal of the Cossacks and the reality before him. In particular, he was troubled by what he perceived as the fanaticism – often extreme anti-Russian attitudes – of some of the leading personalities in the movement.

Out of these meetings, nonetheless, Skoropadsky began to craft his Utopian vision of a Ukrainian state based on the ideal of Cossack farmers (*khleboroby*); his faith in the patriotism of property-holders was also shaped by his positive understanding of the Stolypin land reforms of the prewar years. An overnight stay with some *khutoriane* on his way to Kiev deeply impressed Skoropadsky with the unrealized potential of the Stolypin plan to create a strong farming class³². But this emerging vision of a Cossack farmer society helped shape many of Skoropadsky's political alliances in 1917 and during his rule in Kiev and also ensured that land reform and attitudes toward land reform would be an important focus of his efforts. And the Free Cossacks would serve as one of the bases for the Ukrainian People's Society (*Ukrains'ka, Narodna Hromada*) that served as the main organizing force for the May coup d'état against the Rada that brought Skoropadsky to power as hetman. (Skoropadsky's control over the funds of the Cossack Rada was an important financial resource, especially after he resigned from the army after the Bolshevik coup in Petrograd.) One of the other important bases for Skoropadsky's support was the officers of the 34th army corps.

SKOROPADSKY AND THE POLITICS OF THE RUSSIAN-UKRAINIAN RELATIONSHIP

Skoropadsky' experience during the fall of 1917 with the ukrainianization of his 34th army corps shaped his emerging political views no doubt more than any other single episode in his career. He was forced to abandon the officially apolitical stance of the imperial officer corps and begin to take sides with various factions that emerged both within the army itself as well as within the civilian political worlds of Petrograd and Kiev. He found himself pitted between his commanders in Kiev and

Petrograd and the Provisional Government's own commissar in Kiev, who opposed the ukrainization projects; he also was caught in a fierce competition among civilian and military activists in Ukraine itself, some of whom also opposed the ukrainization projects – albeit less openly – whereas others competed with Skoropadsky in forming their own Ukrainian national military units with a far more radical national agenda than he felt comfortable with. Even Skoropadsky was quickly disappointed by the turn that ukrainianization took. He observed with alarm how each series of reinforcements he received was more and more politicized and “of a socialist inclination”. He was disappointed in the military skills of the few Ukrainian ensigns he was able to capture for his army corps. He was very troubled by the violent conflicts that broke out between the remaining Great Russian officers and the nationally-conscious Ukrainian officers who were being transferred from other parts of the army. The Ukrainians, in a new twist on revolutionary defensism, were insisting that the ukrainianized corps only be deployed in the defense of Ukraine and that they be transferred from Belaia Tserkov', Skoropadsky's headquarters, to Kiev to defend the “capital” from Great Russian troops returning from the front. And he cursed the quartermaster-general's office for failing to deliver the supplies he had been promised to outfit his new units³³.

Before long both conservative and socialist politicians in Kiev began to resist the ukrainianization drive in the name of either combating the revolution or, ironically, furthering its aims. The former position was that of the Executive Committee of Social Organizations (IKOSOO), whereas the latter position was advocated by the Kiev soviet of workers', peasants' and soldiers' deputies. In response to the emerging strength of the Ukrainian national movement, a fiercely defensive Russian national movement began to mobilize its own forces to thwart the nationalization of the imperial army. In the general climate of treason that was so prevalent during 1917 (and the war years prior to the revolutions as well), Skoropadsky was frequently threatened with the direst of punishments for his act of treachery. In being to choose what parts of his Ukrainian identity he felt ready to defend against these charges, he began to “invent” his own vision of what Ukraine was and was not, but also what Russia continued to mean for him.

In this setting, he tried to craft what he viewed as a compromise position between the extremists of the Ukrainian left (and right) and the Russian right (and left). For the Ukrainian nationalists, any concessions to Russian language or culture was viewed as a mask for Russian imperialist oppression, whereas for the Russian nationalists, any concession on the issue of Ukrainian language or mention of autonomy or federalism brought charges of Mazepism and threats to destroy the unity of the Russian state. Skoropadsky moved toward a position of federalist reform

of the Russian empire, with recognition of the equality of Russia and Ukraine, including the equal rights of the Ukrainian language and culture. He found incomprehensible the attitudes of the Russian Whites in particular, many of whom expressed the view that they would sooner ally with the Bolsheviks than with an independent (or even autonomous) Ukraine. Skoropadsky firmly believed that he was preserving the best of the Russian empire in Ukraine as a base for the future reconstruction of a strong, federated Russia, a Russia that for him had a great future. Many White generals and politicians, including not a few in his own government, also viewed Ukraine as the bastion for restoring a great Russia, but a one and indivisible Russia that was in direct conflict with Skoropadsky's vision. He sadly concluded that Great Russians of all parties did not want a Ukraine to exist, even one closely linked to a future Russia in a federation. Another painful realization he made, especially as a relatively devout Orthodox Christian, was that the rural clergy was also against him and his vision of Ukraine; they held on to their Muscovite orientation instead of considering the advantages of restoring the Kyiv Patriarchate and some measure of ecclesiastical autonomy³⁴. Most difficult of all for him to understand was the attitude of the thousands of political and intellectual figures who descended upon Ukraine after the Bolshevik coup in Petrograd (and their consolidation of power in much of Russia) and who did all they could, according to Skoropadsky, to undermine him and his regime, their only hope for continued refuge. These same people foolishly hoped that the Entente would come to their rescue and that their victory would "put an end to this operetta-like country Ukraine". He concluded that the intolerance of the Great Russians toward Ukrainian culture, including and perhaps especially cultural figures, was much worse than that of the Poles³⁵.

He explained the extremist Ukrainian national position as the pernicious influence of the Galician politicians and intellectuals, while continuously denying that the Ukrainian national movement was a German, Austrian, or Polish plot, as many of his Russian detractors insisted was the case. Skoropadsky considered what Galician Ukrainians spoke to be a substandard dialect of the Ukrainian language. Furthermore, he insisted that Galician and Russian Ukraine were two separate countries (though not denying that there were also natural ties linking them), and accused the Galicians of trying to persuade the Entente powers that a future "reunited" Ukraine ought to be dominated by them³⁶. But it was Galician POWs who hid Skoropadsky in their barracks and helped him to escape from the Bolsheviks in Kiev in January 1918. Moreover, he acknowledged that on social questions, the Galician politicians were much more moderate, which means closer to his own positions, than were the "Russian" Ukrainians, but, unfortunately, not on religious and cultural matters³⁷.

And he felt that the russophobia of the extremists was indeed fed by Polish elite antagonisms, a position he ironically shared with many of his detractors on the Russian right wing. Furthermore, he continued to view Orthodox Christianity as the genuine faith of the Ukrainian people and, by contrast, was hostile to the role of the Greek-Catholic Church in shaping Ukrainian culture and nation. Not surprisingly, he shared the Russian political and military elites' suspicion of Metropolitan Andrii Sheptytsky, the Greek-Catholic national leader of L'viv, and Uniate priests more broadly. Finally, Skoropadsky "explained" the extremism of the Ukrainian nationalists as a correlate of their left-wing politics, which, in his opinion, inclined them toward populist demagoguery and conspiracy theories and rendered them as intolerant of genuine pluralism as their Bolshevik counterparts in Russia. These sorts of Ukrainians he held to be no better than the Great Russians and just as responsible for committing atrocities; he was not surprised at how many of these Ukrainian patriots went over to the Bolshevik side, only late to affirm that Ukraine was all along their sacred cause³⁸.

Skoropadsky reserved some of his most bitter characterizations for two Ukrainian socialists in particular, Volodymyr Vynnychenko and Semen Petliura. Early on in his memoirs, Skoropadsky recalled reports that Vynnychenko argued that Ukraine needed a good dose of Bolshevism to consolidate its national and social liberation and revolution. Skoropadsky also suspected Vynnychenko as the main conspirer to overthrow his regime in the second half of 1918. He feared that Vynnychenko's influence was on the rise with the Germans as they began to adapt to the idea of their own socialist government in Berlin; furthermore, Skoropadsky had intelligence reports that Vynnychenko was in negotiations with the Bolsheviks to secure their support in the event of a coup³⁹. Finally, he recalled the telegram which he received from Vynnychenko demanding, "in the tone of a Napoleon", that he liquidate the hetmanate⁴⁰.

Skoropadsky was only slightly more favorable in his opinion of Petliura, who seemed to enjoy Skoropadsky's occasional willingness to sympathize with military men who came to share his sense of the importance of a good, fighting army. Skoropadsky appears to have sympathized with Petliura in his conflict – over ukrainianization among other things – with one of Skoropadsky's superiors, Oberuchev, at first commissar to and later commander of the Kiev Military District. Moreover, Petliura impressed Skoropadsky with his "feeling of love for everything Ukrainian". During November, Skoropadsky and Petliura came into conflict over Petliura's ordering Skoropadsky ukrainianized 34th army corps to the front and to Kiev; Skoropadsky threatened to resign his command because of the constant harassment from Petliura. (This was another period Skoropadsky recalled as "sheer nightmare" (*sploshnoi koshmar*).) In

the end, however, Petliura impressed Skoropadsky above all with his theatricality, a feature he traced to the long period when the only legitimate arena for the Ukrainian movement was the theater.

Skoropadsky similarly viewed most pronouncements issued by the Rada as theatrical⁴¹. Skoropadsky's judgment on the Rada government was harsh: that in ten months of rule the socialists, for all their sincerity, were intellectually powerless to pull the country "onto a creative path", the greatest obstacle being their chauvinistic Galician Ukrainian orientation. Socialism in Ukraine, he concluded, leads to bolshevism. He firmly believed that the Ukrainian people did no support socialism, but that this was a minority faith propagated by a few members of the intelligentsia who were isolated from the people. And, like many military men, he despised the socialists generally for their politicization (bolshevization) of the imperial army⁴².

The Rada government, and its later stage as the Ukrainian People's Republic, reciprocated in these feelings. They distrusted Skoropadsky's political ambitions and suspected that he was not in the democratic camp. Skoropadsky himself acknowledged that his election as ataman of the Free Cossacks and as a delegate in the Constituent Assembly elections from the Union of Landowners were political mistakes⁴³. Still, the Rada's suspicions of his democratic credentials provoked him to define his own politics more clearly. He asserted that Ukraine needed a truly democratic party, because "Ukrainians were in their soul democrats", and that Ukrainian democracy and Ukrainian culture ought not to exhibit hatred for everything Russian. Such sentiments brought him into conflict with the leaders of the landowners' league which helped put him into power in spring 1918. He concluded that the landowners were only interested in restoring the old regime in Ukraine, something he realized was now impossible and undesirable⁴⁴. The party that Skoropadsky finally devoted his efforts to was the Ukrainian National Society (*Narodna Hromada*), which had at its core many officers of his first Ukrainian corps and the Free Cossacks movement⁴⁵, a curious place to look for democrats, it would seem.

His faith in federalism, by contrast, allied him with many of his Ukrainian socialist opponents; however, when, in a final, desperate act that he was advised to undertake to win the support of the Entente powers, he proclaimed federation with Russia, he lost virtually all of the remaining support he enjoyed among Ukrainian patriots, and admitted in his memoirs that this was one of his most serious political mistakes⁴⁶. Similar to the socialists (including the Ukrainian Party of Socialist Federalists), Skoropadsky conceived of Ukraine only in the context of a future Russian (*rossiiskaia*) federations but he parted ways with them when they proclaimed their slogan of "forward to socialism through federalism" after the Bolshevik coup in Petrograd. His version of federalism

was meant to acknowledge that the Russian and Ukrainian were two parallel cultures, but that they fed one another in the past and ought to continue to do so in the future. Moreover, in keeping with his conservative orientation, he hoped that the idea of a decentralized Russia would be appealing, among others, to the business class, who would have direct access to decisionmakers in Kiev rather than having to go through St. Petersburg⁴⁷.

Of course, the complicated relationships that shaped the way Skoropadsky understood Russia and Ukraine evolved against a set of other important actors. Historically, the Russian–Ukrainian relationship was often a consequence or afterthought of the more fundamental opposition of Russians and Poles (and Ukrainians and Poles). Skoropadsky shared what appears to be a widespread view among the Russian officer corps (and perhaps conservative imperial elites more broadly) that the Poles were indeed latent enemies of the Russian state. In part, this appears to be part of the civilizational rivalry in Ukraine between Roman Catholicism and Orthodox Christianity. Skoropadsky distinguished little between the Greek Catholic threat posed by Sheptytsky and his ambitions for church union from the Roman Catholic Poles and likely saw them in alliance. But he also distanced himself from Polish landowners in Ukraine who he expected to oppose any moves toward establishing a stable, independent Ukrainian state. This antagonism toward Poles even provoked him to a rare defense of Mykhailo Hrushevsky, when he overheard some “Polish pany” speaking very critically about the President of the Rada in a Zhitomyr restaurant in the summer of 1917⁴⁸.

After the Treaty of Brest-Litovsk was signed between the Rada (already no longer in occupation of Bolshevik-held Kiev) and the Central Powers, Skoropadsky was also forced to reassess his attitudes toward Germany and Austria-Hungary, the occupying powers in Ukraine after January 1918. A clearly defensive tone in his memoirs betrays his sensitivity to charges that he was a German puppet, but also that he had betrayed the Allied cause by his collaboration with the occupying authorities. Particularly, Great Russian parties tried to discredit Skoropadsky as a Germanophile⁴⁹. Skoropadsky even felt compelled to distinguish his program of federalism from the Germans’ designs to dismantle the Russian empire by peeling off its western nations. (After all, he reminded his readers, the Germans were not in favor of Ukraine’s adhering to a federation with Russia.)⁵⁰ Furthermore, he, together with most of conservative (and a good part of liberal) Russian imperial society, believed that the Bolsheviks were German agents and that the Germans were thereby largely responsible for their coming to power in Russia. A certain measure of his distaste for the Rada was his firm suspicions that they were secretly negotiating with the Germans already in late 1917 (particularly Mykola Porsh, who became the Rada’s general secretary for military

affairs in December 1917⁵¹. Not surprisingly, Skoropadsky describes his attitudes toward and relations with the Germans (and Austrians) with a great deal of ambivalence. He recorded his disgust with the turn of events that made the Germans appear to be saviors of Ukraine (and Russia, by extension) from “the Bolshevik yoke”⁵². He was impressed nonetheless with German orderliness and compared them favorably with their partners, the Austrians. And his most positive characterizations are, perhaps not surprisingly, of military men as contrasted with the diplomats and small armies of civilian “advisors” and economic planners from German business circles. Still, he found it difficult to understand why the German military men took the socialist Rada government so seriously (at least at first) and continued to view the Ukrainian Social Democrats and Social Revolutionaries as the only influential Ukrainian parties (even after the Germans backed his coup against the Rada). He tied this German support for Ukrainian socialists to their continued support for the Bolsheviks in Petrograd, but came to realize that this pro-Bolshevik policy was the subject of some serious policy disagreements within the German government itself⁵³.

Skoropadsky’s first contact with representatives of the governments he had just recently been fighting against was in March 1918 when the Austrians announced their plans to take over the hotel in Kiev where Skoropadsky had been staying. At this time, he met with the Austrian ambassador and the Austrian military plenipotentiary, Major Fleischmann, a man Skoropadsky took to be characteristic of Austrian duplicity. He quickly learned in these first contacts that the Germans and Austrians had many serious and frequent conflicts and disagreements over their occupation policy and the war more generally⁵⁴. His first meeting with the German authorities he traced to his request for their help to secure the release of his wife and family, who were still behind Bolshevik lines. (The Germans were able to help in this matter through their contacts in Petrograd and Moscow.)⁵⁵ One of Skoropadsky’s most constant contacts during 1918 was Lt. General Wilhelm Groener, who from March 1918 was chief of staff of army group Kiev. (It was Groener who directed the German retreat from Kiev; in October 1918 he was appointed to replace General Ludendorff as quartermaster-general.) During April 1918 Skoropadsky’s contacts with the Germans became more frequent and they soon began to revolve around the possibility of a coup against the Rada. Interestingly, Skoropadsky kept the details of this plot secret from the Austrian, Major Fleischmann. In the end, he was able to secure the Germans’ neutrality during the coup, asking them only to make sure that the Sich Sharpshooters remained confined to their barracks, lest they feel an obligation to defend the Rada government⁵⁶.

All the while, Skoropadsky insisted that he was not a Germanophile by any means, but a Ukrainophile above all. He found his alliance with

the Germans troubling and tried to keep doors open to the Entente powers as well, hoping that they would respond to his efforts in creating an anti-Bolshevik place d'armes for the recovery of Russia. But the French and British governments came to support the White cause and were thereby constrained in the support they could show for Skoropadsky or any autonomous or independent Ukrainian state. Skoropadsky claimed to prefer the Entente not only out of respect for the wartime alliance, but because he expected them to win in the end over Germany. And he concludes that the Entente also bore a large measure of responsibility for the failure of his state. During 1917 Skoropadsky had good relations with French and British officers⁵⁷. In December 1917 France briefly established diplomatic relations with Ukraine; their mission, headed by General Tabouis, had authority over the Polish and Czechoslovak troops in Ukraine, which Skoropadsky hoped might help to defend the Rada in the event of the expected Bolshevik attack. Skoropadsky was negotiating with the French at the same time the Rada was sending its first peace mission to the Germans⁵⁸. After the Rada, now the Ukrainian People's Republic, signed the Treaty of Brest-Litovsk, however, the French mission left Ukraine.

Once the Entente cast their lots with the White proto-governments around the peripheries of the former Russian empire, they were generally hostile to Ukraine's independent existence.

The most intense focus of Skoropadsky's animus, however, was reserved for the enemy he decided was the most dangerous of all to Ukraine's survival, the Bolsheviks. Not only the Germans' continued dealings with Soviet Moscow infuriated him, but he clearly viewed many, if not most, of the Ukrainian socialists through the prism of their fellow leftists. Bolshevization for Skoropadsky was the diagnosis that explained the deterioration of the army and society more generally. He even blamed the pogroms of Jewish stores on Bolshevik influences among Ukrainians. Similarly, he attributed the decline in morality among officers and soldiers, even horrible atrocities committed by the guards regiments, as signs of the coming Bolshevik world. And the Bolsheviks' demoralizing impact was not limited to Russian and Ukrainian soldiers; Skoropadsky overheard Austrian and Hungarian prisoners-of-war discussing plans to execute Emperor Karl⁵⁹. The final proof for Skoropadsky was when the Bolsheviks murdered 3000 officers in Kiev alone during their January 1918 attack and occupation of the city. Skoropadsky also reported stories of countless betrayals by servants and maids of their employers to the Bolsheviks and that the Bolshevik invaders turned the Hotel Universal in Kiev upside down looking for Skoropadsky himself⁶⁰. Later in his memoirs, Skoropadsky sadly conceded that one of the only major (*krupnyi*) statesmen that his troubled times had pushed to the fore was Lenin, "to our horror"⁶¹.

SKOROPADSKY AS FRUSTRATED (AND FAILED) UKRAINIAN STATEBUILDER

In a career rich in paradoxes and ironies, Skoropadsky came to power with few concrete plans about the new state of which he was proclaimed hetman. But the closer he got to assuming power, the more he felt his Ukrainianness come to the fore. On the evening of the coup in late April 1918 he went dressed in civilian clothes to the monument to St. Vladimir in Kiev to meditate on the momentous step he was about to take. A flood of memories of his Chernigov ancestral home overwhelmed him. He claimed he already then expected much nastiness from his enemies, but that he also sensed the grandiose tasks before him. He received an official blessing from Archbishop Nikodim and had drafted a proclamation to "the inhabitants and Cossacks of Ukraine". He also recalled this occasion as the first time he signed his name as the Ukrainian Pavlo Skoropads'kyi rather than the Russian Pavel Skoropadskii. His "coronation" as hetman was celebrated by a putatively spontaneous prayer service in St. Sophia's Cathedral⁶².

His greatest talents were in the military sphere of statecraft, but the German and Austrian occupation regime forbade him from exercising those talents until virtually the end of his rule⁶³. At first Skoropadsky tried to win permission from the Germans to organize his own armed forces by offering to have those troops collect the grain demanded by the treaty from the Ukrainian population under the terms of the Brest Treaty. The Germans refused, but at least their troops managed to carry out that mission with relative order and efficiency. By contrast, Skoropadsky recalled that the Austrian troops simply pillaged the countryside because they too were beginning to feel the impact of nationalist and Bolshevik "degeneration". The Austrians, moreover, were thoroughly corrupt, and bribery developed in their occupation zone on a "colossal scale"⁶⁴. Skoropadsky was acutely aware of the Austrians' plans to install their own hetman on the throne of Ukraine after they won the war⁶⁵.

Though Skoropadsky was allowed to have an army and naval minister (and even a chief of his general staff), he was not permitted to begin organizing an army. (The Germans seized all the navy in the Black Sea except two armed carriers and only agreed in the fall to return this fleet to the Ukrainian state; they also insisted that the Ukrainians pay for some share of the former Russian fleet!) His own military forces were limited to those that had already been formed by the UNR and the various ukrainianized units of the former Russian army. General Groener insisted that 2000 troops were sufficient for keeping order in Kiev and guarding Skoropadsky. (The combined forces of the German and Austrian armies were estimated at 400,000 on Ukrainian territory.) Moreover, not only had the Germans and the Austrians occupied all the suitable bar-

racks for their own soldiers, but both armies made several attempts of their own at organizing military units from Ukrainian prisoners-of-war in their camps⁶⁶. Though the hetman was upset by these attitudes, the occupying powers resisted his entreaties until the bitter end of his regime; and if German opposition were not enough, his plans for building and army were fought within his own council of ministers. His military advisors nonetheless began drawing up plans and military codes for that day when they might be allowed to actually create the modern army that many imperial officers had dreamed about before World War I broke out⁶⁷. After the rout of Bolshevik forces in January, intelligence reports about Bolshevik units forming in Chernigov and Kursk suggested that a new offensive would be launched in spring 1919, so time was running short for organizing conscription and some minimal training of the new Ukrainian army.

Out of desperation over this situation, Skoropadsky began pressing the German occupation authorities in Kiev to arrange an invitation for him from Emperor Wilhelm to visit Germany. Among other matters, Skoropadsky wanted to try to counter what he saw as the pro-Bolshevik orientation of the German Ministry of Foreign Affairs; he believed that German military leadership had already seen the dangers in this policy and concurred with him in his opposition to it⁶⁸. Finally, the Emperor was persuaded to receive Hetman Skoropadsky and a Ukrainian delegation on an official visit at the start of September. The journey to Ukraine's new imperial capital began with a reception by the Foreign Ministry in Berlin, those Germans most supportive of the Bolshevik orientation of their government, and the Chancellor. Next Skoropadsky's party was off to Kassel, where the emperor was headquartered. Kaiser Wilhelm bestowed the Order of the Red Eagle on Skoropadsky and recognized the independence of Ukraine in an official speech. Skoropadsky recalled the Emperor's attention focused on what Skoropadsky might know about the fate of his imperial Russian in-laws, the Romanovs, now in hostile Bolshevik hands (actually already murdered). From Kassel, Skoropadsky proceeded via Hannover to Spa (in German-occupied Belgium), to the headquarters of Field Marshal Hindenburg and Ludendorff. (On the way, he was troubled to observe the decline of the German army.) For the little it was worth in the end, Skoropadsky was relieved to learn that both high commanders were against the Bolshevik orientation and favored his efforts to build a Ukrainian army. Skoropadsky's experience with the rise of socialists in Russia in 1917 made him very aware that leftists were on the rise in Germany too; though he took this as an unfortunate omen, he recognized that he might have to deal with a new German government before long and requested his deputy foreign minister to ascertain which of the German socialists were "worth getting to know" for the future. From the army he visited the Kiel naval residence of Prince Henry of

Prussia, brother of the emperor. The Princess Irene was the sister of Russian Empress Alexandra and repeated her brother-in-law's inquiries about their relatives' fate. And once again, Skoropadsky was troubled by the restive mood of the German sailors he saw in Kiel, evoking unpleasant memories of 1917⁶⁹. Surprisingly, Skoropadsky's trip to Germany was greeted as a victory by the Ukrainian parties, who viewed it as a sign of the international recognition of Ukraine. Predictably, the Russian parties viewed it as further evidence of Skoropadsky's crimes against Russia. In any event, whatever genuine achievements he might have won in Ukraine's case for greater autonomy and self-government proved to be short-lived in the wake of the November revolution in Germany and the signing of the armistice treaty acknowledging German defeat in the war.

The frustration Skoropadsky felt in regard to military matters was compounded by the ever larger presence of Russian officers in Ukraine, who had fled Bolshevik *sovdepiia* and were being recruited actively for service in the Volunteer Army of the Whites to the south. In the meantime, these idle officers and their families joined the ranks of tens of thousands of displaced persons in all the major cities of Ukraine (15,000 in Kyiv alone), many of them wounded or otherwise invalid, widows and orphans; moreover, many of these officers were openly hostile to Ukraine and attracted to right-wing parties. Still, as a fellow military man, Skoropadsky urged his own Council of Ministers to take up their plight, but the only thing to come of this was a financial scandal – embezzlement of the funds that were raised by corrupt fellow officers⁷⁰. Skoropadsky's sense of betrayal by thousands of Russian officers whose lives he felt he had saved, as well as the demoralizing and degenerating experience of these unemployed men turning to speculation to make ends meet, undermined his confidence even in the virtues of military professionalism during these dark days⁷¹.

Consequently, Skoropadsky's political and organizational energies were thereby diverted to civilian state-building. His attention to institutions, procedures and personnel matters was reinforced, no doubt, by his military education and career, but it was also shaped by his determination to undo the damage wrought by the populist demagoguery of his socialist predecessors in the Rada government. In the short term, despite his professions of a preference for a future democratic Ukraine, Skoropadsky believed that the country needed a firm dictatorship and tried to move the Hetmanate in that direction, while relying on a fractious council of ministers with multiple party conflicts and shifting alliances. But he firmly rejected a proposal to accept the title of president of the republic and never summoned any parliamentary body during his eight-month rule⁷².

Because Skoropadsky's rise to power was not planned very carefully and happened so suddenly (and because the planning was conducted in secrecy), he didn't have people around him with whom he felt he could

really work or whom he could trust. His memoirs occasionally reveal him regretting one appointment or another after he came to know the appointee on the job. He frequently found himself having to appoint someone for his technical skills but who was hostile to the Ukrainian cause⁷³, a dilemma he shared with the Bolsheviks regarding the socialist cause. He had to change his cabinet three times during the eight months of the hetmanate. Still, he appointed a remarkable number of political notables from the late Old Regime, making his cabinet look like a somewhat more Ukrainian version of the first Provisional Government coalition. Kadet professors and moderate socialists, combined with business leaders and landowners as well as those who had served in various public organizations during the war (Zemgor, Tatiana Committee for Refugees). These appointments were characteristic of Skoropadsky's determination to reach compromise and his attempt to balance the Ukrainian national and Russian state elements in his government⁷⁴.

Skoropadsky assigned great importance almost from the start to diplomatic relations and the winning of international recognition for his new government; here he had modest success. Germany recognized the government of Ukraine in August, following the ratification of the Brest Treaty in Vienna. Recognition followed from German allies: Austria-Hungary, Turkey, and Bulgaria. Newly independent states or proto-states once part of the Russian empire also extended diplomatic recognition: the Don and Kuban' Cossacks, Georgia, Finland, and Poland⁷⁵. Despite all his misgivings about both the Germans and the Central Rada that negotiated the Brest-Litovsk Treaty, he never thought to renounce it. He realized that he needed the good will of the Germans and Austrians. The Germans and Austrians already had appointed ambassadors to the Rada government in Ukraine and they remained after the coup. Skoropadsky spent the first days of his hetmanate in frequent contact with the German Oberkommando, Field Marshal Eichhorn, the German Ambassador Mumm and his Austrian counterpart, Ritter von Herwilt Princig⁷⁶. Dmytro Doroshenko, historian and moderate socialist, became foreign minister, over German objections (who suspected him of Austrian sympathies!)⁷⁷ Skoropadsky appointed his future court historian and political theorist Viacheslav Lypynsky as ambassador to Austria-Hungary in June 1918; and Baron Teodor Shtengel' as ambassador to Germany. Shtengel' was a member of the Ukrainian fraction of the first State Duma; a member of the Kadet Party and the Society of Ukrainian Progressists who formed the Central Rada; later he joined the Ukrainian Party of Socialist-Federalists.

These institutional relations, as well as the important trip to Germany in late fall 1918, brought the Hetman into constant contact with the occupiers, and he recorded his evolving understanding of them. He divided the Germans he came in contact with in Ukraine into three large cate-

gories. The first was the “military class”, whom he recalled as “hones” in many cases “democrats by conviction” who didn’t want Ukraine’s ruin, who tried to understand Ukraine, “but relied on books published in L’vov” and were at the mercy of Ukrainian chauvinists”. He also observed the lamentable decline in the German officer corps very soon after the November revolution in Germany broke down, drawing obvious parallels to what he had observed more closely in the Russian army. The second group consisted of diplomats, who, “like all diplomats, adapted to their ministry, the emperor and his circle, the Reichstag, and eventually even the socialists”. The diplomats arrived with all sorts of experts in finance, industry, and trade, and societies to explore Ukrainian resources with grandiose projects. Finally, the third group included representatives of German culture and scholarship – various specialists, scholars, and journalists. Skoropadsky expressed his disappointment after the high esteem in which he had held German *nauka* confronted “firm prejudices” and “little account of reality”. He also observed that the assassination of the German Field Marshal Eichhorn at the end of July seriously shook the entire German community⁷⁸.

Of course, by the terms of the Brest treaty and Skoropadsky’s assurances to his German protectors, he was required to appoint a delegation to negotiate with the hated Bolshevik regime in Moscow. Although Skoropadsky recalled that his government had “virtually no relations” with the Bolsheviks, in fact, general consulates were established in Moscow and Petrograd (and four consulates in Samara, Saratov, Kazan’, and Omsk!), an important border treaty was signed between the two governments, and Moscow agreed to release a “state train” of scholars and scientists to the Hetman’s government in Kiev (see below). Still, he acknowledged that he pushed forward on the border negotiations largely under German pressure and as a promise in exchange for the occupying powers allowing him to begin outfitting eight army corps. And he was exasperated that the Germans refused to move their troops up to the new demarcation lines, thereby leaving thousands of civilians “stranded in *sovdepiia*”⁷⁹. These negotiations also involved representatives from the Don and Kuban’ Cossacks; Skoropadsky supplied arms to both proto-governments in the name of their joint anti-Bolshevik struggle, though ardent members of the Ukrainian movement in his government (not to mention his German protectors who had to maintain good relations with the Bolsheviks at least officially) wanted to hear nothing of this alliance of Ukraine with autonomous Cossack governments. Skoropadsky, by contrast, looked to the Cossacks as allies in his quest for a future, federal, decentralized Russia⁸⁰. Finally, Skoropadsky tried to keep all his options open by maintaining unofficial (and in part clandestine) contacts with the Entente powers as well, hoping that they might rescue him. He appeared to understand that any improvement in relations with the

Entente powers was complicated by Ukraine's treaties and cooperation with Germany and Austria-Hungary, who were still at war with Britain and France, after all. Still, even here, he achieved a certain measure of success, though, unfortunately for his vision of Ukraine, on the eve of his ouster from power. He appointed ambassadors to America, Romania, and France⁸¹.

Skoropadsky was proud of his efforts at creating two universities and several Ukrainian *gimnazii*, launching the Academy of Science, a state theater, state orchestra, school for *kobzary* (Ukrainian folk minstrels), a national cinema, and a national museum. His minister of public enlightenment, the Kadet professor Nikolai Vasylenko, devoted particular attention to higher education and scientific institutions, though he clashed with more ardent Ukrainian nationalists because of his insistence on the importance of Russian culture. An old family friend and supporter of Ukrainian culture, Petr Doroshenko, launched the state theater. In the tradition of his ancestors, the Hetman began to see himself as a supporter of Ukrainian culture; he opened a meeting of the Ukrainian Club in Kiev, appeared at concerts and with prominent Ukrainian writers⁸². Still, he lamented in retrospect that his government had failed to get its message out in an effective manner; no decent, serious newspaper in the Ukrainian language appeared until nearly the end of his rule, whereas the Bolsheviks were infinitely more skilled in propaganda, even if it was false, in his opinion⁸³. After eight months of determined culture-building, Skoropadsky also concluded his efforts were stymied by Kiev's provincial character; the shortage of Ukrainian scholars in several fields required his turning to Russia – ironically – to build a cultured Ukraine. Along these lines, he negotiated with the Bolshevik government for the release to Ukraine on a special state train of hundreds of Russian scholars and scientists with the hope that they would help him build a Ukrainian Academy of Science⁸⁴. Skoropadsky's defense of these policies against the criticism of Ukrainians in political and intellectual circles provoked some of his harshest dismissals of Galician Ukrainians; after all, "there really isn't, particularly, any culture [in Galicia]. Galicians live off the leftovers dropped from the German and Polish table. Their language alone reflects this clearly", he exclaimed, "when four of every five words is Polish or German!" Galicians would force on Ukrainians their narrow-minded and shallow culture for the great music, literature, art and scholarship created by the joint efforts of Russians and Ukrainians over the centuries. "Would Shevchenko", he challenged his critics, "afree to turn his back on Pushkin, Gogol, and others" for this pathetic Galician culture?⁸⁵

In religious matters, Skoropadsky, who claimed to be a profoundly faithful Orthodox Christian, ran into considerable opposition when he tried to reschedule the Church Council whose work had been interrupted

by the Bolshevik ouster of the Rada government in January 1918. That opposition came from the recently appointed metropolitan of Kiev, Nikodim, who warned Skoropadsky that summoning such a council then would provide a screen for the Uniates to futher schism in Ukraine. Skoropadsky's federalist sympathies extended to ecclesiastical matters; he favored decentralization and some measure of autonomy, if not autocephaly and moves toward ukrainianization. Still, he was prepared to accept two churches, one loyal to Moscow and one to Kiev. He was very disappointed in the conservative Orthodox priesthood and hierarch and suggested they learn from the example of their arch-rival, Metropolitan Sheptyts'kyi⁸⁶.

The hetman's finance minister, Anton Rzhepetskii, devised a new tax system, set up a State Bank and a Land Bank to support the land reform, and introduced a new currency in mid-June 1918⁸⁷. Land reform was urgent to begin building the healthy farmer nation that Skoropadsky envisioned in his utopia for Ukraine's future. As a onetime landowner himself, Skoropadsky fancied himself a specialist in agrarian matters. His ultimate ideal was to see Ukraine covered in small farms with high productivity and selling beets to sugar factories, which themselves would offer shares to wealthier peasants. His government repealed the third Universal and thereby restored the principle of private property in land. He insisted, however, that any parcelization of the large estates be carried out by legal means and not threaten the interests of especially right-bank Roman Catholic landowners. He thought that he found common cause with the Ukrainian Democratic-Agrarian Party because of their "healthy" national and social agendas; they demanded a repeal of the Third Universal's rejection of private property. The Union of Landowners, however, resisted the Hetman's reform and insisted on outright buyout of their estates⁸⁸.

CONCLUSION

In the end, the protectorate of the occupation regime both created the conditions of relative order and stability for Skoropadsky to attain some important successes, but also guaranteed his ultimate collapse by denying him the instrument to defend his regime, an army, after they retreated in defeat. And grain requisitioning for the Germans proved just as erosive of the hetman's authority as it had for the Ukrainian National Republic. The Directory that succeeded Skoropadsky's rule overturned much of his achievement, much as he had done regarding his predecessor regime, but he interpreted the Directory's acts as destroying "all sense of stateness" (*gosudarstvennosti*) for Ukraine. In that sense, they were little better than the Bolsheviks. But he was also aware that his own govern-

ment had undermined his (and its) authority as well, with their constant quarrels and intrigues⁸⁹.

When Skoropadsky turned to the causes of his failure in Ukraine, he blamed the lack of political culture in Russia, with its mutual mistrust and the demoralization of all classes, a situation that was exacerbated by the war and the complete isolation of the country from the outside world under the military occupation⁹⁰. He allocated almost equal responsibility to the Great Russians, who viewed him all along as a transition from the Rada to the Old Regime that had been overthrown in Petrograd, and the Ukrainian-Galician-socialists, who incited class hostility and engaged in demagoguery at the expense of genuine social reform and democracy. And the Ukrainian people were certainly not to blame for the horrors which had been visited upon them. This was a people far more capable of demonstrating “profound Christian love and renunciation than any west European [people]”. The intelligentsia lacked any genuine knowledge of this people and strove for blind imitation of the west. Skoropadsky’s “Ukrainian” or “Little Russian” Slavophile ideas similarly shaped his view of the Bolsheviks as not only crazy idealists from the alienated intelligentsia, but as a movement shaped by the presence of a large number of “foreigners” and criminals⁹¹. He believed, it appears to the end, that Ukraine was the most reliable *platsdarm* for defeating the Bolsheviks and recovering a great Russia and failed to understand why the anti-Bolshevik forces could not unite against their obvious enemy. In Skoropadsky’s opinion, they, the anti-Bolshevik forces, could not understand that national feeling was the only force capable of resisting Bolshevism, even Ukrainian national feeling⁹².

¹ Skoropadsky Pavlo. Spohady: kinets’ 1917–hruden’ 1918 / Ed. J. Pelenski. Kyiv; Philadelphia: National Academy of Sciences of Ukraine; M.S. Hrushevsky Institute of Ukrainian Archeography and Fontology; V.K. Lypynsky East European Research Institute, 1995. During the Soviet period, and objective discussion of Skoropadsky or his government was forbidden among historians as evidence of “bourgeois nationalism” and “counter-revolution” largely due to the Hetman’s resolutely anti-Bolshevik politics. For the first English-language treatment of these materials, as they were being prepared for publication, see: Pelenski J. Hetman Pavlo Skoropadsky and Germany (1917–1918) as Reflected in His Memoirs” // German-Ukrainian Relations in Historical Perspective / Eds. H.-J. Torke and J.-P. Himla. Edmonton; Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 1994. P. 69–83.

² See the very helpful studies based on these materials by: Hunczak T. The Ukraine Under Hetman Pavlo Skoropadskyi // The Ukraine, 1917–1921: A Study in Revolution / Ed. T. Hunczak. Cambridge (Mass.): Harvard Ukrainian Research Institute, 1977. P. 61–81; Fedyshyn O. Germany’s Drive to the East and the Ukrainian Revolution, 1917–1918 New Brunswick (N.J.): Rutgers University Press, 1971; Borowsky P. Germany’s Ukrainian Policy during World War I and the Revolution of 1918–1919 // German-Ukrainian Relations. P. 84–94; *Idem*. Deutsche Ukrainepolitik 1918 (unter besonderer Berücksichtigung der Wirtschaftsfragen) // Historische Studien. Luebeck; Hamburg, 1970. Vol. 416.

³ The Lypynsky Institute was founded in 1963 in Philadelphia and sponsored the publication of the memoris under review here, sought to counter the predominantly populist, socialist, and integral nationalist trends in the Ukrainian emigration (among other places, in the historiography inspired by Mykhailo Hrushevsky) during the long years of Soviet rule over Ukraine by insisting on the importance of state-building. For summaries of the scholarship and politics surrounding Lypynsky's legacy, see: The Political and Social Ideas of Vjacheslav Lypynsky / Ed. Jaroslaw Pelenski. Harvard Ukrainian Studies. Special issue. December, 1985. Vol. IX, N 3/4; V'jacheslav Lypynskyi: Istoryko-politolohichna spadshchyna i suchasna Ukraina: Studii / Ed. Yaroslav Pelenski. Kyiv; Philadelphia: Lypynsky Institute of East European Studies et al., 1994. Vol. 1.

⁴ See, for example, the proceeding of the second international scholarly conference: Het'man Pavlo Skoropads'kyi ta Ukrains'ka derzhava 1918 roku // Studii z arkhivnoi spravy ta dokumentosvanstva. Kyiv, 1999. Vol. 5. The conference commemorated the 125th birthday of Skoropadsky and the eightieth birthday of the Ukrainian Hetman State.

⁵ Iuryi Got'e. Time of Troubles: The Diary of Iurii Vladimirovich Got'e (Moscow: July 8, 1917 to July 23, 1922) / Trans., ed. and intro. by T. Emmons (Princeton (New Jersey): Princeton University Press, 1988).

⁶ Got'e mentions Skoropadsky and his regime in Kiev in a couple places, first soon after hearing the news of the hetman's coup d'état in Kiev in May, an event he thought might "have enormous consequences for unhappy Great Russia" and led to "a certain animation in Moscow" under the Bolsheviks. Got'e, p. 143, entry for 10 [May] 1918. Then again in December 1918, Got'e reported with clear dismay that "something is going wrong in Kiev; it seems the autonomists Petliura and co. have again gotten the upper hand and have overthrown Skoropadskii". He complained that Bolshevik reports on this were unreliable, a lack of sources of news about the outside world that was a sign of the times more. Got'e, p. 222, entry for 18 [December] 1918. Considering that Skoropadskii was overthrown on December 14, Got'e's information is still relatively current.

⁷ Hrushevskyi M. "Spomyny". Kyiv, 1989. N 8: P. 102–154; N 9. P. 108–149; N 10. P. 122–158; N 11. P. 113–155. Hrushevsky's memoirs were written during the 1920s, after he returned to Soviet Ukraine and were subject to Soviet censorship of the history of the Ukrainian political movement.

⁸ See the biography by: Prymak Th.M. Mykhailo Hrushevsky: The Politics of National Culture: Toronto, 1987.

⁹ Though Denikin's (*Ocherki russkoi smuty*: 4 vols. P.; B., 1921–1926, translated and abridged in one volume as: The Russian Turmoil. L.; N.Y.) are the most comprehensive accounts for this period among the military leaders, several other memoirs have appeared in the last dozen years. See also: General Baron P.N. Wrangel. Memoirs (L.); General A. Lukomskii. Memoirs of the Russian Revolution (L., 1922). For older studies of the Whites, see: Kenez P. The Civil War in South Russia; Luckett R. The White Generals: An Account of the White Movement and the Russian Civil War. N.Y., 1971; a more recent study is: Pereira N. White Siberia: The Politics of Civil War. McGill-Quenn's University Press, 1996.

¹⁰ See Dmytro Doroshenko's two-volume study: Istoriiia Ukrayiny 1917–1922 rr. Uzhgorod, 1930; N.Y., 1954; Ereignisse in der Ukraine, 1914–1922 / Ed. Th. Hornykiewicz: 4 vol. Philadelphia: V.K. Lypynsky Institute, 1966–1969, esp. vols. III and IV. Doroshenko served briefly as foreign minister in Skoropadsky's government. The documents that Hornykiewicz edited came from Austrian military and diplomatic archives.

¹¹ See: Vynnychenko V. Virdodzhennia natsii: 3 vols. Kiev; Vienna: Vyd Dzvin, 1920; Mazepa Issak. Ukraina v ohni i buri revoliutsii, 1917–1921: 2 vols. Prague: Proboiem, 1942; and many others.

- ¹² Sheptyts'kyi did not leave historians with his own retrospective view of these events in the form of memoirs, but did leave a voluminous historical trail in his writings. See: Krawchuk A. Christian Social Ethics in Ukraine: The Legacy of Andrei Sheptytsky. Edmonton; Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 1977; Morality and Reality: The Life and Times of Metropolitan Andrei Sheptyts'kyi / Ed. P.R. Magosci. Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies, 1989, among others.
- ¹³ Mannerheim C.G.E. The Memoirs of Marshall Mannerheim. N.Y., 1954. On Mannerheim's biography and career, see: Borenus T. Field-Marshal Mannerheim. L.: Hutchinson & Co., 1940; Screen J.E.O. Mannerheim: The Years of Preparation. L.: C. Hurst & Co., 1970.
- ¹⁴ Horthy M. Memoirs. N.Y., 1957.
- ¹⁵ Pilsudski J., Marshal. Joseph Pilsudski: The Memoirs of a Polish Revolutionary and Soldier / Trans. D.R. Gillie. L.: Faber & Faber, 1931. Surprisingly, no good biography of Pilsudski is available in English, Polish, or any other language, nearly seventy years after his death and shelves full of studies. The best account of Pilsudski's career, but partial in its coverage, is: Rothschild J. Pilsudski's Coup D'Etat. N.Y.: Columbia University Press, 1966.
- ¹⁶ von Hindenburg P. Aus meinem Leben. Leipzig, 1920.
- ¹⁷ Gröner W. Lebenserinnerungen: von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution / Ed. W. Baumgart. Goettingen, 1971.
- ¹⁸ Skoropads'kyi P. Uryvok zi "Spomyniv" Het'mana P. Skoropads'koho // Khliborobs'ka Ukraina. 1924/1925. Book V.
- ¹⁹ The following biographical sketch is compiled from the main body of Skoropadsky's memoirs, supplemented by an additional set of reminiscences of his childhood written between 1935 and 1939 in Germany, "Moe detstvo na Ukraine", and an essay in the same volume by the editor Jaroslaw Pelenski, the hetman's daughter Olena Ott-Skoropadsky (with the help of Pavlo Gai-Nyzhnyk), "Pavlo Skoropads'kyi: Korotka kronika zhyttia (1873–1945)".
- ²⁰ For more on this, see: von Hagen M. The Russian Imperial Army and the Ukrainian National Movement in 1917 // The Ukrainian Quarterly. LIV, 3/4. Fall-Winter 1998. P. 220–256.
- ²¹ Oberuchev's biography is also a good illustration of the stark choices of increasingly exclusivist identities and loyalties forced by the emerging politics of 1917. In earlier times, Oberuchev had considered himself something of a ukrainophile and had contributed to the historico-cultural journal, "Kievskaya starina"; but in his memoir account of the revolution and civil war in Ukraine, Volodymyr Vynnychenko remembers Oberuchev in 1917 as a "hysterically violent enemy of the Ukrainian movement". Oberuchev opposed the formation of not only Ukrainian units in his military district, but also Czechoslovak ones.
- ²² Ibid. P. 62. Skoropadsky claimed he didn't know the details of this coup but presumed that it was Bolshevik-backed and against the Rada.
- ²³ Skoropads'kyi P. Spohady. P. 57.
- ²⁴ He recalls being first approached on this matter by Petro Skrypcynsk'kyi, the "moderate Ukrainian commissar to the Southwest Front headquarters and member of the Rada's Military Secretariat. Skoropadskii resisted both the principle and the idea that his 34th regiment could be the guinea pigs for this experiment (Ibid. P. 57–58).
- ²⁵ Gutor, incidentally, eventually went over the Bolshevik side and served in the Red Army, as did Brusilov, Rattel', and several other of Skoropadsky's army colleagues.
- ²⁶ This letter, dated June 26, 1917, is reproduced in "Spohady". P. 329–331, from the Russian State Military History Archive (RGVIA. F. 2067. Op. 1. D. 2986, ll. 1–2).
- ²⁷ Ibid. P. 58–68. Skoropadsky furthermore recalls the retreat of the Russian army at Ternopol' from July 8–18 as the most discouraging military event of his career.

- ²⁸ Ibid. P. 60–70.
- ²⁹ Ibid. P. 63–64, 74–79. Skoropadsky appears to have sympathized with Kornilov's putsch, but deemed it premature and was troubled at what he perceived as the shallow social and political base behind Kornilov, mostly Kadets. Furthermore, he defended Kornilov as sympathetic to the Ukrainian movement, at least to its army, against the protests of the Ukrainian Secretariat of the Rada.
- ³⁰ Ibid. P. 80.
- ³¹ Spohady. P. 50–51, 81–84, 94–100.
- ³² Ibid. P. 61.
- ³³ Ibid. P. 71–2.
- ³⁴ Ibid. P. 53.
- ³⁵ Ibid. P. 210, 226–227, 255. Skoropadsky described a frequent pattern of transformation: the new arrivals from Bolshevik Russia would at first express their love for the Ukrainian language and for Kiev, but then gradually become discontented and dismissive of everything Ukrainian as "nonsense" and "German inventions".
- ³⁶ Ibid. P. 49, 184.
- ³⁷ Ibid. P. 53.
- ³⁸ Ibid. P. 121.
- ³⁹ Ibid. P. 53, 293–294, 297.
- ⁴⁰ Ibid. P. 323.
- ⁴¹ Ibid. P. 61–62, 87–89, 134, 203–206. In the end, Skoropadsky resigned his commission at the end of December 1917 after another conflict with Petliura's successor as the Rada's military minister, Mykola Porsh; however, when the Bolsheviks began their assault on Kiev, Petliura approached Skoropadsky to take the command of the right-bank forces defending Ukraine, which he readily agreed to do (Ibid. P. 99–101).
- ⁴² Ibid. P. 122, 124ff, 134, 146.
- ⁴³ Ibid. P. 84.
- ⁴⁴ Ibid. P. 123–126.
- ⁴⁵ Ibid. P. 138.
- ⁴⁶ Russian nationalists, particularly officers, interpreted Skoropadsky's proclamation of federation and the start of the Germans' retreat as signals to destroy the Ukrainian movement (Ibid. P. 309).
- ⁴⁷ Ibid. P. 48, 54, 139. Interestingly, Skoropadsky concedes that Vynnychenko was right in maintaining that only through independence could Ukraine enter a genuine federation (Ibid. P. 308).
- ⁴⁸ Ibid. P. 57, 61, 105, 138.
- ⁴⁹ Ibid. P. 56, 114.
- ⁵⁰ Ibid. P. 51. On Germany's plans regarding the western nations of the Russian Empire, see: Fischer F. Germany's Aims in the First World Ear. N.Y. W.W. Norton, 1967. P. 120–154.
- ⁵¹ Ibid. P. 100, 113.
- ⁵² Ibid. P. 121–122.
- ⁵³ Ibid. P. 122–125.
- ⁵⁴ Ibid. P. 130–131, 239–241.
- ⁵⁵ Ibid. P. 135–136; 242–243. Somewhere in late December 1917 or early January 1918 the Skoropadsky family estate in Trotsianets was burnt to the ground.
- ⁵⁶ Ibid. P. 139–142.
- ⁵⁷ Ibid. P. 47, 146. His imperial military training left him somewhat proficient in French; in a telling incident, when Skoropadsky finally got his visit to Kaiser Wilhelm in late 1918, he spoke everywhere with his German military and political counterparts in French, since he didn't know German. For those German officers who didn't know French, a translator had to be provided!

⁵⁸ Ibid. P. 47, 64, 67, 102–103, 105.

⁵⁹ Ibid. P. 91–93, 115.

⁶⁰ Ibid. P. 119–120.

⁶¹ Ibid. P. 150.

⁶² Ibid. P. 145, 153–156.

⁶³ Skoropadsky recalled that the Germans agreed to several conditions before promising their covert support and public neutrality in the event of a coup: 1) that Skoropadsky's new government recognize the Brest Treaty signed between Germany and the Rada government; 2) that Skoropadsky take measures to regulate the Ukrainian currency; 3) that he assure better control over the export of foodstuffs to the Central Powers [that were part of the Brest conditions]; 4) that he put through a law permitting German troops stationed in Ukraine the right to purchase necessary food supplies at local prices; 5) that he delay the convening of the sejm until the German authorities felt the situation was stable and favorable; 6) that he restore the judicial system to a measure of functioning "and remove all demagoguish elements"; 7) that free trade be restored; and 8) that Germany have the right to acquire any surpluses beyond those destined for export already (Ibid. P. 148).

⁶⁴ Ibid. P. 184.

⁶⁵ Habsburg circles had been preparing one of their own, Archduke Wilhelm von Habsburg-Lothringen, aka Vasyl' Vyshvanyi (1896–1948), for the throne of an autonomous Ukraine in the victorious Habsburg empire. Wilhelm was the son of archduke Karl; from the age of twelve he had lived with his parents on their estate in western Galicia where he had studied the Ukrainian language and been inculcated with Ukrainianophile ideas (Ibid. P. 208, 239–241).

⁶⁶ Ibid. P. 189–190. The UNR had signed an agreement with Germany in March allowing for Ukrainian POWs to be recruited to for the First Ukrainian Division, the *sinezhu-pamy*, in camps in Rastatt, Wezlar, and Salzwedel.

⁶⁷ Ibid. P. 178–179.

⁶⁸ Ibid. P. 241–242, 269–271. Skoropadsky reported that General Groener kept trying to get his government to break off relations with the Bolsheviks.

⁶⁹ Ibid. P. 273–282.

⁷⁰ Ibid. P. 172–173; 177–178, 180–181, 188, 200.

⁷¹ Ibid. P. 299–300.

⁷² Ibid. P. 160, 172–173, 185, 204–205. Plans for elections to a Ukrainian state sejm were worked out by the fall of 1918, but the planned elections for 15 February 1919 fell nearly two months after Skoropadsky and his government had fled Kiev.

⁷³ Ibid. P. 158–159.

⁷⁴ Ibid. P. 161.

⁷⁵ Ibid. P. 265–266.

⁷⁶ Ibid. P. 171–172.

⁷⁷ Ibid. P. 162. German objections forced Skoropadsky to appoint Nikolai Vasylenko, his minister of popular enlightenment and a prominent Kiev Kadet professor, as acting minister of foreign affairs for the first few weeks on the hetmanate.

⁷⁸ Ibid. P. 245–248.

⁷⁹ The head of the delegation to the RSFSR was Sergei Shelukhin, a lawyer, poet, Odessa moderate Ukrainian socialist-federalist, and justice official in the Ukrainian Peoples's Republic; his deputy was Igor' Kistiakovskii, lawyer and member of a prominent liberal Ukrainian family (Ibid. P. 234–235, 241–242).

⁸⁰ Ibid. P. 236–238. Skoropadsky claimed he even sent aid to the Whites, but the Germans kept him under close surveillance and made this very difficult. Skoropadsky was in frequent correspondence with Alekseev, who sought the Hetman's intervention to help free officers arrested by Germans (on suspicion of being Allied agents in

Ukraine). Skoropadsky compiled a list of all officers of the Volunteer Army on Ukrainian territory and didn't harm them, firm in the naïve belief that they were fighting a common cause. When Alekseev died, Skoropadsky ordered a special memorial mass served in Kiev. But relations with Alekseev's successor, Anton Denikin, soured quickly. Skoropadsky accused Denikin of agitating the officers of the Volunteer Army against Skoropadsky.

⁸¹ Ibid. P. 264–265, 291, 301.

⁸² Ibid. P. 134, 165–166, 213, 228–231. The hetman period experienced from all appearances a surprisingly vital cultural life, in large measure thanks to the thousands of actors and artists who had also fled Bolshevik Russia to Kiev.

⁸³ Ibid. P. 219–221. The newspaper that Skoropadsky deemed “decent and serious” was *Mir*.

⁸⁴ Ibid. P. 233–234. Vladimir Vernadsky was appointed to head the committee to organize the Academy. Vernadskii had lived in Ukraine since June 1917 and eventually became the first president of the Ukrainian Academy of Science.

⁸⁵ Ibid. P. 233. Even here, though, he follows this outburst in his memoirs with a contrasting (and balancing) declaration of his great respect for Galicians and their devotion to their native land and for their genuine democracy.

⁸⁶ Ibid. P. 196–200. Skoropadsky appointed Vasilli Zin'kovskii, Kadet professor of philosophy and a graduate of the theological academy, as minister of confessions.

⁸⁷ Ibid. P. 193–194. Rzhepetskii had been head of a Kiev credit society and advisor to the Kiev city duma, chaired the electoral commission for the State Duma as a member of the Kadet party.

⁸⁸ Ibid. P. 136–138, 221, 282–287.

⁸⁹ In Skoropadsky's final days in power, he reluctantly appointed new leadership for the government on the insistence of the increasingly vocal Russian officers. The man he appointed as commander-in-chief, General (and Count) F.A. Keller, proceeded to what the Hetman decried as a military counter-reform, overturning all the new codes that had been devised by his army ministry and restoring imperial regulations. At the end, his entourage was split between those supporting Petliura and those supporting General (and Prince) Alexander Dolgorukov, the leader of the Russian right-wing forces (Ibid. P. 313, 317).

⁹⁰ Ibid. P. 54–55.

⁹¹ Ibid. P. 211–212.

⁹² Ibid. P. 291, 298. For the hetman's relations with the White governments, see: Procyk A. Russian Nationalism and Ukraine.

ДИНАМИКА ЭТНИЧЕСКОГО
САМОСОЗНАНИЯ
КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ
В 1920–1930-х годах

В процессе формирования современной белорусской нации в качестве важнейшего этапа можно выделить период между двумя мировыми войнами, а в особенности – 20-е годы XX в. В Белорусской Советской Социалистической Республике, которая объединила восточные и центральные земли Белоруссии, в это время проводилась политика *белорусизации* государственного аппарата и системы народного просвещения. Хотя реализация этой политики была фактически свернута в 30-х годах в условиях культа личности и массовых репрессий, ее значение для развития белорусской культуры трудно переоценить. Западные же территории Белоруссии по итогам польско-советской войны 1920–1921 гг. оказались в составе возрожденного польского государства – II Речи Посполитой. В новых политических реалиях происходит значительная активизация процессов развития национального самосознания населения Западной Белоруссии (этот термин начал употребляться именно с 20-х годов).

Необходимо отметить, что белорусское этническое меньшинство в межвоенной Польше нередко отождествлялось с крестьянством, что в значительной степени соответствовало действительному положению вещей. Городское население Западной Белоруссии состояло преимущественно из евреев, поляков и русских, причем к числу последних двух относилось немало полонизированных и русифицированных белорусов. Белорусская интеллигенция в большинстве своем была представлена выходцами из деревни. Поэтому исследование динамики этнического самосознания крестьянского населения Западной Белоруссии в рассматриваемый период в значительной степени является ключом к пониманию специфики национального развития белорусского меньшинства во II Речи Посполитой.

В белорусской советской историографии означенная проблема не относилась к числу приоритетных. Главное внимание исследователей уделялось деятельности Коммунистической партии За-

падной Белоруссии (КПЗБ). Практически все остальные белорусские партии и организации, за исключением Белорусской крестьянско-рабочей громады (БКРГ), которая рассматривалась как своего рода легальный филиал КПЗБ, были отнесены к числу мелкобуржуазных и националистических. Априорно считалось, что белорусское население имело развитое национальное самосознание, а потому коммунистическое движение одновременно было выразителем национально-освободительных устремлений¹. В последние годы интерес исследователей к проблематике Западной Белоруссии заметно возрос. Появилось значительное количество научных публикаций, посвященных деятельности различных белорусских партий и организаций в рассматриваемый период². Однако внимание историков преимущественно обращено на политические и культурные элиты национального движения, а этническое самосознание крестьянской массы по-прежнему остается недостаточно исследованным.

К проблематике Западной Белоруссии обращались также и польские историки. Во времена Польской Народной Республики исследований в данной области было немного, среди них в первую очередь необходимо назвать работы Александры Бергман и Ежи Томашевского³. В 90-е годы XX в. наблюдается повышение интереса польских авторов к данной проблематике⁴. В последнее время активно занимаются изучением проблем истории Западной Белоруссии исследователи, которые объединены вокруг Белорусского исторического общества в Белостоке. В их работах особое внимание уделяется процессам развития этнического самосознания крестьянского населения⁵.

Следует отметить, что межвоенный период в жизни крестьянства Западной Белоруссии был необычайно насыщен событиями и новыми явлениями. Никогда ранее в белорусской истории не наблюдалось столь активного участия крестьян в политической и культурной жизни общества. Трагические события первой мировой войны и революции, вынужденное беженство в Россию радикально изменили представления сельских жителей об окружающем мире, по существу разрушили, хотя бы на некоторое время, “тутэйшую”, локальную самоидентификацию, характерную для крестьянского населения в традиционном аграрном обществе. Безусловно, изменения в жизни белорусской деревни были подготовлены всем ходом ее социально-экономического и культурного развития в довоенный период, а события военного лихолетья явились катализатором новых процессов. Уже в XIX в. наблюдались признаки распада традиционной народной культуры, которая на протяжении многих веков цементировала и упорядочивала жизнь сельских общин. Постепенно разрушалась их замкнутость и пат-

риархальность, многие сельчане должны были, нередко против своей воли, взаимодействовать с надлокальными хозяйственными и политическими структурами, усваивать новые способы мышления в категориях “идеологической родины” (термин польского социолога Станислава Оссовского⁶) в отличие от характерного для жителей традиционной деревни оперирования категориями “малой родины”. Правда, до начала первой мировой войны означенный процесс лишь в малой степени коснулся большинства крестьянского населения. Оно по-прежнему воспринимало окружающий мир сквозь призму “тутэйшости” и по существу почти ничего не знало о жизни, которая протекала за пределами их небольшого и все еще достаточно патриархального мирка.

События первой мировой войны и российской революции, а затем советско-польской войны вызвали в среде западнобелорусского крестьянства острый духовный кризис. Начало его было положено массовой эвакуацией с Виленщины и Гродненщины в глубь Российской империи во время наступления немецкой армии в 1915 г. Общее количество беженцев достигло 1,4 млн человек⁷. Среди них большинство составили сельские жители православного исповедания, которые добросовестно выполнили распоряжения властей и поверили агитации, проводимой правительственными чиновниками и священниками. Крестьяне католической конфессии преимущественно оставались дома. В этом выборе главную роль сыграла позиция католического духовенства, которое призывало своих прихожан не покидать родные деревни.

Достаточно сложно ответить на вопрос, в какой степени и в каком направлении беженство повлияло на изменение этнического самосознания жителей западнобелорусской деревни. Позднее польское чиновничество именно последствия беженства в Россию и пребывания в охваченной революцией стране называло одной из главных причин враждебного отношения крестьян-белорусов к польскому государству.

Безусловно, продолжительное путешествие на восток и пребывание в иной этнокультурной среде часто становилось настоящим шоком для сельчан, многие из которых никогда раньше не покидали территории своей малой родины. Беженство по существу разрушило “тутэйшое”, локальное самосознание крестьян, подорвало в значительной степени их веру в традиционные ценности архаического аграрного мирка. Знакомство с жизнью больших российских городов и сельской глубинки, с одной стороны, содействовало осознанию собственных этнических черт и отличий от местного населения. Необходимость выживания в условиях хаоса Гражданской войны научила земляков взаимопомощи. Более активные из числа беженцев включились в работу бело-

русских организаций, комитетов взаимопомощи и т.п. Но, с другой стороны, как считает белорусский историк из Польши Евгений Миронович, “несколько лет отсутствия на своей земле в то время, когда наступал подъем национальных настроений, вместо роста осознания этнического единства вызвали растерянность и открытость для внешних влияний”⁸.

Спасаясь от голода и ужасов Гражданской войны, которая полыхала на просторах России, абсолютное большинство беженцев вернулось на родину. Однако домой возвращались уже иные во многих отношениях люди. Произошла своеобразная мутация (если можно так выразиться) традиционного крестьянского менталитета. Ситуация усугублялась тем, что родная деревня встречала беженцев пепелищами и заросшими бурьяном полями. Условия их жизни вначале были просто ужасающими, что отмечали в своих донесениях представители польской администрации. Новая власть принимала беженцев без особого энтузиазма, поскольку рассматривала их как нелояльный к государству элемент. Фактически с самого начала утверждения польской государственности на территориях с преобладанием белорусского населения правительственные чиновники достаточно широко использовали методы ассимиляционной политики, что, в частности, проявлялось в закрытии белорусских школ и культурно-просветительских организаций.

Стратегическую необходимость подобной политики признавали высокопоставленные чиновники, видные политические и общественные деятели. Министр просвещения Станислав Грабский отмечал: “Важнейшей жизненной необходимостью для Польши является то, чтобы на протяжении ближайших уже лет отрезок нашей восточной границы на север от Припяти был не только границей польского государства, но и польской нации”⁹. Причем Грабский решительно отводил обвинения в адрес польского правительства в том, что оно насильственно ассимилирует белорусов: “О денационализации там кого-нибудь в пользу Польши не может быть и речи. Поскольку нельзя денационализировать того, кто не имеет национального сознания, кто является только “тутэйшим”¹⁰. Даже видный политический деятель, учений и публицист Леон Василевский, который искренне симпатизировал белорусскому населению, вместе с тем давал ему следующую характеристику: “Первые из них (имелись в виду белорусы в сравнении с украинцами. – С.Т.) являются племенем с достаточно слабой национальной индивидуальностью и довольно слабым национально-политическим движением. До настоящего времени белорусы-католики подвергаются полонизации, а православные – русификации”¹¹. Поэтому Л. Василевский считал бессмысленным

для польского правительства тормозить “естественную” полонизацию католиков и рекомендовал основное внимание уделить противодействию русификации православных. С этой целью он предлагал оказать поддержку развитию белорусской культуры в православной среде. Однако в реальности местные власти повсеместно стремились проводить открытую политику полонизации белорусско-язычного населения. Как справедливо отмечает Е. Миронович, “поскольку в Польше победила национально-демократическая (эндекская. – С.Т.) концепция национальной политики, на практике стали осуществляться самые худшие и грубые методы ассимиляции славянских меньшинств”¹².

Согласно данным всеобщей переписи населения 1921 г., во II Речи Посполитой насчитывалось 1035 тыс. белорусов. Среди них почти 93% составляли православные и около 6% католики. Большинство исследователей, в том числе и польских, считают количество сильно заниженным. Согласно подсчетам, сделанным Ежи Томашевским и Петром Эберхардтом, численность белорусского населения приближалась к 2 млн человек. Е. Томашевский пришел к выводу, что в четырех северо-восточных воеводствах Речи Посполитой белорусов насчитывалось от 1948 тыс. до 2226 тыс. человек¹³. П. Эберхардт называет цифру 1797,9 тыс., не учитывая населения Белостокщины и Виленщины¹⁴. Такое увеличение по сравнению с официальными данными произошло в первую очередь за счет присоединения к белорусскому населению тех православных жителей, которые называли себя во время переписи поляками. Например, в Белостокском воеводстве, согласно переписи, насчитывалось 116 тыс. православных белорусов и 76 тыс. православных поляков. В то же время только незначительная часть белорусскоязычного населения католического вероисповедания была отнесена к белорусам. В Белостокском воеводстве белорусов-католиков насчитывалось 2,8 тыс., в Новогрудском – 18,4 тыс., в Полесском – 2,9 тыс. Кроме того, в Полесском воеводстве почти 39 тыс. человек были отнесены к группе “тутэйших”. Несомненно, что гораздо большая часть крестьянского населения не имела еще достаточно сформированного национального самосознания, однако переписчики фиксировали “тутэйшость” только там, где это соответствовало государственным интересам II Речи Посполитой.

Белорусская пресса в то время много писала о фактах причисления крестьянского населения к польской нации вопреки его воле. Несомненно также, что часть крестьян записывала себя поляками из pragmatических соображений, а некоторые просто отождествляли национальность с государственной принадлежностью. Однако следует отметить, что польская полиция в своих се-

крайних отчетах всех православных крестьян обычно относила к белорусскому населению, а католиков – к польскому, и отступления от этого правила случались очень редко.

Бурные события первой мировой войны и революции оказали очень сильное влияние на самосознание сельского населения и вызвали резкий всплеск радикальных взглядов и настроений. Этому способствовало переплетение целого ряда факторов: отсутствие на протяжении нескольких лет прочной государственной власти, беспрестанные грабежи деревни отрядами воюющих сторон, наличие в руках сельчан значительного количества оружия и боевой опыт большинства мужчин. В особенности этот процесс затронул население православных деревень, которое возвратилось из беженства. Крушение таких, казалось, непоколебимых институтов, как царское самодержавие и государственная православная церковь вызвали растерянность старшего поколения. Многие православные деревни были разорены и опустошены в то время, когда их жители находились в беженстве, что также содействовало росту радикальных настроений. Новая польская власть воспринималась православным крестьянством преимущественно как чужая, враждебная, “панская”, помещичья власть. Причинами такого отношения к Польше являлись воспитание дореволюционной школой и церковью, отождествление поляка в первую очередь со шляхтичем и помещиком. Случаи грабежей и мародерства со стороны солдат польской армии только укрепляли подобные воззрения.

После подписания в 1921 г. Рижского мирного договора между Польшей и Советской Россией эмиграционное правительство Белорусской Народной Республики, возглавляемое Вацлавом Ластовским, призвало белорусов всеми силами и средствами бороться против раздела своей страны. В начале 1922 г. белорусским эсерам – самой массовой и хорошо организованной национальной партии – удалось создать, большей частью в пограничных с Литвой поветах, достаточно разветвленную сеть подпольных организаций. Этой структурой руководили Вячеслав Разумович (Хмара), Герман Шиманюк (Скоморох) и другие командиры. Г. Шиманюк даже издавал в Беловежской пуще газету “Беларускі партызан”. Впрочем, газета, скорее всего, издавалась в Литве и тайно перевозилась через границу для последующего распространения среди крестьян.

Белорусскую подпольную организацию, чтобы подчеркнуть ее крестьянский характер, часто называли “Братством крестьян-белорусов”¹⁵. Главной целью описанного “Братства” была подготовка массового крестьянского восстания в случае начала войны между Польшей и Литвой, которая представлялась тогда мно-

гим весьма вероятной. Возникновение данной организации свидетельствовало о недооценке польскими политиками силы белорусского национального движения и динамики роста национального самосознания. Главными деятелями белорусского подполья являлись представители сельской и местечковой интеллигенции крестьянского происхождения – народные учителя, мелкие чиновники и служащие, младшие армейские офицеры. Польская власть им не доверяла, а потому местные интеллигенты в большинстве своем не могли рассчитывать на должности в государственном управлении и системе образования. Правительство по существу побуждало их вернуться к крестьянскому образу жизни. Подобная перспектива не привлекала этих людей, достаточно много появившихся в жизни, в частности побывавших командирами на фронтах войны. Их мировоззрение уже выходило за рамки патриархального деревенского общества. Идея создания независимого белорусского государства была с энтузиазмом воспринята значительной частью сельской по происхождению интеллигенции. Ее реализация давала шанс самореализации. Поэтому именно представители данной группы белорусского населения становились в первую очередь организаторами партизанских отрядов и подпольных ячеек.

Ожидаемая лидерами белорусского движения война между Польшей и Литвой в скором времени стала нереальной. Польской полиции удалось арестовать большинство руководителей подпольных структур. Местные командиры приступили к самостоятельным действиям, организуя нападения на полицейские участки и поместья имения. Однако партизанское движение было подавлено с помощью частей регулярной армии. В Белостоке (1923 г.) и Гродно (1925 г.) прошли показательные судебные процессы против его участников. Часть партизан бежала в Литву, откуда позже перебралась в СССР. Дальнейшая судьба этих людей была трагической, поскольку в 30-е годы почти все они подверглись репрессиям, как польские шпионы. В пограничных с БССР районах Западной Белоруссии до 1925 г. активно действовали партизанские отряды, которые поддерживались советскими спецслужбами.

Достаточно сложно реконструировать политическое и национальное самосознание участников партизанского движения. Е. Миронович утверждает, что потенциальные повстанцы не особенно хорошо ориентировались, в каком политическом контексте происходила их подпольная деятельность, в партизанских листовках сообщалось в первую очередь об издевательствах польских властей над крестьянами, государственная же и национальная идеи были там едва заметны¹⁶. Вольная Белоруссия, за

которую боролись партизаны, представлялась большинству из них идиллической крестьянской страной без помещиков, полиции и налогов. На судебном процессе в Гродно была зачитана пропагандистская листовка, в которой говорилось: “надо не допускать осадников (польские военные колонисты. – С.Т.), ... земля белорусского населения, ... нужно изгнать войска, и когда будет своя Белорусская Народная Республика, то все будет для белорусов”¹⁷. Несомненно, что в партизанском движении в Западной Белоруссии присутствовали многие черты, характерные для классических крестьянских войн, которые то и дело вспыхивали в рассматриваемый период в различных районах бывшей Российской империи, а особенного размаха достигли на юге Украины.

Представители более умеренного крыла белорусского национального движения осознавали бессмысличество вооруженной борьбы против польского государства и делали ставку на легальные методы политической деятельности. Сторонники поисков соглашения с поляками называли себя реалистами и прагматиками. Лидерами этого направления в белорусском национальном движении были Bronisław Tarashkevič, Anton Lutkevič, Vjacheslav Bogdanovič и другие деятели. Во время парламентских выборов 1922 г. часть белорусских деятелей присоединилась к блоку национальных меньшинств. В большинстве городов, местечек и крупных деревень были созданы белорусские комитеты, которые развернули активную агитационную работу. Эта работа проводилась под следующими лозунгами: “Хочешь, чтобы вся тутэйшая земля досталась тутэйшему трудовому крестьянству? Хочешь, чтобы вся администрация была своя, тутэйшая, чтобы чиновниками были наши люди? Хочешь служить в армии в своем родном kraе? Хочешь быть хозяином на своей земле, хочешь автономии для нашего kraя со своим парламентом в Вильне”¹⁸. Данные лозунги свидетельствовали о стремлении белорусских политических лидеров использовать характерное для локальных сельских сообществ “тутэйшое” самосознание, акцент делался на противопоставлении своих, “тутэйших”, людей чужим, присланным из Варшавы. В предвыборной агитации также широко использовались социальные и экономические лозунги. Белорусский депутат польского парламента Василь Рагуля позже так описывал специфику избирательной кампании: “Нам оставалось играть главным образом на двух струнах: национальной и экономической. Первая была в то время слабая, вторая – сильная. Мы делали акцент на отсутствие белорусских школ и польском военном осадничестве. Этот второй избирательный козырь был очень полезен. Он решил вопрос голосования в нашу пользу”¹⁹. Белорусским комитетам пришлось конкурировать за крестьянские голоса с коммуни-

стами и польскими партиями левой ориентации. В этой борьбе они одержали в 1922 г. победу. В парламент Речи Посполитой прошли 11 их депутатов в нижнюю палату и три в верхнюю, организовался Белорусский депутатский клуб, который возглавил известный политический деятель Бронислав Таращекевич. Однако уже в 1923 г. двое белорусских депутатов – Сергей Баран и Сымон Яковюк – были осуждены по обвинению в антигосударственной деятельности.

Белорусские депутаты предпринимали в парламенте отчаянные усилия, чтобы добиться от польского правительства уступок в деле свободного развития белорусской культуры, и в первую очередь создания системы образования на белорусском языке. В январе 1923 г. они представили проект создания культурной автономии для белорусского населения²⁰. Однако эти усилия имели практически нулевой эффект, что подтолкнуло часть лидеров белорусского движения к более тесному сотрудничеству с КПЗБ и агентурой СССР. Кроме того, организация депутатами встреч с сельским населением и проведение массовых митингов убеждали их в особенной популярности среди крестьян леворадикальных лозунгов. В результате летом 1925 г. часть депутатов – Бронислав Таращекевич, Сымон Рак-Михайловский, Петр Метла, Павел Волошин и Юрий Соболевский – покинула Белорусский депутатский клуб и образовала новый – Белорусской крестьянско-рабочей громады (БКРГ). На основе этого клуба происходит формирование политической партии леворадикального характера. Особенно стремительный рост рядов БКРГ начинается летом 1926 г. Еще в июне партия насчитывала всего около 950 членов, а в начале осени – уже 45 тыс.²¹ В ноябре 1926 г. в рядах Громады насчитывалось около 60 тыс. человек, объединенных в 800 местных кружках²². А накануне ликвидации партии в начале 1927 г. численность кружков превысила 2 тыс., количество же рядовых членов приблизилось к 150 тыс. человек. В некоторых деревнях в Громаду вступало все взрослое мужское население.

Однако за массовостью скрывалась внутренняя слабость организации. Уровень национального и политического сознания значительной части сторонников этой крестьянской партии был весьма невысоким. По мнению Василя Рагули, который являлся лидером конкурирующего с Громадой за влияние на деревню Белорусского крестьянского союза, стремительный рост ее рядов был инспирирован самими польскими властями в целях последующего разгрома белорусского движения: «Весь политически сознательный элемент влился в кружки и повлек за собой менее сознательное большинство. Вместе с доказательствами национального характера лидеры кружков говорили малосознательным:

“Весной будет передел помещичьей собственности, и ты, если не войдешь в Громаду, не будешь допущен к переделу”... При слабой внутренней дисциплине кружки самостоятельно революционизировались все больше и больше. На эту дорогу толкала их польская охранка»²³.

Следует признать, что формы деятельности Громады в целом носили бунтарский характер. Для традиционной крестьянской среды это было вполне приемлемым и даже притягательным, равно как и хилиастическая вера в скорые и революционные изменения, которые чудесным образом сделают жизнь крестьян богатой и счастливой. Любопытно, что выступления партийных деятелей перед крестьянскими массами по форме своей и стилистике напоминают проповеди, насыщены заимствованными из коммунистической лексики пропагандистскими штампами и радикальными лозунгами. Социальная программа Громады была целиком популистской, а большинство идей – абсолютно нереальными для выполнения, что, впрочем, мало беспокоило ее сельских приверженцев. Главным отрицательным итогом деятельности Громады стал раскол всего белорусского движения. Левые радикалы клеймили более умеренных деятелей “предателями”, обвиняли их в соглашательстве и буржуазности. Такой классовый подход являлся результатом усиливающегося влияния со стороны КПЗБ.

Запрещение Громады в начале 1927 г. и арест ее руководителей не вызвали массовых акций протesta, за исключением нескольких локальных выступлений, что являлось свидетельством внутренней организационной слабости крестьянской партии. Осужденные на длительные сроки тюремного заключения по обвинению в государственной измене лидеры Громады через несколько лет были переданы властям СССР в рамках обмена политзаключенными (в 1937–1938 гг. все они погибли во время массовых репрессий, обвиненные в шпионаже в пользу Польши). Тем не менее бывшие лидеры локальных организаций БКРГ сохранили свое влияние на большинство крестьянского населения.

После разгрома Громады наиболее массовой легальной организацией, имеющей сильное влияние на деревню, оставалось Общество белорусской школы (ОБШ). Эта культурно-просветительская организация с момента своего создания в 1921 г. объединяла национальных деятелей различных политических симпатий и направлений. Однако в 1926 г. в результате влияния Громады происходит резкое полевение ОБШ, и из организации выходят многие деятели, которые не разделяли леворадикальные лозунги и прокоммунистические установки. Одновременно наблюдался стремительный рост численности местных кружков ОБШ. В нояб-

бре 1926 г. насчитывалось около 350 кружков, объединяющих 3,5 тыс. членов²⁴. После запрещения Громады неоднократно случалось, что бывшие участники ее кружков вновь регистрировались, как кружки ОБШ. Понятно, что они рассматривали ОБШ прежде всего как организационную базу для политической деятельности. В 1927 г. общее количество членов общества уже достигло 10 тыс. человек²⁵. Но политизация наносила большой вред главному направлению его деятельности – культурно-просветительскому, предоставляя польской полиции основания для репрессий против кружков.

Тем не менее в 1927 г. ОБШ развернула активную деятельность в белорусской деревне по организации драматических кружков и библиотек. Особенной популярностью пользовались постановки спектаклей на белорусском языке, которые обычно собирали всех жителей деревень от мала до велика. Гродненская окружная управа ОБШ отмечала на своем собрании, что “организация спектаклей в деревне является одной из самых доступных форм пропаганды белорусского движения”²⁶. Кружки ОБШ обычно ставили пьесы белорусских авторов. Представления почти всегда начинались с пения белорусского гимна “Не погаснут звезды в небе”, сопровождались декламацией стихов известных белорусских поэтов, и завершались народными танцами. Летом они проходили под открытым небом, а в холодное время года для этой цели использовались самые просторные деревенские избы. Небольшие доходы от театральных постановок шли на пополнение библиотек ОБШ. Некоторые деревенские кружки проявляли необычайную активность. Например, в деревне Бершты Гродненского повета в 1927 г. была организована постановка 36 спектаклей. Одна из белорусских газет отмечала: “Кажется, что нет уже такой белорусской пьесы, которую бы не сыграли в этой деревне”²⁷.

Активная культурно-просветительская деятельность ОБШ привела к небывалому доселе росту национального самосознания крестьянского населения, которое начинало все более явственно ощущать свою сопричастность к развитию белорусской культуры и литературного языка. Этому содействовала также и относительная доступность в деревне белорусских газет, издаваемых в Вильне и распространяемых местными активистами ОБШ. Такая ситуация вызывала тревогу властей. Государственная администрация на местах любыми способами и под любыми предлогами старалась воспрепятствовать свободному развитию культурно-просветительской деятельности кружков. Особенно возросло давление со стороны государства в начале 1928 г. в связи с приближением парламентских выборов.

Эти выборы спровоцировали мощный всплеск политической активности в деревне. Большая часть православного крестьянства отдала под влиянием бывших громадовцев свои голоса за коммунистические списки. В четырех северо-западных воеводствах за последние проголосовали 328 832 выборщика – 26%, имеющих избирательный голос²⁸. Католическая деревня преимущественно голосовала за блок *маршалка* Юзефа Пилсудского, который собрал более трети всех голосов. Умеренные белорусские политики, которые на первый план ставили национальный вопрос, не получили значительной поддержки крестьян. В целом выборы сыграли отрицательную роль для развития белорусского национального движения. Власти резко усилили репрессии против кружков ОБШ и других белорусских культурно-просветительских организаций. Победа на выборах проправительственных сил вызвала апатию среди значительной части крестьянства. Попытка белорусских депутатов в польском парламенте Игната Дворчанина, Язэпа Гаврилюка и Флегонта Волынца продолжить дело Громады, создавая депутатский прокоммунистический клуб “Змаганне”, не принесла успеха. Зато “Змаганне”, исполняя указания Коминтерна, приступило к широкомаштабной дискредитации всех остальных белорусских организаций в Польше как националистических, соглашательских и кулацких, что только содействовало дальнейшему ослаблению белорусского движения.

До конца 1928 г. большая часть кружков ОБШ была вынуждена фактически прекратить свою деятельность, хотя еще в начале этого года насчитывалось около 400 кружков и 105 библиотек²⁹. Только немногие из них продержались до начала 30-х годов. Прекратилось массовое поступление в деревню белорусских газет и книг. По существу, крестьянство Западной Белоруссии вновь оказалось в ситуации оторванности от высокой национальной культуры.

Материалы польской администрации 30-х годов свидетельствуют об аполитичности большинства крестьянского населения. Многочисленные попытки белорусских деятелей различной политической ориентации оживить национальное движение в деревне не имели сколько-нибудь заметного успеха. Характерной в этом отношении является оценка в 1935 г. настроений жителей полицейского коменданта Берштовской гмины Гродненского повета, которая в 1922 г. была одним из центров партизанского движения: “Местное население... политикой не занимается. Интересуется только тем, что непосредственно его касается, и чаще всего обсуждает такие факты, почему дороги сахар, табак, спички и т.п. предметы, в то время как сельскохозяйственная продукция является дешевой”³⁰.

Во время парламентских выборов 1935 г. крестьянское население в большинстве своем уже практически не интересовалось ходом предвыборной кампании, но, тем не менее, под давлением местных властей массово приходило на избирательные участки, чтобы отдать свои голоса за проправительственный блок. Белорусский деятель Станислав Гриневич так характеризовал настроения крестьянства на Белостокщине: “Массового белорусского движения нет. Как нет, впрочем, и любого другого. Нет, можно сказать, и политического сознания... До настоящего времени народ живет только сегодняшним днем, интересуясь очень мелкими проблемами, не выходя за границы своей деревни или прихода. Народ не верит в свои силы, с недоверием смотрит на все окружающее. Борьба польских политических партий не находит отклика. В самую жаркую пору противостояния парламентских партий люди, бросив бюллетень на один из множества номеров, более не интересовались, кого избрали, какую судьбу себе уготовили”³¹.

Однако политическая пассивность белорусского крестьянства на “кресах всходних” (такое название западнобелорусских и западноукраинских земель употреблялось властями) вовсе не означала кардинального изменения в его отношении к польской государственности, которая по-прежнему воспринималась большинством сельчан, в особенности православного исповедания, как чужая для них. Многие возлагали надежды на Советский Союз, о жизни в котором деятели КПЗБ распространяли сведения мифического характера. Именно КПЗБ оставалась в 30-х годах единственной влиятельной и дееспособной оппозиционной к власти политической структурой в западнобелорусской деревне. Ликвидация полицией легальных кружков БКРГ и ОБШ только усилила влияние компартии, которая не нуждалась в официальном разрешении своей деятельности. Жаждущая самореализации крестьянская молодежь находила в коммунистических ячейках применение своей энергии и уголяла чувство обиды за проявления национальной дискриминации со стороны властей. Многочисленные репрессии и аресты не могли уничтожить КПЗБ, поскольку на место осужденных активистов приходили новые, а руководящие органы партии поддерживались из СССР.

Вместе с тем популярность КПЗБ среди значительной части белорусского крестьянского населения вовсе не свидетельствовала о популярности коммунистической идеологии, отрицании частной собственности, желании вступить в колхозы. Крестьянам импонировали радикализм “кэпээбовцев” и их бескомпромиссная враждебность по отношению к польскому государству. Исследователи уже давно обратили внимание на то, что восприятие крестьянами подпольных политических организаций носило оп-

ределенную религиозную окраску: “Участие крестьян в коммунистическом движении более напоминало принадлежность к структурам религиозных сект, чем политической организации. Обрядность, таинственность и ожидание того момента, когда вдруг все изменится, было характерным для большинства религиозных движений... Коммунизм создавал притягательный для крестьян способ поведения в отношении к неприемлемому режиму, прежде всего удовлетворял психологические потребности этой среды”³².

О том, как живется их сородичам в БССР, западнобелорусские крестьяне знали очень мало. Коммунистические агитаторы распространяли слухи о зажиточной жизни, подаренных властью тракторах на крестьянских полях и т.д. Известия же о сплошной коллективизации и массовых репрессиях сельские жители воспринимали как антисоветскую пропаганду польских властей. Как отметил Е. Миронович, по существу до самого 1939 г. в Западной Белоруссии отсутствовала почва для отрицательной позиции по отношению к СССР и коммунистической партии. Польский исследователь Мариуш Маршевский справедливо отметил: “Во время становления современного промышленного общества милленистическое видение крестьянского рая встретилось в сознании крестьян с научными утопиями левых радикалов”³³. По свидетельству одного из правительственныйых аналитиков II Речи Посполитой, коммунистическое движение на восточных землях этого государства “имеет специфический облик и..., хотя и поддерживается агентами Москвы, в большинстве случаев абсолютно не основывается на идеологии Маркса–Ленина, а чаще является результатом неверно управляемых (со стороны государства. – С.Т.) национальных и социальных процессов”³⁴.

После разгрома в белорусской деревне легальных структур национального движения крестьяне уже не верили в успех какой-либо дозволенной законом политической деятельности с целью достижения хотя бы национально-культурной автономии Белоруссии. Ежедневное же давление со стороны “красовой” администрации делало их восприимчивыми к радикальным лозунгам. Отсутствие ясной и понятной перспективы улучшения достаточно тяжелых условий жизни, экономическая отсталость западнобелорусской деревни, нарастание земельного голода – все это действовало склонности значительной части крестьянства к иррациональному поведению. Как отметил Е. Миронович, “характерной чертой всего межвоенного двадцатилетия было нарастание иррациональных способов поведения – поиски путей выхода из нетерпимой ситуации участием в религиозных сектах или ячейках КПЗБ. Стиль функционирования этих последних был, впрочем, очень похожим на жизнь религиозной секты”³⁵.

Ярким примером проявления иррациональных и мистических настроений является возникновение секты “ильинцев” в деревне Грибовцы Гродненского повета. Ее основатель Илья Климович объявил себя пророком и проповедовал скорое пришествие конца света³⁶. У Климовича нашлось много приверженцев. Достаточно распространенным явлением стал переход крестьян в баптизм и другие протестантские секты, что можно расценить как своеобразную внутреннюю эмиграцию. Настоящие взрывы мистических настроений наблюдались также в рамках православия. Например, в некоторых приходах производилось так называемое обновление икон в домах у крестьян. К обновленным иконам тянулись тысячи паломников даже из отдаленных местностей.

Все эти факты являлись, по существу, проявлением глубокого духовного кризиса, который коснулся в первую очередь православной деревни. Означенный кризис привел к падению авторитета духовенства. Местные коммунистические деятели часто открыто декларировали свой атеизм и настраивали молодежь против батюшек. Представители польской власти отмечают в своих отчетах резкое падение религиозности среди деревенской молодежи, неуважительное отношение к духовенству. В этом отчасти были повинны и сами православные священники, которые нередко стремились демонстрировать свою лояльность по адресу государственной власти, что, в свою очередь, вызывало возмущение их прихожан, настроенных к этой власти враждебно. К белорусскому движению большая часть духовенства, имевшая монархические симпатии и великорусское самосознание, относилась безразлично, а зачастую просто враждебно. И все же принадлежность выходца из деревни или крестьянина к кругу православной культуры по-прежнему играла очень большую роль в формировании его мировоззрения и отношения к окружающей действительности. Как отмечает Е. Миронович, «в сознании большей части сельского населения вероисповедание и термин “православный” были чем-то универсальным, заменяли национальность, определяли круг культурной принадлежности и место в общественной иерархии, обозначали очерченное мировоззрение и отношение к существующему порядку. Православным называл себя не только человек, который ходил в церковь и верил в Бога, был им также коммунист, который открыто заявлял о своем атеистическом мировоззрении, и сектант, который родился и был воспитан в православной семье... Осознание принадлежности к православному сообществу доминировало над национальными и политическими различиями»³⁷.

Белорусскоязычное крестьянство католического вероисповедания относились к польской государственности более лояль-

но, чем православное. Большая часть этого крестьянства считала и называла себя поляками, отождествляя принадлежность к католической конфессии с польской национальностью. Белорусский религиозный деятель ксендз Казимир Свояк с горечью отмечал в своем дневнике: “В приходе Корицин большинство белорусов разговаривают чуть ли не все по-белорусски. Наречие мало отличается и от нашего надвилейского. Идея молодой Белоруссии здесь неизвестна... Польша здесь может успешно проводить политику в свою пользу, поскольку католик – то же самое, что и поляк”³⁸.

Необходимо отметить, что кружки КПЗБ и ОБШ действовали преимущественно в православных деревнях, не находя значительного отклика среди крестьян-католиков. В католической деревне Западной Белоруссии очень высоким авторитетом по-прежнему пользовалось приходское духовенство, которое предлагало крестьянам собственное видение и объяснение причин тех кардинальных изменений, что происходили вокруг их все еще достаточно патриархального мирка. Поэтому католическое крестьянство быстрее адаптировалось к новой политической ситуации и не испытывало такого духовного кризиса, который охватил население православных деревень. Вместе с тем рост радикальных настроений, несомненно, затронул и крестьян-католиков. Об этом свидетельствовал тот факт, что на парламентских выборах 1922 г. католическая деревня достаточно активно поддерживала польские партии леворадикального направления. Сторонники этих партий пользовались популярностью среди беднейших слоев деревенского населения и, как свидетельствуют многочисленные документальные материалы, часто подвергали оструй критике местное духовенство. Но в целом сильная позиция костела в деревне стала залогом относительной стабильности социальной и политической ситуации в католической крестьянской среде.

Большая часть приходского католического духовенства в Западной Белоруссии имела польское национальное самосознание и видела свою патриотическую миссию в распространении польской культуры и литературного языка среди прихожан – в подавляющем большинстве белорусскоязычных крестьян. Вместе с тем именно в среде католического духовенства сформировалось ядро Белорусской христианской демократии (БХД) – самой влиятельной и последовательной в своих действиях белорусской национальной партии в межвоенный период (КПЗБ нельзя рассматривать как белорусскую национальную партию, поскольку в ее деятельности на первое место ставились социальные идеи, а национальные аспекты рассматривались как второстепенные). Эта организация, действовавшая под различными названиями с

1917 г. (название БХД было принято в 1926 г.), смогла выработать идеологию, которая совмещала национальные и христианские ценности. Лидерами и идеологами БХД являлись католические священники Адам Станкевич, Фабиан Абрантович, Люциан Хвелька, Винцент Годлевский и др. Под крылом партии действовал Белорусский институт хозяйства и культуры (БИХиК), созданный в 1926 г. Существенной причиной его создания стало доминирование в Обществе белорусской школы леворадикального элемента, который активно использовал эту организацию для политической деятельности. Местные кружки БИХиК пытались наладить в деревне массовую культурно-просветительную работу, основной целью которой являлось пробуждение в крестьянской среде белорусского национального самосознания. В начале 30-х годов насчитывалось свыше 50 таких кружков в разных местностях Западной Белоруссии, но преимущественно среди католического населения³⁹. Симпатизировавшие БХД приходские священники произносили в костелах проповеди на белорусском языке, распространяли среди прихожан произведения белорусской литературы. Вместе с тем БХД остро критиковала коммунистическую идеологию, отвергала классовые ориентиры в национальном движении, считало политику КПЗБ гибельной для белорусского народа.

Некоторые приходские священники достигли заметных успехов в белорусской культурно-просветительской работе. В первую очередь необходимо назвать Винцента Годлевского, который пользовался огромной популярностью среди крестьян в приходе Жодишки. Власти обвинили его в разжигании национальной розни, и Годлевский был приговорен к тюремному заключению. Но даже после удаления непокорного ксендза из прихода местные крестьяне требовали, чтобы богослужение проводилось на белорусском языке⁴⁰. Деятельность сторонников БХД разрушала давний стереотип, будто каждый католик является поляком. Поэтому те ксендзы, которые использовали в богослужении белорусский язык, подвергались преследованиям со стороны как светских, так и духовныхластей, лишились своих приходов, высыпались из Западной Белоруссии в другие районы Речи Посполитой и даже за границу. В 1937 г. власти запретили деятельность БИХиК и издание печатного органа белорусского католического движения “Biełaruska Krypcia”⁴¹ (тогда же была запрещена и деятельность ОБШ). В результате такой государственной политики в конце 30-х годов XX в. большинство крестьян-католиков в Западной Белоруссии называло себя поляками, как и до революции отождествляя вероисповедание и национальность. Однако по-прежнему подавляющая часть этого

крестьянства, несмотря на все усилия властей, оставалась до самого 1939 г. белорусскоязычной.

Вместе с тем в католических деревнях постепенно исчезает традиционная народная культура, молодежь вместо белорусских народных песен начинает петь на вечеринках польские, выученные в школе. Это явление отметил католический священник с Белостокчины С. Широкий: “Исчезли с лица земли в той околице народные обычай, песни, одежда – словом, вся народная культура. Ничего здесь люди своего не имеют, кроме белорусского языка, и тоже не знают, стоит ли признаваться в том, что они на нем говорят. Не вспоминают здесь уже о свадебных песнях, без которых в других местах невозможно вообразить свадьбы (*do którego też nie wie, czy się przyznawać. Nie wspominano tu nic o śpiewach wiesielnych, bez których gdzie indziej nie można sobie wiesiela wyobrazić*): в Яновском приходе свадебные песни не существуют вообще по той причине, что молодежь стыдится петь по-белоруски или забыла, а по-польски еще не научилась”⁴².

Процессы разрушения традиционной народной культуры проходили и в православной деревне. Вследствие того, что все белорусские организации, которые занимались культурно-просветительской деятельностью, были к концу 30-х годов XX в. разгромлены властями, в крестьянской среде, отрезанной по существу от высокой национальной культуры и белорусской книги, наблюдалось возвращение к “тутэйшости” по сравнению с бурными 20-ми годами. Ассимиляционная политика властей Речи Посполитой, направленная на привитие белорусским крестьянам польского национального самосознания и приобщение их к высокой польской культуре, не принесла желаемых результатов. Православные крестьяне по-прежнему воспринимали польскую власть как чужую для них, а жесткие действия администрации в отношении местных национальных и коммунистических деятелей только укрепляли их в этом убеждении.

¹ Полуян В., Полуян Я. Революционное и национально-освободительное движение в Западной Белоруссии. Минск, 1962; Полуян В. Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии (1927–1939). Минск, 1978; *Он же*. Западная Белоруссия в период экономического кризиса 1929–1933 гг. Минск, 1991.

² Вабішчэвіч А.М. Асветніцтва ў кантэксце нацыянальна-вызваленчага руху Заходняй Беларусі // Проблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: Гісторыя і сучаснасць: Матэрыялы Міжнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі (17–18 верасня 1999 г.) Мінск, 2000; *Он же*. Нацыянальная школа ў Заходняй Беларусі (1921–1939 г.) // Беларускі гістарычны часопіс. 1994. № 2; Мазько Э. Ідэалагічны падставы дзеянасці Белорускай хрысціянскай дэмакратыі // Гістарычны Альманах. 2001. Т. 3; Трацяк Я. Беларуское духовенство ў першай палове ХХ ст. // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1999. N 1. S. 12.

- ³ *Biergman A.* Sprawy białoruskie w II Rzeczypospolitej. W-wa, 1984; *Tomaszewski J.* Z dziejów Polesia. Zarys stosunków społeczno-ekonomicznych. W-wa, 1963; *Idem.* Rzeczpospolita wielu narodów. W-wa, 1985.
- ⁴ *Gomółka Kr.* Białorusini w II Rzeczypospolitej // Zeszyty naukowe Politechniki Gdańskiej. Ekonomia XXX. Gdańsk, 1992; *Tomaszewski J.* Mniejszości narodowe w Polsce w XX wieku. W-wa, 1991.
- ⁵ *Міранович Я.* Навейшая гісторыя Беларусі. Беласток, 1999; У новай айчыне: Штодзённае жыццё беларусаў Беласточчыны ў міжваенны перыяд. Беласток, 2001; *Moroz M.* Krynica. Ideologia i przywódcy białoruskiego katolicyzmu. Białystok, 2001; *Mironowicz J.* Politycy i społeczeństwo białoruskie II Rzeczypospolitej wobec idei własnego państwa // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1998. N 9; *Siemakowicz M.* Polityka polska wobec szkolnictwa białoruskiego w okresie odbudowy państwowości polskiej // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 2001. N 15; *Idem.* Spisy ludności a zagadnienia narodowościowe z uwzględnieniem spraw szkolnictwa dla mniejszości białoruskiej w II Rzeczypospolitej // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1998. N 10.; *Idem.* Założenia programowe głównych obozów politycznych wobec szkolnictwa dla ludności białoruskiej w II Rzeczypospolitej // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1998. N 9.
- ⁶ *Ossowski S.* Analiza socjologiczna pojęcia ojczyzny // Dzieła. W-wa, 1967. T. III. S. 203.
- ⁷ *Міколаевіч А.* Бежанцы першай сусветнай вайны // Спадчына. 1994. № 3. С. 20–21; *Бабков А.* Беженское движение в Белоруссии в годы первой мировой войны // Гісторыя Беларусі. Усябеларуская канферэнцыя гісторыкаў: Тэзісы дакладаў і паведамленняў. Мінск, 1993. Ч. 1. С. 148–149.
- ⁸ У новай айчыне. С. 23.
- ⁹ *Siemakowicz M.* Założenia programowe głównych obozów politycznych wobec szkolnictwa dla ludności białoruskiej w II Rzeczypospolitej // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1998. N 9. S. 60.
- ¹⁰ Ibid. S. 61.
- ¹¹ Ibid. S. 67.
- ¹² *Міранович Я.* Указ. соч. С. 80.
- ¹³ *Tomaszewski J.* Rzeczpospolita wielu narodów. W-wa, 1985. S. 116.
- ¹⁴ *Eberhardt P.* Przemiany narodowościowe na Białorusi. W-wa, [s.d.]. S. 83.
- ¹⁵ *Міранович Я.* Указ. соч. С. 83–85.
- ¹⁶ Там же. С. 85.
- ¹⁷ Беларуская доля. 09. 05. 1925. № 32.
- ¹⁸ Беларускі звон. 01. 11. 1922. № 30.
- ¹⁹ *Ragulja B.* Успаміны. Мінск, 1993. С. 18.
- ²⁰ *Łatyszonk O., Mironowicz E.* Historia Białorusi od połowy XVIII do końca XX wieku. Białystok, 2002. S. 176.
- ²¹ *Biergman A.* Op. cit. S. 36.
- ²² *Gomółka Kr.* Op. cit. S. 82.
- ²³ *Ragulja B.* Указ. соч. С. 52–53.
- ²⁴ *Majecki H.* Działalność Towarzystwa Szkoły Białoruskiej na Białostocczyźnie // Studia polsko-litewsko-białoruskie: Prace Białostockiego Towarzystwa Naukowego. W-wa, 1988. N 31 / Red. J. Tomaszewkiego, E. Smułkowej, H. Majeckiego. S. 203.
- ²⁵ Ibid. S. 208.
- ²⁶ Наша праца. 01. 10. 1927. № 1.
- ²⁷ Наша праўда. 27. 08. 1927. № 42.
- ²⁸ *Biergman A.* Op. cit. S. 50.
- ²⁹ Ibid. S. 38.
- ³⁰ Государственный Архив Гродненской Области. Ф. 38. Оп. 1. Д. 92. Л. 76.

- ³¹ Грынкевіч С. З роднае Сакольшчыны // Вяртанне да сваіх. Беласток, 1999. С. 17.
- ³² У новай айчыне. С. 16.
- ³³ Marszewski M. Narody i nacjonalizm według Ernesta Gellnera a konflikt polsko-ukraiński na Wołyniu do 1939 roku // Sprawy narodowościowe. Seria nowa. 1998. Z. 12/13. S. 98.
- ³⁴ Ibid. S. 97.
- ³⁵ Mironowicz J. Politycy i społeczeństwo białoruskie... S. 57.
- ³⁶ Pawluczuk W. Wierszalin. Reportaż o końcu świata. Kraków, 1974.
- ³⁷ У новай айчыне. С. 21.
- ³⁸ Свяяк К. Дзея маёй мысль, сэрца і волі: 4-е выд. Мінск, 1992. С. 28–29.
- ³⁹ Moroz M. Krynica. Ideologia i przywódcy białoruskiego katolicyzmu. Białystok, 2001. S. 194.
- ⁴⁰ Zatarg o język kazafski w Zodziaskach w kwietniu 1925 roku // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1996. N 1(5). S. 123–165; 1998. N 10. S. 124–165.
- ⁴¹ Moroz M. Krynica... S. 205.
- ⁴² Цит. по: Pawluczuk W. Światopogląd jednostki w warunkach rozpadu społeczności tradycyjnej. W-wa, 1972. S. 17.

Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова

ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ И УКРАИНСКИЙ СЕПАРАТИЗМ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (восточноевропейский регион)

Греко-католическая (униатская) церковь как один из конфессиональных институтов присутствовала в религиозной жизни тех стран Восточной Европы, которые по итогам второй мировой войны перешли в сферу влияния Советского Союза. При этом ее организационные структуры от митрополий и епархий до викариатов, находившихся в непосредственном подчинении Ватикану, активно действовали, как правило, на приграничных территориях, где проживали этнические меньшинства.

Появление здесь этой церкви в XVI–XVII вв. было результатом многовекового противостояния православия и католицизма на востоке европейского континента. Оно завершилось переходом значительной части православных церковных организаций под контроль Ватикана, на основе принятия католического вероучения при сохранении некоторых православных обрядов, прежде всего богослужения на церковнославянском и национальных языках. Это подчинение Ватикану было оформлено в виде уний: в 1596 г. – Брестской, а в 1646 г. – Ужгородской. В соответствии с ними Киевская, еще недавно православная, митрополия¹ и Мукачевская епархия перешли под юрисдикцию Ватикана.

Указанные унии положили начало возникновению греко-католической церкви в юго-восточных и восточных районах Речи Посполитой, а также на территории восточной Словакии и северо-восточной части Венгрии, входивших в состав Габсбургской империи².

В первой половине XX в. наиболее крупные группы униатов проживали в Польше. Согласно переписи 1931 г., их здесь насчитывалось 3,38 млн на 31,2 млн населения, что составляло 10,5–11% всех верующих³. В других странах удельный вес этой конфессии был существенно ниже. Так, в Словакии в 30-е годы греко-католиков было 213 тыс. чел. или 6,42% от общего числа верующих в этой части Чехословакии. В Венгрии, по данным 1938 г., их насчитывалось более 230 тыс. на 9,3 млн населения

страны (2,7%). В Югославии эта конфессия была представлена небольшим числом верующих – 48 тыс. человек⁴.

Что касается Румынии, где униатская церковь появилась на рубеже XVII–XVIII веков, то греко-католики составляли здесь значительную группу населения. В 30-е годы XX в. их насчитывалось до 1,4 млн чел. или 7,9% всех верующих. Причем наиболее многочисленная группа униатов (более 1 млн чел.) заселяла Трансильванию, область, где налицо было не только конфессиональное, но и национальное многообразие⁵. Кроме того, в Румынии униаты проживали на границах с Болгарией (Добруджа), СССР (Буковина) и Югославией (Банат). Важно отметить, что подавляющее большинство униатов Трансильвании были румынами, т.е. относились к титульной нации, но проживали в окружении венгров (католиков) и немцев (протестантов).

Похожая ситуация имела место и в Чехословакии. Здесь, как свидетельствует статистика, к 1948 г. насчитывалось 306 тыс. греко-католиков. Большая часть из них заселяла Словакию (более 250 тыс.)⁶. В Венгрии униатами были тоже представители титульной нации – венгры⁷.

Среди греко-католиков, не принадлежавших к титульной нации, абсолютное большинство составляли украинцы, заселявшие в основном пограничные с СССР территории Польши (до войны – Галицию, Волынь и ряд юго-восточных районов Малой Польши), Чехословакии (до войны – Подкарпатскую Русь, восточные районы Словакии). В составе Венгрии украинцы (русины⁸)-униаты как заметная группа населения находились только в 1938–1945 гг., а именно после присоединения к ней части территории Словакии и Подкарпатской Руси (Закарпатья), Румынии (Северная Трансильвания) и части Югославии. Униатов насчитывалось тогда свыше 400 тыс., и они проживали, главным образом, в Закарпатье⁹. После второй мировой войны в связи с включением Закарпатья в состав советского государства подавляющая часть украинцев-униатов оказалась в границах СССР. Лишь 85 тыс. их осталось на территории Словакии¹⁰.

По итогам второй мировой войны и в результате депортации 500 тыс. украинцев из Польши в СССР их численность в юго-восточных районах Польши сократилась приблизительно до 200 тыс. человек. Число православных среди них было весьма незначительным.

В Румынии украинцы составляли после войны заметную группу среди униатского населения страны. Их насчитывалось более 270 тыс. человек. Причем, основная масса (221 тыс.) сосредотачивалась в Добрудже, Банате и на границе с советской Буковиной. В Трансильвании же украинцы-униаты составляли самое незна-

чительное меньшинство: 37 тыс. на более чем миллионное население униатов-румын. Тем не менее именно здесь (г. Баня-Море) располагался украинский викариат, подчиненный непосредственно Ватикану¹².

Украинским было большинство греко-католической общины в Югославии (40 из 48 тыс. чел.)¹³.

Для проживавших на смежных приграничных территориях Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Югославии национальных, прежде всего украинских, меньшинств общая конфессия – униатство – выступала как один из главных факторов, определявших их этническую идентичность и целостность, а также обособленное существование среди иноконфессиональных титульных наций: католиков (Польша, Чехословакия, Венгрия, Югославия) или православных (Румыния, Болгария).

Возникает вопрос, почему эта относительно немногочисленная конфессия, вовсе не определявшая религиозную ситуацию в указанных странах, превратилась после войны в одну из крупных политических проблем регионального плана и стала предметом особого внимания советской стороны?

Думается, что вряд ли будет правильным сводить ответ на этот весьма непростой вопрос только к гегемонистским устремлениям советского руководства после второй мировой войны, как это нередко делается в современной историографии ряда стран. В действительности же, как показывает развитие событий в регионе в межвоенный период и особенно накануне и во время второй мировой войны, за этим вопросом стояли серьезные национальные противоречия, прямо угрожавшие территориальной целостности государств региона. Опасность украинского сепаратизма и лозунга создания единого независимого государства на всех землях, населявшихся украинцами, появлялась и для Советского Союза¹⁴, но в первую очередь она была актуальной для Польши, на территории которой борьба украинцев за “независимую, со-борную Украину” приняла в XX в. наиболее острые формы. В 20–30-е годы это был национально-территориальный конфликт на этнически смешанных, но с преобладанием украинского населения землях юго-востока Польши. Во многом он был связан с великодержавной политикой польских правящих элит в отношении более чем 3 млн украинского населения, возможности национального, социально-экономического и политического развития которого предельно ограничивались инонациональной властью.

В таких условиях вызревали массовые национально-сепаратистские настроения и движения с центром в Галиции, руководящие структуры которого находились на Западе, в основном в Германии. Движение было представлено различными политическими

течениями: от либерально-соглашательского, чьи сторонники считали своей целью достижение широкой национальной автономии украинцев в рамках Польского государства, до радикального, откровенно профашистского, идеино и политически тяготевшего в 30-е годы к гитлеровской Германии. Организационно это направление оформилось еще в 1929 г., когда в Берлине была создана Организация украинских националистов (ОУН). Ее лидеры, А. Мельник и С. Бандера, уже тогда были связаны с митрополитом Галицким и Киевским, архиепископом Львовским и епископом Каменец-Подольским Андреем Шептицким. ОУН выступала за создание независимого украинского государства “только для украинцев” на всех территориях, где они составляли большинство населения. Как для Польши, так и для других стран это была прямая угроза их территориальной целостности¹⁵. Сформулированная подобным образом цель означала определение Польского и Советского государств как главных политических врагов украинского народа.

ТERRITORIALНЫЕ ПРЕТЕНЗИИ ОУН рас пространялись и на населенные украинцами земли Чехословакии, Румынии и Югославии. Например, в Подкарпатской Руси распространение получила формула: “От Попрада до Тисы кто греко-католик, тот русин”¹⁶. В ней был заложен не только план русинизации словацких униатов, но и более общий принцип – идентификация национальности по вероисповеданию.

Ставка руководством ОУН в достижении своих целей была сделана на Германию, устремления которой в 20–30-е годы XX в.,казалось, давали шанс на реализацию идеи “независимой соборной Украины”¹⁷. Германия вовсе не разделяла планов лидеров ОУН, но, исходя из своих собственных агрессивных намерений на востоке Европы, активно использовала украинских сепаратистов как “пятую колонну” и поддерживала среди них иллюзии о создании независимого украинского государства.

Важно подчеркнуть, германское руководство по сути дела ничего конкретного украинским сепаратистам не обещало, сохранив за собой “свободу рук”, что подтверждается двукратным крахом попыток ОУН приступить к объединению украинских земель, используя ситуацию, создаваемую военными действиями Германии. Так было при расчленении Чехословакии и Польши (1938–1939 гг.), так произошло и при оккупации советской Украины (лето 1941 г.).

Первая попытка создания украинского государства была сделана накануне Мюнхенского соглашения Англии и Франции с Германией о судьбе Чехословакии. По прямому указанию руководства ОУН и при тактическом попустительстве Гитлера 26 октября

1938 г. была провозглашена признанная Прагой автономия Подкарпатской Руси и сформировано правительство во главе с униатским священником А. Волошиным¹⁸. Тем самым было продемонстрировано нежелание украинского меньшинства находиться в составе Чехословакии, с одной стороны, а с другой – доказывалась нежизнеспособность ЧСР как государственного образования. В этом последнем и была крайне заинтересована Германия.

В ходе дальнейшего развития событий Волошин, “предположительно уведомленный о решении (Германии. – Авт.) аннексировать Чехию и опубликовать манифест о независимости Словакии”¹⁹, 14 марта проинформировал германский МИД о намерении провозгласить новое независимое государство – Подкарпатскую Русь. Он просил Германию взять ее под свой патронат.

Как показал на допросе в НКВД СССР 1 августа 1944 г. греко-католический священник М.Д. Стэпаняк, близкий к руководству ОУН, последнее рассматривало Подкарпатскую Русь как плацдарм для расширения своего влияния на территорию всей Украины²⁰. Но “независимая Подкарпатская Русь” вовсе не входила в планы “третьего рейха”. Ее территорией Гитлер расплатился с Венгрией за вступление той в антикоминтерновский пакт и прочно привязал к фашистскому блоку. 18 марта 1939 г. венгерские войска заняли Подкарпатскую Русь, не встретив никакого сопротивления украинцев. “Государство Волошина” прекратило свое существование²¹. Первая попытка практически приступить к созданию украинского государства провалилась²².

Государственная принадлежность греко-католического населения Словакии изменилась. Оно оказалось разделенным новыми государственными границами между Словакией и Венгрией.

В годы войны отношения Пряшевского греко-католического епископа П. Гайдича с правительством и римско-католическими иерархами Словакии не были конфликтными, хотя среди словацких униатов имело место определенное недовольство ориентацией Й. Тисо на русинское духовенство и верующих. Однако это недовольство не находило сколько-нибудь реальной поддержки в Братиславе, поскольку угроза украинского сепаратизма в Словакии была минимализирована тем, что после 18 марта 1939 г. основная часть украинского униатского населения оказалось в пределах Венгерского государства.

Ставка украинских сепаратистов на Германию “подвела” их и в августе–сентябре 1939 г., когда в итоге германской 1 сентября 1939 г. и советской 17 сентября 1939 г. агрессии против Польши и в соответствии с советско-германскими договорами 23 августа и 28 сентября 1939 г. территория Польши была расчленена. Западная Украина вошла в состав УССР.

Возникает закономерный вопрос, почему в условиях развала Польши руководство ОУН не решилось продекларировать независимость украинских земель. Конечно, действия ОУН контролировались Германией, а советско-германские договоренности вряд ли могли оставлять какие-либо шансы на успех “украинской акции”. Одним из важнейших побудительных мотивов этих договоренностей был именно “украинский вопрос”²³. Передачей Советскому Союзу территории Восточной Галиции, которая являлась центром украинского сепаратизма, Гитлер временно избавлялся от беспокойного “украинского партнера”, политически ненужного ему на этапе подготовки войны на Западе. Москва же реализовывала свои устремления объединить в пределах СССР абсолютно подавляющую часть земель, населенных украинцами, и тем самым ликвидировать столь серьезную опасность для советской Украины, как национальный сепаратизм. Итак, положение “третьего лишнего” парализовало действия руководства ОУН.

В этом же направлении действовали и стремительное вступление Красной Армии на территорию Западной Украины и добровольная сдача поляками Львова советскому командованию, а также позитивное поначалу отношение значительной части украинского населения к установлению Советской власти. То была прежде всего реакция на устранение польского господства над украинским населением и переход власти к украинцам. Последовавшие затем репрессии органов НКВД против классовых и политических врагов этой власти парализовали польские и украинские антисоветские силы, включая подполье, но одновременно они изменили отношение западноукраинского общества к новому режиму и обусловили усиление сепаратистских настроений.

Что касается позиции униатского духовенства осенью 1939 г., то митрополит А. Шептицкий попытался в совершенно новой для него ситуации, когда исчезла государственная граница между Восточной Галицией и Советской Украиной, найти некие позитивы для церкви: “Кажется, все эти земли становятся местом проведения пасторской работы”. Он поспешил назначить четырех апостольских экзархов для всей территории СССР²⁴. Но митрополит глубоко заблуждался. Судьба греко-католической церкви Западной Украины теперь была в руках советского руководства, которое еще с 20-х годов было хорошо осведомлено о связях униатского духовенства с украинским национально-сепаратистским движением как в УССР, так и за рубежом. В советских структурах и, в частности в НКВД, в течение 1940 г. прорабатывался план мероприятий по подрыву влияния униатской церкви в западноукраинском обществе. 11 января 1941 г. Л.П. Берия информи-

ровал И.В. Сталина и В.М. Молотова о комплексе конкретных акций “в целях разложения униатской церкви”. Предполагалось организовать раскол “между сторонниками западного и восточного обрядов”, используя существующие противоречия, дискредитировать руководителей этой церкви “путем обнародования фактов их бытового разложения”.

Следует обратить внимание на наличие в предложенном плане трех пунктов, принципиально важных для понимания советской политики в отношении греко-католической церкви. Во-первых, предлагалось организовать среди униатов течение «за отрыв от Ватикана и создание “независимой” униатской церкви». Во-вторых, ставилась задача добиться изоляции Шептицкого от пастыри, что рассматривалось как предпосылка присоединения униатов к православной церкви. И, наконец, третье – речь шла о необходимости установить контроль органов НКВД за униатской церковью путем постепенной замены тогдашних ее руководителей “надежными агентами”²⁵.

Таким образом, советским руководством была задумана широкомасштабная акция, по сути дела направленная на ликвидацию греко-католической церкви. Последовавшие в 1945–1946 гг. события показали всю серьезность намерений советской стороны. Но тогда, в 1941 г., времени на их реализацию не оставалось. Нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. сделало эти планы неактуальными.

Воспользоваться новой ситуацией рассчитывало руководство ОУН. Оно предприняло вторую попытку создать “независимую соборную Украину”, объявив в Krakове в день нападения вермахта на СССР о намерении сформировать во Львове украинское правительство, что и было осуществлено 30 июня 1941 г. после взятия Львова немецкими войсками.

Развитие ситуации на советско-германском фронте летом 1941 г. казалось, давало шанс украинским сепаратистам: части вермахта стремительно наступали, и украинские земли оказались под контролем Германии, которую лидеры ОУН продолжали рассматривать как своего ближайшего союзника. Верили в возможность благоприятного развития событий и украинские греко-католические иерархи во главе с митрополитом А. Шептицким. Поэтому неудивительно, что он приветствовал приход немецкой армии. В своем пасторском послании 1 июля 1941 г. Шептицкий писал: “Победоносную немецкую армию приветствуем как освободительницу от врага. Установленной власти отдадим должное послушание”. Осенью 1941 г. митрополит направил поздравление Гитлеру “по поводу овладения столицей Украины, златоглавым городом на Днепре – Киевом”²⁶.

Митрополит вовсе не был одинок в своей прогерманской ориентации. Есть документальные материалы, свидетельствующие о том, что в первые же дни пребывания немцев во Львове в немецких газетах было опубликовано обращение украинской интеллигенции к нации, где в частности говорилось: “Все творческие силы украинского народа объединяются в один общий фронт за создание собственной государственной жизни..., консолидация сил проведена по инициативе ОУН под руководством Степана Бандеры и под руководством... Гитлера, который несет украинскому народу освобождение от большевистского ига и дает возможность построить независимое украинское государство”²⁷.

Среди подписавших этот документ были греко-католические епископ Й. Слипый, священники Г. Костельник, Дзерович, Коштаник и Беляк.

Греко-католические иерархи во главе с митрополитом Шептицким благословили создание украинского “правительства” во Львове. Однако 11 июля 1941 г. по приказу Гитлера его члены были арестованы, что свидетельствовало об абсолютном несовпадении намерений ОУН и лидеров рейха. Гитлер разделил советскую Украину в соответствии со своими представлениями о судьбе славянских народов. На территории довоенной (до 1939 г.) Украины был создан “рейхскомиссариат Украина”, где вскоре устанавливается жесточайший оккупационный режим. Вместо “независимого украинского государства” с центром во Львове Гитлер присоединил территорию советской Западной Украины в качестве административной единицы к оккупированной части Польши, называвшейся “генерал-губернаторством”. 1 августа 1941 г. был создан “дистрикт Галиция”, а Львов объявлен немецким городом Лембергом.

Осенью 1941 г. было проведено интернирование актива и руководства ОУН во главе с С. Бандерой; 80% руководства ОУН оказалось в немецких концлагерях или было уничтожено²⁸. Прошли массовые аресты членов и сторонников ОУН не только в генерал-губернаторстве, но и в “рейхскомиссариате Украина”, а также в самой Германии, Румынии и “Независимом государстве Хорватия”.

Не допустив конституирования украинской государственностии, изолировав руководство ОУН, нацисты стремились парализовать и украинские сепаратистские настроения. Они поставили украинское население в “дистрикте Галиция” в привилегированное положение по сравнению прежде всего с поляками, а также с населением “рейхскомиссариата Украина”. В дистрикте украинцы считались гражданами “Великой Германии”, имели свои органы местного самоуправления, украинскую полицию, национальную

прессу, а также систему начального и среднего образования. Если в 1939 г. на территории генерал-губернаторства насчитывалось 2510 украинских школ, то в 1942–1943 гг. – 4173²⁹.

В создавшейся ситуации греко-католическая церковь, сохранившая относительную свободу и свою вертикаль управления, оказалась главной организованной духовной силой, выражавшей устремления украинского народа к независимой государственности. Шептицкий, обеспокоенный репрессивными действиями германских властей, в отношении членов украинского правительства, 22 июля 1941 г. обратился напрямую к Гитлеру, Гиммлеру и Риббентропу. Он писал: “Украинская нация с 1918 года ведет кровавую борьбу против польской и советской власти ради своего идеала – объединенной и свободной Украины, что является необходимым и очевидным. Уничтожение этого идеала государственности подорвет подлинную симпатию и доверие к немецкому порядку и негативно повлияет на жизненные интересы украинского народа и особенно на новый справедливый порядок в Восточной Европе”³⁰. Митрополит пытался, таким образом, убедить руководителей рейха в том, что создание независимой Украины соответствует интересам самой Германии.

Можно предположить, что в понимании Шептицкого создание независимой Украины было не только реализацией национальной идеи, но и являлось фундаментом для наступления униатства на восток. Опираясь на поддержку Ватикана, митрополит на практике попытался распространить деятельность униатских миссионеров на все оккупированные гитлеровцами территории Советского Союза. Однако эти начинания были пресечены Берлином уже в сентябре 1941 г., о чем Шептицкий уведомил папу Пия XII. Запретив униатским священникам миссионерскую деятельность, Гитлер давал понять, что он отнюдь не собирается попустительствовать национально-политической активности греко-католической церкви. Согласно распоряжениям Берлина и оккупационных властей на местах, священнослужители всех конфессий могли исполнять только свои непосредственные религиозные обязанности. Более того, в соответствии с директивой Главного управления имперской безопасности Германии от 31 октября 1941 г., автором которой был рейхскомиссар Украины А. Розенберг, предполагалось “возможно скорее создать новый класс проповедников, который будет в состоянии... толковать народу свободную от еврейского влияния религию”³¹.

Материалы допросов униатских священников органами НКВД в 1944–1945 гг. свидетельствуют, что низшее греко-католическое духовенство уже в 1941 г. стало подвергаться арестам со стороны оккупантов за распространение среди населения призы-

вов к борьбе за “самостийную” Украину, и это повлекло за собой массовый уход в подполье и в “лес” – в вооруженные отряды Украинской повстанческой армии (УПА)³².

По мере того как исчезали иллюзии о возможности решения “украинского вопроса”, опираясь на Германию, а сам украинский народ все больше становился объектом террора оккупационных властей, отношение Шептицкого к гитлеровской Германии и насыщавшемуся ею “новому порядку” претерпевало существенные изменения. Если в августе 1941 г. митрополит писал папе Пию XII: “Мы будем поддерживать немецкую армию, освободившую нас от большевистского режима, вплоть до победного завершения ею войны”, то через год его оценки фашистского оккупационного порядка были принципиально иными. Шептицкий теперь сообщал в Ватикан о “системе лжи, обмана, несправедливости, грабежа и по-прания всех идей цивилизации... События развиваются так, как будто бы на несчастный (украинский. – Авт.) народ набросилась банда сумасшедших или стая диких волков”³³. Как глава украинских греко-католиков митрополит Шептицкий неоднократно в 1943–1943 гг. обращался с письмами к Гитлеру, Гиммлеру и другим нацистским руководителям высокого ранга с протестами против превращения украинцев в соучастников репрессий и террора, выражая опасение, что “сегодня убивают евреев, а завтра это будут делать с христианами”³⁴. Он имел в виду прежде всего активное участие украинской полиции в уничтожении еврейского населения Польши и в выселениях поляков из района Замостья.

Обращаясь к собственной пастве, польский аристократ по происхождению, Шептицкий осуждал и этнические чистки, которые осуществляла созданная в конце 1942 г. и активно поддерживавшаяся украинским населением Украинская повстанческая армия (УПА). В 1943–1944 гг. на территории Волыни, Полесья и Галиции ею были уничтожены 80–100 тыс. поляков. Это, в свою очередь, неизбежно вызывало ответную вооруженную реакцию польского населения, отрядов Армии Крайовой (АК) и Батальонов хлопских (БХ), а также советских партизан, среди которых было много и просоветски настроенных украинцев³⁵.

Характеризуя ситуацию на украинских землях, где фактически шла война “всех против всех”, Шептицкий писал в Ватикан в мае 1943 г.: “Вся Волынь и частично Галиция заполнена бандами (речь идет о партизанских отрядах. – Авт.), которые имеют совершенно определенный политический характер. Есть банды, которые состоят из поляков, другие из украинцев, трети – из коммунистов. Наряду с ними, есть настоящие бандиты, среди которых люди разных национальностей – немцы, евреи, украинцы, поляки и русские”³⁶.

К весне 1944 г. руководство украинской греко-католической церкви оказалось перед трудно разрешимыми проблемами. С одной стороны, митрополит и иерархи оставались приверженцами идеи “независимой соборной Украины”. Они не принимали расчленения украинских земель, произведенного гитлеровцами, отстаивали права украинцев на самостоятельность. С другой – установилось все более очевидным, что призывы Шептицкого к соблюдению принципов христианской морали не достигали цели. Церковь не могла остановить взаимную резню украинского и польского, в том числе гражданского, населения. Греко-католические иерархи не могли не чувствовать своего бессилия в осуществлении пасторских обязанностей. Это со всей отчетливостью прозвучало в письме отнюдь не просоветски настроенного митрополита в Ватикан 23 марта 1944 г., т.е. накануне освобождения Западной Украины Красной Армией: “Приход большевиков, возможно, будет полезным в том смысле, что он положит конец анархии, которая царит теперь на всей земле”³⁷.

Но такой поворот в позиции Шептицкого (весьма проницательного политика) не коррелировался с агрессивно антисоветскими настроениями значительной части населения Западной Украины. Он не мог не углублять отдаления части иерархов – соратников митрополита от рядового униатского духовенства, активно поддерживавшего деятельность ОУН и принимавшего прямое участие в отрядах УПА. Рядовые священники, как показывают документы российских архивов, не только вели активную агитационную работу в пользу ОУН–УПА среди украинского, особенно сельского населения, но зачастую сами были членами этих массовых организаций³⁸. Достаточно сказать, что в 1944 г. лишь на территории Польши численность УПА достигла 4–5 тыс. чел. На рубеже 1944–1945 гг. УПА насчитывала 20 тыс. бойцов, воевавших “против всех” в отрядах на территории Волыни, Полесья, Галиции, в юго-восточных воеводствах Польши. Как считает польский историк Р. Тожецкий, резерв этой армии достигал 100 тыс. человек³⁹.

На рубеже 1942–1943 гг. части вермахта были разгромлены под Сталинградом, Красная Армия перешла в контрнаступление, после битвы на Курской дуге летом 1943 г. перелом на советско-германском фронте в пользу СССР стал необратимым. В этой обстановке произошло заметное изменение политики нацистов в отношении украинского движения. Свидетельством тому было создание ими в составе вермахта украинской добровольческой дивизии СС “Галиция” численностью в 11,5 тыс. чел. Среди населения оккупированной Западной Украины инициатива нацистов получила достаточно широкий отклик. К началу июня 1943 г. в ря-

ды дивизии, которую украинцы называли “Галичина”, пожелало вступить более 80 тыс. добровольцев⁴⁰. Создание дивизии было активно поддержано греко-католической церковью: митрополит Шептицкий, осуждавший террор как политический метод, тем не менее направил своих капелланов в новое военное формирование. Кроме того, в честь дивизии во всех униатских церквях были проведены торжественные богослужения.

Продолжительное время дивизия СС “Галиция” выполняла карательные функции и участвовала в операциях против советских и польских партизан. Но в июне 1944 г., когда соединения Красной Армии стали приближаться ко Львову, германское командование направило ее на восточный фронт, где дивизия была разбита наголову в первом же боевом столкновении с частями Красной Армии восточнее Львова, под Бродами.

Переформированная в сентябре 1944 г. “СС–Галиция” была направлена в Словакию и в сентябре–декабре 1944 г. дислоцирована в районе Жилины. 11,5 тыс. солдат и офицеров второго состава дивизии приняли участие в подавлении Словацкого национального восстания, пакификации Восточной Словакии и обеспечении транспортных коммуникаций для германских воинских частей. В январе 1945 г. “СС–Галиция” через Австрию была перебазирована в районы Славонии, населенные украинцами-униатами, которые активно поддерживали движение хорватских усташей⁴¹ в борьбе с Народно-освободительной армией И.Б. Тито⁴².

В 1944 г. фашистское руководство в обстановке жесточайших поражений вермахта на восточном фронте предприняло попытку вновь использовать украинский сепаратизм и антисоветские настроения значительной части населения “дистrikта Галиции” для развертывания в тылах наступавшей Красной Армии интенсивного вооруженного сопротивления. Именно с этой целью во второй половине 1944 г. из немецких концлагерей были выпущены арестованные в 1941 г. руководители и актив ОУН во главе с С. Бандерой⁴³.

Кроме того, важно подчеркнуть, что в августе 1944 г. политическим руководством УПА был заключен договор с Германией о сотрудничестве в вооруженном противостоянии СССР. Согласно договору, отряды УПА получали от вермахта вооружение, обмундирование, инструкторов для организации диверсий в тылах Красной Армии⁴⁴. Последнее подтверждается материалами российских архивов, где хранятся протоколы допросов арестованных органами НКВД членов ОУН–УПА. Как записано советским следователем в протоколе допроса одного из участников УПА, тот свидетельствовал, что в районе Коломыя (Западная Украина) в 1944 г. УПА была связана «с немецко-венгерским командовани-

ем соглашением о совместной борьбе против СССР..., указанное соглашение заключено по инициативе немцев, которые пошли на этот шаг после того, как поняли, что их кампания на Востоке проиграна и богатства Украины ускользают из их рук... Оуновские главари ухватились за это предложение..., видя в этом пути облегчения осуществления своих бредовых планов “самостийнизации” Украины»⁴⁵.

Теми же архивными материалами подтверждается и соглашение ОУН–УПА о сотрудничестве с немецкой военной разведкой. Так, один из бывших советских военнопленных, завербованный немецкой разведкой, показал на допросе, что в Данциге (Гданьске) была организована гитлеровцами специальная разведшкола, в которой в 1943 г. обучалось 150 украинцев. В школе “изучали вопросы оуновского движения”, поскольку предполагалась диверсионная работа на территории, где располагались отряды ОУН–УПА и во взаимодействии с последними. Немецкое командование требовало от ОУН–УПА “активизации борьбы с Советской властью, с частями Красной Армии, задерживать передвижение последних и оказывать всемерную помощь агентам немецкой разведки при переходе ими линии фронта и совершении диверсионных актов.., немецким разведчикам поручен контроль за деятельностью оуновских банд и эффективностью их борьбы с частями Красной Армии”⁴⁶.

Используя поддержку гитлеровской Германии, а именно снабжение отрядов УПА оружием, оставляемым отступавшими частями вермахта, руководители ОУН–УПА смогли развернуть в течение 1944 – начале 1945 гг. в тылах Красной Армии на советской и польской территориях массовые вооруженные действия. Так, на рубеже 1944–1945 гг. органы НКВД и армейские части проводили ежемесячно более полутора тысяч “чекистско-войсковых операций”, что подтверждают материалы НКВД. 12 марта 1945 г. Л.П. Берия сообщал И.В. Сталину, В.М. Молотову и Г.М. Маленкову о том, что за период с 1 февраля 1944 г. по февраль 1945 г. в зоне действия отрядов ОУН–УПА против них было проведено 9508 “чекистских войсковых операций”, в ходе которых убито 73 333, взято в плен 73 965 членов ОУН–УПА. К июню 1945 г. эти цифры возросли соответственно до 91 818 и 95 565 чел.⁴⁷

В условиях, когда война завершалась и вопрос о возвращении в состав СССР (или переход в сферу его влияния) практически всех земель, населенных украинцами был решен или предрешен, такой размах антисоветского вооруженного сопротивления не мог не беспокоить столь опытного политика, как Шептицкий. Вовсе не случайным представляется появление, по данным отечественных историков, в конце августа – начале сентября 1944 г.

письма митрополита в Совет по делам религиозных культов при Совнаркоме СССР, который возглавлял И.В. Полянский⁴⁸. Однако это письмо в российских архивах не обнаружено. Вместе с тем есть иные свидетельства не только изменения позиции Шептицкого в отношении СССР, но и поиска им контактов с советским руководством. Н.С. Хрущев в своей информации 15 ноября 1944 г. в ЦК ВКП(б) и лично Сталину, сообщая о смерти Шептицкого 1 ноября 1944 г., писал: “Перед своей смертью Шептицкий занял ярко выраженную просоветскую линию. Он подготовил посылку делегации в Москву и Киев для приветствия советского правительства и лично Вас, разрабатывал обращение к верующим, в котором хотел призвать население Западных областей поддерживать мероприятия советской власти и бороться с украинско-немецкими националистами”. По словам Хрущева, Шептицкий внушал своему окружению, что “советская власть сильна и поэтому необходимо с ней сблизиться и всячески ее поддерживать”⁴⁹.

Столь кардинальный поворот в политической ориентации митрополита, еще недавно демонстрировавшего свое отрицательное отношение к Советской власти и ее религиозной политике, был ни чем иным как поиском возможности сохранить позиции униатской церкви в принципиально новых обстоятельствах. Именно в этом состоял замысел письма Шептицкого И.В. Сталину, датированного 10 октября 1944 г. Знакомство с текстом письма показывает, что, начав его с благодарности украинского народа Сталину за “присоединение западно-украинской земли к Великой Украине” и “за осуществление заветных желаний и стремлений украинцев, которые веками считали себя одним народом и хотели быть соединенными в одном государстве”, Шептицкий по сути дела отмежевался от руководства ОУН–УПА, продолжавшего рассматривать СССР как одного из двух (наряду с Польшей) своих главных врагов.

Анализ содержания письма позволяет сделать вывод, что за церковной риторикой стояло политическое предложение о компромиссе: в обмен на получение гарантий свободы деятельности греко-католической церкви давалось обещание соблюдать государственные законы “в простоте и смирении”⁵⁰. Практически это было признание Советской власти.

Москва тогда имела достаточно полную информацию о том, что конкретно хотело бы получить от нее руководство украинской греко-католической церкви. Об этом свидетельствует переписка И.В. Полянского с В.М. Молотовым в октябре 1944 г. По письму от 27 октября можно восстановить не только перечень конкретных просьб униатов к советской стороне, но и реакцию

последней на них. Полянский, предлагая Молотову свой вариант ответа, писал: “Принимая во внимание большое влияние Шептицкого среди католиков в западных областях УССР, имеющиеся данные об изменении им своей первоначальной прогерманской ориентации на просоветскую... Совет считает целесообразным в целях закрепления нынешней ориентации Шептицкого удовлетворить те потребности, которые могут иметь для нее существенное значение”⁵¹.

Речь, в частности, шла о возможности открытия церквей и новых приходов “в случае надобности”, гарантии сохранения имеющихся монастырей, богословской академии и духовных семинарий, а также издании религиозного журнала.

Данная программа строго соответствовала религиозной политике правительства как в отношении православной, так и католической церквей. Те просьбы Шептицкого, которые выходили за пределы этой политики, последовательно отвергались. Так, попытки Шептицкого сохранить за униатской церковью право на работу вне храмов поддержки ни Совета, ни Молотова не получили⁵².

Возникает вопрос, почему греко-католическая церковь, отмеченная “коричневым пятном” сотрудничества с нацизмом, о чем было хорошо известно в Москве, все-таки получила права наравне с православной и католической церквами. Ответ на этот вопрос содержится в рассматриваемом документе. Полянский прямо писал о том, что возникает возможность использовать влияние Шептицкого “в деле разложения антисоветских националистических организаций”⁵³.

Тогда, на рубеже 1944–1945 гг., для советского правительства это была политическая сверхзадача на территории Западной Украины. Неслучайно в ходе переговоров с делегацией греко-католической церкви в Москве в декабре 1944 г., представители государства неоднократно акцентировали внимание членов делегации именно на этом вопросе.

Определившаяся советская политическая линия в отношении униатов осенью 1944 г. вступила в стадию практической реализации. На уровне Молотова и первого секретаря ЦК компартии Украины Н.С. Хрущева шла проработка вопросов функционирования греко-католической церкви; на местах началась регистрация униатских общин; в бесплатное и бессрочное пользование передавались культовые сооружения; был официально признан преемником Шептицкого митрополит Й. Слипый⁵⁴. В Москве интенсивно готовились к приему делегации иерархов украинской греко-католической церкви, которая прибыла в столицу 21 декабря 1944 г.

К этому времени здесь уже знали о разногласиях в среде иерархов, вызванных письмом Шептицкого Сталину. Позиция митрополита не была принята частью его окружения. Как сообщал Хрущев Сталину в упоминавшейся информации от 15 ноября 1914 г., “наиболее реакционные служители церкви стали распускать слухи о том, что, мол, митрополит очень стар, больной и поэтому нельзя всерьез принимать его рассуждения в отношении большевиков и советской власти”⁵⁵. Отсюда становится понятным, почему именно своему брату архимандриту К. Шептицкому незадолго до смерти А. Шептицкий доверил хранение и передачу письма, адресованного Сталину. К. Шептицкий и привез его в Москву. Понятным становится и невысокий уровень представительства делегации, состав которой определял Слипый, вовсе не бывший единомышленником своего предшественника. Делегацию возглавлял архимандрит К. Шептицкий, в состав ее входили четверо человека, но ключевыми фигурами, безусловно, были К. Шептицкий и священник Г. Костельник.

Советское руководство придавало большое значение приезду представителей греко-католической церкви в Москву. Отнюдь не случайно Полянский регулярно направлял информацию о ходе продолжавшихся с 22 по 27 декабря 1944 г. переговоров Сталину, Молотову, Берии, а также Хрущеву. Для советского руководства основной политической задачей, как показывает данная информация и стенографические записи самих переговоров, было добиться вовлечения руководства украинской греко-католической церкви в борьбу против вооруженного подполья ОУН–УПА. Украинские иерархи это понимали. Они ознакомили Совет по делам религиозных культов с содержанием обращения митрополита Й. Слипого “К духовенству и верным” от 23 ноября 1944 г. Митрополит, как сообщал Полянский Сталину 25 декабря 1944 г., призывал бандеровцев к тому, чтобы они “вернулись с неправильного пути”⁵⁶. Однако, судя по стенограмме переговоров, правительственной стороне не удалось получить политического заявления делегации с ясным изложением позиции церкви относительно украинского подполья. Член делегации Г. Костельник пытался свести политические сюжеты к следующей констатации: “Сам приезд делегации является демонстрацией того, что греко-католическая церковь входит в соответствующую связь и ориентируется на советское правительство. Этот приезд будет иметь большое значение для молодежи, вовлеченной в бандеровщину, как недвумысленная демонстрация церкви, с кем она идет и с кем она хочет идти”⁵⁷.

Москву такая общая формулировка проблемы, по-видимому, не удовлетворила, и Костельник вынужден был заявить: “Мы

осуждаем это движение [бандеровцев] и на практике. Мы против гитлеризма и националистов, мы за мирное строительство". Но это был ответ рядового священника. Глава же делегации К. Шептицкий ограничивался общими обещаниями проповедей и призывов к народу: "священник может народ успокоить морализирующим способом". От прямого ответа на вопрос Полянского, в чем будет заключаться роль "самой греко-католической церкви", катковы будут формы и методы "борьбы с бандеровщиной", он настойчиво уходил⁵⁸.

Таким образом, главная для Москвы политическая цель – получить твердое обязательство греко-католической церкви принять активное участие в разложении украинского подполья – оставалась не достигнутой. С точки зрения униатов, итоги встреч в Москве также вряд ли можно было оценить как однозначно позитивные. Безусловно они услышали важные для них заверения о том, что греко-католическая церковь, наравне с другими конфессиями, будет иметь "свободу действий в области исполнения религиозных обрядов". Но попытки делегации добиться гарантий обеспечения деятельности этой церкви за пределами храмов, сохранить типографии для издания религиозной литературы и т.п. оказались безуспешными. Не было получено положительного ответа и на просьбу о наделении землей униатского духовенства и монастырей⁵⁹.

Что касается оценок итогов переговоров советским руководством, то об этом можно судить по ряду доступных сегодня документов. Так, некоторые предположения на этот счет позволяет высказать письмо Полянского Молотову от 28 декабря 1944 г. Полянский писал, что Совет считает целесообразным поместить в газете "Известия" краткое сообщение о пребывании в Москве делегации греко-католической церкви, "имея в виду таким путем: 1) закрепить высказанное делегацией желание принять достаточно активное участие в деле разложения антисоветских националистических организаций в западных областях Украины, 2) передать гласности самый факт (исторически беспрецедентный) обращения греко-католической церкви к русскому правительству"⁶⁰.

Не трудно заметить, что предполагаемое сообщение в печати должно было быть выдержано в тональности более выгодной и политической полезной власти. Такое смещение акцентов было, по-видимому, с одной стороны, сделано для униатской паствы Западной Украины, а с другой – связывало бы униатское духовенство якобы данными им обязательствами.

Рельефнее позиция Москвы прослеживается в более поздних материалах, в частности в специально подготовленном Полянским совместно с Советом по делам Русской православной церкви

ви приложении к записке в правительство от 15 марта 1945 г. О самой записке речь пойдет ниже. Здесь же важно остановиться на оценках Полянским позиции высших иерархов греко-католической церкви. Эти оценки были сделаны уже по прошествии некоторого времени, а значит, и более продуманы. Констатировав, что “исторически Галицийская униатская церковь всегда олицетворяла политическую борьбу за национальную самобытность украинского народа и практически руководила этой борьбой”, Полянский особо отметил тот факт, что именно униатская церковь в годы войны “была вдохновителем украинского националистического движения, положившего начало бандеровскому (так в тексте. – Авт.) и оуновскому бандитизму”⁶¹.

Исходя из всего вышеизложенного, следует еще раз подчеркнуть, что для Москвы главной целью переговоров с делегацией украинских греко-католиков было выяснение политической позиции их церкви относительно вооруженного подполья, но переговоры показали: расчеты на прямое ее использование в разложении сепаратистского движения малоперспективны. Оперативные сводки НКВД за январь–февраль 1945 г. не фиксировали сколько-нибудь заметного спада вооруженного сопротивления бандеровцев. За эти два месяца на освобожденных территориях СССР и Польши в тылах Красной Армии проведено против ОУН–УПА 2275 “чекистско-войсковых операций”, в ходе которых было убито 12 484 чел. и взято в плен 17 509 участников вооруженных отрядов ОУН–УПА⁶². Причем жертвами нападений этих отрядов становились не только представители советской и польской власти, гражданское просоветски настроенное украинское, а также польское население, но и православное духовенство Волыни и Полесья, признававшее главенство Московской патриархии⁶³.

Совет по делам религиозных культов опасался и того, что в сложившихся условиях униатские иерархи, все еще занимавшие выжидательные позиции, попытаются восстановить разорванные на заключительном этапе войны связи с Ватиканом и лично с папой Пием XII. Москва с тревогой ожидала, “что греко-католическая церковь, особенно вся ее иерархия во главе с митрополитом Иосифом Слепым (так в тексте. – Авт.), будет предпринимать попытки к полному переходу в католичество и ликвидации последних признаков восточного обряда”⁶⁴.

С учетом этих сведений становится понятным, почему уже в начале 1945 г. в Москве был взят курс на ликвидацию униатской церкви, который, по-видимому, формировался параллельно с переговорами в декабре 1944 г. Присутствие Г. Костельника, настоятеля греко-католического Преображенского собора во Львове,

еще с межвоенного времени известного как сторонника перехода униатов в православие, в составе делегаций на переговорах в Москве было отнюдь не случайным. Именно он впоследствии стал ключевой фигурой в подготовке и проведении в 1946 г. Львовского собора, принявшего решение о ликвидации Брестской унии и возвращении униатов в православие⁶⁵.

Уже 9 февраля 1945 г. Н.С. Хрущев подробно информировал Сталина “о проведенной работе по разложению униатской церкви и переходу униатского духовенства в православную церковь”⁶⁶. 15 марта Совет по делам Русской православной церкви представил правительству предложения “по проведению некоторых мероприятий на Украине, в Белоруссии, Литве, Латвии, а также за границей”, призванных “сыграть значительную роль в борьбе против римо-католической церкви и против униатства”⁶⁷. С точки зрения интересующей нас темы, следует выделить пассажи, относящиеся к униатской церкви. В документе констатировалось: “Совету известно, что внутри униатской церкви в лице Костельника и других священников создается инициативная группа, которая должна будет декларативно заявить о разрыве с Ватиканом и призвать униатское духовенство к переходу в православие”⁶⁸.

По сути это было возвращение к тому плану, который в январе 1941 г. был представлен Берии Сталину и реализация которого была прервана началом войны. В 1945 г. на рубеже войны и мира в условиях разгрома фашизма советское руководство располагало весьма серьезными аргументами в пользу жестких мер против украинских униатов.

17 марта 1945 г. Stalin как глава правительства одобрил вышеназванный документ, представленный Советом по делам Русской православной церкви. Тем самым оказались окончательно перечеркнуты расчеты покойного А. Шептицкого на легализацию греко-католической церкви в советской действительности. Безусловно, уход из жизни митрополита А. Шептицкого – человека чрезвычайно авторитетного среди униатов и продемонстрировавшего стремление к компромиссу с советской властью, а также превращение Й. Слипого, известного своим прямым участием в создании дивизии “СС–Галиция”, в главную фигуру среди униатских иерархов, изменило ситуацию в руководстве этой церкви. В Москве, по-видимому, расценивали такое изменение, как возможность нежелательной консолидации на антисоветской основе иерархов и низшего духовенства, активно участвовавшего в деятельности ОУН–УПА. В пользу данного предположения говорит арест Й. Слипого, шести униатских епископов и нескольких десятков рядовых священников органами НКВД в апреле 1945 г.⁶⁹ Арrestы были произведены, как показывают материалы Архива

президента РФ, по указанию Сталина Хрущеву. Арестованные обвинялись в причастности «к ОУНовскому антисоветскому подполью, организации дивизии “Галиция”, а также в “активном пособничестве немецко-фашистским оккупантам”⁷⁰.

Итак, основной комплекс причин, определивших советский курс в отношении греко-католической церкви, следует искать в той конкретно-политической ситуации, которая складывалась на заключительном этапе войны в восточноевропейском регионе, переходившем в сферу влияния Советского Союза. На основе соглашений держав-победительниц происходил передел национально-государственных территорий и установление новых государственных границ таким образом, чтобы исключить появление крупных этнических меньшинств, которые могли бы стать базой для развития (что показывала история региона в межвоенное и военное время) столь дестабилизирующего фактора, как национальный сепаратизм.

В этих условиях не оставалось никаких шансов на реализацию сепаратистских планов украинского национального движения. Совершенно очевидно, что идеи “независимой соборной Украины”, носителями которых были отряды ОУН–УПА, продолжавшие активно действовать на территории СССР, Польши и Чехословакии и после окончания войны, оказались несовместимыми с национально-государственными и территориальными интересами этих стран.

Был и еще один весьма важный фактор, влиявший на отношение советского руководства и правительства ряда стран Восточной Европы к униатской проблеме. Речь идет о неоформленности отношений СССР с Ватиканом при обоюдной нескрываемой враждебности сторон. По мере того, как курс Москвы на противостояние влиянию Ватикана приобретал отчетливые формы, отношение к униатам в СССР и государствах Восточной Европы, рассматривавшееся как составной элемент этого курса, неизбежно должно было ужесточаться.

¹ Однако полностью поглотить Православную церковь здесь не удалось из-за ожесточенного сопротивления казачества, населявшего приднепровские земли.

² См. подробнее: Дмитриев М.В., Флоря Б.Н., Яковенко С.Г. Брестская уния 1596 г. и общественная борьба на Украине и Белоруссии в конце XVI–XVIII в. М., 1999. Ч. II; Pešek J., Barnovský M. Státna moc a církvi na Slovensku 1948–1953. Bratislava, 1997. S. 123–126.

³ Jankowsky J., Serafini A. Polska w liczbach. L., 1941. S. 33.

⁴ Pešek J., Barnovský M. Op. cit. S. 13; Balogh M., Gergely J. Egyhazak az ujkori Magyarországon 1790–1992. Budapest, 1993. Old. 169; Российский государственный архив социально-политической истории. (Далее: РГАСПИ.) Ф. 17. Оп. 132. Д. 9. Л. 157.

- ⁵ Архив внешней политики Российской Федерации. (Далее: АВПРФ.) Ф. 0125. Оп. 37. П. 156. Д. 34. Л. 20. О принятии унии см.: *Ogillet. Religion et nationalisme: L'idéologie de l'église Orthodoxe Roumaine Sous le régime communiste.* Bruxelles, 1997. Р. 109.
- ⁶ *Vnuk F. Dokumenty o postavení katolickej cirkvi na Slovensku v rokoch 1945–1948.* Bratislava, 1997. S. 179.
- ⁷ Государственный архив Российской Федерации. (Далее: ГАРФ.) Ф. 6991. Оп. 1. Д. 724. Л. 225–227; Оп. 2. Д. 115. Л. 3.
- ⁸ Русины, а также лемки – особые этнические группы украинского населения, проживавшие в рассматриваемые годы главным образом на приграничных территориях Польши, Чехословакии, Венгри и СССР.
- ⁹ *Balogh M., Gergely J. Op. cit. S. 169.*
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 579. Л. 21.
- ¹¹ *Tomaszewski J. Rzeczpospolita wielu narodów. W-wa, 1985. S. 270.*
- ¹² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 724. Л. 14–15; Д. 452. Л. 256.
- ¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 9. Л. 157.
- ¹⁴ Не случайно в межвоенное время структуры украинского сепаратистского движения за рубежом были объектом предельно пристального внимания и "опеки" советской внешней разведки. См. подробнее: *Судоплатов А. Тайная жизнь генерала Судоплатова. Правда и вымыслы о моем отце.* М., 1998. Т. 1. С. 148–161.
- ¹⁵ *Torzecki R. Kwestia ukraińska w polityce III Rzeszy, 1933–1945.* W-wa, 1972. Rozd. I; *Судоплатов А. Тайная жизнь генерала Судоплатова.* С. 151–152.
- ¹⁶ *Vnuk F. Dokumenty o postavení katolickej cirkvi na Slovensku v rokoch 1945–1948.* Bratislava, 1994. S. 180.
- ¹⁷ *Torzecki R. Kwestia ukraińska... Rozd. II.*
- ¹⁸ *Zeliczky B. Kárpátalja a cseh és a szovjet politika erdekerubén 1920–1945.* Budapest, 1998. Old. 43–46; *Карпатська Україна. Питання державно-правового розвитку і міжнародного становища.* Ужгород, 1999.
- ¹⁹ *Torzecki R. Kwestia ukraińska... S. 169–169.*
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 9478с. Оп. 1. Д. 136. Л. 27, 133.
- ²¹ *Пушкин А. Внешняя политика Венгрии (январь 1937 – сентябрь 1939 г.).* М., 2003. Гл. V.
- ²² А. Волошин бежал в Румынию, затем перебрался в Прагу, где находился до мая 1945 г.; новой властью Чехословакии был передан советской стороне, заключен в тюрьму, где умер в том же году. См.: *Tomeš J. Slovnik k politickým dejinam Československa 1918–1992.* Praha, 1997. S. 217.
- ²³ *Ciechanowski J.M. Na tropach tragedii: Powstanie Warszawskie 1944 w nowym świetle.* W-wa, 1992. S. 14.
- ²⁴ *Максимова Н., Филиппов Б. Ватикан и вторая мировая война // Наука и религия.* 2000. № 5. С. 14.
- ²⁵ Архив президента (АП) РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 9. Л. 52–59.
- ²⁶ *Кравчук А. Християнська соціальна етика під час німецької окупації Галичини, 1941–1944: Митрополит Андрей (Шептицький) про солідарність, опір владі та захист святості життя // Ковчег.* Львів, 2000. № 2. С. 236.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 16. Л. 45.
- ²⁸ *Torzecki R. Kwestia ukraińska... S. 247, 241.*
- ²⁹ См.: *Madajczyk Cz. Polityka III Rzeszy w okupowanej Polsce.* W-wa, 1970. Т. I. S. 464–472.
- ³⁰ Цит. по: *Кравчук А. Указ. соч. С. 238.*
- ³¹ Цит. по: *Басильева О.Ю. РПЦ в политике советского государства. 1943–1948.* М., 1999. С. 89.

- ³² ГАРФ. Ф. 9478с. Оп. 1с. Д. 133. Л. 129; Д. 135. Л. 149, 118, 119, 121; Д. 136. Л. 4, 27, 31 и др.
- ³³ Цит. по: *Максимова Н., Филиппов Б.* Указ. соч. С. 14.
- ³⁴ Torzecki R. Polacy i ukraincy. Sprawa ukraińska w czasie II wojny światowej na terytorium II Rzeczypospolitej. W-wa, 1993. S. 136.
- ³⁵ Torzecki R. Polacy i ukraincy... S. 260, 267; *Протоиерей Владислав Цыпин*. Львовский собор 1946 г. и его последствия // Ежегодная богословская конференция ПС ПБИ: Мат. 1998 г. М., 1998. С. 261–267; *Григоренко А.* Уния в истории Украины–Руси: Краткий исторический очерк. Новосибирск. 1991. С. 80.
- ³⁶ Цит. по: *Кравчук А.* Указ. соч. С. 231.
- ³⁷ Там же. С. 240.
- ³⁸ ГАРФ. Ф. 9478с. Оп. 1с. Д. 133. Л. 36; Д. 135. Л. 109–117 об, 118–119, 121; Д. 136. Л. 24, 27, 31, 137.
- ³⁹ Torzecki R. Polacy i ukraincy... S. 238. Дальнейшее развитие событий показало, что отряды и резерв УПА были значительно более многочисленными. Широкой была и поддержка их населением. По данным Главного управления по борьбе с бандитизмом НКВД СССР, на территории Западной Украины с февраля 1944 г. по январь 1946 г. в результате “оперативно-чекистских операций” было убито 101 624 чел., задержано – 111 439 чел., явилось с повинной – 50 054 участников “бандформированно ОУН–УПА”. Кроме того, за указанный период был арестовано 8634 “бандпособника” (ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 353. Л. 62).
- ⁴⁰ Дмитрук К.Е. Униатские крестоносцы: вчера и сегодня. М., 1988. С. 254; Torzecki R. Polacy i ukraincy... S. 247.
- ⁴¹ См. подробнее: *Мизль Р.* Переслідування греко-католицького духовенства в Югославії під час Другої світової війни та в післявоєнний період // Ковчег. № 2. С. 302–307.
- ⁴² В апреле 1945 г. остатки этой дивизии возвратились в Австрию, в район Граца, где безуспешно пыталась противостоять частям Красной Армии. 10 мая 1945 г. дивизия сдалась английским и американским войскам, была перебазирована в Северную Италию и по ходатайству папы Пия XII, не была передана советской стороне. См.: Torzecki R. Kwestia ukraińska... S. 252; а также см.: Misilo E. Akcja “Wisła”. W-wa, 1993. S. 67; ГАРФ. Ф. 9478с. Оп. 1с. Д. 135. С. 123, 123 об, 138–138 об.
- ⁴³ Torzecki R. Polacy i ukraincy... S. 315.
- ⁴⁴ Torzecki R. Kwestia ukraińska... S. 328; ГАРФ. Ф. 9478с. Оп. 1с. Д. 133. Л. 121.
- ⁴⁵ ГАРФ. Ф. 9478с. Оп. 1с. Д. 133. Л. 120.
- ⁴⁶ Там же. Л. 120–122; 126–128.
- ⁴⁷ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 93. Л. 395; Д. 92. Л. 248; Ф. 9478с. Оп. 1с. Д. 353. Л. 2.
- ⁴⁸ Униаты и советская власть (Встреча в Москве). Декабрь 1944 г. / Публ. док. подгот. М.И. Одинцовым // Отечественные архивы. 1994. № 3. Л. 57.
- ⁴⁹ АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 5. Л. 68.
- ⁵⁰ Петрушенко В.И. К предполагаемой беатификации униатского митрополита Андрея Шептицкого // История русской православной церкви в XX в.: Ежегодная богословская конф. 1999. С. 379; АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 9. Л. 94–96.
- ⁵¹ Униаты и советская власть... С. 59–60.
- ⁵² Там же. С. 59.
- ⁵³ Там же. С. 60.
- ⁵⁴ Там же. С. 57.
- ⁵⁵ АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 5. Л. 64.
- ⁵⁶ Униаты и советская власть... С. 60–70.

- 57 Там же. С. 64.
- 58 Там же.
- 59 Там же. С. 66.
- 60 Там же. С. 71.
- 61 АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 9. Л. 107.
- 62 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 92. Л. 248, 295; Д. 93. Л. 395.
- 63 Шкаровский М.В. Русская православная церковь и советское государство в 1943–1964 гг.: От “перемирия” к новой войне. СПб., 1995. С. 116–117.
- 64 АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 9. Л. 108.
- 65 Г. Костельник был застрелен сторонниками сохранения унии в 1948 г. при входе в свой храм.
- 66 Цит. по: Васильева О.Ю. Добровольное воссоединение или методы противостояния политике Ватикана // Церковь в истории России. М., 1999. Сб. 3. С. 172.
- 67 “Прошу Ваших указаний”. Докладная записка председателя Совета по делам Русской православной церкви Г.Г. Карпова в ЦК ВКП(б) и СНК СССР. 1943–1948 гг. / Публ. М.И. Однцова // Исторический архив. 2000. № 2. С. 178.
- 68 Там же. С. 178.
- 69 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 16. Л. 58; История русской православной церкви. М., 1997. Кн. IX. С. 343; Винтэр Э. Политика Витикана в отношении СССР, 1917–1968. М., 1977. С. 193.
- 70 АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 9. Л. 151.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В БЕЛОРУССИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Согласно мирному договору России с Польшей, подписанному 18 марта 1921 г. в Риге, Западная Белоруссия вошла в состав Польши. Таким образом, в пределах Польского государства оказались Варшавская, Холмская, Гродненская православные епархии, а также часть Минской с Пинском, Литовской с Вильно и часть Волынской православной епархии с Луцком. 17 сентября 1925 г. на основании томоса от Вселенского патриарха была провозглашена незаконная автокефалия Польской церкви, несмотря на протесты православных верующих страны.

Епископы, не одобравшие этого шага и стремившиеся к сохранению единства с Русской Православной Церковью, подверглись репрессиям, епископ Пинский Пантелеймон (Рожновский) был вынужден уйти за штат¹.

В 1939 г., с началом первой мировой войны, Польша была оккупирована фашистской Германией. К Советскому Союзу отошли Западная Украина и Белоруссия. Православные епархии, расположенные на этой территории, были возвращены под юрисдикцию Московской патриархии.

Раздел Польши привёл к включению в границы СССР нескольких миллионов православных верующих белорусов и украинцев с неразрушенной религиозной жизнью и 1200 приходами. В связи с этим возникла необходимость ассимилировать и политически нейтрализовать миллионы новых граждан. Правительство сознавало, что этого невозможно достигнуть открытой антицерковной кампанией. Нужно было сначала подчинить эти территории Московской патриархии, используя национальные чувства западных украинцев и белорусов, воссоединявшихся с восточными. Правительство не могло не считаться с новыми массами православного населения и, чтобы не вызвать их антагонизма, вынуждено было создать видимость религиозной терпимости, приостановив гонения на Церковь во всей стране². В. Флетчер даже говорит о том, что митрополит Сергий, впервые с тех пор, как он возглавил Церковь, оказался в таком положении, что мог требовать уступок от правительства³. А оно, в свою очередь, с помощью Московской патриархии стремилось влиять в нужном напра-

влении на священнослужителей и религиозные общины западных областей, воссоединенных с СССР.

Факты о посещениях церквей военными свидетельствовали о неудаче атеистической пропаганды, и советские власти не могли не учитывать это.

В то время как в присоединенных к СССР западных областях Украины и Белоруссии функционировало 1200 приходов, в восточных областях до начала Великой Отечественной войны практически не было никаких изменений по отношению к религии и Церкви. В Восточной Белоруссии к началу войны не было ни одного православного епископа, даже священников уцелело очень мало. В Западной Белоруссии находились двое епископов из состава православного духовенства бывшей Польши: архиепископ Пантелеймон (Рожновский) и епископ Венедикт (Бобковский).

Великая Отечественная война изменила непропорциональное соотношение православных храмов и духовенства в западных и восточных областях Украины и Белоруссии.

Накануне войны Советского Союза с Германией экзарх западных областей Украины и Белоруссии митрополит Николай (Ярушевич) выехал в Москву и к моменту оккупации этих областей фашистами не вернулся в свою резиденцию в г. Луцке⁴. Когда Западная Белоруссия была уже оккупирована немецкими войсками, местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергий назначил экзархом Белоруссии епископа Пантелеймона (Рожновского) с возведением его в сан архиепископа.

Как писал историк Белорусской церкви епископ Афанасий (Мартос), “немецкие войска застали церковно-религиозную жизнь в Восточной Белоруссии в разрушенном состоянии. Епископов и священников не было, церкви были закрыты, переделаны в склады, театры, а многие разрушены. Монастырей не существовало, монахи разбрелись где кто мог, многие умерли в ссылках, в тюрьмах. Но верующие были в огромном числе. В Минске, столице Белоруссии, из девяти церквей уцелела только одна на военном кладбище за городом. Остальные переделаны и приспособлены для разных хозяйственных нужд. Три церкви: кафедральный собор, архиерейская церковь и собор возле железнодорожной станции были снесены. Сохранились католические храмы, но в кафедральном был архив, а в другом, большом – кино. Богослужений в городе не совершалось уже много лет”⁵.

Оккупационные нацистские власти сразу же взяли под строгий контроль деятельность Православной церкви в Белоруссии. В оккупированной Белоруссии при генеральном комиссариате существовал отдел под руководством Леопольда Юрды, который

контролировал деятельность Православной церкви и всю ее документацию.

Пытались подчинить себе Православную церковь и белорусские коллаборанты. Но её зависимость от белорусских национальных деятелей была значительно меньшая, чем от оккупационных властей. С белорусской администрацией Православная церковь была связана через Белорусскую народную самопомощь (БНС) благотворительной деятельностью. Все благотворительные организации рассматривались как отделы БНС и включались в ее структуру⁶.

После захвата Белоруссии немцами (Минск пал уже 28 июня) в Минск прибыли архиепископ Гродненский и Виленский Пантелеимон (Рожновский) и епископ Брестский Венедикт (Бобковский). Они учредили Белорусскую митрополию и организовали епархиальное управление. Границы новой митрополии не совпадали с границами собственно Белоруссии. Несколько урезав ее территорию на западе за счёт передачи Гродно, Восточной Пруссии и Пинска “рейхскомиссариату Украина”, немцы увеличили ее на востоке за счет присоединения Смоленской и Брянской областей.

3 марта 1942 г. на заседании Святейшего Синода Белорусской церкви под председательством митрополита Пантелеимона было открыто четыре епархии: 1) Минско-Виленская (без самого Вильно), во главе с самим митрополитом Пантелеимоном; 2) Могилёвская, с правящим архиепископом Филофеем (Нерко); 3) Витебская, во главе с епископом Афанасием (Мартосом), которого в епископы рукоположили в марте 1942 г. с титулом Витебского и Полоцкого (новый епископ был, однако, послан не в Витебск, как предполагали, а в Барановичи – временно, до прибытия с Украины епископа Вениамина); 4) Барановичско-Новогрудская, во главе которой хотели поставить епископа Вениамина (Новицкого), белоруса по происхождению, епископа Украинской автономной церкви, занимавшего Полтавскую кафедру⁷.

Немного позже Православная церковь в Белоруссии включила в себя еще три епархии: 1) Гродненско-Белостокскую (за пределами Белорусского генерал-губернаторства, и поэтому получившую статус экзархата), во главе с епископом Венедиктом (Бобковским); 2) Смоленско-Брянскую, во главе которой должен был стать епископ Стефан (Севбо), в то время еще протоиерей Симеон; 3) Гомельско-Мозырскую епархию⁸.

Восстановление Православной церкви в Белоруссии сразу же попало в руки митрополита Пантелеимона (полуполяка по происхождению). Немецкое командование при переговорах поставило ему следующие условия: 1) организовать Православную церковь самостоятельно, без всяких сношений с Москвой, Варшавой или

Берлином; 2) Церковь должна носить название: “Белорусская автокефальная православная национальная Церковь”; 3) Церковь управляетъяется своими святыми канонами и немецкая власть не вмешивается в её внутреннюю жизнь; 4) проповедь, преподавание Закона Божия, церковное управление должны производиться на белорусском языке; 5) назначение епископов должно производиться с ведома немецкой власти; 6) немецкой власти должен быть представлен статут “Белорусской автокефальной православной национальной Церкви”; 7) богослужения должны совершаться на церковно-славянском языке⁹.

Митрополит Пантелеимон принял эти условия с оговоркой, по существу полностью им противоречащей. Оговорка состояла в том, что отделение от РПЦ может состояться только после того, как Белорусская церковь организуется, созреет для автокефалии и оформит свое отделение канонически, т.е. с разрешения РПЦ¹⁰.

Церковное руководство в Минске беспокоилось о том, чтобы возобновить церковную жизнь в окружающих сельских районах и разыскать бывших там ранее священников. По распоряжению митрополита Пантелеймона (Рожновского), архиепископа Венедикта (Бобковского) и с санкции оккупационных властей в Восточную Белоруссию для организации церковной жизни были направлены архимандрит Серафим Шахмуть и священник Григорий Кударенко. К 1942 г. число православных верующих достигало 12 млн человек, что составляло примерно 85% от всего населения оккупированной Белоруссии (по данным белорусского епископата). Действовало в годы оккупации 1044 храма, но они располагались по территории Белоруссии неравномерно, в основном в центральных и западных областях¹¹.

Немецкая политика в отношении Православной церкви в Белоруссии была сформулирована Розенбергом 13 мая 1942 г., после свидания с Гитлером и Борманом. 8 мая 1942 г. Розенберг писал своим двум рейхскомиссарам, что РПЦ не должна распространять своё влияние на православных белорусов и её деятельность не должна простираться за границу расселения великороссов¹². Эта политика привела к полному отделению так называемой Белорусской автономной церкви от экзархата в Прибалтике, несмотря на стремление митрополита Сергия (Воскресенского) подчинить её себе, и факт, что Прибалтика и Белоруссия входили в один и тот же “рейхскомиссариат Остланд”.

Борьба оккупационных властей с русским влиянием проводилась в Белоруссии настойчиво и последовательно. Однако быстро обнаружилось, что белорусы не настроены сепаратистски, и немцам пришлось привезти около 30 белорусских сепаратистов-эмигрантов, которых православное духовенство называло “акти-

вом". "Актив" не пользовался влиянием среди местного населения и немедленно вступил в борьбу с православной иерархией, требуя от нее полного отделения от РПЦ. Сами немцы подозревали "актив" в католических симпатиях, а проникновения католиков в Белоруссию они боялись чуть ли не больше, чем русского влияния. Католиков немцы рассматривали как пятую колонну поляков и предпочитали поддерживать православных, чтобы не допустить католической миссионерской деятельности в Восточной Белоруссии.

Со стороны католического духовенства были попытки использовать тягу православного населения к религии и вести миссионерскую работу путем использования белорусского духовенства. О том, что генеральный комиссар Белоруссии Вильгельм Кубэ был озабочен проникновением в Белоруссию католическо-польского влияния, свидетельствует следующее его выражение: "Старая тенденция злоупотреблением пропольскими стремлениями со стороны римской церкви не может быть терпима. В этой области белорусы также пользуются сильным покровительством национал-социалистского управления"¹³.

Тем временем митрополит Варшавский Дионисий продолжал считать Западную Белоруссию и ее Православную церковь по-прежнему состоящей в своей юрисдикции, лишь в силу военных обстоятельств отделённой от нее в 1939 г. В Варшаве под председательством митрополита Дионисия была создана так называемая "Белорусская церковная рада", на первом заседании которой – 9 сентября 1941 г. – был разработан и переслан центральным немецким властям особый меморандум, в котором были выдвинуты пожелания в церковной области для Белоруссии и выставлены в качестве кандидатов на епископские кафедры проживавшие в Польше архимандриты Феофан (Протасевич), Филофей (Нерко) и Афанасий (Мартос). Два последних и были рукоположены в епископский сан.

В стремлении получить власть на оккупированных немцами землях Белоруссии и Украины, митрополит Дионисий обратился 15 июля 1942 г. к центральным германским властям с меморандумом, в котором обосновывал свои притязания на эти области. Это обращение успеха не имело. Более того, митрополит Дионисий был вызван к Варшавскому немецкому губернатору Фишеру, который потребовал от него письменно заявить о своём полном невмешательстве в церковные дела на "освобождённых землях" Белоруссии и Украины¹⁴.

В марте 1942 г. Собор белорусских епископов избрал владыку Пантелеимона митрополитом Белоруссии, но он, вопреки желанию белорусских националистов и немецких властей, не про-

возгласил Белорусскую церковь автокефальной. На богослужениях продолжало возноситься имя митрополита Сергия, а сам митрополит Пантелеимон отказывался проповедовать по-белорусски на том основании, что языком городского населения является не белорусский, а русский. Митрополит Пантелеимон оставался твердым сторонником сохранения канонической связи с кириархальною Церковью – Московским патриархатом. Но эта позиция не удовлетворяла белорусских политических деятелей, которые пользовались доверием оккупационных властей и, будучи людьми далекими от Церкви, пытались навязать свою линию белорусской иерархии, беспрестанно плели интриги и доносили в генеральный комиссариат на митрополита Пантелеимона, которого обвиняли в сочувствии Московской патриархии.

По настоянию националистов оккупационные власти отрешили митрополита Пантелеимона от управления Белорусской церковью. В конце мая 1942 г. он был вызван в генеральный комиссариат Белоруссии, где начальник церковного отдела доктор Леопольд Юрда, официально объявил о его отстранении от дел. Опального митрополита выслали в село Ляды Смолевичского района Минской области, а затем в Вилейку под надзор гестапо. В ссылке владыке Пантелеимону было запрещено иметь с кем бы то ни было общение, разрешалось только раз в неделю бывать в церкви без права служить и проповедовать. Под давлением общественности и по просьбам архиепископа Филофея и епископа Афанасия немцы были вынуждены в апреле 1943 г. вернуть митрополита в Минск. Однако активного участия в церковных делах он уже не принимал, хотя и являлся Белорусским митрополитом¹⁵.

После отстранения владыки Пантелеимона от церковных дел генеральный комиссар приказал передать управление Церковью архиепископу Филофею (Нерко), который вначале тоже противился всяким нововведениям на том основании, что он не имеет права принимать решения без ведома митрополита Пантелеимона¹⁶. Архиепископ Филофей не захотел безропотно следовать указам политиков, называвших себя белорусскими националистами. Тогда они обвинили и архиепископа Филофея в том, что он “через Церковь укрепляет российскость Беларуси”¹⁷. Получив эти доносы, немцы решили проверить национальную принадлежность белорусского духовенства. Проведено было анкетирование, в результате которого выяснилось, что 90% православных священнослужителей считают себя белорусами, остальные – русскими и украинцами.

Архимандрит Филофей (Нерко) прибыл в Белоруссию в первые месяцы войны. До того он служил настоятелем белорусского

прихода в Варшаве и являлся членом Варшавской духовной консистории. Архимандрит Филофей был выдвинут Белорусским национальным комитетом в Варшаве кандидатом в белорусские епископы. Его архиерейскую хиротонию в епископа Слуцкого, викария Минской епархии, совершили в сентябре 1941 г. митрополит Пантелеимон и епископ Венедикт. Некоторое время спустя епископ Филофей был возведен митрополитом Пантелеимоном в сан архиепископа с титулом Могилевского и Мстиславского. Еще 30 июля 1942 г. архиепископ Филофей писал гауляйтеру Белоруссии о ненужности излишней торопливости в введении автокефалии: “Это очень важное и ответственное положение, требующее точности и правильности церковного канона священной всеобщей Православной Церкви... Нас торопят в этой работе...”¹⁸ Однако вскоре после этого он проявил себя как сторонник автокефальной, национальной Белорусской церкви.

Захватив всю церковную власть в свои руки, архиепископ Филофей по настоянию немцев и приехавших с ними белорусских националистов начал подготовку созыва “Всебелорусского Православного Собора” для провозглашения автокефальной православной Белорусской церкви. Незадолго до этого митрополит Пантелеимон был вынужден письменно передать ему все свои полномочия¹⁹.

Собор, который епископ Венедикт называл просто съездом, проходил с 30 августа по 2 сентября 1942 г. под председательством архиепископа Филофея. Деятельное участие в созыве и ходе собора принимала БНС, крайне националистическая организация.

Когда приехали делегаты собора, то оказалось, что нет вовсе ни одного представителя от Витебско-Полоцкой, Смоленско-Брянской, Могилевско-Мстиславской, Гомельско-Мозырской и Гродненско-Белостокской епархий. Были только представители от Минской и Барановичско-Новогрудской епархий, причем некоторые их делегаты не могли приехать из-за того, что немецкие власти и БНС не дали им пропусков в Минск как неблагонадежным лицам.

Зато на соборе присутствовало много делегатов, особенно мирян, вовсе никем не выбранных, а приглашённых БНС. В действиях собора приняли участием три младших архиерея из шести – кроме управляющего Минской епархией архиепископа Филофея епископ Витебский и Полоцкий Афанасий (Мартос), управляющий Барановичско-Новогрудской епархией, и епископ Смоленский и Брянский Стефан (Севбо), управляющий Витебско-Полоцкой и Гомельско-Мозырской епархиями. Митрополит Пантелеимон и архиепископ Венедикт в Минск не были допущены. Та-

ким образом, по своему составу это был не собор, а расширенное епархиальное собрание Минской епархии.

Националисты приложили все усилия, чтобы склонить собор на свою сторону. Дискутировать об автокефалии на соборе было запрещено немецкими властями. Вместо этого в порядке информации был прочитан доклад “Канонические принципы автокефалии”, где было объективно и согласно с канонами сказано, что нужно для того, чтобы какая-нибудь Церковь стала автокефальной. Затем был выслушан доклад протоиерея Иоанна Кушнера “Исторические предпосылки Белорусской автокефалии”²⁰.

Собор молча выслушал эти информационные доклады и выработал статут для Белорусской автокефальной церкви. В параграфе 113 статута было сказано, что “Каноническое объявление автокефалии наступит после признания её всеми автокефальными церквами” – начиная с РПЦ и восточных патриархов. Были составлены обращения к автокефальным церквам с просьбой признать автокефалию Белорусской церкви. Политический отдел генерального комиссариата потребовал от архиепископа Филофея немедленно разослать эти обращения. В связи с этим в марте 1943 г. архиепископ Филофей созвал Священный Синод. Но на его заседание прибыл только епископ Витебский и Полоцкий Афанасий. Не имея возможности вдвоем решать дела, они обратились с просьбой к генеральному комиссару Белоруссии о возвращении в Минск митрополита Пантелеимона, что и было исполнено. 20 апреля 1943 г. было составлено послание Константинопольскому патриарху, в котором упомянутые иерархи прошли дать благословение на автокефалию Белорусской церкви²¹. Это послание было передано германским властям в генеральный комиссариат для пересылки по назначению только через год, но так и не было отправлено в связи с освобождением Белоруссии советскими войсками. На соборе был учрежден Священный Синод, в состав которого вошли три епископа, участвовавших в соборе, и архиепископ Гродненский и Белостокский Венедикт (Бобровский)²².

Кроме того, собор принял решение об открытии Минской духовной семинарии и завершении организации епархий. Однако для открытия семинарии, несмотря на старания и хлопоты белорусских иерархов, проведенную ими подготовительную работу, у Православной церкви не было средств, а оккупационные власти не желали помогать в этом деле²³.

В обязанность всем священникам вменялось выучить белорусский язык и сдать по нему экзамен до 1 октября.

В своем рапорте патриаршему местоблюстителю митрополиту Алексию (Симанскому) архиепископ Калининский и Смо-

ленский Василий писал, что после собора 1942 г., «деятельность архиепископа Филофея (Нерко) была направлена к белорусизации церковной жизни и к агитации против Московской Патриархии во главе с почившим Патриархом Сергием. Работа его в деле белорусизации Церкви дошла до того, что в последнее время он поставил вопрос о замене всех настоятелей и благочинных “москалей” белорусами. Проповеди в церквях должны были теперь говориться только на белорусском языке, дерзавшие говорить на русском попадали в опалу. Из Западной Белоруссии стали вызываться священники на замену лучших приходов в Восточную Белоруссию. Таким образом, между священниками Западной и Восточной Белоруссии искусственно сеялась вражда, дошедшая до того, что западные священники вели себя совершенно обособленно и не желали входить с восточными ни в какое общение.

Частые проповеди архиепископа Филофея с резкими выпадами против Советского Союза и выступления в периодической печати с антирусскими статьями, а также подобные выступления по радио вызывали у большинства верующих раздражение и неудовольствие. В деятельности по белорусизации Церкви и разжигании национального антагонизма среди верующих его ближайшими сотрудниками были епископы Афанасий (Мартос) и Стефан (Севбо). Епископам т. н. Белорусской автокефальной церкви чужды были интересы церковные, вся их деятельность сводилась к политиканству и к личной наживе. Всё это болезненно отражалось на верующих и вносило разлад, раздражение в жизнь Церкви. Многие, видя низкий уровень стоящего у власти духовенства, отходили, скорбя, от Церкви»²⁴.

В конце 1943 г. немецкие оккупационные власти образовали Белорусскую центральную раду (БЦР) – своего рода марионеточное правительство во главе с президентом Радославом (Романом) Казимировичем Островским. При раде был создан отдел по церковным делам, в котором и собирались те самые белорусские активисты, что вели противостояние с православным духовенством Белоруссии. 2 апреля 1944 г. начальником этого отдела был назначен Николай Будилович. 25 марта 1944 г. был проведен молебен, где архиепископ Филофей произнес речь, в которой от лица всех верующих белорусов приветствовал БЦР и “независимость” Белоруссии²⁵.

2 марта 1944 г. Р.К. Островский написал письмо митрополиту Пантелеимону, в котором призывал Православную церковь включиться в дело национального воспитания народа и активизировать свою деятельность. Это письмо было рассмотрено на заседании Священного Синода.

В ответе Р.К. Островскому митрополит Пантелеимон писал, что “национальная работа нашего духовенства выражается в проповеди па белорусском языке с церковного амвона”²⁶. При этом митрополит Пантелеимон не мог не знать, что большинство священников, так же как и он сам, проповедуют на русском языке, но объяснял это “не чуждостью священника к белорусскому национальному вопросу или белорусскому языку, а только неумением говорить на белорусском языке, незнанием его”²⁷. На призыв Р.К. Островского к духовенству активнее работать над “воспитанием той части старейшего белорусского общества, которое одуречено лживой большевистской пропагандой Москвы”, митрополит Пантелеимон смело заявил, что “Православная Церковь является заведением аполитичным, а поэтому, посредством введения политического элемента в Церковь, ей, как божественному заведению, наносится великий вред и обида”²⁸.

Однако неверно было бы полагать, что белорусские националисты благожелательно относились к Православной церкви. Они лишь пытались, как и фашисты, использовать её в своих интересах. На одном из собраний БНС в 1943 г. один из выступающих выразился: “Большевики сделали хорошо одно, что уничтожили церковь. Теперь нам не нужно поднимать этот труп”²⁹.

В белорусской периодической печати, находившейся под контролем националистов, время от времени публиковались статьи и карикатуры, в которых высмеивались догматы православной веры, приижался авторитет православного духовенства³⁰.

По настоянию церковного отдела БЦР Р.К. Островский решил удалить из Минска архиепископа Филофея. На его место он хотел пригласить епископа Смоленского Стефана (Севбо), но последний отказался от предложения. Тогда Островский решил поставить во главе Белорусской церкви присоединившегося к украинским автокефалистам Александра (Иноземцева), который титуловался митрополитом Пинским. Незадолго до этого Пинское и Брестское Полесье были присоединены к генеральному комиссариату Белоруссии. Но навязать Церкви митрополита Александра в качестве ее главы Островский так и не смог.

12 мая 1944 г. митрополит Пантелеимон созвал в Минске собор епископов. На собор прибыли архиепископ Гродненский Венедикт (Бобковский), рукоположенный в Вене главой Карловацкого синода митрополитом Анастасием на Гомельскую кафедру, архиепископ Филофей (Нерко), епископы Гомельский Григорий (Боришевич), Новогрудский Афанасий (Мартос), Смоленский Стефан (Севбо), находившийся в Борисове, епископ Кобринский, викарий Пинской епархии Георгий (Коренистов), из Могилева прибыл епископ Брянский Павел (Мелентьев). В качестве гостя

президента Островского в Минске пребывал митрополит Пинский Александр (Иноземцев). Из Бреста приехал архиепископ Иоанн (Лавриненко), который подал на Собор заявление с просьбой принять его в состав белорусского епископата. Заседания собора проходили под председательством митрополита Пантелеимона. Собор высказался против вмешательства Белорусской центральной рады в церковные дела и за включение в состав Белорусской церкви Пинской и Брестской епархии. Митрополиту Пантелеимону собором был дарован титул “Блаженства”, а также право предношения креста за богослужением. Подчиняясь дiktату немецких властей, Собор вынужден был также вынести решение о незаконности избрания патриарха в Москве. Собор проходил в канун освобождения Белоруссии советскими войсками³¹.

Генеральный комиссариат и президент БЦР Р.К. Островский требовали созыва собора для того, чтобы в состав епископов Белорусской церкви были приняты митрополит Александр (Иноземцев) и его викарий епископ Кобринский Георгий (Коренистов), а также архиепископ Брестский и Полесский Иоанн (Лавриненко). Митрополит Александр и епископ Георгий были епископами Украинской автокефальной церкви и признавали своим главой Варшавского митрополита Дионисия. Архиепископ Иоанн принадлежал к Украинской автономной церкви. В результате освобождения Украины Красной Армией “рейхскомиссариат Украина” перестал существовать, а оставшиеся оккупированными районы Полесья и Бреста были присоединены немцами к Белоруссии. Поэтому немецкие власти потребовали принять в общение и присоединить к Белорусской церкви епископов Полесья и Бреста. Это была официальная сторона. Тайная же подоплека такова. Президент Р.К. Островский выработал план замены на соборе неугодного ему митрополита Пантелеимона митрополитом Александром (Иноземцевым). От митрополита Александра собор потребовал отречься от звания председателя собора епископов Украинской автокефальной церкви и выйти из юрисдикции митрополита Дионисия. Митрополит Александр согласился с требованиями собора и обещал по приезде в Пинск прислать соответствующую декларацию, но не успел этого сделать, так как вскоре военная обстановка изменилась, и все епископы – участники собора 1944 г. – оставили Белоруссию³². В конце 1944 г. они эмигрировали в Германию и присоединились к Карловацкому синоду, который после окончания войны был восстановлен в Мюнхене. К сожалению, белорусские иерархи после эвакуации в Германию поддержали власовское движение.

Самым важным деянием собора 1944 г. было объявление постановления собора 1942 г. недействительным на том основании,

что на нем отсутствовали два старших белорусских епископа, которые не были допущены на него оккупационными властями³³. На соборе 1944 г. был заслушан и принят с поправками внутренний статут Белорусской православной церкви, разработанный собором 1942 г.³⁴

Если оккупационная политика фашистов негативно сказывалась на отношениях внутри руководства Православной церкви в Белоруссии и мешала устроению правильной церковной организации, то религиозному подъёму населения захватчики не могли помешать. Он проявлялся в массовом открытии приходов, крещении детей и взрослых. Из всех храмов Минска на Крещение 1944 г. собралось до 80–100 тыс. молящихся. В некоторых местах крестьяне вырывали тела умерших и заново их хоронили по-православному. Оккупационные власти запретили эту практику³⁵.

Интерес белорусского и русского населения к Православной церкви был велик. Открытие закрытых церквей являлось видимым указанием на это. Православные высказывали пожелание, чтобы немецкие власти позаботились о более равномерном распределении духовенства по городам и районам (для этого были нужны пропуска, выдаваемые оккупационными властями). В некоторых городах оказалось достаточное количество духовенства, в других городах и особенно в деревнях духовенства не было совсем. Это положение указывало на отсутствие церковной организации.

В связи с нехваткой кадров в годы оккупации стали открываться курсы для подготовки кандидатов на священно-церковно-служительские должности, где обучение велось ускоренным образом, и сколько-нибудь обучившихся студентов тотчас же посвящали и отправляли на приходы. 15 апреля 1944 г. открылись вторые богословско-пастырские и псаломщицко-певческие курсы. В апреле 1944 г. было выпущено двадцать два кандидата на священников. А всего с 1941 по 1944 г. в сан священника были посвящены 213 человек. Однако за годы войны полностью решить кадровую проблему не удалось³⁶.

Школа в Белоруссии, как и на остальных оккупированных территориях, была отделена от Церкви. Генеральный комиссар Белоруссии Вильгельм Кубэ писал по этому поводу: “С нашей стороны не препятствуется стремление к тому, чтобы желающие частным порядком давать своим детям религиозное воспитание могли это делать, ибо национал-социализм отвергает всякое атеистическое стремление и предоставляет каждому избирать себе религию по своему усмотрению”³⁷.

Тайная полиция хотела использовать Церковь для получения информации о настроениях населения и даже для оказания на не-

го влияния через церковь. В различных донесениях с мест более здравые люди, даже из среды политической полиции, все же иногда старались довести до сведения верхов о громадных политических возможностях, которые могли открыться для Германии при ином отношении к населению оккупированных областей и русскому вопросу вообще. СД проверяла благонадежность духовенства и информировала военные власти о нежелательности допущения церковных объединений выше строго местного уровня. Более того, секретная полиция считала важным распуск уже имеющихся объединений выше этого уровня. Вот до какой степени оккупационные власти боялись организующейся Православной церкви. Оккупанты отмечали, что православное духовенство, особенно пожилого возраста, относилось с симпатией к оккупационным властям и выражало это в проповедях, и считали, что оно может содействовать внутреннему умиротворению “русского пространства”³⁸.

На оккупированных территориях Белоруссии население продолжало открыто проявлять религиозность, фашистские власти безуспешно пытались направить её в сепаратистское русло. Оккупационные власти, с одной стороны, не препятствовали стихийному народному религиозному подъёму, а с другой – предпринимали шаги, негативно воспринимавшиеся церковными массами. Согласно указу второго отдела Генерального комиссариата Белоруссии от 18 апреля 1942 г. начался сбор цветных металлов у православных церквей. Ограничили оккупационные власти и время проведения богослужений. В будние дни богослужения запрещались, а в воскресные дни богослужения должны были заканчиваться не позднее 8 часов утра. Затем это распоряжение было смягчено. Были разрешены церковные службы в будни, однако их продолжительность была ограничена двумя часами. Все попытки добиться еще большего смягчения режима проведения богослужений оккупационными властями отвергались всякий раз со ссылкой на военное время. Кроме того, по распоряжению немецких властей празднование православных праздников, выпадавших на будние дни, было перенесено на воскресенье³⁹.

Священнослужители и верующие активно участвовали в антифашистской борьбе на оккупированных фашистами территориях СССР. Партизаны через своих связных распространяли в церквях листовки: воззвания патриарха Сергия с призывом о молитвах за победу советского воинства, сообщения о проводившейся Московской патриархией патриотической работе и другие материалы⁴⁰.

Настоятель Одрижинской церкви Ивановского района Брестской области Василий Данилович Копычко оказывал посильную

помощь отступающим окруженцам и раненым воинам Красной Армии, призывая к тому же своих знакомых и верующих.

Летом 1942 г. партизанскими подпольными группами почти всему духовенству на оккупированных территориях было передано послание патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия "К верным чадам Русской Православной Церкви". Получил его и о. Василий. Партизанами было точно установлено, что это послание распространяется о. Василием в переписанном виде среди верующих. Через некоторое время его дом стал местом встреч подпольщиков с партизанами и их связными, а в экстремальных условиях надежным укрытием с добрым советом и помощью.

С начала войны до ее победного завершения о. Василий не ослабевал в духовном укреплении своих пасомых, совершая богослужения ночью, без освещения, чтобы не быть замеченным. Почти все жители окрестных деревень приходили на службу. Отважный пастырь рассказывал верующим о положении на фронтах, призывал, противостоять захватчикам, размножал и передавал сводки Совинформбюро, партизанские листовки к солдатам Русской освободительной армии и полиции. Отец Василий собирал продукты для раненых партизан, присыпал им оружие.

В конце 1943 г. гестапо стало известно о его активной связи с партизанами. Карательный отряд особого назначения получил приказ о публичной казни на месте о. Василия и его семьи. Благодаря подпольщикам об этом узнали в штабе партизанской Пинской бригады. В ту же ночь о. Василий был перевезен в партизанскую зону, а на рассвете к его дому прибыли каратели и подожгли храм и церковно-приходской дом.

Вот как описывает деятельность о. Василия и свою первую встречу с ним комбриг Пинской партизанской бригады И. Шубитыдзе: «Мы шутя называли его своим агитатором и однажды пригласили в партизанский лагерь. Он охотно приехал в сопровождении партизан. Копычко долго присматривался к нашей жизни, к нашим порядкам, обошел с десяток землянок и за ужином, который подготовили специально для него в штабе, разговорился: "Вот и верь этим немцам! Обманщики, безбожники, бандиты! Вижу, что вы все православные, дай вам Бог здоровья! Я так и говорил своим прихожанам..." Было видно, что Копычко полюбил нас, радовался, что не ошибся в своих предположениях, обещал молиться о нас и помогать чем может. Отправили мы его из лагеря торжественно, на тачанке, с охраной. С этого времени Копычко стал нашим связным. Он сдержал свое слово, помогал не только молитвами, но и материально: собирал продукты для раненых, присыпал временами и оружие»⁴¹.

За заслуги перед Родиной протоиерей Василий Копычко был награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями “Партизану Великой Отечественной войны” I степени, “За доблестный труд в Великой Отечественной войне”, “За победу над Германией” и другими⁴².

В Пинском партизанском соединении служил протоиерей Александр Федорович Романушко, настоятель Мало-Плотницкой церкви Пинского района Брестской области. В оставленных некоторыми священниками храмах и местностях, где церкви были сожжены о. Александр совершил отпевания расстрелянных, заживо сожженных, а также павших на поле боя партизан. И неизменно во время богослужения или при исполнении треб призывал верующих помочь партизанам и защищать родную землю от фашистов.

Когда летом 1943 г. к командиру партизанского соединения, генерал-майору В.З. Коржу обратились родственники убитого полицая с просьбой “командировать” на похороны партизанского священника, он предоставил право самому о. Александру принять или отклонить приглашение. Отец Александр согласился. Взял облачение, кадило и в сопровождении двух автоматчиков выехал в деревню. Но на кладбище вместо “вечной памяти” произнес “анафему”. Всех присутствующих на похоронах, в том числе и полицаев, он призвал к защите Родины. В зону базирования группы о. Александра возвратилась с похорон, увеличенная во много раз. Среди нового партизанского пополнения были полицаи, но теперь уже бывшие. Всем участникам этих “похорон” Герой Советского Союза генерал-майор В.З. Корж объявил благодарность. Через некоторое время, перед строем партизан, о. Александр Романушко был награжден медалью “Партизану Отечественной войны” I степени⁴³.

Из письма о. Александра, посланного осенью 1944 г. митрополиту Алексию (Симанскому), известно, что число священников в Полесской епархии уменьшилось на 55% в связи с расстрелами их фашистами за содействие партизанам⁴⁴.

Дом настоятеля церкви села Сварцевичи, ныне Дубровицкого района Ровенской области, протоиерея Ивана Ивановича Рожновича, которому к началу войны было около 70 лет, стал местом встреч подпольщиков с партизанскими разведчиками. Отец Иоанн стал добрым и ценным помощником партизан, выполнял сложные задания и поручения, был принят в члены антифашистского комитета.

С личным участием о. Иоанна предпринимались рискованные шаги “челночной дипломатии” между бургомистром г. Высоцка Тхоржевским, комендантом полиции полковником Фоминым и

партизанским командованием. И эта смертельно опасная игра принесла свои плоды: были освобождены пятнадцать партизанских заложников села Велюни, на сторону партизан перешли вооруженный отряд казаков из войск РОА г. Высоцка и части полицейского гарнизона во главе с полковником Фоминым.

В январе 1943 г., в период наступления одной из карательных экспедиций, когда весь партизанский край был уже объят пламенем, возникла реальная угроза полного уничтожения и села Сварцевичи. В партизанском штабе обсуждались разные варианты предстоящего боя. Но все же решено было пойти на военную хитрость: послать на встречу с карателями церковную делегацию с “жалобой” на партизан и просьбой о “защите”, благо о. Иоанн в этом деле опыт имел. Цель делегации –убедить фашистов, что в Сварцевичах собраны крупные силы партизан, вооруженных автоматами, пулеметами и орудиями, а дороги вокруг заминированы.

Во время разговора с эсэсовским полковником о. Иоанн так сумел убедить его в силе партизан, что офицер приказал своему отряду отступать⁴⁵.

Передвойной священник Федор Иванович Дмитрюк (впоследствии архиепископ Горьковский и Арзамасский Флавиан) служил в Александро-Невском соборе г. Пружаны Брестской области. В период оккупации о. Федор и вся его семья участвовали в работе патриотического подполья г. Пружаны и имели прямую связь с белорусскими партизанами, действующими в данной местности. После разгрома фашистами пружанского подполья большая часть его участников погибла в застенках гестапо. Отец Федор спасся чудом, но его жена, старшая дочь, зять и другие ближайшие родственники были расстреляны, а младшая дочь тяжело ранена⁴⁶.

Настоятель Кошевичской церкви Копаткевичского района Белоруссии священник Григорий Чаус вместе с верующими проводил большую работу по сбору денег и ценностей на строительство танков и самолетов для Красной Армии. Эти деньги передавались через партизан в Москву. Для партизанского госпиталя о. Григорий каждое воскресенье собирал продукты питания и полотно для перевязок⁴⁷.

Настоятель церкви в Старом Селе, ныне Ракитовского района Ровенской области, Николай Иванович Пыжевич вместе с семьей с первых дней войны помогал партизанам, в домах верных ему людей распределял тяжелораненых, которых впоследствии лечили всем миром. Занимался он и распространением листовок среди населения. В сентябре 1943 г. отряд карателей заживо сжег в собственном доме о. Николая и его семью. Через некоторое

время за помощь партизанам было полностью уничтожено и Старое Село, а 500 его жителей заживо сгорели в церкви⁴⁸.

Население партизанских краев открывало свои церкви, в которых проводилась патриотическая работа по оказанию всевозможной помощи партизанам⁴⁹. В некоторых районах, оккупированных немцами, партизаны первыми устанавливали связь со священнослужителями и давали им установку на выполнение определенных задач. В Пинской зоне партизаны, работая над разложением казачьего гарнизона, размещавшегося в деревне Дятловичи, дали задание священнику при исповеди опросить казаков по ряду вопросов.

Партизанами той же зоны было поручено священникам провести молебен в населенном пункте, где размещались немецкие гарнизоны, и рассказать правду о народных мстителях. После этого верующие улучшили свое отношение к партизанам.

Один крестьянин из деревни Дятловичи подал в жандармерию список актива села комсомольцев и лиц, замешанных в связи с партизанами. Им угрожала неминуемая гибель. Партизаны тогда приказали местному священнику всеми мерами спасти этих лиц и уничтожить предателя. Священник поехал к немцам и собственной подписью поручился, что пособники партизан не эти люди, а сам податель списка. Предателя немцы расстреляли вместе со всей семьей, его имущество было сожжено⁵⁰.

Протоиерей Косьма Петрович Раина был благочинным Пинского западного округа, настоятелем церкви в деревне Хойно Брестской области. Во время оккупации богослужение в храме совершалось отцом Косьмой, как и в мирное время. И каждый раз он молился “О Великом Господине нашем патриаршем местоблюстителем блаженнейшем Сергию, митрополите Московском и Коломенском...”, “О стране нашей, властех и воинстве ея...”, – а это было далеко не безопасно. В начале 1942 г. о. Косьму пригласил к себе районный бургомистр и настойчиво потребовал, чтобы за богослужением в церкви прекращена была молитва о здравии за московское церковное чиновничество, а молитва “О стране нашей, властех и воинстве ея Господу помолимся” изменена была словами: “О освобожденной стране Российской и победоносном германском воинстве Господу помолимся”, как и указывалось в циркуляре Пинской духовной консистории.

Подобные вызовы и указания были периодическими, но отец Косьма, используя свой авторитет в народе, личные взаимоотношения с родственниками местной оккупационной администрации и полиции, решал как-то все по-своему, мирно, спокойно. Если видел подозрительных людей за богослужением, произносил молитвы побыстрее, пока пел хор, а когда его вызы-

вали в кабинеты “сильных мира сего”, говорил, что не отрицает сообщения о нарушении циркуляра, может, автоматически и произнес канонический текст. Некоторые считали о. Косьму фанатиком, с которым спорить бесполезно, но большинство народа его любило и защищало.

Когда в 1943 г. местность, где проходило пастырское служение К.П. Раины, стала зоной партизанского влияния, он призывал население помогать народным мстителям. В пасхальную ночь 1943 г. впервые при огромном стечении народа в присутствии партизан было прочитано обращение митрополита Киевского и Галицкого Николая к населению временно оккупированных местностей. Перед освящением куличей о. Косьма объявил сбор пасхальных подарков для раненых, детей и партизан.

Партизаны снабжали о. Косьму свежими газетами, листовками, изданными Московской патриархией. Часть этих листовок о. Косьма лично передавал архиепископу Пинскому и Полесскому Александру (Иноземцеву), отколовшемуся от Московской патриархии, а другую часть – епископу Брестскому и Полесскому Иоанну (Лавриненко), пребывавшему в юрисдикции Московской патриархии.

В характеристице, выданной ему 15 ноября 1944 г. командиром партизанского отряда им. Кирова Неделиным, говорилось, что “священник Раина Кузьма Петрович... оказывал всенародную помощь партизанам, действовавшим в тылу врага..., доставляя в партизанские отряды разведданные, призывал население об оказании содействия народным мстителям..., проявил себя как подлинный патриот нашей Великой Родины”. За свою патриотическую деятельность он был награжден медалями “Партизану Отечественной войны” I степени и “За победу над Германией”⁵¹.

Немцы применяли репрессии в отношении священнослужителей-патриотов. Одного из них немцы заставляли читать проповеди, прославляющие оккупантов. Но вместо этого он рассказывал народу о Дмитрии Донском, Александре Невском, Сергеи Радонежском, о том, как они отстояли Русь. За это священник был расстрелян⁵².

Свое пастырское служение благочинный протоиерей Вячеслав Новроцкий исполнял в райцентре Морочно Ровенской области. В период немецкой оккупации он не оставлял канонического общения с Московской патриархией, помогал партизанскому движению. Когда в начале 1943 г. был разгромлен немецко-фашистский гарнизон и освобожден г. Морочно, о. Вячеслав встретил партизан пасхальным перезвоном. В честь освобождения состоялся торжественный митинг, и на трибуне, рядом с генералами и командирами партизанских отрядов, стояли благочинный о. Вя-

чеслав и партизанский связной, настоятель Муравинской церкви Михаил Гребенко. В предоставленном ему слове о. Вячеслав от имени духовенства Русской Православной Церкви обратился со словами благодарности к партизанам, заверив, что “мы, верующие люди, будем всегда помогать и молиться за павших ваших товарищей и за вас”⁵³.

Священник села Гута-Степанская Ровенской области о. Мариян возглавил отряд самообороны, согласовав все организационные вопросы с партизанским командованием из соединения В.А Бегмы. Для этого он встретился с ксендзом католиков о. Штефаном и убедил его объединить усилия для борьбы с оккупантами. Священнослужители нашли общий язык и создали общий отряд из тридцати человек, который до полного освобождения успешно защищал свои семьи и дома от националистов, полицаев и прочих банд⁵⁴.

Священник Жуковской церкви Невельского района И.Я. Щемелев призывал молодежь в партизанские отряды: “Если Вас будут брать немцы на работы или армию, то уходите к партизанам, а к немцам не ходите”⁵⁵.

Протоиерей Николай Петрович Гордеев, будучи клириком Пинской епархии, “активно помогал партизанам в борьбе с оккупантами”⁵⁶. Протоиерей Владимир Михайлович Томашевич “...в годы Великой Отечественной войны вдохновлял паству на труд и подвиг во имя скорой нашей Победы над ненавистными захватчиками, собирая ценные сведения о вражеских войсках и передавал их в штаб партизанского отряда”⁵⁷.

Настоятель церкви во имя Покрова Богоматери в селе Хоростово Старобинского района Минской области священник Иоанн Семенович Лойко принародно благословил трех своих сыновей служить в рядах партизан. В феврале 1943 г. Хоростово было окружено карательными отрядами фашистов. Штабом партизанского командования было принято решение без боя оставить этот край и с большей частью населения выйти из окружения, но отец Иоанн остался с теми, кто не имел возможности отступать, чтобы помочь больным, калекам, беспомощным старикам. Он был сожжен фашистами 15 февраля вместе с 300 прихожанами в храме, где совершал Божественную литургию. Из объятой пламенем церкви каратели слышали всенародное пение молитв.

Прихожанин этой же церкви Иван Цуб на требование фашистского офицера показать, куда ушли партизаны, завел воинскую часть карателей в трясину непроходимого болота. Из них спасся только один переводчик, полуживым попавший в руки народных мстителей. Он и поведал о подвиге Ивана Цубы. Тело героя было погребено по православному чину с воинскими почестями, рядом с церковью, прихожанином которой он был всю жизнь⁵⁸.

За связи с партизанским движением десятки священнослужителей были расстреляны или сожжены фашистами, среди них священники Николай Иванович Пыжевич, Александр Новик, Павел Щерба, Павел Сосновский, Назоревский и многие другие⁵⁹.

5 июня 1943 г. немцы сожгли населенный пункт Хомск вместе с церковью, священником Иосифом Серафимович с семьей и 250 человек мирного населения⁶⁰.

Осенью 1943 г. в партизанский отряд имени С.Г. Лазо, базировавшийся около г. Пинска, из Москвы самолетом прибыла группа особого назначения. Заданием этой группы было: встреча с митрополитом Украинской автокефальной церкви Александром (Иноземцевым), передача ему личного письма патриарха Московского и всея Руси Сергия и переговоры о его вылете спецсамолетом в Москву для встречи с патриархом. Для этой цели командованием было решено на встречу с митрополитом послать двух опытных подпольщиков – Николая Игнатьевича Чалея и Станислава Анатольевича Жарина. Вот как рассказывал об этом сам Чалей: "...Иноземцев... высказал свое опасение о возможной провокации и последствиях, которые могут возникнуть в судьбах церкви, ближайших сослуживцев и его тяжело больной матери, поэтому в окончательном своем решении он пока воздерживается... После этого разговора митрополит предложил нам хороший ужин и, поскольку наступил уже комендантский час, оставил нас и на ночлег"⁶¹.

По свидетельству генерал-майора В.З. Коржа, командира партизанского соединения, у него была установлена связь с митрополитом Александром, которому через подпольщиков вручались различные указания, советы, как вести работу против оккупантов⁶². Владыка по этим вопросам проводил совещания с духовенством Пинской епархии⁶³.

Протоиерей Косьма Петрович Раина неоднократно, по заданию партизанского командования, также встречался с митрополитом Александром, передавал ему в листовках обращения, воззвания, речи патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия и экзарха Украины митрополита Николая. Кроме того, когда у партизан появилась острая потребность в дефицитных медикаментах, то о. Косьма лично обращался к митрополиту Александру, и всегда его просьбы удовлетворялись⁶⁴.

Иерархи автокефальной церкви архиепископ Филофей, архиепископ Венедикт, митрополит Пантелеимон неоднократно выступали против партизанского и подпольного движения как в своих устных речах, так и посланиях к духовенству. В то же самое время они поддерживали с партизанами связь. Так, владыка Филофей через партизан передавал патриаршему местоблюстителю

митрополиту Сергию: “Приветствую душевно митрополита. Восхищаюсь занятой им позицией. Я сообщаю, что все решения за моей подписью исходили не от меня, я хотел бы знать мнение обо мне митрополита, я заявляю, что готов сотрудничать вместе с ним”⁶⁵. И такая противоречивая позиция была характерна для руководства Белорусской церкви, вынужденного сосуществовать с оккупантами.

Небольшая по численности часть православного клира боролась с партизанским движением. Они собирали агентурные данные о партизанском движении как через беседы с прихожанами, так и через нарушения тайн исповеди. Первоначально местные магистраты в Столино, Давид-Городке, Белоуке возглавляли местные священники. В Плотнице священник Рогозинский провел собрание крестьян, на котором призывал их оказывать помощь фашистам в поиске коммунистов и советских активистов. Священник деревни Лобок Невельского района в проповедях восхвалял немецких захватчиков. Население к таким священникам относилось отрицательно⁶⁶.

Партизаны стремились контролировать все стороны церковной жизни на подведомственных им территориях, в том числе и содержание проповедей⁶⁷. Священнослужителям, которые сотрудничали с оккупационным режимом, партизаны выносили смертные приговоры.

После вступления Красной Армии в Белоруссию белорусские епископы, взяв с собой некоторые церковные ценности и мощи св. мученика младенца Гавриила⁶⁸, переехали в Гродно, а оттуда 7 июля 1944 г. были эвакуированы немцами в Германию. Среди них находился и глава Белорусской церкви митрополит Пантелеимон (Рожновский), в эмиграции он и его собратья вошли в юрисдикцию Карловацкого синода. Большинство же священнослужителей не захотели, а некоторые и не смогли покинуть Родину. Участь их оказалась нелегкой: многие были арестованы и осуждены на длительные сроки тюремного заключения по обвинению в коллаборационизме, который чаще всего выражался в том, что священники открывали приходы и возобновляли богослужение в храмах по разрешению немецких властей.

Для нормального устроения церковной жизни в освобожденной Белоруссии Московская патриархия назначала новых епископов на вакантные кафедры. Так, в 1944 г. архиепископ Калининский и Смоленский Василий (Ратмиров) был перемещен на Минскую кафедру, на Брестскую был назначен новорукоположенный епископ Паисий (Образцов)⁶⁹. В феврале 1945 г., в епископа Пинского был рукоположен архимандрит Онисифор (Пономарев)⁷⁰.

Активная помощь фронту со стороны Православной церкви в Белоруссии началась со времени освобождения республики от немецких войск и продолжалась до конца Великой Отечественной войны. К концу войны Православной церковью в Белоруссии было собрано в различные фонды около 6 млн рублей. Кроме денежных взносов православное духовенство подписалось на 4-й Государственный военный заем и внесло в банк 65 845 рублей. Оказывало православное духовенство и моральную помощь фронту, духовно опекая тех, кто остался в тылу, помогая мирному населению дожить до Великой победы над фашизмом⁷¹.

В период оккупации количество православных храмов в Белоруссии увеличилось с 542 до 1044 единиц, причем к 1945 г. были зарегистрированы лишь 672 церкви. К июню 1945 г. по всей Белоруссии было 556 священников, 97 дьяконов, 378 псаломщиков. Около 480 мест оставались вакантными. Действовали к 1945 г. лишь три монастыря, причем два из них находились в Западной Белоруссии. Общее количество монахов и монахинь в православных монастырях в 1945 г. составляло 156 человек⁷².

Воссозданный епископат и духовенство Белорусской церкви на 90% состояли из белорусов. Тем не менее немцы признали провал проводимой ими политики сепаратизма в церковной области. В своих сводках они отмечали, что несмотря на их стремление отделить Белоруссию от России как в церковном, так и в политическом отношении, Белорусская православная церковь стала центром великорусского по настроениям духовенства, священников-сепаратистов не существует, а митрополит Пантелеимон и его окружение не хотят проводить белорусизацию Церкви. Архиепископ же Венедикт характеризовался как “ревностнейший великорусский организатор”, через которого шла связь с русскими центрами в Польше⁷³.

Д.В. Поспеловский в своем исследовании “Русская Православная Церковь в XX веке” также пишет, что белорусские епископы упорно сопротивлялись белорусификации Церкви: автокефалия никогда не упоминалась ни в церковных документах, ни в официальной церковной печати⁷⁴. С.В. Силова, напротив, утверждает, что идея создания самостоятельной национальной Православной церкви не только существовала, но и активно разрабатывалась как со стороны генерального комиссариата Белоруссии, так и приверженцами автокефалии среди высшего духовенства⁷⁵. Попытка реализовать на практике религиозно-национальную идею в рамках создания автокефальной православной церкви как объединяющую силу потерпела поражение, прежде всего, из-за неприятия основной частью православного клира условий объявления автокефалии в период нацистской оккупации под наложением

оккупационных властей. Немаловажную роль в этом процессе сыграли выборы Московского патриарха и изменение политики Советского государства по отношению к Православной церкви.

Лишь небольшая часть белорусского духовенства полностью восприняла идею автокефалии, другая заняла выжидательную позицию. Но подавляющее большинство клира не пошло на признание идеи автокефалии и ориентировалась на Московскую патриархию. Именно эта третья часть духовенства поддерживала партизанское и подпольное движение.

Анализируя положение Православной церкви в Белоруссии периода Великой Отечественной войны убеждаешься в том, что исторические корни, единая вера белорусов и русских стали препятствием фашистской политики “разделяй и властвуй”. Несмотря на все усилия нацистов и белорусских националистов, провести раскол братских народов и церквей не удалось. Общая культура, созданная на основе христианских ценностей, оказалась сильнее сиюминутных политических интересов, и с этим были вынуждены считаться как иерархи Церкви, так и рядовое духовенство.

- 1 Государственный архив Российской Федерации. (Далее: ГАРФ.) Ф. 6991. Оп. 2. Д. 36. Л. 2–3.
- 2 Постоловский Д.В. Русская Православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 183.
- 3 Fletcher W.A. Study in Survival. N.Y., 1965. Р. 98.
- 4 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 36. Л. 4–6. По официальной версии Московской патриархии, митрополит Николай именно в связи с фашистской агрессией был вынужден покинуть свою резиденцию в Луцке. Переезжая с места на место в прифронтовой полосе, он совершал богослужения и произносил патриотические проповеди. См.: Правда о религии в России. М., 1942. С. 112–113.
- 5 Афанасий (Мартос), архиепископ. Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни. Минск, 1990. С. 271.
- 6 Соловьева С.В. Православная церковь в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук С. 10, 16.
- 7 Российский Государственный архив социально-политической истории. (Далее: РГАСПИ.) Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 570.
- 8 Соловьева С.В. Указ. соч. С. 8.
- 9 Регельсон Л. Трагедия Русской церкви. 1917–1945. Париж, 1977. С. 51–512.
- 10 Алексеев В.И., Ставров Ф. Русская Православная церковь на оккупированной немцами территории // Русское возрождение. 1981. № 16. С. 93.
- 11 Соловьева С.В. Указ. соч. С. 9.
- 12 Fireside H. Icon and Swastika. Cambridge, 1971. Р. 83–87, 120; Dallin A. German Rule in Russia 1941–1945. N.Y., 1957. Р. 476–482.
- 13 РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 570.
- 14 Свитич А. Православная церковь в Польше и ее автокефалия // Православная церковь на Украине и в Польше в XX столетии. М., 1997. С. 268–269.
- 15 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 36. Л. 15–16.
- 16 Alexeev W., Stavrou T. The Great Revival. Minneapolis, 1976. Р. 107–120.
- 17 См.: Афанасий (Мартос), архиепископ. Указ. соч.
- 18 Документы обличают: Реакционная роль религии и церкви на территории Белоруссии. Минск, 1964. С. 81.

- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 36. Л. 15–16.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Скурат К.Е. История поместных православных церквей. М., 1994. Т. 2. С. 180.
- ²² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 36. Л. 15–16.
- ²³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–6.
- ²⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 36. Л. 15–16.
- ²⁵ Силова С.В. Указ. соч. С. 11–12.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–6.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 536–543.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–6.
- ³⁰ Новый путь. 194. № 3(39); Утро. 1944. 19 марта; Белорусская газета. 1942. 13 авг.
- ³¹ Протоиерей Владислав Цыпин. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 288.
- ³² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 36. Л. 15–16.
- ³³ Dallin A. Op. cit. P. 458.
- ³⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2. Л. 26–34.
- ³⁵ Алексеев В.И., Ставру Ф. Указ. соч. С. 86–87.
- ³⁶ Силова С.В. Указ. соч. С. 9.
- ³⁷ РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 570.
- ³⁸ Алексеев В.И., Ставру Ф. Указ. соч. С. 94–95, 97.
- ³⁹ Силова С.В. Указ. соч. С. 11.
- ⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 533.
- ⁴¹ Журнал Московской Патриархии. (Далее: ЖМП.) 1985. № 5. С. 45–47; Шубитыдзе И.Г. Полесские были. Минск, 1969.
- ⁴² Раина П.К. За Веру и Отечество: очерки. Л., 1990. С. 46–47; ЖМП. 1985. № 5. С. 45–47; Шубитыдзе И.Г. Указ. соч.
- ⁴³ Граховский С. Сеятель добра и гнева. М., 1975. С. 94–96; Раина П.К. Указ. соч. С. 42–43.
- ⁴⁴ ЖМП. 1944. № 9. С. 31.
- ⁴⁵ Корчев М. Битва в лесах. Киев, 1973. С. 183–209; Он же. Годы огневые. Киев, 1979. С. 156, 173, 175, 181–183, 207, 208; Раина П.К. Указ. соч. С. 48–50.
- ⁴⁶ ЖМП. 1977. № 8. С. 10.
- ⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 545.
- ⁴⁸ Корчев М. Битва в лесах. С. 123.
- ⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 556.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1075. Л. 1.
- ⁵¹ Цит. по: Раина П.К. Указ. соч. С. 21–33.
- ⁵² РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 555.
- ⁵³ Раина П.К. Указ. соч. С. 32–33; 56–57.
- ⁵⁴ Корчев М. Годы огневые. С. 252–306.
- ⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 556.
- ⁵⁶ ЖМП. 1981. № 6. С. 33.
- ⁵⁷ Там же. 1986. № 5. С. 26.
- ⁵⁸ Раина П.К. Указ. соч. С. 35–38.
- ⁵⁹ Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии в 1944 году. Минск, 1965. С. 314–348.
- ⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 548–549.
- ⁶¹ Шубитыдзе И.Г. Указ. соч. С. 275–276.
- ⁶² Граховский С. Указ. соч. С. 96.
- ⁶³ РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 583.

- ⁶⁴ Раина П.К. Указ. соч. С. 20.
- ⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 547.
- ⁶⁶ Там же. Л. 556, 576–577.
- ⁶⁷ Там же. Л. 545.
- ⁶⁸ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 36. Л. 15–61.
- ⁶⁹ ЖМП. 1944. № 10. С. 7.
- ⁷⁰ Там же. 1945. № 3. С. 5.
- ⁷¹ Силова С.В. Указ. соч. С. 13–16.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Алексеев В.И., Ставру Ф. Указ. соч. С. 91–95.
- ⁷⁴ Поспеловский Д.В. Указ. соч. С. 211.
- ⁷⁵ Силова С.В. Указ. соч. С. 15.

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

Л.П. Лаптева

ПИСЬМА Я.Ф. ГОЛОВАЦКОГО (1814–1888) ЧЕШСКОМУ УЧЕНОМУ А. ПАТЕРЕ

Связи уроженца Галицкой Руси Якова Федоровича Головацкого с общественными деятелями и учеными Чехии продолжались с 30-х до 80-х годов XIX в. В 1841 г. “Часопис Ческого Музея” опубликовал работу Головацкого “Путешествие по Галицкой и Угорской Руси”¹, а Чешское Общество Наук – очерк “О Галицкой и Угорской Руси”². В Чехии же напечатана на собственном Головацкому несколько странном русском языке его книга “О рукописном молитвеннике старочешском, хранящемся в Университетской библиотеке во Львове” (Прага, 1861). В России О.М. Бодянский опубликовал в “Чтениях Общества Истории и Древностей Российских” и отдельной книгой работу Головацкого “Народные песни Галицкой и Угорской Руси”; еще при жизни ученого в библиотеке Чешского Музея имелись издания его сочинений, а очерк жизни и творчества был помещен в “Научном Словаре” Ф.Л. Ригера. Обо всем этом сообщает А.Патере сам Головацкий³. В конце 70-х годов XIX в. журнал “Светозор” поместил на своих страницах краткое жизнеописание ученого (правда, не без недостатков)⁴. Значительная часть корреспонденции Головацкого с чешскими учеными и деятелями культурного движения опубликована. Так, в 1905 и 1909 гг. была обнародована его переписка с В. Ганкой, П.Й. Шафариком, К.Ф. Запом и др.⁵, а в 1905 и 1927 гг. В.А. Францев опубликовал переписку Головацкого с В. Ганкой и П.Й. Шафариком⁶. Издана также переписка Головацкого с К.Я. Эрбеном⁷, исследованы связи братьев Я.Ф. и И.Ф. Головацких с Й. Подлипским и Ф.Ц. Кампеликом⁸.

Однако в чешских архивах имеются еще неизвестные научной общественности документы, дополняющие картину славянских связей Головацкого. В числе таких документов письма Головац-

кого к А. Патере, хранящиеся в Праге. Адольф Патера (1836–1912), языковед и историк литературы, заведовал библиотекой Чешского Музея в Праге, занимался, главным образом, древнечешской литературой, сделал многочисленные открытия в этой области и издал ряд важнейших рукописей, обогатил историю литературы также изданием корреспонденции Б. Бальбина, Я.А. Коменского, Й. Добровского и др. Русские ученые считали его одним из лучших знатоков чешской письменности, и вообще его имя было среди русских филологов и историков очень популярным. Патера помогал русским славистам в разыскании источников и литературы, снабжал их книгами, помогал читать рукописи. Необыкновенное радушие Патеры, готовность оказать услугу, предупредительность создавали условия для того, чтобы русские ученые обращались к нему за помощью и при организации своих изданий. В России Патера был избран членом Московского Археологического общества, почетным доктором Киевского университета, членом-корреспондентом Академии наук по Отделению русского языка и словесности. В Литературном Архиве Памятника Национальной Письменности в Праге находятся и 29 писем Головацкого к Патере за период с 1869 по 1884 гг.⁹ Ответные письма Патеры к Головацкому нам использовать не удалось, за исключением одного черновика ответа Патеры, хранящегося в его архиве. Впрочем, вероятно, самих таких ответов было значительно меньше, чем писем Головацкого, что видно из нередких указаний последнего на отсутствие известий от чешского ученого.

Из переписки ясно, что Головацкий и Патера познакомились во время поездки в Россию на Этнографическую выставку 1867 г. “Мне приятно ... вспомнить нашу дружную поездку в С.-Петербург и Москву”, – замечает Головацкий в своем первом письме¹⁰. Хорошо известно, что для Головацкого эта поездка имела печальные последствия: он был лишен профессуры во Львовском университете, ему пришлось покинуть Галицию. После долгих хлопот Головацкий получил место председателя Виленской Археографической Комиссии и чин статского советника, впоследствии стал “его превосходительством и действительным статским советником”¹¹. В 1872 г. Головацкий сообщил Патере, что занял должность “главнозаведующего Виленской публичной библиотекой”¹².

Таким образом, перейдя на службу в Россию, Головацкий приобрел высокое общественное положение, которое, естественно, хорошо обеспечивалось и материально.

Научная его работа продолжалась в основном в прежнем русле. Он активно участвовал в научных мероприятиях, нередко бы-

вал в числе их организаторов. Так, 11 августа 1873 г. он писал, что “ездил по командировке Виленского учебного округа в Киев на предварительное совещание Комитета по устройству Третьего археологического съезда”. Участвовал он и в Пятом археологическом съезде в Тифлисе (1881). “Я не побоялся, несмотря на мой 70-летний век, поехать в Одессу, а оттуда, переплыть в длину Черное море, перевалить через Малый Кавказ, побывать в Тифлисе и через исполинский Казбек и Дарьяльское ущелье проехать обратно на лошадях”, – писал Головацкий Патере¹³. Был престарелый ученый и на Шестом археологическом съезде в Одессе в 1884 г., куда приглашал и Патеру¹⁴. “Довольно сидеть в своей скорлупе, пора выйти на свежий воздух и расширить славянский кругозор”, – писал он.

С переездом в Россию просветительская деятельность Головацкого среди народа Галиции, разумеется, не могла не сократиться, но она не угасла окончательно. Нельзя согласиться с утверждением, будто после отъезда Головацкого из Львова он был “утрачен” для национального движения в Галиции¹⁵. Он не только продолжал разработку культурной истории своего родного народа¹⁶, но и интересовался политическими событиями, связанными с его родиной. Так, в 1882 г., в период известного политического процесса во Львове против галичан, обвинявшихся в агентурной деятельности в пользу России¹⁷, Головацкий хлопочет о том, чтобы опубликовать биографию А.И. Добрянского (1817–1901), политического деятеля Закарпатской Руси и депутата венгерского сейма, имевшего тесные контакты со славянским народным движением. “Препровождаю Вам фотографии А.И. Добрянского вместе с жизнеописанием его и прошу Вас сообщить о том господину редактору Светозора, не напечатает ли он биографию Адольфа Ивановича (Добрянского) вместе с портретом в своем журнале. Если он согласится на это, то я буду просить Вас позаботиться о переводе статьи на чешский язык. Впрочем, может быть, вы найдете уместным напечатать перевод биографии в газете Politik и в другой немецкой газете, то сделайте милость, сообщите перевод статьи кому угодно по Вашему выражению ...”, – пишет Головацкий Патере и далее просит выслать в Вильну 500 экз. оттисков портрета и биографии Добрянского, замечая: “Я надеюсь, что сограждане Добрянского, Словаки и другие Славяне с охотой раскупили бы биографию столь знаменитого деятеля и борца за славянское дело”. Заказывал Головацкий также оттиски портрета Добрянского с его биографией на русском языке¹⁸. Спустя некоторое время, он, получив, видимо, положительный ответ, сообщает: “22 марта с.г. я послал Вам фотографические карточки А.И. Добрянского, Наумовича и Пло-

щанского и притом биографию первого с просьбою помещения ее в Светозоре и особом отпечатании, в предположении, что напечатание живой статьи будет не только интересно для публики, но даже полезно для пострадавших”¹⁹. О публикации указанных материалов в письмах сведений нет.

В анализируемой переписке содержится много различных сообщений об обстоятельствах издания Головацким сборника народных песен и об изготовлении иллюстраций к нему, об обмене литературой с чешскими учеными, о приглашении из Чехии в Вильну учителя музыки и т.д. Имеются в письмах и любопытные высказывания Головацкого по некоторым вопросам научного и политического характера.

Прежде всего, интересны данные о ходе издания главного труда Головацкого “Народные песни Галицкой и Угорской Руси”. Этот труд публиковался в “Чтениях Общества Истории и Древностей Российских” (Москва) с 1862 по 1878 гг.²⁰ Головацкий регулярно извещал Патеру о том, как продвигается работа по изданию. “Печатание песен должно окончиться в декабре месяце”, – сообщает Головацкий 21 ноября 1872 г., однако 11 декабря того же года замечает: “Мой сборник песен, по всей вероятности, будет готов в первых месяцах будущего года”. Но материала было очень много, и 11 января 1873 г. в письме указано: “Мой сборник будет состоять из 4-х вместо 3-х томов”. Очевидно, это обусловило очередную задержку издания. “Четыре тома напечатаны, но не могут поступить в публику”, – говорится в письме от 28 февраля 1873 г., а 24 мая того же года Головацкий пишет: “Я рад бы скорее покончить с делом и пустить в это лето мой сборник песен в свет”. Но еще 5 июня 1879 г. Головацкий отмечает, что полностью отпечатанные в 1878 г. песни в публику “не пущены”.

Причины столь длительных задержек частично тоже изложены в анализируемых письмах. Одной из них было затягивание изготовления иллюстраций, двадцати изображений народных типов; эти изображения вместе с этнографической картой были, в конечном счете, приложены к труду Головацкого. Перипетиям получения их отпечатков в письмах уделено очень большое внимание, этот вопрос составляет около половины их содержания. Впервые Головацкий писал об этом Патере 12 июня 1869 г.: “Обращаюсь к Вам с прошением: Спросите, сколько стоили бы в Праге ксилографии картинок народных типов и костюмов в 1500 экз. в 8-ю долю книги большого формата. Я послал бы фотографии, чтобы из них резчик сделал клише и отпечатал 1500 экз. на хорошей бумаге. Я писал об этом г-ну Эрбену, но до сих пор не получил ответа”²¹.

Патера выразил готовность помочь своему другу. Это ясно из того, что Головацкий вскоре послал в Прагу на имя Патеры “фотографии и акварели числом 50 штук”, с тем, чтобы из них смонтировать “15 или 16 ксилографических картинок”²². В письме он подробно инструктирует потенциального исполнителя о том, каким образом и в каком формате должны быть выполнены изображения. Заключая письмо, автор просит Патеру: “Представьте эти все картины (с переводом на чешский язык моего плана (т.е. инструкции по работе над изображениями. – Л.Л.) художникам и спросите, может ли быть все это исполнено, и сколько будет стоить одна ксилография с отпечатком 1600 экземпляров. Я желал бы иметь некоторую часть экземпляров раскрашенных, как они представляются в моих акварелях и большей части фотографий”.

Выполнить заказ Головацкого согласился д-р Фр. Скрайшовский, владелец типографии в Праге и с 1867 г. издатель журнала “Светозор”. Одним из условий Скрайшовского при приеме заказа на иллюстрации было право использовать их и в своих целях. Головацкий с этим согласился: “Г-ну Скрайшовскому прошу засвидетельствовать мое почтение и изъявить, что я соглашаюсь на то, чтобы он под известными условиями сделал себе оттиски из картинок, предназначенных для моего труда”, – читаем в письме от 18 июля 1869 г. И с этого времени начинается поистине драматическая эпопея с “картинками”, доставившая Головацкому массу волнений и огорчений. 4 сентября 1869 г. Головацкий пишет Патере, что за два месяца до этой даты послал тюк с акварелями и фотографиями костюмов и типов галицких и угорских русинов, но никакого извещения о получении посылки не имеет. После этого дело было, наконец, начато, но через несколько месяцев возникает новое недоразумение. 17 марта 1870 г. Головацкий пишет: “Условившись с г-ном Скрайшовским на выделку ксилографических и хромолитографированных картинок, я послал ему по почте в качестве задатка 447 гульденов австрийскими бумажками еще 22 декабря прошлого года. Не получив от г-на Скрайшовского ответа на мое письмо, ни извещения о получении денег, я опять написал к нему письмо дня 10 февраля т.г. Но и на это мое письмо нет ответа. Я беспокоюсь, не стало ли с моей посылкой какого-нибудь припадка – не перехвачены ли кем-нибудь деньги и письма”. К счастью, ничего не случилось. Работа все же была начата, и в марте 1871 г. Головацкий просит Патеру “тщательно смотреть за корректурой подписей (под “картинками”. – Л.Л.), чтобы было отпечатано все верно и безошибочно”. Одновременно Головацкий договаривается о путях пересылки готовых изображений в Вильно.

Однако и по прошествии полутора лет заказы все еще не были выполнены, и 26 сентября 1872 г. Головацкий просил напомнить Скрайшовскому, чтобы тот “покончил дело с картинками, которое он влечет до бесконечности”. А еще через несколько недель, 21 ноября, Головацкий пишет Патеру: “Милостивый Государь Адольф Иванович!²³ Несколько годов тому назад начал я было дело с г. доктором Скрайшовским об отпечатании картинок для моего сборника песен... Дело пошло успешно и уже приближалось к концу ... Но уже прошло несколько месяцев, и я не получил ни обещанных оттисков, ни извещения о ходе работы ... Я думал было, что какой-то прессовый процесс (т.е. судебный процесс против органов печати. – Л.Л.) делает препятствие в пачтании, но меня уверяли проезжие, что не он, а брат Скрайшовского²⁴ впал в подозрение, доктор же поступает совсем лояльно²⁵ и не имел никакого процесса”. Поскольку Скрайшовский Головацкому на его запросы не отвечал, последний просил Патеру узнать, в какой стадии находится изготовление “картинок”, и когда они будут присланы. Головацкому они были нужны до конца 1872 г., так как к этому времени намечалось окончание публикации собранных им песен. Ввиду этого он поручал Патеру “просить г-на Скрайшовского или его уполномоченного управителя типографии, чтобы он прислал ... немедленно оттисков всех картинок ксилографических и хромолитографических по два экземпляра”. При этом Головацкий интересовался и состоянием “заведения” Скрайшовского, наличием у него “искусных работников” и вообще возможностей исполнять заказы “хорошо, отчетливо и скоро”, если бы ему были поручены новые дополнительные работы. В случае негативного ответа на поставленные вопросы Головацкий просил Патеру “указать кого-нибудь благонадежнее”.

В декабре 1872 г. Головацкому были доставлены четыре “картинки”, исполнение которых удовлетворило его не полностью, так что он выслал их обратно с текстом подписей, которые надлежало под ними отпечатать, а также с просьбой исправить недостатки и ошибки²⁶. Но и к январю 1873 г. заказ не был Головацким получен. “К сожалению, – пишет он 11 января этого года, – я не получил до сих пор высланных будто бы г. Скрайшовским пяти картинок в полном издании 1650 экз., ни даже не было никакой повести (т.е. извещения. – Л.Л.) о выслании их”. Головацкий был уже готов довольствоваться “черными оттисками”, если при печатании хромолитографий встретятся какие-то препятствия.

После многократных увещеваний и тщетных просьб Головацкий окончательно потерял терпение и 23 апреля 1873 г. просил Патеру зайти к г-ну Скрайшовскому и передать ему “ультима-

тум". "И скажите ему, – продолжал Головацкий, – пусть он кончает начатое дело ксилографии, а то я подам жалобу на него через посольство и выйдет скандал". На тот случай, если Скрайшовскому оказалось бы затруднительно отпечатать нужное число экземпляров, Головацкий предлагал выслать лишь клише, с тем чтобы заказать изготовление оттисков с них в Вильно или в Петербурге и соответственно произвести окончательный расчет. Видимо, решительный тон виленского ученого возымел действие, и в следующем письме, от 24 мая 1873 г., речь идет уже о пересылке оттисков из Праги в Вильну, а также о внесении исправлений, которые могли бы потребоваться после просмотра изображений. Вместе с тем Головацкий делает новый заказ на четыре "картинки" с условием, что последний будет выполнен "скоро и удовлетворительно". Дело состояло в том, что в Праге нужные Головацкому оттиски выполнялись более качественно, чем в России, и ему приходилось полагаться на столь необязательного человека, каким был Ф. Скрайшовский. Однако новый заказ был принят. Головацкий выслал образцы и объяснительную записку на пять "картинок". Эта записка сохранилась в архиве Патеры и представляет собой целый этнографический очерк, составленный крупнейшим знатоком народных костюмов, обрядов, обычаяев и фольклора галицийских славян и имеющий самостоятельное научное значение²⁷.

В июле – августе 1873 г.²⁸ Головацкий в своих письмах касается получения в Праге высланных им пяти "картинок" и отсутствия в Вильно посылки из Праги с пятью другими изображениями: тщетно он спрашивался о ней на почтамте в Варшаве и на пограничной таможне – посылки нигде не было. По результатам своих поисков Головацкий делает такое заключение: "Посылка или еще не отправлена из Праги, или же задержана на Цислейтанской границе".

Между тем, отнюдь не проявляя спешки в выполнении заказа Головацкого, Скрайшовский напечатал его материал в своем "Светозоре". Зная об этом, виленский ученый в упомянутом июньском письме 1873 г. просил выслать ему соответствующие номера "Светозора", но, видимо, тщетно.

Вместо этого в конце 1873 г. Головацкий получил от управляющего принадлежавшей Скрайшовскому типографии письмо с требованием уплатить за заказанные "картинки" 300 рублей серебром. Однако Головацкий ответил, что "еще в 1870 г. уплатил ... г-ну Скрайшовскому ... 480 руб. серебром", а кроме того – по вине конторы Скрайшовского – не получил одну из посылок с пятью "картинками", как и оригиналов 15 уже выполненных картинок. Эти оригиналы были заимствованы из Румянцевского музея,

и Головацкий знал, что их нужно будет вернуть. Наконец, тут же Головацкий просит прислать “картинки второго заказа” и заявляет, что лишь после удовлетворения этих требований вышлет Скрайшовскому те 300 рублей, которые требует управляющий²⁹. Так закончились сношения Головацкого со Скрайшовским, начавшиеся в 1869 г. и продолжавшиеся вплоть до 1874 г., что и задержало выход в свет сборника песен ученого галичанина. “Не доведи Бог дела иметь с такими докторами”, – жаловался Головацкий Патерे³⁰. Напрашивается вывод, что некоторые чешские дельцы, ратовавшие на словах за “славянскую взаимность”, забывали о провозглашенных высоких целях, когда дело шло о материальной выгоде. Скрайшовский не только использовал материал Головацкого в своих целях, но и оттягивал выполнение взятых на себя обязательств до последней возможности.

Еще одной причиной задержки выхода в свет “Народных песен” Головацкого было то, что он “ходатайствовал о высочайшем разрешении на посвящение сборника Государю Императору, Царю-Освободителю”, т.е. Александру II. Лишь в 1879 г. ученый получил “извещение, что Государь изволил принять посвящение, собственноручно написав на представлении министра “Согласен. Благодарить”. “Только теперь я буду в состоянии доставить Вам желаемый экземпляр”, – пишет Головацкий Патерे 5 июня 1879 г. и просит пражского коллегу известить читателей “Часописа Ческого Музея” об издании сборника или написать о нем в журнале “Светозор” “более пространную статью”. Посыпает Головацкий и экземпляр для Скрайшовского, поскольку “картинки сделаны в его литографическом заведении”, а в журнале Скрайшовского “Светозор” могло бы быть помещено извещение о выходе труда в свет. Просьбу о таком извещении Головацкий повторил в письме от 1 марта 1880 г.: “Может быть, найдете возможным сказать несколько слов о моем сборнике песен и поместить в любом журнале”. О выполнении Патерой этой просьбы в письмах сведений нет.

Как всякий славянский деятель XIX в., Головацкий живо интересовался чешской и вообще славянской литературой. Для получения новинок этой литературы тогда обычно использовались личные связи между учеными. В анализируемых письмах имеется много сведений об интересе Головацкого к книжным новинкам. Головацкий являлся членом Чешской Матицы и в качестве такого имел право получать все ее издания бесплатно. Так оно и было до 1866 г. Но “с … переездом в Вильну, – пишет он 30 ноября 1870 г., – совсем прекратилась посылка книг, издаваемых Матицей”. И далее Головацкий просит присыпать ему такие издания, “тем более что здесь (в Вильно. – Л.Л.) никто не выписывает и не

читает чешских книг и журналов”, ввиду чего “никак невозможно следить за ходом чешско-славянской литературы”. “Походатайствуйте также о выдаче для меня Музейника и других изданий Чешской Матицы, – просит Головацкий в письме от 21 ноября 1872 г. – Мне не хотелось бы прерывать сношения с Чехией и хотелось бы следить за успехами литературы чешской”. Пересылать книги следовало через книгопродавца Кобера в Праге в лавку книгопродавца Лямбека в Вильно. Однако отправления Кобера были столь нерегулярны, что Головацкий почти в каждом письме поручает Патере напоминать книгопродавцу об ожидаемых посылках. Иногда в письмах фигурируют и названия конкретных нужных Головацкому книг, в том числе речь идет об очередных выпусках “Научного словаря”³¹. В письме от 25 августа 1874 г. выражено желание приобрести через Кобера “Статистический атлас Австрии”, в письме от 5 июня 1879 г. – “Славянский Альманах”, в письме от 1 марта 1880 г. – “Историю Угорска” Сасинека³², а также “Народные сказки словаков” в издании Словацкой Матицы. Судя по частому повторению просьб Головацкого, ни Матица Чешская, ни книгопродавец Кобер аккуратностью не отличались. 13 июня 1878 г. Головацкий писал, что уже несколько лет не получает ни “Музейник”, ни издания Матицы. Эти же книги он просил прислать и 1 марта 1880 г., отмечая что последний номер “Музейника” получил еще в 1875 г. Об отсутствии “матичных изданий” сказано также в письмах от 22 марта 1882 г. и от 8 марта 1884 г. Значительно реже встречаются извещения о получении литературы. Специально выпрашивал Головацкий также номера журнала “Светозор”, особенно те, в которых Скрайшовский поместил оттиски упоминавшихся выше “картинок”. “Светозора не выслал мне ни д-р Скрайшовский, ни Кобер, хотя я давно просил”, – читаем в письме от 11 января 1873 г. Просьба о присылке номеров “Светозора” с “картинками” повторяется в письмах от 24 мая и июльском 1873 г., а строки письма от 4 января 1874 г. свидетельствуют о том, что эти просьбы не выполнены. А в 1880 г. Кобер прислал “Светозор” за 1877 г. вместо 1879. Виленская библиотека уже ранее получила комплект за 1877 г., и Головацкий, как ее директор, приказал отослать лишние номера обратно, запросив комплекты за 1879 и 1880 г., о чем свидетельствует письмо от 27 июня 1880 г.

Разумеется, Головацкий и сам посыпал в Чехию литературу – как лично Патере, так и в библиотеку Чешского Музея. Так, 4 сентября 1869 г. он сообщает, что послал с оказией экземпляры издания латышских народных песен. 30 декабря 1872 г. Головацким был отправлен в Прагу экземпляр Туровского евангелия, а вместе с ним некоторые сочинения А.Ф.Гильфердинга и две бро-

шюры самого Головацкого (названия не указаны). 21 марта 1875 г. он сообщает, что выслал “Словарь древнего актового языка”, а 5 июля 1879 г. – свой сборник народных песен Галицкой и Угорской Руси с 20 изображениями народных типов и этнографической картой. Экземпляр этой книги автор выслал также и в Чешский Музей. 8 марта 1884 г. Головацкий сообщает, что Археографическая и библиотечная комиссия в Вильно ежегодно посыпает Чешскому Музею все свои издания, но не имеет сведений о получении их адресатом. Тут же читаем: “На днях я послал по почте экземпляры моего географического словаря: из них один экземпляр для Чешского Музея, затем по экземпляру для гг. Ригера, Коларя, Вертятки, Грегра, Вавры, и один благоволите Вы принять от меня на память. Остальные 7 экземпляров передайте в книжный магазин Кобера или другого книгопродавца на комиссию”³³.

Подводя итог изучению вопроса об обмене литературой между Головацким и Патерой, можно констатировать, что этот обмен был не столь интенсивным, как тот, который постоянно осуществлялся в эту же эпоху между чешскими учеными и учеными Петербурга и Москвы.

Значительное место в письмах Головацкого Патере занимает еще один сюжет, а именно вопрос о приглашении из Чехии квалифицированного учителя музыки и пения для виленских учебных заведений. Впервые Головацкий обратился с такой просьбой к своему чешскому корреспонденту в конце 1878 г. “Прошу Вас, помогите в приискании хорошего музыки научителя для Виленских учебных заведений”, – писал он 11 декабря, а 20 декабря останавливался на этом вопросе подробнее: “Попечитель Виленского учебного округа препоручил мне приискать способного учителя музыки и пения при женских и мужских средних учебных заведениях. Жалованье обеспечено со стороны казны 1000 руб. сер. в год, кроме частных уроков. Сверх того, здешнее музыкальное общество будет нуждаться в директоре своего училища, так и на этом посте (так. – Л.Л.) предполагается соответствующее вознаграждение. Музык (т.е. учитель музыки. – Л.Л.) должен основательно быть знаком с теoriей музыки и итальянским пением и по возможности должен сам играть на скрипке и фортепьяно. При том желательно было бы, дабы он имел и внешнюю приятную наружность, по крайней мере, чтобы не было у него каких-нибудь странных манер”.

Как видно из следующих писем, Патера рекомендовал Головацкому молодого музыканта Зденека Фибиха. Эта кандидатура, по словам Головацкого, удовлетворила попечителя, который сообщил, что “для учителя хорального пения и музыки в трех учебных заведениях определено жалования 1200 руб. в год, которая

сумма находится ныне в распоряжении учебного округа для этой цели. Учитель будет обязан давать уроки хорального пения в классической гимназии, в реальном училище и в женском училище. Число уроков еще не определено, вероятно 2–3 часов (так. – Л.Л.) в неделю во всяком заведении. Кроме того, учитель будет мочь давать особые уроки в женском училище по соглашению с родителями девиц за особую плату. Попечитель обещал, что он не допустит другого учителя музыки в заведение, разве что с согласия г-на Фибиха". Далее Головацкий в том же письме (11 января 1873 г.) пишет об обеспечении Фибиха квартирой и о времени вступления в должность. "Скажите г-ну Фибиху, – заканчивается письмо, – пускай обучается русскому языку и приготовляется к путешествию".

20 апреля 1873 г. Головацкий сообщает, что Фибиху предоставлена возможность приехать в Вильно в июле, а "с августа месяца начать уроки по определенной программе". "Между тем, – читаем далее в письме, – преобразование раввинского высшего училища в педагогический институт будет приведено в действие, так что г-ну Фибиху предстоит еще одно заведение, в котором он имеет завести науки хорового пения ... По уверению Попечителя, годовой оклад г-на Фибиха достигнет суммы две тысячи рублей серебром. Вообще Попечитель весьма сочувственно относится к рекомендованному учителю пения, которой найдет в нем (попечителе. – Л.Л.) своего изрядного друга и покровителя".

Окончательно выяснив те условия, на которых приглашался Фибих, Головацкий 24 мая 1873 г. написал: "На прошлой неделе я имел способность (так. – Л.Л.) говорить с г. Попечителем Вил[енского] учебн[ого] округа насчет приглашения г-на Фибиха. Он сказал мне окончательно, что г. Фибих будет иметь обязанность обучать молодежь хоровому пению в следующих заведениях с жалованием:

В Вил[енской] класс[ической] гимназии	– 300 р.
–”– [енском] женском училище	– 300 р.
–”– реальном –”	– 300 руб.
Ерейском институте	– 600 р.
Итого жалования в год	–1500 р.

Во всяком (т.е. каждом. – Л.К.) заведении не будет меньше двух и больше трех уроков в неделю, но так как со временем нужно будет отворить по два курса в некоторых заведениях, т.е. для начинающих и для старших, то число уроков может подвыситься до 14". "Пускай Фибих ... приезжает к 1 августа", – резюмирует Головацкий.

Однако события разворачивались медленно, и еще 11 августа 1873 Головацкий пишет, что скоро надеется встретить в Вильно

г-на Фибиха, с которым и просит Патеру переслать книги. Точное время прибытия Фибиха в Вильно и обстоятельства его деятельности в этом городе в переписке не отражены. Имя Фибиха упоминается еще раз в письме от 26 февраля 1874 г., которое и было отправлено Патере с самим уезжавшим в Прагу Фибихом.

Мы остановились на этом сюжете не только потому, что приглашение специалистов из Чехии в Россию в 70-е годы XIX в. являлось одним из элементов культурных связей, но и потому, что Зд.Фибих стал впоследствии знаменитым чешским композитором и проложил в чешской музыке новые пути. Годы его жизни – 1850–1900, так что в Вильно он был еще совсем молодым человеком. Впрочем проработал он там всего один учебный год, а в 1874 г. вернулся в Прагу.

Проанализированные письма Я. Головацкого к А. Патере свидетельствуют в целом о том, что их связи носили научно-организационный характер. Это вполне объяснимо, так как оба ученых занимались разными вопросами славянской культуры, и у каждого из них было больше общих интересов с другими деятелями науки. В письмах Головацкого встречаются лишь единичные проявления его интереса к творчеству Патеры. Так, 5 июля 1879 г. Головацкий сообщает: “С большим любопытством читал Вашу статью о словаре *Mater Verborum*. Последовало неприятное разочарование! И Вы, вероятно, писали статью, скрепя сердце, но что делать – *Maxima amica veritas!* И патриотизм имеет свои границы, нельзя неправды оправдать”. Здесь речь идет о работе Патеры *České glossy v “Mater Verborum”* (Praha, 1877), опубликованной в 1878 г. также и в России. Ученый разоблачал в ней поддельные чешские глоссы в средневековом латинском словаре. Раньше эти глоссы считались подлинными, служа доказательством древности чешского литературного языка, и были предметом патриотической гордости чехов. Многие ученые, в том числе, например, русский академик И.И. Срезневский, не хотели верить в факт подделки, переживая большое разочарование в связи со сделанным разоблачением³⁴. Разочарован был и Головацкий, но истина оказалась для него дороже славянского патриотизма, что свидетельствует о прогрессивности его научного мышления.

Почти нет в письмах Головацкого к Патере и высказываний, связанных с политическими проблемами современности, и лишь в письме от 8 марта 1884 г. Головацкий намекает на какие-то изменения в Чехии, касающиеся отношения к России. Он восклицает: “Неужели какой-нибудь Аргус³⁵ бережет архилояльную Чехию от всякого соприкосновения с схизматической Россией?!” Долго не получая из Чехии никаких известий, как и ответов на свои запросы, Головацкий хотел бы устраниТЬ эту “неславянскую невза-

имность". "Это похоже на полономанию, – восклицает он в том же письме. – Не хочу предполагать, что эта чума узконациональной исключительности своим заразительным духом повлияла и на всегда передовую, славянскую Чехию".

Изучение русско-чешских научных связей по материалам корреспонденции отдельных ученых показывает, что интенсивность и содержание переписки зависели в известной степени и от политической ситуации в Чехии. Но в данном случае необходимо констатировать, что Патера в переписке вообще не был особенно аккуратен. Имея огромное число корреспондентов только в России, он, видимо, не успевал исправно отвечать им. Частые указания на его долгое молчание встречаются не только у Головацкого, но и в письмах других лиц.

Подводя итог проделанному анализу³⁶, можно высказать и некоторые общие заключения. Следует констатировать, что связи Головацкого с чешской интеллигенцией являлись практическим воплощением в жизнь той идеи славянской взаимности, которая была им усвоена еще в начале его творческого пути. Эти связи были в общем плодотворны для обеих сторон и составляли неотъемлемую часть процесса развития национального самосознания и национальной идеи, характерного для всех славянских народов в XIX в.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В дополнение к предлагаемой статье публикуются тексты ряда писем Я.Ф. Головацкого к А. Патере. Обнародовать все имеющиеся в нашем распоряжении 29 писем не представляется возможным из-за недостатка места.

Орфография публикации соответствует ныне действующим правилам, в остальном тексты оставлены без изменений. Сокращенные слова снабжены дополнениями в квадратных скобках. В квадратных скобках помещены также явно недостающие в оригинале знаки препинания. Непривычные, свойственные Я.Ф. Головацкому слова и обороты снабжены пометкой (так. – Л.Л.), а при необходимости и пояснениями – тоже в квадратных скобках. Подчеркнуты в публикации те же слова, что и в оригинале. Примечания к содержанию отдельных писем вошли в основной текст статьи.

№1

Милостивый Государь Адольф Иванович!

Встретившись случайно с правителем канцелярии главного Губернатора Стеблин-Каменским, заявил он мне, что Вы желаете получить экс[емпляр] Песен народных латышского народа,

изд[анных] Спротсом. Я обратился к издателю, и он дал мне экз[емпляр] для Вас – и при той случайности выпросил я и для библиотеки Чешского Музея. По случившейся оказии посылаю я Вам эти книги, подаваемые на Галицкой почте. – Мне приятно при той случайности вспомнить нашу дружную поездку в С.-Петербург и в Москву и заявить Вам, что знакомые Ваши расспрашивали про Вас и других чешских гостей и кланяются Вам. – Чтобы продолжать нашу переписку, я обращаюсь к Вам с прошением. Спросите, сколько стоили бы в Праге ксилографии картинок народных типов и костюмов в 1500 экз[емплярах] в 8-ю долю книги большого формата. Я послал бы фотографии, чтобы из них резчик сделал клиши (так! – Л.Л.) и отпечатал 1500 экз[емпляров] на хорошей бумаге. Я писал об этом г-ну Эрбену, но до сих пор не получил ответа. Поклонитесь при свидании г-ну Эрбену и г-ну Коберу и скажите, почему они не отписывают мне. Неужели не получили писем [?]. Я послал Коберу деньги с требованием книг, но ни книг, ни ответа. – Примите уверение в моем Высокопочитании и преданности. Ваш почитатель

Яков Головацкий

Вильна 12 июня 1869 г.

Адрес: Я[ков]. Федор[ович]. Гол[овацкий], статский советник и председатель Виленск[ой] археографической комиссии в Вильне.

№ 2

Милостивый Государь Адольф Иванович!

Несколько лет тому назад я было дело (т.е.: договаривался – Л.Л.) с г. доктором Скрайшовским об отпечатании картинок для моего сборника народных песен. За Вашим благосклонным посредничеством дело пошло успешно и уже приближалось к концу. Г-н Скрайшовский обещал мне в последнем своем письме немедленно прислать мне корректурные оттиски и затем приступить к печатанию картинок, но уже прошло несколько месяцев (так. – Л.Л.), и я не получил ни обещанных оттисков, ни извещения о ходе работы. Я думал было, что какой-то прессовый (т.е. преследование прессы. – Л.Л.) процесс делает препятствия в печатании, но меня уверяли проезжие, что не он, а брат Скрайшовского впал в подозрение; доктор же поступает совсем лояльно и не имеет никакого процесса. В прошлом месяце я передал записочку к Скрайшовскому через одного проезжего профессора из Дерпта, но безуспешно; и на эту записочку не последовало ответа. По той причине я обращаюсь к Вам, будьте милостивы, потрудитесь [зайти] к г-ну доктору, сведайте, как дело стоит

рас[с]просите обстоятельно и рассмотрите сами, в какой стадии находятся мои картинки, и спросите у г-на доктора, пускай он скажет категорически, когда он пришлет мне корректурные оттиски, и когда наверно могут быть совсем готовы все картинки. Я рад бы их видеть готовыми до конца настоящего года, потому что и печатание песен должно окончиться с месяцем декабром (так. – Л.Л.). Но не беда, если бы еще несколько недель продолжилось после того срока, а пускай бы раз окончилось дело. Просите г-на Скрайшовского или его уполномоченного управителя литографии, чтобы он прислал мне немедленно оттисков (так. – Л.Л.) всех картинок ксилографических и хромолитографических по два экземпляра. – С нетерпением ожидаю я Вашего ответа – напишите мне обо всем верно. – При сем известите меня обстоятельно, в каком состоянии находится ныне заведение г. Скрайшовского, можно ли ему сверить (т.е. доверить. – Л.Л.) работу по ксилографии, если бы мне понадобилось еще 4 до 5 (так. – Л.Л.) картинок; есть ли у Скрайшовского искусствые работники, и хватит ли у него сил исполнить работы хорошо, отчетливо и скоро, если бы я поручил ему новые работы. Если же нет – так укажите мне кого-нибудь благонадежнее.

Сверх того прошу Вас, зайдите по милости (т.е. будьте добры. – Л.Л.) к г. Коберу и просите его, чтобы он выслал мне недостающие выпуски Научного Словаря и корешки к переплету для X тома. – Походатайствуйте также о выдаче (так. – Л.Л.) для меня Музейника и других изданий Чешской Матицы. Мне не хотелось бы прерывать сношения с Чехией и хотелось бы следить за успехами литературы чешской. Выпуски Словаря Научного и др[угие] книги пускай высыпают в Вильну ко книгопродавцу Э.Ф. Лямбеку. Если Кобер завязал с Лямбеком сношения, то пускай высыпает прямо к нему с надписью – для статского советника Я.Ф. Головацкого, и я буду пересыпать через Лямбека причитающие (так. – Л.Л.) деньги.

Если же у него нет прямых сношений с Вильной, так пускай переводит к Рживначу, у которого есть знакомый с Лямбеком прикащик. По той причине Лямбек выписывал от Рживнача всякие требования книгами (т.е. на книги. – Л.Л.) для Виленской публичной библиотеки, которой я теперь надеюсь быть главнозаведующим. – В ожидании скорого Вашего ответа честь имею оставаться с принадлежным (т.е. надлежащим. – Л.Л.) высокопочитанием

готовый ко услугам

Я. Головацкий

Вильна 21 Ноября 1872 г.

[На отдельном листе:] *Милостивому государю Адольфу Ивановичу Патере прошу передать.*

[Далее текст письма]

Милостивый Государь Антоний (так. – Л.Л.) Иванович!

Я весьма одолжен Вами за извещение Ваше о ходе ксилографических работ доктора С[крайшовского] и присланье четырех картинок. Я возвращаю их Вам назад с подписями, каковы должны быть напечатаны под ними. Потрудитесь, отдайте их г-ну доктору и скажите ему, что я прошу его поскорить (так. – Л.Л.) с присылкою остальных и окончательной отпечаткой хотя бы самых черных экземплярей. Замечаний и поправок я уже не делаю – пускай резчик сам рассмотрит их внимательно и поисправляет прежде замеченные ошибки, и пускай по соображению пополнит (т.е. исправит. – Л.Л.) недостатки, в особенности на картинке, помеченной VII – нужно исправить уста женщин и усы мужчины. Не возможно ли бы мне прислать один или два экземпляря вполне оконченных картинок, чтобы я мог представить на рассмотрение правительства и предварительно исходатайствовать разрешение властей – пока еще (т.е. еще до того, как. – Л.Л.) картинки выйдут из печати. Тогда меньше будет препятствий и задержек. – Известите меня, у кого я мог бы заказать остальные пять картинок, и, если можно знать, по каковым ценам. –

Копий, высланных Кобером, я еще не получил, но я имею известие, что книги высланы и находятся в дороге. – По желанию Вашему посылаю Вам через Лямбека один экс[емпляр] Туровского евангелия, изд[анного] Гильтебрандтом, и мои две брошюроки, напечатанные в России. Памятников дипломатического языка у меня нет ни одного экземпляря, но Вы можете выписать из Ставропийской книжной лавки или прямо посредством кого-нибудь из знакомых, например, обратитесь к канонику Митрополичьего Львовского капитула Антонию Петрушевичу у св. Георгия.

Еще одно дело заставляет меня беспокоить Вас. – Попечитель Вилен[ского] учебного округа препоручил мне приискать способного учителя хорального пения и музыки и пригласить его на службу в Вильну для занятия должности учителя музыки и пения при женских и мужских учебных заведениях. Жалование обеспечено со стороны казны в 1000 руб[лей] сер[ебром] в год, кроме частных уроков. Сверх того здешнее музыкальное общество будет нуждаться в директоре своего училища, так и на этом посте (так. – Л.Л.) предполагается соответственное (так. – Л.Л.) вознаграждение. – Музык (так. – Л.Л.) должен основательно быть знаком с

теорией музыки и итальянским пением и по возможности должен сам играть на скрипке и фортепяне (так. – Л.Л.). При этом желательно было бы, дабы он имел и внешнюю приятную наружность, по крайней мере, чтобы не было у него каких-нибудь странных манер. – Пожалуйста, прищите хорошего человека и подайте скорее ответ. Я писал о том предмете к г. Вертиято, которому и засылаю мое почтение, и, думая, что Вас нет в Праге, я присовокупил только записку к Вам. Но ныне повторяю мою просьбу и жду ответа. Поздравляю Вас с Новым годом и остаюсь Ваш всегда истинно преданный

Я. Головацкий

Вильна, 20 Декабря 1872 г.

№ 4

Милостивый Государь Адольф Иванович!

Ваше последнее письмо не застало меня дома, я ездил по командировке Виленск[ого] учебного округа в Киев на предварительные совещания комитета по устройству третьего археологического съезда – и только вчера возвратился оттуда. – В ответ на замечание Д-ра Скрайшовского, что картинку, представляющую игры и хороводы, нельзя вполне воспроизвести, скажите ему, пускай он не стесняется с форматом, пускай эту картинку и (пожалуй) другую, представляющую пляшущих в корчме крестьян, прикажет срисовать в большем формате (*in 4°*), так чтобы высота картинки равнялась формату книги, ширина же по надобности представлялась так, что можно бы вторую половину загнуть в книгу. Если подлинник картинок этих окажется в высоту меньше против книги, то можно на одной из них представить над церковью облака, на другой же потолок начертить полнее или же внизу картины расширить фон или пол картины, чтобы выходило все ровно формату книги и др[угих] картин; выбрасывать же из рисунка ничего нельзя. Образ должен быть полон. – Письмо Ваше от 1-го Серпня [августа] я получил, однако же о второй высылке картин по сю пору не слышно ничего. Пошлите второе требование. Я предполагаю, что посылка лежит на границе. Просите г-на Фибиха, чтобы он проездом спросил на границе и, сделав поиски, приказал отправить скорее посылку в Варшаву или Вильну. Если в непродолжительное время будете посыпать третью посылку, то адресуйте *per Hermann Kleinadel & Comp. Agentur der Eisenbahngesellschaft in Warschau* – для пересылки: Его Превосходительству Действит[ельному] Статскому Советнику Я.Ф. Г[оловацко]му в Вильну. Книги, если таковые есть, можете переслать через г-на

Фибиха, которого надеемся встретить скоро в Вильне. – Примите уверение в моем почтении и преданности

Яков Головацкий

Вильна 11 Августа 1873 г.

В случае, если бы Вас письмо не застало в Праге и переслали его в деревню, то Вы дадите г-ну Скрайшовскому полномочие на получение посланных мною образцов для картинок, чтобы не было остановок в заказе. – Прибавляю записку Попечителя, в которых заведениях придется г. Фибиху давать уроки, и сколько жалованья определяется в год.

№ 5

Милостивый Государь Адольф Иванович!

Я опять принужден отнестись к Вам в деле картинок, заказанных мною у Д-ра Скрайшовского. Дай Бог, чтобы это было последнее письмо в этом деле, начавшемся еще в 1869 году и продолжающемся до сих пор! Два месяца тому назад я получил письмо от управляющего типографией г. Скрайшовского (имени – фамилии нельзя разобрать) с требованием уплатить за заказанные картинки 300 руб[лей] сер[ебром] однако ж без сообщения мне расчетов. Я требовал полного расчета, прибавляя при том, что мне одной посылки (именно первой) не доставлено, и, как я не однажды еще с 1872 г. писал Вам и Г-ну Скрайшовскому, она неизвестно куда подевалась. Вслед за тем я получил в письме от 25/10 (т.е 25 октября – Л.Л.) краткий расчет и опять требование 300 руб[лей] сер[брон] с заявлением, что было выслано три посылки, итого 15 картинок, и что по новому моему заказу картинки скоро совершены будут (числом пять) – со nejdřívé dohotoveny budou. Наконец, пишет управляющий, что он по телеграфу сведал, что от границы ящик с картинками (первой посылки) был выслан и должен быть приискан – иначе за недоставку или потерю посылки управление железной дороги должно уплатить 300 гульденов. На это письмо я отвечал, что я готов сейчас же выслать 300 руб[лей], коль скоро я получу известие от спедитера (т.е. экспедитора. – Л.Л.), что ящик с картинками выслан в Вильну (несмотря на то, что я в счет уплаты Г-ну Скрайшовскому еще в 1870 году уплатил 480 руб[лей] сер[ебром]). – Кроме того я просил о скорейшем прислании иновзначеных картинок и по возможности скорейшем доставлении оригиналов 15-и вырезанных уже картинок. Письмо отправлено было мною 4 ноября н[ового] ст[иля], и до сих пор миновало уже два месяца, а я не получил никакого ответа, никакого удовлетворения моих требований. – По той причине я прошу Вас, Милостивый Государь, потрудитесь зайти к Г-ну Скрайшовскому и просите его ответить на следующие вопросы и сделать распоряжение к

окончательному удовлетворению наших взаимных требований. А именно я хочу узнать: а) Какие результаты достигены (так! – Л.Л.) от розысков по недоставленной первой высылке картинок от 23 Листопада (Ноября) 1872 года, которой я до сих пор не получил, и даже накладная (Frachtbrief) мне не был доставлен (так. – Л.Л.). Я предполагаю и догадываюсь, что, может быть, ящик был выслан с границы в Вильну, и когда я не востребовал его и не мог востребовать по незнанию времени прибытия и за неполучением от спедитора Накладной, то ящик послали (вероятно) или обратно на границу, или же в главное управление в Петербург. А так как со стороны Пражской экспедиции (несмотря на мои письма и рекламации) не было своевременной рекламы (т.е. извещения. – Л.Л.), то картинки, может быть, или лежат где-нибудь на складу (так. – Л.Л.) или проданы с молотка! Вся вина в беззаботности конторы Скрайшовского, что она не известила меня, через которого спедитера и когда послан ящик, и что спедитеру не приказано было выслать мне Накладную, без которой нельзя получить и нельзя даже доискаться на железной дороге посылки. – Теперь следует Г-ну Скрайшовскому востребовать 300 гульденов – а мне придется заказать новый оттиск пропавших картинок. Боже упаси от такой безалаберщины! б) Во-вторых, спросите у Г-на Скрайшовского, готовы ли картинки второго заказа? и почему мне не присыпают корректурных оттисков их? – Пускай он кончает, по крайней мере, этот заказ – прикажет отпечатать и прислали мне. Коль скоро я получу изъявление или Накладную от спедитера – я вышлю Г-ну Скрайшовскому 300 руб[лей], которые требует его управляющий. Остальные могут остаться до разрешения дела по пункту а). в) Почему не высыпают мне оригиналов 15 картинок первого заказа, о которых присылке я столько разов (так. – Л.Л.) просил? Присылайте хоть по почте или с книгами на имя книго-продавца Э.Лабека (ранее встречается написание Лябек. – Л.Л.) (в Вильне) или на мое имя (Jacob Golowatzky, не Holowacky). Мне оригиналов нужно скоро – они из Румянцового Музея! – Пришлите также Светозора, те ра, где были мои оттиски. – Если Вам позволит время, зайдите к Коберу и попросите выслать экс[емпляри] Научного Словника (продолжение или дополнение) для меня и для библиотеки, а также книги Музейные.

Я послал Вам мою статью в бандероле (так. – Л.Л.) – Вы, верно, получили уже. – Ожидаю Вашего скорого ответа и прошу принять засвидетельствование моего почитания. Всегда к услугам (так. – Л.Л.)

Я. Головацкий

7 января 1874 г.

№ 6

Многоуважаемый Государь Адольф Иванович!

Пользуясь случайностью (слушаем. – Л.Л.) Степана (т.е. Зденека. – Л.Л.) Ивановича Фибиха поездки в Прагу, я отзываюсь к Вам и прошу, пожалуйста, зайдите к Коберу и просите его, чтобы он послал все новейшие №ра Научного Словаря – для меня и для Вилен[ской] публ[ичной] библиотеки. Если найдете возможным передать мне кой-какие книги, изд[анные] Матицей, и №ра Музейника, то извольте прибавить и вм[есте] выслать, адресуя к здешнему книгопродацу Э. Ламбеку. – Примите уверения в моем высокопочитании и преданности

Ваш покорный Слуга

Я. Головацкий

Вильна 26 февраля 1874 г.

Приписка рукой А. Патеры: *Kobru dal knihy 17. dub. 1874*
(т.е: Коберу дал книги 17 апреля 1874 г.)

№ 7

Panu Paterovi

Милостивый Государь!

Я душевно благодарю Вас за присланье Музейника и др[угих] книг.

При том позвольте заметить, что я не получил Časopis-u Matica за 1872 sv. IV и за 1873 sv. I и II. Потрудитесь прислать через Кобера, который вскоре будет посыпать книги в Вильну. Просите его, чтобы мне скорее выслал Křížek-a Atlas Statistický Rakouska. – Константин Алексеевич Измайлов засыпает Вам свое почтение. Поклонитесь от меня Г[осподам] Врятку, Браунеру и другим знакомым и примите уверение в моем уважении

Яков Головацкий

Вильна 29 Августа 874 года.

№ 8

Милостивый Государь Адольф Иванович!

О сколько мне помнится (так. – Л.Л.), Вы однажды заявляли желание, чтобы я доставил Вам экс[емпляри] моего труда “Песни народные Галицкой и Угорской Руси”, изд[анного] в настоящем году в IV частях с 80-ю изображениями народных типов и этнографической картой. Песни были отпечатаны на счет Общества истории и древностей русских (так. – Л.Л.) в Москве, но непущены в публику по той причине, что я ходатайствовал о высочай-

шем разрешении на посвящение сборника Государю Императору, Царю Освободителю. Я ожидал с дня на день разрешения и потому не писал Вам. Только теперь я получил извещение, что Государь изволил принять посвящение, собственноручно написав на представлении министра “согласен, благодарный”. Только теперь я буду в состоянии и доставить Вам желаемый экземпляр. – Между тем, если Вам угодно, Вы можете известить в журналах об издании сборника, а если Вам схочется (так. – Л.Л.) написать более пространную статью, то потрудитесь справиться в Чтениях Общества и древн[остей] рос[ийских] – с 1862 г. начиная по прошлый год. Там отпечатано все: Песни, изъяснения и пр[очее]. Издатель (так. – Л.Л.) Светозора г. Скрайшовский просил меня, чтобы я ему прислал извещение о выходе Сборника для помещения в его журнале, так как картинки деланы в его литографическом заведении. По этой причине, если Вам угодно, Вы можете поместить извещение и в Светозоре.

При этой случайности посылаю Вам мою фотографическую карточку и прошу сообщить мне Вашу. Второй экземпляр Вы передадите г-ну Скрайшовскому или нынешнему редактору Светозора. Скрайшовский хотел было поместить мой портрет в Светозоре вм[есте] с кратким жизнеописанием. К этому данные Вы можете найти в Научном Словнике, в Славянском Съезде 1867 г. – Издания мои находятся в библиотеке Чешского музея. (Две брошюры посылаю Вам в бандероле (так. – Л.Л.). – Если будет напечатан мой портрет, то просите г-на редактора, чтобы он прислал мне по почте один экземпляр того выпуска, в котором будет помещена статья обо мне.

Сведайте у г-на редактора, сколько стоило бы сделать 500 оттисков портрета на особых листах для Галицкой публики, моих друзей и знакомых. – С большим любопытством я читал Вашу статью о словаре *Mater Verborum*. Последовало неприятное разочарование! И Вы, вероятно, писали статью скрепя сердце, но что делать: *Maxima amica veritas!* [Самый большой друг – истина!] И патриотизм имеет свои границы, нельзя неправды оправдать.

Я давно не получаю изданий Матицы. – Потрудитесь прислать по почте (слишком много?): книжки Музейника с II-ого вып[уска] за 1875 и все следующие книжки. – Затем прошу прислать *Slovanský Almanach*, vyd[avatel] Radivoj Pozník, v Vidni 1879 и другие книги изд[ания] Матицы, которые даются членам. Поклонитесь всем знакомым и любящим меня и примите уверение в моем почтении и преданности.

Яков Головацкий

Вильна 5 Июня 1879 г.

№ 9

Милостивый Государь Адольф Иванович!

Давно я уже не переписывался с Вами, теперь обстоятельства побуждают меня возобновить переписку и обратиться к Вам с просьбою. – Препровождаю Вам фотографии А.И. Добрянского вм[есте] с жизнеописанием его и прошу Вас сообщить о том г-ну редактору Светозора, не напечатает ли он биографию Адольфа Ивановича Добрянского вм[есте] с портретом (так! – Л.Л.) в своем журнале. Если он согласится на это, то я буду просить Вас позаботиться о переводе статьи на чешский язык. – Впрочем, может быть, Вы найдете уместным напечатать перевод биографии в газете Politik и в другой немецкой газете, то, сделайте милость, сообщите (т.е. поручите. – Л.Л.) перевод статьи кому угодно по Вашему соображению, вполне [т.е. в полном объеме] или в сокращенном виде. Если г-н редактор Светозора примет статью в свой журнал, то спросите его, не решился ли бы он сделать 500–1000 экс[мпляров] оттисков портрета Добрянского вм[есте] с биографией на чешском языке. Я надеюсь, что сограждане Добрянского, Словаки и др[угие] Славяне, с охотой раскупили бы биографию столь знаменитого деятеля и борца за славянское дело. Спросите также, сколько стоило бы, если бы я желал иметь 500–1000 экс[мпляров] оттисков одних портретов или вм[есте] с биографией на русском языке. Расспросите подробно и сообщите мне. Если угодно будет редактору поместить и другие два портрета в рах Светозора, то пускай поместит и краткие биографии, их я пришлю Вам. – Давно я не получал Матичных изданий. Побалуйте, вышлите мне, хотя бы и в бандеролле (так! – Л.Л.). Я, как действительный статский советник, получаю книги из-за границы без цензуры. Сообщите мне какие-нибудь новости по части чешской и др[угих] славянских литератур. Примите уверения в моем Почтении.

Вам искренно преданный

Я. Головацкий

Вильна 22-го Марта 1882 г.

№ 10

Милостивый Государь Адольф Иванович!

22-го Марта с[его] г[ода] я послал Вам фотографические карточки А.И. Добрянского, Наумовича и Площанского и притом биографию первого с просьбою о помещении в Светозоре и особом отпечатании, в предположении, что напечатание такой статьи будет не только интересно для публики, но даже полезно для

пострадавших. До сих пор я не получил Вашего ответа. – Может быть, Вы признали неудобным настоящее время к обнародованию статьи – с этим я согласен, но я удивляюсь, почему Вы не извещаете меня об этом. – Ныне, пользуясь случайностью, я пишу Вам и прошу известить меня, получена ли Вами моя посылка и что сделалось с ней? Во-вторых, я просил Вас о высылке Музейника и других матичных книг, которых я давно уже не получаю. – С принадлежным высокопочтанием имею честь оставаться Вам преданный

Я. Головацкий

Вильна 15 Апреля 1882 г.

№ 11

Многоуважаемый Адольф Иванович!

Уже несколько раз я писал к Вам, но, к несчастью, не получал ответа не понимаю почему. Неужли какой-нибудь Аргус бережет архилояльную Чехию от всякого прикосновения с схизматической Россией?! Сегодня я опять обращаюсь в Вам по делу. – На днях я послал по почте экземпляри моего Географического Словаря; из них один экз[емпляр] для Чешского Музея, затем по экс[емпляру] для гг. Ригера, Коларя, Вертиятки, Грегра, Вавры и один благоволите Вы принять от меня на память. Остальные 7 экс[емплярей] передайте в книжный магазин Кобера или другого книгопродавца на комиссию. Может быть, кто-нибудь и купит. Я адресовал их в Чеш[ский] Музей.

С давних пор я что-то не получаю ни вып[усков] Музейника, ни других издаваемых Матицей книг, также не знаю, по какой причине. – В делах Музея, должно быть, значится, когда мне доставлены последние книги, почему прекращается посылка. – Пожалуйста, сообщите управлению Чешского музея и заявите, что я еще живу и несмотря на мое переселение в Россию не отрекаюсь быть членом Чешской Матицы, и что я все интересуюсь успехами чешской литературы и сочувствую развитию чешской народности. В доказательство того могу привести, что кроме случайных посылок ежегодно высылаются от председательствующих мною комиссий – археографической и библиотечной – все издания этих учреждений, которые при особых официальных отношениях (т.е. в сопровождении официальных записок – Л.Л.) посылаются мною по почте в библиотеку Музея. К сожалению, не получая на мои отзывы никакого ответа, я не имею удостоверения, что эти издания доставлены по назначению, а, не получая книг Музейника, я лишен возможности знать, получены ли они или нет? Желательно было бы устра-

нить эту неславянскую невзаимность. Это прямо похоже на полономанию. Не хочу предполагать, что эта чума узконациональной исключительности своим заразительным духом повеяла на всегда передовую славянскую Чехию.

Если управление Музея, о чем не сомневаюсь, разрешит высылать причитающиеся мне свои издания, то прикажите их посыпать по почте. В Австро-Цислейтании, кажется, допускаются посылки за уплатой получателем на месте доставления книг. В таком случае могут быть засчитаны издержки на укупорку и пересылку. Если же непременно требуют уплаты у отправителя, то я с большим удовольствием возвращу деньги – или же Вы можете их взыскать от Кобера, если экз[емпляри] Словаря будут проданы, и Вы сделаете расчет на месте. – Не скотите ли Вы побывать в Одессе на б-ом археологическом съезде? Надеюсь, впрочем, что на нем будут представители Славо-Чехов – а то на прошлом съезде в Тифлисе не было никого, так что мне стало прямо стыдно, и невозможно было Вас извинить. По железной дороге Вам даже ближе и прямее, чем мне из Вильны на Киев или Брест-Литовск. Я не побоялся, несмотря на мой 70-летний век, поехать в Одессу, а оттуда, переплыть в длину Черное море, побывать в Тифлисе и через исполинский Казбек и Дарьяльское ущелье проехать обратно на лошадях; неужели у Вас, молодых, не хватит столько отваги – по гладкой чугунке прокатиться в Одессу? – Довольно сидеть в своей скорлупе – пора выйти на свежий воздух и расширить Славянский кругозор. До свиданья в месяце Августе!

Ожидая от Вас скорого ответа и много новостей. С почтением и истинною преданностью остаюсь покорным слугою

Я. Головацкий

Вильна 8 марта 1884 года

¹ Holovacký J. Cesta po Haličské a Uherské Rusi // Časopis Českého Musea. 1841. Seš. II. S. 183-223; III. 302-317; IV. S. 423-437. Эта работа вышла также на русском языке: Головацкий Я. Путешествие по Галицкой и Венгерской Руси // Денница. Варшава, 1842. Вып. 6. С. 73 и след.; Вып. 7. С. 114 и след.

² Holovacký J. O Halické a Uhorské Rusi // Abhandlungen der königlichen Böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften. V. Folge. Bd. XI (1860-1861). S. 353-376.

³ См. в "Приложении" письмо от 5 июня 1879 г.

⁴ Об этом сказано в письме от 1 марта 1880 г., текст которого в "Приложение" не вошел из-за недостатка места

⁵ Студинський К. Кореспонденція Я. Головацького в літах 1850-1862 // Збірник секції Наукового Товариства ім. Шевченка. Львів, 1905. Т. VIII-IX. [То же] в літах 1835-1849 // Там же. Львів, 1909. Т. XI-XII. В. Ганка (1791-1861), с 1819 г. бібліотекарь Чешского музея; знаток славянских языков; организатор, исполнитель и издатель многих подделок исторических документов; П. Й. Шафарик (1795-1861) – знаменитый чешский славист, автор фундаментальных работ "Славянские древности" (1837), "Славянская этнография" (1842) и многих

- др.; К.Ф. Зап (1812–1871) был в 1836–1845 г. чиновником во Львове, позднее преподавал историю и географию в одной из пражских гимназий.
- ⁶ Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель / Изд. В.А. Францев. Варшава, 1906. С. 222–237; Korespondence Pavla Josefa Šafařka. I. Vzajemné dopisy P.J. Šafařka a ruskymi učenci (1825–1861) / Vyd. V.A. Francev. V Praze, 1927. Čast I. S. 280–290.
- ⁷ Студинський К. Карло Яромир Эрбен і Яків Головацький. Львів, 1935; Slovanská korespondence Karla Jaromíra Erbena. Praha, 1971. S. 135–169. К.Я. Эрбен (1811–1870) – чешский поэт и историк, первый архивариус Праги.
- ⁸ См.: Hájek Z. Styky Jakiva a Ivana Holovackých s Josefom Podlipským a Františkem Cyrilem Kampeličkem // Franku Wollmanovi k sedmdesatinam. Sborník prací. Brno, 1958. S. 213–227. И. Подлипский – доктор медицины, радикальный демократ, действовавший особенно активно в период революции 1848–1849 гг. в Праге; Ф.Ц. Кампелик – единомышленник и коллега Подлипского, издатель первого журнала для рабочих “Гласник”, сторонник организации рабочей взаимопомощи.
- ⁹ Literurn. Archiv Památníku Národního Pásemnictví / Poz. A.Patera. Korespondence. В нашем распоряжении имеются ксерокопии.
- ¹⁰ Головацкий – Патере, 12 июня 1869 г. (см. “Приложение”).
- ¹¹ Головацкий – Патера, 11 августа 1873 г. (см. “Приложение”).
- ¹² Головацкий – Патере, 21 ноября 1872 г. (см. “Приложение”).
- ¹³ Головацкий – Патере, 8 марта 1884 г. (см. “Приложение”).
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ См.: Slovanská korespondence Karla Jaromíra Erbena... S. 135.
- ¹⁶ См. об этом: Полянина Т.В. Я.Ф. Головацкий (1814–1888) – пропагандист славянской культуры // Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974. С. 195–201.
- ¹⁷ Речь идет о политическом процессе во Львове в 1882 г., где в деятельности в пользу России обвинялись Ольга Грабар (дочь А.И. Добрянского), сам А.И. Добрянский, Наумович, Площанский и др. Процесс закончился оправданием почти всех подсудимых. См. об этом: Документы к истории славяноведения в России (1850–1912). М.; Л., 1948. С. 108–109. А.И. Добрянский (1817–1901) – деятель национально-культурного возрождения Прикарпатской Руси; И.Г. Наумович (ум. в 1891 г.) – священник, галичанин, общественный и культурный деятель, публицист. В.М. Площанский (ум. в 1902 г.) – западноукраинский писатель, редактор выходившей во Львове с 1860 г. газеты “Слово”; впоследствии переселился в Россию, как и Я.Головацкий, из-за преследований австро-венгерских властей.
- ¹⁸ Головацкий – Патере, 22 марта 1882 г. (см. “Приложение”).
- ¹⁹ Головацкий – Патере, 15 апреля 1882 г.
- ²⁰ Головацкий – Патере, 5 июня 1879 г. (см. “Приложение”).
- ²¹ Головацкий действительно обращался к Эрбену с подобной просьбой, о чем свидетельствует письмо виленского ученого к пражскому от 29 апреля 1869 г. (см. Slovanská korespondence Karla Jaromíra Erbena. S. 165–166). Но в 1870 г. Эрбен умер, и дальнейшее посредничество осуществлял в этом деле А.Патера.
- ²² Головацкий – Патере, 18 июля 1869 г.
- ²³ Головацкий постоянно называет Патеру “Адольф Иванович”, а в отдельных случаях и “Антоний Иванович”, тогда как все остальные российские корреспонденты обращались к Патере “Адольф Осипович”, т.к. отца Патеры звали Йозеф.
- ²⁴ Речь идет о Яне Станиславе Скрейшовском, известном политике и публицисте, издававшем в Праге на немецком языке газету “Политик” резкой антиав-

- стрийской направленности. Газета несколько раз запрещалась, а в 1872–1873 г. австрийские власти организовали против Я.С. Скрайшовского очередной судебный процесс.
- ²⁵ Франтишек Скрайшовский, брат Яна Станислава, был сторонником пассивной оппозиции властям, отличался консервативными взглядами и русофильством.
- ²⁶ Головацкий – Патере, 20 декабря 1872 г. (см. “Приложение”).
- ²⁷ Очерк носит название “Описание картинок, представляемых к срисованию, с показанием, как они должны быть исполнены” и является приложением к письму Головацкого Патере от 10 июня 1873 г.
- ²⁸ Время отправления соответствующих писем: июль 1873 г. (помечено Патерой, в тексте даты нет) и 11 августа 1873 г. (датировка самого Головацкого).
- ²⁹ Головацкий – Патере, 7 января 1874 г. (см. “Приложение”).
- ³⁰ Головацкий – Патере, 28 февраля 1873 г.
- ³¹ Имеется в виду научный энциклопедический словарь Ф.Л. Ригера (1818–1903), чешского ученого и политика, одного из вождей старочешской партии (*Riegrův Slovník Naučný Praha, 1859–1874*). Соответствующие просьбы содержатся и в письмах Головацкого от 17 марта и 30 ноября 1870 г., 26 сентября, 21 ноября и 11 декабря 1872 г., 20 апреля 1873 г., 4 января 1874 г.
- ³² Ф.В. Сасинек (1830–1914) – словацкий философ, богослов и историк, издатель исторических источников, автор многих трудов по истории Венгрии. В данном случае речь идет, видимо, о книге Сасинека *Dejiny kráľovstva Uhorského*. D. I. Banská Bystrica, 1869; D. II. Turcianská Sv. Martin, 1871.
- ³³ О Ригере см. примеч. 31. “Колар” – скорее всего Йозеф Колар (1830 – 1910) – литературовед, специалист по русской поэзии, славист широкого профиля; “Верятъко” – А.Я. Врятъко (1815–1890) – историк чешской литературы, с 1861 г. – главный библиотекарь Чешского Музея; “Грегр” – возможно, Эдуард Грегр (1827–1907), один из основателей младочешской партии, редактор газеты “Народни Листы”, или его брат Юлиуш Грегр (1831–1896), один из основателей младочешской партии, издатель “Народных Листов”; “Вавра” – вероятно, Эмануэль Вавра, сотрудник газеты “Народни Листы”, зять известного радикального демократа К. Сабины, участник поездки на Этнографическую выставку 1867 г. в России, автор записок о пребывании в Москве и Петербурге.
- ³⁴ Подробнее см. в ст.: *Laptěnová L.P. Korespondence I.I. Sreznevského a A. Patery // Sovětsko-československé vztahy*. Praha, 1982. XI. S. 97–112.
- ³⁵ Аргус – в античной мифологии стоглазый великан, которого верховная богиня Олимпа Юнона послала стеречь Ио, любовницу Юпитера (мужа Юноны), превращенную в корову.
- ³⁶ Этот материал частично затронут ранее в нашей статье: Лаптева Л.П. Зв'язки Я.Ф. Головацкого с чеськими вченими (за даними його неопублікованих листів до Адольфа Патери) // Проблеми слов'янознавства. Львів. 1992. Вип. 44. С. 110–118.

ЗАМЕТКИ ИСТОРИКА
ОБ АРХИВНОМ ОПИСАНИИ:
РУСЬКА (ВОЛИНСЬКА) МЕТРИКА.
РЕГЕСТИ ДОКУМЕНТІВ КОРОННОЇ
КАНЦЕЛЯРІЇ ДЛЯ УКРАЇНСЬКИХ ЗЕМЕЛЬ
(ВОЛИНСЬКЕ, КИЇВСЬКЕ, БРАЦЛАВСЬКЕ,
ЧЕРНІГІВСЬКЕ ВОЕВОДСТВА) 1569–1673/
ПЕРЕДМОВА ПАТРИЦІЇ КЕННЕДІ ГРІМСТЕД.
КИЇВ, 2002. 983 с.

Вышел в свет очередной том, посвященный описанию архивных материалов по истории Восточной Европы, подготовленной неутомимой их исследовательницей П. Кеннеди Гримстед¹. Впрочем, последнее утверждение не совсем точно – том подготовлен огромным международным коллективом польских и украинских специалистов² под руководством американской архивистки, вынесшей основные тяготы не только самого описания, но и координации усилий коллег из разных стран и изыскивавшей источники многолетнего финансирования такого дорогостоящего начинания, осуществленного лишь благодаря грантам Совета по международным исследованиям и обменам, Фонда кафедр украиноведения США и Генеральной дирекции государственных архивов Польши. Недаром в грифе упомянуты восемь учреждений. Среди них стоящие на уровне министерских Государственный комитет архивов Украины, Генеральная дирекция государственных архивов Польши, Федеральная архивная служба России. Другие являются архивными и научными: Центральный государственный архив Украины в Киеве, Институт украинской археографии и источниковедения им. М.С. Грушевского НАН, Главный архив древних актов, Институт истории ПАН, Российский государственный архив древних актов и наконец Украинский научный ин-

ститут Гарвардского университета. Их сотрудники принимали деятельное участие в подготовке весьма объемистого и содержательного тома.

Том открывается титулами и оглавлениями на четырех языках (украинском, английском, польском и русском), за которыми следует краткое вступительное слово П. Кеннеди Гrimстед и Г.В. Боряка с изложением долгой истории подготовки тома, длившейся с начала 70-х годов XX в., а в 1979–1984 гг. прерывавшейся в связи с движением Солидарности в Польше. Здесь же авторы вкратце изложили программу своей деятельности: публикации подокументного описания книг “Русской” метрики в трех вариантах – оригинальных заголовков, реестров описания Стефана Казимира Ганкевича 1673 г. и обнаруженного в РГАДА инвентаря Яна Францишка Цивиньского около 1765–1775 годов.

Замысел становится понятен после ознакомления с “Введением” П. Кеннеди Гrimстед (полный текст опубликован на украинском, С. 32–138, сокращенные – на остальных рабочих языках издания). Автор давно и убедительно доказала принадлежность коронной канцелярии особой серии книг – Волынской метрики³, входившей согласно представлениям XIX в. в состав так называемой Литовской метрики. Она связывает возникновение этой серии с политико-административными переменами 1569 г.: переходом трех воеводств Великого княжества Литовского – Волынского, Брацлавского и Киевского в состав Короны Польской. Поэтому в первом параграфе введения характеристика самой Русской метрики она предпосылает обзор Коронной метрики, учитывая все новейшие достижения в области ее издания и изучения⁴. В Коронной метрике, равно как и в литовской канцелярии приблизительно с середины XV в., как полагает автор, а скорее с 80-х годов, как считал известный литовский историк Э.Д. Баненис, велись книги, в которые вносились копии исходящих актовых документов, в конце XV в. они получили название “метрики”. Это название было закреплено описью Коронной метрики 1620 г. и Литовской метрики 1623 г., опубликованными на протяжении 80–90-х годов прошлого века. Первоначально, по мнению П. Кеннеди Гrimстед, это название не относилось к фискальным и судебным документам, которые позднее были объединены с актовыми. Разделение книг на серии произошло после возвращения их из шведского “плена” согласно Оливского мира 1660 г.

П. Кеннеди Гrimстед прослеживает этапы выделения из общего ряда книг записей Коронной метрики, куда заносились акты частного характера, книг публичных дел, окончательно оформленных в XVIII в., рассказывает о книгах сигиллят 1658–1673 гг., т.е. списках документов, скрепленных печатью главной

Коронной канцелярии (российской аналогией их являются книги Печатного приказа, первая из которых за 1613 год, скопированная еще С.Б. Веселовским в начале 20-х годов XX в., увидела свет в 1998 г.⁵).

Введение выходит далеко за рамки непосредственно изучаемой темы. Автор останавливается на вопросах содержания, сохранности и теперешнего местонахождения посольских книг Коронной метрики (С. 39–44). В связи с тем, что ныне подобные документы обнаружены в библиотеке Чарторыйских в Кракове (в коллекции Яна III Собеского, Бжостовских) и других, автор ставит новую задачу создания алфавитного справочника посольских книг (С. 43).

Параграф 2 введения посвящен непосредственно “Руськой” метрике. Предпосылкой выделения этих книг автор вслед за С. Пташицким справедливо считает сохранение автономии вошедших в состав Короны Польской воеводств и традиционное употребление “русской мовы” в документах, адресованных в этот регион. Традиция дала себя знать и в способе ведения книг новой метрики, стиль которого восходит к аналогичному Коронной и отчасти Литовской метрик. Первое описание ее принадлежит коронному секретарю Ст. Ханкевичу. Это “Акти, тобто руські й польські книги Волинського, Брацлавського, Київського и Чернігівського воеводств” 1665–1666 г. и “Індекс публічних актів, або Реестр книг і в них королівських документів, привілеїв I декретів для чотирьох воеводств...” Все книги Руськой метрики общим числом 28 находятся в РГАДА. Еще один том за 1609–1612 гг., принадлежащий данной серии, обнаружен автором в Курникской библиотеке ПАН. Его судьба еще более причудлива. Том не был возвращен из Швеции в 1660 г., и только в 1810 г. оказался подарен шведским королем Адаму Ежи (Юрию) Чарторыйскому⁶. Отдельные черновые записки за подписью писаря Яна Бедермана 1631–1652 гг., отмеченные Ханкевичем, пребывают в Варшаве.

Серия получила различные названия: у С.Л. Пташицкого – это Волынская метрика, поскольку Волынь в заголовках книг стоит всегда на первом месте, в польской историографии, в которой термин Украина в современном понимании слова не употреблялся, было принято альтернативное наименование – Русская или Волынская. На печатных наклейках переплетов XVIII в. встречается и такой заголовок: “Книги ... руським письмом”, указывающий не столько на географическую приуроченность книг, сколько на их языковую особенность⁷. Термин же метрика появился в описях 1620 г. и вполне утвердился на протяжении XVII в.⁸

В третьем параграфе автор Введения предлагает суммарную типологию документов. В связи с несомненным отставанием в

развитии литовской дипломатики, заметным всем исследователям⁹, этот раздел представляет особый интерес. П. Гринстед выделяет королевские жалованные акты или данные привилеи (*donatio, nadanie, данина*), привилеи местам и местечкам на права и льготы, пожалования должностей (урядов) и титулов. Неясно, на какой род документов автор распространяет наименование подтверждения (*confirmatio*). Судя по расположению текста о них (С. 55), подтверждения касались лишь городских привилеев. Впрочем, королем подтверждались и акты частного происхождения – записи (*inscriptiones*), однако их первоначально не выделяли из общего ряда королевских документов (в отличие от судебных документов, которые заносились в особые книги, по большей части ныне уже не существующие). К сожалению, автор рассмотрела далеко не все типы и разновидности документов¹⁰; отказавшись от идеи хронологической периодизации употребления тех или иных терминов. Однако эволюция их употребления могла бы пролить дополнительный свет на становление правового сознания архивистов-практиков с одной стороны, и процесс полонизации в этой сфере – с другой. Этот последний процесс можно проследить и по системе записей. Так, фамилия Краевский в оригинальном заголовке РМ-2 № 26 воспроизведена кириллицей в полонизированном варианте: Кгржаевский.

Параграф 4 посвящен персональному составу канцелярии и особенностям книг до 1629 г. П. Кеннеди Гринстед занялась восстановлением имен “подписков”, непосредственных копиистов, аналогичных подьячим в Российском царстве, а также писарей, лично отвечавших за составление документов и точность их копирования в книги. Автор рисует карьеру трех основных писарей первого пятидесятилетия Речи Посполитой: Лаврина Гневошевича Песочинского, Евтика Высоцкого, Флориана Семеновича Олешко¹¹. К сожалению, автора не заинтересовал особый стиль и почерк записей разных писарей, которым по-видимому и принадлежали оригинальные заголовки документов. Думается, это не праздный вопрос. Полнота заголовков в какой-то мере соответствовала и качеству самой копии (во всяком случае подобная закономерность прослеживается на материале б-й книги записей Литовской метрики). Изучение стиля записей и заголовков может уточнить наши представления о достоверности материалов метрик как Литовской, так и Коронной.

Организация работы и распределение обязанностей писарей на протяжении этого времени неоднократно менялись: писари то находились при канцлере, то при подканцлере, то сразу при обоих, ведая и светскими и духовными делами. Аннексия Черниговской и Новгород-Северской земель в 1618 г. привела к переменам

в организации делопроизводства при канцлере Ф. Крийском (1613–1618), ибо привилеи для этих земель выдавались исключительно на польском языке. В 30-е годы выделились книги судебных дел, которые вел скончавшийся в 1652 г. Бедерман.

Процесс полонизации, активно происходивший на протяжении начала XVII в. (см. работы Т. Хинчевской-Хеннель, Сл. Гавласа, И. Грали, Г. Литвина, Я. Тазбира, Н.Н. Яковенко), уже в 40-е годы привел к двукратному уменьшению доли русскоязычных документов, вышедших из коронной канцелярии, сравнительно со вторым десятилетием того же столетия. Одновременно все большее число актов, касающихся украинских земель Короны, оказалось зафиксированным в книгах Коронной метрики и оформленным коронными, а не русским писарем (С. 73–76). В отличие от них в судебных документах “русская” мова сохранялась дольше (С. 70–72). Изменялась и роль “русского” писаря, так, Ян Бедерман занимал должность лишь “русского” декретового писаря. О понижении статуса “Русской” метрики наглядно свидетельствует ухудшение качества переплетов ее книг, начиная с 12-й за 1613–1617 гг.

Обзор книг “Русской” метрики завершается подробнейшей характеристикой деятельности метриканта Коронной метрики Стефана Казимира Ханкевича (1653–1673), плодом которой остался Синопсис – инвентарь книг “Русской” метрики и ее подокументная опись (Индекс). Внешнеполитические события, переход Брацлавщины и южной части Киевской земли под власть Османской империи лишили власти Речи Посполитой необходимости продолжать “Русскую метрику”. Отныне документы, адресованные на Волынь, заносились в Коронную метрику.

Таким образом, П. Кеннеди Гримстед наглядно продемонстрировала, что история функционирования “Русской” метрики тесно связана с политико-административными переменами государственного статуса украинских земель, определившими и судьбу их правового наследия¹².

Архивная судьба “Русской” метрики – тема последнего третьего раздела Введения. Автор подробно описывает переплеты книг “Русской” метрики, их художественное оформление, этикетки, маркирование обреза, характер внутренних реестров XVII в., снова возвращаясь к спискам книг начала XVII в., воспроизводит фрагмент описи Коронной метрики 1627 г. с упоминанием книг русских и волынских привилеев (С. 106), что еще раз доказывает родство этих двух метрик. В этой же главе исследовательница знакомит читателя с основными выводами своего предшествующего исследования Синопсиса Ханкевича, в который были занесены 24 книги “Русской” метрики, получившие буквенную нуме-

рацию¹³, его же Индекса, первой подокументной описи РМ, и описи Фр. Цивинского 1768–1773 гг., копии Ст. Козелло 1803 г. с этой второй описи РМ. Наряду с ними архивистка впервые подробно характеризует деятельность Стефана Козелло, санкт-петербургского метриканта, и созданные в течение XIX в. описи Анджея Гулиньского, попытки создания описи Людвика Зельверовича, описание Пташицкого и, наконец, архивистов Москвы и Варшавы во второй половине XX в.

Этот раздел Введения, который можно было бы назвать внешней критикой такого многотрудного для изучения памятника, замыкает вступительную часть на украинском языке. Однако автор Введения и редакция очевидно не доверяют своему будущему читателю – специалисту по истории Восточной Европы, полагая, что он не способен читать по-украински и дополняют книгу ненужными сокращенными вариантами на трех иных языках, лишенными даже номеров сносок на научный аппарат в полном, украинском варианте (С. 139–216).

Следующий, основной раздел книги, публикация подокументного описания содержания книг вводится отдельным предисловием “Археографические принципы”, написанным Г.В. Боряком и Н.Н. Яковенко (С. 217–224). Хорошо информированные относительно различных методических разработок по поводу передачи текстов, они предлагают свой вариант, отличающийся от всех предшествующих. По их мнению, в оригинальных регистрах книг метрики употреблялась “староукраинская мова” и лишь изредка старопольский язык (С. 218). Первый из этих лингвистических терминов находится в противоречии (не оговоренном и не объясненном) с точкой зрения автора введения и более ранним мнением одного из авторов раздела “Археографические принципы” – Н.Н. Яковенко¹⁴: Это положение Боряка-Яковенко о староукраинской мове стало исходным для принятых правил передачи текстов, графика которых, на наш взгляд, подверглась некоторой украинизации в соответствии с нормами современного украинского языка. Последнее сделано для облегчения участия читателей, в умственных возможностях которых теоретики археографии сомневаются видимо еще больше, нежели автор Введения. Боюсь, напрасно...

Вызывают сомнение и некоторые другие принятые для передачи текстов нормы. Авторы “Археографических принципов” полагают, что выносное “г” можно считать за две буквы, хотя очевидно, что речь идет об одной, вторая просто пропущена и не может быть приравнена к зряному читателем “г”. Непонятно почему не раскрываются титла, как и почему они в ряде мест вообще не отмечены (но это уже практика, а не теория).

Польские тексты в соответствии с принятой в самой Польше традицией особо подверглись модернизации. Впрочем и здесь нет единой нормы. Если производилась простая транслитерация латиницей кирилических текстов, то археографы сохраняли “оригинальную орфографию” (С. 219). В данном случае читатель, оставленный наедине с текстом, действительно может не понять, какой из принципов передачи польскоязычных текстов применен в том или ином случае. Применение подобной нормы в какой-то мере отсекло лингвистов от тех, для кого издание могло бы стать настольной книгой.

К сожалению, теоретики публикации и в других случаях не привели правила передачи кириллических и латинских текстов к единому знаменателю. Если в первых наименования местностей пишутся с большой буквы, то в польских – со строчной, что вызывает некоторое удивление.

Неясно, почему опущены заверительные подписи писцов, прекрасный источник для досконального изучения их деятельности и организации работы и восстановления первоначальных тетрадей или фасцикул. А ведь авторам “Принципов” должны быть известны блестящие работы Э.Д. Банениса, построенные на основе изучения именно тетрадей. Иногда пропущены маргиналии XVIII в.: так, не воспроизведена латинская запись на титульном листе РМ-2: *Ab anno 1569 post unionem Ducatum Lithuaniae, Kiowiae, Volhyniae, Podlachiae* (С. 235–236).

Ни автор *Введения*, неоднократно отмечавшая роль первых публикаций материалов РМ Н.П. Ковалевским¹⁵, ни авторы “Археографических принципов” не поставили даже вопрос об указании предшествующих публикаций, хотя подобная практика стала обычной в изданиях литовских и белорусских коллег. Отсутствие этих данных несколько обедняет рецензируемый том и затрудняет будущему пользователю работу с материалами РМ.

Но перейдем к рассмотрению самих регестов. Последовательное сопоставление трех регестов подтверждает наблюдение Г.В. Боряка и Н.Н. Яковенко о наибольшей полноте описи Яна Фр. Цивинского, внимательно относившегося главным образом к топонимам в связи с обострившейся борьбой за земли (факт подобной борьбы уже был отмечен Н.Н. Улащиком). Впрочем, порой оригинальные заголовки содержали большую информацию, чем описи Ханкевича и Цивинского (РМ I № 11, 20). Так РМ I № 2 имеет оригинальный заголовок “Волность от мыт. месту Любецкому, мещаном и жидом, которые в месте Любецком мешкают”. В описях опущена часть заголовка после слова “Любецкому”. Трудно сказать, проявилась ли здесь ксенофobia Ханкевича-Цивинского или это простое сокра-

щение заголовка. Вопрос очевидно нуждается в отдельном исследовании.

Нередки случаи полного совпадения оригинальных и двух последующих реестров – в ранних книгах это касается в основном завещаний, иногда данин и потвержений (конфирмации), в более поздних – тех же конфирмаций, а также консессов, декретов, т.е. судебных документов. Весьма значительная часть подобных совпадений заставляет задуматься о целесообразности публикации полных текстов архивных описей XVII–XVIII вв. Конечно, дело – грандиозное по замыслу – сделано, но все же подобные издания как бы с “излишествами” кажутся непозволительной роскошью, тем более что ныне существует возможность распространения научной информации на дисках.

Однако и теперь, еще до публикации самих книг, исследователь землевладения, положения церкви и духовенства, государственной внутренней политики, социально-экономического развития Украины начала нового времени получает справочное пособие – своего рода ключ к сокровищнице сведений по всем этим вопросам, тем более что издание оснащено двумя указателями: именным и географическим, дублированным на двух языках – украинском и польском.

К сожалению, редакторы и автор максимально затруднили читателю пользование полным текстом введения. Имена и географические наименования из этой части книги оказались невключенными в соответствующие указатели. Думается, можно было бы несколько ужать указатели, в данном случае на украинском и польском языках, взяв за основу язык (на русской мове или польском) первого упоминания той или иной личности или местности (с указанием поисковых данных), а от других сделать лишь ссылку к первому, но поместить в оба указателя имена и географические наименования, упомянутые во Введении.

Многочисленность редакторов не избавила книгу ни от некоторых повторов и нелогичностей, ни от опечаток¹⁶, правда весьма немногочисленных. Сведения о биографии Яна Бедермана сообщаются отнюдь не при первом упоминании этого писаря, но постепенно. Автор Введения пренебрегает точным названием Российского царства, последовательно сохраняя верность польскоязычной традиции: Московия вместо Россия (С. 77), хотя ссылку на соответствующую статью рецензентки на этот счет она поместила. Пренебрегла автор и работами российских ученых по истории Украины. Так, ей остались неизвестны работы Г.А. Санина.

В заключение два слова об удачном полиграфическом оформлении книги. Ее переплет и вытесненная на нем рамка слегка напоминают переплеты книг РМ. Книга снабжена много-

численными иллюстрациями, как правило, воспроизведениями титульных листов, что дает представление об их оформлении. Хорошая печать и бумага облегчают чтение. Однако отсутствие колонтитулов не способствует ориентации в столь многослойном и сложном комплексе.

П. Кеннеди Гримстед ясно осознает задачи, стоящие перед следующим поколением исследователей Украины и ее архивного наследия. Прежде всего нужна новая подокументная научная опись по образцу той, что готовили еще до 1917 г. Н.Г. Бережков и С.К. Шамбинаго по материалам 5–12-й книг записей ЛМ¹⁷. Необходима публикация и тематическая, подобная той, что сделал Н.П. Ковальский, и целыми книгами, как теперь издают ЛМ. Нужны новые исследования национально-религиозных отношений и социально-экономического развития Украины, казацких движений и попыток организации казацкой государственности. Но кто бы и чем бы не занимался, названными выше проблемами или совсем иными, он с благодарностью будет пользоваться изданными коллективом авторов регестами “Руськой” метрики.

¹ Ее имя хорошо известно историкам Восточной Европы как аналитическими работами, посвященными истории Литовской метрики (*Kennedy Grimsted P. with coll. of I. Sulkowska-Kurasiowa. The “Lithuanian Metrica” in Moscow and Warszawa: Reconstructing the Archives of the Grand Duchy of Lithuania. Cambridge (Mass.), 1984; Рец.: Светенко А.С., Хорошевич А.Л.* П. Кеннеди Гримстед при участии И. Сулковской-Курасовой. “Литовская метрика” в Москве и Варшаве // Советские архивы. 1986. № 2. С. 86–88), судьбам перемещенных в ходе второй мировой войны культурных ценностей, так и библиографическими справочниками по истории отдельных государств этой части Европы (*Kennedy Grimsted P. Archives and Manuscript Repositories in the USSR. Estonia, Latvia, Lithuania, and Belorussia Princeton, 1981; Eadem. Archives and Manuscript Repositories in the USSR. Ukraine and Moldavia. Book 1: General Bibliography and Institutional Directory. Princeton, 1988*).

² Среди них хотелось бы назвать тех людей, чья научная судьба уже много лет связана со знаменитыми фондами Литовской и Коронной метрик в РГАДА и Коронной метрики в АГАД: Ирену Сулковскую-Курасеву (соавтора П. Кеннеди Гримстед в 1984 г.), Н.Н. Яковенко и Г.В. Боряка, вместе с Л. Демченко составивших редакционную коллегию тома. Составителями наряду с самой П. Кеннеди Гримстед выступили Г. Боряк, Г. Вайс, К. Вислобоков, Л. Демченко, В. Кравченко, В. Страшко, Н. Яковенко. С довольно трудной задачей программного обеспечения проекта блестяще справился О. Сохань. О других участниках издания см. с. 6, 8, 10 и особ. 25–26. Имена рецензентов рукописи тома, в том числе и российских, издатели сохранили в тайне от общественности, хотя некоторые замечания, сделанные ими, учли.

³ Кеннеди Гримстед П. Руська метрика: книги польської коронної канцелярії для українських земель, 1569–1673 // Український історичний журнал. 1989. № 5. С. 52–62; Grimsted P. The Ruthenian (Volhynian) Metrica: Polish Crown Chancery Records for Ukrainian Lands, 1569–1673 // Harvard Ukrainian Studies. 1990. Vol. 14. P. 7–60.

- ⁴ Стоит упомянуть, что параллельно с П. Кеннеди Гримстед материалы Волынської метрики изучал П. Кулаковский, который в кандидатской диссертации 1992 г. охарактеризовал книги Волынської метрики, как источник по истории Київського и Брацлавського воеводств, подготовил к изданию последнюю 29-ю книгу (Руська (Волинська) метрика. Книга за 1652–1673 рр. / Підг. до друку П. Кулаковський. Острог; Варшава; Москва, 1999) и написал монографию о канцелярии этой метрики (*Кулаковський П. Канцелярія Руської (Волинської) метрики 1569–1673 рр.: Студія з історії українського регіоналізму в Речі Посполитій*. Острог; Львів, 2002).
- ⁵ Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.) / Сост. ак. С.Б. Веселовский; подгр. к печати Н.К. Ткачева. М.: Наука, 1994.
- ⁶ *Kennedy Grimsted P. A Missing Volume of the Ruthenian Metrica: Crown Chancery Documents for Ukrainian Lands, 1609–1612, from the Kógnik Library of the Polish Academy of Sciences // Harvard Ukrainian Studies*. 1987. Vol. XL, N 3/4. P. 487–520.
- ⁷ Этим и объясняется тот факт, что в книге “Руськой” метрики случайно, только на основе языка посланий, попали и грамоты Ивана IV, адресованные польскому королю.
- ⁸ Подробнее и точнее см. об этом: *Кулаковський П. Канцелярія...* С. 28–33.
- ⁹ Укажем, в частности, мнение М.М. Крома (Радзивилловские акты первой половины XVI в. в Российской национальной библиотеке. М.; Варшава, 2002. С. 21). В настоящее время ситуация исправляется. Автор новых методических рекомендаций по изданию книг Литовской метрики (в печати) А.И. Груша особое внимание уделяет именно классификации документов. К сожалению, настоящая рецензия написана до ознакомления с трудом А.И. Груши, в 2002 г., и несколько устарела.
- ¹⁰ Отсутствует и специальное дополнение – словарь актовых терминов, в котором будет нуждаться каждый, кто впервые обратится к изучению материалов метрики. В советских и российских публикациях актового материала, равно как и в белорусских изданиях книг Литовской метрики, обычно присутствует такой элемент научно-справочного аппарата. В свете наблюдений П. Кулаковского, к сожалению, не использованных автором рецензируемой книги, представлялось возможным определить и динамику различных типов документов и их соотношение с аналогичными актами Коронной метрики. См.: *Кулаковський П. Канцелярія...* С. 13 (библиогр.), 108–116.
- ¹¹ Более полные и разносторонние сведения о писарях и “підписках”-подьячих см.: Там же. С. 139–190.
- ¹² Эта мысль, в общей форме изложенная П. Кеннеди Гримстед, в монографии П. Кулаковского 2002 г. получила более широкое звучание, что впрочем достойно отдельного рассмотрения.
- ¹³ Том, для которого была предназначена буква “Р”, был найден исследовательницей в Курнике.
- ¹⁴ Н.Н. Яковенко в 1990 г. считала, что под руської мової подразумевалась старобелорусская (Яковенко Н.М. Чи вірно, що у Великому князівстві Литовському довгий час державною мовою була руська? // Історія України в запитаннях та відповідях. Київ, 1990. Вип. 2. С. 5–7), в чем ее поддержал П. Кулаковский (*Кулаковський П. Канцелярія...* С. 22). Для изучаемого периода дифференциация руської мовы не зашла еще так далеко, чтобы можно было бы последовательно отличать канцелярские тексты на староукраинском и старобелорусском языках: Рецензентка по-прежнему считает наиболее подходящим термин “руська или руска мова” без уточнения ее национальной принадлежности.

¹⁵ Ковальский Н.П. Источники по истории Украины XVI–XVII вв. в Литовской метрике и фондах приказов ЦГАДА. Днепропетровск, 1979; *Он же.* Локационные и магдебургские грамоты городам Украины в составе коронных книг записей “Литовской метрики” второй половины XVI – первой половины XVII в. // Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории: Межвуз. сб. научн. тр. Днепропетровск, 1983; *Он же.* Источниковедение социально-экономической истории Украины (XVI – первая половина XVII в.): Акты о городах. Днепропетровск, 1983.

¹⁶ Укажем некоторые из замеченных. Титул книги РМ-2 имеет несколько: это *полского* вместо *польского*, *князьтвом* вместо *князьтвом* (с выносным “*м*”), *киевское* вместо *Киевъское*.

¹⁷ Описание документов архива. II: Книги Литовской метрики / Подг. Н.Г. Бережков и С.К. Шамбинаго // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1915. Кн. 21.

А.Л. Хорошкевич

HANDBUCH DER GESCHICHTE WEIßRÜBLANDS /
HRSG. VON D. BEYRAU UND R. LINDNER.
GÖTTINGEN, 2001. 543 S.

СПРАВОЧНАЯ КНИГА ПО ИСТОРИИ
БЕЛОРУССИИ / ПОД РЕД. Д. БАЙРАУ,
Р. ЛИНДНЕРА. ГЁТТИНГЕН, 2001. 543 с.*

Общий интерес западной науки к прошлому и настоящему Белоруссии начал заметно возрастать к середине 90-х годов XIX в., причем почти сразу же лидировать в этом отношении стали немецкие ученые. В отличие, например, от США, где основной контингент подобных исследователей составляли до последнего времени представители белорусской диаспоры, создавшие на общественных началах даже свои собственные, весьма успешно работающие не одно десятилетие научные центры, среди которых первенствующее место, несомненно, принадлежит Белорусскому институту науки и искусства в Нью-Йорке, в Германии были задействованы иные силы и в целом использован иной принцип широкого освоения новой исследовательской области. Все это как нельзя лучше демонстрирует и рецензируемая книга, подготовленная большим международным авторским коллективом, сложившимся в процессе многолетней работы над ней. Международная научная коопeração, в которой приняли участие более двадцати ученых из Белоруссии, Германии, Польши, Великобритании, Чехии, Канады, Швейцарии, Австрии и Венгрии, отразила важные глобальные особенности развития белорусоведческих исследований последних лет, а также подходы к формированию научной инфраструктуры, перспективность развития которой представляется вполне вероятной.

Новизна и сложность белорусоведческой тематики, немногочисленность собственных сил, в значительной своей части рекрутируемых из русистов и бывших советологов, заставила немецких славистов пойти по пути привлечения специалистов из других стран, прежде всего из самой Белоруссии. В определенной степени данный подход всегда был характерен для Германии. Едва ли

* Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований ОИФН РАН “История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте”. Проект № 10002–251/ОИФН-01/242–239/110703–1047.

не первым, весьма успешным и поучительным опытом такого рода стало издание в 1906 г. во Франкфурте-на-Майне объемной книги “Русские о России”¹, в которой представлены весьма содержательные очерки и о ряде ее народов, в том числе о евреях, поляках, финнах, армянах, украинцах, написанные их авторитетными учеными представителями, например, М. Грушевским.

Работа над “Справочной книгой по истории Белоруссии” осуществлялась в рамках широкомасштабного научного проекта с проведением международных встреч и конференций, финансируемых различными немецкими институциями. Все это постепенно позволило выработать более или менее согласованные методологические позиции, унифицировать терминологический аппарат. Сама книга, предназначенная прежде всего для немецкого читателя, стала главным итогом этого процесса, но, думается, не единственным, ибо по крайней мере еще одно обстоятельство весьма важно – сложение международной кооперации в данной сфере исследовательской деятельности, аналогов которой до сих пор не существовало.

Идейными вдохновителями и руководителями проекта выступили известный немецкий историк профессор Д. Байрау, директор Института истории Восточной Европы Тюбингенского университета, специалист по проблемам СССР и России XIX–XX вв., а также его молодой коллега Р. Линднер, активно работающий в области восточнославянской социальной истории, автор ряда интереснейших публикаций, посвященных преимущественно Белоруссии и Украине XX в. Думается, что профессиональные предпочтения идеологов проекта во многом определили его общее содержание и цели, а также оказались на самой структуре книги, которая, несомненно, является очень удачным, информационно насыщенным изданием.

Во вступительном слове и введении к “Справочной книге” (С. 9–22) Д. Байрау и Р. Линднер, подчеркивая желание “дать широкий обзор... истории Белоруссии... до начала XXI в.”, обосновывают свой выбор проблем, рассматриваемых в издании, останавливаются на трудностях, с которыми столкнулись в ходе реализации проекта. В качестве основных позиционно-проблемных категорий и подходов, ставших ориентирами для всего издания, Д. Байрау и Р. Линднер избрали географическое и политическое пространство (“регион, малая родина и национальное государство”), социальный состав общества, сословно-этническую динамику его развития, “неопределенность национальной идентификации”, видение Белоруссии как арены социокультурных, политических и техногенных катастроф. Безусловно, это явилось всего лишь общим внутренним понятийно-смысловым фокусом изда-

ния, а не диктатом в отношении авторского коллектива, ибо “авторы представляют различные историографические и политические традиции”.

Кстати об историографии, внимание ей, точнее небелорусской ее составляющей, уделяется более чем скромное – всего на полутора страницах, причем речь идет только о западных изданиях, конечно же весьма немногих и, как кажется, подобранных по принципу принадлежности к исследованиям историко-политического плана. В этой связи, понимая важность констатации редакторов труда о том, что он “является первой масштабной попыткой предпринятого на немецком языке обзора истории Белоруссии как государства и исторического региона”, хочется напомнить хотя бы о существовании целого ряда даже не упомянутых ценных немецкоязычных изданий по белорусоведению, не говоря уже об иных неславянских языках.

Первой немецкой книгой о Белоруссии стал полуторасотстраничный томик В. Егера “Белоруссия: Страна. Население. История. Народное хозяйство. Культура. Поэзия”, опубликованный в Берлине в 1919 г.² Это издание, освещающее историю белорусов от древности до момента образования БНР, конечно же компилитивное, уже тогда достаточно подробно знакомило немцев с неизвестным им дотоле народом. Для своего времени книга В. Егера, отмеченная в самой Белоруссии несколькими рецензиями, была важным явлением, свидетельствующим, по словам Н.Я. Байкова, о “старательности немцев, собравших то, что является наиболее существенным в различных областях жизни белорусского народа”³. К сожалению, пионерский труд этот, стоявший у истоков немецкого белорусоведения и опережающий на четверть века аналогичную по заглавию книгу Е. фон Энгельгардта, от которой Д. Байрау и Р. Линднер ведут свой историографический отсчет не получил, никакой оценки в рецензируемой “Справочной книге”. Что же касается общей характеристики современных тенденций западного белорусоведения, то состоявшийся в 2000 г. III Международный конгресс белорусистов констатировал: “На Западе разворачивается движение, которое условно можно назвать белорусологией и которое ставит перед собой преимущественно политические цели”⁴.

Разговор об историографии в “Справочной книге” на этом все же не заканчивается, а переходит в своего рода историософский обзор собственно белорусских исследовательских взглядов последних полутора веков, который открывает первую из трех основных частей книги: “Историография и геральдика”, “Хронология с X до начала XXI в.”, “Аспекты социальной и культурной истории”. В первой части издания (С. 25–66), помимо обзора

Р. Линднера, самого объемного из статей в нем помещенных, приведен в переводе с русского языка, как, впрочем, и материалы большинства других зарубежных участников проекта, весьма содержательный очерк Д. Семушкина “Гербы и государственная символика белорусов от Средневековья до современности”, составленный в значительной мере на основе работ известного белорусского историка А. Титова. Обзор Р. Линднера “Беларусь, отображенная ее историками”, опирающийся в большой мере на материалы недавно вышедшей его книги “Историк и власть”⁵, – весьма оригинален. Несомненно, это одна из самых заметных новаций в белорусоведении последнего времени, развивающая уже и иными исследователями, в том числе белорусскими. Автору удалось представить достаточно впечатляющую картину развития ряда ведущих направлений белорусской исторической мысли в XIX–XX вв. с момента появления работ “национально-исторических и “западнорусистских” в позднеимперское время” до “постсоветского периода” с его “национальной эйфорией” и наличием все еще действенных “старых сил”. Подобный взгляд со стороны, естественно, не лишен упущений, порой досадных, некоторых неверных трактовок, тем не менее он не только интересен, но и принципиально нов в белорусоведении в концептуальном плане. Симпатии Р. Линднера в большей мере на стороне молодых белорусских историков, о чем свидетельствует и их участие в подготовке “Справочной книги”, однако именно о них и поисках в их среде сведений приводится неоправданно мало. Подобная скучность едва ли оправдана, ибо за последние годы в Белоруссии заметно формирование нескольких новых центров исторической науки, где все большую роль играют молодые научные силы, нередко кооперирующиеся с иностранными исследователями, преимущественно польскими, до настоящего времени составляющими самый многочисленный и плодотворно работающий отряд зарубежного белорусоведения, о чем, кстати, книга дает лишь весьма относительное представление.

Вторая часть “Справочной книги”, “Хронология...” (С. 69–177), содержит девять примерно одинакового объема статей, написанных известными белорусскими авторами П. Лойкой, Г. Сагановичем, З. Шибекой и, в основном, “начинающими” западными белорусоведами Д. Марплзом (Канада), В. Бенеке (Германия), А. Зам (Германия), которые специализируются в области современной белорусской истории. Белорусские ученые представляют в данной части издания период до 1917 г., что, видимо, совсем не случайно, и говорит о желании руководителей проекта поручить в этом, да и в ряде других случаев, некоторые темы представителям небелорусской стороны – немцам, полякам, англичанам, ав-

стрийцам, канадцам. Так, Д. Марплзом, всемирно признанным специалистом по истории Чернобыльской катастрофы, написаны две статьи: “Белорусская Советская Социалистическая Республика (1917–1945)” и “Белорусская Советская Социалистическая Республика (1945–1991)”, В. Бенеке – “Кресы. Белорусские территории в Польской Республике (1921–1939)”, А. Зам – “От БССР к Республике Беларусь (1988–2001)”. Белорусские же авторы кратко прослеживают судьбу своих земель начиная со времен Киевской Руси (П. Лойко), в составе Великого княжества Литовского (П. Лойко и Г. Саганович), Речи Посполитой (Г. Саганович), Российской империи (З. Шибеко), что уже хорошо известно по их многочисленным публикациям, в ряду которых специальные монографии, в том числе различного рода “истории Беларуси”, включая академические⁶. Особо примечателен при этом один из акцентов Д. Марплза, стоящего на позициях оценки “советского режима” как своеобразного “творца и губителя Беларуси”, о чем он уже неоднократно писал⁷, и что в той или иной мере разделяют почти все западные участники проекта, включая и его руководителей, но в общем-то столь однозначно и упрощенно не воспринимается самими белорусами и белорусской научной элитой.

Третья часть книги – “Аспекты социальной и культурной истории” (С. 199–489), складывающаяся из пяти неравнозначных по объему разделов: 1) “Социальные структуры и экономика”; 2) “Развитие города”; 3) “Этнические и конфессиональные проблемы”; 4) “Война и потрясения в XX столетии”; 5) “Язык и литература”, – тематически самая насыщенная. В ее написании приняли участие 17 авторов из Белоруссии, Польши, Германии, Швейцарии, Великобритании, Австрии. К сожалению, небольшие объемы статей этой части (всего их здесь 19) вынуждали авторов в основном придерживаться справочного стиля повествования. Так, известные польские исследователи Т. Зелиньска и С. Александрович на пространстве одного печатного листа каждый излагают историю “элит в Белоруссии до конца XVIII в.” и историю “городов в белорусских областях Великого княжества Литовского”, а молодой белорусский ученьи А. Кохановский на неполных девяти страницах представляет сложнейший крестьянский вопрос от момента отмены крепостного права до начала коллективизации (1861–1929 гг.). Пожалуй, наиболее обстоятельно дана история Минска, преобразованного из “старого” в “новый” город и прошедшего сложную трансформацию губернского центра Российской империи в столицу БССР (З. Шибека и Т. Бон).

Из пяти статей этноконфессионального блока две посвящены судьбам белорусских евреев в XVII – первой трети XX в. (Э. Иоффе и Н. Иванов), что, пусть в абрисном изложении, важ-

но самим фактом включения в корпус истории Белоруссии этой мало изучавшейся до сих пор тематики, несмотря на социальную активность и общую численность (до 14% и более) данной части населения белорусских земель в указанный период. В местечках и городах евреи в целом составляли более половины жителей, в том числе в Минске, а, например, в стариинном Слуцке их было среди горожан почти 80%. В то же время, к сожалению, более чем фрагментарны из-за небольших объемов тематически принципиально важные две статьи об этническом развитии белорусов – десятистраничная “География культуры и этническая эволюция белорусов в средневековые и раннем новом времени” (И. Чаквин) и “Этнические процессы и национальная политика в белорусской провинции (1795–1914)” (П. Терешкович). Конфессиональная проблематика ограничена в книге одной небольшой статьей Ю. Освальд, посвященной исключительно периоду Речи Посполитой и первоначальному этапу Брестской церковной унионии.

В разделе о катастрофах XX в. всего лишь два материала – “Белоруссия во Второй мировой войне” (Б. Чиари) и “Тerror, депортация, геноцид: Демографические изменения в Белоруссии в XX в.” (Н. Иванов). Сразу же возникает вопрос о событиях первой мировой войны, но о ней, что выглядит просто парадоксально, практически ничего не сказано вообще. Последний, пятый раздел, пожалуй, самый показательный в плане отношения руководителей проекта к проблемам белорусской культуры, языка и литературы, всегда бывших и остающихся важнейшими нациообразующими механизмами. В нем две небольшие статьи, посвященные языку – “Языки в Белоруссии до конца XIX в.” (Д. Дингли) и “Борьба за язык в XX в.” (Г. Бидер), а также материал И. Афанасьева “Беларусь в ее беллетристике XX в.”, по замыслу явно перекликающийся с обзором Р. Линднера. Стоит ли говорить, что подобная избирательность и краткость едва ли поможет немецкому читателю составить более или менее адекватное представление о динамике развития культуры белорусов, за исключением, пожалуй, очень конкретно сформулированной и весьма актуальной проблемы, рассмотренной в статье известного австрийского лингвиста Г. Бидера, которая может быть дополнена весьма содержательной публикацией молодого американского ученого К. Вулхайзера⁸.

Особую часть издан составляют “Приложения”, им уделено значительное и вполне оправданное внимание. Здесь помещено шесть специально подготовленных карт на немецком языке, представляющих территорию Полоцкого княжества в XII в., Великого княжества Литовского середины XV в., белорусских земель в составе Речи Посполитой середины XVII в., Северо-Запад-

ного края Российской империи в 1913 г., “рейхкомиссариата Остланд” 1941–1944 гг., современной Республики Беларусь. Справедливости ради необходимо заметить, что, видимо, весьма мелкий масштаб карт не позволил в отдельных случаях более четко отобразить те или иные границы, что особенно заметно на второй и третьей из них, содержательно связанных с динамикой развития белорусских регионов Великого княжества Литовского XV–XVII вв. В “Приложениях” приведена также краткая “Хронологическая таблица”, весьма ценные, помогающие быстро ориентироваться в содержании книги именной и географический указатели, а также “Избранная библиография”, о которой необходимо сказать особо.

Увы, в ней отсутствует большое число важнейших работ, причем не только белорусских, особенно малотиражных, но и изданных за рубежами Белоруссии. Не упомянуто, например, даже ни одной из многочисленных монографий крупнейшего исследователя белорусской государственности В. Круталевича, насыщенных богатейшим архивным материалом. О нем и о многих других современных ученых, внесших огромный вклад в изучение белорусской политической истории, в книге нет ни единого упоминания. Едва ли возможно оправдать невключение в “Избранную библиографию” и значительного числа важнейших опубликованных источниковых материалов, в том числе касающихся социально-политической истории Белоруссии. Например, отсутствие в списке источников великолепно подготовленных и изданных объемных томов “Архивов Белорусской Народной Республики” С. Шупы⁹, который, кстати, как и один из авторов “Справочной книги” Н. Иванов, является сотрудником белорусской редакции Радио “Свобода”.

Наметившийся в последние годы на Западе интерес к истории Белоруссии, обусловивший появление ряда специальных изданий, в том числе и справочного плана, например, “Исторического словаря Беларуси” Я. Запрудника¹⁰, довольно быстро определил как некие общие международные потребности в создании особого информационного свода о Белоруссии, так и потребности национальные. Рецензируемый труд наглядно демонстрирует это. Он – удачная попытка ответить на многие злободневные вопросы, связанные с историей Республики Беларусь, преимущественно XX в. В то же время, в силу различных обстоятельств, не исключая, видимо, и сознательной установки руководителей проекта, а также неразработанности проблематики, в нем отсутствует ряд важнейших тем, без понимания которых невозможно более или менее обстоятельно представить себе ход истории белорусского народа. Мало что узнает немецкий читатель из книги о развитии белорус-

ской культуры. Еще сложнее с конфессиональной проблематикой, теснейшим образом связанной с политической историей, являющейся содержательной доминантой издания. Область религиозной жизни – одна из главнейших сфер белорусского исторического бытия, определившая его особенности европейской порубежности, пограничности, этнокультурной полифонии. Обо всем этом читатель, к сожалению, также не получит сколько-нибудь достаточных сведений. Отсутствие специальных материалов о первой мировой войне выглядит просто загадочным. Для Белоруссии это была целая эпоха, во многом определившая весь дальнейший ход ее истории, когда огромную роль сыграла именно Германия. Тогда же зародилась и немецкая белорусоведческая наука, исследовательский интерес к “новому” народу Европы, воплощенный в работах известного слависта Р. Абихта, упоминавшегося уже В. Егера и других. Политические и geopolитические последствия той войны для Белоруссии очевидны, правда, новых обстоятельных интегральных исследований на эту весьма противоречивую тему пока нет, чем, быть может, и объясняется подобное умолчание в ценной немецкой “Справочной книге по истории Белоруссии”.

- ¹ См.: Russen über Russland: Ein Sammelwerk / Hrsg. von J. Melnik. Frankfurt a. Main, 1906.
- ² См.: Jäger W. Weißruthenien: Land. Bewohner. Geschichte. Volkswirtschaft. Kultur. Dichtung. B., 1919.
- ³ Байкоў М. Кніга аб Беларусі на нямецкай мове // Вольны сцяг. 1921. № 1/3. С. 21.
- ⁴ Заключны дакумент // Кантакты і дыялогі. 2000. № 6. С. 20.
- ⁵ См.: Lindner R. Historiker und Herrschaft: Nationsbildung und Geschichtspolitik in Weißrussland im 19. und 20. Jahrhundert. München, 1999.
- ⁶ См., например: Нарысы гісторыі Беларусі. Мінск, 1994. Т. 1.
- ⁷ См., например: Marples D. Belarus: From Soviet Rule to Nuclear Catastrophe. N.Y., 1996.
- ⁸ См.: Woolhiser C. Language Ideology and Language Conflict in Post-Soviet Belarus // Language, Ethnicity and the State. L., 2001. Т. 2. Р. 91–122.
- ⁹ См.: Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі / Укл. С. Шупа. Вільня; Нью-Ёрк; Менск; Прага, 1998. Кн. 1–2.
- ¹⁰ См.: Zaprudnik J. Historical Dictionary of Belarus. L., 1998.

Ю.А. Лабынцев, Л.Л. Щавинская

“ИСТОРИЯ РУСОВ” В СОВРЕМЕННЫХ УКРАИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

“История Русов” (далее: ИР) является одним из важнейших памятников исторической и политической мысли первой половины XIX в. Для характеристики значения ИР можно привести те оценки, которые даются ей в современной украинской историографии: “вечная книга бытия украинского народа”, “национальная святыня”, “символ украинского национального Возрождения”, имеющий “эпохальное значение”, “манифест украинского патриотизма”, “наивысшее достижение украинской общественно-политической мысли того времени”, “первая попытка создания целостной автономистской концепции истории Украины” и, одновременно, “логичное завершение” казацкого летописания XVIII в., “впечатляющий пример украинского барокко”. Только рассуждения об актуальности памятника для современного читателя занимает в книге, рекомендованной в качестве вузовского учебника по истории Украины, восемь страниц¹.

Изучаются все возможные аспекты: источниковедческие (в том числе проблема установления авторства, времени и обстоятельств создания текста, источников информации, достоверности), историографические, историко-политические (способы реконструкции прошлого, оценка настоящего и планы на будущее Украины, выраженные в памятнике, политические взгляды автора, освещение процесса формирования национального самосознания), историко-культурные (влияние памятника на общественную жизнь и литературный процесс) и литературоведческие (проблемы жанра, языка, поэтики и т.д.).

Целью данной статьи являются систематизация и анализ важнейших выводов, к которым пришли украинские исследователи на современном этапе. Она подготовлена на основании двух десятков исследований, появившихся в Украине за последние десять лет, из них – трех монографий, полностью посвященных “Истории Русов”, еще четырех, в которых данной проблематике отводится особый раздел, предисловия к публикации памятника и одиннадцати журнальных статей. В это число не вошли обзорные работы, в которых ИР лишь упоминается в числе других памятников украинской общественно-политической мысли, а также собственно политологические, правовые и литературоведческие публикации.

Проблема определения автора ИР волновала исследователей еще во второй половине XIX в. Современные работы не смогли

добавить ничего существенного к выводам, полученным еще А.П. Оглоблиным, согласно которым автор памятника родился около 1745 г., длительное время жил в Новгороде-Северском, был представителем казацкой старшины, придерживался просветительских взглядов и, возможно, был связан с будущими декабристами. Так не подлежит сомнению, что архиепископ Георгий Конисский, видный деятель православной церкви, чье имя стоит на титульном листе первого издания “Истории Русов”, не мог быть ее автором. Более убедительной представляется версия об авторстве Григория Полетики, историка, собирателя древностей или его сына Василия Полетики, намеревавшегося закончить некую “историю Малороссии”, начатую отцом².

Еще одним возможным автором считается А.А. Безбородко, бывший личным секретарем Екатерины II, а впоследствии и канцлером³. Однако существуют только косвенные указания на то, что Безбородко мог быть создателем “Истории Русов”. Такие же косвенные доказательства есть в отношении членов новгород-северского патриотического кружка: Архипа Худорбы, Алексея Дивовича, Тимофея Калининского – и других вероятных индивидуальных и коллективных авторов⁴. На основании анализа оценочных суждений в ИР, В. Шевчук выдвигает версию о том, что авторов было несколько, возможно, трое: один написал первую и большую половину памятника и отличался известным москово-фильством, второй подготовил вставки – речи Павла Полуботка и Ивана Мазепы, устами которых выразил собственное резко негативное отношение к политике Петра I и Российской империи в целом, третий описывал события XVIII в., очевидцем которых он был⁵. Приходится констатировать, что имеющиеся в научном обороте факты не позволяют сделать окончательного вывода об авторстве этого памятника.

В рассматриваемых исследованиях временные рамки создания ИР также не были принципиально уточнены: памятник датируется 90-ми годами XVIII – началом XIX в., причем возможно, процесс его создания происходил в несколько этапов. Среди выявленных источников ИР называются летописи Самовидца, Грабянки, Велички, произведения В. Рубана, С. Дивовича и др.⁶, однако, степень и характер таких заимствований в современной литературе проанализированы далеко не полно.

Среди обстоятельств, которые оказали влияние на позицию автора книги, украинские историки важнейшим считают кризисное состояние самого этноса, оказавшегося на грани распада и утраты собственной интеллектуальной и политической элиты: “Украинская шляхта охотно интегрировалась в имперское общество, занимала высокие посты и часто не только утрачивала привязан-

ность к прошлому, но и забывала свое этническое происхождение и участвовала в репрессиях против украинцев”⁷. Вместе с тем утверждается, что этот народ был готов к возрождению и организованной борьбе с имперскими властями⁸. По крайней мере, часть украинской элиты разделяла автономистские настроения, и отклинулась на призыв, выраженный в ИР, что и предопределило широкое распространение книги *сразу же после ее написания*⁹. Вопрос о том, каким образом казацкой старшине удавалось совмещать автономистские настроения с утратой своей национальной идентичности, остается открытым. Гораздо более убедительно выглядит подход Н.Н. Яковенко, которая полагает, что в условиях кризиса господствовавшим настроением в обществе был бытовой консерватизм с его ностальгией по ушедшим “старым добрым временам”¹⁰, и именно эти мотивы следует искать в ИР.

О.В. Мишуков признает войну 1812 г. другим важным фактором, оказавшим влияние на содержание памятника: «Участие казачества в Отечественной войне воскресило память про Запорожье, про Сечь, пробудила боевой “дух” Полуботка и Мазепы, проявившийся в массовых протестах против введения в 1816 г. военных поселений Аракчеева»¹¹. Еще в конце XIX в. М.П. Драгоманов указал на близость взглядов автора ИР просветительским идеалам декабристов, однако этот сюжет в современных украинских исследованиях является маргинальным.

Наконец, третьим фактором является влияние политики Петербурга. Отводя решающее значение именно причинам внутренним, украинские историки вместе с тем признают, что “репрессивные акции по отношению к национально-патриотической идеи, национальному чувству в первые десятилетия XIX в. обусловили новую продуктивность этой идеи в украинской литературе и национальное возрождение”¹². Также и О.К. Струкевич, описывая закономерности и этапы развития украинской национальной идеологии в XVIII в., подводит читателя к парадоксальному выводу о том, что именно политика Петербурга играла ключевую роль в процессе формирования национального самосознания¹³. Следует констатировать, что, поскольку современные украинские авторы не желают рассматривать Малороссию в качестве составной части тогдашней Российской империи, они испытывают некоторые затруднения и при необходимости определить значение политики центральной власти в этом регионе, и при оценке культурно-политических процессов, общих для всех российских земель.

При оценке роли ИР в общественно-политической жизни первой половины XIX в., в современных украинских работах не уточняется, кому был *адресован* памятник, и в каких кругах он был

популярен. Между тем, данные вопросы являются важнейшими для определения политических взглядов его автора, а также господствующих настроений в украинском обществе того времени. Говоря о широкой популярности ИР уже в первой четверти XIX в., исследователи опираются на немногочисленные свидетельства, исходившие из среды декабристов. А.П. Оглоблин выявил только десять известных рукописных списков, из которых к началу XX в. сохранилось семь¹⁴. Действительно широкая известность пришла к памятнику только в 30-е годы XX в., что может быть связано и с публикацией “Полтавы” близкого к декабристам А.С. Пушкина, и с изданием отрывков текста в “Запорожской Старине” И.И. Срезневским.

Дальнейшее распространение памятника предопределила не только его публикация в 1846 г. О.М. Бодянским, но также ссылки на него и заимствование отдельных сюжетов в художественных произведениях П.П. Бицекского-Носенко, Н.А. Маркевича, И.И. Срезневского, Н.И. Костомарова, Н.В. Гоголя, Е.П. Гребенки, Т.Г. Шевченко, П.А. Кулиша¹⁵. Европейский историко-культурный контекст возникновения ИР, воздействие памятника на западноевропейскую общественно-политическую и историческую мысль и его оценки подвергнуты подробному анализу во второй и третьей главах монографии О. Мишукова¹⁶.

Периодизация изучения ИР в российской и украинской историографии в XIX–XX вв. предлагается В.В. Кравченко¹⁷. По его мнению, в 20–40-е годы и “украинские и российские историки, приверженцы романтизма, любители и исследователи, были едины в своем некритичном отношении к ней”. Во второй половине 40-х – начале 70-х годов выявилась ее недостоверность как исторического источника, в великорусском обществе изменилось и отношение ко всему украинскому национально-культурному движению. В последние десятилетия XIX в. ИР рассматривалась преимущественно как памятник историко-политической мысли периода украинского национального Возрождения. В 1920–1930 гг. актуальной стала связь этого сочинения с традицией украинской государственности, что, по мысли Кравченко, не могло приветствоваться советской историографией. Отдельный период составляют работы А.П. Оглоблина (40–70-е годы XX в.), сделавшего в эмиграции качественно новый шаг в изучении памятника. Наконец, с конца 80-х годов ИР приобретает особую актуальность в связи с созданием независимого украинского государства и возрождением интереса к украинским политическим традициям.

На настоящий момент общепринятой является точка зрения, согласно которой в тексте “Истории Русов” допущены серьезные искажения исторической действительности, и ее нельзя считать

достоверным источником сведений по истории украинского народа. В этой связи украинские исследователи отметили:

- сказочно-мифические представления о возникновении казачества;
- явно недостоверную информацию по истории Киевской Руси и периода феодальной раздробленности¹⁸;
- почти полное отсутствие сведений по истории государственности и культуры северо-восточных русских земель;
- изображение славянского язычества как “цивилизованной”, монотеистической религии, близкой христианству;
- отрицание влияния или участия иностранцев в создании и деятельности каких-либо государственных институтов Руси;
- утверждение о непрерывности государственности на украинских землях с IX по XVII в.;
- тенденциозное принижение вклада казаков Запорожской Сечи в становление украинской государственности;
- признание совершенства казацкого военно-государственно-го устройства, в том числе, идеальной дисциплинированности казацких отрядов¹⁹;
- преувеличение воинской доблести казаков, в частности фальсификация биографий их предводителей²⁰;
- обвинение поляков в целенаправленном уничтожении всей украинской нации;
- постоянное подчеркивание договорных принципов отношений казацкого государства с Литвой, Речью Посполитой и Россией²¹;
- отсутствие информации об антирусских акциях со стороны казаков;
- обвинение России в грубом и преднамеренном нарушении всех заключенных соглашений²²;
- изображение российской политики на украинских землях в виде череды непрерывных гонений и поборов²³.

При определении мотивов этих многочисленных неточностей и прямых фальсификаций современные исследователи указывают, во-первых, на стремление части украинской элиты утвердить свое право на власть и «на основе исторического материала обосновать “автономистскую” старшинско-шляхетскую концепцию истории»²⁴. По мнению Кравченко, фальсификация исторических событий была необходима автору для “осуществления своеобразной терапии исторической памяти переживающей упадок нации”²⁵, для подъема национального духа с надеждой на возрождение: “это была переосмысленная и задним числом перелицованный история, какою она могла или должна была стать, но каковой не была в действительности”²⁶.

В. Шевчук пишет о сознательном введении в заблуждение автором ИР своих читателей: “Его история – это чисто литературное произведение, своеобразная героическая поэма в прозе... с титаническими фигурами пророков, с вымыщленным образом самого казацкого государства, своеобразная художественная модель, созданная не столько познающим разумом, сколько под влиянием горячего чувства и сердца, причем рассчитана она была на читателя без достаточного исторического образования, а именно на такого, который этих знаний и навыков исторического мышления лишен. Цель была совершенно иной: зажечь читателя огнем любви к своему народу и гордости за него”²⁷. Исследователь указывает на желание автора ИР “разбудить” тогдашнее украинское общество и подвигнуть его на защиту своих национальных интересов: “Это нужно было для пробуждения народа от спячки”, “этот историософский трактат... остро напомнил нашим интеллигентам, которые уже начали терять национальный облик..., про их исторические корни, про их положение, историю, быт, героические деяния”²⁸. Этую же точку зрения разделяет и О. Мишуков, предлагающий рассматривать ИР в ряду других произведений южно- и западнославянских “будителей” XIX в.²⁹ Достоинства такого сравнительно-типологического анализа были убедительно показаны еще А.Н. Робинсоном, сопоставившего “Историю славеноболгарскую” Паисия Хилендарского и произведения русской и украинской историографии³⁰.

Кроме сознательного обмана читателей, пусть даже с самыми благородными намерениями, исследователи указывают и другие возможные причины искажения исторических фактов: несовершенство тогдашних исторических знаний³¹ и воздействие политических событий конца XVIII – начала XIX в. Например, причину исключительно сильной враждебности ИР к полякам В.В. Кравченко видят в намерениях Александра I частично восстановить польскую государственность в начале XIX в.³² Кроме того, автор ИР, возможно невольно, проецирует реалии конца XVIII – начала XIX в. на более ранние события, упрекая Богдана Хмельницкого за заключение договора с Москвой в “недальновидности” или же характеризуя отношения украинцев с крымскими татарами в XVII в. как спокойные и доброжелательные.

С учетом вышеописанных тенденций в тексте памятника дается изложение сведений по истории Украины, понимаемой как история казачества³³. В предисловии анонимный автор пишет о том, что разделил малороссийскую историю на два периода: до татарского нашествия и после него; однако исследователи³⁴ различают более дробное членение сюжетов: мифические предки казаков (“растворенные в славянском море”, по выражению

В.В. Кравченко³⁵); почти столь же недостоверные сведения о возникновении казацкой военной организации; подробное, с многочисленными художественными отступлениями, описание восстания Хмельницкого; более сухое по стилю изложение истории гетманов конца XVII в.; петровский период, опять-таки изображаемый достаточно эмоционально; наконец, сведения по истории Украины середины и второй половине XVIII столетия снабжаются осторожным, хотя и скептическим комментарием.

Автор памятника реконструирует некое “идеальное” прошлое, следуя своей историософской концепции³⁶, и отступления от этой схемы незначительны. Оценивая его исторические познания, Кравченко обращает внимание на определенное противоречие: «Автор “Истории Русов” демонстрирует широкое знакомство с современными ему концепциями и одновременно – обращается к открыто архаичным или дилетантским взглядам, присущих не профессиональным историкам, а широким кругам просвещенной общественности»³⁷.

Исследователи выделяют только два периода, в изучении которых в сочинении был достигнут определенный прогресс по сравнению с предшествующими историческими трудами – это время правления Б. Хмельницкого и И. Мазепы. В обоих случаях говорится о разрушении российских исторических мифов³⁸, введении элементов критического анализа источников, выявлении закономерностей в объяснении причин событий, большей объективности оценок.

Еще один блок проблем, относящихся к ИР, связан с характеристикой общего характера мировоззрения ее автора. Историки и литературоведы предлагают широкий спектр оценок, определяя его как традиционалистское, барочное, просветительское, романтическое, демократическое и эклектическое. В.В. Кравченко полагает, что «по своим общественно-политическим взглядам автор “Истории Русов” принадлежал к числу казацких традиционалистов-консерваторов, которые не принимали никаких новаций, направленных на смену системы казацко-старшинской демократии»³⁹. З. Когут указывает, что “История Русов” отличается от предшествующих украинских политических сочинений тем, что соединяет традиционные мотивы – гордость за гетмана и сословные привилегии – с новыми концепциями, навеянными американской и французской революциями⁴⁰. Сочетание идей декабристов с эстетикой романтизма видит в памятнике О. Мишуков⁴¹. В свою очередь, В.В. Кравченко и Л.Г. Мельник настаивают на превалировании просветительских взглядов, что подтверждается многочисленными цитатами из источника⁴². В. Шевчук также утверждает, что, несмотря на обилие в тексте упоминаний о “нацио-

нальных интересах”, “правах нации” и прочую терминологию, близкую националистической идеологии, ИР является все же либеральным произведением⁴³, а В. Шевчук отмечает барочные черты ИР как литературного памятника⁴⁴.

Специальная статья, посвященная анализу политической программы автора ИР, подготовлена ученицей Н.Н. Яковенко Н. Шлихтой⁴⁵. Выход из противоречия между традиционализмом и гражданской активностью автора памятника Шлихта видит в органической связи этих двух начал, присущей политической идеологии Речи Посполитой. Так, представления о необходимости защиты прав личности, личной свободе, договорной природе государственной власти следует рассматривать как идеи, специфические не только для эпохи Просвещения, но характерные и для периода “золотой шляхетской вольности” XVI в.

Исследовательница показала близость польского и украинского сарматизма, проявившуюся не только в сходных поисках пращуров среди сарматов и хазар, но и в преемственности идеалов рыцарства-шляхетства, защите сословных свобод и привилегий, равенства и эгалитаризма, права нации на защиту своих интересов и отказ в повиновении монарху и др. Таким образом, по мнению исследовательницы, воззрения автора “Истории Русов” связаны, в первую очередь, с принципами шляхетской демократии и лишь в незначительной степени – с собственно просветительскими идеями. Представляется, что нет необходимости так резко противопоставлять эти два слоя политического сознания автора: совпадение политической риторики и частично идей сарматизма и просветительства облегчало распространение этого последнего на польских и украинских землях, что позднее выражалось в создании декабристских обществ.

Еще один важный вывод Н. Шлихты касается перспектив использования памятника для обоснования “республиканско-демократических традиций создания украинской государственности”, “парламентских традиций украинского казачества”⁴⁶ и т.д.: «...тезис о “прогрессивности” мировоззрения автора (ИР) подвергается определенным изменениям, если уточнить, что *нация-народ*, права которой защищает автор, является нацией шляхетской, и что автор вовсе не призывает к демократической реорганизации современных ему реалий, а даже – призывает “вернуться” в прошлое, в “золотой век” Речи Посполитой»⁴⁷.

Другая попытка научного подхода к данной проблеме предпринята И. Афанасьевым⁴⁸. Исследователь отметил определенные противоречия в реконструкции взглядов создателя “Истории Русов” и задался целью уточнить его ценностные ориентиры, в частности соотношение рационального и религиозного начала в

оценке им исторических событий. Анализу были подвергнуты более 60 эпизодов, связанных с гибелью и погребением исторических деятелей. К недостаткам работы можно отнести неполное раскрытие содержания и взаимное разграничение трех систем символов: средневековой, барочной и просветительской. Тем не менее проведенное исследование позволило выявить относительно слабое влияние просветительского мировоззрения и, напротив, сильное воздействие провиденциализма, в том числе в его средневековой форме, на симпатии и антипатии анонимного автора.

Исследователи признают, что, когда в ИР речь заходит о политике российского правительства в отношении Малой России предвзятость суждений заметно нарастает. Для ИР вообще характерно резкое неприятие любых реформ, тем более тех, которые были предложены российским правительством, на ее страницах неоднократно встречается крайне негативный этностереотип в отношении русских (грубые, невежественные, подобострастные и т.д.), настойчиво проводится мысль о губительных для казачества последствиях имперской политики (массовая гибель казаков на строительстве каналов и в военных походах, разорение от все увеличивающихся налогов и т.д.). Вместе с тем историки указывают на отсутствие в этих оценках какой-либо политической оппозиционности, отмечая “неожиданное москофильство” автора⁴⁹, его желание “оправдать” в глазах россиян все антироссийские акции казаков XVII–XVIII вв.⁵⁰, признание невозможности протектората над Украиной любого другого государства, кроме России⁵¹, отказ от самого независимого существования гетманата⁵². Единственное, а потому бросающееся в глаза, исключение составляют две упоминавшиеся выше речи – И. Мазепы и П. Полуботка.

Украинские исследователи приводят несколько объяснений подобной лояльности. Во-первых, признается, что “москофильством в определенной степени были заражены и самые радикальные группы образованного сословия в Украине”⁵³, т.е. значительная часть элиты общества стремилась к укреплению политических, культурных и др. связей с Россией. Во-вторых, автор (или, точнее, издатель) мог опасаться репрессий со стороны правительства. Так И. Дзира предположил, что в изданном варианте текста изъята часть антирусских сюжетов, дабы избежать запрещения со стороны цензуры, тогда как рукописные списки отличались еще большей русофобией. К сожалению, автор не привел данных о списках памятника, подтверждающих его наблюдения⁵⁴. Наконец, некоторые исследователи признают объективную близость интересов имперских властей и казацкой старшины, что вело к заметному снижению радикализма этой последней⁵⁵. Свое объяс-

нение предлагает Н.Н. Яковенко, утверждающая, что главное настроение памятника – “бытовой консерватизм” или ностальгия, как стержень “малороссийской идеи” начала XIX в., вовсе не предполагал деятельной позиции для его носителей, тем более борьбы с правящим режимом⁵⁶. Зачастую исследователи вовсе опускают вопрос о характере политической программы в ИР, ограничиваясь обширными выдержками из речи Мазепы, якобы представляющими общую тенденцию памятника⁵⁷.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что в своих построениях исследователи не учли принципиальную черту просветительской идеологии: активно критикуя современные им правительства, просветители видели идеальную модель организации общества внешнациональной или космополитической, единой для всего цивилизованного мира. В этой системе ценностей отсутствовали представления о необходимости построения национального государства или об укреплении национальной государственности в любой форме, напротив они оценивались как предрассудки и пережитки прошлого. В результате, взгляды автора ИР можно рассматривать как один из региональных вариантов идеологии Просвещения, совмещающий в себе и попытку следовать в русле местной политической традиции, и стремление соответствовать общеевропейским тенденциям.

При обосновании актуальности изучения ИР В.А. Смолий и В.С. Степанков⁵⁸ выделяют одиннадцать положений, которые заслуживают подробного рассмотрения. С точки зрения исследователей, принципиально важным является то, что автор “Истории Русов” подчеркивает независимость государственности Украины от политической системы Московской Руси и России. Киевская Русь рассматривается им как начальный этап исторического пути только украинского народа, а не всех восточных славян. Кроме того, существует непрерывная преемственность государственного устройства Киевской Руси и казацкого государства, которая не была нарушена ни монголо-татарским нашествием, ни вхождением украинских земель в состав других государств: ни Речь Посполитая, ни Россия на эту политическую традицию не оказали серьезного воздействия. “Самостоятельность и уникальность развития истории украинского народа”⁵⁹ проявлялись не только в политической, но и во всех остальных областях общественной жизни.

Ранний период истории украинского народа действительно занимает важное место в “Истории Русов”. Однако следует обратить внимание на то, что система доказательства самостоятельности и независимого развития украинцев в ИР базируется на убеждении в различном этногенезе украинцев и русских. Едва ли сейчас серьезные исследователи станут повторять вслед за автором

памятника, что сарматы, хазары и русь (русы) – это названия одного и того же народа, предков украинцев.

Так же спорно утверждение В.А. Смоля и В.С. Степанкова о том, что в “Истории Русов” “ведущей идеей выступает не автономизм”, но “впервые в украинской исторической и публицистической литературе четко сформулирована идея, что наибольшую ценностью для народа является независимое национальное государство”⁶⁰. Концепты общественного договора, служения Отечеству и ответного выполнения государством определенных обязательств перед своими гражданами составляют суть теории правового, но не национального государства. К тому же, представления автора “Истории Русов” о независимости заметно отличаются от современного толкования этого понятия. Например, в его понимании, признание независимости Украины не тождественно установлению государственного суверенитета и тем более борьбе с царским самодержавием за достижение этой цели. Напротив, по мысли автора памятника, Украина станет “независимой”, если будут выполнены условия Переяславского соглашения 1654 г., т.е. восстановится ее особое общественно-политическое устройство, в первую очередь, система самоуправления, и культурная специфика, более соответствует современным представлениям об автономии. Не случайно “независимости” ИР нисколько не мешает “протекция” со стороны соседних государств, предполагающая вхождение украинских земель в их состав.

Такое же несовпадение современных оценок и дефиниций с представлениями XIX в. наблюдается в вопросе о политических симпатиях автора “Истории Русов”. Рассуждения об идеальных формах государственного устройства и осуждение тирании являются общепринятым топосом для последователей просветительской идеологии XVIII–XIX вв. и вовсе не свидетельствуют о том, что автор “Истории Русов” был “пылким сторонником республиканской формы правления”⁶¹. В ИР не только отсутствуют антимонархические высказывания, но и неоднократно подчеркивается лояльность по отношению к законному и справедливому суверену.

Смолий и Степанков видят в авторе “Истории Русов” защитника демократии и соборности украинского народа. Даже если оставить в стороне анахронизм этих понятий применительно к началу XIX в., возникают сомнения в том, насколько в действительности представитель украинской политической элиты сумел преодолеть свою сословную ограниченность – текст источника этого не подтверждает. Трудно представить, что подобные идеи пользовались в то время популярностью в среде дворянской интеллигенции. Не случайно именно расширение прав казацкой старшины, в

том числе в сфере владения землей и крепостными крестьянами, практически уничтожило политическую оппозиционность украинского дворянства и сделало его последовательным союзником самодержавия⁶². Развитие украинского общества в XVII–XVIII в. происходило по обычному европейскому (но не американскому) сценарию, с последовательным расслоением общества и усилением роли национальной элиты.

Обоснование прав местной политической элиты на власть, защита этих прав от внешних вмешательства сделали “Историю Русов” актуальной, когда в общественном сознании был поднят вопрос о создании национального государства. Идеи, высказанные в книге, стали составной частью украинской национальной идеологии, как в начале, так и в конце XX в.

При рассмотрении всего комплекса современных работ по “Истории Русов” можно указать на следующие тенденции, характерные для большинства украинских исследований. Во-первых, можно говорить об определенной терминологической модернизации при характеристике взглядов автора памятника и современных ему политических реалий. Комплексы понятий, связанных с политическими теориями эпохи Просвещения, либеральной и демократической идеологиями, используются применительно к украинским реалиям XV–XVIII вв., что предопределяет получение некорректных с научной точки зрения выводов. Анализ осложняет и то, что все эти комплексы в достаточной степени описаны и изучены только в их классическом, западноевропейском (или американском) варианте, не учитывающем специфики их функционирования в Восточной Европе, тем более в Украине.

Вторая тенденция связана с акцентированием антироссийских настроений, что находит свое выражение в обширном цитировании памятника без критической оценки их степени достоверности, повышенную эмоциональность и пафос в подаче материала, воспроизведение стереотипных и зачастую устаревших оценок. В результате, нераскрыты остаются и тема о последствиях вхождения Малороссии в экономическую, политическую и культурную жизнь империи, необъективно освещавшаяся и в дореволюционной, и в Советской России.

Наконец, в украинских работах по ИР обнаруживается стремление доказать исключительность и уникальность национальной истории. Украинские сюжеты оказываются вырванными из современного им контекста, “нежелательные” тенденции замалчиваются (или квалифицируются как следствия “предательства отдельными политическими лидерами национальных интересов” и разрушительной политики центральных властей), “желательные” или “прогрессивные” – абсолютизируются. Между тем история

Украины и стадиально, и хронологически укладывается в рамки общеевропейских процессов. На настоящий момент практически не изучены украинские варианты идеологии сарматизма и просветительства, пути культурного обмена и трансляции передовых западноевропейских идей в украинское общество и т.д. Такие же широкие перспективы открывает перед исследователями и сравнительное изучение различных частей восточной (и центральной) Европы, а также регионов Российской империи.

Изучение “Истории Русов” далеко от своего завершения. К сожалению, пока приходится констатировать, что, несмотря на большое количество работ, посвященных этому памятнику, качественный прорыв в его исследовании пока не достигнут.

- ¹ Смолій В.А., Степанков В.С. Українська державна ідея XVII–XVIII століть: проблеми формування, еволюції, реалізації. К.: Альтернативи, 1997. С. 306–313.
- ² Дзира І. “Історія русів” та історико-літературний процес першої половини XIX ст. // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. 1998. № 2. С. 156–179; *Он же.* “Історія русів” – видатна пам'ятка української історіографії: нові дані про її автора // Автопортрет нації. К., 1997. С. 123–132.
- ³ Мишанич Я.О. “Історія русів”: історіографія, проблематика, поетика. К.: Обереги, 1999.
- ⁴ Ільїн О. Олександр Маркович – автор “Історії русів”? // Сіверянський літопис. 1996. № 1. С. 75–79; Міщуков О. Європейський контекст “Історії Русів”. К.; Херсон: Айлант, 1999. С. 15.
- ⁵ Шевчук В. Нерозгадані таємниці “Історії русів” // Передмова до кн.: Історія Русів / Укр. пер. І. Драча. К.: Веселка, 2001. С. 43–47.
- ⁶ Наиболее подробный анализ см. в работе: Шевчук В. Нерозгадані таємниці “Історії русів”.
- ⁷ Міщуков О. Європейський контекст “Історії Русів”. С. 50.
- ⁸ Там же. С. 35, 45.
- ⁹ Дзира І. Указ. соч. С. 156; Когут З. Російський централізм і українська автономія. Ліквідація Гетьманщини 1760–1830. К.: Основи, 1996. С. 237; Кравченко В.В. “Поема вольного народу”: (“Історія Русів” та її місце в українській історіографії. Харків: Основа, 1996. С. 4, 40–41.
- ¹⁰ Яковенко Н. Гетьманська Україна під колесами просвітницьких ідеалів // Сучасність. 1997. № 9. С. 147.
- ¹¹ Міщуков О. Європейський контекст “Історії Русів”. С. 53, 44.
- ¹² Там же. С. 335.
- ¹³ Струкевич О.К. Українська “нація до націоналізму”: пошуки критеріїв ідентичності в Україні-Гетьманщині XVIII ст. // Український історичний журнал. 1999. № 6. С. 19–20.
- ¹⁴ Мишанич Я.О. “Історія русів”: історіографія, проблематика, поетика. С. 85.
- ¹⁵ Дзира І. Указ. соч.; Шевчук В. Козацька держава: Етюди до історії українського державотворення. К.: Абрис, 1995. С. 333–335.
- ¹⁶ Міщуков О. Європейський контекст “Історії Русів”.
- ¹⁷ Кравченко В.В. Указ. соч. С. 5–8.
- ¹⁸ Міщуков О. Європейський контекст “Історії Русів”. С. 17.

- ¹⁹ Кравченко В.В. Указ. соч. С. 42–56.
- ²⁰ Там же. С. 96–97; Шевчук В. Нерозгадані таємниці “Історії русів”. С. 39.
- ²¹ Кравченко В.В. Указ. соч. С. 71–73; Шевчук В. Нерозгадані таємниці “Історії русів”. С. 33.
- ²² Кравченко В.В. Указ. соч. С. 71–75.
- ²³ Мельник Л.Г. Утвердження ідеї українського національного самовизначення (кінець XVIII – початок ХХ ст.): Конспект лекцій. К.: НОК ВО, 1992. С. 7.
- ²⁴ Там же. С. 6–7.
- ²⁵ Кравченко В.В. Указ. соч. С. 64.
- ²⁶ Там же. С. 103–104.
- ²⁷ Шевчук В. Нерозгадані таємниці “Історії русів”. С. 39.
- ²⁸ Там же. С. 36, 37.
- ²⁹ Міщуков О. Європейський контекст “Історії Русів”. С. 5, 14.
- ³⁰ Робинсон А.Н. Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. М., 1963.
- ³¹ Міщуков О. Європейський контекст “Історії Русів”. С. 17.
- ³² Кравченко В.В. “Поема вольного народу”. С. 71.
- ³³ Кравченко В.В. Нариси з української історіографії епохи національного відродження. К., 1996. С. 32.
- ³⁴ Мишанич Я.О. “Історія русів”: історіографія, проблематика, поетика. Гл. 2; Кравченко В.В. Нариси з української історіографії... Гл. 2.
- ³⁵ Кравченко В.В. Нариси з української історіографії... С. 40.
- ³⁶ Там же. С. 32.
- ³⁷ Там же. С. 57.
- ³⁸ Там же. С. 73; Міщуков О. Європейський контекст “Історії Русів”. С. 337.
- ³⁹ Кравченко В.В. “Поема вольного народу”. С. 37.
- ⁴⁰ Когут З. Російський централізм і українська автономія. С. 236.
- ⁴¹ Міщуков О. Європейський контекст “Історії Русів”. С. 39, 44.
- ⁴² Кравченко В.В. “Поема вольного народу”. С. 32, 55, 64, 74; Мельник Л.Г. Утвердження ідеї українського національного самовизначення. С. 6.
- ⁴³ Шевчук В. Нерозгадані таємниці “Історії русів”. С. 24.
- ⁴⁴ Там же. С. 29.
- ⁴⁵ Шліхта Н. Елементи річнополітської ідеології та політичної риторики в “Історії Русів” // Молода нація. Альманах. К.: Смолоскип, 2000. С. 5–23.
- ⁴⁶ Радько П.Г. Національні традиції державотворення. Гл. 2.
- ⁴⁷ Шліхта Н. Елементи річнополітської ідеології та політичної риторики в “Історії Русів”. С. 20 (курсив автора).
- ⁴⁸ Афанасьев I. Символіка смерті в “Історії Русів” // Сучасність. 1999. № 10. С. 137–145.
- ⁴⁹ Кравченко В.В. Нариси з української історіографії... С. 31, 43.
- ⁵⁰ Там же. С. 96–97.
- ⁵¹ Там же. С. 81.
- ⁵² Там же. С. 68.
- ⁵³ Там же. С. 43.
- ⁵⁴ Дзира I. Указ. соч. С. 176. Ср. со ст.: Оглоблин О. Списки “Історії Русів” // Науковий збірник УВУ. Мюнхен, 1956. Т. VI.
- ⁵⁵ Когут З. Російський централізм і українська автономія. С. 210–215; Мельник Л.Г. Утвердження ідеї українського національного самовизначення. С. 5; Яковенко Н. Гетьманська Україна під колесами просвітницьких ідеалів. С. 147.
- ⁵⁶ Яковенко Н. Гетьманська Україна під колесами просвітницьких ідеалів. С. 147.

⁵⁷ Міщуков О. Європейський контекст “Історії Русів”; Радько П.Г. Національні традиції державотворення. К.: Ін-т української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАНУ, 1999; Смолій В.А., Степанков В.С. Українська державна ідея XVII–XVIII століть: проблеми формування, еволюції, реалізації; Струкевич О.К. Українська “нація до націоналізму”: пошуки критеріїв ідентичності в Україні-Гетьманщині XVIII ст.; и др.

⁵⁸ Смолій В.А., Степанков В.С. Указ. соч.

⁵⁹ Там же. С. 307.

⁶⁰ Там же. С. 313, 308.

⁶¹ Там же. С. 312.

⁶² См. материалы круглого стола “Механизмы формирования украинской и белорусской наций в российском и общеславянском контексте (дореволюционный период)” // Белоруссия и Украина: история и культура. Ежегодник 2003 г. М.: Наука, 2003.

C.C. Лукашова

БЕЛОРУССИСТИКА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Петербургская белорусистика берет свое начало во времена императора Петра II (1727–1730), когда сотруднику недавно созданной Российской Академии Наук, молодому немцу на российской службе Герарду-Фридриху Миллеру (в будущем академик Федор Иванович Миллер) было поручено составить генеалогию рода Сапегов. Задание было связано с пребыванием в российской столице бобруйского старосты Яна Казимира Сапеги и присвоением ему воинского звания генерал-фельдмаршала. Сапега стал седьмым по счету российским генерал-фельдмаршалом, а в 1727–1728 гг. исполнял обязанности генерал-губернатора Петербурга и Ингрии – сразу после А.Д. Меньшикова. Молодой ученый, долго не думая, списал генеалогию Сапегов у некоего иезуита и издал в 1728 г. во Франфурте-на-Майне¹. В дальнейшем научному описанию и изучению Белоруссии посвятили свои труды многие петербургские ученые – для примера можно вспомнить составителей большого Атласа Белоруссии 1772 г. Важное значение для знакомства россиян с белорусскими землями имела книга академика В.М. Севергина, издавшего в 1809 г. записки своего путешествия из Семятычей через Новогрудок–Минск–Оршу–Полоцк. Со временем количество посвященных Белоруссии публикаций постоянно увеличивалось, а их тематика значительно расширялась.

Развитие белорусистики именно в Петербурге исторически оправдано и глубоко символично. Город на Неве издавна являлся одним из важных центров белорусоведения. В какой-то мере этому соответствовал и этнический состав столицы Российской империи, с момента своего основания Петром Великим являвшейся городом не только русским, но и интернациональным, причем до ля белорусов в населении Петербурга неуклонно росла. По данным Н.В. Юхневой, во второй половине XIX и начале XX в. по своей численности в Петербурге белорусы заняли и прочко удер-

живали второе место. Если в 1869 г. на 667, 2 тыс. городского населения приходилось 3 тыс. белорусов, что составляло 0,4%, то в 1881 г. они составили 0,8% (7 тыс. человек), а в 1890 г. — 1,4% (13 тыс.). Далее эти темпы существенно возросли: в 1900 г. на берегах Невы проживало уже 42 тыс. белорусов (2,9% населения города), а в канун первой мировой войны — 70 тысяч (3,7%). Для сравнения укажем, что доля других национальностей, кроме русских (а также поляков и немцев, что исторически объяснимо), не превышала в тот же период 1–2%. По данным переписи 1990 г., в Ленинграде проживало 93,9 тыс. белорусов (1,9% населения города). Они находятся на третьем месте среди национальных меньшинств, после украинцев (151 тыс. – 3%) и евреев 106 тыс. – 2,1%). Наличие значительной белорусской общины влекло за собой разные формы национально-просветительной деятельности.

Вскоре после создания в 1991 г. в Минске Международной ассоциации белорусистов, состоялось учредительное собрание белорусистов Петербурга. Была образована Петербургская ассоциация, председателем которой избран профессор Александр Сергеевич Мыльников. Он бессменно занимал этот пост до своей скоропостижной кончины 3 февраля 2003 г.

Основной формой деятельности ассоциации стали подготовка и проведение ежегодных конференций “Санкт-Петербург и белорусская культура”. 14 июня 2002 г. состоялась десятая по счету конференция, что позволяет подвести некоторые итоги. За все годы прочитано 135 докладов преимущественно историко-культурной тематики. Пять конференций были посвящены деятелям культуры и науки: Евфимию Карскому, Николаю Ермоловичу, Адаму Мицкевичу, Павлу Шейну и Михаилу Кояловичу. В рамках 4-й конференции состоялась демонстрация видеофильма балета “Полонез”, подготовленного белорусским композитором Е. Поплавским на материалах Российской Национальной библиотеки.

Конференции проходят в Российской национальной библиотеке и среди докладчиков 19 сотрудников РНБ (А.И. Алексеев, В.В. Антонов, О.А. Бабук, Н.А. Гринченко, С.Г. Жемайтис, Д.И. Левин, М.А. Луковская, И.Г. Матвеева, П.А. Медведев, Н.В. Николаев, Н.Г. Патрушева, Н.В. Рамазанова, А.И. Раздорский, А.Я. Разумов, Н.Б. Рогова, М.И. Ткаченко; О.Н. Шелюто, Д.Н. Шилов, М.Д. Эльзон), которыми подготовлено 54 доклада.

Кроме того, в конференции принимали участие сотрудники Государственного Эрмитажа (Б.В. Сапунов, М.М. Евтушенко), представители Библиотеки Академии наук (Е.В. Комиссарова, О.В. Гусева, А.И. Гладкий), сотрудники Института истории искусств (И.В. Мациевский, Г.В. Тавтай, И.А. Чудинова), Университета культуры (В.П. Грицкевич, К. Козаренок), Политехничес-

ского университета (И.В. Журавский), Кунсткамеры (А.С. Мыльников, А.М. Решетов), Музея этнографии народов России (О.В. Лысенко), Лесотехнической академии (П.А. Кропов), Государственного университета (В.А. Булкин, И.Д. Чечет), Санкт-Петербургского университета аэрокосмического приборостроения (Т.М. Смирнова), Музея М.В. Ломоносова (Т.М. Моисеева), Государственной Консерватории (И.В. Базылева), Пушкинского Дома (Т.С. Карская).

С докладами также выступали ученые из Минска (Г. Саганович, В. Скалабан, Н. Усова), Гродно (А. Смоленчук, Г. Семенчук), Солигорска (Л. Бойко). Постоянными участниками были исследователи из научных учреждений Варшавы (М. Кондратюк, Ю. Туронак), Krakowa (В. Бабик, И. Петшкевич, Л. Ковель), Катовице (И. Гвездик, З. Янечек, Э. Ружицкий), Белостока (А. Миронович, П. Хомик, Я. Носович, В. Супа), Ольштына (З. Ярошевич-Перяславцев), Стокгольма (А.С. Котлярчук) и Москвы (И.В. Андреев).

Петербургская ассоциация белорусистов совместно с РНБ публикует периодическое издание: “Белорусский сборник. Статьи и материалы по истории и культуре Белоруссии” (Вып. 1. 1998; Вып. 2. 2002).

Тематика статей, включенных в сборники, разнообразна. Этнокультурная и этнополитическая история и современное состояние исторической науки Белоруссии, вопросы генеалогии и источники по истории русско-белорусских экономических связей, памятники старобелорусского книгопечатания в допетровской России и культурные взаимосвязи XIX–XX вв., история церкви и церковных библиотек – таков (далеко не полный) круг проблематики; многие из статей основаны на впервые вводимых в научное обращение источниках из собраний РНБ, других библиотек и архивохранилищ.

Белорусстика является составной частью славяноведения в рамках которого в настоящее время утвердилось два подхода. С одной стороны, сопоставительный, сравнительно-исторический, для которого приоритетным выступает исследование, так сказать, сквозных проблем: славянский этногенез, складывание средневековых славянских этнических общностей, формирование наций и национальных культур, межславянские взаимоотношения, эволюция идей “славянской взаимности” и т.д. С другой – изучается история, культура, языки отдельных народов (страноведческое изучение). Оба эти подхода органически взаимосвязаны, ибо нельзя полноценно изучать отдельные славянские народы вне общеисторического контекста и без учета теоретических разработок. Но и разработка теоретической проблематики без уч-

та результатов конкретных страноведческих исследований может превратиться в спекуляцию. Авторы издания старались избежать обеих опасностей и надеются, что при тех или иных недостатках и невозможности охватить все аспекты истории и культуры Белоруссии предлагаемые работы будут способствовать дальнейшему развитию отечественной белорусистики. Издатели имели в виду и специфический интерес, не очень характерный для академического славяноведения, но важный для библиотечного дела – стимулирование изучения Белоруссии в сфере библиографии, кодикологии, истории книги.

Подготовить второй выпуск сборника было гораздо легче – по крайней мере не надо было раздумывать над обоснованием необходимости издания. Как и в первом, статьи подготовлены в основном по материалам выступлений на конференциях “Санкт-Петербург и белорусская культура” – в основном, но отнюдь не исключительно: редколлегия никогда не отказывалась от публикации только потому, что она не была апробирована в устной форме. Во вступлении к первому выпуску было отмечено, что издателей не смущает определенная пестрота сборника; во втором выпуске она усилена еще более в жанровом отношении, поскольку к четырем рубрикам – “Статьи”, “Публикации”, “Сообщения и заметки”, “Обзоры и рецензии” – добавились две новых. Одна из них, “Библиографические и справочные материалы”, достаточно обычна для уважающего себя научного издания, другая же, вероятно, требует пояснений.

Рубрика “Моя Белоруссия” – это попытка собрать, зафиксировать впечатления о стране и народе самых разных людей. Некоторые из их заметок могут показаться мелкими, случайными, даже тривиальными. Но, во-первых, неважное и обыденное часто по прошествии лет становится существенным; теоретическому источниковедению давно известна та истина, что в памяти лучше всего сохраняются факты экстраординарные, а реалии повседневной жизни, как само собой разумеющиеся, забываются, искажаются, становятся непонятными уже для ближайших поколений. И второе: редколлегия считает предметом, достойным внимания, не только Белоруссию и ее народ в объективном смысле, но и их образ, каким он сложился в человеческом восприятии, со всеми стереотипами и предрассудками. Обыденное сознание сильно воздействует на этнические представления, а те, в свою очередь, на исторические события. Серьезность этой проблематики, на наш взгляд, не подлежит сомнению.

Новинкой для читателя стало и появление в “Белорусском сборнике” статей на польском языке. Такое решение пришло не сразу, несмотря на то, что коллеги из Польши уже давно участво-

вали в петербургских конференциях. Велико было искушение перевести польские тексты и тем обеспечить им больший резонанс в России (да, пожалуй, и в Белоруссии). Все же редколлегия отказалась от этого (снабдив их, правда, русскими аннотациями) – в целях до некоторой степени педагогических: владение польским языком, хотя бы на уровне чтения, представляется непременным условием для претендующих на какой-то вклад в белорусистику или даже делающих первые шаги в этой области. Польский по праву занял место рядом с двумя основными языками “Белорусского сборника”.

В одном из откликов на первый выпуск было предсказано, что изданию “суждена долгая жизнь”². Эти лестные слова более всего следует отнести к очевидной актуальности и востребованности белорусоведческой тематики.

Под эгидой Ассоциации в конце апреля 2003 г. в Петербурге была издана первая со времен деятельности издательства “Заглянене сонца і ў наша ваконца” научная книга на белорусском языке. Это монография археолога Ф.Д. Гуревича “Летапісны Новогородок – старажытнарускі Наваградак”. Книга подытоживает многолетнее археологическое изучение одного из древнейших белорусских городов, первой столицы Великого княжества Литовского. Символично, что книга вышла в 750-летний юбилей крещения и коронации в Новогрудке великого князя Миндовга. Опираясь как на полученные в результате раскопок материалы, так и на анализ летописных сообщений о Новогрудке и Понеманье XII–XIII вв., автор полемизирует с известным белорусским историком Н. Ермоловичем относительно локализации древней (летописной) Литвы.

¹ Пекарский П. История Императорской Академии Наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. I. С.312.

² Беларусі Гістарычны Агляд. 1998. Сш. I. С. 534.

H.B. Николаев

ЦЕНТР СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ БРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА: ПЕРВЫЙ ОПЫТ РАБОТЫ

В 1999 г. в Брянском университете был образован учебно-научный Центр славяноведения. Причинами образования центра стало, во-первых, уникальное положение Брянской области – только она граничит одновременно с Украиной и Белоруссией, являясь тем самым местом активного взаимовлияния культур и языков трех восточнославянских народов. Отдельные части Брянщины в различные периоды входили в состав Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Черниговской губернии Российской империи. Отсюда своеобразная этническая и лингвистическая карта региона, западные части которого находятся под сильным влиянием белорусского и украинского языков.

Во-вторых, созданию Центра способствовали давние традиции славяноведческих исследований в учебном заведении; исторический факультет на протяжении более чем двадцати лет проводит археологические экспедиции на территории Черниговской, Киевской, Сумской областей, сотрудниками факультета издан ряд монографий и статей по истории Украины, Белоруссии, Польши, Чехии, студентами университета выполнялись курсовые и дипломные работы по славяноведческой тематике; на факультете русского языка и литературы, а также на историческом факультете преподается старославянский язык; на естественно-географическом факультете организовывались экспедиции по Украине, его сотрудниками выполнялись исследования по географии славянских стран, в том числе связанные с Чернобыльской проблематикой; на юридическом факультете проводятся исследования по истории высшего юридического образования в Польше и на Украине, а также по истории славянского права. У профессоров и преподавателей Брянского университета установлены тесные связи с Институтом славяноведения РАН (Москва), Киевским и Харьковским университетами, Институтом истории, Институтом археографии и источниковедения и Институтом археологии НАН Украины, Черниговским, Сумским педагогическими университетами, Белорусским (Минск), Гродненским, Гомельским, Могилевским университетами. Институтом истории, Институтом искусствознания, этнографии и фольклористики НАН Белоруссии, Научно-исследовательским институтом документоведения и архивного дела (Минск), Главным управлением по де-

лам архивов Республики Польша, Литературным архивом Музея национальной литературы (Чехия).

Деятельность Центра развернулась по двум направлениям – научному и образовательному. В рамках первого из них началось издание ежегодника “Проблемы славяноведения” (к настоящему времени вышло 4 выпуска общим объемом около 100 п.л.). Среди авторов ежегодника много белорусских и украинских ученых, есть авторы из Польши, Словакии и США. География российских участников также достаточно широка – кроме Брянска это Москва, Санкт-Петербург, Воронеж, Калининград, Смоленск, Орёл, Тверь и другие научные центры. Следует отметить, что статьи могут публиковаться в ежегоднике на языке оригинала (на белорусском, украинском, польском, английском). В декабре 2002 г. в диссертационном совете БГУ была защищена первая кандидатская диссертация по славистической тематике (*Баранова О.В. Российско-украинские договоры в XVII–XVIII веках*).

В рамках образовательного направления в БГУ была введена специальность “регионоведение” в рамках которой изучаются прежде всего страны СНГ, в первую очередь Белоруссия, а также страны Центральной Европы, прежде всего Польша. В настоящее время 28 студентов второго курса учат польский язык, 22 студента первого курса – белорусский язык. Надо заметить, что БГУ является едва ли не единственным вузом в России, где студентов обучают не только чтению, но и активному владению белорусским языком. Кроме языка, студенты знакомятся с культурой, историей, географией, экономикой, литературой и правом соответствующих стран и регионов. Значительную помощь университету оказывают посольства Польши и Белоруссии в России, а также Министерство образования Республики Польша и Белгосуниверситет, передавшие в дар БГУ несколько сотен книг. В 2002 г. студенты отделения проходили языковую стажировку в городе-побратиме Брянска Конине (Польша). В 2003 г. двое студентов едут на месячные курсы польского языка и культуры в Люблин и Ченстохову.

Своего рода подведением первых итогов работы Центра славяноведения явилась межгосударственная научная конференция “Межславянские связи и взаимодействия в Восточной Европе; история, проблемы, перспективы”, проведенная в Брянске 13–14 мая 2003 г. при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. На ней было заслушано более пятидесяти докладов ученых из Москвы, Брянска, Курска, Рязани, Нижнего Новгорода, Курска, Киева, Сум, Чернигова, Минска, Гомеля. Тематика выступлений охватывала период от древности до современности. Так, к.и.н. Г.П. Поляков (Брянский ГУ) осветил проб-

лемы российско-украинско-белорусского пограничья в контексте этнотерриториальной истории Восточной Европы 40-х годов XVII в.; д.и.н. Е.А. Шинаков (Брянский ГУ) привлек внимание слушателей сравнительным анализом взаимодействия славянских государств в момент их складывания и в XX в. Судьбам украинской нации и российско-украинским отношениям были посвящены сообщения д.и.н. Л.Е. Горизонтова (Институт Славяноведения РАН) и к.и.н Т.Ю. и П.Н. Щербань (Сумской ГГТУ); о белорусско-украинских и белорусско-российских отношениях в 20-е годы XX в. говорили соответственно В.М. Лебедева и д.и.н. Г.Г. Лазько (оба – Гомельский ГУ), о советско-польских – д.и.н С.М. Фалькович (Институт Славяноведения РАН). Истории славистики посвятили свои выступления д.и.н. Л.П. Лаптева (МГУ), д.и.н. М.П. Мохначева (РГГУ), д.и.н. И.Г. Воробьева (Тверской ГУ), к.и.н. М.Ю. Досталь (Институт Славяноведения РАН). Доклад д.и.н И.В. Чуркиной (Институт Славяноведения РАН) осветил деятельность словенского просветителя Е. Копитара. Д.и.н. И.В. Верба (Киевский университет им. Т. Шевченко) говорил о переезде украинских историков в Россию в советскую эпоху, а к.и.н. А.М. Дубровский (Брянский ГУ) проанализировал роль славянских идей в идеологии партии большевиков в 20–40-е годы XX в. В выступлениях к.и.н. М.Ф. Шумейко (БелГУ) и д.и.н. И.Б. Матяш (Украинский НИИ архивного дела и документоведения) характеризовались различные стороны межславянского сотрудничества в области архивного дела, а доклад к.ф.н. А.К. Кавко (ИМЛИ РАН) – становление белорусского национального самосознания в XIX в. Участники конференции высказали пожелание сделать подобные форумы регулярными.

С.И. Михальченко

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В ежегоднике “Белоруссия и Украина: история и культура” за 2003 год не было отмечено, что ряд рецензий и рецензионных обзоров (авторы – Е.Ю. Борисенок, Е.А. Верниковская и Л.Е. Горизонтов) подготовлены в рамках программы фундаментальных исследований ОИФН РАН “История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте”, проект № 10002-251/ОИФМ-01/242-239/110703-1047.

СОДЕРЖАНИЕ

К 350-ЛЕТИЮ ПЕРЕЯСЛАВСКОЙ РАДЫ

Б.Н. Флоря

Переяславская рада 1654 г. и ее место в истории Украины 5

О.В. Баранова (Брянск)

Договоры Войска Запорожского с Россией и практика взаимоотношений сторон во второй половине 50-х – 70-е годы XVII века 40

П. Бушкович (США)

Россия и Украинское гетманство в 1653–1725 годах 67

А.И. Папков (Белгород)

Гетман Яков Остряний в Речи Посполитой и в России 93

ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ УКРАИНСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ НАЦИЙ (Первая треть XX в.)

Круглый стол 122

СТАТЬИ

А.Л. Хорошкевич

К дипломатическому анализу документов Литовской метрики (на материалах шестой книги записей) 207

О.А. Остапчук

Язык и идентичность в ситуации полилингвизма: Правобережная Украина в первой трети XIX в. 227

M. Von Hagen (USA)

“I love Russia, and/but I want Ukraine,” or how a Russian general became hetman of the Ukrainian State, 1917–1918 253

С.М. Токты (Белоруссия)

Динамика этнического самосознания крестьянского населения Западной Белоруссии в 1920–1930-х годах 285

Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова

Греко-католическая церковь и украинский сепаратизм в период второй мировой войны (Восточноевропейский регион) 305

В.Н. Якунин (Самара)

Православная церковь в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны 328

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

- Л.П. Лаптева*
Письма Я.Ф. Головацкого (1814–1888) чешскому ученому А. Патере 353

РЕЦЕНЗИИ И РЕЦЕНЗИОННЫЕ ОБЗОРЫ

А.Л. Хорошкевич

- Заметки историка об архивном описании: Руська (Волинська) метрика. Регести документів Коронної канцелярії для українських земель (Волинське, Київське, Брацлавське, Чернігівське воеводства) 1569–1673 / Предмова Патриції Кеннеді Грімстед. Київ, 2002. 983 с..... 379

Ю.А. Лабынцев, Л.Л. Щавинская

- Handbuch der Geschichte Weißrußlands / Hrsg. von D. Beyrau und R. Lindner Göttingen, 2001. 543 S.

- Справочная книга по истории Белоруссии / Под ред. Д. Байрау и Р. Линднера. Гётtingен, 2001. 543 с..... 390

С.С. Лукашова

- “История русов” в современных украинских исследованиях 398

НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Н.В. Николаев (Санкт-Петербург)

- Белорусистика в Санкт-Петербурге 413

С.И. Михальченко (Брянск)

- Центр славяноведения Брянского государственного университета: первый опыт работы..... 418

- От редактора 421

Научное издание

**БЕЛОРУССИЯ
И
УКРАИНА**

*История
и культура*

*Ежегодник
2004*

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института славяноведения
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*

Редактор *В.Н. Токмаков*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор *Т.В. Болотина*

Технический редактор *О.В. Аредова*

Корректоры *А.Б. Васильев, Е.Л. Сысоева*

Подписано к печати 28.01.2005

Формат 60 × 90¹/₁₆. Гарнитура Таймс

Печать офсетная

Усл.печ.л. 26,5. Усл.кр.-отт. 26,5. Уч.-изд.л. 28,0

Тираж 1000 экз. Тип. зак. 3871

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru

Internet: www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Белоруссия и Украина

2004